

КОРНЕЛИЯ
ФУНКЕ

ЧЕРНИЛЬНАЯ
КРОВЬ

Annotation

Чем больше времени проходит с тех пор, как была перевернута последняя страница книги «Чернильное сердце», тем сильнее желание Мегги проникнуть в мир под ее обложкой. Там провела долгие годы мама девочки, туда страстно мечтает вернуться Сажерук. В этом мире оказался и сам его создатель — поэт Фенолио. Когда же Мегги, ее друзья и ее враги встречаются наконец в Чернильном мире, история неожиданно начинает развиваться не по тем законам, которые придумал для нее автор. Зловещая угроза нависла над всеми персонажами книги. Удастся ли Фенолио, Мегги и ее отцу помочь обитателям этого мира, сотканного из слов?

- [Корнелия Функе](#)
 -
 -
 - [КТО ЕСТЬ КТО?](#)
 - [«ЧЕРНИЛЬНОЕ СЕРДЦЕ»](#)
 - [«ЧЕРНИЛЬНАЯ КРОВЬ»](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)

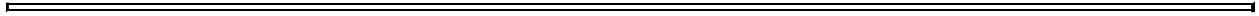
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)

- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)

Корнелия Функе

ЧЕРНИЛЬНАЯ КРОВЬ

Брендану Фразеру, чей голос — сердце этой книги. Благодарю тебя за вдохновение и волшебство. Без тебя Мо никогда не переступил бы порога моего кабинета, и эта история осталась бы нерассказанной.

Райнеру Штрекеру, Волшебному Языку и Сажеруку в одном лице. Каждое слово в этой книге с нетерпением ждет мига, когда попадется ему на глаза.

Наконец, но уж точно не в последнюю очередь, как всегда, — Анне, замечательной и прекрасной Анне, которая столько прогулок подряд слушала эту историю, ободряла меня и помогала понять, что в ней хорошо, а над чем нужно еще поработать (надеюсь, теперь истории Мегги и Фарида уделено достаточно внимания).

Если бы я знал, откуда приходят стихи, я сам бы туда отправился.

Майкл Лонгли

КТО ЕСТЬ КТО?

«ЧЕРНИЛЬНОЕ СЕРДЦЕ»

Мегги

Дочь Мо и Резы. Как и ее отец, обладает способностью, читая книгу вслух, оживлять персонажей, вычитывать их в наш мир. Мегги с родителями живет теперь у Элино, тетки своей матери. После того, что произошло с Мегги в деревне Каприкорна, у нее появилось одно желание: научиться писать, как Фенолио, автор «Чернильного сердца», чтобы не только вычитывать персонажей из книг, но и уметь отправлять их обратно.

Мортимер Фолхарт, он же Мо и Волшебный Язык

Переплетчик, «книжный врач», как называет его дочь. По словам Мегги, он умеет «голосом рисовать в воздухе картины». Мо вычитал Каприкорна, Басту и Сажерука из книги, рассказывавшей о них. Ему пришлось пережить, что его жена Реза исчезла в этой же книге. С тех пор он избегает читать вслух.

Реза (Тереза)

Жена Мо, мать Мегги и любимая племянница Элино. Провела несколько лет в Чернильном мире. Дариус вычитал ее обратно, но при этом она лишилась голоса. Потом много лет была служанкой у Мортолы и Каприкорна. Познакомилась там с Сажеруком и научила его читать и писать. Реза рассказывает Мегги о своей жизни по ту сторону книжных страниц, записывая воспоминания на бумаге.

Элино Лоредан

Тетка Резы, двоюродная бабушка Мегги, собирательница книг по прозвищу Книгожорка. Многие годы Элино предпочитала проводить время с книгами, а не с людьми. Однако теперь в ее доме живут не только Мегги, Мо и Реза, но и чтец Дариус, а также целая толпа фей, кобольдов и стеклянных человечков.

Дариус

Бывший чтец Каприкорна, которого Баста называет Запинающийся Язык. От вечного страха, который испытывал Дариус, когда его принуждали читать, персонажи появлялись у него искалеченными (например, Реза в нашем мире стала немой). Сейчас он помогает Элино

содержать в порядке ее собрание книг.

Фенолио

Поэт, писатель; он написал ту книгу, вокруг которой все вертится, — «Чернильное сердце» — и выдумал мир, где происходит ее действие, — Чернильный мир. Баста, Сажерук и Каприкорн — персонажи этой книги. Слова, которыми Мо убил Каприкорна, а Мегги вычитала Призрака, также были написаны Фенолио. За это автор исчез в ту же ночь в своей собственной книге.

Сажерук

Его называют также Огненным Танцором. Не по своей воле он прожил десять лет в нашем мире, куда вычитал его Мо. На лице у него три длинных шрама, оставленных ножом Басты. Сажерук ходит повсюду со своей ручной куницей по имени Гвин. В конце «Чернильного сердца» Сажерук крадет у Мо книгу, из которой он родом и в которую отчаянно пытается вернуться. Ради этого он даже связывается со своим старым врагом — Каприкорном и предает Мо и Мегги. Кроме того, он долгие годы скрывал от Мо, где находится его исчезнувшая жена, и ни слова не сказал Резе о Мегги и Мо — в отместку за то, чего лишил его голос Мо (а еще, может быть, потому, что был влюблен в Резу).

Гвин

Куница с рожками, неразлучная с Сажеруком. По замыслу Фенолио, должна была сыграть дурную роль: в первоначальном варианте «Чернильного сердца» Сажерук погибал, пытаясь спасти Гвина от людей Каприкорна.

Фарид

Мо случайно вычитал этого арабского мальчика из сказок «Тысячи и одной ночи». Фарид — мастер подкрадываться, воровать, высматривать, связывать по рукам и ногам и все такое прочее. В то же время он способный и бесконечно преданный ученик Сажерука.

Каприкорн

Главарь банды поджигателей и шантажистов. Мо вычитал его из «Чернильного сердца». Почти десять лет Каприкорн охотился за чтецом, чтобы воспользоваться его искусством для приумножения своих богатств и власти. Кроме того, он пытался уничтожить все экземпляры книги «Чернильное сердце», чтобы никакой чтец не мог в будущем отправить его обратно в Чернильный мир. Поэтому он захватил в плен Мегги и заставил ее вычитать в наш мир Призрака, своего старого слугу-убийцу. Каприкорна в конце концов убивают с помощью Призрака, слов Фенолио и голоса Мо.

Мортола

По прозвищу Сорока. Мать Каприкорна, отравительница и на протяжении многих лет хозяйка Резы, матери Мегги. Сын выдает ее за свою экономку, стесняясь ее (и своего) низкого происхождения. Но Мортала умнее и, к сожалению, зловреднее, чем многие высокородные злодеи в этой истории. Она стремится отомстить Мо за сына и надеется, что Каприкорн ждет ее, живой и невредимый, в Чернильном мире.

Баста

Один из самых преданных помощников Каприкорна. Крайне суеверен. Обожает свой нож, с которым не расстается ни на минуту. Когда-то Баста искромсал ножом лицо Сажеруку. Каприкорн собирался отдать его на съедение Призраку за то, что он упустил Сажерука, сидевшего у Каприкорна в заточении. Но гибель хозяина спасла Басту. Не погубили его и новые слова Фенолио, унесшие жизнь многих молодчиков Каприкорна, — может быть, потому, что он был в тот момент узником своего хозяина, а может быть, и потому (как сам он думает), что он так нужен своей истории, что она не хочет его отпускать.

«ЧЕРНИЛЬНАЯ КРОВЬ»

К ним добавляются во второй части...

Из нашего мира

Орфей

Поэт и чтец, которого отыскал в нашем мире Сажерук. Фарид называет его Сырная Голова. В детстве «Чернильное сердце» была любимой книгой Орфея, теперь он мечтает не только вычитывать персонажей, но и создавать новых.

Сахарок

Он же Верзила. Служит Мортоле, а затем Орфею.

Из Чернильного мира

Пестрый Народ

Бродячие комедианты, среди которых некогда жил Сажерук. Пестрый Народ странствует по владениям Жирного Герцога и Змееглава — двум княжествам Чернильного мира.

Черный Принц

Метатель ножей, король комедиантов, защитник бедняков, лучший друг Сажерука. Всюду за ним неотлучно следует его преданный черный медведь.

Небесный Плясун

Бывший канатоходец, а теперь гонец. Друг Сажерука.

Коптемаз

Неумелый огнеглотатель.

Баптиста

Актер, изготовитель масок; лицо у него изуродовано оспой.

Силач

Комедиант, который может гнуть подковы и поднять зараз нескольких взрослых мужчин.

В Непроходимой Чаще

Синие феи

По ним тосковал Сажерук все годы, которые ему пришлось провести в нашем мире.

Огненные эльфы

Делают мед, с помощью которого можно выучиться языку огня.

Белые Женщины

Служительницы смерти.

Перепел

Легендарный разбойник, придуманный Фенолио, который наподобие Робин Гуда досаждал власть имущим и помогает простому народу.

В Омбре

Минерва

Квартирная хозяйка Фенолио.

Деспина

Дочь Минервы.

Иво

Сын Минервы.

Розенкварц

Стеклянный человечек и терпеливый помощник Фенолио.

В замке Омбры

Жирный Герцог

Владыка замка и города Омбры. После гибели сына получил прозвище Герцог Вздохов.

Козимо

По прозвищу Прекрасный, погибший сын Жирного Герцога.

Виоланта

По прозвищу Уродина. Дочь Змееглава и вдова Козимо Прекрасного.

Якопо

Сын Козимо и Виоланты.

Бальбулус

Миниатюрист. Виоланта привезла его в Омбру в качестве «приданого».

Брианна

Служанка Виоланты. Дочь Сажерука и Роксаны.

<i>В усадьбе Роксаны</i>

Роксана

Жена Сажерука. Красавица, бывшая комедиантка, оставившая кочевую жизнь. Выращивает целебные травы.

Йехан

Сын Роксаны от второго, ныне покойного, мужа.

Пролаза

Еще одна куница с рожками.

<i>В тайном лагере</i>

Двупалый

Комедиант, искусный флейтист, хотя на одной руке у него всего два пальца.

Бенедикта

Почти слепая комедиантка.

Крапива

Искусная целительница.

<i>На постоялом дворе в Непроходимой Чаще</i>
--

Хозяин

Известен плохой стряпней и тем, что шпионит на Змееглава.

Кикимора

Целительница.

На Мышиной мельнице

Мельник

Сменивший того мельника, который был противником Змееглава.

Сын мельника

Бледный от страха. Интересно почему?

В богадельне

Хитромысл

Цирюльник. Заботился о Сажеруке, когда тот был еще ребенком.

Белла

Старая лекарка; знает Сажерука почти так же давно, как и Хитромысл.

Карла

Девушка, прислуживающая в богадельне.

Во Дворце Ночи

Змееглав

По прозвищу Серебряный Герцог. Самый жестокий правитель во всем Чернильном мире.

Пятая жена Змееглава

Уже родила Змееглаву двух дочерей. Снова беременна. На этот раз Змееглав надеется на сына.

Мясник

Один из молодчиков Каприкорна. Теперь работает на Змееглава.

Свистун

По прозвищу Среброносый. Бывший шпильман Каприкорна. Теперь поет свои мрачные песни для Змееглава.

Огненный Лис

Преемник Каприкорна, ставший герольдом у Змееглава.

Таддео

Библиотекарь Дворца Ночи.

В Барсучьей норе

Хват

Разбойник, приверженец Черного Принца.

СЛОВА, СКРОЕННЫЕ ПО МЕРКЕ

*Строка за строкой,
Моя собственная пустыня.
Строка за строкой,
Мой рай.*

Мария Луиза Кашниц. Стихотворение

Уже смеркалось, а Орфея все не было.

У Фарида лихорадочно билось сердце, как всегда, когда день, уходя, оставлял его наедине с темнотой. Черт бы побрал Сырную Голову! Где его только носит? Птичий гомон в кронах деревьев уже смолк, словно придушенный подступающей темнотой, а ближние горы окрасились черным, будто солнце, садясь, опалило им макушки. Скоро весь мир станет черным, как вороново крыло, даже трава под босыми ногами Фарида, и тогда духи поднимут свой шепот. Лишь в одном месте Фарид чувствовал себя от них в безопасности: за спиной у Сажерука, так близко, чтобы ощущать тепло его тела. Сажерук темноты не боялся, он даже любил ее.

— Ты что, опять их слышишь? — спрашивал он, когда Фарид прижимался к нему. — Сколько раз тебе говорить? В этом мире нет духов. Это одно из немногих его преимуществ.

Сажерук стоял, прислонившись к стволу дерева, и смотрел на поднимающуюся вверх по склону пустынную дорогу. Выше фонарь светил на растрескавшийся асфальт, там, где к подножию темных гор лепились дома — десяток, не больше, — тесно прижавшись друг к другу, как будто и они боялись ночи не меньше, чем Фарид. Сырная Голова жил в первом доме по дороге. В окне горел свет. Сажерук уже больше часа неотрывно

смотрел на этот огонек. Фарид пытался стоять так же неподвижно, но руки и ноги просто отказывались ему повиноваться.

— Пойду посмотрю, куда он запропастился, — сказал Фарид.

— Никуда ты не пойдешь.

Лицо Сажерука было бесстрастным, как всегда, но его выдавал голос. В нем Фариду слышалось нетерпение... и надежда, ни за что не желавшая умирать, хотя уже столько раз обманывалась.

— Ты уверен, что он сказал «в пятницу»?

— Да! Сегодня ведь пятница, верно?

Сажерук молча кивнул и откинул с лица длинные волосы. Фарид тоже пытался отрастить волосы до плеч, но они так упрямо курчавились и лезли во все стороны, что в конце концов он просто отрезал торчавшие пряди ножом.

— Он сказал: «В пятницу, ниже деревни, в четыре часа», а его пес в это время рычал на меня так, будто больше всего на свете ему хочется закусить свеженьким смуглым мальчиком!

Ветер забирался под тонкий свитер Фариды, и мальчик зябко потирал руки. Костер, горячий, потрескивающий, — вот чего ему сейчас не хватает, но при таком ветре Сажерук не позволит зажечь даже спичку. Четыре часа... Фарид тихо чертыхнулся и поглядел на небо. Он и без часов знал, что сейчас намного позже.

— Я тебе говорю, он нарочно заставляет нас ждать, этот надутый дурак!

Тонкие губы Сажерука скривились в улыбку. В последнее время он все чаще улыбался словам Фариды. Может быть, поэтому он и обещал взять мальчика с собой, если Сырная Голова и вправду отправит его назад. Назад в его мир, созданный из бумаги, типографской краски и слов старика.

«Вот еще! — думал Фарид. — С чего бы этот Орфей сумел сделать то, что не удалось всем остальным? Столько людей пыталось... Заика, Златоглаз, Вороний Язык... обманщики, забиравшие наши деньги...»

Свет в окне Орфея погас. Сажерук резко выпрямился. Хлопнула дверь. В темноте слышались шаги, поспешные, неровные. И наконец в свете одинокого фонаря перед ними возник Орфей — Сырная Голова, как называл его про себя Фарид за бледную кожу и за то, что он потел на солнце, как кусок сыра. Тяжело дыша, он спускался по крутому склону, а рядом с ним бежал его адский пес, уродливый, как гиена. Увидев на обочине Сажерука, Орфей остановился и помахал ему, широко улыбаясь.

Фарид схватил Сажерука за локоть и шепнул:

— Ты только посмотри на эту глупую ухмылку! Лживая, как

цыганское золото! Как ты можешь ему верить!

— Кто тебе сказал, что я ему верю? Что с тобой? Ты весь извертелся. Может быть, ты хочешь остаться здесь? Автомобили, движущиеся картинки, музыка из ящика, свет, разгоняющий ночь... — Сажерук поднялся на бортик, окаймлявший край дороги. — Тебе ведь все это нравится. Тебе будет скучно там, куда я хочу попасть.

О чем он говорит? Как будто не знает доподлинно, что у Фарида есть только одно желание: быть с ним. Мальчик хотел ответить что-то сердитое, но тут раздался треск, словно ветка хрустнула под сапогом. Фарид вздрогнул.

Сажерук тоже слышал этот треск. Он замер и прислушался. Но между деревьев ничего не было видно, только ветки шевелились от ветра и ночная бабочка, бледная, как призрак, порхнула Фариду в лицо.

— Извините! Я припозднился! — крикнул Орфей.

Фарид все никак не мог привыкнуть, что этот голос выходит из этого рта. В нескольких деревнях подряд им рассказывали о чудесном чтеце, и Сажерук сразу отправился на поиски, но только неделю назад им удалось отыскать Орфея в одной библиотеке, где он читал вслух сказки кучке детей, из которых, кажется, ни один не заметил гнома, вдруг вынырнувшего из-за полки с растрепанными книжками. Но Сажерук его видел. Он подстерег Орфея, уже садившегося в свою машину, и показал ему наконец книгу, которую Фарид проклинал чаще, чем что бы то ни было.

— Да, эту книгу я знаю, — тихо сказал Орфей. — И тебя, — добавил он почти торжественно и поглядел на Сажерука, словно хотел взглядом свести шрамы с его лица, — тебя я тоже знаю. Ты — лучшее, что там есть. Сажерук! Огненный жонглер! И кто только вычитал тебя сюда, в эту печальнейшую из всех историй? Молчи, ни слова! Ты хочешь вернуться, правда, но не можешь отыскать дверь, дверь между букв? Ничего, я могу прорубить тебе новую, из скроенных по мерке слов! За сходную цену — если ты действительно тот, за кого я тебя принимаю!

Сходная цена! Куда там. Им пришлось пообещать ему почти все, что у них было, да вдобавок еще ждать его много часов в этой забытой богом дыре, на ветру, в вечерней тьме, пахнувшей призраками.

— А куница с тобой? — Орфей направил фонарик на рюкзак Сажерука. — Мой пес его не любит, знаешь.

— Нет, он как раз отправился искать себе пропитание. — Взгляд Сажерука перешел на книгу, которую Орфей держал под мышкой. — Ну как? Ты... справился?

— Конечно!

Адский пес оскалил зубы и уставился на Фарида.

— Слова сперва немного упрямились. Может быть, потому что я слишком нервничал. Я ведь говорил тебе при первой нашей встрече: эта книга, — Орфей провел пальцами по корешку, — была любимой моей книгой в детстве. В последний раз я ее видел, когда мне было одиннадцать лет. Ее украли из маленькой библиотеки, где я ее столько раз брал. У меня самого, к сожалению, на воровство смелости не хватило, но книгу эту я никогда не забывал. Она впервые научила меня тому, как легко с помощью слов уйти от этого мира. И найти между страниц друзей — чудесных друзей. Таких друзей, как ты, огненный жонглер, и великанов, и фей! Знаешь, как горько я плакал, читая о твоей смерти? Но ты жив, и все будет хорошо! Ты расскажешь историю заново...

— Я? — перебил Сажерук с насмешливой улыбкой. — Нет уж, этим, поверь, займутся другие...

— Ну, может быть. — Орфей откашлялся, похоже, смутившись, что так откровенно выказал свои чувства. — Как бы то ни было, досадно, что я не могу пойти с тобой.

Своей странно неуклюжей походкой он двинулся к каменной придорожной ограде.

— Тот, кто читает, остается здесь — это железное правило. Чего только я ни делал, чтобы самому проскользнуть в какую-нибудь книжку, — нет, это невозможно.

Он со вздохом остановился, сунул руку под плохо сидящую куртку и достал лист бумаги.

— Вот то, что ты заказывал, — сказал он Сажеруку. — Замечательные слова, специально для тебя, тропа из слов, которая прямо отведет тебя на место. На, читай!

Поколебавшись, Сажерук взял листок, испещренный изящными наклонными буквами, переплетающимися, как нити вышивки. Сажерук водил пальцем по строчкам, как будто указывая своим глазам на каждую букву, а Орфей смотрел на него, словно ученик, ожидающий оценки.

Когда Сажерук наконец снова поднял голову, голос его звучал удивленно:

— А ты отлично пишешь! Чудесные слова...

Сырная Голова покраснел так, словно ему в лицо плеснули клюквенным соком.

— Я рад, что тебе нравится!

— Да, мне очень нравится. Все точно так, как я тебе описал, только звучит немного лучше.

Со смущенной улыбкой Орфей забрал листок у Сажерука.

— Не могу обещать, что время суток будет то же, — сказал он тихо. — Законы моего искусства постичь трудно, но поверь, больше меня о них никто не знает. Например, чтобы изменить или продолжить книгу, нужно использовать только те слова, которые в ней уже встречаются. При слишком большой примеси чужих слов ничего не получается или получается совсем не то, чего хотели! Вероятно, если бы сам автор...

— Ради всех фей на свете! Слов в тебе, конечно, больше, чем в целой библиотеке, — нетерпеливо перебил Сажерук. — Может быть, ты просто начнешь читать?

Орфей резко замолчал, проглотив остаток фразы.

— Конечно. — Теперь в его голосе звучала легкая обида. — Вот увидишь. С моей помощью книга примет тебя с распростертыми объятиями, как блудного сына. Она впитает тебя, как бумага — чернила.

Сажерук молча кивнул и посмотрел вверх на пустую дорогу. Фарид чувствовал, как хочется ему верить Сырной Голове — и как боится он нового разочарования.

— А как же я? — Фарид встал рядом с ним. — Обо мне он тоже написал? Ты проверил?

Орфей бросил на мальчика не слишком доброжелательный взгляд.

— Ах ты боже мой! — насмешливо сказал он Сажеруку. — Мальчишка, похоже, действительно к тебе привязан. Где ты его подцепил? На краю дороги?

— Фарида вытащил из его истории тот же человек, который и мне этим удружил, — ответил Сажерук.

— Этот... Волшебный Язык? — Орфей произнес это прозвище с такой иронией, будто не верил, что кто-то может его заслуживать.

— Да. Так его зовут. А ты откуда знаешь? — Сажерук не мог скрыть удивления.

Адский пес обнюхивал босые ноги Фарида. Орфей пожал плечами:

— Рано или поздно узнаешь о каждом, кто способен вдохнуть жизнь в буквы.

— В самом деле?

В голосе Сажерука слышалось недоверие, но от дальнейших вопросов он воздержался. Он неотрывно смотрел на листок, исписанный изящным почерком Орфея.

Сырная Голова не спускал глаз с Фарида.

— Из какой книги ты родом? — спросил он. — И почему ты хочешь вернуться не в свою собственную историю, а в его, где тебе совершенно

нечего делать?

— Тебе-то что? — буркнул Фарид.

Сырная Голова нравился ему все меньше. Больно уж он любопытен и, безусловно, чересчур сообразителен.

Но Сажерук лишь тихо рассмеялся:

— Его собственная история? Нет, вот уж туда Фарид совсем не стремится. Мальчишка меняет истории, как змея — кожу.

Фариду показалось, что он сказал это чуть ли не с восхищением.

— Ах вот как?

Орфей снова смерил Фариду таким высокомерным взглядом, что мальчику больше всего хотелось пнуть его под толстые колени — но рядом с ним таращился голодными глазами адский пес.

— Ну ладно, — сказал Орфей, присаживаясь на каменную ограду. — Но я все же должен тебя предупредить. Вчитать тебя обратно мне ничего не стоит, но мальчишке совершенно нечего делать в этой истории. Я даже не могу назвать его по имени. Ты сам видел — речь там идет просто о мальчике, и я не могу гарантировать, что все получится. Но даже если получится, от него там, вероятно, будут одни неприятности. Он даже может навлечь на тебя несчастье!

О чем толкует этот чертов тип? Фарид посмотрел на Сажерука. «Пожалуйста! — думал он. — Ну пожалуйста! Не слушай его! Возьми меня с собой!»

Сажерук поймал его взгляд и улыбнулся.

— Несчастье? — По его тону слышно было, что это слово ему разъяснять не надо. — Чушь! Мальчик приносит мне счастье. Кроме того, он неплохо выучился глотать огонь. Я возьму его с собой. И еще вот это.

Прежде чем Орфей успел понять, о чем речь, Сажерук схватил книгу, которую Сырная Голова положил рядом с собой на ограду.

— Тебе ведь она больше не нужна, а я буду спать куда спокойнее, если книга будет у меня.

— Но... — Орфей подавленно посмотрел на него. — Я ведь тебе говорил, это моя любимая книга. Мне очень хочется оставить ее у себя.

— Мне тоже, — коротко возразил Сажерук и протянул книгу Фариду. — На! И держи крепче.

Фарид прижал книгу к груди и кивнул.

— Гвин, — сказал он. — Надо позвать Гвина.

Но когда он полез в карман за хлебной коркой, собираясь позвать кунцу, Сажерук зажал ему рот рукой:

— Гвин останется здесь!

Скажи он, что хочет оставить здесь свою правую руку, Фарид удивился бы меньше.

— Ну что ты так вытаращился? Мы поймаем себе там другую куницу, не такую кусачую.

— Ну хоть в этом ты ведешь себя благоразумно, — сказал Орфей.

О чем он говорит?

Но Сажерук не ответил на вопросительный взгляд Фариды.

— А теперь начинай наконец читать, — резко бросил он Орфею. — Или мы собираемся торчать тут до рассвета?

Орфей с минуту смотрел на него, словно хотел сказать еще что-то. Потом откашлялся:

— Да. Да, ты прав. Десять лет в чужой истории — это много. Будем читать.

Слова наполнили ночь, как запах невидимых цветов.

Слова, скроенные точно по мерке, слова, взятые из книги, которую крепко держал Фарид, скрепленные бледными руками Орфея в новые фразы. Они рассказывали о другом мире, полном чудес и ужасов. И Фарид, заслушавшись, забыл о времени. Он не ощущал больше его течения. На свете был только голос Орфея, звучащий из совсем не подходящего к нему рта. И от звуков этого голоса все исчезло — разбитая дорога и бедные домишки вдоль нее, фонарь, ограда, на которой сидел Орфей, и даже луна между черных деревьев. И воздух вдруг наполнился незнакомым сладким ароматом.

«Он умеет, он правда умеет», — думал Фарид, а голос Орфея делал его слепым и глухим ко всему на свете, что не состоит из букв. Когда Сырная Голова вдруг замолчал, мальчик растерянно оглянулся, не сразу стряхивая с себя чары слов. Но почему дома и ржавый от дождя и ветра фонарь по-прежнему здесь? И Орфей был здесь со своим адским псом.

Не хватало только одного. Сажерука.

А Фарид по-прежнему стоял на той же пустынной дороге. Не в том мире.

ЦЫГАНСКОЕ ЗОЛОТО

Им сделалось ясно, что этот негодяй Джо продал душу дьяволу, а с дьяволом шутки плохи: только сунься в его дела — и сгинешь на веки веков.

Марк Твен. Приключения Тома Сойера^[1]

— Нет! — Фарид слышал ужас в собственном голосе. — Нет! Что ты наделал? Где он?

Орфей не спеша поднялся с ограды, держа в руке проклятый листок, и улыбнулся:

— Дома. Где же еще?

— А я? Как же я? Читай дальше! Ну читай же!

Все исчезло за пеленой слез.

Он был один, совсем один, как раньше, пока не встретил Сажерука. Фарида стала бить дрожь, до того сильная, что он даже не заметил, как Орфей вытянул у него из рук книгу.

— И вот новое доказательство, — услышал мальчик его бормотание. — Я не зря ношу свое имя. Я — властелин любых слов, и написанных, и произнесенных. Никто не может со мной сравниться.

— Властелин? О чем ты говоришь! — Фарид кричал так, что даже адский пес пригнул голову. — Если ты хоть что-нибудь смыслишь в своем ремесле, почему я еще здесь? Читай все сначала, живо! А книгу мне отдай!

Он потянулся за ней, но Орфей увернулся с неожиданной ловкостью.

— Книгу? С чего бы я стал ее тебе отдавать? Ты ведь небось и читать-то не умеешь! Должен тебе кое в чем признаться. Если бы я хотел отправить тебя с ним, ты был бы уже там, но тебе нечего делать в его истории, поэтому фразы о тебе я просто не стал читать. Понял? А теперь

мотай отсюда, пока я не натравил на тебя своего пса. Мальчишки вроде тебя бросали в него камни, когда он был щенком, и с тех пор он гоняет таких с большой охотой!

— Ах ты сукин сын! Лжец! Обманщик! — Голос Фарида сорвался.

Ведь он знал! Ведь он говорил Сажеруку! Сырная Голова был фальшивый насквозь, как цыганское золото. Что-то пушистое, круглоносое, с рожками между ушей протиснулось между его ногами. Куница. «Гвин, он ушел! — подумал Фарид. — Сажерук ушел. Мы его больше никогда не увидим!»

Адский пес пригнул неуклюжую голову и неуверенно шагнул к кунице, но Гвин оскалил острые, как иглы, зубы, и огромный пес удивленно убрал нос.

Его страх придал Фариду храбрости.

— Давай сюда, живо! — Он уперся Орфею в грудь тощим кулаком. — И книгу, и листок! Или я тебя сейчас на куски разрежу, честное слово!

Невольное рыдание сделало угрозу менее убедительной, чем хотелось мальчику.

Орфей погладил по голове своего пса и сунул книгу за пояс.

— Как мы испугались, а, Цербер?

Гвин прижался к ногам Фарида, тревожно поводя хвостом. Фарид думал, что это он из-за собаки, он продолжал так думать, когда куница метнулась на дорогу и исчезла среди деревьев на другой стороне. «Слепая, глухая тетеря! — часто повторял он себе потом. — У тебя ни глаз, ни ушей, Фарид».

Орфей улыбался как человек, знающий больше, чем его собеседник.

— Видишь ли, мой юный друг, — сказал он, — я и вправду до смерти испугался, когда Сажерук потребовал книгу обратно. К счастью, он отдал ее тебе, а то бы я ничего не смог для него сделать. Я и так с трудом уговорил своих заказчиков не убивать его, однако они вынуждены были пообещать мне его жизнь. Только при этом условии я согласился послужить приманкой... Приманкой для книги, потому что в ней все дело, если ты этого до сих пор не понял. Дело только в книге и больше ни в чем. Да, они пообещали мне, что волос не упадет с головы Сажерука, но вот о тебе, к сожалению, мы не договаривались.

Прежде чем до Фарида дошло, о чем толкует Сырная Голова, он почувствовал у горла нож — острый, как осока, и холодный, как туман в лесу.

— Какая встреча! — зарокотал ему в ухо незабываемый голос. — Последний раз я тебя, кажется, видел у Волшебного Языка? И все же ты,

говорят, помог Сажеруку украсть у него книгу? До чего милый мальчик!

Нож врезался Фариду в кожу, и в лицо ему пахнуло мятным дыханием. Нож и листики мяты — ни с тем, ни с другим Баста не расставался. Он жевал листья, а потом выплевывал остатки тебе под ноги. Он был опасен, как бешеная собака, и не слишком умен. Но как он сюда попал? Как он их нашел?

— Ну, как тебе мой новый ножик? — прошипел он в ухо Фариду. — Я бы с удовольствием продемонстрировал его и нашему Огнеглоту, но Орфей питает к нему слабость. Ну и пусть, до Сажерука я еще доберусь. До него, до Волшебного Языка и его ведьмы-дочки. Они мне за все заплатят...

— За что? — выдохнул Фарид. — За то, что спасли тебя от Призрака?

Но Баста только плотнее прижал нож к его горлу.

— Спасли? Они принесли мне несчастье — одно несчастье!

— Убери ты свой нож, бога ради. — В голосе Орфея звучало отвращение. — Это просто мальчишка. Отпусти его. Книга у меня, как договорились, так что...

— Отпустить? — Баста рассмеялся, но смех застрял у него в горле.

Позади них в лесу раздалось фыркание, от которого адский пес прижал уши. Баста вздрогнул.

— Что за черт? Идиот проклятый! Что ты там еще выпустил из книги?

Фарида это не интересовало. Он только почувствовал, что Баста на мгновение ослабил хватку. Этого было достаточно. Он с такой силой впился ему в руку зубами, что почувствовал на языке вкус крови.

Баста вскрикнул и выронил нож.

Фарид вырвался, толкнул его в грудь и бросился бежать. Он совсем забыл о придорожной ограде. Налетев на нее, мальчик упал так, что у него перехватило дух. С трудом поднимаясь, он заметил на асфальте бумагу, тот самый листок, что отправил Сажерука домой. Его, видимо, отнесло на дорогу ветром. Фарид проворно схватил листок. «Поэтому фразы о тебе я просто не стал читать. Понял?» — прозвучал в его мозгу насмешливый голос Орфея. Фарид прижал листок к груди и помчался дальше, через дорогу, к деревьям, темневшим по ту сторону. Где-то позади рычал и лаял адский пес, потом раздался вой. Орфей вскрикнул, от страха его голос звучал пронзительно и совсем некрасиво. Баста громко выругался, а потом снова послышалось фыркание — так фыркали большие кошки, водившиеся в старом мире Фарида.

«Не оборачиваться! — думал он. — Бегите, ну бегите же! — велел он своим ногам. — Пусть кошка сожрет адского пса, пусть она сожрет их всех, Басту и Сырную Голову заодно, а вы бегите!»

Опавшие листья между деревьями промокли от дождя и приглушали шаги, зато они были скользкими, и он не удержался на ногах и покатился вниз по крутому склону. Ему удалось зацепиться за дерево. Весь дрожа, Фарид отчаянно вцепился в ствол и стал вслушиваться в темноту. Что, если Баста слышит его тяжелое дыхание?

У него вдруг вырвался всхлип. Он прижал руки ко рту. Книга, книга осталась у Басты! Разве ему не поручено было держать ее крепче! И как же он теперь отыщет Сажерука? Фарид разгладил исписанный листок, который все еще прижимал к груди. Промокший, грязный клочок бумаги — его единственная надежда.

— Эй, ты, ублюдок кусачий! — раздался в ночной тишине голос Басты. — Беги-беги, я до тебя еще доберусь, слышишь? До тебя, до Огнеглоты, до Волшебного Языка и его сильно умной дочки и до старика, который написал эту треклятую муть. Я убью вас всех! Одного за другим! Так же, как я сейчас убил зверя, вышедшего из книги!

Фарид затаил дыхание.

«Дальше! — думал он. — Беги дальше! Баста тебя не видит».

Дрожа, он нащупал соседнее дерево и оперся о его ствол, благодаря ветер за то, что тот обрывает листву у него над головой и заглушает своим воем его шаги. «Сколько раз тебе говорить? В этом мире нет духов. Это одно из немногих его преимуществ». Он слышал голос Сажерука, словно жонглер шел рядом. Фарид снова и снова повторял эти слова, а слезы застилали ему лицо и колючки впивались в ноги. «Нет духов, нет духов!»

Ветка так сильно хлестнула его по лицу, что он чуть не вскрикнул. Есть ли за ним погоня? В ушах свистел ветер, заглушая другие звуки. Снова поскользнувшись, Фарид кубарем покатился вниз по склону. Крапива обжигала ему ноги, репейник вцеплялся в волосы. И вдруг что-то теплое и пушистое прыгнуло на него и уткнулось носом ему в лицо.

— Гвин?

Фарид ощупал маленькую головку. Да, вот они, рожки. Он прижался щекой к мягкому куньему меху.

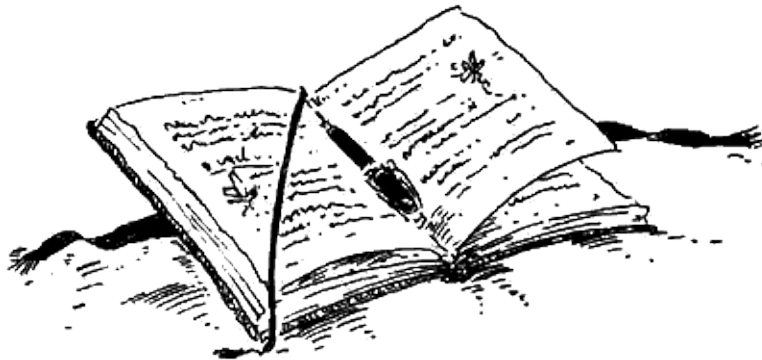
— Баста вернулся, Гвин! — прошептал он. — И книга у него! Что, если Орфей теперь вчитает его туда? Рано или поздно он туда вернется, правда, как ты думаешь? Как нам теперь предостеречь от него Сажерука?

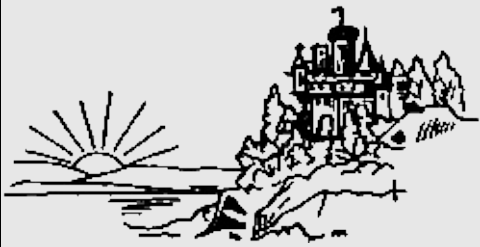
Еще дважды Фарид выбредал на дорогу, серпантинном спускавшуюся по склону, но так и не решился идти по ней, предпочитая пробиваться сквозь колючий подлесок. Он так запыхался, что каждый вздох причинял ему боль, и все же шел вперед не останавливаясь. И лишь когда сквозь кроны деревьев пробились первые лучи солнца, Фарид понял, что ушел от

своих преследователей.

«Ну а дальше что? — думал он, лежа в сухой траве и тяжело дыша. — Что дальше?»

И вдруг ему вспомнился другой голос, голос, приведший его в этот мир. Волшебный Язык. Конечно. Только он может теперь ему помочь, он или его дочь, Мегги. Они теперь живут у Книгожорки, Фарид был там однажды с Сажеруком. Путь неблизкий, особенно для израненных ног. Но он должен добраться туда раньше Басты...

ВОЗВРАЩЕНИЕ САЖЕРУКА

— Что такое? — спросил Леопард. — Здесь так ужасно темно и при этом так много светлых пятен?

Р. Киплинг. Как Леопард стал пятнистым^[2]

На мгновение Сажеруку показалось, что он никогда и не покидал эти края, — как будто ему просто приснился дурной сон, оставив неприятный вкус на языке, легкую тень на сердце и больше ничего... Вдруг все вернулось: знакомые звуки и запахи, которых он никогда не забывал, стволы деревьев в пятнах утреннего света, тень листьев на его лице. Листья уже окрасились желтым и красным, как и в том, другом мире, здесь тоже близилась осень, но воздух был еще совсем теплым. Он пах переспелыми ягодами, увядающими цветами — их было тысячи, их аромат кружил голову: бледные, как воск, соцветия, мерцающие в сумраке леса, голубые звездочки на тоненьких стебельках, такие нежные, что Сажерук ступал осторожнее, чтобы не растоптать их. Дубы, платаны, магнолии вокруг — как они устремлялись в небо! Он почти забыл, какими большими могут быть деревья, как толсты и высоки их стволы, как развесисты кроны, в тени которых могла бы укрыться целая кавалькада. Леса в том, другом мире были совсем молодыми. Он всегда чувствовал себя в них старым, ужасно старым, покрытым годами, словно ржавчиной. А здесь он снова был молод, лишь чуточку старше, чем грибы между корнями, лишь чуть выше, чем чертополох и крапива.

Но где же мальчик?

Сажерук оглянулся, ища его, и позвал:

— Фарид! Фарид!

Это имя стало ему за последние месяцы почти так же привычно, как

свое собственное. Но никто не отозвался. Лишь его собственный голос эхом прокатился между деревьями.

Значит, это все же случилось. Мальчик остался в том мире. Что же бедняга будет там делать один-одинешенек? «Ну что ж, — думал Сажерук, в последний раз оглядываясь по сторонам, — он справится там куда лучше, чем ты. Ему ведь нравятся шум, скорость, многолюдство. К тому же ты его многому научил. С огнем он играет теперь почти так же ловко. Да, мальчик не пропадет». И все же на мгновение радость увяла в груди Сажерука, как растоптанный цветок, и утренний свет, только что веселый и приветный, показался безжизненным и бледным. Тот, другой мир снова обманул его. Да, тот мир и вправду отпустил его после стольких лет, но за это отобрал единственное, к чему он там привязался всем сердцем...

«Ну и какой же из этого опять-таки следует урок? — думал он, опускаясь на колени среди мокрой от росы травы. — Лучше держи свое сердце при себе, Сажерук». Он поднял красный лист, полыхавший на темном мху, как язычок пламени. В том, другом мире таких листьев нет, правда? Да что это с ним? Он сердито выпрямился. «Эй, Сажерук! Ты вернулся! Вернулся! — прикрикнул он на себя. — Забудь мальчишку! Да, его ты потерял, но за это получил обратно свой мир, целый мир! Ты получил его обратно! Поверь в это наконец! Поверь!»

Это оказалось непросто. Куда легче было поверить в несчастье, чем в счастье. Ему пришлось потрогать каждый цветок, прикоснуться к каждому стволу, растереть землю между пальцами и почувствовать первый комариный укус, прежде чем он сумел наконец в это поверить.

Да, он вернулся. Он вправду вернулся. Наконец-то. И вдруг счастье ударило ему в голову, как бокал крепкого вина. Даже мысль о Фариде не могла теперь его омрачить. Страшный сон, продолжавшийся десять лет, кончился. Каким легким он себя чувствовал, легким, словно лист, из тех, что струились на него с деревьев золотым дождем.

Счастлив.

Запомни, Сажерук, каково оно на вкус, счастье.

Орфей и вправду вчитал его на то самое место, которое он ему описал. Там было озерцо, поблескивающее между серо-белыми камнями в окаймлении цветущих олеандров, а в нескольких шагах от озера стоял платан, на котором жили огненные эльфы. Их гнезда лепились к светлому стволу даже гуще, чем в его воспоминаниях. Непривычный взгляд принял бы их за осиные гнезда, но они были меньше и немного светлее, почти такие же светлые, как кора, отстававшая от высокого ствола.

Сажерук оглянулся и снова вдохнул воздух, по которому тосковал

десять лет. Почти забытые ароматы мешались с теми, что бывали и в другом мире. Деревья, росшие у озера, встречались и там, только намного моложе и меньше: эвкалипты и ольха склоняли к воде свои ветви, словно хотели окунуть листья в ее прохладу. Сажерук осторожно протиснулся сквозь их заросли на берег. Его тень упала на черепаху, и она неуклюже двинулась прочь. На камне сидела жаба, время от времени выстреливая длинным языком; она как раз проглотила огненного эльфа. Эльфы роями носились над водой, издавая характерное жужжание, всегда звучавшее очень сердито.

Пора украсть у них кое-что.

Сажерук опустил колено на влажный камень. За его спиной раздался шорох, и он поймал себя на том, что ищет глазами темную шевелюру Фариды и рогатую голову Гвина. Но это продолжалось лишь мгновение, потом он разглядел ящерицу, взбирающуюся на соседний камень, чтобы погреться на осеннем солнце. «Дурак! — сказал он себе. — Забудь о мальчишке, а что до куницы, то она, уж конечно, по тебе не скучает. Кроме того, у тебя были причины оставить ее там. Веские причины».

Его отражение дрожало на темной воде. Лицо было прежним. Шрамы, конечно, никуда не делись, но новых повреждений, слава богу, не появилось — ни вдавленного носа, ни негнувшейся ноги, как у Кокереля. Все на месте. Даже голос... Этот Орфей, похоже, и вправду свое дело знает.

Сажерук ниже склонился над водой. Где они сейчас? Помнят ли его? Голубые феи не помнили лиц уже через несколько минут. А эти? Десять лет — долгий срок, но считают ли они годы?

Вода дрогнула, и сквозь его отражение проглянули другие черты. Лягушачьи глаза на почти человеческом лице, длинные волосы, путающиеся в воде, словно водоросли, такие же зеленые и тонкие. Сажерук окунул пальцы в холодную воду, и оттуда высунулась другая рука, узкая и тонкая, как у ребенка, покрытая крошечными, почти незаметными чешуйками. Влажный пальчик, холодный, как вода, из которой он поднялся, коснулся его лица и заскользил по шрамам.

— Да, мое лицо не скоро забудешь, правда? — Сажерук говорил тихо, почти шепотом. Русалки не любят громких голосов. — Значит, ты помнишь шрамы. А помнишь ли ты, о чем я всегда просил вас, приходя сюда?

Лягушачьи глаза блеснули на него чернотой и золотом, и русалка исчезла, словно только привиделась ему. Спустя несколько минут уже три их всплыло над темной водой. Плечи, белые, как лепестки лилии, виднелись у самой поверхности, а хвосты, покрытые разноцветной чешуей,

как брюхо окуня, извивались в глубине, теряясь из глаз.

Мошкара, кружившая над водой, впивалась в лицо и кисти Сажерука, будто только его и ждала все время, но он почти не замечал укусов. Русалки не забыли его: ни его лица, ни того, что ему от них требовалось, чтобы приручить огонь.

Они протянули к нему руки из воды. Крошечные пузырьки воздуха поднялись на поверхность, неся с собой их беззвучный смех. Русалки взяли его руки в свои и принялись гладить его плечи, лицо и шею, пока кожа его не стала такой же прохладной, как у них, и не покрылась таким же тонким защитным слоем ила, как их чешуя.

И вдруг они исчезли — так же внезапно, как появились. Их лица ушли в темную глубь озера, и Сажерук готов был, как всегда, поверить, что русалки ему просто приснились — если бы не эта прохлада на коже, не легкий блеск рук.

— Спасибо! — шепнул он, хотя на поверхности воды дрожало лишь его собственное отражение.

Он протиснулся сквозь олеандровые кусты и беззвучно зашагал к огненному дереву. Был бы здесь Фарид, он бы сейчас скакал от восторга по мокрой траве, как жеребенок...

Платье Сажерука, когда он остановился у платана, было облеплено влажной от росы паутиной. Нижние гнезда висели так близко, что он без труда мог засунуть руку в отверстие. Он просунул в гнездо смоченные русалками пальцы, и эльфы сердито метнулись было ему в лицо, но он успокоил их ласковым жужжанием. Если взять верную ноту, их возбужденное кружение быстро замедлялось, жужжание и брань становились сонными, и в конце концов их крошечные горячие тела опускались ему на плечи, обжигая кожу. Но как бы больно Сажеруку ни было, он не смел дернуться или стряхнуть эльфов, а только засовывал пальцы поглубже в гнездо, пока не нащупывал то, что искал: их огненный мед. Пчелы кусаются, а огненные эльфы прожгли бы ему кожу насквозь, если бы над ней раньше не потрудились русалки. Но даже с такой защитой лучше было не проявлять чрезмерной жадности, обворовывая эльфов. Если возьмешь слишком много, они кинутся тебе в лицо, спалят кожу и волосы и не отвяжутся от грабителя, пока он не свалится, корчась от боли, у корней их дерева.

Но Сажерук никогда не бывал так жаден, чтобы рассердить их. Он доставал из гнезда лишь крошечный комочек, размером с ноготь, больше ему пока и не нужно было. Продолжая тихонько жужжать, он заворачивал липкую добычу в древесный лист.

Огненные эльфы очнулись, едва Сажерук замолк, и принялись носиться вокруг него все быстрее и быстрее, а голоса их становились все громче, как угрожающее бурчание шмеля. Но нападать на него они все же не стали. Нельзя было смотреть на них, нужно было притворяться, будто вовсе их не замечаешь, неспешно повернуться и идти прочь медленным, очень медленным шагом.

Эльфы еще немного покружились над ним, но потом отстали, и Сажерук зашагал вниз по течению ручья, вытекавшего из русалочьего озера и вившегося между ивами, ольхой и зарослями тростника.

Он знал, куда течет ручей: на север, из Непроходимой Чащи, в которую редко забредал человек, туда, где лес принадлежал людям и где топор так быстро прореживал его заросли, что деревья по большей части умирали раньше, чем их кроны могли бы укрыть от непогоды хотя бы одного всадника. Ручей поведет его сквозь постепенно расширяющуюся долину между холмами, на которые не ступала нога человека, потому что там живут великаны, медведи и существа, которым никто еще не дал имени. Когда-нибудь на этих склонах появится первая хижина угольщика, первая прогалина в густых лесных зарослях, и есть надежда, что Сажерук найдет там не только фей и русалок, но и нескольких давно пропавших людей.

Он пригнулся, когда между двумя деревьями вдали показался сонный волк. Не шевелясь, Сажерук ждал, пока серая морда скроется в чаще. Да, медведи и волки — он должен снова научиться слышать их шаги, чувствовать их приближение раньше, чем они его заметят, не говоря уж о больших диких кошках, сливавшихся пятнами своего меха с солнечными бликами на стволах деревьев, и змеях, зеленых, как скрывавшая их листва. Змеи сползали с ветвей неслышней, чем он стряхивал упавший лист с плеча. Великаны, к счастью, обычно оставались на холмах, куда даже Сажерук забираться не решался. Только зимой они иногда спускались вниз. Но были и другие существа, не такие нежные, как русалки, и которых не успокоишь песенкой, как огненных эльфов. Обычно они оставались невидимы, надежно укрывшись среди стволов и листьев, и все же были опасны: лесные человечки, дырочники, черные духи, буканы, приносящие дурные сны... Некоторые из них порой забирались даже в хижины угольщиков.

— Ну-ка поосторожнее, — прошептал Сажерук. — Ты ведь не хочешь, чтобы твой первый день дома стал и последним.

Пьянящий восторг возвращения постепенно развеивался, и мысли его прояснились. Но счастье по-прежнему окутывало сердце мягко и нежно, словно птичий пух.

У ручья он разделся, смыл с себя русалочью слизь, сажу огненных эльфов, грязь другого мира — и снова надел одежду, которую не носил десять лет. Он тщательно берег ее, и все же моль проела несколько дырочек в черной ткани, а рукава были потертыми уже тогда, когда пришлось сменить этот наряд на одежду другого мира. Такой черно-красный костюм носили огненные жонглеры, а канатные плясуны, например, одевались в небесно-голубое. Он провел рукой по грубой ткани, расправил камзол с широкими рукавами и бросил на плечи черную накидку. К счастью, одежда сидела на нем все так же хорошо, шить новое платье было бы очень дорого, даже если, по обычаю комедиантов, отдать портному старые лохмотья, чтобы он перелицевал их.

С наступлением сумерек Сажерук стал присматривать безопасное место для ночлега. В конце концов его привлек упавший дуб, корни которого так высоко торчали из земли, что между ними можно было удобно устроиться на ночь. Дерево словно превратилось в стену и в то же время так судорожно цеплялось за землю, будто пыталось отчаянным усилием удержать жизнь. Его крона зеленела свежей листвой, хотя не устремлялась теперь в небо, а раскинулась по земле. Сажерук ловко взобрался по мощному стволу вверх, цепляясь пальцами за шершавую кору.

Когда он добрался до корней, тянувшихся в воздух, словно пытаясь найти там пропитание, ему навстречу с бранью порхнули несколько фей, собиравших здесь, видно, материал для своих гнезд. Ну конечно, ведь уже осень, а значит, время позаботиться о теплом убежище. Весной синекотии феи строили гнезда без особого тщания, но стоило мелькнуть на деревьях первому желтому листу, как они принимались выстилать и утеплять их звериным мехом и птичьими перьями, вплетать в стены травинки и прутья, конопатить мхом и собственной слюной.

Две синие крохи не упорхнули, увидев его. Они с жадностью глядели на его русую шевелюру, а закат, сочившийся сквозь листву, окрашивал их крылья красным.

— Ну конечно! — Сажерук тихонько засмеялся. — По-вашему, мои волосы вам бы оченьгодились для гнезда!

Он отрезал ножом прядку и протянул феям. Сперва одна ухватила несколько волосков тонкими, как у жука, ручками, потом ее примеру последовала вторая — до того крошечная, что она, наверное, только что вылупилась из перламутрового яйца. Ах, как же он соскучился по этим нахальным синим крохам!

Внизу под деревьями уже стемнело, хотя макушки еще краснели в лучах заходящего солнца, как листья щавеля на летнем лугу. Скоро феи

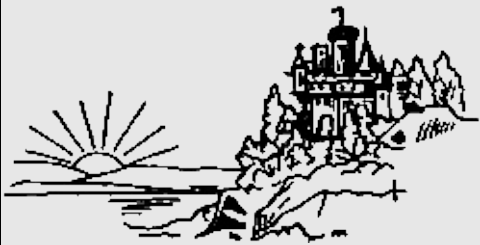
уснут в своих гнездах, мыши и кролики — в своих норах, ящерицы застынут в прохладе ночи, а хищные звери выйдут на охоту, и глаза их засветятся во мраке ночи, как желтые фонарики. «Будем надеяться, что им не захочется закусить огнеглотателем», — думал Сажерук, вытягиваясь на опрокинутом стволе. Он воткнул нож рядом с собой в сухую кору, набросил на плечи накидку, которой не носил десять лет, и посмотрел вверх, на быстро темнеющие листья.

С одного из дубов вспорхнула сова и бесшумно полетела прочь, словно тень, едва различимая среди ветвей. Когда день угас, дерево прошептало во сне слова, невнятные для людских ушей.

Сажерук закрыл глаза и прислушался.

Он снова был дома.

ДОЧЬ ВОЛШЕБНОГО ЯЗЫКА

Может быть, на самом деле существует лишь один-единственный мир, которому как будто снятся остальные?

Филип Пулман. Чудесный нож^[3]

Мегги очень не любила ссориться с Мо. У нее потом все тряслось внутри, и ничто не могло ее утешить — ни ласки матери, ни лакричные леденцы, которые совала ей Элино́р, если повышенные голоса отца и дочери проникали к ней в библиотеку, ни Дариус, веривший в таких случаях в благотворное действие горячего молока с медом.

Ничто.

На этот раз все было особенно скверно, потому что Мо зашел к ней попрощаться. Его ждал новый заказ — больные книги, слишком древние и ценные, чтобы можно было послать их к переплетчику. Раньше Мегги всегда ездила с ним, но на этот раз она решила остаться с матерью и Элино́р.

Ну почему он зашел к ней в комнату как раз в тот момент, когда она опять читала свои блокноты с записями?

Они часто ссорились в последнее время из-за этих блокнотов, хотя Мо так же не любил ссориться, как она. Обычно он исчезал после этого в мастерской, которую Элино́р распорядилась построить для него за домом, и, когда Мегги не могла больше на него сердиться, она отправлялась туда вслед за ним. Отец не поднимал головы от работы, когда она проскальзывала в дверь, и Мегги молча садилась рядом с ним на всегда дожидавшийся ее стул и смотрела, как он работает. Так она делала еще тогда, когда и читать-то не умела. Она любила наблюдать, как руки Мо

освобождают книгу от растрепавшегося платья, отделяют друг от друга покрытые пятнами страницы, распутывают нити, скрепляющие попорченную тетрадь, или размачивают старинную переплетную бумагу, чтобы залатать разорванную страницу. Вскоре Мо оборачивался и спрашивал у нее что-нибудь: нравится ли ей цвет, который он выбрал для льняного переплета, или не слишком ли темной получилась бумажная каша, которую он заварил, чтобы латать поврежденные места. Такой уж был у него способ просить прощения. Это значило: не будем больше ссориться, Мегги, забудем, что мы друг другу наговорили...

Но сегодня так не получится. Мо ведь ушел не в мастерскую — он уехал к какому-то коллекционеру, чтобы продлить жизнь его печатным сокровищам. На этот раз он не придет к ней вечером с примирительным подарком — книжкой, откопанной у букиниста, или закладкой, украшенной перышками сойки, которые он подобрал в саду Элинора...

Ну почему она не читала что-нибудь другое в ту минуту, когда он вошел?

— О господи, Мегги, ты уже вообще ни о чем не думаешь, кроме этих блокнотов! — возмутился отец, как всегда в последнее время, когда заставлял ее так — лежащей на ковре посреди комнаты. В такие минуты Мегги ничего не замечала вокруг себя, уткнувшись в страницы, на которых она записала рассказы Резы о пережитом «там» — как с горечью называл это Мо.

Там.

Чернильным миром называла Мегги то место, о котором Мо нередко говорил с раздражением, а мать — с тоской... Чернильный мир — по книге, рассказывавшей о нем: «Чернильное сердце». Книги больше не было, но мать помнила все так живо, словно дня еще не прошло с тех пор, как она была там — в том мире из бумаги и типографской краски, где встречались феи и князья, русалки, огненные эльфы и деревья, достававшие, казалось, до самого неба.

Несчетное число дней и ночей просидела Мегги рядом с Резой, записывая то, что мать рассказывала ей на пальцах. Голос Резы так и остался в Чернильном мире, и потому она рассказывала о нем дочери то жестами, то с помощью карандаша и бумаги — о страшных и чудесных годах, как она это называла. Иногда она рисовала то, что видела собственными глазами, но не могла теперь описать вслух — фей, птиц, невиданные цветы. Всего лишь несколько линий на листе бумаги, и все же они получались такими живыми, что Мегги казалось, будто она видела все это своими глазами.

Сперва Мо сам делал переплеты для блокнотов, куда Мегги записывала воспоминания Резы, — один красивее другого. Но со временем Мегги заметила, как озабоченно он на нее смотрит, когда она листает свои записи, полностью погрузившись в слова и рисунки. Конечно, она понимала, что Мо это, наверное, неприятно — ведь его жена на долгие годы потерялась в мире из букв и бумаги. Как же могло ему понравиться, что теперь его дочь ни о чем другом не может думать? Да, Мегги отлично понимала, что творится с отцом, и все же никак не могла сделать того, чего он хотел, — отложить блокноты и на время забыть о Чернильном мире.

Может быть, она бы меньше тосковала по нему, если бы феи, кобольды и прочие странные существа, вывезенные из проклятой деревни Каприкорна, по-прежнему жили в саду у Элинора. Но там уже никого не осталось. К деревьям еще лепились пустые гнезда фей, еще не обвалились выкопанные кобольдами норы, но обитатели их исчезли. Сперва Элинор думала, что они сбежали или похищены, но потом увидела пепел. Мелкий, как пыль, серый пепел покрывал траву в саду — серый, как Призрак, из которого вышли когда-то необычные гости Элинора. И Мегги поняла, что возврата из смерти нет, даже для существ, рожденных лишь словом.

Но Элинор не могла примириться с этой мыслью. Охваченная упрямым отчаянием, она поехала назад в деревню Каприкорна и нашла там пустые улицы, сожженные дома и ни одной живой души.

— Знаешь, Элинор, — сказала ей Мегги, когда тетушка вернулась вся в слезах, — я с самого начала боялась, что так будет. Я никогда не могла до конца поверить, что есть слова, воскрешающие мертвых. И потом — признаемся честно — они не годились для этого мира.

— Я тоже для него не гожусь, — только и сказала Элинор.

В следующие недели Мегги, проскальзывая вечером в библиотеку, нередко слышала всхлипы из комнаты Элинора. С тех пор прошло много месяцев, почти целый год провели они все вместе в просторном доме, и Элинор — так казалось Мегги — рада была, что не живет больше наедине со своими книгами. Она предоставила им лучшие комнаты (для этого коллекции старых учебников и собрания нескольких писателей, которых она разлюбила, пришлось переселиться на чердак). Мегги видела из своего окна покрытые снегом вершины гор, а спальня родителей выходила на озеро, над чьей мерцающей гладью так часто порхали феи.

Никогда еще Мо не уезжал так, как сегодня. Не сказав ни слова на прощание. Не помирившись...

«Надо, наверное, пойти вниз и помочь Дариусу в библиотеке», — подумала Мегги, утирая слезы с лица. Она никогда не плакала, когда

спорила с Мо, слезы приходили потом... А он, увидев заплаканные глаза дочери, всякий раз заглядывал в них со страшно виноватым видом.

Конечно, все опять слышали, как они ссорятся. Дариус, наверное, уже поставил на плиту кастрюльку с молоком, а Элино́р, как только Мегги появится в дверях кухни, примется ругать Мо и мужчин вообще. Нет уж, лучше она останется у себя.

Ах, Мо! Он вырвал у нее из рук блокнот и унес с собой. Как нарочно, тот самый блокнот, куда она записывала замыслы собственных историй, начала, всегда остававшиеся без продолжения, вступительные слова, зачеркнутые фразы, все свои напрасные попытки... Ну как он мог взять и отобрать у нее блокнот? Ей не хотелось, чтобы Мо заглянул туда и увидел, как беспомощно и неуклюже пытается она выстраивать собственные слова, хотя чужие лились у нее с языка таким стремительным и мощным потоком... Да, Мегги умела записывать то, о чем рассказывала мать, она заполняла несметные страницы повествованиями Резы. Но когда она пыталась сочинить что-нибудь новое, какую-нибудь собственную историю, ей просто ничего не приходило в голову. Слова вдруг пропадали у нее из головы, как снежинки, от которых остается только мокрое пятно на ладони, стоит протянуть за ними руку.

В дверь постучали.

— Да! — буркнула Мегги, роясь по карманам в поисках подаренного Элино́р старомодного носового платка. («Это платки моей сестры. Ее имя начиналось на „М“, как у тебя. Видишь, в уголке вышито „М“? Я решила, пусть они лучше будут у тебя, чем их моль съест».)

В дверях показалась ее мать.

Мегги попыталась улыбнуться, но у нее ничего не вышло.

— Можно к тебе? — Пальцы Резы чертили слова в воздухе быстрее, чем Дариус шевелил языком и губами.

Мегги кивнула. Она понимала язык знаков, которым пользовалась мать, не хуже, чем буквы алфавита, — лучше, чем Мо и Дариус, и намного лучше, чем Элино́р, которая порой, если пальцы Резы говорили слишком быстро, в отчаянии звала на помощь Мегги.

Реза закрыла за собой дверь и присела к ней на подоконник. Мегги всегда называла мать по имени, может быть, потому, что десять лет у нее не было матери, а может быть, по той же необъяснимой причине, по которой отец всегда был для нее Мо.

Мегги сразу узнала блокнот, который Реза положила ей на колени. Тот самый, который Мо вырвал у нее из рук.

— Он лежал у тебя под дверью, — сказали пальцы матери.

Мегги погладила узорчатую обложку. Значит, Мо принес его обратно. Но почему же он не зашел? Потому что все еще сердился или потому, что ему было стыдно?

— Он хочет, чтобы я отправила эти блокноты на чердак. Хотя бы на время. — Мегги вдруг почувствовала себя такой маленькой. И в то же время такой старой. — «Может, мне превратиться в стеклянного человечка? — сказал он. — Или выкраситься в синий цвет? Раз моей жене и дочери феи и стеклянные человечки, судя по всему, намного нужнее, чем я».

Реза улыбнулась и погладила ее пальцем по носу.

— Да, я понимаю, что он на самом деле так не думает! Но он так сердится каждый раз, как видит меня с этими блокнотами...

Реза посмотрела через открытое окно в сад. Он был такой большой, что не видно было ни начала, ни конца — только высокие деревья и старые кусты рододендрона, окружавшие дом Элино́р вечнозеленой стеной. Прямо под окном Мегги тянулся небольшой газон, окаймленный узкой гравиевой дорожкой. На краю его стояла скамейка. Мегги хорошо помнила ту ночь, когда, сидя на ней, смотрела огненное представление Сажерука.

Ворчливый садовник Элино́р только что убрал с газона пожухлую листву. Посередине еще виднелось выжженное пятно на том месте, где молодчики Каприкорна сожгли лучшие книги Элино́р. Садовник все уговаривал ее посадить там что-нибудь или посеять новый газон, но хозяйка всякий раз только энергично встряхивала головой.

— С каких это пор на могилах разбивают газоны? — сердито ответила она ему недавно и велела к тому же не трогать тысячелистник, пышно разросшийся с того времени по краям выгоревшей земли, словно желая плоскими зонтиками своих цветов увековечить память той ночи, когда погибли в пламени бумажные дети Элино́р.

Солнце закатилось за горы, полыхнув такой яркой краснотой, будто и оно хотело напомнить о давнем пожаре, и в окно повеял холодный ветер, от которого Реза вздрогнула.

Мегги закрыла окно. Ветер прибил к стеклу несколько увядших лепестков розы, бледно-желтых, почти прозрачных.

— Я не хочу с ним ссориться, — прошептала она. — Я раньше никогда не ссорилась с Мо, ну, почти никогда...

— Может, он и прав.

Мать Мегги откинула волосы со лба. Они были такие же длинные, как у Мегги, только темнее, словно их окутала тень. Обычно Реза закалывала их наверх, и Мегги теперь часто делала такую же прическу. Иногда ей

казалось, что из зеркала в платяном шкафу на нее глядит не собственное отражение, а помолодевшее лицо матери.

— Еще годик, и она тебя перерастет, — говаривал Мо, когда хотел поддразнить Резу, а близорукому Дариусу уже не раз случалось путать Мегги с матерью.

Реза провела пальцем по стеклу, словно обводя прилипшие к нему лепестки. Потом пальцы ее снова заговорили, медленно и неуверенно, как это бывает порой и с губами.

— Я понимаю твоего отца, Мегги, — сказали они. — Мне тоже иногда кажется, что мы с тобой слишком много говорим о том мире. Мне самой странно, что я снова и снова к нему возвращаюсь. И все время рассказываю тебе о том, что там было хорошего, вместо того чтобы вспомнить о других вещах: о сидении взаперти, о наказаниях Мортолы, о том, как у меня болели от работы колени и руки — так болели, что я не могла спать по ночам... Рассказывала я тебе когда-нибудь о служанке, которая умерла от страха, потому что к нам в комнату забрался букан?

— Да, рассказывала.

Мегги покрепче прижалась к ней, но пальцы матери молчали. Они все еще были грубыми от всех тех лет, что она пробыла прислугой, сперва у Мртолы, потом у Каприкорна.

— Ты мне все рассказывала, — сказала Мегги, — и плохое тоже, но Мо не хочет этому верить.

— Потому что он чувствует, что мы все равно по-прежнему мечтаем о чудесах. Как будто мало мне их было. — Реза покачала головой. Ее пальцы снова надолго замолчали, прежде чем продолжить: — Мне приходилось урывать время, секунды, минуты, порой драгоценный час, когда нас выпускали в лес собирать травы, нужные Мртоле для ее страшного питья...

— Но ведь были и годы, когда ты была свободна! Когда ты, переодетая, работала писцом на рынках. Переодетая мужчиной...

Мегги часто воображала себе эту картину: мама с короткими волосами, в темном костюме писца, с чернильными пятнами на пальцах и самым красивым почерком, какой только можно отыскать в Чернильном мире. Так ей рассказывала Реза. Таким образом она зарабатывала себе на хлеб в том мире, где это было для женщин нелегко. Мегги с удовольствием послушала бы сейчас эту историю еще раз, несмотря на печальный конец — ведь после этого начались дурные годы. Но разве и там не случалось хорошего? Например, большой праздник в замке Жирного Герцога, куда Мртола прихватила и своих служанок и где Реза видела и Жирного

Герцога, и Черного Принца с его медведем, и канатоходца, Небесного Плясуна...

Но Реза пришла не за тем, чтобы снова рассказывать все это. Она молчала. И когда ее пальцы снова заговорили, они двигались медленнее обычного.

— Забудь Чернильный мир, Мегги, — сказала она. — Забудем его вместе, хотя бы на время. Ради твоего отца... и ради тебя самой. Иначе ты в конце концов окажешься слепой к красоте, которая окружает тебя здесь. — Она снова взглянула за окно, в сгущающиеся сумерки. — Я ведь все тебе рассказала — все, о чем ты спрашивала.

Да, это правда. Мегги спрашивала о тысяче тысяч вещей: а великана ты когда-нибудь видела? А какие у тебя были платья? А какая она была, эта крепость в лесу, куда тебя возила Мртола, и герцог, этот Жирный Герцог — что, замок у него такой же огромный и великолепный, как Дворец Ночи? Расскажи мне о его сыне, Козимо Прекрасном, и о Змееглаве и его латниках. У него во дворце правда все из серебра? А медведь, которого всегда держит при себе Черный Принц, — он большой? А деревья что — правда умеют говорить? А та старуха, которую они все зовут Крапивой? Правда, что она умеет летать?

Реза старательно отвечала на все ее вопросы, но даже из тысячи ответов не соберешь десять лет, а кое о чем Мегги и не спрашивала. Например, она ни разу не спросила о Сажеруке. И все же Реза рассказывала о нем: о том, что в Чернильном мире его имя знал всякий, даже спустя много лет после его исчезновения, что его называли огненным жонглером и что Реза поэтому сразу его узнала, когда впервые встретилась с ним в этом мире...

Был еще один вопрос, которого Мегги не задавала, хотя он ее нередко мучил, — Реза все равно не могла бы на него ответить. Каково живется там Фенолио, создателю книги, засосавшей в свои страницы сперва ее мать, а потом и самого своего создателя?

Прошло уже больше года с тех пор, как голос Мегги обволок Фенолио им же написанными словами — и он исчез, точно слова пожрали его. Иногда Мегги видела во сне его морщинистое лицо, но никогда не могла понять, веселое или печальное у него выражение. Впрочем, по черепашьей физиономии Фенолио это и раньше нелегко было установить. Однажды ночью, проснувшись в страхе от такого сна и не в силах больше заснуть, она начала сочинять в своем блокноте историю о том, как Фенолио там пишет книгу, которая вернет его домой, к внукам, в ту деревню, где Мегги впервые его увидела. Но дальше трех первых предложений дело не пошло,

как и со всеми историями, которые она начинала.

Мегги полистала блокнот, который отобрал у нее Мо, и снова захлопнула его.

Реза приподняла ладонью ее подбородок и заглянула дочери в глаза:

— Не сердись на него.

— Я никогда на него долго не сержусь! И он это знает. На сколько он уехал?

— Дней на десять, может быть, немного дольше.

Десять дней! Мегги посмотрела на полку у своей кровати. Вот они стоят аккуратным рядом, «плохие книжки», как она теперь называла их про себя, наполненные историями Резы, стеклянными человечками, русалками, огненными эльфами, буканами, белыми женщинами и прочими странными существами, которых описывала ей мать.

— Ну что поделаешь. Я ему позвоню. Скажу, чтобы он сделал для них сундук, когда придет. Но ключ останется у меня.

Реза поцеловала ее в лоб и провела ладонью по блокноту на коленях у Мегги.

«Разве есть на свете человек, умеющий переплестать книги красивее, чем твой отец?» — спросили ее пальцы.

Мегги с улыбкой покачала головой:

— Нет, ни в этом мире, ни в любом другом.

Реза пошла вниз помочь Элино́р и Дариусу с ужином, а Мегги осталась сидеть у окна, глядя, как сад постепенно погружается в темноту. Когда по газону пробежала белочка, вытянув пушистый хвост, Мегги невольно вспомнила Гвина, ручную куницу Сажерука. Как странно, что она теперь понимает тоску, так часто читавшуюся на лице хозяина странной зверюшки.

Да, наверное, Мо прав. Она слишком много думала о мире Сажерука — слишком, слишком. Разве не читала она порой истории Резы вслух, хотя знала, как опасно может ее голос соединиться с буквами на бумаге? Разве не надеялась она втайне — если быть честной, честной до конца, как люди редко бывают, — что слова унесут ее с собой? Что сделал бы Мо, если бы узнал об этой надежде? Закопал бы ее блокноты в саду или бросил в озеро, как он иногда грозил бродячим кошкам, забредавшим к нему в мастерскую?

«Да. Я их запру подальше! — думала Мегги, пока на небе загорались первые звезды. Как только Мо сделает для них сундук». Сундук, который Мо соорудил для ее любимых книг, был уже полон до краев. Он был красного цвета, красный, как мак, Мо недавно заново его покрасил. Сундук для блокнотов будет другого цвета, лучше всего — зеленого, как

Непроходимая Чаща, о которой так часто рассказывала Реза. И плащи у стражников во дворце Жирного Герцога тоже зеленые.

Мошка метнулась в окно, напомнив Мегги о синекожих феях и о самой лучшей из историй Резы: как феи залечили лицо Сажерука, когда Баста исполосовал его ножом. Феи сделали это в благодарность за то, что Сажерук часто освобождал их сестер из проволочных клеток, куда их сажали злые люди, чтобы продать на рынке как амулет, приносящий счастье. Сажерук отправился тогда в самую глубь Непроходимой Чащи... Хватит!

Мегги прижалась лбом к холодному оконному стеклу.

Хватит.

«Я отнесу их все в кабинет Мо — сию же минуту, — подумала она. — А когда он вернется, я попрошу его переплести мне новый блокнот — для историй об этом мире». Она уже начинала такие: о саде Элинора, о ее библиотеке, о крепости внизу у озера. Там когда-то жили разбойники, Элинора рассказывала ей о них — на свой излюбленный манер. Ее истории были всегда полны таких кровавых подробностей, что Дариус застывал над стопкой неразложенных книг и его глаза за толстыми стеклами очков расширялись от ужаса.

— Мегги, ужинать!

Голос Элинора гулко прокатился по лестнице. Он у нее был мощный. Громче гудка «Титаника», говаривал Мо.

Мегги соскочила с подоконника.

— Иду! — крикнула она, выбегая в коридор.

Потом метнулась обратно к себе в комнату, сняла с полки блокноты, один за другим, пока на руках у нее не оказалась высоченная стопка, и, с трудом удерживая их, потащила в кабинет Мо. Когда-то здесь была спальня Мегги, здесь она жила, когда они приехали к Элиноре с Мо и Сажеруком, но из окна этой комнаты видна была только посыпанная гравием площадка перед домом, елки, большой каштан и зеленый «Комби» Элинора, стоявший тут при любой погоде, поскольку Элинора придерживалась мнения, что, если баловать машины гаражами, они от этого только быстрее ржавеют. Когда Мегги решила поселиться у Элиноры насовсем, ей захотелось комнату с окнами в сад. И поэтому теперь Мо, обложившись путеводителями и справочниками, возился со своими бумагами там, где спала Мегги в их первый приезд — когда она еще не побывала в деревне Каприкорна, когда у нее еще не было матери, когда она редко ссорилась с Мо...

— Мегги, ну где же ты?

В голосе Элиноры слышалось нетерпение. В последнее время у нее

часто болели ноги, но она не хотела идти к врачу. («Что туда ходить? — говорила она. — Таблеток от старости вроде пока не изобрели».)

— Иду! — крикнула Мегги, осторожно складывая блокноты на стол Мо.

Два блокнота выскользнули из стопки и чуть не опрокинули вазу с осенними цветами, которую Реза поставила перед окном. Мегги успела ее подхватить, пока вода не пролилась на счета и квитанции за бензин. Стоя у окна с вазой в пальцах, перепачканных цветочной пылью, она вдруг увидела на дороге между деревьями человеческую фигуру. Сердце у нее забило так сильно, что ваза все же выскользнула из рук.

Вот оно, доказательство: Мо был прав. «Мегги, выбрось из головы эти книги, а то скоро ты перестанешь отличать свои фантазии от действительности». Он это часто повторял, и вот пожалуйста. Ведь она как раз думала о Сажеруке — и теперь ей кажется, что там, в темноте, кто-то стоит, как в ту ночь, когда он так же неподвижно ждал перед их домом...

— Мегги, черт побери, сколько можно тебя звать? — Элино́р запыхалась от подъема по лестнице. — Что ты там застыла, как к земле приросла? Ты что, меня... Батюшки, кто это там?

— Ты его тоже видишь? — Мегги почувствовала такое облегчение, что чуть не бросилась Элино́р на шею.

— Конечно.

Фигура шевельнулась и быстро побежала по светлому гравию. Она была босая.

— Да это же тот мальчишка! — Вид у Элино́р был ошарашенный. — Который помог Пожирателю спичек украсть у твоего отца книгу. И у него хватило наглости сюда заявиться! Он что, думает, я его пущу в дом? А может, и Огнеглот тоже тут?

Элино́р озабоченно прикинула к окну, но Мегги уже не было в комнате. Она вихрем сбежала по лестнице и понеслась к входной двери. Ее мать показалась из коридора, ведущего в кухню.

— Реза! — крикнула ей Мегги. — Реза, там Фарид. Фарид!

ФАРИД

Он был упрям, как мул, хитер, как обезьяна, и проворен, как заяц.

Луи Перго. Война пуговиц

Реза повела Фарида на кухню и для начала занялась его босыми ногами. На них было страшно смотреть — все изранены и стерты в кровь. Пока Реза промывала раны и наклеивала пластырь, Фарид начал рассказывать, с трудом ворочая языком от усталости.

Мегги очень старалась не глядеть на него во все глаза. Он был по-прежнему немного выше ее, хотя она сильно выросла с тех пор, как они виделись в последний раз... той ночью, когда он сбежал с Сажеруком и с книгой... Она никогда не забывала его лицо, как и тот день, когда Мо вычитал его из «Тысячи и одной ночи», его родной истории. Она никогда не встречала мальчика с такими красивыми, почти девичьими, глазами, черными, как и волосы, которые он носил теперь короче, чем тогда. От этого он выглядел старше. Фарид. Мегги чувствовала, как тает у нее на языке это имя, и поспешно отворачивалась, когда он поднимал на нее глаза.

Зато Элинора смотрела на мальчика в упор без всякого стеснения, тем же враждебным взглядом, каким встречала когда-то Сажерука, который сидел у нее за столом и кормил свою куницу хлебом и ветчиной. Фариду она даже не разрешила занести зверька в дом.

— Не дай бог, он сожрет хоть одну певчую птичку в моем саду! — сказала она, провожая глазами метнувшуюся прочь по светлому гравию куницу, и закрыла дверь на задвижку, как будто Гвин умел открывать запертые двери с такой же легкостью, как его хозяин.

Рассказывая, Фарид вертел в руках коробок спичек.

— Ты только посмотри! — прошипела Элино́р в ухо Мегги. — Совсем как Пожиратель спичек! Тебе не кажется, что он стал на него похож?

Но Мегги не ответила. Она боялась упустить хоть слово из того, что рассказывал Фари́д. Ей хотелось знать все о возвращении Сажерука, о новом чтеце и его адском псе, о фыркающем существе, которое было, наверное, одной из диких кошек Непроходимой Чащи, и о том, что кричал Баста вслед Фари́ду. *Беги-беги, я до тебя еще доберусь, слышишь? До тебя, до Огнеглотателя, до Волшебного Языка и его сильно умной дочки и до старика, который написал эту треклятую муть. Я убью вас всех! Одного за другим! Так же, как я сейчас убил зверя, вышедшего из книги!*

Пока Фари́д рассказывал, Реза все посматривала на грязный измятый листок, который он положил на кухонный стол. Казалось, этот клочок бумаги ее пугает. Как будто слова на нем могли и ее увести с собой. Обратно в Чернильный мир. Когда Фари́д рассказал об угрозе Басты, она обхватила Мегги и прижала к себе. А Дариус, все время сидевший молча рядом с Элино́р, закрыл лицо руками.

Фари́д не стал распространяться о том, как он добрался своими босыми, сбитыми в кровь ногами до дома Элино́р. На расспросы Мегги он пробормотал что-то невнятное о грузовике, который его подвез. Рассказ его внезапно оборвался, как будто запас слов вдруг иссяк, — и в большой кухне стало очень тихо.

Фари́д привел с собой невидимого гостя. Страх.

— Дариус, поставь еще кофе! — распорядилась Элино́р, мрачно глядя на накрытый стол с ужином, к которому никто не притронулся. — Этот уже в лед превратился.

Дариус, похожий на торопливую и старательную белочку в очках, бросился исполнять приказание, а Элино́р смерила Фари́да ледяным взглядом, как будто он лично ответственен за дурные вести, которые принес. Мегги еще помнила, как пугал ее раньше этот взгляд. «Женщина с каменным взглядом», — называла она ее тогда про себя. Иногда это прозвище вспоминалось ей и теперь.

— Какая замечательная история! — сказала Элино́р, пока Реза помогала Дариусу.

Рассказ Фари́да до того напугал беднягу, что он никак не мог насыпать в кофеварку нужное количество кофе. Когда Реза мягко вынула у него из рук мерную ложку, он в третий раз пытался сосчитать, сколько порошка он уже засыпал в фильтр.

— Значит, Баста вернулся с новехоньким ножиком и, надо думать, полным ртом свежей мяты. Вот черт! — Элино́р любила чертыхнуться,

когда что-то ее заботило или сердило. — Как будто мало того, что я каждую третью ночь просыпаюсь в холодном поту, потому что мне приснилась его мерзкая физиономия, не говоря уж о ноже. Ну ладно, попробуем сохранять спокойствие. Дело обстоит так: Баста знает, где я живу, но ищет он, судя по всему, только вас, а не меня. Так что вы можете жить тут спокойно, как на лоне Авраамовом. Откуда ему, в конце концов, знать, что вы поселились у меня?

Она торжествующе посмотрела на Резу и Мегги, словно найдя спасение от всех бед.

Однако ответ Мегги заставил ее тут же снова помрачнеть:

— Фарид ведь знал об этом.

— Действительно, — буркнула Элинора, снова поворачиваясь к Фариду, — ты об этом знал. Откуда?

Ее слова прозвучали так резко, что Фарид невольно втянул голову в плечи.

— Нам рассказала одна старуха, — сказал он смущенно. — Мы были еще раз в деревне Каприкорна. После того как феи, которых унес с собой Сажерук, взяли и рассыпались пеплом. Он хотел посмотреть, что случилось с теми, что остались. Деревня оказалась совершенно пуста, ни одной живой души, даже бродячей собаки... Только пепел, всюду пепел. Тогда мы попытались разузнать в соседней деревне, что же произошло и... В общем, нам рассказали, что толстая женщина что-то говорила у них о мертвых феях и о том, что, к счастью, не умерли хотя бы люди, которые сейчас у нее живут...

Элинора пристыженно опустила глаза и провела пальцем по тарелке.

— Черт побери, — пробормотала она. — Я, видимо, слишком много болтала в той лавочке, откуда вам звонила. У меня до того все смешалось в голове, когда я увидела эту пустую деревню! Откуда ж мне было знать, что эти сплетницы расскажут обо мне Сажеруку? С каких пор старухи вообще разговаривают с такими, как он?

«Или с такими, как Баста», — мысленно добавила Мегги.

Фарид только пожал плечами и заковылял по кухне на залепленных пластырем ногах.

— Сажерук и без того думал, что вы все тут. Мы даже один раз приходили сюда, потому что он хотел узнать, как ей живется. — Он кивнул на Резу.

Элинора презрительно фыркнула:

— Вот как? Очень мило с его стороны.

Она всегда недолюбливала Сажерука, а когда он украл у Мо книгу и

исчез с ней, ее симпатия тем более не увеличилась. Зато Реза улыбнулась на слова Фарида, хотя и попыталась скрыть это от Элинора. Мегги прекрасно помнила то утро, когда Дариус принес ее матери странный маленький сверток, который он нашел перед входной дверью: свеча, несколько карандашей и коробок спичек, перевитые голубыми незабудками. Мегги сразу догадалась, от кого это. Реза тоже.

— Ну что ж, — сказала Элинора, постукивая ручкой ножа по своей тарелке, — я рада, что Пожиратель спичек отправился туда, где ему следует быть. Как подумаю, что он бродит по ночам возле моего дома!.. Жаль только, что он не прихватил с собой Басту.

Баста. Когда Элинора произнесла это имя, Реза вскочила со стула, выбежала в коридор и вернулась с телефоном. Она протянула его Мегги и начала так возбужденно объяснять что-то другой рукой, что даже Мегги сперва не могла понять ее. Потом до нее дошло.

Нужно позвонить Мо. Ну конечно.

Он бесконечно долго не подходил к телефону. Наверное, сидел за работой. Когда Мо бывал в отлучке, он всегда работал до поздней ночи, чтобы поскорее вернуться домой.

— Мегги? — Голос у него был удивленный. Он, наверное, решил, что она звонит из-за их ссоры, но кому сейчас было дело до глупых ссор?

Довольно долго Мо ничего не мог понять из ее возбужденной скороговорки.

— Помедленнее, Мегги, — повторял он. — Помедленнее.

Легко сказать «помедленнее», когда сердце у тебя бьется в горле, а у садовой ограды уже, может быть, дожидается Баста. У Мегги не хватало смелости додумать эту мысль до конца.

Зато Мо принял известие на удивление спокойно — словно ждал, что прошлое снова настигнет их.

«Истории никогда не кончаются, Мегги, — сказал он ей однажды. — Хотя книжки любят делать вид, будто это не так. Истории продолжаются, они не заканчиваются на последней странице, как и начинаются не на первой».

— Элинора включила сигнализацию? — спросил он.

— Да.

— А в полицию она позвонила?

— Нет. Она говорит, что в полиции все равно ей не верят.

— И все же нужно туда позвонить и назвать приметы Басты. Вы ведь сумеете его описать?

Нашел о чем спрашивать! Мегги пыталась забыть лицо Басты, но оно,

видимо, отпечаталось в ее мозгу до конца дней с фотографической точностью.

— Слушай, Мегги! — Может быть, на самом деле Мо только делал вид, что спокоен. Голос его звучал непривычно. — Я выезжаю сегодня же. Скажи это Элино́р и маме. Самое позднее завтра утром я буду дома. Задвиньте засов и держите окна закрытыми, ясно?

Мегги кивнула, забыв, что Мо не мог увидеть ее кивок по телефону.

— Мегги?

— Да, я поняла.

Она пыталась говорить спокойно и храбро, хотя чувствовала себя совсем иначе. Ей было страшно, очень страшно.

— До завтра, Мегги!

По его голосу она поняла: он выезжает сию минуту. Мегги представила себе ночное шоссе, и вдруг ей пришла новая страшная мысль.

— А ты? — с трудом проговорила она. — Мо! А если Баста поджидает тебя где-нибудь на дороге?

Но отец уже повесил трубку.

Элино́р решила разместить Фа́рида там, где спал когда-то Саже́рук: в комнатке под самой крышей, где ящики с книгами громоздились вокруг узкой кровати на такую высоту, что каждому, кто там спал, снилась обрушивающаяся на него гора печатной бумаги. Мегги было поручено проводить Фа́рида в его комнату. На ее «спокойной ночи» он только кивнул с отсутствующим видом. Он выглядел сейчас так же потерянно, как в тот день, когда Мо вычитал его на кухню Каприкорна — безымянного худого мальчишку в тюрбане на черных волосах.

Прежде чем лечь спать, Элино́р еще несколько раз проверяла, включена ли сигнализация. А Дариус взял старый дробовик, из которого Элино́р иногда палила в воздух, заведя у птичьего гнезда в своем саду бродячую кошку, и уселся с ним перед входной дверью в широченном оранжевом халате, подаренном Элино́р к прошлому Рождеству. Он уставился на дверь с видом полной боевой готовности, но когда Элино́р во второй раз вышла проверить сигнализацию, ее помощник уже крепко и безмятежно спал.

Мегги долго не ложилась. Она посмотрела на стеллаж, где стояли раньше ее блокноты, провела рукой по пустым полкам и наконец опустилась на колени перед красным сундуком, который Мо в незапамятные времена соорудил для ее любимых книжек. Уже много месяцев она его не открывала. Туда уже не влезало ни одной новой книги, и возить сундук с собой тоже стало невозможно — слишком он был тяжелый.

Поэтому Элино́р подарила ей для новых любимых книг целый книжный шкаф. Он стоял рядом с кроватью Мегги, застекленный, украшенный резным орнаментом из листьев, так что темное дерево, казалось, не желало забывать, что было когда-то живым. Но и полки за стеклянными дверцами были уже битком набиты — ведь теперь книги дарил Мегги не только Мо, но и Реза, и Элино́р. Даже Дариус время от времени притаскивал ей что-нибудь. А старые друзья — книги, принадлежавшие Мегги до того, как она поселилась у Элино́р, — продолжали жить в сундуке, и, когда она откинула тяжелую крышку, ей показалось, что оттуда раздались навстречу почти забытые голоса, глянули знакомые лица. До чего они все зачитаны... «Правда странно, что, если книжку прочитать несколько раз, она становится намного толще? — сказал Мо, когда они в последний день рождения Мегги вместе рассматривали эти ее старинные сокровища в сундуке. — Как будто при каждом чтении что-то остается между страниц. Чувства, мысли, звуки, запахи... И когда ты много лет спустя снова листаешь книгу, то находишь там себя самого — немного младше, немного не такого, как теперь, будто книга сохранила тебя между страниц, как засушенный цветок — вместе знакомого и чужого».

Немного младше, верно. Мегги вытащила одну из лежавших сверху книг. Она ее прочла раз десять, если не больше. Там была одна сцена, которая в восемь лет ей особенно нравилась, и еще в десять лет она отчеркнула это место на полях красным карандашом — в знак восхищения. Она провела пальцем по кривой черте — тогда еще не было Резы, не было ни Элино́р, ни Дариуса, только Мо... Не было тоски по синим феям, воспоминаний о покрытом шрамами лице, о рогатой кунце, о босоногом мальчике, о Басте и его ноже. Другая Мегги читала эту книжку, совсем другая... и она осталась между страниц, сохраненная там, как памятная вещица.

Мегги вздохнула, закрыла книгу и положила обратно. За стеной слышались шаги матери, ходившей взад-вперед по комнате. Наверное, она, как и Мегги, все время думает о той угрозе, которую прокричал Баста вслед Фари́ду. «Надо пойти к ней, — подумала Мегги. — Вместе бояться не так страшно». Но в ту минуту, как она поднялась, чтобы идти, шаги Резы смолкли и в соседней комнате стало тихо-тихо, как во сне. Пожалуй, уснуть тоже было бы неплохо. Мо не приедет быстрее от того, что Мегги не станет спать, дожидаясь его. Если бы можно было ему позвонить — но он вечно забывал в дороге включить мобильный телефон.

Мегги тихонько закрыла крышку сундука, словно опасаясь разбудить стуком Резу, и задула свечи, которые зажигала каждый вечер, хотя Элино́р

ей это запрещала. Только она стянула с себя футболку, кто-то тихонько постучал в дверь. Она открыла, уверенная, что там мама, которой все же не удалось заснуть. Но это был Фарид, залившийся краской до ушей, когда увидел ее в одной нижней майке. Он пробормотал «извини» и, прежде чем Мегги успела ответить, поковылял прочь на своих израненных ногах. Она скорее натянула футболку обратно и побежала за ним.

— Что случилось? — испуганно прошептала она. — Ты что-то услышал внизу?

Фарид отрицательно покачал головой. В руке он держал листок бумаги, обратный билет Сажерука, как ехидно назвала его Элинор. Мальчик нерешительно зашел вслед за Мегги в ее комнату и огляделся там, как человек, не привычный к замкнутому пространству. Наверное, с тех пор как он исчез вместе с Сажеруком, ему приходилось в основном ночевать под открытым небом.

— Извини, пожалуйста, — пробормотал он, глядя на свои босые ноги. Два пластыря уже отклеились. — Уже поздно, но... — Он в первый раз посмотрел Мегги в глаза и снова покраснел. — Орфей сказал, что прочитал не все, что здесь написано. Те слова, которые отправили бы туда и меня, он просто пропустил. Он это сделал нарочно, но я все же должен предупредить Сажерука, и поэтому...

— Что «поэтому»?

Мегги подвинула ему стул, стоявший у письменного стола, а сама села на подоконник. Фарид опустился на стул так же нерешительно, как входил в комнату.

— Ты должна вчитать туда и меня, прошу тебя!

Он снова протянул ей испачканный листок, и его черные глаза смотрели при этом так умоляюще, что Мегги невольно отвела глаза.

— Ну пожалуйста! Ты можешь, я знаю! — бормотал он. — Тогда... той ночью в деревне Каприкорна... я хорошо помню — у тебя был такой же листочек, и больше ничего...

Той ночью в деревне Каприкорна. У Мегги до сих пор начинало бешено колотиться сердце, стоило ей подумать о ночи, которую имел в виду Фарид: той ночи, когда она вычитала Призрака и все же не решалась заставить его убить Каприкорна, пока Мо не сделал это за нее.

— Орфей написал эти слова, он сам мне говорил! Он просто не стал их читать, но они тут, на этом листке! Конечно, моего имени здесь нет, потому что иначе бы ничего не получилось. — Бормотание Фариды становилось все быстрее. — Орфей сказал, что в этом весь секрет: можно использовать только те слова, которые есть в той книжке, которую хочешь изменить.

— Он так сказал? — Сердце у Мегги на секунду замерло, словно загнувшись о слова Фарида.

Можно использовать только те слова, которые есть в той книжке... Так вот почему ей ничего, совсем ничего не удавалось вычитать из историй Резы: потому что она употребляла слова, которых не было в «Чернильном сердце»? Или все же только потому, что она не умеет толком писать?

— Да. Он воображает себя великим мастером чтения, этот Орфей. — Фарид выплюнул это имя, как сливовую косточку. — Хотя по мне, так ему далеко до тебя или твоего отца.

«Может быть, — подумала Мегги, — но Сажерука он вчитал обратно. И сам написал нужные для этого слова. Этого ни Мо, ни я не умеем». Она взяла из рук Фарида исписанный Орфеем листок. Почерк нелегко было разобрать, хотя он был очень красивый, с необычными завитушками.

— На какой точно строчке исчез Сажерук?

Фарид пожал плечами.

— Не знаю, — смущенно признался он.

Конечно, как она могла забыть — он же не умеет читать. Мегги провела пальцем по первому предложению: «День, когда Сажерук вернулся назад, пах грибами и ягодами».

Она задумчиво опустила листок.

— Ничего не получится. У нас ведь даже книги нет. Что тут поделаешь без книги?

— Но Орфей же без нее обошелся! Сажерук отобрал у него книгу раньше, чем он стал читать этот листок!

Фарид оттолкнул стул и подошел к ней. Мегги смущалась, когда он стоял так близко — ей не хотелось задумываться почему.

— Не может быть! — выдавила она.

Но Сажерук исчез. Несколько фраз, написанных от руки, открыли ему ту дверь между букв, которую напрасно искал Мо. И эти фразы написал не Фенолио, автор книги, а другой человек... Человек со странным именем Орфей.

Мегги знала о том, что скрывается за буквами, больше, чем большинство людей. Она сама открывала двери, выманивала живые существа с пожелтелых страниц и видела своими глазами, как ее отец вычитал из арабской сказки мальчика, стоявшего сейчас рядом с ней. Но Орфей, похоже, знал об этом намного больше нее и даже больше, чем Мо, которого Фарид по-прежнему называл Волшебный Язык... Мегги вдруг начала бояться слов на грязном листке бумаги. Она положила его на стол, словно он жег ей пальцы.

— Пожалуйста! Ну попробуй, прошу тебя! — Голос Фарида звучал умоляюще. — Что, если Орфей уже вчитал Басту обратно? Сажерук должен знать, что эта парочка в сговоре! Он ведь думает, что в том мире Баста ему не страшен!

Мегги все еще смотрела на слова Орфея. Они звучали красиво, завораживающе красиво. Мегги захотелось почувствовать их на языке. Еще немного, и она начала бы читать вслух. Вдруг она испуганно зажала себе рот рукой.

Орфей.

Ну конечно, она знает это имя и ту историю, что обвиняет его венцом из цветов и терний. Элинон подарила ей книгу, где об этом рассказывалось лучше всего.

Тебя, о Орфей, оплакивают в печали птичьи стаи, и дикие звери, и неподвижный утес, и лес, так часто следовавший за твоей песней. Дерево сбрасывает листья, чтобы, обнажив голову, скорбеть о тебе.

Она вопросительно посмотрела на Фарида.

— Сколько ему лет?

— Орфею? — Фарид пожал плечами. — Лет двадцать — двадцать пять, наверное. Трудно сказать. У него совсем детское лицо.

Лет двадцать. Но слова на листке не были словами молодого человека. Они, похоже, многое знали.

— Пожалуйста! — Фарид так и не сводил с нее глаз. — Ты ведь попробуешь, да?

Мегги посмотрела в окно. Она вспомнила о пустых гнездах фей, об исчезнувших стеклянных человечках и о том, что ей когда-то давно сказал Сажерук:

Иногда рано поутру выйдешь умыться к колодцу, а над водой жужжат крошечные феи, чуть больше ваших стрекоз, синие, как лепестки фиалок. Они не больно-то приветливые, но по ночам мерцают, как светлячки.

— Хорошо, — сказала она.

Фариду показалось, что сейчас ему отвечает не Мегги, а кто-то другой.

— Хорошо, я попробую. Но сперва у тебя должны зажить ноги. В том мире, о котором рассказывала мне мама, хромоту делать нечего.

— Ерунда, все с моими ногами в порядке! — Фарид ходил взад-вперед по мягкому ковру, словно желая наглядно доказать это. — Попробуй прямо сейчас!

Мегги покачала головой.

— Нет! — решительно заявила она. — Я должна научиться

хорошенько это читать. Почерк не простой, да еще листок весь в пятнах, так что мне, наверное, придется его переписать. Этот Орфей не солгал. Здесь действительно кое-что о тебе написано, но не знаю, достаточно ли. И потом... — прибавила она как можно небрежнее, — если уж я попытаюсь, я хочу пойти с тобой.

— Что?

— Ну да! А что такого? — Голос Мегги выдавал, несмотря на все ее старания, как обидел ее ужас в глазах Фариды.

Фарид промолчал.

Неужели он не понимает, что ей тоже хочется увидеть все это — то, о чем рассказывали ей с такой тоской Сажерук и мать: рои фей над полями, деревья, такие высокие, что облака, казалось, могут запутаться в их ветвях, Непроходимую Чащу, комедиантов, замок Жирного Герцога и серебряные башни Дворца Ночи, рынок в Омбре, танцующий огонь, шепчущие озера, откуда выглядывают личики русалок...

Нет, Фарид этого не понимал. Он, наверное, никогда не испытывал тоски по другому миру, как и тоски по дому, терзавшей сердце Сажерука. Фарид хотел только одного: попасть к Сажеруку, чтобы предупредить его об опасности и снова быть с ним рядом. Он был тенью Сажерука и только эту роль и хотел играть, все равно в какой истории.

— Брось! Тебе туда нельзя! — Не глядя на Мегги, он поковылял обратно к стулу, сел и принялся отковыривать пластырь, который так старательно наклеивала Реза. — Никто не может вчитать в книгу самого себя! Даже Орфей! Он сам рассказывал Сажеруку, что уже пытался несколько раз, но ничего не получается.

— Вот как? — Мегги старалась говорить самоуверенным тоном. — Но ты же сам сказал, что я читаю лучше, чем он. Может быть, у меня все же получится!

«Хотя писать, как он, я не умею», — добавила она про себя.

Фарид обеспокоенно посмотрел на нее и сунул пластырь в карман.

— Там опасно, — сказал он. — Особенно для де...

Он не договорил и снова устался на свои израненные ноги.

Дурак. Мегги почувствовала на языке горький привкус ярости. Что он о себе воображает? Она, между прочим, намного больше знает о мире, куда он просится.

— Я знаю, что там опасно, — сказала она сухо. — И либо я отправлюсь туда, либо не стану читать. Подумай об этом. А теперь иди — мне надо сосредоточиться.

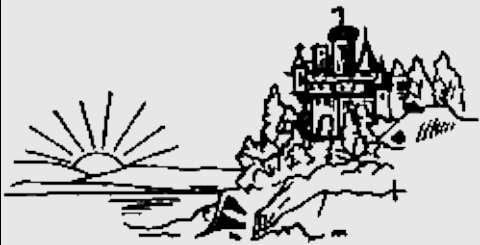
Фарид еще раз взглянул на листок со словами Орфея и направился к

двери.

— Когда ты попробуешь? — спросил он на пороге. — Завтра?

— Может быть.

Она закрыла за ним дверь и осталась наедине с написанными Орфеем словами.

ПРИВАЛ КОМЕДИАНТОВ

— Спасибо, — сказала Люси, открыла коробок и достала оттуда спичку. — Внимание! — крикнула она, и ее голос подхватило гулкое эхо. — Внимание! Прощайте навсегда, дурные воспоминания!

Филип Ридли. Дакота Пинк

Сажерук целых два дня пробирался сквозь Непроходимую Чащу. Людей ему попало навстречу немного — несколько черных от сажи угольщиков, изможденный оборванец-браконьер с двумя кроликами через плечо и целый отряд герцогских егерей, вооруженных до зубов — вероятно, гонявшихся за каким-нибудь бедолагой, подстрелившим косулю, чтобы накормить детишек. Никто из них не заметил Сажерука. Он умел делаться невидимым и лишь на вторую ночь, услышав на соседнем холме завывание волчьей стаи, решился позвать на помощь огонь.

Огонь. Совсем иной в этом мире, чем в том, другом. Какое блаженство наконец вновь услышать его трескучий голос. И отвечать ему. Сажерук набрал немного сухого хвороста, в изобилии валявшегося под зарослями вороньего глаза и чабреца, развернул листья, сохранявшие влажным и мягким украденный у эльфов мед, и сунул в рот крошечный комочек. Как страшно ему было, когда он в первый раз пробовал этот мед! Он боялся тогда, что драгоценная добыча сожжет ему язык и он навсегда лишится дара речи. Однако страхи были напрасны. Мед обжигал язык, как горячий уголек, но боль потом быстро прошла, зато, вытерпев ее, можно было разговаривать с огнем, как с хорошим другом. Действия крошечного комочка хватало на пять-шесть месяцев, а порой и на год. Стоило прошептать несколько слов на языке огня, прищелкнуть пальцами — и

язычки пламени уже с треском вырывались из сухого хвороста, да и из влажного, и даже из камня.

Сперва огонь лизал ветки медленнее обычного, словно забыл его голос и не мог до конца поверить, что Сажерук вернулся. Но потом пламя зашептало ему слова привета, заплясало все радостнее, и вскоре ему уже пришлось обуздывать разыгравшиеся язычки, подражая их треску, и тогда огонь улегся, как дикая кошка, с мурлыканьем позволяющая бережно погладить себя по шерстке.

Пока огонь пожирал хворост и свет его отгонял волков, Сажерук невольно снова подумал о мальчике. Не перечесть ночей, в которые тот расспрашивал его о языке пламени, — ведь Фарид знал огонь только немым и злобным.

— Подумать только, — пробормотал Сажерук себе под нос, согревая пальцы над сонными огоньками, — ты все еще по нему скучаешь!

И он был рад, что хотя бы куница осталась с мальчиком и охраняет его от духов, которые ему повсюду мерещатся.

Да, Сажерук скучал по Фариду. Но были и другие, по кому он скучал целых десять лет, так что сердце у него изныло от тоски. И поэтому шаги его становились все торопливее по мере того, как он приближался к опушке леса и к тому, что ждало за ней, — к миру людей. Да, в другом мире его терзала не только тоска по феям, стеклянным человечкам и русалкам. Были и люди, по которым он скучал — не много, но тем сильнее томился он по этим немногим.

Как старался он забыть их с той ночи, когда пришел полумертвый от голода к дверям Волшебного Языка и тот объяснил ему, что пути назад нет... Да, в ту минуту он понял, что должен выбирать. «Забудь их, Сажерук! — Он все время твердил себе это. — Иначе ты сойдешь с ума оттого, что потерял их всех». Но сердце его не слушалось. Воспоминания, такие сладкие — и такие горькие... они грызли его все эти годы и в то же время поддерживали. Пока не начали бледнеть, выцветать, расплываться, пока от них не осталась лишь боль, которую он старался скорее заглушить, потому что она разрывала сердце. Какой толк вспоминать о том, что навсегда потеряно?

— Лучше и теперь не вспоминай, — сказал Сажерук сам себе.

Деревья вокруг него становились тем временем все моложе, а кроны все реже. Десять лет — долгий срок, за это время можно многое утратить — и многих. Между деревьями все чаще мелькали хижинки угольщиков, но Сажерук не показывался Черным Людям. За пределами Чащи о них отзывались с презрением, потому что угольщики селились дальше в лесу,

чем решались заходить остальные. Ремесленники, крестьяне, торговцы и князья — все нуждались в угле, но неприветливо встречали в своих городах и селах тех, кто жег его для них. Сажеруку угольщики нравились, они знали о лесе почти столько же, сколько он сам, хотя каждый день сызнав ссорились с деревьями. Нередко он сиживал у их костров и слушал их истории, но сейчас, после стольких лет отсутствия, ему хотелось услышать другие рассказы: о том, что произошло за пределами леса. А для этого самым подходящим местом были придорожные трактиры.

Сажерук точно знал, какой из них ему нужен. Он стоял на северном краю леса, там, где среди деревьев начиналась дорога, уходившая, петляя, вверх, к холмам, мимо нескольких разбросанных крестьянских дворов, до самых ворот Омбры, городка, на крыши которого отбрасывал тень замок Жирного Герцога.

В трактирах у дорог всегда собирались комедианты. Здесь их нанимали купцы и богатые ремесленники для свадеб, похорон и домашних праздников по случаю благополучного возвращения из путешествия или рождения ребенка. За несколько монет фигляры обеспечивали музыку, грубые шутки и фокусы — отдых от невеселой повседневности. Если Сажерук хотел узнать обо всем, что случилось здесь за те годы, что его не было, лучше всего было поговорить с Пестрым Народом. Комедианты исполняли в этом мире роль газеты. Никто не знал обо всех его событиях больше, чем эти вечные скитальцы.

«Как знать? — думал Сажерук, выходя из лесу. — Если повезет, я могу даже встретить старых знакомых».

Дорога была скользкая и вся в лужах. Колеса повозок оставили на ней глубокие колеи, а в коровьих и конских следах собралась дождевая вода. В это время года дожди нередко шли целыми днями, как вчера, когда он рад был, что густые кроны Непроходимой Чащи сплетаются в лиственный полог и не дают промокнуть до костей. Ночь была холодная, платье на нем завогло, хотя он спал у огня, и Сажерук радовался, что погода сейчас ясная — по небу над холмами плыло лишь несколько облачных клочьев.

К счастью, в карманах своей старой одежды он нашел несколько монет. Будем надеяться, что их хватит на тарелку-другую горячей похлебки. Из другого мира Сажерук не взял с собой ничего. Что бы он стал делать с разрисованными бумажками, которые считались там деньгами, здесь, где в уплату принимали только золото, серебро и звонкую медь, лучше всего с отчеканенным портретом какого-нибудь могущественного владыки? Когда монетки закончатся, ему придется поскорее идти выступать на рыночной площади — в Омбре или еще где-нибудь.

Трактир, куда он зашел, не сильно изменился за все эти годы, не стал ни лучше, ни хуже. У него был такой же обшарпанный вид, те же маленькие оконца, точнее, просто дыры в серых каменных стенах. В том мире, где он жил еще три дня назад, на такой грязный порог не ступил бы, наверное, ни один посетитель. Но здесь этот постоянный двор был последним пристанищем перед Чащей, последней возможностью получить горячий обед и сухое ложе, защищенное от росы и дождя... «А пару вшей и клопов на дорогу здесь дают бесплатно!» — думал Сажерук, открывая дверь.

В помещении было так темно, что его глаза должны были сперва привыкнуть к полумраку. Другой мир испортил их своим ярким светом и огнями, даже ночь превращавшими в день. Глаза привыкли к тому, что все ясно видно, что свет можно включать, выключать и распоряжаться им как хочешь. Но им придется снова освоиться с миром теней, полумрака и длинных, черных, как сажа, ночей и с домами, куда часто вовсе не впускали солнце, потому что от него слишком жарко.

Помещение освещали лишь скудные солнечные лучи, узкими полосами проникавшие сквозь маленькие окна. Пыль плясала в них, как рой крошечных фей. В камине пылал огонь под черным помятым котлом. Запах, поднимавшийся оттуда, не особенно манил даже сильно проголодавшегося Сажерука, но он ничего другого и не ждал. В этом трактире еще не бывало хозяина, умеющего стряпать. Человек тридцать посетителей сидели в полумраке на грубо сколоченных скамьях, куря, негромко беседуя, выпивая.

Сажерук присмотрел свободное местечко и сел. Он незаметно оглядел присутствующих — не мелькнет ли знакомое лицо и пестрый наряд, какой носят только актеры. У окна сидел лютнист, договариваясь о чем-то с человеком, одетым значительно лучше, — наверное, богатым купцом. Конечно, бедный крестьянин не мог нанять себе комедианта на праздник. Если он хотел, чтобы у него на свадьбе звучала музыка, приходилось ему самому браться за дешевую скрипку. Даже двух жалких лабухов, сидевших у окна, он не смог бы оплатить. За соседним столиком шумно ссорилась группа актеров — кажется, из-за лучшей роли в новой пьесе. Один из них так и не снял маску, в которой выступал на рыночной площади, и казался среди людей чужим, как кобольд. Впрочем, все они были чужими — певцы, танцоры, исполнители грубых фарсов на деревянных подмостках и огнеглотатели. То же относилось к их обычным спутникам — бродячим цирюльникам, костоправам, мастерам чудесных исцелений и извлечения камней глупости, — для которых комедианты собирали публику.

Юные и старые, счастливые и печальные лица — каких только не было в заполненном клубами дыма зале, но ни одно не показалось Сажеруку знакомым. Он тоже чувствовал на себе любопытные взгляды, но это было ему привычно. Шрамы на его лице всегда притягивали взоры, а наряд огнеглотателя, черный, как сажа, и красный, как огонь, покорный ему и пугающий других, тоже привлекал внимание. На секунду он почувствовал себя странно чужим в этой привычной толпе, как будто на нем явно проступали следы другого мира, следы долгих лет, прошедших с тех пор, как Волшебный Язык вытащил его из его истории и украл его жизнь, совсем не нарочно, — так порой случается, неосторожно ступив, раздавить на дороге улитковый домик.

— Гляди-ка!

На его плечо легла тяжелая рука, седовласый, круглолицый человек наклонился над ним и заглянул ему в лицо. Он так нетвердо держался на ногах, что Сажерук подумал сперва, что это пьяный.

— Ну уж это-то лицо я знаю, — не веря своим глазам, проговорил седовласый, сжимая плечо Сажерука так крепко, словно хотел убедиться, что перед ним действительно существо из плоти и крови. — Откуда ты взялся, Пожиратель Огня, уж не прямой ли дорогой из царства мертвых? Что случилось — не иначе феи снова пробудили тебя к жизни? Они ведь всегда тебя обожали, эти синие чертенята.

Несколько голов обернулись к ним, но кругом стоял такой шум, что мало кто заметил, что происходит.

— Небесный Плясун! — Сажерук поднялся и обнял товарища. — Как поживаешь?

— Я уж думал, ты меня позабыл. — Небесный Плясун широко ухмыльнулся, обнажая желтые зубы.

Нет, конечно, Сажерук не забыл его — хотя и пытался, как и всех остальных, по кому тосковал. Небесный Плясун — лучший канатоходец, когда-либо танцевавший между крыш. Сажерук сразу узнал его, несмотря на седые волосы и на то, как странно он приволакивал негнущуюся левую ногу.

— Пошли, это надо отметить. Не каждый день снова встречаешь умершего друга.

Он потащил Сажерука за собой на скамью у окна, куда падал солнечный свет. Подозвав девочку, помещивавшую варено в котле, он заказал два бокала вина. Малютка несколько секунд завороченно смотрела на шрамы Сажерука, потом бросилась к стойке, из-за которой толстяк с печальными глазами внимательно оглядывал своих посетителей.

— Ты отлично выглядишь, — заметил Небесный Плясун. — Не отошсал, не поседел, одежда не истрепана. Похоже, даже зубы у тебя все целы. Где ты пропадал? Может, мне тоже стоит туда отправиться — похоже, там неплохо живется?

— Даже не думай. Здесь лучше. — Сажерук откинул волосы со лба и огляделся. — Хватит обо мне. Расскажи, как твои дела. У тебя есть чем заплатить за вино, но волосы поседели, и левая нога...

— Да, нога.

Девочка принесла вино. Пока Небесный Плясун рылся в кошельке, доставая монету, она снова с таким любопытством уставилась на Сажерука, что он потер друг об друга кончики пальцев и прошептал несколько слов на языке огня. Потом выставил указательный палец, улыбнулся ей и легонько подул на ноготь. Крошечный язычок пламени, слишком слабый, чтобы разгореться в настоящий огонь, но достаточно яркий, чтобы отразиться в глазах девочки и брызнуть золотыми искрами на грязный стол, показался на кончике пальца. Малышка стояла как завороченная, пока Сажерук не задул огонек и не обмакнул палец в бокал с вином, который пододвинул ему Небесный Плясун.

— Ага, ты, стало быть, не разлюбил играть с огнем, — сказал Небесный Плясун. Девочка тем временем бросила испуганный взгляд на хозяина и поскорее вернулась к котлу. — А мне пришлось мои игры забросить.

— Как это случилось?

— Я упал с каната, и с тех пор я уже не Небесный Плясун. Торговец, чьих покупателей я отвлек, швырнул в меня капустным кочаном. Хорошо, что я упал на прилавок торговца тканями и сломал поэтому только ногу и пару ребер, а не шею.

Сажерук задумчиво посмотрел на него.

— И чем ты живешь, раз уже не можешь ходить по канату?

Небесный Плясун пожал плечами:

— Хочешь верь, хочешь нет, а я по-прежнему быстрый ходок. И верхом ездить нога мне не мешает — была бы лошадь. Я теперь гонец и этим зарабатываю на хлеб, хотя по-прежнему люблю посидеть с комедиантами, послушать их истории и погреться с ними у огня. Но кормят меня теперь буквы, хотя читать я так и не научился. Письма с угрозами и с просьбами, любовные записки, торговые договоры, завещания — все, что можно записать на листке пергамента или бумаги, я доставляю по назначению. Донесу надежно и слова, которые нашептали мне в ухо. Я неплохо зарабатываю, хотя, конечно, можно найти за деньги гонца и

побыстрее. Но про меня люди точно знают, что доверенное мне письмо попадет в те самые руки, для которых предназначено. А это дорогого стоит.

В этом Сажерук не сомневался. «За пару золотых можно прочесть почту и самого герцога», — говорили в его времена. Нужно было только найти человека, умеющего подделать взломанную печать.

— А остальные? — Сажерук взглянул на лабухов у окна. — Они что подделывают?

Небесный Плясун отхлебнул вина и поморщился:

— Кислятина. Надо было заказать к нему меда. Остальные... гм... — Он потер негнущуюся ногу. — Кто умер, кто пропал неизвестно куда, вроде как ты. Вон там, за тем крестьянином, что так грустно таращится в свою кружку, — он кивнул в сторону стойки, — стоит наш старый друг Коптемаз со своей вечной улыбкой. Худший огнеглотатель на всем белом свете, хотя он все еще старательно пытается тебе подражать и никак не поймет, почему огонь не хочет танцевать для него так, как для тебя.

— Этого ему никогда не понять.

Сажерук незаметно покосился на второго огнеглотателя. Насколько он помнил, Коптемаз неплохо умел жонглировать горящими факелами, но огонь не хотел играть с ним. Коптемаз был похож на безответно влюбленного, которому снова и снова отказывает обожаемая девушка. Когда-то давно Сажерук даже поделился с ним огненным медом — так жаль было смотреть на его беспомощные усилия, но даже это не научило беднягу понимать язык пламени.

— Говорят, он теперь работает с порошком алхимиков, — прошептал Небесный Плясун через стол. — Дорогое удовольствие, на мой взгляд. Огонь кусает его так часто, что руки у него до самых плеч багрового цвета. Только к лицу он его не подпускает. Перед выступлением всегда намазывает себе физиономию так густо, что она блестит, как шкурка окорока.

— Он по-прежнему напивается после каждого представления?

— И после представления, и перед представлением, и тем не менее он все еще недурен собой, скажи?

И правда, на приветливое, всегда улыбающееся лицо Коптемаза было приятно смотреть. Он был из тех комедиантов, что живут взглядами зрителей, их аплодисментами, тем, что люди останавливаются, чтобы на них посмотреть. Он и сейчас потешал тех, кто стоял рядом с ним у стойки. Сажерук повернулся к нему спиной, ему не хотелось снова увидеть в этих глазах восхищение и зависть. Коптемаз не относился к числу тех, по кому он скучал в другом мире.

— Не думай, что Пестрому Народу стало легче жить, — негромко сказал Небесный Плясун. — С тех пор как умер Козимо, Жирный Герцог пускает нашего брата на рынки только по праздничным дням, а в свой замок — только когда его внучок начинает громогласно требовать комедиантов. Не самый милый ребенок, уже сейчас гоняет прислугу, грозя ей поркой и позорным столбом, но Пестрый Народ он любит.

— Козимо Прекрасный умер? — Сажерук чуть не подавился кислым вином.

— Да. — Небесный Плясун перегнулся через стол, словно считал неприличным говорить о беде и смерти слишком громко. — Всего год назад он отправился, прекрасный, как ангел, доказать свою княжескую доблесть и уничтожить поджигателей, поселившихся в лесу. Ты, может быть, помнишь их главаря, Каприкорна?

Сажерук невольно улыбнулся.

— О да, его я помню, — тихо сказал он.

— Он исчез примерно тогда же, когда и ты, но его банда хладнокровно продолжала свое дело. Новым вожаком стал Огненный Лис. Ни одна деревня, ни один крестьянский двор по эту сторону леса не чувствовали себя в безопасности. И вот Козимо отправился в поход, чтобы покончить с этой нечистью. Он изничтожил всю банду, но сам не вернулся назад, и с тех пор его отца, обжору, завтраком которого могли бы прокормиться три деревни, стали звать еще Герцог Вздохов. Потому что кроме как вздыхать Жирный Герцог с тех пор ничего не делает.

Сажерук протянул пальцы к пыли, танцевавшей перед ним в солнечном луче.

— Герцог Вздохов, — задумчиво проговорил он. — Вон оно как. А как поживает светлейший князь по ту сторону леса?

— Змееглав? — Небесный Плясун настороженно огляделся. — Этот пока жив, к сожалению. По-прежнему воображает себя властелином мира, велит ослепить любого крестьянина, которого его егеря поймают в лесу с убитым кроликом, обращает в рабов тех, кто не платит ему налогов, и заставляет их копать в земле, добывая серебряную руду, пока они не начнут харкать кровью. Виселицы вокруг его замка никогда не пустуют, и больше всего он любит подвесить на них пару пестрых штанов. Однако дурного о нем почти не услышишь, потому что шпионов у него больше, чем вшей на этом постоялом дворе, и он им хорошо платит. Но смерть, — тихо добавил Небесный Плясун, — не подкупишь, а Змееглав уже стар. Говорят, он в последнее время боится Белых Женщин и смерти, боится так, что ночи простаивает на коленях, воя, как побитая собака. Его повара

каждое утро готовят ему пудинг из телячьей крови, который якобы сохраняет молодость, а под подушкой у него лежит, говорят, палец повешенного, защищающий от Белых Женщин. За последние семь лет он четыре раза женился. Его жены становятся все моложе, но ни одна из них так и не подарила ему того, о чем он так мечтает.

— У Змееглава так и нет сына?

Небесный Плясун покачал головой:

— Нет, но его внук рано или поздно будет нами править, потому что старый лис выдал одну из своих дочерей — Виоланту, которую все зовут просто Уродиной, — за Козимо Прекрасного, и она успела родить от него сына до того, как юноша отправился в злополучный поход. Говорят, Змееглав, чтобы Жирный Герцог согласился взять ее в жены своему сыну, дал ей в приданое драгоценную рукопись да еще своего лучшего придворного миниатюриста. Да, прежде Жирный Герцог любил рукописи не меньше, чем вкусную еду, но теперь его драгоценные книги покрываются плесенью! Ничто его больше не интересует, и меньше всего — его подданные. Люди шепчутся, что в этом и был план Змееглава. Он будто бы сам приложил руку к тому, чтобы зять его не вернулся из-под крепости Каприкорна. Тогда после смерти Жирного Герцога трон достанется его внуку.

— Что ж, люди, наверное, правы.

Сажерук поглядел на собравшихся в душном зале. Бродячие торговцы, цирюльники, подмастерья, музыканты с обтрепанными рукавами. Один притащил с собой кобольша, с несчастным видом сидевшего рядом с ним на полу. По многим похоже было, что они не знают, чем заплатить за вино. Веселых, не отмеченных нуждой и болезнью лиц почти не видно. А разве он ожидал иного? Надеялся, что все горе его мира ушло куда-то, пока его не было? Нет. Он десять лет мечтал только о возвращении — не в рай, а всего лишь домой. Разве не хочет рыба обратно в воду, даже если там и подстерегает щука?

Какой-то пьяница натолкнулся на их стол и чуть не опрокинул вино. Сажерук подхватил кувшин.

— А люди Каприкорна — Огненный Лис и прочие? Они все погибли?

— Мечтать не вредно! — Небесный Плясун горько усмехнулся. — Все поджигатели, сбежавшие от Козимо, были приняты с распростертыми объятиями в Замке Ночи. Огненного Лиса Змееглав сделал своим герольдом, и даже Свистун, старый музыкант Каприкорна, поет теперь свои мрачные песенки в Замке Серебряных Башен. Он ходит в шелку и бархате, и карманы у него полны золота.

— И Свистун еще тут? — Сажерук провел ладонью по лицу. — Господи, а чего-нибудь хорошего у тебя не найдется рассказать? Чего-нибудь, чтобы порадоваться, что я снова здесь?

Небесный Плясун рассмеялся так громко, что Коптемаз обернулся и посмотрел в их сторону.

— Лучшая новость — что ты вернулся! — сказал он. — Мы по тебе скучали, Повелитель Огня. Феи, говорят, вздыхали по ночам, водя свои хороводы, с тех пор как ты нас предательски бросил, а Черный Принц каждый вечер перед сном рассказывает о тебе своему медведю.

— Принц тоже никуда не делся? Отлично. — Сажерук с облегчением отхлебнул вина, хотя оно было и вправду на редкость гадкое. Он не решался спросить о Принце, опасаясь, что с ним случилось то же, что и с Козимо.

— Да, у него все в порядке. — Небесный Плясун заговорил громче, потому что за соседним столиком два торговца затеяли перебранку. — Он все тот же — черен как уголь, скор на язык, нож достает еще скорее и никогда не ходит без своего медведя.

Сажерук улыбнулся. Это и вправду хорошая новость. Черный Принц... Укротитель Медведей, Метатель Ножей... Наверное, так и не сумел примириться с тем, как жизнь устроена. Сажерук знал его с тех пор, как они оба были детьми, сиротами, подкидышами. В одиннадцать лет они вместе стояли у позорного столба, там, по ту сторону леса, откуда оба они родом, и потом от них два дня воняло гнилыми овощами.

Небесный Плясун взглянул ему в лицо.

— Ну? — сказал он. — И когда же ты спросишь меня наконец о том, что просится тебе на язык с той минуты, как я хлопнул тебя по плечу? Спрашивай! Не дожидайся, пока я напьюсь так, что не смогу тебе ответить.

Сажерук не мог удержаться от улыбки. Небесный Плясун всегда был мастером читать в чужом сердце, хотя по его круглому лицу этого не скажешь.

— Что ж, и впрямь. Как она поживает?

— Ну наконец-то! — Небесный Плясун самодовольно улыбнулся, показав две дыры на месте выпавших зубов. — Во-первых... Она по-прежнему красавица. Живет теперь в доме, не поет, не танцует, закалывает волосы наверх, как крестьянка. У нее есть клочок земли на холме позади замка, и она разводит там травы для цирюльников. Даже Крапива у нее покупает. Живет она с этого ни шатко ни валко и растит двух ребятишек.

Сажерук попытался сделать равнодушное лицо, но по улыбке Небесного Плясуна понял, что ничего не вышло.

— А тот торговец пряностями, что все вокруг нее увивался?

— А что тебе до него? Он уже много лет уехал отсюда, живет теперь, наверное, в большом доме у моря и становится все богаче с каждым мешком перца, который подвозят его корабли.

— Так она не вышла за него замуж?

— Нет. Она вышла за другого.

— За другого?.. — Сажерук снова попытался говорить равнодушно, и снова напрасно.

Небесный Плясун несколько мгновений наслаждался его беспомощностью, а потом продолжил:

— Да, за другого. Бедняга вскоре умер, но оставил ей сына.

Сажерук несколько мгновений молчал, слушая биение своего сердца. Глупый мышечный комок.

— А девочки?

— Ах да, девочки. Интересно, кто же их отец? — Небесный Плясун снова улыбнулся, как мальчишка, которому удалась злая шалость. — Брианна стала такой же красавицей, как мать. Хотя у нее твой цвет волос.

— А Розанна, младшая?

У нее волосы были черные, как у матери.

Улыбка исчезла с лица Небесного Плясуна, как будто Сажерук стер ее тряпкой.

— Малышки давно уже нет, — сказал он. — Лихорадка. Через две зимы после твоего исчезновения. Тогда многие умерли. Даже Крапива не могла им помочь.

Сажерук рисовал липким от вина пальцем линии по столу. Потерял. За десять лет многое можно потерять. Мгновение он отчаянно пытался вызвать в памяти маленькое личико Розанны, но оно расплывалось, словно он слишком долго старался его забыть.

Небесный Плясун помолчал вместе с ним среди общего шума. Потом с трудом поднялся. Не так-то легко было встать с низкой скамьи с негнущейся ногой.

— Мне пора, дружище, — сказал он. — Я должен отнести еще три письма, два из них в Омбру. Мне нужно быть у городских ворот до наступления темноты, не то стражники опять вздумают шутки ради меня не пускать.

Сажерук все еще чертил линии по темному столу.

Через две зимы после твоего исчезновения — эти слова жгли ему мозг, как крапива.

— А где разбили свои шатры остальные?

— Прямо под стенами Омбры. Милейший внук нашего князя скоро будет отмечать свой день рождения. По этому случаю всех комедиантов и музыкантов приглашают в замок.

Сажерук кивнул, не подымая головы:

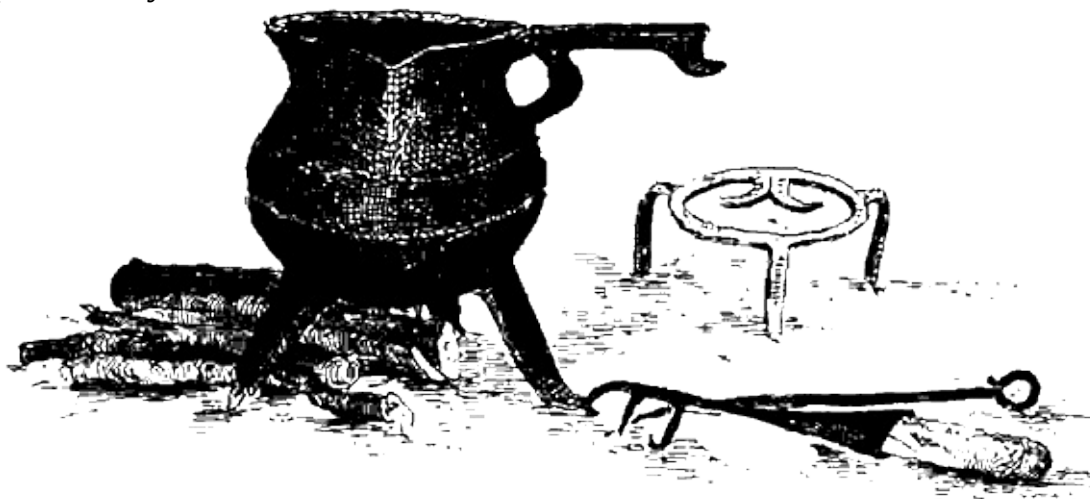
— Посмотрим. Может, и я там появлюсь.

Он быстро встал с жесткой скамьи. Девочка у камина посмотрела на них. Примерно столько лет было бы сейчас его младшей дочери, не унеси ее лихорадка. Он протиснулся вместе с Небесным Плясуном мимо полных народа скамей и стульев к выходу. Погода по-прежнему была прекрасная, солнечный осенний день в пестром, как у комедианта, наряде.

— Поехали вместе в Омбру! — Небесный Плясун положил руку ему на плечо. — Мой конь унесет и двоих, а приют на ночь там всегда можно найти.

Но Сажерук покачал головой.

— Не сейчас, — сказал он и посмотрел на глинистую дорогу. — Сперва мне нужно кое-кого навестить.

МЕГГИ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Идея пока только брезжила, плавала и мерцала в сознании, как мыльный пузырь, и Лира не решалась даже ухватиться за нее, опасаясь, что она лопнет. Но состояние это было для нее уже привычным: пока что она удовлетворилась этим мерцанием, отвернулась от него, стала думать о другом.

Филип Пулман. Северное Сияние^[4]

Мо вернулся, когда они сидели за завтраком, и Реза бросилась его целовать, как будто он отсутствовал несколько месяцев. Мегги тоже обняла отца крепче обычного, радуясь, что он добрался невредимым, но при этом старалась не глядеть ему прямо в глаза. Мо слишком хорошо знал свою дочь. Он сразу понял, что у нее нечиста совесть. И совесть в самом деле страшно мучила Мегги.

Причиной тому был листок бумаги, лежавший наверху в ее комнате среди школьных тетрадок, густо исписанный ее почерком, но чужими словами. Мегги провела не один час, переписывая слова Орфея. Всякий раз, как ей случалось сделать опisku, она начинала сначала, опасаясь, что одна-единственная ошибка может все испортить. Добавила она лишь два слова — там, где шла речь о мальчике, в тех предложениях, которые Орфей не стал читать. «И девочку», — вставила Мегги. Два неприметных, обычных слова, до того обычных, что они, надо думать, встречались хоть раз на страницах «Чернильного сердца». Проверить Мегги не могла, поскольку единственный экземпляр находился теперь у Басты. Баста... уже сам звук этого имени напоминал Мегги черные дни и беспросветные ночи, полные страха.

Мо привез ей в знак примирения подарок, как всегда, когда им случалось поссориться: маленький блокнот в переплете собственного изготовления из мраморной бумаги, такого размера, чтобы его удобно было носить в кармане. Мо знал, что Мегги страшно нравится мраморный узор. Ей было девять лет, когда он научил ее, как самой окрасить бумагу такими разводами. Нечистая совесть уязвила ее в самое сердце, когда он положил блокнот возле ее тарелки, и на мгновение ей захотелось все ему рассказать, как она всегда делала раньше. Но ее удержал взгляд Фарида. «Нет, Мегги! — говорил этот взгляд. — Он тебя не отпустит! Никогда, ни за что!» И она промолчала, поцеловала Мо, прошептала «спасибо» и поспешно опустила голову, не в силах выговорить что-нибудь, — такой тяжестью висели у нее на языке несказанные слова.

К счастью, на ее подавленный вид никто не обратил внимания. Все остальные тоже глядели невесело из-за новостей о Басте. Элинор сходила в полицию, как советовал ей Мо, но это посещение отнюдь не улучшило ее настроения.

— Ну что я тебе говорила, — ворчала она, кромсая ножом сыр, словно он был виноват во всех бедах. — Эти кретины не поверили ни одному моему слову. Если в эту форму одеть баранов, толку и то будет больше. Вы знаете, я не люблю собак, но, наверное, придется купить парочку... Таких здоровых черных зверюг, которые разорвут Басту в куски, как только он ступит за садовую калитку. Добстерманов, да, добстерманов! Так ведь они называются, эти псы-людоеды?

— Ты хочешь сказать «доберманов». — Мо подмигнул Мегги через стол.

Сердце у нее упало. Он подмигивает ей, своей обманщице-дочери, которая хочет уйти туда, куда он, по всей вероятности, не сможет за ней последовать. Мать, может быть, ее поймет, но Мо? Нет. Мо не поймет. Никогда.

Мегги до боли прикусила губу, а Элинор тем временем продолжала возбужденно говорить:

— Или я могу нанять охранника. Так ведь делают, правда? С большим пистолетом, или вообще вооруженного до зубов, с ножом, пулеметом и что там еще бывает, и такого роста, чтобы у Басты от одного взгляда на него остановилось черное сердце. Ну как идея?

Мегги видела, что Мо с трудом удерживает смех.

— Как идея? Говорит о том, что ты читалась детективных историй, Элинор.

— Детективных историй я действительно читала много, — обиженно

ответила Элино́р. — Они очень поучительны для людей, которые в обычной жизни не слишком часто сталкиваются с преступниками. Как бы то ни было, я не могу забыть нож Басты у твоего горла.

— Я тоже, можешь мне поверить.

Мегги увидела, как отец провел рукой по горлу, словно на мгновение вновь почувствовал на коже прикосновение острого лезвия.

— И все-таки вы, по-моему, зря так переполошились. У меня было в дороге время подумать, и я не верю, что Баста пустится в долгий путь сюда, только чтобы нам отомстить. За что, собственно? За то, что мы спасли его от Призрака? Нет. Он, конечно, давно заставил Орфея вчитать себя обратно. Обратно в книгу. Баста был далеко не в таком восторге от нашего мира, как Каприкорн. Его здесь многое раздражало и пугало.

И Мо стал намазывать варенье на бутерброд с сыром. Элино́р, как всегда, смотрела на это с отвращением, а он, как всегда, не обращал на ее неодобрительный взгляд никакого внимания.

— А те угрозы, что он кричал вслед Фариду?

— Он разъярился на мальчика, потому что тот от него ускользнул, — вот и все. Мне ведь не нужно тебе рассказывать, что Баста в ярости способен сказать что угодно. Удивило меня только то, что у него хватило ума догадаться, что книга у Сажерука. А еще хотел бы я знать, где он откопал этого Орфея, который, похоже, умеет читать не в пример лучше, чем я.

— Чушь! — Элино́р говорила сердито, но в ее голосе слышалось облегчение. — Не хуже тебя умеет читать только твоя дочь.

Мо улыбнулся Мегги и положил на варенье еще ломтик сыра.

— Спасибо, я польщен. Но как бы то ни было, наш друг Баста, любитель поиграть ножичком, наверняка уже далеко. И, надеюсь, он прихватил с собой проклятую книгу, так что эта история наконец навсегда завершилась. Элино́р не нужно больше вздрагивать по ночам при каждом шорохе в саду, а Дариус, будем надеяться, перестанет видеть во сне нож Басты — из чего следует, что Фарид принес нам на самом деле отличную новость! Надеюсь, вы не забыли поблагодарить его как следует!

Фарид смущенно улыбнулся, когда Мо в шутку чокнулся с ним кофейной чашкой, но Мегги заметила тревогу в его черных глазах. Если Мо прав, Баста был сейчас там же, где Сажерук. И все они очень охотно в это поверили. На лицах Дариуса и Элино́р ясно читалось облегчение, а Реза обняла Мо и улыбалась, как будто все наконец снова в порядке.

Элино́р стала расспрашивать Мо о книгах, которые он так предательски бросил из-за звонка Мегги. Дариус пытался объяснить Резе

систему, по которой он хочет заново расставить книги Элиноর. Только Фарид сидел, уставившись в свою пустую тарелку. Вероятно, на белом фарфоре ему виделся нож Басты у горла Сажерука.

Баста. Это имя застряло у Мегги в горле, как вишневая косточка. Она могла теперь думать только об одном: если Мо прав, Баста сейчас там, куда и она в ближайшее время собирается. В Чернильном мире.

Она хотела сделать попытку уже этой ночью, хотела с помощью своего голоса и слов Орфея проложить путь сквозь заросли слов — прямо в Непроходимую Чащу. Фарид умолял ее не медлить больше. Он сходил с ума от страха за Сажерука. И слова Мо не улучшили его состояния.

— Мегги, прошу тебя! — просил он ее все это время. — Ну давай читать, Мегги!

Мегги взглянула на Мо. Он что-то нашептывал Резе, и та смеялась. Только в смехе можно было услышать ее голос. Мо обнял ее за плечи и посмотрел на Мегги. Когда завтра утром ее кровать окажется пустой, у него будет не такой беззаботный вид, как сейчас. Рассердится он или только опечалится? Реза смеялась, потому что он изображал в лицах ей и Элинор, в какой ужас пришел коллекционер, чьи книги он так внезапно бросил. Мегги тоже рассмеялась, услышав, как он передразнивает голос бедняги. Заказчик был, видимо, очень толст и страдал одышкой.

Только Элинор не смеялась.

— Не вижу тут ничего смешного, Мортимер, — язвительно заметила она. — Я бы тебя, наверное, просто застрелила, если бы ты вот так смылся, бросив мои бедные книги больными, в пятнах и трещинах.

— Охотно верю. — Мо бросил на Мегги заговорщический взгляд, как всегда, когда Элинор читала им лекции о том, как правильно обращаться с книгами и со стеллажами у нее в библиотеке.

«Ах, Мо, если бы ты знал, — думала Мегги, — если бы ты только знал...» И при этом ей казалось, что он вот-вот все прочтет у нее на лбу. Она резко поднялась со стула, пробормотала что-то вроде «спасибо, я сыта» и побежала в библиотеку Элинор. А куда же еще? Всякий раз, когда ей нужно было уйти от своих мыслей, она искала помощи у книг. В библиотеке непременно найдется какая-нибудь, которая отвлечет ее до вечера, когда все отправятся спать, ничего не подозревая...

По библиотеке Элинор не было заметно, что всего год назад здесь висел у пустых стеллажей красный петух, а лучшие ее книги полыхали снаружи на газоне. Банку с пеплом Элинор по-прежнему держала на прикроватном столике.

Мегги провела пальцем по корешкам. Они снова стояли ровным рядом, как клавиши рояля. Кое-где еще мелькали пустые полки, но Элино́р и Дариус неутомимо разыскивали повсюду достойную замену утраченным сокровищам.

Орфей... Где история про Орфея?

Мегги подошла к той полке, где выстроились в длинный ряд греки и римляне, но в эту минуту за ее спиной открылась дверь и вошел Мо.

— Реза говорит, что листок, который принес Фарид, лежит у тебя в комнате. Покажешь мне? — Он старался говорить небрежно, как будто спрашивает о погоде, но притворяться у него никогда не получалось. Это он умел так же плохо, как лгать.

— Зачем? — Мегги прислонилась к книгам Элино́р, словно ища у них опоры.

— Зачем? Я человек любопытный. Ты разве не знала? А потом... — Он посмотрел на книжные корешки, как бы пытаясь найти там нужные слова. — Мне кажется, что этот листок лучше бы сжечь.

— Сжечь? — Мегги смотрела на него во все глаза. — Это еще почему?

— Да, я понимаю, это звучит так, словно я боюсь привидений. — Мо взял с полки книжку, открыл ее и принялся листать с отсутствующим видом. — Но этот листок, Мегги... Он мне кажется открытой дверью, дверью, которую лучше бы закрыть раз и навсегда. Не дожидаясь, пока еще и Фарид попытается исчезнуть в этой проклятой истории.

— А что такого? — Мегги невольно говорила сухим тоном, словно с чужим человеком. — Как ты не понимаешь? Он хочет к Сажеруку! Чтобы предупредить его, что Баста за ним охотится.

Мо захлопнул взятую с полки книгу и поставил ее на место.

— Да, так он говорит. А если Сажерук вовсе не хотел брать его с собой, если он нарочно оставил его здесь? Тебя бы это очень удивило?

Нет. Нет, не удивило бы. Мегги молчала. В библиотеке было совсем тихо, так страшно тихо среди всех этих слов.

— Я знаю, Мегги, — негромко заговорил наконец Мо, — я знаю, тот мир, что описан в этой книге, кажется тебе куда привлекательнее нашего. Мне знакомо это чувство. Я сам не раз мечтал переселиться в одну из своих любимых книг. Но мы оба знаем, что, когда мечта становится действительностью, все выглядит совсем по-другому. Чернильный мир представляется тебе волшебным, полным чудес, но поверь, от твоей матери я слышал о нем много такого, что тебе совсем не понравилось бы. Этот мир жесток и опасен, полон мрака и насилия, и правит в нем, Мегги, не справедливость, а сила.

Он смотрел ей в глаза, ища там согласия, которое привык всегда находить, но на этот раз его не было.

— Фарид тоже родом из такого мира, — сказала Мегги, — и он не по своей воле оказался в нашей истории. Это ты вычитал его сюда.

Она тут же раскаялась в своих словах. Мо отвернулся, словно она его ударила.

— Ну что ж. Ты, конечно, права, — сказал он, идя к двери. — Я не хочу с тобой снова ссориться. Но я также не хочу, чтобы этот листок лежал у тебя в комнате. Отдай его Фариду. А то кто его знает — завтра проснешься, а у тебя на кровати сидит великан.

Он, конечно, попытался улыбнуться при этих словах. У него не было сил продолжать разговор в таком тоне. Какой подавленный у него вид. И какой усталый.

— Но ты же прекрасно знаешь, что ничего такого быть не может, — сказала Мегги. — О чем ты беспокоишься? Само собой ничто из букв не выходит, пока его не позовешь. Ты это знаешь лучше всякого другого!

Его рука лежала на ручке двери.

— Да, — сказал он, — ты, наверное, права. Но... знаешь что? Иногда мне хочется приделать к каждой книге замок. А уж что касается этой книги... Сейчас я был бы, пожалуй, рад, если бы Каприкорн сжег и последний экземпляр. Она приносит несчастье, Мегги, одно несчастье. Даже если ты не хочешь в это верить.

С этими словами он вышел из библиотеки и закрыл за собой дверь.

Мегги стояла не шевелясь, пока его шаги не затихли. Она подошла к окну, выходящему в сад, но, когда Мо показался на дорожке, ведущей в мастерскую, он не обернулся на дом. С ним была Реза. Одну руку она положила ему на плечо, а другой рисовала в воздухе слова, которых Мегги не могла разобрать. Интересно, они сейчас говорят о ней?

Порой она испытывала странное чувство оттого, что у нее есть теперь не один только отец, а родители, которые беседуют между собой о чем-то без нее. Мо вошел в мастерскую один, а Реза направилась обратно к дому. Она помахала Мегги, увидев ее у окна, и Мегги помахала ей в ответ.

Странное чувство...

Мегги долго еще сидела среди книг Элинора, листая то одну, то другую, ища слова, которые заглушили бы ее собственные мысли. Но буквы оставались буквами, из них не складывались ни слова, ни картины, и в конце концов Мегги вышла в сад, легла в траву и посмотрела на окно мастерской, в котором виднелся силуэт Мо, склоненного над работой.

«Не могу я этого сделать, — думала она, глядя, как ветер обрывает

листья с деревьев и уносит с собой, будто пестрые игрушки. — Нет! Так нельзя. Они все страшно расстроятся, а Мо вообще больше не станет со мной разговаривать, никогда».

Да, Мегги говорила себе все это, говорила много раз. И в то же время глубоко внутри знала, что ее решение давно уже принято.

КОМЕДИАНТКА

*Певец по свету бродит,
Уж так заведено —
Звучит из всех мелодий
Прощание одно.
Любимая, не знаю,
Увижусь ли с тобой.
Смерть розы обрывает
Тяжелою рукой.*

Элимар фон Монстерберг. Шпильман

Как раз рассвело, когда Сажерук добрался до крестьянской усадьбы, которую описал ему Небесный Плясун. Она лежала на южном склоне холма, в окружении оливковых деревьев. Земля здесь была, по рассказам Небесного Плясуна, сухая и каменистая, но травам, которые разводила Роксана, как раз такая и была нужна. Усадьба стояла на отшибе, ни одной деревни поблизости, и защищала ее лишь стена ниже человеческого роста да деревянные ворота. Отсюда уже виднелись крыши Омбры, высоко вздымающиеся над ними башни замка и поворот к городским воротам — совсем рядом и в то же время слишком далеко, чтобы успеть скрыться за городские стены, если разбойники или солдаты, возвращающиеся с очередной войны, вздумают разграбить одинокую усадьбу, где никого нет, кроме женщины и двух детей.

«Может, у нее есть хотя бы батрак», — думал Сажерук, стоя за кустами дрока. Ветви скрывали его, зато сам он мог все хорошо разглядеть. Дом был маленький, как большинство крестьянских домов, не такой

убогий, как у многих, но и не намного лучше. Целая дюжина таких домов могла бы уместиться в любом из тех залов, где прежде пела и танцевала Роксана. Даже Змееглав приглашал ее в свой замок, как ни презирал он Пестрый Народ, потому что в ту пору всякому хотелось смотреть на нее и слушать. Богатые купцы, мельник ниже по реке, торговец пряностями, больше года славший ей подарки... многие мечтали взять ее в жены, засыпать драгоценностями и дорогими платьями, предлагали ей покои куда просторнее дома, где она теперь жила. Но Роксана осталась с Пестрым Народом, она была не из тех комедианток, что продают хозяину голос и тело за немного покоя и теплый кров.

Но и ей однажды надоело бродяжничать, захотелось постоянного дома для себя и детей, потому что бродячая братия жила вне закона. Закон не защищал их, как не защищал побирušек и разбойников. Ограбивший актера мог не опасаться властей. Насилие над комедианткой сходило безнаказанным, и убивший комедианта не предавался в руки палача. Вдове была позволена единственная месть: избить тень убийцы — только тень, — когда солнце отбросит ее на городскую стену, и за похороны вдова должна была платить сама. Да, для Пестрого Народа не было защиты. Их звали приманкой дьявола, смеялись их шуткам, слушали песни и сказки, смотрели трюки и фокусы и по вечерам запирались от них покрепче. Их не пускали ночевать в города и деревни, под защиту стен, им приходилось вечно бродить по дорогам. Их свободе завидовали и потому высмеивали этих людей, вынужденных служить за деньги и хлеб множеству господ.

Редко случалось, чтобы комедиант избавился от вечных странствий и положения изгоя. Но Роксане это, видимо, удалось.

При доме был хлев, амбар, пекарня, а между ними — двор с колодцем посередине, сад, окруженный плетнем, чтобы куры и козы не общипали молодые деревца, а за ним — с десяток узких длинных грядок. С некоторых урожай был уже собран, на других еще колосились пушистые травы, отяжелевшие от собственных семян. Утренний ветерок доносил до Сажерука их горьковато-сладкий аромат.

Роксана склонилась над самой дальней грядкой, среди льна, окопника и дикой мальвы. Похоже, она работала уже давно, хотя над кустами еще не развеялся утренний туман. Рядом с ней стоял мальчик лет семи-восьми. Роксана сказала ему что-то и засмеялась. Как часто Сажерук вспоминал ее лицо, каждую черту, рот, глаза, лоб с высоко зачесанными над ним волосами. С каждым годом это становилось труднее, облик Роксаны расплывался, как ни старался он припомнить все в точности. Время стерло, запорошило пылью ее лицо.

Сажерук шагнул вперед и тут же отступил. Он уже трижды хотел повернуть назад, бежать отсюда так же неслышно, как пришел, и все же не трогался с места. Ветер зашевелил кусты дрока, толкнул его в спину, словно подбадривая, и Сажерук решился, раздвинул ветки и двинулся к дому и грядкам.

Мальчик увидел его первым, а из высокой травы у хлева выступил гусь и пошел на него, шипя и хлопая крыльями. Крестьянам не разрешалось держать собак, это было привилегией знати, но гуси были надежными сторожами и умели ничуть не хуже пугать непрошенных гостей. Однако Сажерук ловко увернулся от разинутого клюва и погладил рассерженную птицу по белой шее, так что она в конце концов аккуратно сложила крылья, как свежесглаженное платье, и мирно поковыляла обратно на свое место в траве.

Роксана выпрямилась. Она обтерла о платье перепачканные землей руки и смотрела на него молча и неподвижно. Волосы у нее и в самом деле были заколоты наверх, как у крестьянки, но, похоже, были такими же длинными и густыми, как прежде, и такими же черными, не считая нескольких седых прядок. Платье на ней было коричневое, как земля, на которой она работала, а не пестрое, как те юбки, что она носила прежде. Но лицо ее было Сажеруку по-прежнему знакомо, как небесный свод над нами, знакомее, чем собственное отражение в зеркале.

Мальчик схватился за грабли, лежавшие рядом с ним на земле. Он поднял их с такой мрачно-решительной миной, будто привык защищать мать от странных чужаков. «Умница, — подумал Сажерук, — не доверяй никому, а уж тем более покрытой шрамами морде, которая вдруг появляется из-за кустов».

Что сказать, когда она спросит, где он был?

Роксана что-то тихо шепнула мальчику, и он опустил грабли, но глядел по-прежнему настороженно.

Десять лет.

Он и прежде часто уходил — то в лес, то в приморские города, по дорогам, вьющимся по холмам среди рассеянных деревень, — как лис, появляющийся у человеческого жилья лишь тогда, когда от голода подведет живот. «У тебя сердце бродяги», — говорила Роксана. Иногда ему приходилось разыскивать ее, потому что она уходила кочевать с остальными комедиантами. Одно время они жили вместе в лесу, в заброшенной хижине угольщика, а потом снова в шатре, среди Пестрого Народа. Одну зиму они даже продержались за прочными стенами Омбры. Это его всегда тянуло прочь, и, когда у них родилась первая дочь и Роксане

все чаще хотелось остаться с другими женщинами из их касты, вблизи от защищающих стен, он стал уходить один. Но он всегда возвращался к ней и детям, к большой досаде увивавшихся вокруг нее богачей, надеявшихся сделать из комедиантки приличную женщину.

Что она подумала, когда он исчез на десять лет? Считала его умершим, как Небесный Плясун? Или поверила, что он мог просто уйти, не сказав ей ни слова, не попрощавшись?

На лице Роксаны он не прочел ответа. Оно выражало растерянность, гнев, может быть, и любовь. Может быть. Она шепнула что-то мальчику, взяла его за руку и повела за собой — медленно, словно не позволяя ногам ступать быстрее. Ему хотелось бегом кинуться к ней, с каждым шагом сбрасывая с себя годы, но отвага его покинула. Он стоял, словно прирос к земле, и смотрел, как она идет к нему — после всех этих лет, для которых у него нет объяснения, кроме одного, которому она не поверит.

Между ними оставалось всего несколько шагов, когда Роксана остановилась. Она положила руку мальчику на плечо, но он стряхнул ее. Еще бы. Он не хотел, чтобы рука матери напоминала о том, что он еще маленький.

Как гордо она выпячивает подбородок. Это было первое, что привлекло его в Роксане, — гордость. Он невольно улыбнулся, опустив голову, чтобы она не заметила.

— Ты, видно, по-прежнему можешь уговорить любого зверя. До сих пор моя гусыня никого близко не подпускала.

В голосе Роксаны, когда она говорила, не было ничего особенного — ничто не предвещало той силы и красоты, какие раскрывались в пении.

— Да, это не изменилось, — сказал он. — За все эти годы.

И вдруг, глядя на нее, Сажерук наконец по-настоящему почувствовал, что вернулся домой. Это чувство было таким сильным, что у него подогнулись колени. Как он счастлив был снова видеть Роксану, невероятно, безмерно счастлив. «Спроси меня! — подумал он. — Спроси меня, где я был». Хотя он не знал, как объяснить ей.

Но она сказала только:

— Похоже, там, где ты был, тебе жилось неплохо.

— Это только так кажется, — сказал он. — Я оставался там не по доброй воле.

Роксана разглядывала его лицо, словно забыла, как он выглядит, и гладила мальчика по голове. Волосы у него были такие же черные, как у матери, но глаза были другие и смотрели на него неприветливо.

Сажерук потер друг о друга ладони и зашептал своим пальцам слова

на языке огня, пока с них дождем не посыпались искры. Там, где они падали на каменистую землю, выростали цветы, красные цветы с лепестками из язычков пламени.

Мальчик таращился на них с испуганным восторгом. Потом опустил на корточки и протянул руку к огненным соцветиям.

— Осторожно! — предупредил Сажерук, но было уже поздно.

Мальчик смущенно сунул в рот обожженные пальчики.

— Значит, огонь тебе тоже повинуется по-прежнему, — сказала Роксана, и в ее глазах впервые промелькнула улыбка. — Похоже, ты голоден. Пойдем.

И она молча пошла к дому. Мальчик все еще смотрел на огненные цветы.

— Я слышал, ты выращиваешь травы для знахарей. — Сажерук нерешительно остановился в дверях.

— Да. У меня даже Крапива покупает.

Крапива, крошечная, как гномик, вечно недовольная и молчаливая, как уличный попрошайка, которому вырезали язык. Но лучшей знахарки не найти на целом свете.

— Она так и живет в старой берлоге на опушке леса?

Сажерук наконец зашел в дом. Притолока была до того низкая, что ему пришлось пригнуться. В нос ударил запах свежего хлеба.

Роксана положила на стол каравай, достала сыр, оливковое масло, маслины.

— Да, но она там редко бывает. Крапива стала совсем чудная, бродит по лесу, разговаривает с деревьями и сама с собой, выискивает травы, которых еще не знает. Иногда пропадает на долгие недели, поэтому люди все чаще приходят ко мне. Крапива кое-чему научила меня за эти годы. — Роксана говорила, не глядя на него. — Показала, как вырастить на грядке травы, которые обычно растут только в лесу: медвежье ушко, кислицу, красные анемоны, из которых делают свой мед огненные эльфы.

— Я и не знал, что эти анемоны тоже лечебные.

— А они и не лечебные. Я посадила их потому, что они мне о ком-то напоминали.

Тут она наконец взглянула на него.

Сажерук потянулся к пучку трав, которых много свисало с потолка, и растер сухие почки между пальцами. Это была лаванда, в которой любят прятаться гадюки, — целебное зелье от их укусов.

— Я думаю, травы растут у тебя только потому, что ты им поешь, — сказал он. — Разве повсюду не говорили раньше: «Когда Роксана поет,

расцветают даже камни».

Роксана отрезала от каравая несколько ломтей и налила в миску оливковое масло.

— Я пою теперь только им, — сказала она. — И моему сыну. — Она пододвинула к гостю хлеб. — Ешь. Только вчера испекла.

Роксана повернулась к нему спиной и стала у окна.

Сажерук потихоньку осматривался, макая в масло ломоть хлеба. Два мешка соломы и пара одеял на кровати, скамья, стул, стол, кувшины, корзины, бутылки и миски, пучки сухих трав под потолком, густо-густо, как в берлоге у Крапивы, и сундук, выдающийся роскошью среди этой скудной обстановки. Сажерук помнил торговца тканями, который подарил его Роксане. Его слуги насилу дотащили сундук, до краев полный шелковыми платьями, расшитыми жемчугом, с кружевной отделкой на рукавах. Интересно, они до сих пор лежат в сундуке? Нетронутые, непригодные для возни на грядах.

— В первый раз я пошла к Крапиве, когда заболела Розанна. — Роксана заговорила, не оборачиваясь к нему. — Я тогда даже не знала, как сбить жар. Крапива показала мне все, что умела, но нашей дочери ничто не помогало. Жар все усиливался, и я повезла ее к Филину. Я привезла ее в лес, к феям, но они мне не помогли. Может быть, они бы сделали это для тебя, но тебя не было.

Сажерук увидел, как она утирает глаза тыльной стороной ладони.

— Небесный Плясун мне рассказал.

Он понимал, что это совсем не те слова, однако не мог найти других.

Роксана кивнула и снова утерла глаза.

— Говорят, что тех, кого любишь, можно увидеть и после смерти, — тихо сказала она. — Что они приходят к нам по ночам, хотя бы во сне, что наша тоска может вызвать их обратно, хоть ненадолго... Розанна не пришла. Я обращалась к женщинам, которые якобы умеют говорить с умершими. Я сжигала травы, дым которых будто бы вызывает их, и не спала много ночей в надежде, что она придет хотя бы раз... Но это все ложь. Обратного пути нет. Или ты побывал там и нашел его?

— В царстве мертвых? — Сажерук покачал головой с грустной улыбкой. — Нет, я был все же не так далеко. Но поверь, даже там я искал бы путь, чтобы вернуться к тебе...

Как долго она смотрит на него. Больше никто так на него не смотрел. И он снова принялся искать слова, чтобы объяснить, где он пропадал, — но таких слов не было.

— Когда Розанна умерла... — Казалось, язык Роксаны немеет от этого

слова, как будто оно может снова убить ее дочь. — Когда она умерла у меня на руках, я поклялась себе: никогда больше я не буду такой беспомощной, если смерть попытается отнять кого-то из моих близких. С тех пор я многому научилась. Может быть, сейчас бы я ее спасла. А может быть, и нет.

Она снова посмотрела на него, и, отвечая на ее взгляд, Сажерук не пытался скрыть свою боль, как делал обычно.

— Где ты ее похоронила?

Она кивнула на двор.

— За домом. Там, где она всегда играла.

Он повернулся к открытой двери, чтобы увидеть хотя бы землю, под которой лежит его дочь, но Роксана удержала его.

— Где ты был? — прошептала она, прижимаясь лбом к его груди.

Он погладил ее по голове, по тонким седым прядкам, паутинкой опутывавшим черные волосы, и уткнулся в них лицом. Она по-прежнему кладет апельсиновые корки в воду, которой моет голову. Этот запах поднял такую волну воспоминаний, что у Сажерука закружилась голова.

— Далеко, — сказал он. — Я был ужасно далеко.

И так и стоял, прижимая ее к себе, не в силах поверить, что она снова здесь, не как бледное, ускользающее воспоминание, а из плоти и крови... и не прогоняет его.

Сколько они так простояли, он не знал.

— А старшая? Как поживает Брианна? — спросил он наконец.

— Она живет в замке, вот уже четыре года, в услужении у Виоланты, невестки герцога, которую все называют Уродиной.

Роксана высвободилась из его объятий и пригладила туго затянутые в узел волосы.

— Брианна поет для Уродины, присматривает за ее избалованным сыном и читает ей вслух. Виоланта помешана на книгах, но у нее слабое зрение, поэтому она не может читать сама, не говоря уж о том, что ей приходится делать это тайком. Герцог считает, что читающая женщина — это неприлично.

— Но Брианна умеет читать?

— Да, и моего сына я тоже научила.

— Как его зовут?

— Йехан. Как его отца.

Роксана подошла к столу и потрогала стоявшие на нем цветы.

— Я его знал?

— Нет. Он оставил мне эту усадьбу. И сына. Разбойники подожгли

наш амбар, он побежал туда, чтобы спасти скотину, и погиб в огне. Странно, правда — я любила двоих мужчин, и одного огонь сожрал, а другого защищает.

Она долго молчала, потом заговорила снова:

— Поджигателей послал тогда Огненный Лис. Под его водительством они обнаглели еще больше, чем при Каприкорне. Баста и Каприкорн исчезли тогда же, когда и ты — ты это знал?

— Да, я слышал об этом, — пробормотал он и не мог оторвать от нее глаз. Как она хороша! Невероятно хороша. Смотреть на нее было почти больно.

Роксана снова подошла к нему, и теперь каждое ее движение напоминало Сажеруку о том дне, когда он впервые увидел черноволосую танцовщицу.

— Феи и вправду хорошо постарались, — сказала она тихо, глядя его лицо. — Если бы я не знала, как все было, я бы подумала, что шрамы у тебя на лице нарисованы серебряным карандашом.

— Какая милая ложь, — ответил он так же тихо.

Роксана знала, откуда взялись шрамы, лучше всякого другого. Они оба никогда не забудут этот день — день, когда Змееглав приказал ей петь и танцевать для себя. Каприкорн тоже был там — с Бастой и прочими поджигателями, и Баста таращился на Роксану, как кот на вкусную птичку. Он повсюду таскался за ней, обещал ей золото и драгоценности, льстил, угрожал, а она все отказывала ему — и наедине, и при всех. И тогда Баста велел разузнать, кого она ему предпочитает. Он подстерег Сажерука на пути к ней с двумя помощниками, которые держали его, пока Баста кромсал ножом его лицо.

— Ты не вышла больше замуж после смерти мужа?

«Идиот! — мысленно обругал он себя. — Ревнуешь к мертвецу».

— Нет. Единственный мужчина в этой усадьбе — Йехан.

Мальчик появился в дверном проеме так внезапно, словно все время подслушивал и только ждал, когда же произнесут его имя. Он молча протиснулся мимо Сажерука и сел на скамью.

— Цветы стали еще больше, — сказал он.

— Ты не обжег о них пальцы?

— Только чуть-чуть.

Роксана поставила перед ним кувшин с холодной водой.

— На, обмакни их туда. Если не поможет, я разобью яйцо. От ожогов лучше всего помогает яичный белок.

Йехан послушно обмакнул пальцы в кувшин, не сводя глаз с Сажерука.

— А он никогда не обжигается? — спросил он мать.

Роксана невольно рассмеялась:

— Нет, никогда. Огонь его любит. Он лижет ему пальцы и целует его.

Йехан уставился на Сажерука так, будто Роксана открыла ему, что пришелец не из людского племени, а из рода фей.

— Не верь, мать дурит тебе голову, — сказал Сажерук. — Конечно, он и меня кусает.

— Шрамы у тебя на лице — это не от огня.

— Нет. — Сажерук взял еще кусок хлеба. — Эта Виоланта... Небесный Плясун говорил, что ее отец — Змееглав. Она так же ненавидит комедиантов, как он?

— Нет. — Роксана погладила Йехана по черным волосам. — Если Виоланта кого-нибудь ненавидит, так это своего отца. Ей было семь лет, когда он отослал ее от себя. В двенадцать ее выдали за Козимо, спустя шесть лет она стала вдовой. И вот теперь она сидит в замке своего свекра и пытается делать то, что он от горя совсем забросил, — заботиться о своих подданных. Виоланта жалеет слабых. Вдовы с голодными ребятишками, крестьяне, которые не в силах заплатить налоги, — все стекаются к ней. Но Виоланта — всего лишь женщина. Если у нее есть немного власти, то лишь потому, что все боятся ее отца, даже по эту сторону леса.

— Брианне нравится в замке. — Йехан обтер мокрые пальцы о штаны и озабоченно рассматривал покрасневшие кончики.

Роксана снова сунула его пальцы в холодную воду.

— Да, к сожалению. Нашей дочери нравится донашивать за Виолантой красивые платья, спать в пуховой постели и выслушивать комплименты от знатных господ. Но мне это не нравится, и она это знает.

— За мной Уродина тоже иногда посылает! — В голосе Йехана слышалась гордость. — Чтобы я играл с ее сыном. Якопо мешает им с Брианной читать, а больше никто с ним играть не хочет, потому что он сразу начинает визжать, если с ним дерешься. А когда Якопо проигрывает, он орет, что велит отрубить тебе голову.

— Ты позволяешь ему играть с княжеским отродьем? — Сажерук с тревогой взглянул на Роксану. — Не нам дружить с князьями, сколько бы им ни было лет. Ты забыла об этом? И с их дочерьми тоже, а уж тем более, если это дочь Змееглава.

— Мне не надо напоминать, кто такие князья, — сказала она. — Твоей дочери пятнадцать лет, и моих советов она давно уже не слушает. Впрочем, кто знает, может быть, она послушается отца, хотя не видела его десять лет. В воскресенье Жирный Герцог празднует день рождения своего внука.

Пойди туда, если хочешь. Ловкому огнеглотателю будут очень рады, тем более что все эти годы им приходилось довольствоваться Коптемазом. — В дверях она остановилась: — Пойдем, Йехан! С пальцами твоими ничего страшного не случилось, а у нас еще много работы.

Мальчик послушался беспрекословно. С порога он снова бросил на Сажерука любопытный взгляд и убежал, оставив гостя одного в тесном домишке. Сажерук смотрел на горшки у плиты, на деревянные миски, на прялку в углу и сундук, говоривший о прошлом Роксаны. Да, это был убогий домишко, чуть побольше хижины угольщика — и в то же время настоящий дом, то, о чем всегда мечтала Роксана. Ей никогда не нравилось ночевать под открытым небом. Даже если он выращивал для нее огненные цветы, охранявшие их сон.

МЕГГИ ЧИТАЕТ

У каждой книги есть душа. Душа того, кто ее написал, и души тех, кто читал и переживал ее, и мечтал над ней.

Карлос Руис Сафон. Тень ветра

Когда в доме Элинор все стихло и луна залила сад своим светом, Мегги надела платье, которое сшила ей Реза. Несколько месяцев назад Мегги расспрашивала мать, во что одевались женщины в Чернильном мире.

— Какие женщины? — откликнулась Реза. — Крестьянки? Комедиантки? Княжеские дочери? Служанки?

— А ты что носила? — спросила Мегги.

Тогда Реза с Дариусом поехали в ближайший городок и купили там ткань, простую, грубую ткань красного цвета. Потом Реза попросила Элинор достать из кладовки старую швейную машинку.

— Такое платье я носила, когда жила служанкой в крепости Каприкорна, — пояснила она, накидывая на Мегги готовый наряд. — Для крестьянки оно было бы слишком нарядным, но для служанки богатого человека — в самый раз. А Мортала очень гордилась тем, что мы одеты лишь немного хуже, чем прислуга герцога, хотя прислуживаем всего лишь банде разбойников.

Мегги подошла к зеркалу на дверце шкафа и внимательно оглядела себя в новом наряде. Ощущение было странное. В Чернильном мире она тоже будет чужой, платье тут ничего не изменит. «Чужой, как Сажерук здесь, — подумала она и вспомнила несчастное выражение его глаз. — Чушь! — сердито подумала она, откидывая волосы назад. — Я же не

останусь там на десять лет».

Рукава у платья вышли немного коротки, да и в груди оно было тесновато.

— Ах ты господи, Мегги! — воскликнула Элинон, впервые заметившая, что грудь у Мегги уже не плоская, как переплет книги. — Ты, кажется, окончательно вышла из возраста Пеппи Длинный-чулок?

Для Фариды не отыскалось подходящего наряда ни на чердаке, ни в чемоданах в кладовке, сколько ни рылась там Мегги, но мальчика это, кажется, не беспокоило.

— Подумаешь, — усмехнулся он. — Если все получится, мы сперва окажемся в лесу. Там до моих штанов точно никому дела не будет, а как только мы попадем в какое-нибудь населенное место, я сопру себе одежду!

Для него всегда все было просто. Угрызения совести, которые испытывала Мегги перед Мо и Резой, были ему так же непонятны, как ее хлопоты о подходящей одежде.

— Это еще почему? — спросил он, недоумевающе глядя на нее, когда она призналась, что не смеет глядеть в глаза Мо и матери с тех пор, как решилась уйти с ним.

— Тебе тринадцать лет! Они бы тебя все равно скоро выдали замуж, правда?

— Выдали замуж? — Мегги почувствовала, как краска заливает ей лицо.

И зачем только она заговорила об этом с мальчиком из «Тысячи и одной ночи», из мира, где женщины бывали только прислугой, рабынями или обитательницами гарема?

— И потом, — добавил Фарид, великодушно не замечая, как она покраснела, — ты ведь все равно не собираешься оставаться там надолго.

Ну конечно, оставаться надолго она не собиралась. Мегги хотела увидеть и услышать Чернильный мир, ощутить его запах и вкус и вернуться домой, к Мо и Резе, к Элинон и Дариусу. Правда, тут была одна загвоздка: слова Орфея, может быть, отнесут ее в историю Сажерука, но уж точно не обратно. Только один человек мог помочь ей вернуться — Фенолио, творец того мира, куда они собирались уйти, создатель стеклянных человечков и синекожих фей, Сажерука, но также и Басты. Да, только Фенолио сможет отправить ее назад. Всякий раз, когда Мегги думала об этом, решимость покидала ее и ей хотелось отказаться от своей затеи, вычеркнуть два слова, которые она добавила в листок Орфея: «и девочку...»

А если она не отыщет Фенолио? Что, если его уже и нет там, в его

истории? «Да ладно! Конечно, он там! — говорила Мегги себе каждый раз, как у нее начинало колотиться сердце от этой мысли. — Он же не может сам вчитать себя обратно — для этого ему нужен чтец!» А что, если Фенолио нашел себе там другого чтеца, такого, как Орфей или Дариус? Ведь дар этот, похоже, не так уникален, как они с Мо раньше думали.

«Нет! Он все еще там! Наверняка!» — твердила Мегги, в сотый раз перечитывая прощальное письмо родителям. Она сама не знала, почему взяла для него ту мраморную бумагу, которую они с Мо вместе раскрашивали. Вряд ли это его смягчит.

Мо, родной! Дорогая Реза! (Мегги знала свое письмо наизусть)

Пожалуйста, не волнуйтесь за меня. Фарид должен найти Сажсерука и предупредить его про Басту, и я иду с ним. Я не задержусь там надолго, я хочу только взглянуть на Непроходимую Чащу и на Жирного Герцога, на Козимо Прекрасного и, может быть, еще на Черного Принца с его медведем. А еще я хочу снова увидеть фей, стеклянных человечков и Фенолио. Он отправит меня обратно. Вы ведь знаете, что он это умеет. Не волнуйтесь. Ведь Каприкорна там больше нет.

До скорой встречи! Целую и обнимаю вас крепко-крепко.

Мегги

Р. S. Мо, я принесу тебе оттуда какую-нибудь книгу. Там наверняка есть чудесные книги, рукописные, со множеством картинок, как у Элинор под стеклом. Только намного красивее. Пожалуйста, не сердись на меня.

Она три раза рвала это письмо и писала снова, но лучше оно от этого не стало. Ведь нет таких слов, которые помешают Мо рассердиться, а Резе плакать от страха за нее — как в тот день, когда она пришла из школы на два часа позже обычного. Она положила письмо к себе на подушку — здесь они его точно увидят — и снова подошла к зеркалу. «Мегги, что ты делаешь? — подумала она. — Что ты делаешь?» Но отражение ничего не ответило.

Фарид, постучавшись незадолго до полуночи в комнату Мегги, оторопел, увидев ее в новом платье.

— У меня нет подходящих туфель, — сказала она, — но платье, к счастью, такое длинное, что сапог почти не видно, правда?

Фарид кивнул.

— Тебе очень идет, — пробормотал он смущенно.

Впустив его, Мегги заперла дверь на ключ и вынула его, чтобы замок можно было открыть снаружи. У Элинора есть запасной ключ, правда, она, конечно, не помнит, где он лежит, но уж Дариус-то наверняка знает. Она снова взглянула на письмо на подушке...

Через плечо у Фарида висел рюкзак, который они нашли на чердаке.

— Да, пусть забирает, — сказала Элинора на вопрос Мегги. — Эта штука принадлежала моему страшно противному дяде. Пусть мальчишка сует туда свою вонючую куницу. Я буду только рада.

Куница!

Сердце замерло в груди у Мегги.

Фарид не знал, почему Сажерук не взял с собой куницу, и Мегги ему не объяснила. Хотя прекрасно понимала, в чем дело. Ведь она же сама рассказала Сажеруку, какую роль играет куница в его истории: что он погибнет из-за Гвина, погибнет жестокой кровавой смертью, если все сбудется, как написал Фенолио.

Но Фарид лишь подавленно покачал головой, когда она спросила о Гвине.

— Он сбежал! Я привязал его в саду, потому что Книгожорка прожужжала мне все уши своими птичками, но Гвин перегрыз веревку. Я его везде искал, но он как сквозь землю провалился.

Умница Гвин.

— Ему все равно придется остаться здесь, — сказала Мегги. — Орфей ничего про него не написал. Реза о нем позаботится. Она его любит.

Фарид кивнул, грустно поглядел в окно, но возражать не стал.

Непроходимая Чаща — туда доставят их слова Орфея. Фарид знал, куда Сажерук собирался идти потом: в Омбру, к замку Жирного Герцога. Мегги надеялась найти там и Фенолио. Он ей много рассказывал об Омбре в ту пору, когда оба они были узниками Каприкорна.

— Да, если бы я мог выбрать себе место по душе в Чернильном мире, — сказал он Мегги как-то ночью, когда они не могли уснуть, потому что молодчики Каприкорна опять палили под окнами в кошек, — я поселился бы в Омбре. Ведь Жирный Герцог — большой любитель книг, чего не скажешь о втором правителе — Змееглаве. Да, в Омбре писателю, пожалуй, жилось бы хорошо. Комнатка где-нибудь в мансарде, в квартале сапожников и изготовителей конской сбруи — у них не так отвратительно воняет, стеклянный человечек, который точил бы мне перья, пара порхающих над кроватью фей и вид из окна на улочки с их пестрой жизнью...

— Что ты берешь с собой? — Голос Фарида вывел Мегги из

задумчивости. — Ты ведь знаешь, много нам брать нельзя.

— Ну конечно, знаю.

За кого он ее принимает? Он думает, раз она девочка, то потащит с собой чемодан нарядов? Она возьмет с собой только старый кожаный мешок, который сшил ей Мо, когда она была еще маленькая. Мегги всегда брала его с собой в дорогу. Он будет напоминать ей о Мо и, надо надеяться, будет смотреться в Чернильном мире так же естественно, как Резино платье. Правда, этого нельзя сказать о вещах, которые она туда сложила: зубная щетка из предательской пластмассы, как и пуговицы на шерстяной кофте, а также пара карандашей, складной ножик, фотография родителей и фотография Элинора. Дольше всего Мегги размышляла, какую книгу с собой взять. Отправиться в путешествие без книги было для нее так же немыслимо, как без смены белья, но багаж должен быть легким, поэтому речь могла идти только о томике в мягкой обложке.

«Книги в купальных костюмах, — называл их Мо. — В обычных условиях мало прилично, однако очень полезная вещь, когда едешь в отпуск».

На полках Элинора не было ни единой книжки в таком издании, но кое-что отыскалось у самой Мегги. В конце концов она остановилась на той, что подарила ей Реза, — сборнике рассказов, где действие всякий раз происходило на том самом озере, у которого стоял дом Элинора. Так она как будто захватит с собой кусочек родного дома — потому что дом Элинора стал для нее родным. Каким не бывало прежде ни одно из мест, где им случалось жить. И кто знает, может быть, эти слова помогут Фенолио вернуть ее обратно, в ее историю...

Фарид шагнул к окну. Оно было открыто, и в комнату задувал прохладный ветер. Он шевелил сшитые Резой занавески, и Мегги зябко ежилась в своем непривычном платье. Ночи были еще теплые, но что за погода ожидает их в Чернильном мире? А вдруг там зима?

— Я должен с ним хотя бы попрощаться, — пробормотал Фарид. Он высунулся в окно и тихо позвал: — Гвин! — прищелкивая языком.

Мегги поспешно оттащила его от окна.

— Прекрати! — строго сказала она. — Ты решил весь дом перебудить? Говорю ж тебе: Гвину здесь будет хорошо. Он, наверное, давно уже нашел себе самочку — куницы тут так и шмыгают. Элинора даже боится, что они сожрут соловья, который поет у нее под окном.

Лицо у Фариды стало совсем несчастное, но от окна он отошел.

— Зачем ты оставляешь его открытым? — спросил он. — А если Баста...

Он не договорил.

— Сигнализация Элино́р срабатывает и при открытом окне, — ответила Мегги, укладывая в мешок подаренный Мо блокнот.

У нее была причина не закрывать окно. Однажды ночью в приморской гостинице неподалеку от деревни Каприкорна она уговорила Мо прочитать ей стишок. Там говорилось о лунной птице, дремлющей в пахнущем мятой воздухе. На следующее утро птица билась в их номере об оконное стекло, и Мегги не могла забыть, как маленькая головка снова и снова ударялась о прозрачную преграду. Нет уж, пусть лучше окно остается открытым.

— Давай сядем рядышком на диван, — сказала она. — Рюкзак повесь на плечо.

Фарид послушался. Он присел на диван так же робко, как до этого на стул. Диван был старый, обитый потертым зеленым плюшем, с кистями и пуговицами. «У тебя будет уютное местечко для чтения», — сказала в свое время Элино́р, затаскивая его с помощью Дариуса в комнату Мегги. Что она скажет, когда увидит, что племянницы нет? Поймет ли ее Элино́р? «Сначала она будет чертыхаться! — подумала Мегги, наклоняясь к своему школьному портфелю. — А потом скажет: „Черт побери, ну почему эта дуруха меня с собой не прихватила?“ Да, Элино́р наверняка так скажет». Мегги уже начинала скучать по тетушке, но постаралась выбросить ее из головы. И ее, и Резу, и Мо. Прежде всего Мо, а то она еще представит себе, какой у него будет вид, когда он прочтет ее письмо... Нет!

Она поспешно сунула руку в портфель и достала учебник географии. Листок, который принес Фарид, лежал рядом с тем, который она переписала, но Мегги взяла только тот, что был исписан ее почерком. Фарид отодвинулся, когда она села рядом с ним, и на мгновение в его глазах промелькнул страх — или ей показалось?

— В чем дело? Ты передумал?

— Нет! Просто... с тобой ведь такого никогда не бывало, правда?

— Какого?

Мегги впервые заметила, что у него уже начинает пробиваться борода. Эта растительность выглядела так странно на мальчишеском лице.

— Ну... то, что случилось с Дариусом.

Ах вот оно что! Он боится оказаться в мире Сажерука с изуродованным лицом, негнущейся ногой или немым, как Реза.

— Нет, конечно! — В ее голосе прозвучала невольная обида.

Хотя... Разве она точно знает, что Фенолио оказался там целым и невредимым? И Фенолио, и оловянный солдатик... Она ведь больше не видела тех, кого отправила по ту сторону букв. Только тех, кто приходил

оттуда! «Ну и что? Не надо так долго раздумывать, Мегги. Читай, или мужество оставит тебя раньше, чем ты почувствуешь на языке первое слово...»

Фарид откашлялся, как будто это он собирался читать, а не она.

Чего она еще ждет? Чтобы в дверь постучался Мо и удивился, зачем она заперлась? В соседней комнате давно было тихо. Ее родители спали. «Не думай о них, Мегги! Ни о Мо, ни о Резе, ни об Элинор, только о словах... и о том месте, куда они должны тебя перенести. Месте, полном чудес и приключений».

Мегги посмотрела на красивые черные буквы. Она нащупывала языком вкус первых слогов, пыталась представить себе тот мир, о котором нашептывали буквы: деревья, птиц, чужое небо... И наконец, преодолевая сердцебиение, начала читать. Сердце колотилось у нее в груди почти так же сильно, как в ту ночь, когда ее голосу предстояло стать убийцей. А ведь сейчас от нее требуется куда меньше. Она должна всего лишь распахнуть дверь, маленькую дверцу для себя и Фариды...

В нос ей ударил свежий запах листвы. Потом все исчезло: письменный стол, лампа возле него и открытое окно. Последнее, что увидела Мегги, был Гвин, таращившийся на нее с подоконника.

ЧЕРНИЛЬНЫЙ МИР

Венди, Джон и Майкл, перепуганные насмерть, ясно ощутили разницу между островом понарошку и тем, когда он, придуманный ими самими, вдруг становится существующим на самом деле.

Джеймс Барри. Питер Пэн^[5]

Был день. Солнечный свет пробивался сквозь густую листву. На озерце неподалеку плясали тени, и рой красных эльфов проносился над темной водой.

«У меня получилось! — Это была первая мысль Мегги, когда она заметила, что слова и в самом деле раскрылись перед ней, что она уже не в доме Элинон, а в другом, совсем другом месте. — Получилось! Вчитать себя, саму себя!» Да, она и вправду проскользнула между слов, как ей часто мечталось. Но ей не пришлось для этого влезать в шкуру одного из персонажей — нет, она сама, какая есть, будет участвовать в этой истории. Она, Мегги. Это не удалось даже Орфею. Он смог вчитать назад Сажерука, но не себя самого. Никому, кроме нее, это пока не удавалось — ни Орфею, ни Дариусу, ни Мо.

Мо.

Мегги оглянулась, словно надеясь, что он стоит у нее за спиной, как всегда бывало в незнакомых местах. Но там был лишь Фарид, осматривавшийся так же недоуменно, как она. Дом Элинон остался далеко-далеко. Родители — далеко. И пути назад нет.

На Мегги вдруг черной соленой волной нахлынул страх. Она почувствовала себя одинокой, потерянной. Это не ее мир! Что она натворила?

Она смотрела на листок у себя в руке, теперь совершенно бесполезный, на эту приманку, которую она проглотила, — и книга Фенолио поймала ее. Торжество, только что пьянившее ее, как ветром сдуло. Его сменил ужас — Мегги вдруг испугалась, что совершила чудовищную, вовеки непоправимую ошибку. Она силилась отыскать в своем сердце какие-нибудь другие чувства, но они все исчезли, даже любопытство к незнакомому миру. «Обратно! Хочу обратно!» Других мыслей у нее сейчас не было.

Зато Фарид оглядывался кругом и улыбался:

— Мегги, смотри, какие деревья! Они правда достают до самого неба. Ты только взгляни!

Он ощупал свое лицо, потрогал пальцем нос, рот, оглядел свои ноги и, убедившись, что все, похоже, в целости, принялся скакать от радости, как кузнечик. Он покачался на древесных корнях, вившихся среди густого мха, точно змеи, прыгнул с одного на другой и закружился, раскинув руки, пока у него не потемнело в глазах, так что пришлось прислониться к ближайшему стволу. Не переставая смеяться, он оперся спиной о дерево такой толщины, что пятеро взрослых мужчин не смогли бы его обхватить, и поглядел вверх, на густо сплетенные кроны.

— Мегги, у тебя получилось! Получилось! — воскликнул Фарид. — Слышал, Сырная Голова? У нее получилось! С помощью твоих же слов. То, что ты тысячу раз пытался сделать. Она это может, а ты нет!

Он снова засмеялся, радуясь, как маленький ребенок, пока не заметил, что Мегги упорно молчит.

— Что с тобой? — спросил он, испуганно показывая на ее рот. — Ты ведь не...

Потеряла голос, как мама? А вдруг и вправду? Язык плохо ее слушался, но Мегги все же выговорила:

— Нет, со мной все в порядке.

Фарид улыбнулся с облегчением. Его хорошее настроение немного успокоило Мегги, и она наконец тоже по-настоящему огляделась. Они оказались в долине, широкой, покрытой густым лесом долине между холмами, на склонах которых деревья так теснились друг к другу, что их кроны сплетались между собой. На холмах росли каштаны и каменные дубы, ниже — ясени и тополя, к зелени которых примешивалась местами серебристая листва плакучей ивы. Непроходимая Чаща не зря получила свое имя. Казалось, у нее нет ни начала, ни конца — зеленое море, в котором так же легко утонуть, как в том, другом, соленом и мокром.

— Невероятно, правда? Невероятно здорово!

Фарид засмеялся так весело, что какой-то зверь, не видный в листве, сердито затыкал на них.

— Сажерук рассказывал про эти места, но на самом деле все еще красивее. Я не представлял, что бывает столько разных листьев. А цветы и ягоды! С голоду мы здесь не умрем!

Фарид сорвал круглую черную ягоду, понюхал и сунул в рот.

— Я знал одного старика, — сказал он, утирая губы, — который ночами у костра рассказывал о рае. Точно так он его и описывал: ковер из мха, прохладные озера, повсюду цветы и сладкие ягоды, деревья, достающие до самого неба, а над головой листья шепчутся с ветром. Ты их слышишь?

Да, Мегги их слышала. И видела эльфов, целые рои крошечных краснокожих созданий. Огненные эльфы. Реза рассказывала ей о них. Как мошки, кружились они над озерцом в нескольких шагах от них. Озерцо окружали кусты с красными цветами, и вода была покрыта увядшими лепестками.

Синекожих фей Мегги не обнаружила, зато мотыльков, пчел, серебристой паутины с еще не просохшей росой, ящериц, кроликов было сколько угодно. Кругом слышались шорохи, хруст, жужжание, стрекот, шипение. Жизнь в этом мире, похоже, была ключом, и все же здесь было тихо, так чудесно тихо, как будто время остановилось, как будто мгновения не имеют начала и конца.

— Как ты думаешь, он тоже был тут? — Фарид озирался по сторонам с такой нетерпеливой надеждой, словно ждал, что Сажерук вот-вот выйдет из-за деревьев. — Ну да, конечно. Орфей ведь должен был вчитать его на то же место, правда? Он рассказывал об этом озерце, о красных эльфах и вон о том дереве со светлой корой, на котором у них гнезда. Надо идти вниз по ручью, говорил он, на север, потому что на юге царствует Змеглав и там тебя повесят раньше, чем ты успеешь назвать свое имя. Погляжу-ка я лучше на все это сверху!

И Фарид проворно, как белка, взлетел вверх по стволу молодого дерева. Не успела Мегги оглянуться, он уже перескочил оттуда по тонкой ветке в крону дуба-великана.

— Что ты делаешь? — крикнула она ему вслед.

— Оттуда лучше видно!

Фарид уже почти скрылся среди ветвей. Мегги сложила листок со словами Орфея и сунула в свой мешок. Ей больше не хотелось видеть эти буквы, они казались ей теперь ядовитыми насекомыми или тем пузырьком с ядом из «Алисы в стране чудес»: «Выпей меня!» Рука ее натолкнулась на

блокнот в мраморной обложке, и она вдруг расплакалась.

— Когда увидишь хижину угольщика, сказал Сажерук, знай, что ты выбрался из Непроходимой Чащи. — Голос Фарида доносился из густой зелени наверху, словно пение неведомой птицы. — Я запомнил все, что он мне говорил, до единого слова. Если я захочу, слова прилипают к моей памяти, как мухи к смоле. Мне не нужна бумага, чтобы удержать их, это уж точно. «Стоит тебе увидеть угольщиков и черные дыры, которые они прожигают в зеленом покрове леса, — можешь не сомневаться, что мир людей уже недалеко». Так он сказал. «Двигайся вниз по ручью. Он поведет тебя на север, а тебе и нужно на север, пока ты не увидишь на восточном склоне холма высоко над рекой замок Жирного Герцога, серый, как осиное гнездо, а вокруг него — город, где на рыночной площади можно устроить огненное представление...»

Мегги опустилась на колени среди цветов. Здесь были фиалки и колокольчики, уже увядающие, но пахнувшие так сладко, что у нее закружилась голова. Между ними летала оса — или она только казалась осой? Что перенес сюда Фенолио из своего мира и что выдумал? Все здесь было одновременно знакомым и непривычным.

— Хорошо, что я так подробно расспрашивал Сажерука обо всем, правда?

Мегги увидела босые ступни Фарида. Они мелькали среди листьев на головокружительной высоте.

— Сажеруку часто не хотелось ночами спать, он боялся своих снов. Порой его мучили кошмары, тогда я будил его, и мы садились у огня, и я расспрашивал его обо всем. Это я умею. Я настоящий мастер расспросов. Да, это у меня получается.

Мегги невольно улыбнулась — столько гордости было в его голосе. Она вглядывалась в лиственный полог над головой. В кронах деревьев мелькали желтые и красные пятна, как и в саду у Элинора. Похоже, оба мира живут в одном времени. Всегда это было так или случилось лишь в тот день, когда Мо неразрывно связал обе истории, переместив Каприкорна, Басту и Сажерука из одной в другую? Ответа она, наверное, никогда не узнает, потому что как его можно узнать?

Под колючим кустом, густо усыпанным темными ягодами, послышался шорох. Волки и медведи, пятнистые кошки — о них Реза тоже рассказывала. Мегги невольно отступила на шаг, но ее платье зацепилось за высокий репейник, покрытый белой пылью.

— Фарид! — позвала она, сердясь на себя за страх, пробивавшийся в голосе. — Фарид!

Но он ее, похоже, не слышал. Он продолжал что-то рассказывать себе под нос, беззаботный, как птичка в солнечный день, оставив Мегги тут внизу, среди теней, шевелящихся, наблюдающих, рычащих... А может быть, это змея? Она так резко дернула платье, что оно порвалось. Мегги попятилась, пока не почувствовала спиной шершавую кору дуба. Змея скользнула прочь, так быстро, как будто до смерти перепугалась, увидев девочку, но шевеление под кустом продолжалось, и вдруг из колючих ветвей высунулась пушистая круглая мордочка с крошечными рожками между ушей.

— Нет! — прошептала Мегги. — Только не это!

Гвин смотрел на нее почти укоризненно, словно она виновата в том, что у него вся шкурка в колючих шипах.

Голос Фариды наверху снова стал слышнее. Он, видимо, спускался наконец со своего наблюдательного пункта.

— Ни хижины, ни замка, ничего! — крикнул он. — Видно, нам еще несколько дней брести по этому лесу. Но Сажерук так и хотел. Он хотел здесь задержаться. Мне кажется, по деревьям и феям он тосковал даже больше, чем по людям. Деревья, конечно, тут хороши, но не знаю, как тебе, а мне хочется поскорее увидеть крепость, других комедиантов и латников...

Фарид соскочил в траву, запрыгал на одной ножке по ковру из синих цветов и вскрикнул от радости, увидев куницу.

— Гвин! Ну я же знал, что ты меня слышишь. Иди сюда, отродье змея и ведьмы! Представляешь, какие глаза будут у Сажерука, когда мы принесем-таки ему его старого друга, а?

«Да уж! — подумала Мегги. — У него, наверное, колени подогнутся и перехватит дыхание от страха!»

Фарид присел на корточки, и куница прыгнула ему на колено и нежно лизнула в подбородок. Всех остальных Гвин кусал, даже Сажерука, но с Фаридом он вел себя, как ласковый котенок.

— Прогони его, Фарид! — Голос Мегги прозвучал резче, чем ей хотелось.

— Прогнать? — Фарид рассмеялся. — Что ты такое говоришь? Что ты ей сделал, Гвин? Положилдохлуюмышь на одну из ее драгоценных книг?

— Прогони его, говорю тебе! Он не пропадет, ты это прекрасно знаешь! Пожалуйста! — добавила она, увидев ошеломленный взгляд Фариды.

Он поднялся с куницей на руках. Такого враждебного выражения Мегги никогда еще не видела на его лице. Ну что ж. Придется ему все-таки рассказать. Но как?

— Значит, Сажерук тебе не говорил?

— Чего? — Похоже, Фариду хотелось ее ударить.

Над ними в кронах угрожающе шелестел ветер.

— Если ты не прогонишь Гвина, — каждое слово давалось Мегги с трудом, — это сделает Сажерук. Но тогда он прогонит и тебя вместе с ним.

Куница неотрывно смотрела на нее.

— Но почему? Ты просто не любишь Гвина, вот и все. Ты и Сажерука-то никогда не любила, ну а Гвина и подавно.

— Неправда! Ты ничего не понимаешь! — От досады Мегги почти кричала. — Он погибнет из-за Гвина! Сажерук погибнет, так придумал Фенолио! Может быть, теперь история изменилась, может быть, теперь это совсем новая история и все, что написано в книге, лишь набор мертвых букв, но...

У Мегги не было сил продолжать. Фарид застыл на месте и только потряхивал головой, как будто ее слова вонзались туда, как иглы, причиняя боль.

— Он погибнет? — Мальчик говорил еле слышно. — В книге Сажерук гибнет?

С каким потерянным видом стоит он перед ней, не выпуская из рук куницу! На деревья кругом Фарид смотрел теперь с ужасом, как будто каждое из них намеревается убить Сажерука.

— Но... если бы я знал, — пробормотал он, — я бы отобрал у Сырной Головы его проклятый листок и разорвал на клочки! Я бы не дал ему вчитать Сажерука обратно!

Мегги молча смотрела на него. Что она могла сказать?

— Кто его убивает? Баста?

Над ними прыгали две белочки со светлыми крапинками, будто их обрызгали белой краской. Куница хотела броситься за ними, но Фарид схватил ее за хвост и держал крепко.

— Один из молодцов Каприкорна — больше у Фенолио ничего не написано.

— Но ведь они все мертвы!

— Этого мы не знаем.

Мегги хотелось его утешить, но она не знала как.

— Что, если в этом мире они все еще живы? Но даже если и нет — Мо и Дариус наверняка вычитали не всех, хоть несколько подручных Каприкорна наверняка тут осталось. Сажерук хочет спасти от них Гвина, и за это они его убивают. Так написано в книге, и Сажерук об этом знает. Поэтому он и не взял куницу с собой.

— Да, он ее не взял.

Фарид оглядывался, словно хотел найти выход, какой-нибудь способ отправить зверька обратно. Гвин ткнулся ему носом в щеку, и Мегги увидела слезы в глазах мальчика.

— Жди здесь! — сказал он, круто повернулся и пошел с куницей прочь.

Через несколько шагов лес поглотил его, как лягушка муху, как сова — мышь, и Мегги осталась одна-одинешенька среди цветов, некоторые из которых росли и в саду Элинора. Но это был не сад Элинора. Это был вообще другой мир. И на этот раз она не могла просто закрыть книгу, чтобы вернуться назад, в свою комнату, на свой диван, пропитанный запахом Элинора. Мир по ту сторону букв был велик — разве она этого не знала раньше? — достаточно велик, чтобы потеряться в нем на вечные времена... И лишь один человек мог открыть ей путь обратно — старик, о котором Мегги не знала даже, где его искать в этом им же созданном мире. Она понятия не имела, жив ли он еще. Может ли быть, что мир живет, а его создатель уже умер? Почему бы и нет? Разве книга перестает существовать, когда умирает ее автор?

«Что я натворила? — думала Мегги, дожидаясь Фариды. — Мо, что я натворила? Ты не можешь вернуть меня обратно?»

УШЛА

Я проснулся и понял, что он ушел. Я сразу понял, что он ушел. Когда любишь, такое понимаешь сразу.

Дэвид Алмонд. Скеллиг

Мо сразу понял, что Мегги ушла. Понял в ту минуту, когда постучал к ней в комнату и ему ответила тишина. Реза внизу накрывала с Элино́р завтрак. Он слышал позвякивание тарелок, но оно до него не доходило, он молча стоял перед закрытой дверью и слушал биение собственного сердца. Как сильно оно колотится, как быстро.

— Мегги?

Он нажал на ручку, но дверь была заперта. Мегги никогда не запиралась, никогда.

Сердце колотилось в горле так, что он задыхался. Тишина за дверью звучала страшно знакомо. Вот так же она отдавалась в его ушах в тот день, когда он все звал и звал Резу. Отклика ему пришлось ждать десять лет.

Только не это — снова. Господи, только не это. Не Мегги.

Из-за двери ему слышался шепот книги, проклятой книги Фенолио, шелест страниц, хищных, как оскаленные зубы.

— Мортимер! — У него за спиной стояла Элино́р. — Яичница остыла. Что это вас никого нет? О господи!

Она испуганно взглянула ему в лицо и взяла его за руку.

— Что с тобой? Ты бледный как смерть.

— Элино́р, у тебя есть запасной ключ от комнаты Мегги?

Она сразу все поняла. Да, Элино́р, как и он, сразу угадала, что произошло за запертой дверью в эту ночь, пока все они спали. Она сжала его руку, молча повернулась и заспешила вниз по лестнице. А Мо

прислонился к запертой двери и слушал, как она зовет Дариуса, как, чертыхаясь, ищет ключ, и смотрел на книги, на стеллажи, плотным рядом стоявшие по всему длинному коридору. Реза бегом взлетела по лестнице, в лице у нее не было ни кровинки. Она стала спрашивать, что случилось, ее руки метались, как испугнутые птицы. Но что он мог ей ответить? «Ты не догадываешься? Разве ты мало ей об этом рассказывала?»

Мо снова нажал ручку двери, как будто она могла вдруг оказаться открытой. Мегги исписала всю дверь цитатами. Теперь они казались ему магическими заклинаниями, начертанными детской рукой на белом лаке: «Перенесите меня в другой мир! Ну пожалуйста! Я знаю, вы это умеете! Мой отец мне показывал, как это делается». Странно, что сердце не останавливается, когда ему так больно.

Но ведь оно не остановилось и десять лет назад, когда буквы проглотили Резу.

Элино́р потянула его в сторону и дрожащими руками вставила ключ в замочную скважину. При этом она сердито окликала Мегги, как будто не знала уже, что за дверью их ждет лишь одно: тишина, как в ту ночь, когда Морти́мер научился бояться собственного голоса.

Он вошел в пустую комнату последним, задержавшись на пороге. На подушке у Мегги лежало письмо. «Милый Мо...» Дальше он читать не стал, не хотел видеть слова, которые будут только терзать его сердце. Пока Реза жадно читала письмо, он оглядывался в поисках другого листка, листка, который принес Фарид, но его нигде не было. «Ну конечно, его здесь нет, идиот! — сказал он себе. Мегги унесла листок с собой, ведь он был у нее в руках, пока она читала». Лишь годы спустя он узнал от дочери, что листок Орфе́я все же был в ее комнате, в книге, конечно, где же еще? В учебнике по географии. А если бы Мо его тогда нашел? Смог бы он пойти за Мегги? Наверное, нет. Для него был уготован в эту историю другой путь, темнее, труднее.

— Может быть, она просто сбежала с мальчишкой! Девочки в ее возрасте выкидывают такие штуки. Я, конечно, ничего в этом не понимаю, но...

Голос Элино́р доносился до него словно издалека. Реза вместо ответа протянула ей письмо, оставленное на подушке.

Ушла. Мегги ушла.

У него больше нет дочери.

Вернется она когда-нибудь, как ее мать? Выудит ее чей-нибудь голос обратно из моря слов? Когда? Через десять лет, как Резу? Но тогда она будет взрослой, и он ее, наверное, даже не узнает. Все расплылось у него

перед глазами: тетрадки и учебники Мегги на столе у окна, ее одежда, аккуратно сложенная на спинке стула, словно хозяйка и правда собиралась скоро вернуться, ее плюшевые звери с зацелованными до плешин мордочками, все еще жившие возле кровати, хотя Мегги давно не нуждалась в них, чтобы заснуть. Реза заплакала, беззвучно, прижав руку к немоу рту. Мо хотелось ее утешить, но как он мог это сделать с таким отчаянием в сердце?

Он повернулся, оттолкнул Дариуса, который застыл в дверях, похожий на грустного нахохлившегося филина, и пошел в свой кабинет, где все еще громоздились стопкой на столе проклятые блокноты. Он сбросил их на пол один за другим, как будто хотел заставить замолчать все эти слова, зачаровавшие его дитя, заманившие Мегги, как сказочный Крысолов, прочь от дома — туда, куда он когда-то уже не смог проникнуть вслед за Резой. Мо казалось, что он снова видит один и тот же дурной сон, но только на этот раз у него не было книги, на страницах которой он мог бы искать свою пропажу.

Позже он спрашивал себя, как он пережил этот день и не сошел с ума, и не мог вспомнить. Он помнил только, что много часов бродил по саду Элинора, словно Мегги могла отыскаться там под одним из больших деревьев, где так любила читать. Когда стемнело, он пошел искать Резу и застал ее у Мегги в комнате. Она сидела на пустой кровати и неотрывно смотрела на три крошечных существа, кружившихся под потолком, как будто отыскивая там дверь, через которую пришли. Мегги оставила окно открытым, но они туда не летели. Их, наверное, пугала незнакомая тьма за окном.

— Огненные эльфы, — сказали руки Резы, когда он сел рядом с ней. — Если они на тебя сядут, сгоняй их, а то обожгут.

Огненные эльфы. Мо вспомнил, что читал о них. В той самой книге. Похоже, на всем свете была теперь только одна книга.

— Почему их трое? — спросил он. — Один за Мегги, один за мальчика...

— Куницы, кажется, тоже нет, — сказали ее руки.

Мо чуть не рассмеялся. Бедняга Сажерук! Несчастье, видно, прилипло к нему прочно. Но Мо не чувствовал к нему сострадания. Сейчас, по крайней мере. Без Сажерука не было бы этих букв на листке бумаги, и у него была бы дочь.

— Как ты думаешь, Мегги там хоть нравится? — спросил он, кладя голову на колени Резе. — Тебе ведь там понравилось, правда? По крайней мере, ты ей без конца об этом рассказывала.

— Прости меня, — сказали ее руки. — Прости.

Но он удержал ее пальцы.

— О чем ты? — тихо сказал он. — Ведь это я принес проклятую книгу в дом, разве ты забыла?

Они сидели молча. Смотрели на бедных потерянных эльфов и молчали. В конце концов крошечные существа все же вылетели через окно наружу, в чужую ночь. Когда их крохотные красные тельца исчезли в темноте, как гаснущие искры, Мо спросил себя, не бредет ли и Мегги сейчас через такую же густую тьму. Эта мысль преследовала его в путаных снах.

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

— У людей есть сердца, — сказал он, — и они всегда могут прислушаться к их зову и сделать то, что полагается. Но у меня нет сердца, и потому приходится постоянно быть начеку.

Фрэнк Баум. Великий чародей страны Оз^[6]

С того дня, как исчезла Мегги, в доме Элинон снова поселилась тишина, но теперь у нее был другой вкус, чем в ту пору, когда только книги жили здесь вместе с хозяйкой. Тишина, заполнившая теперь комнаты и коридоры, отдавала грустью. Реза все плакала, а Мортимер молчал, как будто бумага и чернила поглотили не только его дочь, но и все слова на свете. Он проводил много времени у себя в мастерской, мало ел, почти не спал, и на третий день к Элинон прибежал встревоженный Дариус рассказать, что Мо складывает в дорожную сумку свои инструменты.

Когда Элинон вошла в мастерскую, запыхавшись, потому что Дариус слишком нетерпеливо тащил ее за собой, Мортимер как раз небрежно бросал в чемодан золотые клейма, за которые обычно брался так осторожно, будто они были стеклянные.

— Что ты, черт побери, делаешь? — резко спросила Элинон.

— Как ты думаешь? — ответил он, разбирая свой переплетный станок. — Я решил сменить профессию. Я не прикоснусь больше ни к одной книге, будь они все прокляты. Пусть другие слушают их истории и делают им новые платья. Я их больше знать не желаю.

Элинон попыталась призвать на помощь Резу, но та только покачала головой.

— Что ж, неудивительно, что от них обоих теперь толку мало, —

констатировала Элино́р, сидя за завтраком вдвоем с Дариусом. — Как Мегги могла так с ними поступить? Чего она добивалась — разбить сердце своим родителям? Или доказать раз и навсегда, что книги — вещь опасная?

Дариус промолчал — его обычный ответ в эти печальные дни.

— О господи, все молчат, как воды в рот набрали! — набросилась на него Элино́р. — Надо же что-то делать, чтобы вернуть эту дуреху! Хотя что-нибудь! Не может быть, чтоб это было так уж сложно. У нас ведь в доме целых два Волшебных Языка!

Дариус с ужасом уставился на нее и подавился чаем. Он так давно не пользовался своим даром, что дар этот, наверное, казался ему страшным сном, о котором совсем не хочется вспоминать.

— Ладно, ладно, читать тебя никто не просит, — ворчливо успокоила его Элино́р.

О господи, это взгляд разбуженной совы! Ей хотелось взять Дариуса за плечи и потрясти.

— Читать может Мортимер. Но что читать? Подумай, Дариус! Если мы хотим вернуть Мегги, надо читать что-то о Чернильном мире или, наоборот, о нашем? Я что-то совсем запуталась. Может быть, надо написать что-нибудь вроде: «Жила-была ворчливая, нелюдимая женщина средних лет по имени Элино́р, которая любила только свои книги. Так было до тех пор, пока у нее не поселилась племянница с мужем и дочерью. Элино́р это очень понравилось, но однажды дочь отправилась в очень-очень глупое путешествие. Тогда Элино́р поклялась, что отдаст все свои книги до единой, лишь бы девочка вернулась. Она стала складывать их в большие ящики, и, когда клала последнюю, Мегги вдруг появилась...» О господи, да не гляди же на меня с таким сочувствием! — рывкнула она на Дариуса. — Я хоть пытаюсь что-то придумать! И потом, ты сам говорил: Мортимер настоящий мастер, ему дай всего несколько фраз...

Дариус поправил очки.

— Да, всего несколько фраз, — сказал он своим мягким, неуверенным голосом. — Но это должны быть фразы, в которых отражается целый мир, Элино́р. Они должны быть сплетены так плотно, чтобы голос не проваливался сквозь них.

— Вот еще! — недовольно фыркнула Элино́р, хотя отлично знала, что он прав.

Мортимер как-то пытался почти теми же словами объяснить ей эту загадку: почему не всякая история оживает. Но сейчас ей вовсе не хотелось это слышать. «Провалиться бы тебе, Элино́р! — думала она. — Трижды провалиться за все те вечера, что ты просидела с этой глупышкой,

расписывая ей, как чудесно было бы жить в другом мире, с феями, кобольдами и стеклянными человечками. Сколько их было, этих вечеров, и как часто ты смеялась над Мортимером, когда он просовывал голову в дверь и спрашивал, нельзя ли для разнообразия побеседовать о чем-нибудь другом, кроме Непроходимой Чащи и синекожих фей».

«Зато Мегги хотя бы знает об этом мире все, что ей может пригодиться, — думала Элино́р, утирая слезы с ресниц. — Она знает, что нужно опасаться Змееглава и его латников и что нельзя заходить слишком далеко в Непроходимую Чащу, потому что там тебя могут сожрать, разорвать на части или растоптать. Она знает, что, когда мимо проезжает кто-то из знати, нужно поклониться и что ей пока можно не покрывать волосы, потому что она всего лишь девочка... Черт, ну вот опять слезы!» Элино́р утирала их рукавом блузки, когда в дверь позвонили.

Она еще много лет спустя ругала себя за эту глупость — открыть, даже не посмотрев в глазок. Конечно, она была уверена, что это Реза или Мортимер. Ну да. Идиотка Элино́р. Какая же идиотка! Она поняла свою ошибку, только когда перед ней уже стоял в проеме открытой двери незнако́мый человек.

Он был небольшого роста, чуть полноват, с бледной кожей и такими же бесцветными светлыми волосами. Глаза за стеклами очков смотрели слегка удивленно, с невинным детским выражением. Незнако́мец открыл было рот, когда Элино́р высунулась в дверь, но она не дала ему слова сказать.

— Как вы сюда попали? — рявкнула она на него. — Это частное владение. Вы что, не видели знак внизу на дороге?

Он приехал на машине. Этот бесстыжий кретин просто заехал наверх по ее личному отрезку дороги. Элино́р увидала его забрызганную грязью темно-синюю машину рядом со своим «Комби». Ей показалось, что на переднем сиденье расположилась огромная собака. Этого еще не хватало!

— Нет, конечно, я его видел! — Незнако́мец улыбался невиннейшей улыбкой, шедшей к его детскому лицу. — Ваш знак не заметить невозможно, спору нет, и я тысячу раз прошу у вас извинения, госпожа Лоредан, за свое внезапное появление.

Ах ты господи — Элино́р просто не нашлась, что ответить. У этого незнако́мца с лицом, похожим на луну, голос был почти такой же красивый, как у Мортимера, глубокий и бархатистый, как диванная подушка. Этот голос настолько не вязался с круглым лицом и детскими глазами, что казалось, будто стоявший перед ней человек проглотил его настоящего обладателя и так присвоил себе этот бесценный дар.

— Можете оставить свои извинения при себе! — неприветливо сказала Элино́р, справившись с первым изумлением. — Просто убирайтесь отсюда немедленно, и все.

И она хотела захлопнуть дверь, но незнакомец снова улыбнулся (на этот раз его улыбка уже не казалась такой невинной) и просунул в щель свой башмак. Грязный коричневый башмак.

— Извините, госпожа Лоредан, — сказал он мягко, — но я приехал сюда из-за книги. Из-за уникальной книги. Конечно, я слышал, что у вас изумительная библиотека, но вот этого экземпляра в вашем собрании наверняка пока нет.

Элино́р сразу узнала книгу, которую он вытащил из кармана помятого льняного пиджака. Еще бы. Это была единственная книга на свете, при виде которой сердце Элино́р начинало биться быстрее не из-за ее содержания, не из-за того, что это был особо редкий и ценный экземпляр. Нет. Сердцебиение Элино́р было вызвано в данном случае одной-единственной причиной: страхом. Она боялась этой книги, как свирепого хищника.

— Откуда она у вас?

Об ответе она догадалась сама, только, к сожалению, слишком поздно. Внезапно в ее голове всплыло воспоминание о том, что рассказывал мальчик.

— Орфей! — прошептала она и хотела закричать со всей мочи, чтобы Мортимер услышал ее в мастерской, но не успела и пикнуть, как из-за кустов рододендрона быстро, как ящерица, выскользнул человек и зажал ей рот.

— Ну что, Книгожорка? — прошипел он ей в ухо.

Как часто Элино́р слышала этот голос в страшных снах — и всякий раз начинала задыхаться! Но и среди бела дня он действовал на нее не лучше. Баста грубо втолкнул ее обратно в дом. Конечно, в руке у него был нож. Элино́р легче было представить Басту без носа, чем без ножа. Орфей повернулся и замахал рукой в сторону своей машины. Оттуда вышел здоровенный верзила, не спеша обошел вокруг, открыл дверцу и помог выбраться старухе на заднем сиденье.

Морто́ла.

Еще один постоянный персонаж в кошмарах Элино́р. Ноги старухи под темными чулками были сплошь перебинтованы. Ступая под руку с Верзилой к дому Элино́р, она другой рукой опиралась на палку. И все же Морто́ла вошла в прихожую с таким решительным видом, словно собиралась отныне забрать дом в свое распоряжение, и при этом смерила

Элино́р взглядом, исполненным ненависти, так что у той подкосились колени, хотя она изо всех сил старалась не показать страха. Перед ней проносились тысячи ужасных воспоминаний — клетка, пахнущая сырым мясом, площадь, освещенная ярким светом прожекторов, и страх, ужасающий страх...

Баста закрыл за Мортолой входную дверь. Он совсем не изменился: то же худое лицо, характерный прищур, и на шее, конечно же, амулет, защита от несчастья, поджидавшего Басту под каждой лестницей и за каждым кустом.

— Где остальные? — рявкнула Мортала на Элино́р.

Верзи́ла в это время с туповатым выражением оглядывался по сторонам. Похоже, вид такого количества книг его не на шутку изумил. Вероятно, он терзался вопросом, что же можно делать с такой кучей.

— Остальные? Не понимаю, о ком вы! — Элино́р казалось, что для женщины, помертвевшей от страха, она говорит удивительно твердым голосом.

Мортала сердито выпятила маленький круглый подбородок.

— Все ты отлично понимаешь. Где Волшебный Язык, его ведьмачка и прислуга, которую он называет своей женой? Мне распорядиться, чтобы Баста поджег парочку твоих книжек, или ты их добровольно позовешь?

«Баста? Но Баста же боится огня», — хотела ответить Элино́р, но вовремя удержалась. Поднести спичку к книжному корешку совсем не трудно. С этим, наверное, справится даже Баста, как бы он ни боялся огня, а у Верзи́лы, похоже, мозгов было недостаточно, чтобы бояться чего бы то ни было. «Я должна задержать их здесь, — думала Элино́р. — Ведь они не знают ни о мастерской в саду, ни о том, что у нас живет Дариус».

И в ту же минуту услышала голос Дариуса:

— Элино́р!

Она не успела ответить — Баста снова зажал ей рот. Она слышала, как Дариус идет по коридору своей обычной семенящей походкой.

— Элино́р! — позвал он снова.

И вдруг его шаги смолкли так же внезапно, как и голос.

— Какой сюрпри́з! — проворковал Баста. — Ты рад нас видеть, Запинающийся Язык? Тебя пришли навестить несколько старых друзей.

Левая рука Басты была перевязана. Элино́р впервые заметила это, когда он отнял пальцы от ее рта, и вспомнила о фыркающем существе, которое, по словам Фари́да, появилось из книги вместо Сажеру́ка. «Какая жалость, что оно не откусило побольше от нашего старого друга с

ножиком!» — подумала она.

— Баста! — пробормотал Дариус еле слышно.

— Да, Баста! Я пришел бы пораньше, не сомневайся, но меня на время упрятали в кутузку за одну очень давнюю историю. Едва Каприкорна не стало, они вдруг очень осмелели — все те, кто при нем и пикнуть не решался. Ну и что? В конце концов это пошло мне на пользу, потому что — угадай, кого они однажды втолкнули ко мне в камеру? Настоящего имени мне так и не удалось из него вытянуть, поэтому назовем его так, как он сам себя называет: Орфей!

Он с такой силой хлопнул Орфея по спине, что тот качнулся и ступил вперед.

— Да, старину Орфея! — Баста обнял его за плечи. — Видно, дьявол и правда обо мне заботится, что сделал именно его моим соседом по камере. А может быть, наша история так тоскует по нас, что послала его ко мне? Как бы то ни было, мы неплохо провели время, правда?

Орфей не поднял на него глаз. Он смущенно теребил свою куртку и разглядывал книжные полки Элинора.

— Черт, ты только посмотри на него! — Баста грубо толкнул его локтем в бок. — Сколько раз я ему объяснял, что тюрьмы нечего стыдиться, тем более такой чистенькой — не то что застенки у нас дома. Ну-ка расскажи им, как я узнал о твоих бесценных талантах. Расскажи, как я застал тебя ночью, когда ты вычитал себе из книжки этого дурацкого пса!

Пса! Уж я бы, дьявол ведает, сумел выдумать что-нибудь получше.

Баста ехидно ухмыльнулся, а Орфей нервно поправил галстук.

— Цербер так и сидит в машине, — сказал он Мортале. — Он этого очень не любит. Надо взять его сюда.

Верзила шагнул было к двери — он, видно, любил животных, но Мортала раздраженно позвала его обратно:

— Собака останется в машине. Я не выношу эту тварь.

Она нахмурилась и оглядела прихожую.

— Я-то думала, домик у тебя побольше, — сказала она Элинора с наигранным разочарованием. — Мне говорили, ты богатая.

— Она и правда богатая. — Баста так резко обнял Орфея за шею, что у того сползли на нос очки. — Только все деньги отдает за книжки. Интересно, сколько бы она дала нам за книгу, которую мы отняли у Сажерука? Как ты думаешь? — Он ущипнул Орфея за круглые щеки. — Да, этот наш дружок оказался отличной, жирной приманкой для Огнеглотателя. Он похож на раздувшуюся лягушку, но даже Волшебному Языку буквы не повинуются так, как ему — про Дариуса уж и не говорю. Спросите

Сажерука! Орфей отправил его домой как нечего делать! Не то чтобы Огнеглот...

— Помолчи, Баста! — грубо перебила его Мртола. — Уж больно ты любишь распускать язык. Ну так что? — Она нетерпеливо стукнула палкой по мраморной облицовке пола, которой так гордилась Элино́р.

«Ну, госпожа Лоредан! — думала Элино́р. — Врите что-нибудь! Быстрее!»

Но не успела она и рта открыть, как услышала шорох ключа в замочной скважине. «Нет! Нет, Мортимер! — беззвучно молила она. — Не ходи сюда! Оставайся с Резой в мастерской. Запритесь там и ни за что не ходите сюда!»

Конечно, никакого толка от ее беззвучной мольбы не было. Мортимер открыл дверь, вошел, обнимая Резу за плечи, и застыл как вкопанный, увидев Орфея. Не успел он еще понять, что происходит, как Верзила по знаку Мртолы захлопнул дверь.

— Привет, Волшебный Язык! — Баста говорил угрожающе мягко, поигрывая ножом прямо перед лицом Мо. — А это уж не наша ли немая красавица Реза? Вот и отлично. Значит, двое за раз. Остается только маленькая ведьма.

Элино́р заметила, как Мортимер на секунду прикрыл глаза, словно надеясь, что Баста и Мртола исчезнут, когда он откроет их снова. Но, разумеется, ничего подобного не произошло.

— Зови ее! — приказала Мртола, глядя на Мо с такой ненавистью, что Элино́р стало страшно.

— Кого? — переспросил он, не сводя глаз с Басты.

— Не притворяйся глупее, чем ты есть! — рявкнула Мртола. — Или ты хочешь, чтобы я разрешила Басте вырезать и на лице твоей жены узор, которым он разукрасил Огнеглота?

Баста нежно провел пальцем по сверкающему лезвию своего ножа.

— Если ведьмой ты зовешь мою дочь, — сказал Мортимер глухим голосом, — ее здесь нет.

— Неужто? — Мртола тяжело ступила к нему. — Поберегись. Ноги у меня страшно болят после бесконечной езды, и это мне, знаешь ли, не прибавляет терпения.

— Ее здесь нет! — повторил Мортимер. — Мегги ушла с тем мальчишкой, у которого вы отобрали книгу. Он попросил отправить его к Сажеруку, и она это сделала. И исчезла вместе с ним.

Мртола недоверчиво прищурилась.

— Чушь! — сказала она. — Как они могли это сделать без книги?

Но Элинор заметила сомнение, мелькнувшее в ее глазах.

Мортимер пожал плечами:

— У мальчишки был с собой исписанный от руки листок бумаги — листок, который якобы перенес туда Сажерука.

— Но этого не может быть! — Орфей ошарашенно уставился на него. — Вы всерьез утверждаете, что ваша дочь сама себя вчитала в книгу с помощью моих слов?

— Ах, так вы и есть тот самый Орфей? — Мортимер смерил его не слишком дружелюбным взглядом. — Значит, это вам я обязан тем, что у меня нет больше дочери.

Орфей поправил очки и посмотрел на Мо не менее враждебно. Потом он резко повернулся к Мортале.

— Так это и есть ваш Волшебный Язык? — спросил он. — Он лжет! Я уверен, он лжет! Никто не может самого себя вчитать в книгу. Ни он, ни его дочь, ни кто-нибудь еще. Я пробовал сотни раз. Это невозможно.

— Да, — устало сказал Мортимер, — еще четыре дня назад я тоже был в этом убежден.

Мортола пристально посмотрела на него. Потом кивнула Басте.

— Запри их в подвале! — приказала она. — А потом принимайтесь искать девчонку. Общайте весь дом.

ФЕНОЛИО

— Я упражняюсь во вспоминании, Наин, — сказал я. — В письме, чтении и вспоминании.

— А что тебе еще остается? — резко сказал Наин. — Знаешь, что происходит, когда ты что-то записываешь? Когда даешь чему-то имя? Ты отнимаешь у этой вещи ее силу.

Кевин Кроссли-Холланд. Артур: зрячий камень

С наступлением темноты нелегко было пройти через охраняемые городские ворота Омбры, но Фенолио был хорошо знаком со всеми караульными. Для грубияна, который в эту ночь загородил ему путь копьем, он не раз сочинял любовные стихи — с большим успехом, как ему рассказывали, — и, судя по внешности этого болвана, помощь ему еще не раз понадобится.

— Только возвращайся до полуночи, писака! — ухмыльнулся некрасивый стражник, пропуская Фенолио. — В полночь меня сменяет Хорек, а ему твои стишки не нужны, хотя его милая даже читать умеет.

— Спасибо за предупреждение!

Фенолио неискренно улыбнулся, проходя мимо караульного. А то он сам не знает, что с Хорьком шутки плохи! У него до сих пор начиналась боль в желудке при одном воспоминании о том, как этот длинноносый воткнул ему в живот острие копья, когда он пытался протиснуться мимо него с вежливыми уговорами. Да, Хорька не подкупишь ни любовными стишками, ни другой какой-нибудь писаниной. Ему нужно только золото, а его у Фенолио было немного, во всяком случае, не столько, чтобы раздавать направо и налево стражникам у городских ворот.

— До полуночи! — тихо ворчал он, спускаясь вниз по крутой тропе. — Да комедианты только к этому времени и разыграются по-настоящему!

Дорогу ему освещал факелом сын его квартирной хозяйки. Иво, девяти лет от роду, был полон ненасытного любопытства ко всем чудесам этого мира. Он каждый раз отчаянно спорил с сестрой за честь нести факел перед Фенолио, когда тот отправлялся к комедиантам. Фенолио снимал у матери Иво комнатку под самой крышей за пару монет в неделю. За это Минерва еще стирала и готовила на него и чинила его одежду. А Фенолио в ответ рассказывал ее детям сказки на ночь и терпеливо выслушивал, каким упрямым чурбаном бывает иногда ее муж. Да, с этим ему повезло.

Мальчик впереди возбужденно подпрыгивал. Ему не терпелось поскорее дойти до пестрых шатров, откуда сквозь ветви деревьев сверкали огни и раздавалась музыка. Он то и дело укоризненно оборачивался, как будто Фенолио нарочно не торопится. Видно, не понимает, что старик уже не может скакать, как кузнецик.

Пестрый Народ разбил шатры на каменистом участке, где ничего не росло, за лачугами крестьян, возделывавших землю Жирного Герцога. С тех пор как правитель Омбры потерял интерес к их шуткам и песням, они стали приходить сюда реже, но, к счастью, внук герцога не хотел отмечать свой день рождения без комедиантов, и поэтому в воскресенье все они снова устремятся в городские ворота: огнеглотатели, канатоходцы, укротители со своими зверями, метатели ножей, актеры, скоморохи и шпильманы, из которых многие пели песни, написанные Фенолио.

Да, Фенолио любил сочинять для Пестрого Народа: дерзкие песни, скорбные песни, смешные и грустные истории — смотря по настроению. Заработать этим можно было разве что пару медных монет. Карманы комедиантов вечно были пусты. Пожелай он продавать свои сочинения за золото, ему бы нужно было писать для герцога или для богатого купца. Но если он хотел, чтобы его слова плясали и корчили рожи, если хотел рассказывать о крестьянах и разбойниках, о простом народе, который не живет в замках и не ест на золотой посуде, — он писал для комедиантов.

Они не сразу допустили его к своим шатрам. Но бродячие певцы все чаще пели сочиненные Фенолио песни, а дети просили рассказать одну из его историй — и комедианты перестали гнать его от себя. Порой их предводитель даже приглашал его к своему костру. Как в эту ночь.

Предводителя все называли Черный Принц, хотя в его жилах не было ни капли княжеской крови. Принц хорошо заботился о своих пестрых подданных, они уже дважды выбирали его своим главой. Откуда бралось золото, которое он щедро раздавал увечным и больным, лучше было не

спрашивать, но одно Фенолио знал точно: Черного Принца придумал он.

«Да, я всех их создал! — думал он, идя навстречу музыке, которая делалась все слышнее. — И Принца, и ручного медведя, следующего за ним, как собака, и Небесного Плясуна, который, к сожалению, упал с каната, и множество других, и даже князя и герцога, воображавших, что правят этим миром». Не все свои создания Фенолио уже успел повидать, но, когда одно из них вдруг возникало перед ним во плоти, у него всякий раз замирало сердце, хотя порой он не мог вспомнить, действительно ли это создание его пера или оно, может быть, взялось еще откуда-нибудь...

Ну вот они наконец, шатры, пестревшие в ночи, как разбросанные цветы. Иво понесся к ним с такой скоростью, что чуть не упал. Навстречу им выскочил на одной ножке замызганный мальчишка, всклокоченный, как бродячая кошка. Он вызывающе ухмыльнулся Иво и побежал обратно на руках. Да уж, дети комедиантов гнулись и извивались так, словно костей у них вовсе нет.

— Беги уж! — буркнул Фенолио в ответ на умоляющий взгляд Иво.

Факел ему все равно был уже не нужен. Сразу несколько костров горело между шатрами, многие из которых представляли собой просто грязные тряпки на протянутой между деревьями веревке. Иво радостно помчался прочь, а Фенолио удовлетворенно вздохнул. Да, именно так он и представлял себе Чернильный мир, когда писал: пестрым и шумным, полным буйной жизни. В воздухе пахло дымом, жареным мясом, тимьяном и розмарином, лошадьми, собаками, грязной одеждой, сосновой хвоей и костром. Ах, как он все это любил! Любил суматоху и даже грязь, любил жизнь, текущую у него перед носом, а не за закрытыми дверями. В этом мире все можно было увидеть: как кузнец загибает в огне серп, красильщик смешивает краски, кожевник дубит кожу, а сапожник кроит ее на башмаки. Ремесла не прятались здесь за неприступными стенами. Все делалось на улице, на площади, на рынке или прямо здесь, среди убогих шатров, и ему, Фенолио, все еще не утратившему мальчишеского любопытства, можно было смотреть на все это! — хотя порой он задыхался от вони, исходящей от дубильни или красильни. Да, Фенолио нравился созданный им мир, очень нравился, даже после того как он убедился, что многое здесь идет совсем не так, как он задумывал.

«Сам виноват. Надо было написать продолжение! — размышлял Фенолио, продираясь через толпу. — Я и сейчас мог бы его написать, здесь и сейчас. И мог бы все изменить, найдись только чтец!» Конечно, он попытался и тут отыскать Волшебного Языка, но безуспешно. Здесь не было ни Мегги, ни Мортимера, ни хотя бы такого неумехи, как этот Дариус.

Фенолио оставалась лишь роль поэта, сочиняющего красивые фразы и едва сводящего концы с концами, в то время как созданные им князь и герцог правили его миром как умели — и не слишком хорошо. Досадно, ох как досадно!

Особенно тревожил его Змееглав.

Он сидел на серебряном троне Дворца Ночи, высоко над морем, к югу от Непроходимой Чащи. Не то чтобы это был неудачный персонаж, вовсе нет. Кровопийца, палач, но ведь злодеи во всякой истории — как соль в супе. Конечно, если держать их в узде. Именно за этим Фенолио и создал в противовес Змееглаву Жирного Герцога — правителя, предпочитавшего смеяться шуткам комедиантов, а не воевать, — и его чудесного сына, Козимо Прекрасного. Кто же мог знать, что он безвременно погибнет, а отец его от горя опадет, как пирог, до времени вынутый из печи?

«Я в этом не виноват! — вновь и вновь повторял себе Фенолио. — Это не мой замысел, не моя вина». И все же это случилось. Как будто какой-то дьявольский писака продолжил его историю за него, а ему, Фенолио, оставил лишь роль бедного поэта.

«Да ладно, перестань. Не так уж ты на самом деле беден, Фенолио», — думал он, остановившись рядом со шпильманом, исполнявшим между шатрами одну из его песен. Нет, беден он не был. Жирный Герцог признавал лишь его стихотворные плачи по своему умершему сыну, а истории, сочиненные им для Якопо, внука герцога, были записаны на драгоценнейшем пергаменте и иллюстрированы Бальбулусом, знаменитейшим миниатюристом.

Кроме того, на взгляд Фенолио, его словам куда лучше жилось на языке у шпильмана, чем взаперти между книжных переплетов. Свободные, как птицы — да, этого он и желал сочиненным им словам. Слишком много было в них силы, чтобы отдавать их напечатанными в руки любого дурака — делай что хочешь! А потому отсутствие печатных книг в этом мире скорее успокаивало. Здесь их переписывали от руки, и ценились они поэтому так высоко, что только высшая знать могла позволить себе обладать ими. Всем же прочим приходилось заучивать их слова наизусть или слушать в исполнении шпильмана.

Маленький мальчик потянул Фенолио за рукав. На нем была рваная рубашонка, из носу текло.

— Чернильный Шелкопряд!

Мальчик вытащил из-за спины маску, какие носят комедианты, и быстро прикрыл ею глаза. На потертый холст были наклеены светло-коричневые и серые перья.

— Кто я?

— Гм-м! — Фенолио нахмурил морщинистый лоб, изображая напряженное раздумье.

Рот под маской разочарованно скривился.

— Перепел! Разве не видно?

— Видно! — Фенолио ущипнул его за красный носик.

— Ты расскажешь нам сегодня историю про него? Ну пожалуйста!

— Посмотрим! Сказать по правде, я представлял себе его маску попышнее, чем у тебя. Может, тебе стоит наклеить на нее побольше перышек, как ты думаешь?

Мальчик стянул маску с головы и огорченно посмотрел на нее.

— Перья не так-то легко найти.

— А ты поищи внизу, у реки. Там бродят такие кошки, что от них и перепелам спасения нет.

Фенолио хотел двинуться дальше, но мальчик удержал его. У детей комедиантов цепкие ручонки, хоть и худые.

— Одну историю, всего одну, ну пожалуйста, Чернильный Шелкопряд!

Откуда-то появились еще два карапуза, мальчик и девочка. Они уставились на Фенолио глазами, полными ожидания. Да, истории про Перепела... Сказки про разбойников ему всегда удавались — его внуки в том, другом мире тоже их любили. Но здесь эти истории получались у него еще лучше. Их можно было теперь услышать повсюду: «Невероятные подвиги самого отважного из разбойников, благородного и бесстрашного Перепела». Фенолио хорошо помнил ту ночь, когда сочинил его. Перо у него в руке дрожало тогда от ярости. «Змееглав опять изловил комедианта, — рассказал ему в тот вечер Черный Принц. — На этот раз Горбуна. Вчера в полдень они его повесили».

Горбуна, одного из его персонажей! Безобиднейшего бродягу, который дольше всех умел стоять на голове.

— Что он себе воображает, этот князь! — кричал Фенолио, как будто Змееглав мог его услышать. — В этом мире я господин над жизнью и смертью, я, Фенолио, и никто другой!

И слова полились на бумагу, гневные, неукротимые, как разбойник, которого он придумал в ту ночь. Перепел был таким, каким мечтал быть в своем мире Фенолио: свободным, как птица, никому не подвластным, бесстрашным, благородным (а порой — остроумным), отнимающим у богатых, чтобы отдать бедным, защищающим слабых от произвола сильных в мире, где закон этого не делал...

Фенолио почувствовал, что его снова тянут за рукав.

— Ну пожалуйста, Чернильный Шелкопряд! Всего одну историю! До чего упрямым мальчишка — страстный любитель историй.

— Ты рассказывал, что Перепел украл у Змееглава амулет! — прошептал малыш. — Палец повешенного, который оберегал его от Белых Женщин. Ты сказал, что Перепел теперь сам носит его на шее.

— Правда? — Фенолио поднял брови. Это всегда производило впечатление, потому что они у него были очень густые и лохматые. — Я кое-что слышал о еще более дерзких его делах, но сейчас мне нужно сперва поговорить с Черным Принцем.

— Ну пожалуйста, Чернильный Шелкопряд!

Дети повисли у него на рукавах и чуть не ободрали дорогую кайму, которую он за пару монет попросил пришить к грубой ткани, чтобы не выглядеть таким оборванцем, как те писаки, что составляют на рынке завещания и письма.

— Нет! — строго сказал он, выдергивая у них рукава. — Попозже! А сейчас пошли вон.

Сопливый мальчишка посмотрел ему вслед такими печальными глазами, что Фенолио на мгновение вспомнил о внуках. Пиппо так же глядел на него, когда приносил книгу и требовательно клал ему на колени.

«Дети! — думал Фенолио, подходя к костру, у которого сидел Черный Принц. — Они везде одинаковы. Ненасытные маленькие бестии — но и самые благодарные слушатели, в любом мире. Самые лучшие».

ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ

— Значит, медведи могут сами сделать себе душу... — сказала она. Сколько еще неизвестного в мире.

Филип Пулман. Северное Сияние^[7]

Черный Принц был не один. Разумеется, с ним, как всегда, был его медведь. Зверь сидел у костра позади хозяина, как его косматая тень. Фенолио хорошо помнил фразу, которой создал Черного Принца. В самом начале «Чернильного сердца», вторая глава. Подходя к костру, Фенолио тихо повторял вслух эти слова:

— Бездомный мальчишка, кожа лишь чуть светлее черных кудрей, скор на язык и на ножевую расправу, всегда готов броситься на защиту к тем, кого любит, будь то две его младшие сестрички, медведь, с которым жестоко обращаются, или Сажерук, его лучший, самый близкий друг... «Который тем не менее погиб бы жестокой смертью, если бы все шло по-моему, — добавил про себя Фенолио, махая рукой Принцу. — К счастью, мой смуглый друг этого не знает, а то вряд ли я был бы желанным гостем у его костра».

Принц помахал в ответ. Сам он, наверное, думал, что его зовут Черным Принцем за смуглоту кожи, но Фенолио-то знал, в чем дело. Он украл для него имя из учебника истории в своем старом мире. Так звали славного рыцаря, королевского сына, ставшего знаменитым разбойником. «Понравилось бы рыцарю, что его имя носит теперь метатель ножей, принц комедиантов? Даже если и нет, поделаться он все равно ничего не может, — подумал Фенолио, — потому что его история давным-давно закончилась».

Слева от Принца сидел тот бестолковый неумеха-цирюльник, что чуть

не сломал Фенолио челюсть, вырывая зуб, а справа от него — Коптемаз, незадачливый огнеглотатель, так же плохо владевший своим ремеслом, как цирюльник — своим. Насчет цирюльника Фенолио не был уверен, но Коптемаза он не придумывал точно. Бог знает, откуда он взялся! Глядя, как неумело и робко пытается он жонглировать огнем, каждый неизменно называл другое имя: Сажерук — Огненный Жонглер — Укротитель Пламени...

Медведь зарычал, когда Фенолио подсел к костру рядом с его хозяином, и так посмотрел на пришельца своими желтыми глазками, как будто прикидывал, сколько мяса можно еще содрать с этих старых костей. «Сам виноват, — подумал Фенолио. — Зачем ты дал в спутники Черному Принцу ручного медведя? Мог бы обойтись собакой». Торговцы на рынке рассказывали всякому, кто соглашался слушать, что этот медведь на самом деле человек, заколдованный феями или кобольдами (кем именно, они не могли между собой договориться), но Фенолио, опять-таки, знал, в чем тут дело. Медведь был самый настоящий, навек благодарный Черному Принцу за то, что тот много лет назад освободил его от кольца в носу и от прежнего хозяина, колотившего зверя колючей дубиной, чтобы заставить танцевать на рынке.

У костра сидело еще шестеро мужчин. Фенолио знал только двоих. Один был актер, Фенолио все время забывал его имя. Другой — силач, зарабатывавший на хлеб тем, что на потеху публике разрывал на себе цепи, поднимал высоко в воздух взрослых мужчин и гнул железные пруты. Когда Фенолио присел к костру, все замолчали. Его присутствие терпели, но своим он для них так и не стал.

Только Принц приветливо улыбнулся ему.

— А, Чернильный Шелкопряд! — сказал он. — Несешь нам новую песню о Перепеле?

Фенолио взял кружку с горячей медовухой, которую протянул ему один из мужчин по знаку Принца, и устроился поудобнее на каменистой земле. Его старые кости ныли от сидения на голой земле, даже в такую теплую ночь, как эта, но у комедиантов не водилось стульев или другой мебели.

— Вообще-то я пришел, чтобы отдать тебе это.

Фенолио сунул руку под куртку, огляделся и протянул Принцу запечатанное письмо. В царившей вокруг суете было не разобрать, есть ли тут наблюдатель, не принадлежащий к Пестрому Народу. Принц взял письмо, кивнул и сунул за пояс.

— Спасибо тебе! — сказал он.

— Не за что, — ответил Фенолио, стараясь не обращать внимания на зловонное дыхание медведя.

Принц не умел писать, как и большинство его пестрых подданных, и Фенолио охотно оказывал ему подобные услуги, в особенности если речь шла о таком письме, как это. Оно было предназначено одному из лесников Жирного Герцога. Его люди уже трижды нападали на улице на женщин и детей Пестрого Народа. Никому не было до этого дела — ни самому герцогу, погрузившемуся в свое горе, ни тем, кого он назначил отправлять правосудие. Ведь речь шла всего лишь о комедиантах. Поэтому их предводителю пришлось самому заняться этим делом. Уже этой ночью лесник найдет у себя на пороге письмо, написанное Фенолио. После этого он перестанет спать спокойно и, надо надеяться, будет впредь держаться подальше от пестрых юбок. Фенолио гордился своими письмами-угрозами не меньше, чем балладами о разбойниках.

— Слыхал последние новости, Чернильный Шелкопряд? — Принц погладил медведя по черной морде. — Змееглав объявил награду тому, кто поймает Перепела.

— Перепела? — Фенолио подавился медовухой.

Цирюльник хлопнул его по спине с такой силой, что он вдобавок облил себе пальцы.

— Что ж, отлично! — сказал он, переведя дух. — Пусть кто-нибудь теперь попробует сказать, что слова — лишь дым и пустой звук! Но этого разбойника Змееглав будет ловить долго!

Как они все на него смотрят. Похоже, знают что-то, что ему невдомек. Но что?

— Ты, значит, еще ничего не слыхал, Чернильный Шелкопряд? — тихо спросил Коптемаз. — Твои песни, похоже, сбываются. Уже два раза на сборщиков налогов, посланных Змееглавом, нападал человек в птичьей маске, а одного его егеря, прославившегося жестокостью, нашли, говорят, в лесу мертвым. Из рта у него торчало перо. Угадай, какой птицы?

Фенолио изумленно взглянул на Принца, но тот глядел в пламя костра и ворошил палкой угли.

— Но... но это же великолепно! — воскликнул Фенолио и тут же понизил голос, заметив, как тревожно озираются остальные. — Это отличные новости, — продолжил он тихо. — Что бы там ни было, я прямо сейчас сочиню новую песню. Предлагайте тему! Давайте! Что наш Перепел еще учинит?

Принц улыбнулся, но цирюльник смерил Фенолио презрительным взглядом.

— Тебе все игра, Чернильный Шелкопряд! — сказал он. — Ты сидишь в своей теплой комнате и плетешь слова по бумаге. Но человек, играющий твоего разбойника, рискует головой, потому что он, уж конечно, сделан не из слов, а из плоти и крови!

— Да, но никто не знает его в лицо, потому что он носит маску. Это ты умно придумал, Чернильный Шелкопряд. Откуда Змееглав узнает, кого ему искать? Удобная штука эта маска. Ее любой может надеть.

Это сказал один из актеров. Баптиста. Да, так его и зовут. «Это я его придумал? — спросил себя Фенолио. — Не важно». Никто не умел делать маски лучше, чем Баптиста — может быть, потому, что его собственное лицо было обезображено оспинами. Многие актеры просили его смастерить для них холщовый смех или плач.

— Но в песнях Перепел довольно хорошо описан. — Коптемаз испытующе посмотрел на Фенолио.

— Верно! — Баптиста вскочил на ноги, положил руку на потертый ремень, будто к нему привешен меч, и оглянулся, словно высматривая врага. — Он высокого роста, сказано там. Это неудивительно, о героях всегда так говорят. — Баптиста прошелся взад-вперед на цыпочках. — Волосы у него, — он провел рукой по голове, — темные, как кротовый мех. Если верить песням. Это необычно. Как правило, герои бывают златовласыми, а там уж представляй себе это как хочешь. О его происхождении мы ничего не знаем, но уж конечно, — Баптиста сделал благородное лицо, — в его жилах течет чистейшая княжеская кровь. А то с чего бы он был так отважен и благороден?

— Это заблуждение, — сказал Фенолио. — Перепел — человек из народа. С какой стати рожденный в замке станет разбойником?

— Вы слышали слова поэта! — Баптиста провел рукой по лицу, как будто стирая с него благородство. Остальные рассмеялись. — Перейдем к лицу под птичьей маской. — Баптиста ощупал пальцами собственное обезображенное лицо. — Конечно, оно прекрасно, благородно и бело, как слонобая кость. В песнях об этом ничего не говорится, но мы знаем, что другого цвета лица у героя быть не может. Извините, ваше высочество! — добавил он, насмешливо кланяясь Черному Принцу.

— Пожалуйста, пожалуйста, я не против, — откликнулся тот, не поморщившись.

— Не забудь о шраме! — сказал Коптемаз. — О шраме на левой руке, в том месте, куда его укусила собака. Он упоминается в каждой песне. Ну-ка давайте закатаем рукава. Может быть, Перепел сидит среди нас?

Он вызывающе обвел глазами присутствующих, но только силач со

смехом закатал рукава. Остальные молчали.

Принц откинул с лица длинные волосы. На поясе у него висели три ножа. Комедиантам запрещено было носить оружие, в том числе и тому, кого они звали своим предводителем, но с какой стати Пестрый Народ стал бы соблюдать законы, которые его не защищают? «Он попадает в глаз стрекозе», — говорили о меткости Принца. В точности так, как написал когда-то Фенолио.

— Как бы он ни выглядел, этот храбрец, сделавший мои песни делами, я пью за его здоровье. Пусть Змееглав поищет человека, которого я описал. Он его не найдет! — Фенолио протянул свою кружку, предлагая чокнуться. Он испытывал восторг, почти опьянение — разумеется, не от гадкой медовухи. «Ты только посмотри, Фенолио! — думал он. — Ты пинешь, и твои слова оживают! Даже без чтеца...»

Но силач испортил ему настроение.

— Честно говоря, мне не до здравниц, Чернильный Шелкопряд, — буркнул он. — Говорят, Змееглав объявил, что будет платить звонким серебром за язык каждого шпильмана, который поет о нем насмешливые песни. И у него уже набралась неплохая коллекция.

— Язык? — Фенолио невольно пощупал свой язык. — А что, мои песни тоже сюда относятся?

Никто не ответил. У костра воцарилось молчание. Из соседнего шатра донеслось женское пение — колыбельная, исполненная такой нежности и покоя, словно раздавалась из другого мира, мира, о котором можно только мечтать.

— Я постоянно говорю моим подданным: не подходите близко ко Дворцу Ночи! — Принц отрезал медведю кусок сочащегося жиром мяса, вытер нож о штаны и сунул его обратно за пояс. — Я им все время повторяю, что мы для Змееглава — пададь, вороний корм! Но с тех пор, как Жирный Герцог предпочитает слезы забавам, у всех у них пустые карманы и пустое брюхо. И это, конечно, гонит их на ту сторону Чащи. Там много богатых торговцев.

Вот черт! Фенолио потер больное колено. Куда делось его приподнятое настроение? Испарилось, как аромат растоптанного цветка. Он мрачно отхлебнул еще медовухи. Дети снова подошли к нему, упрашивая рассказать историю, но он их прогнал. В дурном настроении он ничего не мог придумать.

— Вот еще что, — сказал Принц. — Силач нашел сегодня в лесу мальчика и девочку. Они рассказывают странные вещи: будто Баста, любимчик Каприкорна, снова появился в наших краях, и они пришли,

чтобы предостеречь от него моего старого друга — Сажерука. Ты, конечно, слышал о нем?

— Э-э-э... — Фенолио подавился медовухой. — Сажерук? Ну да, конечно, огнеглотатель.

— Огнеглотатель, которому нет равных. — Принц бросил быстрый взгляд на Коптемаза, но тот как раз показывал цирюльнику воспаленный зуб. — Его считали умершим, — тихо продолжал он. — Вот уже десять лет о нем не было ни слуху ни духу. О том, где и как он умер, рассказывают тысячи историй, к счастью, все это, похоже, выдумки. Но мальчик и девочка ищут не только Сажерука. Девочка спрашивала еще о старике-поэте с лицом черепахи. Это, случаем, не ты?

Фенолио не нашелся, что ответить. Принц взял его за локоть и помог встать с земли.

— Пойдем со мной! — сказал он. Медведь за их спинами, рыча, поднялся на лапы. — Они были полумертвые от голода и рассказывали, будто идут из глубины Непроходимой Чащи. Женщины их сейчас кормят.

Мальчик и девочка... Сажерук... Мысли вихрем проносились в голове Фенолио, но, к сожалению, после двух кружек медовухи ему трудно было привести их в порядок.

Под липой на краю табора сидела на траве добрая дюжина ребятишек. Две женщины разливали им суп. Дети жадно хлебали жидкий отвар из деревянных мисок, крепко сжимая их грязными пальцами.

— Ты только посмотри, сколько их опять набралось! — сказал Принц Фенолио. — Мы скоро перемрем с голоду из-за наших добросердечных женщин.

Фенолио молча кивнул, рассматривая худые мордашки. Он знал, как часто Принц сам подбирал голодных детей. Если они оказывались хоть немного способны жонглировать, стоять на голове или проделывать еще какие-нибудь штуки, способные вызвать у людей улыбку и выманить пару монет из их кошелька, Пестрый Народ принимал их к себе, и они кочевали вместе с ним с места на место, от одной ярмарки к другой.

— Вон они. — Принц показал на две головки, особенно низко склонившиеся над мисками.

Когда Фенолио подошел поближе, девочка подняла голову, словно он окликнул ее по имени. Она смотрела на него во все глаза и опустила ложку.

Мегги!

Фенолио глядел на нее так ошарашенно, что девочка невольно улыбнулась. Да, это вправду она. Ее улыбку он хорошо помнил, хотя там, в доме Каприкорна, ей нечасто случалось улыбаться.

Мегги вскочила, выбралась из толпы ребятишек и бросилась ему на шею.

— Я знала, что ты еще здесь! — бормотала она сквозь смех и слезы. — Зачем ты только сочинил этих волков? И еще этих альбов и осинников? Они швыряли в Фарида камнями и вцеплялись нам когтями в лицо. Хорошо, что Фариду удалось разжечь огонь, но...

Фенолио открыл было рот и снова беспомощно закрыл его. В голове у него проносилась тысяча вопросов: как она сюда попала? Что случилось с Сажеруком? Где ее отец? И что произошло с Каприкорном — мертв он или нет? Сработал ли их план? Если да, то как мог уцелеть Баста? Эти вопросы звенели у него в мозгу, как рой гудящих насекомых, но ни одного из них Фенолио не решался задать под цепким взглядом Черного Принца.

— Похоже, ты с ними знаком, — заметил тот.

Фенолио молча кивнул. Где он видел мальчика, сидевшего рядом с Мегги? Не он ли был вместе с Сажеруком в тот достопамятный день, когда писатель впервые столкнулся лицом к лицу с одним из своих созданий?

— Да, это мои... м-м... родственники, — пролепетал он. Да уж, знаменитый поэт мог бы выдумать что-нибудь получше!

В глазах Принца сверкнули насмешливые искорки.

— Родственники... вот как! Что-то у вас маловато семейного сходства.

Мегги опустила руки, обвивавшие шею Фенолио, и взглянула на Принца.

— Мегги, позволь тебе представить, — сказал Фенолио. — Черный Принц.

Принц с улыбкой поклонился.

— Черный Принц! — Мегги повторила его имя почти благоговейно. — А это его медведь! Фарид, иди сюда! Ты только посмотри!

Фарид, ну конечно. Теперь Фенолио вспомнил. Мегги много о нем рассказывала. Мальчик поднялся, но сперва поспешно отхлебнул последний глоток супа из своей миски. Он встал за спиной у Мегги на почтительном расстоянии от медведя.

— Мегги сказала, что пойдет со мной, и все тут, — сказал он, утирая губы рукавом. — Правда! Я совсем не хотел брать ее сюда, но она упрямая, как верблюд.

Мегги собиралась достойно ответить на эту наглость, но Фенолио обнял ее рукой за плечи.

— Милый мальчик, — сказал он, — ты даже представить себе не можешь, как я рад, что Мегги здесь. Пожалуй, только ее мне и не хватало в этом мире для полного счастья!

Он поспешно простился с Принцем и потащил Мегги и Фарида за собой.

— Пошли! — сказал он тихо, проводя их между шатров. — Нам нужно многое обсудить, очень многое, но лучше сделать это в моей комнате, вдали от чужих ушей. Сейчас уже поздно, а после полуночи стража не пропустит нас через городские ворота.

Мегги рассеянно кивнула, увлеченная зрелищем кипевшей вокруг жизни, зато Фарид резко вырвался.

— Нет, я с вами не пойду. Мне нужно найти Сажерука.

Фенолио изумленно посмотрел на него. Значит, это правда? Сажерук...

— Да, он вернулся, — сказала Мегги. — Женщины говорят, что он, наверное, у той комедиантки, с которой жил раньше. У нее теперь усадьба там, на холме.

— Комедиантка? — Фенолио взглянул в ту сторону, куда показывала Мегги. Холм, о котором она говорила, казался отсюда черным контуром в лунном свете. Ну конечно! Роксана. Он вспомнил. Интересно, она в самом деле так хороша, как он ее описал?

Мальчик нетерпеливо заерзал.

— Я пошел, — сказал он Мегги. — Где я тебя потом найду?

— На улице сапожников и седельщиков, — ответил вместо Мегги Фенолио. — Просто спроси, где тут дом Минервы.

Фарид кивнул и снова посмотрел на Мегги.

— Вообще-то лучше бы не отправляться в путь на ночь глядя, — сказал Фенолио, хотя и чувствовал, что мальчик не собирается спрашивать у него совета. — Дороги тут небезопасные. Особенно ночью. Грабители, разбойники...

— Я им не дам. — Фарид вытащил из-за пояса нож. — Береги себя!

Он сжал руку Мегги, потом резко повернулся и исчез в толпе комедиантов. Фенолио заметил, что Мегги еще несколько раз оборачивалась, ища его глазами.

— Бедняга! — пробурчал он, разгоняя очередную стайку ребятишек, пристававших к нему с просьбой рассказать историю. — Он, похоже, в тебя влюблен?

— Прекрати! — Мегги вытянула руку из его ладони, но при этом невольно улыбнулась.

— Ладно-ладно, молчу! Твой отец знает, что ты здесь?

Этого вопроса задавать не следовало. По лицу Мегги было видно, что ее гложет совесть.

— Ох ты господи! Ну ладно, сейчас все расскажешь. И как ты сюда

попала, и что означают разговоры о Басте и Сажеруке, в общем, все! Какая ты стала большая! Или это я съезжился? Боже мой, Мегги, до чего же я рад, что ты здесь! Теперь уж мы наведем в этой истории порядок. С помощью моих слов и твоего голоса...

— Порядок? Как это понимать? — Мегги недоверчиво взглянула ему в лицо.

Так она порой глядела на него тогда, в пору их заточения в доме Каприкорна — пристально, нахмутив лоб, такими светлыми серьезными глазами, что казалось, они заглядывают прямо в сердце. Но здесь было не место для объяснений.

— Потом! — сказал Фенолио, понизив голос, и потащил ее за собой. — Потом, Мегги. Здесь слишком много лишних ушей. Да где же, черт подери, мой факелоносец?

ЧУЖИЕ ШОРОХИ В ЧУЖОЙ НОЧИ

*Под сумерек покровом
Мир дивно зачарован
Приветной тишиной —
Родней каморки той,
Где злого дня волненье
Сон предаёт забвенью.*

Маттиас Клаудиус. Вечерняя песня

Позже, пытаясь вспомнить, как она дошла тогда до жилища Фенолио, Мегги могла вызвать в памяти лишь несколько отрывочных картин — стражник, выставивший им навстречу копье, а потом, узнав Фенолио, с ворчаньем пропустивший в город, темные улочки, по которым они пробирались за мальчонкой с факелом, потом крутая лестница, скрипевшая под ногами. У Мегги так кружилась голова от усталости, когда они поднимались по ступенькам, что Фенолио несколько раз заботливо подхватывал ее под локоть.

— Я думаю, все рассказы мы отложим на завтра, — сказал он, пропуская ее в комнату. — Пойду попрошу Минерву найти для тебя мешок с соломой, но сегодня ты лучше выспишься на моей кровати. Три дня и три ночи в Непроходимой Чаще! Клянусь чернилами, я бы, наверное, просто умер от страха.

— У Фарида был нож, — пробормотала Мегги.

Этот нож ее и вправду успокаивал, когда они ночью устраивались спать высоко на дереве, а внизу под ними все наполнялось шорохами, сопением, рычанием. Фарид все время держал нож наготове.

— А когда ему виделись духи, — сонно рассказывала она, пока Фенолио возился со светильником, — он зажигал огонь.

— Духи? В этом мире нет духов, во всяком случае, я их не сочинял. А что же вы ели все эти дни?

Мегги побрела к кровати. Она выглядела очень заманчиво, хотя состояла всего лишь из набитого соломой мешка и пары грубошерстных одеял.

— Ягоды, — пробормотала она. — Много ягод, а еще хлеб, который мы захватили с кухни Элинора, и кролика, которого поймал Фарид.

— Боже ж ты мой! — Фенолио изумленно покачал головой.

Увидеть снова его морщинистое лицо было настоящей радостью, но сейчас Мегги хотела только одного — спать. Она сбросила сапоги, залезла под колючие одеяла и вытянула болевшие ноги.

— Как вам только пришла в голову сумасшедшая мысль вчитать себя в Непроходимую Чашу? Почему не прямо сюда? Сажерук ведь наверняка рассказывал мальчику об этом мире.

— Слова Орфея... — Мегги зевнула. — У нас были только слова Орфея, а Сажерук просил вчитать его именно в Непроходимую Чашу.

— Ну да, это очень в его духе.

Она почувствовала, что Фенолио поправляет на ней одеяло.

— Я тебя не буду пока спрашивать, что это за Орфей. Завтра наговоримся. Спокойной ночи! И добро пожаловать в мой мир!

Мегги с трудом заставила себя снова разлепить глаза.

— А ты где будешь спать?

— Об этом не беспокойся. Там внизу у Минервы без конца ночуют какие-то родственники, по несколько на одной кровати. Одним больше, одним меньше. Вот увидишь, к здешним неудобствам быстро привыкаешь. Надеюсь, правда, что муж ее на самом деле храпит не так громко, как она рассказывает.

Потом Фенолио закрыл за собой дверь, и Мегги слышала, как он, чертыхаясь, спускается вниз по крутой лестнице. По потолочным балкам шуршали мыши (она надеялась, что это мыши), а сквозь единственное окно доносились голоса стражи с недалекой городской стены. Мегги закрыла глаза. Ноги у нее болели, в ушах все еще звенела музыка из табора комедиантов. «Черный Принц... — думала она, — я видела Черного Принца... и ворота Омбры... и слышала, как шепчутся между собой деревья в Непроходимой Чаше». Если бы только она могла рассказать все это Резе или Элинора. Или Мо. Но он теперь уж, конечно, ни слова не захочет слышать о Чернильном мире.

Мегги протерла усталые глаза. Над кроватью к потолочным балкам лепились гнезда фей, как об этом мечтал когда-то Фенолио, но за их темными отверстиями не слышалось никакого шевеления. Каморка Фенолио была чуть поменьше той комнаты, где их с Фенолио заперли когда-то по приказу Каприкорна. Кроме кровати, которую он ей так великодушно уступил, здесь стояли еще деревянный сундук, скамья и конторка для письма из темного дерева, украшенная резьбой и поблескивающая полированной поверхностью. Она не подходила к остальной обстановке — к грубой скамье и простому сундуку. Казалось, она попала сюда из другой истории, как сама Мегги. На конторке стояла глиняная кружка со связкой перьев, две чернильницы...

Фенолио выглядел довольным, да, правда.

Мегги провела рукавом по усталому лицу. Платье, которое сшила ей Реза, все еще хранило мамин запах. Даже после трех дней в Непроходимой Чаще. Она сунула руку в кожаный мешок, который дважды чуть не потеряла за время лесных скитаний, и достала подаренный Мо блокнот. Прожилки на мраморной бумаге переплета были темно-синие и зеленые — любимые цвета Мо. «Хорошо иметь при себе в чужом месте свои книги», — Мо часто твердил ей это, но, наверное, не имел в виду настолько чужие места. На второй день в Чаще, пока Фарид охотился на кролика, Мегги попыталась заглянуть в книжку, которую взяла с собой, но так и не продвинулась дальше первой страницы. Кончилось тем, что она эту книжку забыла, оставила у ручья, над которым вились рои синих фей. То ли охота читать пропадает, когда сам оказываешься в написанной истории, то ли она просто слишком устала. «Надо хотя бы записать то, что я тут видела, — подумала Мегги и снова провела рукой по корешку блокнота, но голова и все тело были набиты усталостью, как ватой. — Завтра, — решила она. — И еще завтра я скажу Фенолио, чтобы он вписал меня обратно. Я видела фей и даже огненных эльфов, Непроходимую Чащу и Омбру. Да, и ему ведь понадобится еще день-другой, чтобы подыскать нужные слова...» В гнезде фей над ее головой раздался шорох, но синего личика не появилось.

В комнате было прохладно. Все здесь было чужим, таким чужим. Мегги привыкла бывать в чужих местах, ведь Мо всегда брал ее с собой, разъезжая по своим переплетным делам. Но одно оставалось в любом из этих мест неизменным: он всегда был с ней. Всегда. Мегги прижалась щекой к жесткому матрасу. Она скучала по матери, по Элино, по Дариусу, но больше всего по Мо, и у нее щемило сердце. Любовь и нечистая совесть — мучительное сочетание. Если бы он просто отправился с ней! Мо с любовью показывал ей их мир, и ей так хотелось сделать то же самое для

него. Ему бы все это наверняка понравилось: огненные эльфы, шепчущие деревья и табор комедиантов...

Да, она скучала по Мо.

Интересно, а Фенолио? Он по кому-нибудь скучает? Неужели его не тянет обратно в свою деревню, к детям, друзьям, соседям? И к внукам, с которыми Мегги столько раз носилась по его дому? «Завтра я тебе все покажу, — шепнул он ей, когда они торопливо шагали за мальчиком, несшим перед ними догорающий факел, и в голосе Фенолио звучала при этом гордость, как у принца, который обещает гостю показать на следующий день свое королевство. — Стража не любит, чтобы люди шлялись ночами по улицам», — добавил он. Между тесно стоявшими домишками, до того напоминавшими деревню Каприкорна, что Мегги на каждом углу ожидала увидеть чернокурточника с винтовкой, и вправду было очень тихо. Навстречу им попались только две похрюкивающие свиньи и оборванец, сметавший в кучу отбросы, а потом лопатой сыпавший их на ручную тележку. «К этой вони ты со временем привыкнешь, — шепнул Фенолио, увидев, как Мегги зажимает нос. — Скажи еще спасибо, что я живу не рядом с красильней или дубильней. К этим запахам даже я так и не привык». Нет, Фенолио никуда отсюда не рвался, это точно. Да и с чего бы? Это был его мир, вышедший из его головы, знакомый ему, как собственные мысли.

Мегги прислушалась к тишине. К мышинной возне примешивался еще какой-то звук — вроде тихого похрапывания. Он доносился, кажется, от конторки. Мегги скинула одеяло и на цыпочках подошла ближе. У кувшина с перьями спал стеклянный человечек. Его прозрачные ручки были испачканы чернилами. Наверное, он очинивал перья, макал их в пузатые чернильницы, посыпал песком свеженаписанные страницы... как об этом всегда мечтал Фенолио. А гнезда фей над его кроватью — это правда, что они приносят счастье и навевают приятные сны? Мегги заметила на конторке пыльцу фей. Мегги задумчиво провела по ней пальцем, посмотрела на оставшийся на пальце серебристый след и помазала пыльцой лоб. Интересно, помогает пыльца фей от тоски по дому?

Да, она очень тосковала по дому. Как тут ни красиво, ей все вспоминался дом Элинора, мастерская Мо... Что за глупое у нее сердце! Разве не билось оно сильнее каждый раз, когда Реза рассказывала ей о Чернильном мире? А теперь, когда она здесь, вправду здесь, оно, похоже, не знает, что ему чувствовать. «Потому что их здесь нет! — шепнуло что-то в ней, словно сердце пыталось оправдаться. — Потому что всех их здесь нет».

Если бы хоть Фарид был рядом...

Как она завидовала, что он переходит из мира в мир легко, будто переменяет рубашку. Похоже, тосковать он способен только по покрытому шрамами лицу Сажерука.

Мегги подошла к окну. Оно было завешено простым куском ткани. Мегги отодвинула его и посмотрела вниз, на узкую улочку. Оборванный мусорщик как раз провозил под окном свою тележку. Его тяжелый вонючий груз едва не застревал между домами. Все окна напротив были темными, только в одном горела свеча, и оттуда доносился детский плач. Крыши теснились друг к другу, как чешуйки на еловой шишке, а над ними устремлялись к звездному небу стены и башни замка.

Замок Жирного Герцога. Реза хорошо его описала. Луна серебрила светлые зубцы, а заодно и стражников, шагавших взад-вперед по стене. Похоже, это та же луна, что вставала и заходила над горами за домом Элинора. «Завтра герцог устраивает праздник в честь своего вырожденка, — рассказал Фенолио, — и я должен принести в замок новую песню. Я возьму тебя с собой, нужно только подыскать тебе чистую одежду, но у Минервы три дочери, так что уж какое-нибудь платье найдется».

Мегги еще раз взглянула на стеклянного человечка и вернулась к кровати под гнездами фей. «После праздника, — подумала она, стягивая через голову грязное платье и залезая обратно под грубое одеяло, — сразу после праздника я попрошу Фенолио вписать меня обратно». Она закрыла глаза, и перед ней снова замелькали рои фей, носившиеся вокруг них в сером сумраке Непроходимой Чащи и дергавшие за волосы, пока Фарид не начал кидаться в них еловыми шишками; послышался шепот деревьев, словно смешанный из земли и воздуха; показались чешуйчатые лица, какие она видела в темной воде маленького озера; прошли Черный Принц и его медведь...

Под кроватью раздался шорох, и что-то поползло по руке Мегги. Она сонно скинула это. «Может быть, Мо все же не очень сердится», — подумала она, засыпая, и вскоре уже видела во сне сад Элинора. Или это была все же Непроходимая Чаща?

ВСЕГО ОДНА ЛОЖЬ

Его согревало не одеяло, а теплое объятие мальчонки.

Джерри Спинелли. Маньяк Маги между Ист-Эндом и Вест-Эндом

Фарид скоро понял, что Фенолио был прав: не стоило пускаться в путь среди ночи. Правда, на него не нападали из темноты разбойники, и даже дикий зверь ни разу не перебежал ему дорогу, пока он подымался по озаренному лунным светом холму, который указали комедианты. Но откуда ему было знать, какая из бедных крестьянских усадеб, рассыпанных по его склону, та, что ему нужна? На вид они были все одинаковы: маленький дом из серого камня в окружении олив, колодец, кое-где загон для скота, узкие полосы возделанной земли. В усадьбах царила тишина. Их обитатели крепко спали, измученные тяжелым дневным трудом. Надежда в сердце Фарида таяла с каждой новой стеной и калиткой, мимо которых он бесшумно прокрадывался. Он впервые почувствовал себя одиноко и неуютно в этом чужом мире и хотел уже прикорнуть под ближайшим деревом и поспать до утра, как вдруг заметил огонь.

Вверху на холме сиял огонек, алый, как маковый цвет, который, раскрываясь, тут же начинает опадать. Фарид зашагал быстрее, почти бегом, вверх по холму, не сводя глаз с того места, где мелькнул огненный цветок. Сажерук! Между деревьями снова вспыхнуло пламя, на этот раз желтое, как сера, жаркое, как солнечный луч. Конечно, это он! Для кого еще станет огонь так плясать среди ночи?

Фарид побежал быстрее, тяжело дыша, выбиваясь из сил. Рядом оказалась тропа, ведущая вверх по холму мимо свежих пней. Тропа была

каменистая и мокрая от росы, но ступать по ней босыми ногами было легче, чем по колючему тимьяну. Вот снова огненный цветок впереди. Теперь Фарид различал в темноте дом. За ним холм поднимался еще выше, грядки нависали одна над другой, как ступени. Домишко был такой же убогий и простой, как все остальные. Тропа кончалась у невзрачной калитки в каменной ограде высотой по грудь Фариду. Мальчик остановился, и тут же на него, шипя и хлопая крыльями, вылетел гусь. Но Фарид не обратил на него внимания. Он нашел того, кого искал.

Сажерук стоял посреди двора и запускал в воздух огненные цветы. Он щелкал пальцами, и они раскрывали огненные лепестки, опадали, выпускали золотые стебли и снова расцветали. Казалось, что огонь возникает из ничего, повинуюсь лишь движению рук и голосу Сажерука. Он разжигал его одним своим дыханием — ни факелов, ни бутылки, откуда он набирал в рот горючее, ничего из всего снаряжения, которым он пользовался в другом мире, Фарид не заметил. Он просто стоял и заставлял полыхать огненными цветами ночную тьму. Их все больше кружилось над ним в бешеном танце, рассыпая искры, как золотые семена, и вскоре Сажерука со всех сторон окружали струи текущего огня.

Фариду не раз приходилось видеть, как уходит напряжение с лица Сажерука, когда тот играет с огнем, но такого счастливого выражения мальчик никогда прежде у него не видел. По-настоящему счастливое лицо... Гусь все еще хлопал крыльями, но Сажерук, похоже, ничего не замечал. Лишь когда Фарид толкнул калитку, птица заверещала так громко, что Сажерук оглянулся, — и огненные цветы мгновенно угасли, как и счастье на лице их повелителя.

С порога дома поднялась женская фигура. Рядом с женщиной сидел еще мальчик — Фарид только теперь его заметил. Мальчишка не спускал глаз с Фариды, пока тот шел по двору. Зато Сажерук так и не тронулся с места. Он молча смотрел на гостя, а у его ног медленно догорали красные угольки.

Фарид надеялся увидеть хоть искру радости на знакомом лице, хоть тень улыбки, но оно выражало лишь неприкрытую растерянность. В конце концов мужество изменило Фариду. Он остановился, чувствуя, как дрожит внутри сердце, словно в лихорадке.

— Фарид?

Сажерук подошел к нему. За ним двинулась и женщина, она была очень красивая, но Фариду было не до нее. На Сажеруке был наряд, который он повсюду носил с собой в другом мире, но никогда не надевал. Черное с красным... Фарид не решался поднять глаза, когда Сажерук

остановился в шаге от него. Он опустил голову и глядел на свои босые ноги. Может быть, Сажерук вовсе и не собирался брать его с собой. Может быть, он заранее договорился с Сырной Головой, чтобы тот не читал последние строки, и теперь страшно сердится, что мальчик все же пришел, что он неотступно следует за ним из мира в мир... Ударит он его сейчас? Сажерук его еще ни разу не бил (однажды, правда, замахнулся, когда Фарид нечаянно поджег хвост Гвину).

— Как я мог подумать, будто можно помешать тебе ходить за мной по пятам?

Фарид почувствовал, как Сажерук берет его за подбородок, и, взглянув наконец в его глаза, увидел там то, на что уже не смел надеяться: радость.

— Где тебя носило? Я звал тебя раз десять, искал повсюду... Огненные эльфы, должно быть, подумали, что я рехнулся!

С какой тревогой он вглядывался в лицо мальчика, словно опасаясь, не изменилось ли в нем что-нибудь. Как же приятно чувствовать его заботу. Фарид готов был плясать от счастья, как огненные цветы в пальцах Сажерука.

— Ну что ж, выглядишь ты, похоже, как всегда, — отметил тот. — Худющий черный дьяволенок. Только что ж ты все молчишь? Уж не остался ли твой голос в другом мире?

Фарид улыбнулся:

— Нет, все в порядке. — Он бросил быстрый взгляд на женщину, стоявшую за спиной Сажерука. — Но меня не Сырная Голова сюда отправил. Тот просто перестал читать, как только ты исчез. Меня вчитала сюда Мегги, с помощью слов Орфея.

— Мегги? Дочка Волшебного Языка?

— Да! Но ты-то сам как? У тебя все прошло благополучно?

Сажерук скривил рот в хорошо знакомой Фариду насмешливой улыбке.

— Ну, шрамы, как видишь, никуда не делись. Но новых увечий нет, если ты об этом.

Он обернулся к женщине. Фариду не понравилось, как он на нее смотрит.

Она была черноволосая, почти с такими же темными глазами, как у Фариды. И очень красивая, хотя и старая — то есть, по крайней мере, по сравнению с ним. Но Фариду она не нравилась. Ни она, ни ее мальчишка. Ведь он не затем последовал за Сажеруком в его мир, чтобы делить его здесь с другими.

Женщина встала рядом с Сажеруком и положила руку ему на плечо.

— Это кто? — спросила она, отвечая Фариду таким же пристальным оценивающим взглядом. — Еще одна из твоих тайн? Сын, о котором ты мне не рассказывал?

Фарид почувствовал, как кровь приливает к его щекам. Сын Сажерука. Эта мысль ему понравилась. Он незаметно посмотрел на незнакомого мальчишку. Интересно, кто его отец.

— Мой сын? — Сажерук нежно погладил ее по щеке. — Господи, надо ж такое выдумать. Нет, Фарид — огнеглотатель. Он был у меня учеником и вообразил себе с тех пор, что я не могу без него обойтись. И он верит в это так крепко, что следует за мной повсюду, каким бы дальним ни был путь.

— Вот еще! — В голосе Фариды явно звучала обида, хотя он предпочел бы ее не показывать. — Я пришел, чтобы предостеречь тебя. И могу уйти сию же минуту, если хочешь.

— Да ладно тебе! — Сажерук удержал его за локоть. — Прости, я забыл, как ты легко обижаешься. Предостеречь? От чего?

— От Басты.

Женщина прижала руку к губам, услышав это имя, и Фарид начал говорить, рассказал обо всем, что случилось с тех пор, как Сажерук исчез на пустынной горной дороге, словно его никогда и не было. Когда он закончил свой рассказ, Сажерук спросил только:

— Значит, книга у Басты?

Фарид ковырял босым пальцем твердую землю.

— Да, — кивнул он подавленно. — Он приставил мне нож к горлу — что я мог сделать?

— Баста? — Женщина схватила Сажерука за руку. — Значит, он еще жив?

Сажерук молча кивнул:

— Ты думаешь, он уже здесь? Думаешь, Орфей его вчитал?

Фарид растерянно пожал плечами:

— Не знаю! Когда я от него вырвался, он кричал мне вслед, что отомстит еще и Волшебному Языку. Но Волшебный Язык в это не верит, говорит, что Баста был просто в ярости...

Сажерук посмотрел на калитку, которая так и осталась открытой.

— Да, Баста в ярости многое может наговорить, — пробормотал он со вздохом, затапывая последние угольки, догоравшие перед ним на земле. — Плохие новости, — сказал он. — Очень плохие. Теперь не хватало еще только услышать, что ты принес с собой Гвина.

Хорошо, что вокруг темно. В темноте ложь не так заметна, как на свету. Фарид постарался изобразить крайнее изумление.

— Гвин? Нет, я его не принес. Ты же сказал, чтобы он оставался там. И потом, Мегги мне запретила.

— Умная девочка!

Вздых облегчения, вырвавшийся у Сажерука, болью отозвался в сердце Фарида.

— Ты бросил там свою куницу? — Женщина недоверчиво покачала головой. — Мне казалось, ты привязан к этому маленькому чудищу как ни к кому на свете.

— Ты же знаешь, какое у меня неверное сердце, — отозвался Сажерук, но его легкомысленный тон не мог обмануть даже Фарида. — Хочешь есть? Давно ты тут?

Фарид прочистил горло. Ложь о Гвине сидела у него в горле, как заноза.

— Четыре дня, — выдавил он из себя. — Комедианты нас покормили, но я все равно голодный...

— Нас? — В голосе Сажерука мгновенно зазвучало недоверие.

— Мегги. Дочка Волшебного Языка. Она пришла со мной.

— Она здесь? — Сажерук ошарашенно посмотрел на него, застонал и откинул волосы со лба. — Да, вот уж ее отец обрадуется! А мать! Может, ты еще кого с собой захватил?

Фарид отрицательно покачал головой.

— И где же она?

— У старика! — Фарид кивнул в ту сторону, откуда пришел. — Он живет возле замка. Мы его встретили в лагере комедиантов. Мегги очень обрадовалась, она все равно собиралась его искать, чтобы он отправил ее обратно. Мне кажется, она тоскует по дому...

— Старик? Какой еще старик, черт тебя подери?

— Ну тот писатель! Помнишь, с лицом черепахи, от которого ты убежал тогда, в...

— Ясно! — Сажерук зажал ему рот рукой, словно не желая больше ничего слышать. Он поглядел в ту сторону, где скрывались за темнотой стены Омбры. — Боже мой, все краше и краше...

— А это тоже... плохая новость? — испуганно спросил Фарид.

Сажерук отвернулся, но Фарид успел заметить, что он улыбается.

— Конечно. Наверное, еще ни одному мальчишке не случалось принести за раз столько плохих новостей. Да еще среди ночи. Что делают с такими вестниками несчастья, а, Роксана?

Значит, ее зовут Роксана. На мгновение Фариду показалось, что она сейчас потребует его прогнать. Но она пожала плечами:

— Кормят — что с ними еще делать? Хотя этот не выглядит таким уж истощенным.

ПОДАРОК ДЛЯ КАПРИКОРНА

— Если он был врагом моего отца, тем хуже для нас, — сказала девушка, встревожившись не на шутку. — Майор Хейворд, пожалуйста, заговорите с ним, мне хочется услышать звук его голоса. Может быть, это глупо, но я всегда сужу о человеке по его голосу.

*Джеймс Фенимор Купер. Последний из
могикан^[8]*

Настал вечер, за ним ночь, но никто не приходил открыть подпол в доме Элинора. Они молча сидели среди томатной пасты, консервных банок и еще каких-то припасов на полках и старались не замечать страха на лицах друг друга.

— Ну, дом у меня все же не очень большой, — сказала наконец Элинора. — За это время даже такой кретин, как Баста, должен был убедиться, что Мегги здесь нет.

Никто не ответил. Реза вцепилась в Мортимера, словно могла защитить его этим от ножа Басты, а Дариус в сотый раз протирал и без того сиявшие чистотой очки. Когда за дверью наконец раздались шаги, часы Элинора уже остановились. Она медленно приподнялась с канистры с оливковым маслом, а в ее усталом мозгу в это время вставали воспоминания о стенах без окон и гнилой соломе. У нее в подполе куда уютнее, чем в застенках Каприкорна, не говоря уж о склепе под церковью. Но из-за двери появился тот же человек, что и там. Баста внушал Элинора в ее собственном доме ничуть не меньший страх.

Когда она видела его в последний раз, он сам был узником, которого

обожаемый хозяин запер в собачьей клетке. Неужели он забыл об этом? Как случилось, что он снова служит Мортале? Элино́р и в голову не пришло задавать эти глупые вопросы Басте. Она сама знала ответ: потому что собаке нужен хозяин.

Баста привел с собой Верзилу. И то правда — их здесь четверо, а Баста, несомненно, хорошо помнит тот день, когда Сажеруку удалось от него ускользнуть.

— Уж извини, Волшебный Язык, дело затянулось, — сказал он своим высоким кошачьим голосом, толкая перед собой Мортимера по коридору к библиотеке Элино́р. — Просто Мортала никак не могла решить, какую же месть теперь придумать, раз твоя ведьма-дочка и впрямь успела смыться.

— И что? До чего же она теперь додумалась? — спросила Элино́р, хотя ей было боязно услышать ответ.

Зато Баста дал его с видимым удовольствием:

— Ну, сперва она хотела просто перестрелять вас всех и бросить трупы в озеро, хотя мы ей сказали, что вполне достаточно закопать их в ближайших кустах. Но потом она решила, что это будет слишком большой милостью для вас — умереть с сознанием, что маленькая ведьма от нее спаслась. Да, эта мысль испортила Мортале настроение.

— Правда?

Ноги у Элино́р так отяжелели от страха, что она застыла на месте, и Верзила нетерпеливо подтолкнул ее в спину. Но не успела она спросить, что же придумала для них Мортала вместо расстрела, как Баста уже распахнул перед ними дверь библиотеки и с насмешливой улыбкой пригласил войти.

Мортала восседала в любимом кресле Элино́р. В шаге от нее лежала собака с влажными глазами и загривком такой ширины, что на него можно было спокойно поставить тарелку. Ноги у псины были перебинтованы, как и у самой Морталы, на брюхе тоже виднелась повязка. Собака! В ее библиотеке! Элино́р крепко сжала губы. «Вообще-то, Элино́р, — сказала она себе, — у тебя сейчас явно будут огорчения похуже. Так что не обращай на пса внимания, и все».

Мортала прислонила свою палку к стеклянной витрине, где Элино́р хранила самые ценные книги. Рядом со старухой стоял Луноголовый. Орфей! Что он о себе воображает, этот идиот, если смеет называть себя таким именем?! Или его и впрямь родители так называли? Как бы то ни было, выглядел он так, будто провел такую же бессонную ночь, как она, и Элино́р почувствовала мрачное злорадство.

— Мой сын любил повторять, что месть — это блюдо, которое следует

подавать холодным, если хочешь им по-настоящему насладиться, — сказала Мортала, с удовольствием разглядывая измученные лица пленников. — Признаться, вчера мне не хотелось следовать этому совету. Мне не терпелось увидеть всех вас мертвыми, тут же, на месте. Но исчезновение маленькой ведьмы дало мне время подумать, и я приняла решение отложить свою месть, чтобы получше ею насладиться.

— Нет, вы только послушайте! — пробормотала Элинора, за что получила от Басты прикладом винтовки в спину.

Но птичий взгляд Морталы был сосредоточен на Мортимере. Остальных она, похоже, просто не замечала — ни Резу, ни Дариуса, ни Элинора, — только его.

— Волшебный Язык! — Она произнесла это прозвище с глубоким презрением. — Сколько человек ты убил своим бархатным голосом? Десяток? Кокереля, Плосконоса и наконец — венец твоего искусства — моего сына.

Злоба в голосе Морталы была так свежа, словно Каприкорн погиб не год с лишком назад, а минувшей ночью.

— Ты поплатишься жизнью за его гибель. Ты умрешь — это так же верно, как то, что я здесь сижу, — и я увижу это своими глазами, как мне пришлось увидеть смерть моего сына. Но я знаю на собственном опыте, что ни в этом, ни в любом другом мире нет большей боли, чем смерть собственного ребенка, и хочу, чтобы ты, раньше чем сам умрешь, увидел, как умирает твоя дочь.

Мортимер стоял перед ней с неподвижным лицом. Обычно все чувства легко читались на его лице, но сейчас даже Элинора не могла бы сказать, что происходит у него внутри.

— Ее здесь нет, Мортала, — произнес он хрипло. — Мегги здесь нет, и я думаю, тебе не удастся привести ее обратно — а то бы ты это давно сделала, правда?

— Зачем мне приводить ее обратно? — Узкие губы Морталы скривились в безрадостную улыбку. — Ты думаешь, я собираюсь оставаться в твоём дурацком мире теперь, когда книга у меня? Зачем? Нет уж, мы займемся твоей дочуркой в моём мире. Баста изловит ее там, как птичку. И тогда я подарю вас обоих моему сыну. Мы снова устроим праздник, Волшебный Язык, но на этот раз Каприкорн не умрет. Не умрет! Он будет сидеть рядом со мной и держать меня за руку, глядя, как смерть уводит тебя и твою дочь. Да, так будет!

Элинора покосилась на Дариуса и увидела на его лице то же недоумение, которое испытывала сама.

Мортола высокомерно рассмеялась.

— Что вы на меня вытаращились? Вы думаете, Каприкорн мертв? — Она захлебывалась словами. — Ерунда. Да, здесь он погиб — ну и что? Этот мир — лишь шутка, представление, какое устраивают на праздниках комедианты. В нашем, настоящем мире Каприкорн жив. Только поэтому я и отобрала книгу у Огнеглота. Маленькая ведьма сама сказала это в ту ночь, когда вы его убили: пока есть эта книга, он всегда будет жить в ней. Я знаю, она говорила об Огнеглоте, но что верно для него, тем более верно для моего сына! Там все они живы — Каприкорн и Плосконос, Кокерель и Призрак.

Она обвела их торжествующим взглядом, но все молчали. Кроме Мортимера.

— Но это же чушь, Мортола, — сказал он. — И ты это отлично знаешь. Ты ведь сама была в Чернильном мире, когда Каприкорн исчез оттуда вместе с Бастой и Сажеруком.

— Да, он уехал из дому — и что? — В голосе Мортолы появились визгливые ноты. — И долго не возвращался, но это же ничего не значит. Моему сыну постоянно приходилось уезжать по делам. Змееглав иногда присылал к нему гонца посреди ночи, и к утру его уже не было дома. Но теперь он вернулся. И ждет, чтобы я привела его убийц в его крепость в Непроходимой Чаще.

Элинор чувствовала, как в ней подымается безумный хохот, но страх сжимал ей горло. «Сомнений нет! — думала она. — Старая Сорока сошла с ума! К сожалению, она от этого стала только опаснее».

— Орфей! — Мортола нетерпеливым жестом подозвала Луноголового.

Подчеркнуто медленно, словно желая доказать, что он не какой-нибудь Баста, чтобы бросаться бегом по первому ее слову, он подошел к ней, вытаскивая по дороге исписанный листок из внутреннего кармана. Он торжественно развернул его и положил на стеклянную витрину, у которой стояла палка Мортолы. Собака, почесываясь, следила за каждым его движением.

— Это будет не просто, — сказал Орфей, наклоняясь к псу и ласково поглаживая его безобразную голову. — Я еще ни разу не пробовал вчитать сразу столько народу. Может быть, лучше попытаться переправить туда одного за другим по очереди...

— Нет! — гневно перебила его Мортола. — Нет, ты вчитаешь нас всех разом, как мы договорились.

Орфей пожал плечами:

— Ну, как хочешь. Но я уже предупреждал — это риск, потому что...

— Заткнись! Я не желаю об этом слышать. — Мортила впиалась костлявыми пальцами в подлокотники кресла. («Я никогда больше не смогу в него сесть, не вспомнив о ней», — подумала Элинора.) — Тебе что, напомнить о тюремной камере, откуда ты вышел только потому, что я за это заплатила? Мне стоит сказать слово — и ты снова окажешься там, без книг и без единого листка бумаги. Поверь, если что-нибудь пойдет не так, я тебе это устрою. Ведь Огнеглота ты отправил туда очень просто, как мне рассказывал Баста.

— Да, но это-то было совсем не трудно. Все равно что положить вещь на место. — Орфей так мечтательно поглядел в окно, словно там, на газоне, Сажерук снова исчезает у него на глазах. Он обернулся к Мортиле и нахмурился. — С ним все по-другому. — Он показал на Мортимера. — Это не его история. Он там ни при чем.

— К его дочке это тоже относится. Стало быть, она читает лучше, чем ты?

— Нет, конечно! — Орфей возмущенно выпрямился. — Лучше меня никто не читает. Разве это не доказано? Ты сама говорила, Сажерук десять лет искал человека, который сумел бы вчитать его обратно.

— Ну да, ну да... Кончай болтовню. — Мортила потянулась за палкой и медленно встала. — Правда, забавно будет, если за нас из истории выскочит такая же разъяренная кошка, как за Сажерука? У Басты рука до сих пор не зажила, а ведь у него был нож, да еще пес за него вступился.

Она бросила злобный взгляд на Элинора и Дариуса.

Элинора шагнула вперед, не обращая внимания на Басту с его прикладом.

— Ты о чем? Я пойду с вами!

Мортила подняла брови с наигранным презрением:

— Да? Кто здесь распоряжается, как ты думаешь? Зачем ты мне? И зачем мне этот бестолковый халтурщик Дариус? Конечно, мой сын и вас с удовольствием скормил бы Призраку, но я не хочу усложнять Орфею задачу. — Палкой она указала на Мортимера. — Мы берем с собой только его. И никого больше.

Реза схватилась за руку Мортимера. Мортила, ухмыляясь, шагнула к ней:

— Да, голубка, тебя я оставляю здесь. — Она ущипнула Резу за щеку. — Больно тебе снова с ним расставаться, да? Только ты наконец получила его обратно — после стольких лет...

Мортила сделала Басте знак, и тот грубо схватил Резу за руку. Она отбивалась, цепляясь за Мортимера с таким отчаянием на лице, что у

Элино́р разрывало́сь се́рдце, на это глядя. Она бросилась было на помощь племяннице, но ей загородил дорогу Верзила. Мортимер ласково отцепил пальцы Резы от своего локтя.

— Ладно, — сказал он. — В конце концов, из всей нашей семьи только я еще не был в Чернильном мире. Я тебе обещаю — без Мегги я оттуда не вернусь.

— Правильно — потому что ты вообще оттуда не вернешься! — насмешливо сказал Баста, с силой толкая Резу к Элино́р.

Морто́ла продолжала улыбаться. Как Элино́р хотелось ее ударить! «Ну сделай же что-нибудь, Элино́р!» — думала она. Но что она могла сделать? Вцепиться в Мортимера и не выпускать? Порвать листок, который Луноголовый так бережно положил на стеклянную витрину?

— Ну что, можно начинать? — спросил Орфей, облизывая губы, как будто ему не терпелось поскорее продемонстрировать свое искусство.

— Конечно. — Морто́ла тяжело оперлась на палку и знаком подозвала Басту.

Орфей опасливо покосился на него.

— Ты позаботишься о том, чтобы Баста оставил Сажерука в покое, так? — сказал он Морто́ле. — Ты обещала!

Баста провел пальцем по горлу и подмигнул ему.

— Ты видела? — Чудесный голос Орфея сорвался. — Вы обещали! Это мое единственное условие! Вы оставите Сажерука в покое, или я ничего читать не буду!

— Ладно, ладно, только не ори так, сорвешь голос! — нетерпеливо сказала Морто́ла. — У нас есть Волшебный Язык. На что мне этот паршивый Огнеглот? Да читай же ты наконец!

— Эй, погодите! — Элино́р впервые услышала голос Верзилы. Он был на удивление тонким для такого огромного мужичищи — как будто слон говорит голосом сверчка. — А что будет с остальными, когда вы уйдете?

— Почему я знаю! — Морто́ла пожала плечами. — Пусть их сожрет то, что выйдет из книги вместо нас. Или сделай толстуху своей горничной, а Дариуса — чистильщиком сапог. Да что угодно... мне все равно. Ну, читай!

Орфей повиновался.

Он подошел к витрине, взял свой листок, откашлялся и поправил очки.

— «Крепость Каприкорна стояла там, где находили в Чаше последние следы великанов. — Слова лились с его губ, как музыка. — Их давно уже никто не видел, но по ночам вокруг крепостных стен шныряли другие существа, куда страшнее — альбы и осинники, такие же жестокие, как люди, построившие эту крепость из серых камней, серую, как скалистый

склон, к которому она лепилась...»

«Сделай же что-нибудь! — думала Элинора. — Сделай что-нибудь, сейчас или никогда. Вырви у Луноголового его листок, выбей у Сороки из рук палку...» Но она не могла пошевелить даже пальцем.

Что за голос! И чары этих слов — они словно залипли ей мозг, погрузили ее в сонный восторг. Когда Орфей читал о повилике и тамариске, Элинора слышался их запах. Он и в самом деле читал не хуже, чем Мортимер! Это была последняя собственная мысль, мелькнувшая у нее. С остальными творилось то же самое, они все уставились на губы Орфея, жадно ловя каждое слово: Дариус, Баста, Верзила, даже Мортимер, и даже Сорока. Они слушали не шевелясь, замороженные звуком его голоса. Лишь один человек шевелился. Реза. Элинора видела, как она борется с чарами, словно с подступающей глубокой водой, как подходит к Мортимеру и из всех сил хватается за него...

И вдруг все они исчезли — Баста, Сорока, Мортимер и Реза.

МЕСТЬ МОРТОЛЫ

*Я не решаюсь,
Не решаюсь написать это:
Когда ты умрешь.*

Пабло Неруда. Умершая

Было похоже, будто на все, что еще мгновение назад видела Реза, наложили картинку, прозрачную, как витраж: на библиотеку Элинон, на книжные корешки, так аккуратно расставленные Дариусом. Все это расплылось, уступая место другой картинке. Камни поглотили книги, закопченные стены — ряды стеллажей. На паркете Элинон проросла трава, а беленый потолок уступил место затянутому тучами небу.

Реза так и не выпустила Мо из объятий. Только он не расплылся, не исчез, и она продолжала цепляться за него, боясь снова потерять, как тогда. Давным-давно.

— Реза?

Она увидела испуг в его глазах, когда он обернулся и понял, что она пришла с ним. Она скорее зажала ему рот рукой. Слева от них по почерневшей стене вилась жимолость. Мо протянул руку и потрогал листья, словно не доверял глазам и хотел проверить зрение осязанием. Реза вспомнила, что и она в первые минуты здесь делала то же, пробовала все на ощупь, не в силах поверить, что мир, скрывавшийся за буквами, оказался таким настоящим.

Если бы не слова Орфея, Реза не узнала бы места, куда пожелала попасть Мортала. Крепость Каприкорна выглядела совсем не так, когда она была тут в последний раз. Тогда всюду сновали вооруженные люди, они

охраняли лестницы, ворота, стены. Там, где лежало сейчас лишь несколько обугленных бревен, стояла пекарня, а напротив, у лестницы, она выбивала вместе с другими служанками ковры, которыми Мортала украшала голые комнаты лишь по особым случаям.

Комнат этих больше не было. Стены крепости обвалились и почернели от огня. Сажа покрывала камни, словно кто-то выкрасил их черной краской, а двор, прежде гладко утопанный, зарос тысячелистником. Тысячелистник любит пожарища, и он рос тут теперь повсюду, а там, где прежде узкая лестница вела к сторожевой башне, во владения Каприкорна ворвался лес. Молодые деревца пустили корни среди развалин, словно только и ждали случая отобрать у человека отвоеванное им пространство. Из пустых оконных проемов торчал осот, мох покрывал развалившиеся ступени, а по обгоревшим деревянным столбам, оставшимся от виселиц Каприкорна, вился плющ. Реза видела на них немало повешенных.

— Что это? — Голос Морталы гулко разнесся среди мертвых стен. — Что это за жалкие развалины? Это не крепость моего сына!

Реза теснее прижалась к Мо. Он все еще стоял как оглушенный, словно ожидая, что снова увидит вместо камней книги Элинора. Реза знала по собственному опыту, что он сейчас чувствует. Для нее во второй раз все было уже не так страшно. Ведь теперь она была не одна и понимала, что произошло. Но Мо, похоже, забыл обо всем: о Мортале, о Басте и о том, зачем его сюда перенесли.

Зато Реза об этом не забыла и с замиранием сердца следила за тем, как Мортала продирается сквозь заросли тысячелистника к обугленным стенам и ощупывает камни, словно глядя мертвое лицо своего сына.

— Я своими руками вырежу язык этому Орфею и подам ему на завтрак под соусом из наперстянки! — выдохнула она. — Это — крепость моего сына?! Ну уж нет!

Она крутила головой, как птица, оглядываясь по сторонам.

Баста стоял неподвижно, направив на Мо и Резу ружье, и молчал.

— Да скажи ты что-нибудь! — закричала на него Сорока. — Скажи хоть слово, идиот!

Баста нагнулся и поднял лежавший у его ног проржавевший шлем.

— Что тут скажешь? — буркнул он, кидая шлем обратно в траву и пиная его ногой, так что он со звоном покатился вдоль стены. — Конечно, это наша крепость. Ты что, не видишь знак Козерога там, на стене? Даже черти еще стоят, хотя у них теперь шапки из плюща, а там, напротив, — глаз, что наш Мясник любил рисовать на камнях.

Мортала уставилась на нарисованный красной краской глаз в том

месте, куда показывал Баста. Потом она подошла к остаткам деревянных ворот, разбитых и сброшенных с петель, почти уже не видных под зарослями ежевики и крапивы в человеческий рост. Она молча стояла и озиралась по сторонам.

Мо наконец пришел в себя.

— О чем она говорит? — шепотом спросил он Резу. — Где мы? Здесь был притон Каприкорна?

Реза молча кивнула. Но Сорока вздрогнула от звука его голоса, резко повернулась и пошла прямо на него, покачиваясь, словно от головокружения.

— Да, это его крепость, но Каприкорна здесь нет! — сказала она угрожающе тихо. — Моего сына здесь нет. Значит, Баста все же был прав. Он умер здесь и в другом мире, умер... От чего? От твоего голоса, от твоего проклятого голоса!

Лицо Мортолы выражало такую ненависть, что Реза невольно потянула Мо к себе, чтобы как-нибудь укрыть от этого взгляда. Но за ними была лишь закопченная стена, на которой красовался знак Козерога с красными глазами и пылающими рогами.

— Волшебный Язык! — Мортала брызнула этими словами, как ядом. — Язык-Убийца, это было бы точнее. Твоя дочурка не решалась выговорить слова, убившие моего сына, зато ты — *ты не колебался ни мгновения!* — Она продолжала уже почти беззвучно: — Я вижу тебя перед собой так ясно, словно это было вчера, — как ты берешь листок у нее из рук и отодвигаешь дочь в сторону. А потом изо рта у тебя полились слова — красивые, как все, что ты говоришь, — и когда ты закончил, мой сын лежал на земле мертвым.

На секунду она прижала руку к губам, словно подавляя всхлип. Когда рука опустилась, губы продолжали дрожать.

— Как... это... возможно? — сказала она дрожащим голосом. — Объясни мне, как это возможно? Ведь он был вообще не оттуда, не из вашего лживого мира. Как мог он там умереть? Или ты для того и заманил его туда своим дьявольским языком?

Она снова отвернулась и, сжав худые пальцы в кулаки, уставилась на обгорелые стены.

Баста снова нагнулся. На этот раз он подобрал наконечник стрелы.

— Хотелось бы мне знать, что здесь произошло, — пробормотал он. — Я говорил, что Каприкорна здесь нет, но остальные-то где? Рыжий Лис, Недотепа, Горбун, Свистун и Мясник... они что, все погибли? Или томятся в застенках Жирного Герцога?

Он с тревогой взглянул на Мортолу.

— Что нам делать, если никого из них нет, а? — Баста говорил голосом ребенка, боящегося темноты. — Или ты хочешь, чтобы мы жили в пещере, как кобольды, пока до нас волки не доберутся? Ты про них забыла — про волков? И альбы, и огненные эльфы, и вся прочая нечисть, от которой тут проходу нет... Я о них не забывал, но тебе ведь непременно нужно было вернуться в это проклятое место, где за каждым деревом по три злых духа!

Он схватился за амулет, висевший у него на шее, но Мортала не удостоила его даже взглядом.

— Помолчи! — сказала она так резко, что Баста втянул голову в плечи. — Сколько можно тебе объяснять, что духов бояться нечего. А что до волков, так на то у тебя есть нож. Уж мы не пропадем. Мы и в их мире не пропали, а здесь мы все же у себя дома. Кроме того, у нас есть могущественный друг — ты забыл об этом? Мы навестим его в ближайшее время. Но сперва мне нужно сделать одно дело, которое я слишком долго откладывала.

Она повернулась, твердым шагом подошла к Басте и взяла у него из рук ружье.

Реза схватила Мо за руку. Она попыталась оттащить его в сторону, но не успела. Мортала уже выстрелила. Сорока умела обращаться с ружьем. Ей приходилось стрелять по птицам, клевавшим ее ягоды на дворе Каприкорна.

Кровь растеклась по рубашке Мо, как цветок, все шире раскрывающий пурпурно-красные лепестки. Реза услышала собственный крик, когда он упал и вдруг оказался лежащим на траве, окрашивающейся постепенно пурпуром, как его рубашка. Она бросилась на колени, перевернула его и зажала руками рану, словно могла остановить льющуюся кровь, кровь, уносившую его жизнь.

— Пошли, Баста! — донесся до нее голос Мортолы. — Идти далеко, а нам нужно найти надежный приют до темноты. Ночью в этом лесу делать нечего.

— Ты хочешь оставить ее здесь?

Это говорил Баста.

— А почему бы и нет? Я знаю, она тебе всегда нравилась, но о ней позаботятся волки. Запах свежей крови их быстро приманит.

Кровь. Она текла все быстрее, а лицо Мо было белым как снег.

— Нет! Нет, только не это! — прошептала Реза и услышала собственный голос. Она зажала рукой дрожащие губы.

— Ты только посмотри! Голубка у нас заговорила! — Насмешливый

голос Басты донесся до нее сквозь гул в ушах. — Жаль только, что он тебя уже не услышит, а? Будь здорова, Реза!

Она не оглянулась. Даже когда шаги за ее спиной стали удаляться.

— Нет! — шептала она, словно молитву. — Нет!

Она оторвала полоску ткани от своего платья — если бы только руки не так дрожали! — и прижала ее к ране. Руки у нее были мокры от его крови и собственных слез. «Реза! — прикрикнула она на себя. — Слезы тебе не помогут! Вспоминай! Что делали люди Каприкорна с ранами?» Они выжигали их, но об этом она не могла даже думать. А потом было еще это растение с пушистыми листьями и светло-сиреневыми цветами, мелкими колокольчиками, вокруг которых вечно вились шмели. Реза стала искать его вокруг сквозь пелену слез, надеясь на чудо...

Между побегов жимолости кружились две синекожие феи. Был бы здесь Сажерук, он сумел бы их подманить. Он подозвал бы их тихим голосом и уговорил дать немного слюны или серебристой пыльцы, которую они стряхивали с волос.

Реза снова слышала собственный всхлип. Испачканными кровью пальцами она откинула темные волосы со лба Мо и стала звать его по имени. Не может он умереть сейчас, после стольких лет...

Она звала и звала его, прикладывала палец к его губам, чувствовала его дыхание, неглубокое, порывистое, трудное, словно кто-то сидел у него на груди. «Смерть, — думала она, — это смерть».

Шорох заставил ее вздрогнуть — звук шагов по мягкой листве. Неужели Мортала передумала? Послала за ней Басту? Или это уже волки? Если бы у нее был хотя бы нож! Мо всегда носил с собой нож. Она порылась в его карманах, нащупала рукоять...

Шаги приближались. Да, это были, без сомнения, человеческие шаги. И вдруг стало тихо, пугающе тихо. Реза поспешно вытащила нож из кармана Мо, открыла его. Она не решалась обернуться, но потом все же заставила себя...

У бывших ворот крепости стояла старуха. Она казалась крошечной, как ребенок, между мощных столбов, все еще обрамлявших вход. На плече у нее висела котомка, а платье словно сплетено из крапивного волокна. Кожа у нее была смуглая и морщинистая, как кора старого дерева. К коротким седым волосам пристали листья и репей.

Старуха молча подошла к Резе. Ноги у нее были босые, но, похоже, крапива и чертополох, которыми зарос двор Каприкорна, нисколько ее не смущали. Не поведя бровью, она отодвинула Резу в сторону и наклонилась над Мо. Кровавую тряпку, которой Реза все еще пыталась зажать рану, она

спокойно отбросила в сторону.

— Такой раны я никогда не видывала, — сказала она таким хриплым голосом, словно ей не часто приходилось им пользоваться. — Чем это сделано?

— Ружьем, — ответила Реза. Она еще не привыкла говорить языком, а не руками.

— Ружьем? — Старуха взглянула на нее, покачала головой и снова склонилась над Мо. — Ружье. Что это еще такое? — бормотала она, ощупывая рану смуглыми пальцами. — Да уж, новое оружие у них появляется быстрее, чем цыплята из яиц, а я думай, как склеить обратно все, что они там раздробят и разрежут.

Старуха прижалась ухом к груди Мо, послушала и выпрямилась с тяжелым вздохом.

— У тебя под платьем есть рубашка? — без церемоний спросила она, не глядя на Резу. — Сними ее и разорви на куски. Мне нужны длинные полосы.

Она достала из кожаного мешка у пояса склянку и смочила полосу ткани, которую протянула ей Реза.

— Приложи к ране! — скомандовала она. — Рана скверная. Может быть, придется резать или жечь, но не здесь. Вдвоем мы его не унесем, но тут неподалеку комедианты устроили лагерь для своих стариков и больных. Может быть, там нам помогут.

Старуха так ловко перевязала рану, словно всю жизнь только этим и занималась.

— Постарайся его согреть! — сказала она, снова поднимаясь и забрасывая котомку на плечо. Потом показала на нож, который Реза уронила в траву. — А это держи при себе. Я постараюсь прийти раньше, чем волки. А если появится Белая Женщина, смотри, не дай ей взглянуть ему в лицо или окликнуть по имени.

И она исчезла так же внезапно, как появилась. А Реза опустилась на колени и, придерживая рукой пропитанную кровью повязку, стала прислушиваться к дыханию Мо.

— Слышишь? Ко мне вернулся голос! — шептала она ему. — Как будто он тут меня дожидался!

Но Мо не шевельнулся. И лицо у него было такое бледное, словно камни и трава выпили всю его кровь.

Реза не знала, сколько прошло времени, когда позади нее раздался невнятный, тихий шепот, похожий на шелест дождя. Она обернулась и увидела на обломках лестницы Белую Женщину, неясную фигуру, похожую

на отражение в воде. Реза хорошо знала, что означает ее появление. Сколько раз она рассказывала Мегги о Белых Женщинах. Для них была лишь одна приманка, на которую они шли быстрее, чем волки на запах крови: прерывающееся дыхание, все слабее бьющееся сердце...

— Замолчи! — крикнула Реза бледной фигуре, загораживая от нее лицо Мо. — Убирайся, не смей на него смотреть. Он с тобой не пойдет, не сегодня!

«Когда они хотят забрать тебя с собой, они шепчут твое имя», — рассказывал ей Сажерук. «Но ведь они здесь не знают его имени! — думала Реза. — Они не могут его знать, ведь он не из этого мира!» Но на всякий случай все же зажала Мо уши.

Солнце стало заходить. Оно неудержимо опускалось все ниже за деревья. Между обугленных стен сгущалась темнота, и бледная фигура на лестнице виднелась в ней все отчетливее. Она стояла неподвижно и ждала.

УТРО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

*Нет, без раны в душе я не покину этот город...
Слишком много осколков моей души осталось на его
улицах, слишком много детей моей тоски бегают
голышом по этим холмам.*

Халил Гибран. Пророк

Мегги в ужасе рванулась — и проснулась. Ей снился страшный сон, но какой, она сама не знала. Видения развеялись, и только страх застрял занозой в сердце. До нее донесся шум: громкие разговоры, смех, детский крик, собачий лай, хрюканье свиней, стук топоров, визжание пилы. Ее лица коснулся солнечный луч. В воздухе пахло навозом и свежеевыпеченным хлебом. Где она? И только увидев Фенолио за конторкой, она вспомнила: Омбра. Она в Омбре.

— Доброе утро! — Фенолио явно отлично выспался.

Он выглядел довольным собой и миром. И то сказать, кому же и быть довольным миром, как не тому, кто его создал? Рядом с ним стоял стеклянный человечек, которого Мегги вчера видела спящим у кувшина с перьями.

— Розенкварц, поздоровайся с нашей гостьей! — сказал Фенолио.

Стеклянный человечек отвесил поклон в сторону Мегги, взял у Фенолио мокрое от чернил перо, вытер его тряпочкой, поставил обратно в кувшин и склонился над свеженаписанными строчками.

— Ага. Сегодня для разнообразия не песня о Перепеле! — ехидно заметил он. — Вы сейчас понесете это в замок?

— Вот именно! — величественно ответил Фенолио. — Так что позаботься о том, чтобы чернила не размазались.

Стеклянный человечек презрительно наморщил нос в знак того, что с ним такого не бывает, зачерпнул горстями песок из стоявшей рядом миски и ловким движением рассыпал по исписанному пергаменту.

— Розенкварц, сколько раз тебе говорить! — прикрикнул на него Фенолио. — Ты набираешь слишком много песка и бросаешь его слишком резко, так что получается грязь.

Стеклянный человечек отряхнул с ладоней налипшие песчинки и обиженно скрестил руки.

— Тогда посыпайте сами!

Его голос напомнил Мегги звук, который получается, когда водят ногтем по стеклу.

— Хотел бы я посмотреть, как вы за это возьметесь! — ехидно добавил он, взглянув на толстые пальцы Фенолио с таким презрением, что Мегги невольно рассмеялась.

— И я бы хотела! — сказала она, натягивая на себя платье.

К нему прилипли листья из Непроходимой Чащи, и она вспомнила о Фариде. Нашел он Сажерука?

— Слышите? — Розенкварц благосклонно посмотрел на нее. — Она, похоже, умная девочка.

— Да, Мегги очень умная девочка, — ответил Фенолио. — Нам пришлось кое-что пережить вместе. И только благодаря ей я сижу сегодня здесь и объясняю стеклянному человечку, как надо присыпать чернила песком.

Розенкварц поглядел на Мегги с любопытством, но не стал спрашивать, что означает таинственное замечание Фенолио.

Мегги подошла к конторке и заглянула старику через плечо.

— Почерк у тебя стал разборчивее, — заметила она.

— Приятно слышать, — отозвался Фенолио. — Уж ты, конечно, знаешь, о чем говоришь. Но вот тут, видишь, «П» размазалось.

— Если вы всерьез хотите возложить вину за это «П» на меня, — звенящим голосом произнес Розенкварц, — то я сегодня в последний раз служил у вас перочистом и сейчас же отправлюсь искать писца, у которого мне не придется работать до завтрака.

— Ладно, ладно, ты тут ни при чем, это я сам размазал «П»! — Фенолио подмигнул Мегги. — Ты себе не представляешь, до чего они обидчивые, — доверительно шепнул он ей. — К его гордости надо прикасаться так же осторожно, как к стеклянным ручкам и ножкам.

Стеклянный человечек молча повернулся к нему спиной, взял тряпку, которой только что обтирал перо, и попытался стереть ею чернильное

пятно с руки. Его руки и ноги были не совсем прозрачные, как у тех стеклянных человечков, что жили в саду у Элинора. Он был весь светло-розовый, как цветок боярышника. Только волосы были чуть темнее.

— Ты ничего не сказал о моей новой песне, — заметил Фенолио. — Здорово получилось, правда?

— Неплохо, — ответил Розенкварц, не оборачиваясь, и принялся протирать свои ноги.

— Неплохо? Да это шедевр, ты, перочист замызганный! — Фенолио хлопнул ладонью по конторке с такой силой, что стеклянный человечек упал на спину, как жук. — Сегодня же пойду на рынок и возьму себе нового человечка, который понимает в этом толк и мои баллады о разбойниках тоже умеет ценить! — Он открыл продолговатую коробочку, вынул палочку сургуча и пробурчал: — Надеюсь, ты сегодня хоть не забыл приготовить огонь для печати!

Розенкварц выхватил у него из рук сургуч и поднес к горящей свече, стоявшей у кувшина с перьями. С неподвижным лицом он приставил расплавленный конец сургучной палочки к пергаменту, раз-другой махнул стеклянной ручкой над красным отпечатком и бросил приглашающий взгляд на Фенолио. Тот с важным видом прижал к мягкому сургучу кольцо, которое носил на правой руке.

— «Ф» означает «Фенолио», а также «Фантазия»! — объявил он. — Ну вот, все готово.

— Я предпочел бы сейчас «З» — завтрак! — заметил Розенкварц, но Фенолио пропустил его замечание мимо ушей.

— Как тебе нравится моя песня для герцога? — спросил он Мегги.

— Я... я не могла читать, пока вы ссоритесь, — уклончиво ответила она. Ей не хотелось портить Фенолио настроение замечанием, что стихи кажутся ей знакомыми. Она предпочла спросить: — А зачем Жирному Герцогу такое печальное стихотворение?

— Потому что у него умер сын, — ответил Фенолио. — И с тех пор, как не стало Козимо, он хочет слышать только печальные стихи — без конца. Как они мне надоели!

Он со вздохом положил пергамент на конторку и подошел к стоявшему у окна сундуку.

— Козимо? Козимо Прекрасный умер? — Мегги не могла скрыть разочарования.

Реза столько рассказывала ей о сыне Жирного Герцога: что всякий, кто его знал, любил его, что даже Змееглав его боялся, что крестьяне приносили к нему своих больных детей, потому что верили, что раз он

красив, как ангел, то может исцелять болезни...

Фенолио вздохнул:

— Да, ужас! Это был горький урок. Эта история уже не моя. Она делает что хочет!

— Ну вот опять! — простонал Розенкварц. — Его история. Я никогда не пойму, что он этим хочет сказать. Может, вам все же стоит сходить к цирюльнику, который лечит больные головы.

— Дорогой Розенкварц, — сухо заметил Фенолио, — твоя прозрачная головка просто маловата, чтобы вместить то, что я хочу сказать. Зато Мегги меня прекрасно понимает, будь уверен!

Он с недовольным видом открыл сундук и вытащил оттуда длинную темно-синюю хламиду.

— Пора заказать себе новый плащ, — пробурчал он. — Невозможно, чтобы человек, чьи песни поют по всей стране, чьи слова самому герцогу помогают забыть скорбь по сыну, разгуливал в этой старой тряпке. Ты только посмотри на рукава. Одни дыры! Это все моль, хотя Минерва и положила туда лаванду.

— Для бедного поэта вполне сойдет, — трезво заметил стеклянный человечек.

Фенолио со стуком захлопнул крышку сундука.

— Слушай, — сказал он, — однажды я все же запущу в тебя чем-нибудь тяжелым!

Похоже, Розенкварца эта угроза не испугала.

Они продолжали пререкаться, это, видимо, была их обычная игра, за которой они совершенно забыли о Мегги. Она подошла к окну, отодвинула занавеску и выглянула на улицу. День обещал быть солнечным, хотя на окрестных холмах еще лежал туман. На каком из них живет комедиантка, у которой Фарид собирался искать Сажерука? Она не могла вспомнить. Интересно, вернется он, если ему удалось найти Сажерука, или просто уйдет вместе с ним, как в прошлый раз, совершенно забыв о ней? Мегги постаралась не углубляться в то чувство, которое вызвали у нее эти мысли. В сердце у нее и так была полная сумятица — такая сумятица, что больше всего ей хотелось попросить у Фенолио зеркало, чтобы увидеть там себя — собственное привычное лицо среди всего чуждого и незнакомого, что окружало ее здесь и шевелилось в ее собственной душе. Но вместо этого она продолжала смотреть на покрытые туманом холмы.

Как далеко простирается мир Фенолио? Только дотуда, докуда он его изобразил? «Интересно, — прошептал он, когда Баста притащил их обоих в деревню Каприкорна, — а ведь эта деревня очень похожа на одно из тех

мест, где происходит действие у меня в „Чернильном сердце“, понимаешь?» Он, наверное, имел в виду Омбру.

Окрестные холмы и впрямь были похожи на те, по которым Мегги, Мо и Элинор бежали от Каприкорна, когда Сажерук выпустил их из заточения, только здесь их зелень была еще ярче и выглядели они еще более зловеще. Каждый листок словно говорил о том, что в этих кронах живут феи и огненные эльфы. А дома и улицы, видные из окна Фенолио, были бы совсем такими же, как в деревне Каприкорна, если бы на них не царили такой шум и оживление.

— Ты только взгляни, какая толкучка, сегодня все собрались в замок, — произнес Фенолио за ее спиной. — Бродячие торговцы, крестьяне, ремесленники, богатые купцы и нищие попрошайки — все пойдут на праздник, чтобы заработать или потратить пару монет, а главное, полюбоваться на знатных господ.

Мегги взглянула на стены замка. Они угрожающе вздымались над красными черепичными крышами. На башнях развевались черные флаги.

— А когда умер Козимо?

— Почти год назад. Я как раз нанял эту комнату. Как ты, наверное, догадываешься, твой голос отправил меня прямо на то место, откуда забрал Призрака — в крепость Каприкорна. К счастью, там наступила такая неразбериха после исчезновения чудовища, что никто из поджигателей и не заметил вдруг появившегося среди них старика с растерянной физиономией. Я провел в лесу несколько страшных дней — у меня, к сожалению, не было ловкого спутника, который бы умел орудовать ножом, ловить кроликов и разводить огонь с помощью сухих веток. Зато в конце концов меня подобрал лично Черный Принц. Вообрази, как я на него уставился, когда он вдруг вырос прямо передо мной, словно из-под земли! Из тех, кто был с ним, я никого не узнал, но, признаться, о второстепенных фигурах в моих книгах у меня всегда очень смутные воспоминания, а то и вовсе никаких... Как бы то ни было, один из них доставил меня в Омбру, совершенно оборванного и без гроша в кармане. Но, к счастью, у меня было кольцо, и я отнес его в заклад. Ювелир дал мне за него достаточно денег, чтобы я мог нанять комнатку у Минервы, и все вроде бы складывалось отлично, просто замечательно. Истории приходили мне в голову одна за другой, слова так и просились наружу — давно мне так не работалось. Но только я успел немного прославиться песнями для Жирного Герцога, только комедианты полюбили мои стихи, как Огненный Лис поджег пару усадеб внизу у реки и Козимо отправился в поход, чтобы раз и навсегда покончить с этой бандой. «Отлично! — подумал я. — Почему бы

и нет?» Мне и в голову не приходило, что его могут убить. У меня были на него такие чудесные планы! Он должен был стать великим правителем, благословением для своих подданных и привести мою историю к хорошему концу, избавив этот мир от Змееглава. Но вместо этого шайка разбойников прикончила его в Непроходимой Чаще! — Фенолио вздохнул. — Его отец сперва не желал верить, что сына нет в живых. Лицо Козимо было целиком сожжено огнем, как и у прочих погибших, чьи останки удалось отыскать, — опознать их было почти невозможно. Но когда прошли месяцы, а он все не возвращался...

Фенолио снова вздохнул и снова полез в сундук за своей траченной молью хламидой. Он протянул Мегги пару шерстяных чулок голубого цвета, кожаные подвязки и платье из линялого синего холста.

— Боюсь, тебе оно будет великовато — это платье средней дочери Минервы, — но то, что на тебе, придется отправить в стирку. Чулки закрепи подвязками — это не очень удобно, но ты скоро привыкнешь. Ах ты господи, Мегги, ты стала совсем взрослая, — сказал он, отворачиваясь, чтобы дать ей переодеться. — Розенкварц! Ты тоже отвернись.

Платье и впрямь сидело не очень хорошо, и Мегги была даже рада, что у Фенолио нет зеркала. Дома она в последнее время довольно часто в него смотрелась. Так странно было следить за изменениями собственного тела. Как будто ты куколка, превращающаяся в бабочку.

— Готова? — спросил Фенолио, оборачиваясь. — Ну что ж, сойдет, хотя, конечно, такая хорошенькая девочка заслуживает платья покрасивее. — Он вздохнул и оглядел сверху вниз себя самого. — Я, пожалуй, останусь в этом. Тут хоть дырок нет. Да и вообще, сегодня в замке будет столько знати и столько комедиантов, что на нас двоих никто и не посмотрит.

— Двоих? То есть как? — Розенкварц отложил бритву, которой затачивал перо. — А меня вы разве с собой не берете?

— Ты что, с ума сошел? Хочешь, чтобы я принес обратно осколки. Нет уж. И потом, тебе пришлось бы там слушать плохие стихи, которые я несусь Герцогу.

Розенкварц все еще ворчал, но Фенолио уже прикрыл дверь за собой и Мегги. Деревянная лестница, на которую усталая Мегги насилу поднялась минувшей ночью, выходила в зажатый между домами тесный дворик, где рядом со свинными закутами и деревянными сараями были разбиты овощные грядки. Посередине тек узкий ручеек, двое детей прогоняли свинью с грядки, женщина с младенцем на руках кормила тощих кур.

— Отличное утро, правда, Минерва? — окликнул ее Фенолио, пока

Мегги осторожно спускалась с последних крутых ступеней.

Минерва подошла к подножию лестницы. Девочка лет шести, цеплявшаяся за ее юбку, подозрительно уставилась на Мегги. Та испуганно замерла. «Может быть, по мне видно, — думала она, — что я не отсюда...»

— Эй, берегись! — крикнула девочка.

Мегги еще не успела ничего понять, как почувствовала, что ее дергают за волосы. Девочка кинула комком земли, и фея, отчаянно бранясь, упорхнула с пустыми руками.

— Господи, откуда ты такая взялась? — спросила Минерва, сводя растерявшуюся Мегги с лестницы. — У вас там что, фей нет? Они же помешаны на человеческих волосах, особенно таких красивых, как у тебя. Если ты их не заколешь, будешь скоро ходить лысая. А кроме того, ты уже слишком взрослая для распущенных волос. Или хочешь, чтобы тебя принимали за комедиантку?

Минерва была маленькая и пухлая, ростом не выше Мегги.

— Ну и худышка же ты! — сказала она. — Платье с тебя чуть не сваливается. Я его заужу, сегодня же вечером. Она завтракала? — повернулась Минерва к Фенолио и покачала головой, увидев его смущенное лицо. — Ах ты боже мой, только не говори, что ты забыл дать девочке поесть.

Фенолио растерянно потер руки.

— Я старый человек, Минерва! — воскликнул он. — Я забываю такие вещи. Ну что за утро такое? У меня было прекрасное настроение, но все меня без конца шпыняют. Розенкварц тоже чуть с ума меня сегодня не свел.

Вместо ответа Минерва сунула ему в руки младенца и потянула Мегги за собой.

— А это еще что за младенец? — спросил Фенолио, идя за ней. — Тут что, без него мало детей?

Младенец очень сосредоточенно изучал его лицо, словно пытается найти там что-нибудь интересное, и наконец схватил его за нос.

— Это ребенок моей старшей дочери, — ответила Минерва. — Ты его уже пару раз видел. Может, ты стал таким забывчивым, что мне надо заново представить тебе и моих собственных детей?

Детей Минервы звали Деспина и Иво. Иво вчера нес перед Фенолио факел, он улыбнулся Мегги, когда она вошла на кухню вместе с его матерью.

Минерва заставила Мегги съесть миску поленты и два куска хлеба, смазанных пахнущей оливками пастой, и запить молоком, таким густым, что язык у Мегги после первого глотка стал как будто мохнатым. Пока она

ела, Минерва зачесала ей волосы наверх и заколола. Мегги с трудом узнала свое отражение в миске с водой, которую ей пододвинули вместо зеркала.

— Откуда у тебя такие сапоги? — спросил Иво.

Его сестра по-прежнему таращилась на Мегги, как на редкостное животное, которое случайно забрело к ним на кухню.

И правда, откуда? Мегги попыталась прикрыть сапоги подолом платья, но оно было слишком коротким.

— Мегги приехала издалека, — пояснил Фенолио, тоже вошедший на кухню и заметивший ее смущение. — Из очень дальних краев. Там есть даже люди с тремя ногами, а еще такие, у которых нос растет на подбородке.

Дети уставились сперва на него, потом на Мегги.

— Прекрати, ну что ты опять мелешь? — Минерва легонько хлопнула его по затылку. — Они же верят каждому твоему слову. Кончится тем, что в один прекрасный день, наслушавшись тебя, они отправятся на поиски всех этих сказочных мест, а я останусь без детей.

Мегги подавилась жирным молоком. Она на время забыла о доме, но слова Минервы вернули ее к ее тоске и нечистой совести. Вот уже пять дней, как она здесь, если она правильно считает.

— Уж эти твои истории! — Минерва протянула Фенолио кружку молока. — Как будто мало того, что ты им без конца рассказываешь про разбойников. Знаешь, что мне заявил вчера Иво? Вот вырасту и уйду к разбойникам! Он хочет стать таким, как Перепел! Представляешь, что ты наделал? Рассказывай им про Козимо — ради бога, и про великанов, и про Черного Принца с его медведем, но чтобы об этих разбойниках я больше не слышала, понял?

— Ладно, ладно, не буду, — буркнул Фенолио. — Только не вини меня, если мальчишка услышит где-нибудь песню о нем. Их все поют.

Мегги ничего не понимала из того, что они говорили, тем более что мыслями она была уже в замке. Реза рассказывала ей, что к стенам там лепится столько птичьих гнезд, что пение птиц иногда заглушает голоса комедиантов. Гнездятся там и феи, светло-серые, как кладка окружающих замок стен, потому что они слишком часто лакомятся человеческой едой, вместо того чтобы питаться цветами и ягодами, как их лесные сестры. А в садах внутри замковых стен якобы растут деревья, которые встречаются еще только в самом сердце Непроходимой Чащи. Их листья перешептываются человеческими голосами и в безлунные ночи предсказывают будущее, только слов никто разобрать не может.

— Хочешь еще что-нибудь?

Мегги вздрогнула, отрываясь от своих мыслей.

— Клянусь чернилами! — Фенолио поднялся и сунул младенца обратно на руки Минерве. — Ты что, хочешь ее немедленно раскормить, чтобы платье лучше сидело? Нам надо идти, а то мы пропустим половину. Герцог просил меня принести ему новую песню до полудня. Ты знаешь, он не любит, когда опаздывают.

— Нет, я этого не знаю, — ворчливо возразила Минерва. — Я-то не хожу к нему в замок, как к себе домой. И что заказал тебе наш повелитель на этот раз? Очередной плач по сыну?

— Да, они мне уже осточертели, но он хорошо платит. А ты бы предпочла, чтобы я остался без гроша в кармане и тебе пришлось искать нового жильца?

— Ладно уж, — ворчала Минерва, собирая со стола посуду. — Знаешь что? Герцог в конце концов загонит себя в гроб вздохами и жалобами, и тогда Змееглав пошлет на нас своих латников. И они слетятся сюда, как мухи на навоз, под предлогом, что должны защитить бедного сиротку — внука их правителя.

Фенолио повернулся так резко, что чуть не сшиб Мегги с ног.

— Нет, Минерва. Нет! — сказал он решительно. — Этого не будет. Нет, пока я жив — а я надеюсь прожить еще очень долго!

— Да неужели? — Минерва отодвинула масленку подальше от пальчиков своего сына. — И как ты собираешься этому помешать? Песнями о разбойниках? Ты что, правда воображаешь, будто какой-то болван в птичьей маске, изображающий героя, потому что наслушался твоих песен, сможет удержать латников под стенами нашего города? Герои кончают на виселице, Фенолио, — продолжала она, понизив голос, и Мегги почуяла страх за ее насмешливым тоном. — Может быть, в твоих песнях все иначе, но в жизни героев вешают. И самые красивые слова ничего тут не могут изменить.

Дети встревоженно смотрели на мать, и Минерва погладила обоих по голове, словно желая стереть собственные слова.

Но Фенолио только пожал плечами:

— Да ладно тебе! Ты на все смотришь слишком мрачно, — сказал он. — Ты недооцениваешь слова, поверь! Это могучее оружие, куда более могучее, чем ты думаешь. Вот спроси Мегги!

Но не успела Минерва и рта открыть, как он уже выпихнул Мегги за дверь.

— Иво, Деспина, пошли с нами! — крикнул он детям. — Я их приведу обратно в целости и сохранности! — добавил он, когда Минерва

недовольно высунула голову им вслед. — Сегодня в замок соберутся лучшие комедианты со всей страны, из самых отдаленных краев. Ну как же ребятишкам не посмотреть такое!

Стоило Мегги и Фенолио ступить на улицу, их повлек за собой людской поток. Народ напирал со всех сторон — бедно одетые крестьяне, нищие, женщины с детьми и мужчины, о чьем богатстве свидетельствовали не столько великолепно расшитые рукава, сколько слуги, грубо расталкивавшие прохожих, чтобы проложить путь своим господам. Всадники гнали коней прямо через толпу, вдавливая людей в стены, портшезы застревали в массе тел, как ни ругались их носильщики.

— Ну и давка, хуже, чем в ярмарочный день! — крикнул Фенолио Мегги поверх голов. Иво пробирался сквозь толпу ловко, как ящерица, зато у Деспины был такой испуганный вид, что Фенолио посадил ее себе на плечи, чтобы девочку не затерли вконец животами и корзинами. Мегги тоже было не по себе от всей этой суматохи, толчков и пинков, сотен запахов и голосов, наполнявших воздух.

— Мегги, ты только посмотри! Здорово, правда? — с гордостью восклицал Фенолио.

Да, здорово. Все было так, как воображала себе Мегги в те вечера, когда Реза рассказывала ей о Чернильном мире. Она шла как оглушенная. Глаза и уши не могли воспринять и десятой части того, что происходило вокруг. Откуда-то донеслась музыка: барабаны, литавры, трубы... Улица вдруг расширилась и выплонула всех теснившихся на ней под стены замка. Эти стены так мощно вздымались над жалкими домишками, словно их построили люди другой породы, чем те, что устремлялись сейчас к воротам. Вход охраняли вооруженные стражники, лучи утреннего солнца отражались в их шлемах. Плащи у них были темно-зеленого цвета, как и рубахи, надетые поверх кольчуги. И на плаще, и на рубахе у каждого красовался герб Жирного Герцога. Реза описывала его Мегги: лев на зеленом поле, в окружении белых роз. Однако герб изменился. Лев теперь плакал серебряными слезами, а розы вились вокруг разбитого сердца.

Большинство спешивших в замок стражники пропускали, лишь изредка они отпихивали кого-нибудь древком копья или кулаком в кожаной перчатке. Никто не обращал на это внимания, толпа продолжала протискиваться в ворота, и Мегги в конце концов тоже оказалась внутри толстых стен. Конечно, ей случалось бывать с Мо в старинных замках, но одно дело — проходить в ворота мимо киоска с открытками, и совсем другое — мимо вооруженной стражи. Стены выглядели здесь куда более

грозными и неприступными. Глядите, словно зывали они к проходившим, как вы малы, беспомощны, хрупки!

Фенолио, похоже, ничего подобного не испытывал, он сиял, как ребенок на рождественской елке. Его не смущали ни опускаемые решетки у них над головами, ни бойницы, через которые можно было лить на головы непрошеным посетителям кипящую смолу. Зато Мегги невольно смотрела вверх, проходя под ними, и спрашивала себя, давно ли пролилась на старые бревна застывшая на них смола. Но вот наконец над головой у нее снова засияло ясное голубое небо, словно вымытое дочиста для герцогского праздника, — Мегги стояла на внешнем дворе замка Омбры.

ГОСТИ С ДУРНОЙ СТОРОНЫ ЛЕСА

Тьма неизменно выполняла отведенную ей роль. Не будь ее, разве мы могли бы по достоинству оценить свет? Лишь когда аппетиты тьмы становятся чрезмерными, приходится давать ей отпор. Но потом она восстанавливает силы, как и должно быть.

Клайв Баркер. Абарат^[9]

Первым делом Мегги стала искать глазами птичьи гнезда, о которых рассказывала Реза. И правда, они были тут, под зубцами, как будто стены покрылись волдырями. Из отверстий вылетали желтогрудые птички. Как золотые снежинки в солнечном свете, говорила Реза, и именно так оно и было. Небо над головой Мегги словно затянуло золотым вихрем — тоже в честь дня рождения высокородного отрока. В ворота вливалось все больше народу, хотя двор и так уже был полон. Внутри стен, перед конюшнями и хижинами, в которых жили кузнецы, конюшие и другая обслуга замка, были разбиты ларьки. Сегодня, когда герцог пригласил своих подданных отпраздновать с ним день рождения его внука и наследника престола, угощение и выпивка раздавались бесплатно. «Какая щедрость! — насмешливо прошептал бы Мо. — Им будут раздавать бесплатно урожай их полей, плоды их виноградников, выращенные их же руками!» Мо был не большой любитель замков. Но так уж был устроен мир Фенолио. Земля, на которой трудились в поте лица крестьяне, принадлежала герцогу, а значит, ему причиталась и большая часть урожая, и он одевался в шелк и бархат, в то время как его крестьяне ходили в царапавшей кожу дерюге.

Пока они протискивались мимо стражи в воротах, Деспина крепко обвивала худыми ручонками шею Фенолио, но, заведев первого же

жонглера, кубарем скатилась с его спины.

Наверху между зубцами стены был натянут канат, и легконогий канатоходец прогуливался по нему увереннее, чем паук по своей серебряной нити. Наряд его был голубее, чем небо над ним, потому что голубой — цвет канатоходцев, это Мегги тоже знала от матери. Ах, если бы Реза была здесь! Между лотков повсюду сновал Пестрый Народ: музыканты, жонглеры, метатели ножей, силачи, укротители, заклинатели змей и шуты. У самой стены Мегги увидела огнеглотателя в черно-красном костюме и на мгновение подумала, что это Сажерук. Но тут он обернулся: на его лице не было шрамов, а улыбка, обращенная к собравшейся вокруг публике, была совсем иной, чем у Сажерука.

«Но он непременно должен быть здесь, если он и вправду вернулся!» — думала Мегги, оглядываясь по сторонам и ища его глазами. И почему она так разочарована? Как будто она не знает. Она хотела увидеть Фарида. А если Сажерука здесь нет, то и Фарида, конечно, искать бесполезно.

— Мегги, пошли! — Деспина выговаривала ее имя с трудом, словно привыкая к необычному звуку.

Она потащила Мегги к лотку со сладкими пирогами, сочившимися медом. Пироги даже в этот день не раздавали бесплатно. Торговец, стоявший за прилавком, мрачно посмотрел на них, но у Фенолио, к счастью, нашлось несколько монет. Когда Деспина снова ухватила за руку Мегги, ее тонкие пальчики были липкими. Девчушка смотрела на все большими глазами и то и дело застывала на месте, но Фенолио нетерпеливо тащил ее дальше, мимо деревянного помоста, украшенного цветами и вечнозелеными ветками. На нем стояли три высоких кресла с плачущими львами на спинках, а по бокам от каждого из них развевались черные флаги, точно такие же, как на зубцах и башнях замка.

— Интересно, для кого это три кресла? — шепнул Фенолио Мегги. — Жирный Герцог никогда к народу не выходит. Пойдем скорее, мы уже опаздываем.

Он решительным шагом выбрался из суматохи внешнего двора и направился ко второму кольцу стен, окружавшему замок. Ворота, к которым они подошли на этот раз, были не так высоки, как первые, но выглядели не менее неприступными, как и стражники, скрестившие копья при приближении Фенолио.

— Можно подумать, они меня не знают, — раздраженно шепнул он Мегги. — Но каждый раз играют в эту игру. Передайте герцогу, что пришел Фенолио, поэт! — произнес он громко.

Малыши тесно прижались к нему, неотрывно глядя на наконечники

копий, словно ожидая увидеть на них следы запекшейся крови.

— Герцог тебя ожидает? — Стражник, задавший вопрос, казался совсем молодым, хотя лицо под шлемом трудно было разглядеть.

— Конечно, — сердито сказал Фенолио. — И если его ожидание затянется, я возложу вину на тебя, Ансельмо. А если тебе снова понадобятся от меня красивые слова, как месяц назад...

Стражник бросил беспокойный взгляд на своего товарища, но тот сделал вид, будто ничего не слышит, увлекшись пляской канатоходца.

— То я заставлю тебя подождать, как ты — меня. Я старый человек, и у меня есть дела поважнее, чем стоять тут навтыжку перед твоим копьём.

Лицо Ансельмо, насколько его можно было рассмотреть под шлемом, стало красным, как кислое вино, которым угощались комедианты. И все же он не убрал копье в сторону.

— Понимаешь, Чернильный Шелкопряд, в замке сейчас гости, — тихо сказал он.

— Гости? Ты о чем?

Но Ансельмо было уже не до старого поэта.

Ворота за его спиной со скрежетом отворились, словно изнывая под собственной тяжестью. Мегги оттащила Деспину в сторону, Фенолио схватил Иво за руку. На внешний двор выехали солдаты, закованные в броню всадники в серебристых плащах такого же цвета, как поножи. Герб, вышитый у них на груди, не был гербом Жирного Герцога. На нем извивалась тонким телом змея, нацелившаяся на добычу, — Мегги сразу узнала герб Змееглава.

Жизнь на внешнем дворе замерла. Настала мертвая тишина. О комедиантах забыли, даже канатоходец застыл на своем канате. Все оцепенело глядели на всадников. Матери крепко держали детей, мужчины втягивали головы в плечи — даже те из них, кто был одет в роскошные одежды. Реза точно описала Мегги герб Змееглава — ей нередко случалось видеть его вблизи. Посланцы Дворца Ночи были желанными гостями в крепости Каприкорна. Поговаривали, что не одна усадьба, подожженная молодцами Каприкорна, сгорела по приказу Змееглава.

Когда латники проезжали мимо них, Мегги крепче прижала к себе Деспину. Блестящие панцири сверкали на солнце — утверждали, что их не может пробить даже дротик, пущенный из арбалета, не говоря уж о стреле из обычного лука. Впереди ехали двое, один в таких же латах, как его свита, с развевающимися ярко-рыжими волосами и в шубе из лисьих хвостов, другой в зеленом плаще, расшитом серебром, каким мог бы гордиться любой князь. И все же первое, что всякому бросалось в глаза,

был не великолепный плащ, а нос этого всадника — не из плоти и крови, как у всех людей, а из серебра.

— Ты только посмотри на эту парочку! — шепнул Фенолио Мегги, пока необычные всадники скакали бок о бок сквозь примолкшую толпу. — Обоих выдумал я, и оба были прежде доверенными людьми Каприкорна. Твоя мама тебе о них, наверное, рассказывала. Огненный Лис был сперва заместителем Каприкорна, а Свистун — его придворным музыкантом. Но серебряный нос ему придумал не я, как и то обстоятельство, что они сумели удрать от Козимо, когда он взял штурмом крепость Каприкорна, и теперь служат Змееглаву.

На внешнем дворе по-прежнему было неправдоподобно тихо. Слышалось только цоканье подков, фыркание лошадей и бряцание доспехов, оружия и шпор — странно громкое, словно звуки бьются между высоких стен, как пойманные птицы.

Сам Змееглав въехал на площадь одним из последних. Не узнать его было невозможно. «Он похож на мясника, — рассказывала Реза, — на мясника в княжеском уборе, у которого на грубой роже написана страсть к убийству». Его белый конь, такой же мощный и топорно сколоченный, как хозяин, был весь закрыт свисающей попоной, расшитой змеиным гербом. Сам Змееглав был одет в черный плащ, вытканый серебряными цветами. У него было загорелое лицо, редкие седые волосы и на удивление маленький рот — безгубая щель на гладко выбритом грубом лице. Все в нем было плотным, мясистым: ноги, руки, жирный затылок, широкий нос. Он не носил украшений, как богатые подданные Жирного Герцога, стоявшие на дворе: ни тяжелой цепи на шее, ни усыпанных камнями перстней на толстых пальцах. Только на крыле носа сверкал красный, как капля крови, драгоценный камень, да на среднем пальце правой руки надет был поверх перчатки серебряный перстень, которым он запечатывал смертные приговоры. Узкие глаза под морщинистыми веками, как у саламандры, беспокойно озирали двор. Их взгляд словно прилипал на мгновение ко всему, что видел, как клейкий язык ящерицы; он скользил по комедиантам, по почтительно склонившим головы богатым купцам возле украшенного цветами пустого помоста. Казалось, от саламандровых глаз не укрылось ничто: они вбирали в себя каждого испуганно жавшегося к материнской юбке ребенка, каждую красивую женщину, каждого мужчину, поднявшего на Змееглава враждебный взгляд. Но только один раз он придержал коня.

— Смотри-ка, предводитель комедиантов! Последний раз я видел тебя у позорного столба на дворе моего замка. Когда нам снова ждать тебя в

гости?

Голос Змееглава гулко разносился по замершему двору. Это был очень низкий голос, словно выходявший из самых темных глубин его жирного тела. Мегги невольно прижалась к Фенолио. Но Черный Принц поклонился так низко, что поклон выглядел издевательством:

— Я от души сожалею, — сказал он так громко, что его слышали все стоявшие на дворе, — но моему медведю не по душе пришлось ваше гостеприимство. Он говорит, что позорный столб узковат для его шеи.

Мегги увидела, как Змееглав скривил рот в злобной усмешке.

— Что ж, к следующему твоему посещению я подготовлю веревку подходящего размера и прочную еловую виселицу, которая выдержит даже такого жирного старого медведя, как твой.

Черный Принц повернулся к своему медведю и сделал вид, что обсуждает с ним что-то.

— Я очень сожалею, — сказал он, — медведь говорит, что любит юг, но сейчас там темновато от вашей тени, и он придет к вам не раньше, чем Перепел почтит вас своим визитом.

По толпе прошел глухой гул и мгновенно смолк, когда Змееглав повернулся в седле и обвел присутствующих саламандровым взглядом.

— Кроме того, — звонко продолжал Принц, — мой медведь интересуется, почему это Свистун не трусит за вашим конем на серебряной цепи, как было бы прилично ручному шпильману?

Свистун круто повернул коня, но не успел он подскочить к Черному Принцу, как Змееглав поднял руку.

— Я сообщу тебе, когда Перепел побывает у меня в гостях! — сказал он, пока Среброносый неохотно возвращался на свое место. — Поверь, тебе не придется долго ждать. Виселица уже заказана плотнику.

Он пришпорил коня, и латники тронулись за ним. Прошла, казалось, целая вечность, пока последний из них исчез в воротах.

— Скачи-скачи! — прошептал Фенолио, пока двор замка постепенно снова наполнялся веселым шумом. — Он уже осматривается тут, как в своих владениях, думает, он может раздуться в моем мире, как нарыв, и играть роль, которую я ему не предназначал...

Копье стражника прервало его на полуслове.

— Эй, поэт! — сказал Ансельмо. — Теперь можешь проходить. Давай пошевеливайся!

— Пошевеливайся? — возмущенно отозвался Фенолио. — Так ты разговариваешь с придворным поэтом Герцога? А вы лучше побудьте здесь, — сказал он детям. — Только не объедайтесь пирогами. Не

подходите к огнеглотателю слишком близко, а то он бестолковый, может и обжечь, и не приставайте к медведю Принца. Ясно?

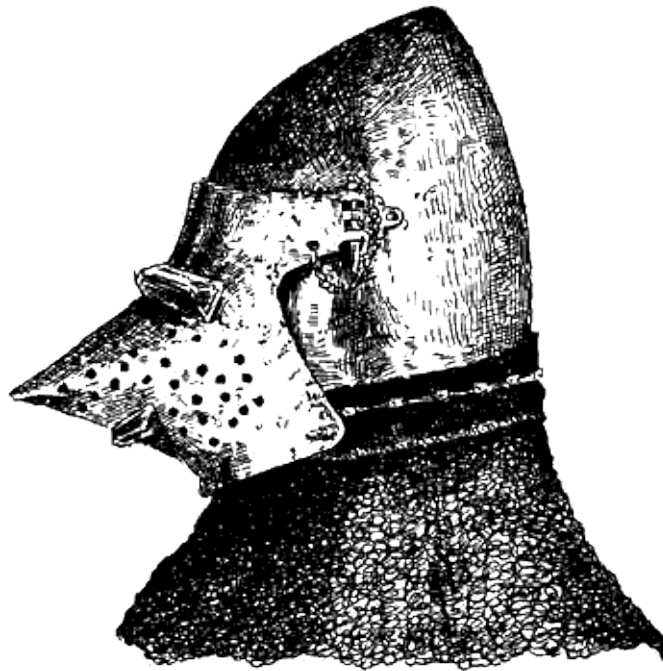
Малыши кивнули и тут же помчались к ближайшему лотку с пирогами.

Фенолио взял Мегги за руку и с гордо поднятой головой проследовал мимо стражника.

— Фенолио, — тихо спросила Мегги, когда ворота за ними закрылись и шум внешнего двора смолк, — кто этот Перепел?

За большими воротами было прохладно, словно здесь свила себе гнездо зима. Широкий двор затеняли деревья, пахло розами и другими цветами, названий которых Мегги не знала, а в каменном бассейне, круглом, как луна, отражалась часть замка с покоем Жирного Герцога.

— Да нет его вовсе! — ответил Фенолио, нетерпеливо таща ее за собой. — Я тебе потом все объясню. Пойдем. Мы должны наконец отнести Жирному Герцогу мои стихи, а то завтра я уже не буду придворным поэтом.

ГЕРЦОГ ВЗДОХОВ

Он не мог сказать королю «Не хочу!», потому что чем еще он мог заработать себе на хлеб?

Король в корзине. Итальянская народная сказка

В зале, где Жирный Герцог принял Фенолио, окна были завешены черной тканью. Пахло здесь, как в усыпальнице: засохшими цветами и свечной копотью. Свечи горели перед множеством статуй, изображавших — более или менее удачно — одного и того же человека. «Козимо Прекрасный!» — подумала Мегги. Погибший принц величественно глядел множеством мраморных глаз на них с Фенолио, пока они шли через просторный зал к престолу его отца.

По сторонам трона, на котором восседал Жирный Герцог, стояло два кресла с высокими спинками. Слева на зеленом плюше лежал шлем с султаном из павлиньих перьев, начищенный до такого блеска, словно хозяин собирается завтра выехать в нем на парад. На кресле справа сидел мальчик лет пяти-шести в камзоле из черного бархата, расшитом жемчужинами наподобие застывших слез. Это, видимо, и был именинник — внук Жирного Герцога и одновременно внук Змееглава.

Вид у мальчика был скучающий. Он нетерпеливо болтал короткими ножками, словно ему не терпелось убежать отсюда на внешний двор, к комедиантам, сладким пирогам и приготовленному для него креслу на увитом розами, повиликой и хвойными гирляндами помосте. По его деду, напротив, было похоже, что он вообще не собирается подниматься со своего трона. В широком черном одеянии он сидел, как обмякшая кукла, под вездесущим взглядом своего умершего сына. Невысокого роста, зато

толщиной в два обхвата, описывала его Реза. Всегда с какой-нибудь едой в пухлых пальцах, всегда запыхавшийся от тяжести, которую приходилось нести его не слишком мускулистым ногам, и при этом всегда веселый, как беззаботная птичка.

Герцог, которого увидела Мегги в полутемном зале, был совсем не похож на это описание. Он был бледен, кожа провисала морщинами, словно принадлежала прежде более крупному человеку. Горе согнало жир с его тела, а лицо было таким неподвижным, словно навек застыло в тот день, когда ему принесли известие о смерти сына. Лишь в глазах все еще читались ужас и растерянность перед тем, как обошлась с ним жизнь.

Кроме внука и стражников, молча застывших в отдалении, здесь были еще две женщины. Одна стояла, смиренно потупив голову, как подобает служанке, хотя платье на ней было княжеское. Ее хозяйка стояла между Жирным Герцогом и пустым креслом, на котором лежал шлем с султаном. «Виоланта! — подумала Мегги. — Дочь Змееглава и жена Козимо». Да, это, конечно, она, Уродина, как все ее тут звали. Фенолио рассказывал о ней Мегги, подчеркивая, что задумывал ее как второстепенную фигуру: несчастную дочь несчастной матери и отвратительного отца. «Какая нелепость — сделать ее женой Козимо Прекрасного! — говорил Фенолио. — Но в том-то и дело, что эта история вытворяет, что хочет».

Виоланта была одета в черное, как и ее сын. Ее платье тоже было расшито жемчужными слезами, но мерцание драгоценностей не шло к ней. Лицо ее как будто нарисовали бледным карандашом на грязноватой бумаге, и от темного шелка оно казалось еще бесцветнее. Лишь одно бросалось в глаза на этом лице: темно-красная родинка размером с цветок мака, уродовавшая левую щеку.

Пока Мегги с Фенолио шли по темному залу к трону, Виоланта, нагнувшись к свекру, что-то тихо говорила ему. Жирный Герцог слушал с неподвижным лицом, но потом кивнул, и мальчик с облегчением скатился с высокого кресла.

Фенолио подал Мегги знак остановиться. Почтительно склонив голову, он отступил в сторону и шепнул Мегги, чтобы она сделала то же. Виоланта, величественно проплывая мимо них, кивнула Фенолио, а Мегги не удостоила даже взглядом. На мраморные изваяния своего покойного супруга она тоже не смотрела. Казалось, Уродине не терпится поскорее уйти из мрачного зала, ничуть не меньше, чем ее сыну. Служанка, шедшая за ней, чуть не задела Мегги платьем. На вид она была ненамного старше. Волосы ее отливали рыжиной, похожей на отблеск огня, и она носила их распушенными, что вообще-то позволялось в этом мире только

комедианткам. Мегги никогда не видела более красивых волос.

— Ты опаздываешь, Фенолио! — сказал Жирный Герцог, как только закрылась дверь за женщинами и мальчиком. Голос у него был по-прежнему сдавленный, как бывает у толстяков. — Что, слова у тебя совсем иссякли?

— Слова у меня иссякнут только вместе с дыханием, мой повелитель! — ответил Фенолио с поклоном.

Мегги не знала, должна ли и она кланяться, и на всякий случай изобразила неумелый реверанс.

Вблизи стало еще заметнее, как одряхлел Жирный Герцог. Кожа у него была, как увядшие листья, а белки глаз напоминали пожелтевшую бумагу.

— Кто эта девушка? — Он посмотрел на Мегги усталым взглядом. — Твоя служанка? Для любовницы она, похоже, слишком молода?

Мегги почувствовала, как кровь заливает ей щеки.

— Как вы могли подумать такое, ваша милость! — Фенолио обнял Мегги за плечи. — Это моя внучка, приехала меня навестить. Мой сын надеется, что я подыщу ей подходящего мужа, а где же его искать, как не на великолепном празднике, который вы сегодня даете?

Мегги покраснела еще сильнее, но заставила себя улыбнуться.

— Вот как. У тебя есть сын? — В голосе печального Герцога прозвучала такая зависть, словно он и не думал, что кто-то из его подданных может наслаждаться счастьем иметь живого сына. — Не следует отпускать детей слишком далеко, — пробормотал он, не сводя глаз с Мегги. — А то может случиться, что они не вернуться.

Мегги не знала, куда глаза девать.

— Я скоро вернусь к отцу, — сказала она. — Он это знает.

«Будем надеяться», — добавила она про себя.

— Да, конечно. Она вернется к отцу — в свое время. — В голосе Фенолио звучала досада. — Однако позвольте перейти к цели моего посещения.

Он достал из-за пояса пергаментный свиток, который так старательно запечатывал Розенкварц, и, почтительно опустив голову, поднялся по ведущим к трону ступеням.

Очевидно, Жирного Герцога мучали боли. Наклоняясь, чтобы принять пергамент, он плотно сжал губы. На лбу у него выступил пот, хотя в зале было прохладно. Мегги вспомнила слова Минервы: «Герцог в конце концов загонит себя в гроб своими вздохами и жалобами». Фенолио, похоже, подумал то же самое.

— Вы себя плохо чувствуете, мой повелитель? — с тревогой спросил

он.

— Очень плохо! — с раздражением откликнулся Жирный Герцог. — И Змееглав сегодня, к сожалению, тоже это заметил. — Он вздохнул и откинулся на спинку трона. — Туллио!

Из-за трона показался слуга, тоже одетый в черное. Его можно было бы принять за коротышку-человека, не будь его лицо и руки покрыты мягкой шерстью. Туллио напомнил Мегги рассыпавшихся в прах кобольдов из сада Элинора, хотя он был куда более человекообразным.

— Приведи-ка мне шпильмана, только такого, чтобы умел хорошо читать! — приказал Герцог. — Я хочу, чтобы он продекламировал мне стихотворение Фенолио.

Туллио со щенячьим усердием бросился исполнять поручение.

— Вы не позвали к себе Крапиву, как я вам советовал? — Фенолио говорил проникновенно, но Герцог только раздраженно отмахнулся.

— Крапиву? Еще не хватало! Она ко мне не пойдет, разве что решит меня отравить, потому что я срубил несколько дубов на гроб моему сыну. Что ж поделать, если она предпочитает говорить с деревьями, а не с людьми. Мне никто не может помочь, ни Крапива, ни все эти цирюльники и извлекатели камней со своими вонючими настойками. Не выросла еще трава, помогающая от горя.

Его пальцы, ломавшие печать Фенолио, дрожали, и в полутемном зале, пока он читал, стояла такая тишина, что Мегги слышала потрескивание свечей.

Герцог чуть слышно шевелил губами. Мутные глаза бегали по написанным Фенолио строкам, и до Мегги донесся его шепот: «Ах, никогда уже он не проснется». Она украдкой покосилась на Фенолио, который виновато покраснел, поймав ее взгляд. Да, он украл эти слова. Но, конечно, не у поэта из здешнего мира.

Жирный Герцог поднял голову, утирая слезу.

— Прекрасные слова, Фенолио, — сказал он с горечью. — Да, ты действительно мастер своего дела. Но когда же кто-нибудь из вас, поэтов, найдет слова, открывающие дверь, сквозь которую уводит нас смерть?

Фенолио посмотрел на мраморные статуи, стоявшие вокруг, словно видел их впервые.

— Сожалею, мой повелитель, — сказал он, — но таких слов не существует. Смерть — это великое безмолвие. У той двери, что она запирает за нами, иссякают слова даже у поэта. Позвольте мне сейчас нижайше откланяться — дети моей хозяйки остались на внешнем дворе, и я боюсь, как бы они не сбежали с комедиантами, если я еще задержусь

здесь. Как все дети на свете, эти малыши мечтают укрощать медведей и плясать на канате между небом и преисподней.

— Да, конечно, иди! — Жирный Герцог устало махнул униженной перстнями рукой. — Я позову тебя, когда мне снова захочется слов. Конечно, это сладкая отравка, но лишь она способна на несколько мгновений утишить мое горе.

Ах, никогда уже он не проснется!.. «Элинора, конечно, сразу бы сказала, чьи это строки», — думала Мегги, шагая вместе с Фенолио к выходу. Под сапогами у нее хрустели сухие травы, устилавшие пол в зале. Их аромат, висевший в прохладном воздухе, как будто хотел напомнить печальному Герцогу о мире, ожидавшем его снаружи. Но тот, наверное, вспоминал при этом лишь о цветах, украшавших могилу Козимо.

Навстречу им в зал вошли Туллио со шпильманом. Кобольд вприпрыжку бежал впереди, как остриженный мохнатый зверек. У шпильмана висели на поясе колокольчики, а на спине — лютня. Это был худой высокий парень с мрачноватым лицом, одетый так пестро, что павлиний хвост показался бы рядом с ним бесцветным.

— И этот тип будет ему читать? — шепнул Фенолио, подталкивая Мегги к двери. — Вот это да! У него к тому же и голос нежный, как воронье карканье. Бежим скорее, пока он не начал дробить мои несчастные слова своими лошадиными зубами.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

*Время — конь, мчащийся в сердце, конь
Без всадника на ночной дороге.
Разум сидит на страже
И слышит, как он проносится мимо.*

Уоллас Стивенс. Все прелюдии к счастью

Сажерук стоял, прислонившись к стене замка, позади лотков, у которых толпился народ. Запах меда и горячих каштанов бил ему в нос, а в вышине над ним балансировал канатоходец в голубом наряде, так напоминавший издали Небесного Плясуна. Он держал в руках длинный шест, на котором сидели крошечные пташки, красные, точно капельки крови, и всякий раз, когда канатоходец поворачивал в другую сторону — легко и непринужденно, словно ничего нет на свете естественнее, чем расхаживать по качающемуся канату, — пташки вспархивали и с пронзительным щебетом проносились у него над головой. Куница на плече Сажерука глядела на них и облизывала круглую мордочку. Это был совсем молодой зверек, меньше и изящнее, чем Гвин, не такой кусачий, а самое главное — он не боялся огня. Сажерук задумчиво погладил мохнатую головку с крошечными рожками. Он поймал его вскоре после своего возвращения на дворе у Роксаны, за курятником, где тот подстерегал добычу. Он назвал его Пролаза, потому что зверек любил незаметно подкрасться, а потом так внезапно запрыгнуть ему на плечо, что Сажерук спотыкался. «Ты что, с ума сошел? — спрашивал он себя, подманивая незваного гостя свежим яйцом. — Ведь это куница. Почему ты знаешь, что смерти не все равно, какая у зверя кличка?» И все же он привязался к

кунице. Наверное, весь свой страх он оставил в другом мире — страх, одиночество, невезение...

Пролазу легко было учить, он уже прыгал сквозь пламя, как будто всегда только тем и занимался. С ним нетрудно будет заработать на ярмарке пару монет, с ним и с мальчишкой.

Куница ткнулась мордочкой в щеку Сажеруку. Перед пустым помостом, все еще дожидавшимся именинника, несколько комедиантов устроили живую пирамиду. Фарид пытался уговорить Сажерука тоже показать сегодня свое искусство, но тому сейчас не хотелось выставять себя напоказ. Ему хотелось побыть зрителем, вволю насмотреться на то, чего ему так не хватало все эти десять лет. Поэтому Сажерук был одет не в черно-красный костюм огнеглотателя, а в обычное платье покойного мужа Роксаны. Они, видимо, были примерно одного роста. Бедняга! Оттуда, куда он ушел, его не приведут обратно ни Орфей, ни Волшебный Язык.

— Почему бы сегодня для разнообразия тебе не заработать денег? — сказал он Фариду.

Мальчик от гордости сперва вспыхнул, как маков цвет, потом побледнел как мел и опрометью бросился в толпу. Он был способным учеником. Стоило дать ему крошечную горошинку горячего меда — и Фарид уже разговаривал с пламенем, словно на родном языке. Конечно, огонь не выскакивал для него из земли с такой же готовностью, как для Сажерука, лишь только он щелкнет пальцами, однако, когда мальчик тихо подзывал его, огонь откликался — высокомерно, насмешливо, но откликался.

— А все-таки он — твой сын, — сказала Роксана, глядя, как Фарид рано поутру, чертыхаясь, вытягивает из колодца ведро с водой, чтобы охладить обожженные пальцы.

— Да нет же, — ответил Сажерук и увидел по глазам Роксаны, что она ему не верит.

Прежде чем отправиться в замок, он научил Фариду еще паре фокусов, а Йехан смотрел на них во все глаза. Но когда Сажерук помахал ему, подзывая поближе, малыш убежал. Фарид стал было потешаться над ним за это, но Сажерук велел ему замолчать.

— Огонь сожрал его отца, ты что, забыл? — шепнул он ему, и Фарид смущенно понурил голову.

Как гордо стоял Фарид среди других комедиантов! Сажерук протиснулся между лотками, чтобы получше видеть его. Он снял рубашку — Сажерук тоже иногда так делал, потому что горящая ткань была опаснее, чем ожог на коже, а голое тело легко было защитить от огня жирной

смазкой. Мальчик выступал хорошо, до того хорошо, что даже торговцы устали на него, как зачарованные, и Сажерук воспользовался минутой, чтобы освободить нескольких фей из клеток, куда их засунули, чтобы продать какому-нибудь болвану, как талисман на счастье. «Неудивительно, что Роксана подозревает, будто это твой сын! — подумал он. — Тебя же распирает от гордости, когда ты на него смотришь». Рядом с Фаридом парашутов разыгрывала непристойный фарс, справа от него Черный Принц боролся со своим медведем, и все же народ все гуще толпился вокруг мальчика, самозабвенно игравшего с огнем. Сажерук видел, как Коптемаз опустил свой факел и завистливо уставился на соперника. Этот никогда ничему не научится. Он сейчас нисколько не лучше, чем десять лет назад.

Фарид раскланялся, и монетки градом посыпались в деревянную миску, которую дала ему с собой Роксана. Он гордо поглядел на Сажерука. Похвала была ему, как кость собаке, и, когда Сажерук захлопал в ладоши, мальчик покраснел от радости. Какой он все-таки еще ребенок, хотя за последние месяцы у него стали пробиваться на подбородке первые волосы.

Сажерук протискивался мимо крестьян, торговавшихся из-за молочного поросенка, когда ворота внутреннего двора вновь распахнулись — на этот раз не для Змееглава, как в прошлый раз, когда он едва успел спрятаться за лотком с пирогами от острого взгляда Свистуна. Нет. Видимо, на этот раз к народу вышел сам именинник, и уж наверное, в сопровождении своей матери и ее служанки. Как сильно забилося вдруг его неразумное сердце. «У нее твой цвет волос, — сказала Роксана, — и мои глаза».

Музыканты Герцога старались изо всех сил. Они выстроились в ряд, гордые, как петухи, и вытягивали в воздух свои фанфары. Свободные комедианты всегда с презрением смотрели на тех, кто навечно запродавал свое искусство одному хозяину. Зато те были куда лучше одеты: не в пестрые тряпки, как их бродячие собратья, а в цвета своего повелителя — для музыкантов Жирного Герцога это были золотой и зеленый.

Невестка герцога была одета в черное. Козимо Прекрасный всего год как умер, но к юной вдове уже не раз сватались, несмотря на красную, как ожог, родинку, безобразившую ее лицо. Толпа плотным кольцом окружила помост, на который поднялись Виоланта с сыном. Сажеруку пришлось вскарабкаться на пустую бочку, чтобы разглядеть ее служанку.

Брианна стояла позади мальчика. Она была похожа на мать, несмотря на светлые волосы. Роскошное платье очень взрослило ее, и все же Сажерук нашел в ее лице черты маленькой девочки, пытавшейся вытащить

из его рук горящий факел или гневно топавшей ножкой, когда он не позволял ей потрогать искры, падавшие по его приказу с неба.

Десять лет. Десять лет, которые он провел не в той истории. Десять лет, за которые одна его дочь умерла, оставив по себе лишь память, расплывчатое, бледное воспоминание, а другая росла, смеялась и плакала все эти годы — без него. «Лицемер! — сказал он себе, не отрывая глаз от лица Брианны. — А был ли ты таким уж заботливым отцом до того, как Волшебный Язык заманил тебя в свою историю?»

Сын Козимо громко засмеялся. Он показывал пальчиком то на одного, то на другого комедианта и ловил цветы, которые бросали ему женщины Пестрого Народа. Сколько ему лет? Пять? Шесть?

Столько было Брианне, когда голос Волшебного Языка увел его отсюда. Она была ростом ему по локоть и такая легонькая, что он почти не замечал ноши, когда она залезала ему на плечи. Если ему случалось забыть о времени и слишком много недель провести в далеких краях, даже названия которых его дочь тогда не слыхивала, она била его маленьким кулачком и швыряла ему под ноги привезенные гостинцы. Но потом ночью тихонько выскальзывала из постели, чтобы подобрать их: пестрые ленты, мягкие, как кроличий мех, бархатные цветы, чтобы украшать волосы, дудочки, певшие голосами жаворонка или совы.

Брианна никогда ему об этом не говорила, она была гордая, еще большая гордячка, чем мать, но он знал, куда она складывает его подарки — в мешочек, спрятанный между ее платьями. Интересно, сохранился он у нее?

Да, его подарки Брианна хранила, но не им удавалось выманить на ее лицо улыбку, если он отсутствовал слишком долго. Это всегда удавалось лишь огню. На мгновение Сажеруку захотелось выйти из толпы зевак, присоединиться к комедиантам, показывавшим свои фокусы внуку герцога, и позвать огонь только для своей дочери. Но он остался на месте, незаметный в толпе, и смотрел, как она приглаживает ладонью волосы в точности, как мать, как незаметно потирает переносицу и переминается с ноги на ногу, как будто ей хочется танцевать среди толпы внизу, а не гордо стоять на высоком помосте.

— Сожри его, мишка! Сожри на месте! Он и правда вернулся, и что? Ты думаешь, он заглянул к старому другу?

Сажерук обернулся так резко, что чуть не слетел со своей бочки. Внизу стоял Черный Принц с медведем за спиной и смотрел на него. Сажерук надеялся встретить его здесь, в толпе, чтобы не идти в лагерь комедиантов, где все будут расспрашивать, где он пропадал... Они знали друг друга с тех

пор, когда обоим было не больше лет, чем внуку герцога там, на помосте, — бездомные сироты, прибившиеся к комедиантам, повзрослевшие до времени, — и Сажерук скучал по этому смуглому лицу почти так же сильно, как по Роксане.

— Он меня правда сожрет, если я слезу с бочки?

Принц рассмеялся. Смех у него был такой же беззаботный, как прежде.

— Может быть. Он же видит, как я зол на тебя за то, что ты до сих пор не заглянул ко мне. И потом — ты же опалил ему шкуру в прошлую вашу встречу.

Пролаза на плече у Сажерука выгнул спину, когда его хозяин спрыгнул с бочки, и возбужденно затыкал ему в ухо.

— Не бойся, такую мелочь, как ты, медведь есть не будет, — шепнул ему Сажерук и обнял Принца так крепко, словно можно объятием возместить десять лет разлуки.

— От тебя все еще больше пахнет медведем, чем человеком.

— А от тебя пахнет огнем. Ну, говори же. Где ты был?

Принц отодвинул от себя друга на расстояние вытянутой руки и разглядывал его так пристально, словно пытался прочитать у Сажерука на лбу все, что случилось с ним за эти десять лет.

— Поджигатели тебя не повесили, как тут многие говорили, — в этом сомневаться не приходится. А как насчет истории о том, что Змееглав запер тебя в самом сыром своем застенке? Или ты, как поется в некоторых песнях, превратился на время в дерево, в дерево с пламенеющими листьями в глубине Непроходимой Чащи?

Сажерук улыбнулся:

— Да, это было бы, пожалуй, неплохо. Но в мою настоящую историю даже ты не поверишь.

По толпе прошел гул. Сажерук взглянул вверх голов и увидел, как Фарид с покрасневшимся лицом раскланивается в ответ на аплодисменты. Сын Уродины так отчаянно хлопал в ладоши, что чуть не свалился с кресла. Но Фарид искал глазами Сажерука. Тот улыбнулся мальчику и почувствовал на себе пронизательный взгляд Черного Принца.

— Это, значит, и вправду твой мальчик? — сказал он. — Нет, не беспокойся, я больше ни о чем спрашивать не буду. У тебя ведь всегда были тайны. Надо думать, так оно и осталось. Но историю, о которой ты упомянул, я все же надеюсь когда-нибудь услышать. А еще ты должен устроить нам представление. Мы тут все нуждаемся в заряде бодрости. Времена нынче плохие, даже по эту сторону леса, пусть сегодня это и незаметно...

— Да, мне уже говорили. И Змееглав, похоже, все так же тебя любит. Что ты такого натворил, что он грозит тебе виселицей? Что, твой мишка задрал оленя у него в лесу?

Сажерук погладил Пролазу по вздыбившейся шерстке. Куница не спускала глаз с медведя.

— Змееглав, к счастью, не знает и половины того, что я натворил, не то я давно бы уже висел на зубце стены у Дворца Ночи, можешь мне поверить.

— Вот как?

Канатоходец над ними уселся на канат в окружении своих пташек и принялся болтать ногами с таким видом, будто скопление народа внизу нисколько его не интересует.

— Принц, мне не нравится выражение твоих глаз, — сказал Сажерук, глядя вверх. — Не дразни Змееглава, а то он натравит на тебя своих людей, как он это любит. И тогда ты и по эту сторону леса не будешь в безопасности!

Кто-то потянул его за рукав. Сажерук обернулся так стремительно, что Фарид испуганно отпрянул.

— Извини, — пробормотал Фарид, неуверенно кивая Принцу. — Там Мегги! И Фенолио!

— Он говорил так возбужденно, словно встретил самого Жирного Герцога. Где?

Сажерук посмотрел по сторонам, но Фарид в эту минуту загляделся на медведя, нежно положившего морду на голову Принцу. Черный Принц улыбнулся и слегка подвинул медвежьей морду.

— Где? — нетерпеливо повторил Сажерук.

Меньше всего на свете ему хотелось встречаться с Фенолио.

— Вон там, прямо за помостом!

Сажерук посмотрел туда, куда указывал палец Фариды. И впрямь, старик стоял там с двумя детьми, как тогда, в первую их встречу, и рядом с ним — дочь Волшебного Языка. Она повзрослела и стала еще больше похожа на мать. Сажерук тихо чертыхнулся. Что им понадобилось здесь, в его истории? Им так же нечего в ней делать, как ему — в их мире. «Вот как? — сказал ему насмешливый внутренний голос. — Старик, вероятно, другого мнения. Он ведь считает себя создателем всего, что здесь есть. Или ты забыл?»

— Я не хочу его видеть, — сказал он Фариду. — Этот старик приносит несчастье, и даже хуже того, запомни.

— Мальчик говорит про Чернильного Шелкопряда? — Принц так

близко подошел к Сажеруку, что куница зашипела на него. — За что ты его не любишь? Он сочиняет хорошие песни.

— Он много чего сочиняет.

«Кто знает, что он там насочинял о тебе? — добавил Сажерук мысленно. — Несколько ловко поставленных слов — и ты мертв, Принц».

Фарид, не отрываясь, смотрел на девочку рядом с Фенолио.

— А Мегги? Ее ты тоже не хочешь видеть? — Голос у него звенел от разочарования. — Она о тебе спрашивала.

— Передай ей от меня привет. Она поймет. Ну, иди же. Я вижу, ты все еще в нее влюблен. Как ты сказал тогда о ее глазах? Кусочки неба?

Фарид густо покраснел.

— Перестань! — сердито буркнул он.

Но Сажерук обнял его за плечи и повернул.

— Иди, — сказал он. — Иди, передай ей от меня привет. А еще передай, чтобы она ни при каких обстоятельствах не произносила своим волшебным ротиком мое имя, понял?

Фарид бросил последний взгляд на медведя, кивнул и пошел обратно к девочке, подчеркнуто медленно, как бы желая доказать, что вовсе не торопится к ней вернуться. Она тоже старалась пореже взглядывать в его сторону и смущенно оправляла рукава слишком широкого платья. По ней казалось, что она тут и родилась, — девушка из не слишком богатой семьи, дочь крестьянина или ремесленника. Впрочем, ее отец и был ремесленником — конечно, с особыми дарованиями. Разве что взгляд у нее был слишком свободный. Девушки здесь обычно ходили, опустив глаза, и в ее возрасте нередко бывали уже замужем. «Интересно, моя дочь уже подумывает об этом? Роксана мне ничего не рассказывала».

— Мальчик — молодец. Он уже сейчас намного лучше Коптемаза. — Принц протянул руку к кунице, но отдернул ее, когда Пролаза оскалил мелкие зубы.

— Это нетрудно.

Сажерук перевел глаза на Фенолио. Чернильный Шелкопряд — вот как они его зовут. До чего довольный у него вид — у этого человека, написавшего его смерть. Удар в спину, такой глубокий, что нож дошел до сердца, — вот что он для него придумал. Сажерук невольно пощупал спину между лопаток. Да. Однажды он все же прочел их, смертельные слова Фенолио, в одну из тех бессонных ночей в другом мире, когда он напрасно пытался вызвать в памяти лицо Роксаны.

Тебе нельзя возвращаться!

Как часто слышался ему голос Мегги, произносящий эти слова. Тебя

там дожидается один из молодчиков Каприкорна. Они хотят убить Гвина, а ты пытаешься его спасти, и за это они тебя убивают. Он дрожащими пальцами вытащил тогда из рюкзака книгу, раскрыл и принялся искать на страницах свою смерть. И много раз прочел то, что стояло там черным по белому. После этого он решил оставить Гвина в том мире, если ему самому когда-нибудь удастся вернуться... Сажерук погладил пушистый хвост Пролазы. Наверное, было и впрямь глупо завести себе новую куницу.

— Что случилось? У тебя такое лицо, словно тебя поманил к себе палач.

Принц обнял Сажерука за плечи, а медведь тем временем с любопытством обнюхивал его рюкзак.

— Мальчишка тебе, конечно, рассказывал, как мы подобрали его в лесу? Он был страшно взволнован и все повторял, что должен тебя предостеречь. Когда он сказал, от кого, многие из моих людей схватились за рукоять ножа.

Баста. Сажерук провел пальцами по шрамам у себя на щеке.

— Да, он, возможно, тоже вернулся.

— Вместе с хозяином? — спросил Принц.

— Нет. Каприкорн мертв. Я видел его смерть своими глазами.

Черный Принц полез в пасть своему медведю и погладил ему язык.

— Это хорошая новость. Впрочем, возвращаться ему было бы особо некуда — там остались лишь обгорелые стены. Только одна живая душа еще бродит порой в окрестностях — Крапива. Она уверяет, что такого тысячелистника, как в старой крепости поджигателей, больше нигде не сыскать.

Сажерук заметил, что Фенолио глядит в его сторону. Мегги тоже смотрела сюда. Он поспешно повернулся к ним спиной.

— Мы устроили лагерь неподалеку отсюда, у старых кобольдовых пещер, — продолжал Принц, понизив голос. — С тех пор как Козимо выкурил оттуда поджигателей, пещеры снова стали отличным местом для житья. Об этом никто не знает, кроме комедиантов. Старики, больные, инвалиды, женщины, которым трудно жить на улице с малыми детишками, — все находят там приют и передышку. Знаешь что? Тайный лагерь, пожалуй, подходящее место, где ты мог бы рассказать мне свою историю. Ту, в которую трудно поверить. Я там часто бываю из-за медведя — он совсем сникает, если мы слишком долго остаемся внутри городских стен. Роксана может объяснить тебе дорогу, она теперь знает лес не хуже тебя.

— Я знаю старые кобольдовы пещеры, — сказал Сажерук.

Ему нередко приходилось скрываться там от людей Каприкорна. Но он не был уверен, что хочет рассказывать Принцу о последних десяти годах.

— Шесть факелов! — Фарид вырос рядом с ним, обтирая сажу с рук о штаны. — Я жонглировал шестью факелами и ни одного не уронил. По-моему, им понравилось.

Сажерук с трудом удержался от улыбки.

— Надо думать.

Двое комедиантов поманили Принца в сторону. Сажерук не помнил точно, знаком ли он с ними, и на всякий случай повернулся спиной.

— Ты знаешь, что тут все говорят о тебе? — От возбуждения глаза у Фариды были круглыми, как блюдца. — О том, что ты вернулся! И кое-кто, по-моему, тебя уже узнал.

— Вот как?

Сажерук тревожно посмотрел по сторонам. Его дочь все еще стояла за креслом малолетнего принца. Фариду он ничего о ней не рассказывал — хватит и того, что мальчик ревнует его к Роксане.

— Они говорят, что такого огнеглотателя, как ты, не было никогда! Тот, другой, которого они называют Коптемазом, — Фарид сунул Пролозе кусочек хлеба, — спрашивал меня о тебе, но я не знал, хочешь ли ты с ним встречаться. Он говорит, что вы знакомы. Это правда?

— Да, но встречаться с ним я все равно не хочу.

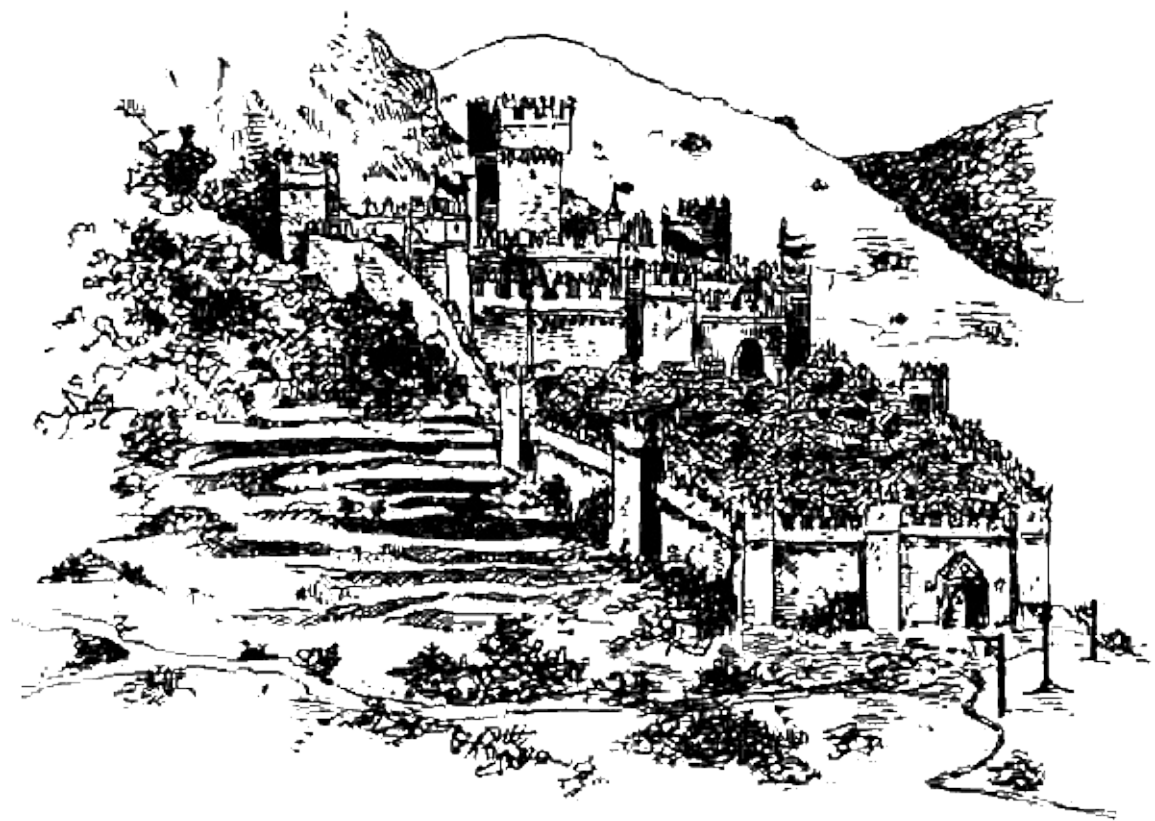
Сажерук оглянулся. Канатоходец все же спустился со своего каната, и с ним разговаривал сейчас Небесный Плясун, показывая в их сторону. Пора сматываться. Ему хотелось повидать их всех, но не сегодня, не здесь...

— С меня хватит, — сказал он Фариду. — А ты оставайся, заработай нам еще пару монет. Я буду у Роксаны.

Уродина на помосте протянула сыну расшитый золотом кошелек. Малыш засунул туда пухлую ручонку и бросил комедиантам пригоршню монет. Они кинулись подбирать подачку. Сажерук воспользовался моментом, взглянул в последний раз на Черного Принца и незаметно исчез.

Что скажет Роксана, когда узнает, что он и словом не обменялся с дочерью!

Он знал, что она скажет. Она рассмеется. Уж она-то знает, каким он иногда бывает трусом.

ХОЛОДНОЕ И БЕЛОЕ

*Я — как ювелир, что день и ночь стучит
молоточком,
Лишь так я могу превратить боль
В золотой орнамент, нежный, как крыло
цикады.*

Ши Муронг. Ценность поэзии

Они снова тут. Мо чувствовал их приближение, видел их с закрытыми глазами — Белых Женщин с бледными лицами, с бесцветными холодными глазами. Только из этого и состоял теперь мир — из белых теней во мраке и боли в груди, красной боли. Каждый вдох причинял боль. Дышать. Неужели когда-то это было легко? Теперь это было трудно, так трудно, как будто его уже похоронили, насыпали земли на грудь, полную жгучей, колотящейся боли. Он не мог пошевелиться. Тело больше не подчинялось ему — горящая тюрьма. Он хотел открыть глаза, но веки были тяжелыми, как камни. Все пропало. Остались только слова: боль, страх, смерть. Белые слова. Бесцветные, безжизненные. Только боль была красной.

«Это и есть смерть? — думал Мо. — Ничто, полное бледных теней?» Иногда ему казалось, что он чувствует прикосновение бледных пальцев, проникающих в пылающую грудь, словно Белые Женщины хотят раздавить его сердце. Их дыхание касалось его горячего лица, и они шептали имя — но не то, на которое он привык отзываться. «Перепел», — шептали они.

Казалось, голоса их сотканы из холодной тоски, сплошной тоски. «Это легко, — шептали они, — совсем легко, даже глаза открывать не надо. Больше не будет ни боли, ни мрака. Вставай, — шептали они, — пора». И

брали его за руку бледными пальцами, дивно прохладными на пылающей коже.

Но другой голос не отпускал его. Смутно, еле слышно, словно из далекого далека просачивался он сквозь их шепот. Он звучал чуждо, почти некрасиво среди завораживающего шепота теней. «Замолчи! — хотелось ему сказать этому голосу, но каменный язык не поворачивался во рту. — Пожалуйста, замолчи, отпусти меня!» Потому что лишь этот голос удерживал его в горящем здании — его теле. Но голос не смолкал.

Он знал этот голос, но откуда? Он не мог вспомнить. Слишком давно он его не слышал, слишком давно...

В ПОДПОЛЕ ЭЛИНОР

*Книжные полки сгибаются, вырастая до
потолка,
Под тяжестью тысяч спящих душ,
Молчащих, исполненных надежды.
Всякий раз, открывая книгу,
Я пробуждаю одну из душ.*

Ши Хуань. Книги

«Надо было обустроить подпол получше», — думала Элинор, глядя, как Дариус накачивает надувной матрас, обнаруженный на одной из полок. С другой стороны, разве могла она подумать, что в один прекрасный день ей придется спать в подполе, в то время как в ее прекрасной библиотеке будет сидеть похожая на луну рожа в очках со своей слюнявой собакой и изображать хозяина дома? Эта мерзкая псина чуть не сожрала фею, залетевшую сюда из-за слов Орфея. Синекожая фея и жаворонок, испуганно бившийся о стекла — вот и все, что на этот раз вышло из-за букв — и это за четырех человек! «Смотри-ка! — торжествующе сказал тогда Орфей. — Двое за четверых! Их выходит все меньше. И однажды мне наверняка удастся сделать так, чтобы никто оттуда не выскакивал». Мерзкий воображала! Как будто кому-нибудь здесь было дело до того, кто оттуда выскочил. Реза и Мортимер исчезли! И Мртола с Бастой...

«Живо, Элинор, подумай о чем-нибудь другом!»

Если бы была хоть надежда, что кто-нибудь в ближайшее время придет ее навестить! Но на гостей рассчитывать не приходилось. Она никогда не была особенно общительна, а тем более с тех пор, как ее

книгами стал заниматься Дариус, а в доме поселились Мо, Реза и Мегги. Ей вполне хватало их общества.

У нее подозрительно защипало в носу. «Это лишняя мысль, Элино́р! — предостерегла она сама себя, как будто вообще думала за последние часы о чем-нибудь другом. — С ними все в порядке! — без конца твердила она про себя. — Если бы с ними что-нибудь случилось, ты бы это почувствовала. Разве не так всегда бывает в книгах? Если с теми, кого любишь, что-нибудь случается, то ощущаешь словно укол в груди».

Дариус нерешительно улыбнулся ей, продолжая жать на педаль насоса. Матрас был похож на гусеницу, огромную раздавленную гусеницу. Как она будет спать на этой штуке? Она же во сне скатится с нее и окажется на холодном цементном полу.

— Дариус, — сказала она, — надо что-то делать! Не можем мы просто сидеть здесь взаперти, пока Морти́ла...

«Господи, как эта старая ведьма смотрела на Морти́мера! Не думай об этом, Элино́р! Просто не думай, и все. И о Басте с его ружьем. И о Мегги, одиноко бредущей по Непроходимой Ча́ще. Конечно, она там одна! Мальчишку небось давно раздавил какой-нибудь великан...» Хорошо, что Дариус не знает, как бестолково мечутся мысли у нее в голове, как все время щиплет в носу...

— Дариус! — Элино́р говорила шепотом, потому что за дверью наверняка караулил Верзи́ла. — Дариус, все зависит от тебя! Вчитай их обратно!

Дариус так отчаянно замотал головой, что с него чуть не слетели очки.

— Нет!

Его голос дрожал, а нога снова принялась жать на педаль, как будто на свете не было сейчас ничего важнее этого дурацкого матраса. Вдруг он остановился и закрыл лицо руками.

— Ты же знаешь, как оно бывает, — сдавленным голосом проговорил он, — как бывает, когда мне страшно.

Элино́р вздохнула.

Да, она знала. Перекошенные лица, негнущиеся ноги, пропавший голос... И конечно, ему сейчас страшно. Наверное, даже страшнее, чем ей, потому что Дариус куда лучше знаком с Морти́лой и Бастой.

— Ладно, ты прав, — пробормотала она, рассеянно крутя в руках консервные банки: томатный соус, равио́ли (не особо вкусные), фасоль. Морти́мер любил фасоль. Ну вот, в носу опять защипало. — Ну что ж! — сказала она, решительно поднимаясь. — Раз так, придется это сделать Орфе́ю.

Как спокойно и взвешенно прозвучали ее слова! Да, у нее все же есть актерский талант! Она уже доказала это однажды, в церкви Каприкорна, когда казалось, что все пропало... Если вдуматься, тогда картина была даже более мрачная...

Дариус недоумевающе посмотрел на нее.

— Да не смотри ты на меня так, бога ради, — прошипела Элино́р. — Я тоже не знаю, как его заставить. Еще не знаю.

Она принялась расхаживать взад-вперед между полок с консервами и соленьями.

— Он тщеславен, Дариус! — прошептала она. — Страшно тщеславен. Ты видел, как он изменился в лице, когда понял, что Мегги сумела сделать то, чего он много лет не мог добиться? Конечно, ему хочется ее спросить... — она резко остановилась и взглянула на Дариуса, — как это у нее вышло.

Дариус оторвался от насоса.

— Да! Но для этого Мегги должна оказаться здесь.

Они посмотрели друг на друга.

— Так мы и поступим, Дариус! — прошептала Элино́р. — Мы уговорим Орфея вычитать обратно Мегги, а уж она вычитает Мортимера и Резу из тех самых слов, которые он напишет для нее. Это должно получиться! Да!

Элино́р снова заходила из угла в угол, как пантера в одном из ее любимых стихотворений. Только взгляд у нее был уже не безнадежный. «Тут надо действовать ловко. Этот Орфей не дурак. Но и ты, Элино́р, не дура, — сказала она себе. — Попробуй!»

Сколько она ни боролась с собой, ей снова вспомнилось, как Мортла глядела на Мортимера. Что, если уже слишком поздно, что, если?.. Да ладно тебе!

Элино́р выпятила подбородок, расправила плечи и твердым шагом направилась к двери. Она забарабанила ладонью по выкрашенному белой краской металлу:

— Эй, Верзила! Открой! Мне нужно поговорить с этим Орфеем! Срочно!

За дверью не слышно было никакого движения. Элино́р опустила руку. На мгновение ей пришла страшная мысль, что они оба уехали, оставив их взаперти... «А тут, внизу, даже консервного ножа нет! — вдруг поняла Элино́р. — Вот смешно будет умереть с голоду среди груды консервных банок». Она подняла обе руки, чтобы снова колотить в дверь, но тут послышались шаги — шаги, удалявшиеся вверх по лестнице от подпола к

прихожей.

— Эй! — заорала она так громко, что Дариус за ее спиной вздрогнул. — Эй, Верзила, погоди! Открой дверь! Мне нужно поговорить с Орфеем!

Но все было тихо. Элино́р опустилась на колени перед дверью. Дариус подошел к ней и нерешительно положил руку на плечо.

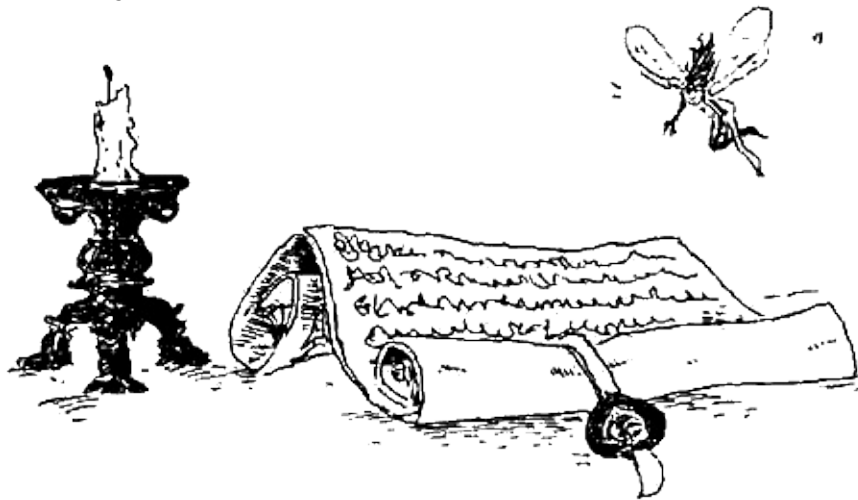
— Он вернется, — тихо проговорил он. — По крайней мере, они не уехали, правда?

И он снова занялся надувным матрасом.

А Элино́р осталась сидеть, прислонившись спиной к холодной двери и вслушиваясь в тишину. Сюда не доносилось даже щебета птиц, даже стрекота цикад. «Мегги вычитает их! — повторяла она про себя. — Мегги вычитает их! Но что, если ее родители давно?.. Это не та мысль, Элино́р. Не та».

Закрыв глаза, она слушала, как Дариус борется с насосом.

«Я бы почувствовала, — думала она. — Обязательно. Я бы почувствовала, если бы с ними что-нибудь случилось. Так написано во всех книжках — не могут же все они лгать!»

ЛАГЕРЬ В ЛЕСУ

*Мне казалось, они говорят каждым тиканьем:
Я так, так, так болен.
О смерть, заberi меня скорее, скорее, скорее.*

Фрэнсис Корнфорд. Часы

Реза не знала, сколько времени она провела в полутемной пещере, служившей комедиантам местом отдыха. Она просто сидела и держала Мо за руку. Какая-то женщина принесла ей поесть, а иногда забегал кто-нибудь из детей, прислонялся к стене пещеры и прислушивался к тому, что она тихо рассказывала Мо — о Мегги и Элиноре, о Дариусе, о библиотеке, книгах и мастерской, где он их чинил, о болезнях и ранах, таких же страшных, как у него... Какими странными должны были казаться комедиантам эти истории из другого, невиданного мира. Но еще более странным казалось им, что она разговаривает с человеком, лежащим неподвижно, с закрытыми словно бы навсегда глазами.

Старуха вернулась к крепости Каприкорна в ту минуту, когда на лестнице показалась пятая Белая Женщина, и привела с собой пятерых мужчин. Путь был не особенно дальний. Когда они подошли к лагерю, Реза увидела между деревьями часовых. Они охраняли инвалидов, стариков, женщин с маленькими детьми, а также тех, кто, видимо, просто искал здесь передышки от утомительной бродячей жизни.

— От Принца, — ответил один из мужчин, принесших Мо, на вопрос Резы, откуда берутся еда и одежда для всех этих людей. А когда она спросила, от какого Принца, он в ответ молча вложил ей в руку черный камушек.

Они звали ее Крапива — ту старуху, что так внезапно появилась в воротах крепости Каприкорна. С ней обращались почтительно и как-то боязливо. Резе пришлось помогать ей прижечь рану Мо. Когда она потом вспоминала об этом, ей всякий раз становилось дурно. Потом она помогла старухе перевязать рану и запомнила все ее указания. «Если через три дня он еще будет дышать, то, может быть, выживет», — сказала старуха напоследок и ушла, оставив ее в пещере, защищавшей от диких зверей, дождя и зноя, но не от страха и черных мыслей.

Три дня. Снаружи темнело и рассветало, рассветало и снова темнело, и каждый раз, когда приходила Крапива и склонялась над Мо, Реза лихорадочно вглядывалась в ее лицо, пытаясь прочесть на нем надежду, но старческие черты ничего не выражали. Прошло три дня, и Мо еще дышал, но глаза он так и не открыл.

В пещере пахло грибами, любимой едой кобольдов. Прежде тут жила, наверное, целая их стая.

Теперь к грибному запаху примешивался аромат сухих листьев. Листвой и душистыми травами усыпали комедианты холодный пол пещеры — тимьяном, лабазником, ясенником... Реза сидела рядом с Мо, растирала между пальцами сухие листья и время от времени меняла влажную ткань у него на лбу. Лоб его давно уже был не прохладным, а горячим, таким горячим... Запах тимьяна напомнил ей историю о феях, которую он читал ей когда-то давным-давно, когда ему и в голову не приходило, что его голос может выманить с книжных страниц кого-нибудь вроде Каприкорна. «Не держи в доме дикий тимьян, — говорилось там, — он приносит несчастье». Реза отбросила жесткие стебли подальше и обтерла пальцы о платье.

Снова одна из женщин принесла ей поесть и молча присела рядом, словно желая утешить ее своим присутствием. Вскоре в пещеру заглянули и трое из тех мужчин, но не пошли дальше порога и смотрели на нее и Мо издалека, тихо переговариваясь между собой и время от времени взглядывая на нее.

— Мы им мешаем? — спросила Реза Крапиву, когда та в очередной раз молча склонилась над больным. — Мне кажется, они говорят о нас.

— Пусть говорят! — коротко ответила старуха. — Я им сказала, что на вас напали грабители, но, конечно, им этого мало. Красивая женщина и мужчина со странной раной — как они сюда попали? Что произошло? Конечно, им любопытно. И было бы умно с твоей стороны не дать им заметить шрам у него на руке.

— Почему? — удивилась Реза.

Старуха посмотрела на нее так пристально, словно пыталась прочесть ее мысли.

— Ну, если ты и правда этого не знаешь, то лучше тебе и не знать, — сказала она наконец. — А люди пусть говорят. Что им еще делать? Одни приходят сюда, чтобы дожидаться смерти, другие — чтобы начать новую жизнь, а третьи живут только историями, которые им рассказывают. Канатоходцы, огнеглотатели, крестьяне, князья — все они одинаковы: плоть, кровь и сердце, знающее о том, что ему не вечно биться.

Огнеглотатели. Сердце у Резы дрогнуло, когда Крапива произнесла это слово. Ну конечно! Как ей раньше не пришло в голову?

— Послушай! — сказала она старухе, когда та уже направилась к выходу. — Ты ведь знаешь многих комедиантов. Не попадался тебе среди них огнеглотатель по имени Сажерук?

Крапива медленно обернулась, словно раздумывая, стоит ли отвечать.

— Сажерук? — ворчливо повторила она. — Вряд ли среди комедиантов найдется хоть один, кто его не знает, но уже много лет никто его не видел. Хотя прошел слух, будто он вернулся...

«Да, он вернулся, — думала Реза, — и он мне поможет, как я помогала ему в другом мире».

— Мне нужно отправить ему письмо! — Она сама слышала, какой отчаянной мольбой звучит ее голос. — Прощу тебя.

Крапива несколько секунд неподвижно смотрела на нее, потом сказала:

— Небесный Плясун сейчас здесь. У него опять болит нога, но как только станет получше, он тронется дальше. Спроси его, не возьмет ли он твое письмо.

И ушла.

Снаружи снова стемнело, и с наступлением ночи пещеру заполнили мужчины, женщины и дети и улеглись спать на кучи листвы — подальше от нее, словно болезнь Мо была заразна. Одна из женщин принесла ей факел. Дрожащие тени легли на стены пещеры, они гримасничали и водили черными пальцами по бледному лицу Мо. Огонь не мог отогнать Белых Женщин, хотя говорили, будто они его одновременно любят и боятся. Они снова и снова появлялись в пещере, похожие на бледные отражения в зеркале, с лицами из тумана. Они подступали ближе и снова исчезали, может быть, их отгонял горький запах трав, которые Крапива разложила вокруг постели Мо. «Это их не подпустит, — сказала старуха, — но ты тоже будь начеку».

Во сне заплакал ребенок. Мать успокаивающе погладила его по

головке — и Реза подумала о Мегги. Одна она сейчас, или Фарид еще с ней? Весела она, грустна, больна, здорова? Как часто Реза задавала себе эти вопросы, словно надеясь когда-нибудь получить ответ неизвестно откуда...

Какая-то женщина подала ей свежей воды. Реза благодарно улыбнулась и спросила про Небесного Плясуна.

— Он предпочитает спать под открытым небом, — сказала та, показывая наружу.

Реза давно уже не видела Белых Женщин, но на всякий случай все же разбудила комедиантку, предлагавшую покараулить ночью вместо нее. И вышла наружу, переступая через спящих.

Луна светила сквозь густую листву ярче всякого факела. У костра сидело несколько мужчин. Реза нерешительно подошла к ним, сознавая, как неуместно выглядит здесь ее платье. Оно было слишком коротким даже для комедиантки и к тому же рваным.

Мужчины смотрели на нее с недоверчивым любопытством.

— Скажите, есть среди вас Небесный Плясун?

Маленький худой человечек, беззубый и потому наверняка выглядевший намного старше своих лет, толкнул локтем сидевшего рядом шпильмана.

— А зачем он тебе? — Лицо у него было приветливое, но взгляд настороженный.

— Крапива говорит, что он мог бы доставить мое письмо...

— Письмо? Кому? — Он вытянул левую ногу и потер колено, которое у него, видимо, болело.

— Это огнеглотатель, его зовут Сажерук. У него на лице...

Небесный Плясун провел пальцем по щеке.

— ... Три шрама, я знаю. Что тебе от него нужно?

— Я хочу, чтобы ты передал ему это!

Реза опустилась на колени у огня и сунула руку в карман платья. Она всегда носила с собой карандаш и бумагу, ведь они годами заменяли ей язык. Теперь голос к ней вернулся, но деревянный язык был по-прежнему сподручнее, чтобы подать весть Сажеруку. Дрожащей рукой она начала писать, не обращая внимания на настороженные глаза, следившие за каждым ее движением, как будто она делала что-то запретное.

— Она умеет писать, — заметил беззубый.

В его голосе звучало явное неодобрение. Прошло много, много времени с тех пор, как Реза сживала в городах по ту сторону леса на рыночной площади, одетая мужчиной, с коротко стриженными волосами, потому что только письмом умела зарабатывать себе на жизнь, а это

ремесло было здесь женщинам запрещено. Нарушавших запрет обращали в рабство, и так она стала в конце концов рабыней у Мртолы. Ведь не кто иной, как Сорока разоблачила ее маскарад и в награду получила право увезти ее с собой в крепость Каприкорна.

— Сажерук не сможет это прочесть, — спокойно заметил Небесный Плясун.

— Сможет. Я его научила.

Как недоверчиво все они на нее посмотрели! Буквы. Загадочные знаки, орудие богачей, занятие вовсе не для комедиантов и уж тем более не для женщин...

Только Небесный Плясун улыбнулся.

— Смотри-ка, Сажерук, оказывается, умеет читать, — тихо сказал он. — Ладно. Но я-то этого не умею. Поэтому лучше скажи мне, что ты там написала, чтобы я мог передать ему на словах, если записка пропадет. С написанными словами это легко может случиться, намного легче, чем с теми, что у меня в голове.

Реза посмотрела прямо в лицо Небесному Плясуну. «Ты слишком доверчива к малознакомым людям...» — Сажерук постоянно твердил ей это, но разве у нее был сейчас выбор? Она тихо повторила вслух то, что написала на листке:

— Дорогой Сажерук, я сейчас с Мо в лагере комедиантов, в глубине Непроходимой Чащи. Мртола и Баста отправили нас сюда, и Мртола... — тут ей изменил голос, — Мртола стреляла в Мо. Мегги тоже где-то здесь, я не знаю где, но прошу тебя: разыщи ее и приведи ко мне! Не давай ее в обиду, как старался не давать меня. Только берегись Басты! Реза.

— Мртола? Так ведь звали старуху, что жила у поджигателей?

У шпильмана, который это сказал, не было правой руки. Так наказывали воров: за кражу хлеба отрубали левую руку, за кусок мяса — правую.

— Да. Она, говорят, отравила больше людей, чем у Змееглава волос на черепе! — Небесный Плясун подтолкнул головешку в огонь. — А Баста в свое время изрезал лицо Сажеруку. Он не обрадуется, услышав эти имена.

— Но ведь Баста умер! — возразил беззубый шпильман. — Говорили, что и старуха тоже.

— Рассказывайте эти сказки детям, — сказал комедиант, сидевший к Резе спиной. — Такие, как Мртола, не умирают. Они только отправляют на тот свет других.

«Они не станут мне помогать! — подумала Реза. — Из-за того, что я назвала эти имена». Единственный, кто смотрел на нее немного

приветливее, был человек в черно-красном костюме огнеглотателя. Небесный Плясун все еще пристально вглядывался в ее лицо, словно никак не мог решить, как к ней отнестись — к ней и к ее письму. Но потом все же вытянул из ее пальцев записку и сунул в мешок у себя на поясе.

— Ладно, я доставлю Сажеруку твое письмо, — сказал он. — Я знаю, где его искать.

Он ей поможет. Реза не верила своим ушам.

— Спасибо тебе. — Она поднялась, покачиваясь от усталости. — Как ты думаешь, когда он получит письмо?

Небесный Плясун потер колено.

— Сперва должна пройти моя нога.

— Конечно.

Реза проглотила просившуюся на язык мольбу доставить письмо поскорее. Только не настаивать, а то он может и вовсе передумать, и кто тогда отыщет ей Сажерука. Одна из головешек в костре раскололась, и под ноги Резе посыпались горячие искры.

— Мне нечем заплатить тебе, — сказала она. — Но, может быть, ты возьмешь вот это.

Она сняла с пальца обручальное кольцо и протянула Небесному Плясуну. Беззубый уставился на золото с такой жадностью, словно готов был выхватить его, но Небесный Плясун покачал головой.

— Нет, не думай даже, — сказал он. — Твой муж болен, и расставаться сейчас с обручальным кольцом — плохая примета.

Плохая примета. Реза поскорее надела кольцо обратно на палец.

— Да, — пробормотала она. — Да, ты прав. Благодарю тебя. Благодарю от всего сердца!

Она собралась уходить.

— Эй, ты! — Шпильман, сидевший к ней спиной, теперь смотрел на нее. На правой руке у него было только два пальца. — Твой муж... У него темные волосы. Темные, как кротовый мех. И роста он высокого, очень высокого.

Реза недоумевающе уставилась на него.

— И что?

— И потом — шрам. На том самом месте, что называют песни. Я сам видел. Каждый знает, как он его получил: его покусали псы Змееглава, когда он охотился в окрестностях Дворца Ночи и уложил оленя, белого оленя, из тех, которых никто не смеет убивать, кроме самого Змееглава.

О чем он говорит? Реза вспомнила слова Крапивы: «И было бы умно с твоей стороны не дать им заметить шрам у него на руке».

Беззубый засмеялся:

— Вы только послушайте Двупалого. Он воображает, что у нас в пещере лежит сам Перепел. С каких пор ты веришь в детские сказки? А птичья маска у него при себе?

— Почему я знаю? — откликнулся Двупалый. — Это ж не я его сюда принес. Но это он, вот увидите.

Реза почувствовала на себе пристальный взгляд огнеглотателя.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — сказала она. — Я не знаю, кто такой Перепел.

— Вот как? — Двупалый потянулся за лютней, лежавшей рядом с ним на траве.

Реза никогда не слышала песню, которую он затянул тихим голосом.

*Из темного леса приходит светлая надежда,
Отравляя жизнь князьям.
Волосы его черны, как кротовый мех,
Вельможи перед ним дрожат.
Он укрывает свое лицо перьями,
Украденными у перепела,
Он судит убийц,
Водит за нос княжеских шпионов.
Он охотится на их дичь,
Ворует их золото,
Но, когда они его клянут,
Он исчезает — призрак,
Который они напрасно ищут.*

Как они все уставились на нее! Реза попятилась.

— Мне пора обратно, к мужу, — пробормотала она. — Эта песня... она не про него, честное слово.

Возвращаясь в пещеру, она спиной чувствовала их взгляды. «Забудь о них, Реза! — приказала она себе. — Сажерук получит твое письмо, все остальное не важно».

Женщина, сидевшая на ее месте, молча поднялась и легла рядом с остальными. Реза пошатнулась от усталости, опускаясь на устланный листвой пол. Из глаз хлынули слезы. Она утерла их рукавом и зарылась лицом в ткань, пахшую так знакомо... домом Элинора... старым диваном, на котором она сживала с Мегги, рассказывая ей об этом мире. Она вдруг

разрыдалась вслух и, испугавшись, что ее рыдания разбудят спящих, поспешно зажала рот рукой.

— Реза? — донесся до нее слабый шепот.

Она подняла голову. Мо смотрел на нее.

— Я слышал твой голос, — прошептал он.

Реза не знала, плакать ей или смеяться. Она наклонилась к Мо и, покрывая его лицо поцелуями, смеялась и плакала одновременно.

ПЛАН ФЕНОЛИО

Дайте мне лист бумаги и карандаш, и я переверну мир.

Фридрих Ницше. Белое и черное искусство

Два дня после праздника в замке Фенолио водил Мегги по Омбре, показывая каждый закоулок.

— А сегодня, — сказал он на третий день, когда они выходили из дому после завтрака у Минервы, — я покажу тебе реку. Спуск к ней крутой, нелегкое дело для моих старых костей, зато там можно поговорить, не опасаясь, что нас подслушают. А если повезет, ты увидишь русалок.

Увидеть русалку Мегги очень хотелось. В Непроходимой Чаще ей удалось разглядеть в мутном озерце лишь одну, да и та, завидев тень Мегги на воде, тут же метнулась прочь. Но о чем Фенолио хочет поговорить с ней в такой тайне? Догадаться было нетрудно.

Кого ей придется вычитать на этот раз? Кого и откуда? Из другой книги самого же Фенолио? Они спускались по тропинке, вившейся вниз по крутому обрыву между полей, на которых работали под утренним солнцем крестьяне. Как трудно, наверное, получить с этой каменистой почвы урожай, которого хватило бы на зиму. А ведь часть скудных запасов неизбежно доставалась тайным воришкам: мышам, гусеницам, личинкам и мокрицам. Жизнь в мире Фенолио была необычайно трудна, однако Мегги казалось, что каждый новый день в его мире обволакивает ее сердце чарами, клейкими, как паутина, и в то же время завораживающе прекрасными...

Этот мир представлялся ей теперь совсем настоящим. Тоска по дому почти прошла.

— Иди сюда!

Голос Фенолио вывел ее из задумчивости. Перед ними мерцала в солнечных лучах река между покрытых цветами берегов. Фенолио взял ее за руку и подвел к самой воде. Мегги с надеждой склонилась к медленному потоку, но русалок не было видно.

— Ну да, они боятся. Слишком много людей! — Фенолио недовольно показал на женщин, стиравших неподалеку белье.

Он повел Мегги дальше по берегу, пока чужие голоса не смолкли. В наступившей тишине слышно было только журчание воды. Позади на бледно-голубом небе вырисовывались крыши и башни Омбры. Дома теснились в кольце городских стен, как птенчики в слишком маленьком гнезде, а над ними развевались черные знамена замка, словно само небо украсили траурной каймой, возвещая о скорби Жирного Герцога.

Мегги вскарабкалась на плоский камень, далеко выдававшийся в воду. Река была неширокая, но, похоже, глубокая, с темной водой.

— Что, увидела русалку? — Фенолио чуть не свалился со скользкого камня, подбираясь к ней.

Мегги покачала головой.

— Что с тобой? — Фенолио хорошо ее знал после многих дней и ночей, проведенных вместе в доме Каприкорна. — Тоскуешь по дому?

— Нет, не в этом дело. — Мегги встала на колени и опустила пальцы в холодную воду. — Мне просто снова приснился этот сон.

Накануне Фенолио показывал ей улицу пекарей, дома, в которых жили богатые торговцы пряностями и драгоценными тканями, и все львиные морды, цветы, рельефы, которыми искусные резчики Омбры украсили здания родного города. Фенолио, кажется, считал все это исключительно своим созданием, судя по гордости, с которой он демонстрировал Мегги все, даже самые отдаленные, закоулки. «Впрочем, не все, — признался он, когда Мегги потянула его в какой-то проулок, куда они еще не заходили. — Конечно, у Омбры есть и неприятные стороны, но зачем тебе забивать этим свою хорошенькую головку?»

Уже стемнело, когда они вернулись в мансарду Минервы, и Фенолио тут же побранился с Розенкварцем, который брызгал в фей чернилами. А Мегги, хотя их перебранка становилась все громче, задремала на соломенном матрасе, присланном ей Минервой наверх. И вдруг перед глазами у нее поплыла краснота, влажная, душная краснота, а сердце заколотилось все сильнее и сильнее, пока не разбудило ее своим бешеным биением...

— Мегги, гляди скорее! — Фенолио коснулся ее руки.

Под водяным покровом мерцали пестрые чешуйки. В первое мгновение Мегги приняла их за листья, но потом поняла, что это глаза, глядящие на нее, — глаза, похожие на человеческие и все же совсем другие, потому что в них не было белка. Руки русалки казались нежными и хрупкими, почти прозрачными. Еще мгновение — и по воде ударил чешуйчатый хвост, а потом все исчезло. Только стоя серебристых, как улиточная слизь, рыбок плыла мимо да вился над водой рой огненных эльфов, каких они видели с Фаридом в лесу. Фарид... Он вырастил у ее ног огненный цветок, специально для нее. Сажерук его и правда многому научил, удивительным вещам...

— Мне кажется, я вижу каждый раз один и тот же сон, но, проснувшись, не могу его вспомнить. Помню только страх... чувство, что случилось что-то ужасное. — Она обернулась к Фенолио. — Ты веришь в такие вещи?

— Ерунда! — Фенолио отмахнулся от этой мысли, как от назойливой мухи. — Это все из-за Розенкварца. Он разозлил фей, и наверняка одна из них уселась ночью тебе на лоб. Они жутко мстительные, причем не особо разбирают, кому мстят.

— Правда?

Мегги снова обмакнула пальцы в реку и вздрогнула, до того холодная была вода. До нее донесся смех женщин, стиравших белье, а на руку ей опустился огненный эльф. С человеческого личика смотрели глаза насекомого. Мегги поспешно стряхнула с себя крошечное создание.

— Правильно, — заметил Фенолио. — С огненными эльфами нужно поосторожнее. Они могут тебя обжечь.

— Я знаю, Реза рассказывала.

Мегги посмотрела вслед эльфу. На руке у нее осталось красное пятнышко, и кожу в этом месте жгло.

— Это я их придумал, — гордо заявил Фенолио. — Они делают мед, позволяющий говорить с огнем. Каждый огнеглотатель мечтает его заполучить, но огненные эльфы нападают на всех, кто приближается к их гнездам, и почти никто не может украсть у них меда, не получив страшных ожогов. Сажерук, пожалуй, единственный, кому это удавалось.

Мегги молча кивнула. Она слушала его вполуха.

— О чем ты хотел со мной поговорить? Ты хочешь, чтобы я кого-то вычитала, да?

По воде проплыло несколько увядших цветов, красных, как кровь, и сердце у Мегги снова заколотилось так, что она прижала руку к груди. Да что это с ней?

Фенолио расшнуровал висевший у него на поясе мешочек и вытряхнул на ладонь плоский красный камушек.

— Красота, правда? — сказал он. — Я добыл его сегодня утром, когда ты еще спала. Это берилл, читальный камень. Его используют как очки.

— Я знаю. И что?

Мегги провела кончиками пальцев по гладкому камню. У Мо тоже такие были. Лежали на подоконнике в его мастерской.

— И что? Какая ты нетерпеливая! Виоланта подслеповата, как крот, а ее очаровательный сынок куда-то запрятал ее старый берилл. Вот я и раздобыл ей новый (хоть и пришлось отдать за него почти все деньги, какие у меня были). Надеюсь, она будет мне до того благодарна, что расскажет кое-что о своем покойном супруге. Конечно, это я придумал Козимо, но с тех пор прошло много времени. Честно говоря, я не очень-то хорошо помню, что я о нем писал, и потом... Кто знает, как он мог измениться с тех пор, как эта история вздумала развиваться дальше самостоятельно!

У Мегги шевельнулось нехорошее подозрение. Нет, не может быть. До такого даже Фенолио не додумается. Или все же?..

— Послушай, Мегги! — Он понизил голос, как будто женщины, стиравшие белье выше по течению, могли его услышать. — Мы с тобой должны вернуть Козимо!

Мегги выпрямилась так резко, что чуть не упала с камня в воду.

— Ты с ума сошел! Ты просто спятил! Козимо умер.

— Разве кто-нибудь может это доказать? — Улыбка Фенолио ей очень не понравилась. — Я ведь тебе рассказывал — его труп был обуглен до неузнаваемости. Даже родной отец не был уверен, что это действительно Козимо! Лишь через полгода он приказал положить в саркофаг мертвеца, которого решено было считать его сыном.

— Но это на самом деле был Козимо?

— Кто может сказать наверняка? Там была страшная бойня. Говорят, поджигатели прятали у себя в крепости какой-то алхимический порошок. Огненный Лис поджег его, чтобы спастись. Огонь запер Козимо и его людей в крепости, стены обрушились на них, и потом никто не мог опознать останки, найденные под завалами.

Мегги вздрогнула. Но Фенолио был, похоже, очень доволен своим рассказом. Она не верила своим глазам, глядя на его сияющую физиономию.

— Это был он, и ты это знаешь! — Мегги понизила голос до шепота. — Фенолио! Мы не можем воскрешать мертвых!

— Знаю, знаю, этого мы, наверное, не можем. — В его голосе звучало

глубокое сожаление. — Хотя разве не вернулись и мертвые, когда ты вызвала Призрака?

— Нет! Они все снова обратились в пепел! Спустя несколько дней. Элинор так ужасно рыдала — она даже поехала в деревню Каприкорна, хотя Мо пытался ее отговорить. Но там никого не было. Они все исчезли. Навсегда.

— Гм... — Фенолио рассматривал свои руки. Они выглядели, как руки крестьянина или ремесленника, непохоже было, что они орудуют лишь писчим пером.

— Значит, этого мы не можем. Ладно! — пробормотал он. — И то сказать, что же это будет за история, если мертвые станут возвращаться? Получится полная неразбериха и притом совершенно неинтересная! Нет. Ты права: мертвые должны оставаться мертвыми. Поэтому мы вычитаем не Козимо, а человека, который выглядит в точности, как он!

— Выглядит, как он? Ты просто ненормальный! — прошептала Мегги. — Ты совсем свихнулся!

Этот приговор не произвел на Фенолио ни малейшего впечатления.

— Ну и что? Писатели все сумасшедшие! Поверь, я сумею подобрать слова, я подберу их так хорошо, что наш новехонький Козимо сам будет убежден, что он и есть прежний. Понимаешь, Мегги? Даже если он всего лишь двойник, ему не обязательно это знать. Он не будет этого знать. Ну, что скажешь?

Мегги молча покачала головой. Она пришла сюда не для того, чтобы изменять этот мир. Она хотела только посмотреть!

— Мегги! — Фенолио положил руку ей на плечо. — Ты видела Жирного Герцога. Он не сегодня-завтра умрет, и что тогда? Змееглав отправляет на виселицу не одних только комедиантов. Он выкалывает глаза крестьянам, поймавшим в лесу кролика. Он посылает детей работать в серебряных рудниках, и они возвращаются оттуда слепыми скрюченными калеками, а своим герольдом он сделал Огненного Лиса — поджигателя и убийцу!

— Правда? И кто же его такого выдумал? Ты! — Мегги сердито сбросила его руку. — Ты обожаешь выдумывать злодеев!

— Да, пожалуй. — Фенолио пожал плечами, как бы желая сказать, что с этим ничего не поделаешь. — А как же иначе? Подумай, кто стал бы читать историю о двух замечательных правителях, под чьей властью наслаждаются жизнью совершенно счастливые подданные? Как ты себе представляешь такую книгу?

Мегги нагнулась к воде и поймала проплывавший мимо красный

цветок.

— Тебе нравится их придумывать, всех этих чудовищ! — тихо сказала она.

Тут даже Фенолио не нашелся, что ответить. Они оба молчали, а женщины в отдалении раскладывали на камнях чистое белье для просушки. На солнце все еще было жарко, хотя увядшие цветы, которые река неумоимо выбрасывала на берег, напоминали об осени.

Наконец Фенолио нарушил молчание.

— Мегги, прошу тебя! — сказал он. — В последний раз! Если ты мне поможешь привести этот мир в порядок, я напишу для тебя самые лучшие слова, которые отправят тебя домой, когда пожелаешь! А если ты передумаешь и захочешь остаться тут, я приведу сюда твоего отца... и мать... и даже эту Книгожорку, хотя она, судя по твоим рассказам, жуткая тетка.

Мегги невольно улыбнулась. «Да, Элинон бы тут понравилось, — подумала она. — И Реза была бы очень рада снова здесь оказаться. Но только не Мо. Он сюда не захочет. Ни за что».

Она выпрямилась и оправила длинное платье. Подняв глаза на замок, она представила себе, что будет, когда там станет править Змееглав с его саламандровым взглядом. Ей и Жирный Герцог-то не особенно понравился.

— Мегги, поверь! — сказал Фенолио. — Ты сделаешь по-настоящему доброе дело. Ты вернешь отцу сына, жене — мужа, ребенку — отца. Пусть это не самый милый ребенок на свете, но все же! И ты поможешь разрушить планы Змееглава. Если уж это не почетная задача!.. Прошу тебя, Мегги! — Он посмотрел на нее умоляюще. — Помоги мне! Это все же моя история. Поверь, я знаю, что ей на пользу! Одолжи мне свой голос — в последний раз!

Одолжи мне свой голос... Мегги все еще смотрела вверх, на замок, но видела не башни и черные флаги, а Призрака и мертвого Каприкорна, лежащего во прахе.

— Хорошо, я подумаю, — сказала она. — А сейчас меня ждет Фарид.

Фенолио взглянул на нее с таким изумлением, будто у нее ни с того ни с сего выросли крылья.

— Ах вот как, ждет? — Голос его звучал весьма неодобрительно. — Я думал, мы сейчас пойдем с тобой в замок, отнесем Уродине берилл. Я хотел, чтобы ты послушала, что она расскажет о Козимо...

— Я ему обещала!

Они договорились встретиться перед городскими воротами, чтобы Фариду не надо было проходить мимо стражи.

— Обещала? Ну и что? Девушки нередко заставляют поклонников ждать.

— Он мне не поклонник!

— Тем лучше! В конце концов, поскольку здесь нет твоего отца, я за тебя отвечаю! — Фенолио недовольно посмотрел на нее. — Ты правда стала совсем большая, Мегги! Здесь девушки в твоём возрасте уже выходят замуж. Да, и не смотри на меня так! Вторая дочка Минервы уже пять месяцев замужем, а ей только-только исполнилось четырнадцать. Сколько лет этому мальчику? Пятнадцать? Шестнадцать?

Мегги ничего не ответила. Она просто повернулась к Фенолио спиной.

ВИОЛАНТА

Уже на следующий день, чтобы как-то отвлечься от терзавшего нас горя, бабушка стала рассказывать мне разные истории.

Роальд Далъ. Ведьмы

Фенолио уговорил Фариду пойти в замок вместе с ними.

— Ну и отлично! — шепнул он Мегги. — Фарид займет на время этого балованного малолетнего бандита, и у нас будет возможность спокойно поговорить с Виолантой.

Внешний двор в это утро словно вымер. Лишь валявшиеся там и сям засохшие ветки и раздавленные пироги напоминали об отгремевшем празднике. Слуги, гончары, конюшие давно вернулись к своим обычным занятиям, и все же внутри стен царила гнетущая тишина. Стража пропустила их без единого слова, узнав Фенолио. Во внутреннем дворе им попалась навстречу группа мужчин в серых одеждах.

— Цирюльники! — пробормотал Фенолио, озабоченно глядя им вслед. — Их тут столько, что они могут насмерть залечить целую дюжину больных. Ничего доброго это, конечно, не предвещает.

Слуга, встретивший Фенолио у дверей тронного зала, был бледен и, похоже, всю ночь не спал.

— Жирный Герцог, — тихо сказал он Фенолио, — слег в постель еще во время праздника, устроенного для внука, и с тех пор не вставал. Он не ест и не пьет и послал гонца к каменотесу, который работает над его саркофагом, чтобы тот поторопился.

К Виоланте их все же пропустили. Жирный Герцог не желал видеть ни невестку, ни внука. Цирюльников он тоже отослал. С ним оставался лишь

Туллио, его паж с мохнатым лицом.

— Она снова там, куда ей запрещено входить! — Слуга говорил шепотом, как будто больной повелитель мог услышать его из своих покоев.

На каждом углу в бесконечных коридорах замка на них глядели с высокого постамента статуи Козимо. Эти мраморные глаза внушали Мегги еще больший страх с тех пор, как Фенолио посвятил ее в свои замыслы.

— Тут все каменные фигуры на одно лицо! — шепнул ей Фарид, но не успела Мегги объяснить ему, в чем дело, как слуга жестом пригласил их подняться по винтовой лестнице.

— Что, Бальбулус по-прежнему дорого берет за то, что пускает Виоланту в библиотеку? — тихо спросил Фенолио, когда их вожатый остановился у двери с латунной табличкой.

— Бедняжка уже отдала ему почти все свои украшения, — прошептал в ответ слуга. — Чему тут удивляться? Он ведь жил раньше во Дворце Ночи. Все, кто родом с той стороны Чащи, отличаются алчностью, это каждый ребенок знает. Все, кроме нашей госпожи.

— Войдите! — откликнулся на его стук недовольный голос.

В помещении, куда они вошли, было так светло после всех этих темных коридоров и лестниц, что Мегги невольно зажмурилась. Дневной свет падал из высокого окна на ряд пюпитров, украшенных драгоценной резьбой. Человек, стоявший перед самым высоким пюпитром, был ни молод, ни стар, с черными волосами и карими глазами, глядевшими на них не особенно приветливо.

— А, Чернильный Шелкопряд! — сказал он, недовольно откладывая в сторону заячью лапку.

Мегги знала, для чего она, Мо ей это много раз объяснял. Пергамент становится мягким, если потереть его заячьей лапкой. А еще тут были краски, названия которых она всегда просила Мо повторить. «Скажи еще раз! — Сколько раз Мегги донимала его этой просьбой, потому что ее завораживали эти звуки: золотистая охра, ляпис-лазурь, фиолет, малахитовая зелень. — Почему они до сих пор такие яркие, Мо? — спрашивала она. — Им ведь уже столько лет! Из чего они сделаны?» И Мо объяснял ей — рассказывал, как делали все эти чудесные краски, которые и через сотни лет сияли так, будто их украли у радуги, потому что книжные страницы защищали краски от света и воздуха. Он говорил, что для малахитовой зелени растертые цветы дикого ириса смешивали с желтой окисью свинца, что красную краску добывали из пурпурных улиток и вшей... Сколько раз они рассматривали вместе миниатюры в какой-нибудь драгоценной рукописи, которую Мо очищал от грязи веков. «Ты только

посмотри на эти завитушки, Мегги! — говорил он ей. — Представляешь, какую тонкую кисть или перо надо иметь, чтобы выписать такое?» Он часто горевал о том, что сейчас уже никто не умеет делать такие вещи. И вот она видит их собственными глазами: перья, тонкие, как волосок, крошечные кисточки — целую связку в блестящем глиняном кувшине, кисточки, которыми можно изобразить на пергаменте или бумаге цветы и лица величиной с булавочную головку, предварительно увлажнив писчий материал гуммиарабиком, чтобы краска лучше держалась. У нее чесались руки вытащить из связки одну кисточку и прихватить с собой для Мо. «Хотя бы ради этого ему стоило пойти со мной! — думала Мегги. — Чтобы попасть в эту комнату».

Мастерская художника, украшающего книги, миниатюриста, «иллюминатора»... Мир Фенолио приобрел в ее глазах двойное, тройное очарование. «Элинор дала бы разрезать себя на куски, чтобы здесь оказаться», — подумала Мегги и хотела уже подойти к пюпитру, чтобы рассмотреть все получше: кисти, краски, пергамент, но Фенолио ее удержал:

— Бальбулус! — Он изобразил что-то вроде поклона. — Как поживаете, высокочтимый мастер?

В его голосе явно слышалась насмешка.

— Чернильный Шелкопряд пришел к госпоже Виоланте, — пояснил слуга.

Бальбулус указал на дверь позади себя.

— Вы знаете дорогу в библиотеку. Хотя ее, пожалуй, пора переименовать в склад забытых сокровищ. — Он слегка пришепetyвал. Язык у него спотыкался о зубы, как будто во рту не хватало места. — Виоланта сейчас рассматривает последнюю мою работу — насколько она способна там что-то разглядеть. Это изготовленный мною список историй, которые вы сочинили для ее сына. Признаться, я с большей охотой использовал бы этот пергамент для других текстов, но такова была воля Виоланты.

— От души сожалею, что вам приходится растрачивать свое искусство на такие пустяки, — ответил Фенолио, не удостоив и взглядом работу, которой был занят Бальбулус сейчас.

Фарид, похоже, тоже не интересовался миниатюрами. Он глядел в окно, за которым голубело небо — ярче всех красок, налипших на тонких кисточках. Зато Мегги очень хотелось посмотреть, насколько искусен Бальбулус в своем ремесле и по праву ли он держится так высокомерно. Она тихонько шагнула вперед и увидела окаймленную листовым золотом

иллюстрацию. На ней был изображен замок между зеленых холмов, лес, роскошно одетый всадник, рой фей вокруг и белый олень, пускающийся в бегство. Никогда еще не видела Мегги такой миниатюры. Она светилась, как витраж, как окно в пергаменте. Ее тянуло склониться над миниатюрой, рассмотреть подробно лица, изгородь, цветы и облака, но Бальбулус смерил ее таким ледяным взглядом, что девочка покраснела и отошла.

— Поэма, которую вы вчера принесли, — сказал Бальбулус скучающим тоном, снова склоняясь над своей работой, — очень хороша. Если бы вы почаще писали в этом роде! Но вы, я знаю, предпочитаете сочинять истории для детей или песни для Пестрого Народа. Зачем? Чтобы ваши слова разносил ветер? Слова, передающиеся из уст в уста, не долговечнее мошки! Лишь записанное слово вечно.

— Вечно? — Фенолио произнес это так, словно в жизни не слыхивал ничего смешнее. — Вечным, Бальбулус, не бывает ничто, а для слов не может быть лучшей доли, чем раздаваться в устах шпильмана! Да, конечно, они при этом меняются, поются то на один, то на другой лад, но разве это не замечательно? История, которая при каждом повторении предстает в новом одеянии, — что может быть лучше? История, которая растет и покрывается почками, словно живая! А взгляните на те, что затиснуты между книжных страниц! Конечно, они, может быть, живут дольше, но ведь дыхание приходит к ним лишь тогда, когда кто-нибудь открывает книгу. Это звук, запертый в тюрьме переплета, и лишь человеческий голос пробуждает его к настоящей жизни! И тогда со страниц сыплются искры, Бальбулус! Тогда слова вылетают в мир, свободные, как птицы. Да, может быть, вы правы, и бумага дарует им бессмертие. Но что мне до этого за дело? Разве сам я тоже буду вечно жить между книжных страниц вместе с моими словами? Какая чушь! Мы не бессмертны, и этого даже прекраснейшие слова изменить не могут. Разве не так?

Бальбулус слушал его с неподвижным лицом.

— У вас весьма необычные взгляды, Чернильный Шелкопряд, — заметил он. — Что до меня, я высоко ценю бессмертие моей работы и ни в грош не ставлю шпильманов. Но вам, пожалуй, пора к Виоланте. Она наверняка скоро уйдет отсюда, чтобы выслушивать жалобы какого-нибудь крестьянина или ворчание торговцев по поводу разбойников, из-за которых дороги стали небезопасны. Стало невозможно достать сносный пергамент. Его воруют, а потом продают на рынках по неслыханным ценам. Вы представляете себе хотя бы приблизительно, сколько коз нужно забить на каждую из ваших историй?

— Примерно по одной на каждый двойной лист, — сказала Мегги.

Бальбулус снова смерил ее ледяным взглядом.

— Умная девочка! — Он говорил таким тоном, что похвала звучала обидно. — А почему так много? Потому что эти кретины пастухи гоняют стада сквозь репейник и колючки, не думая о том, что шкуры нужны как писчий материал!

— Я же вам все время говорю, Бальбулус, — сказал Фенолио, подталкивая Мегги к дверям библиотеки. — Бумага! Будущее принадлежит бумаге.

— Бумага! — Бальбулус презрительно фыркнул. — Господи, Чернильный Шелкопряд, я все же не думал, что вы до такой степени сбрендили.

Не перечесть, в скольких библиотеках Мегги побывала с Мо. Многие из них были больше, чем у Жирного Герцога, но более красивой она никогда не видела. По этой комнате все еще было видно, что когда-то она была любимым местом хозяина замка. Здесь был лишь один беломраморный бюст Козимо, перед которым лежали розы. Ковры, украшавшие стены, были красивее, чем в тронном зале, люстры — пышнее, цвета — более теплые. По тому, что предстало ее глазам в мастерской Бальбулуса, Мегги догадывалась, какие сокровища ее здесь окружают. Книги на полках были прикреплены цепями и обращены наружу не корешком, как в библиотеке Элинора, а обрезом, потому что там находилось название. Перед стеллажами стояли пюпитры, предназначенные, видимо, для новейших поступлений. На них лежали книги — на цепи, как и их сестры на полках, и закрытые, чтобы лучи света не падали на произведения Бальбулуса. Окна библиотеки были к тому же завешены плотными гардинами. Очевидно, Жирный Герцог знал, как губительно действует на книги солнечный свет. Лишь два окна были открыты его разрушительным лучам. Перед одним из них стояла Уродина, склонившись над книгой так низко, что казалось, она водит носом по строкам.

— Бальбулус рисует все лучше, Брианна! — сказала она.

— Он одурел от жадности! Жемчужина за то, чтобы пустить вас в библиотеку вашего свекра!

Служанка Виоланты стояла у другого окна, глядя на улицу, а юный наследник престола тянул ее за руку.

— Брианна, — ныл он, — пойдем. Мне скучно. Пойдем во двор. Ты обещала.

— На эту жемчужину Бальбулус купит новые краски. А иначе откуда

ему взять денег? Золото в этом замке выдают теперь только на статуи покойника.

Виоланта вздрогнула, когда Фенолио прикрыл за собой дверь, и с виноватым видом спрятала книгу за спину. Но напряженность исчезла с ее лица, когда она узнала неожиданного посетителя.

— Фенолио! — Она откинула со лба мышино-серые пряди. — Как вы меня напугали!

Родинка у нее на щеке была похожа на отпечаток звериной лапы.

Фенолио, улыбаясь, сунул руку в мешочек, висевший у него на поясе.

— Я вам принес кое-что.

Виоланта с жадностью схватила красный камушек. Руки у нее были маленькие и пухлые, как у ребенка. Она торопливо достала из-за спины книгу и поднесла берилл к глазу.

— Брианна, пошли, а не то я велю остричь тебе волосы! — Якопо схватил служанку за волосы и потянул так сильно, что она вскрикнула. — Мой дедушка всегда так делает. Он велит обривать наголо комедианток и тех женщин, что живут в лесу. Он говорит, что по ночам они превращаются в сов и кричат под окнами, пока человек не умрет в своей постели.

— Не смотри на меня так! — прошептал Фенолио на ухо Мегги. — Не я выдумал этого дьяволенка. Эй, Якопо! — Он подтолкнул локтем Фарида, пока Брианна пыталась вытянуть свои волосы из маленьких кулачков. — Смотри, кого я тебе привел!

Якопо выпустил волосы Брианны и посмотрел на Фарида без всякого энтузиазма.

— Меча у него нет, — заметил он.

— Меча? Еще не хватало! — Фенолио поморщился. — Фарид — огнеглотатель.

Брианна подняла голову и взглянула на Фарида. Но Якопо по-прежнему выглядел не особо заинтересованным.

— Какой замечательный камень! — тихо сказала его мать. — Мой прежний был совсем не так хорош. Я с ним все вижу, Брианна, каждую букву! Я тебе рассказывала, что мама, когда учила меня читать, для каждой буквы придумывала песенку? «Кусает котик букву „К“ за круглый красный кончик...» Зрение у меня уже тогда было плохое, но она крупно писала буквы на полу или выкладывала их из цветочных лепестков и камушков. «А Б В, пастух уснул в траве».

— Нет, — ответила Брианна, — вы мне этого никогда не рассказывали. Якопо все еще разглядывал Фарида.

— Он был на моем дне рождения, — сказал наконец малыш. —

Жонглировал факелами.

— Ну, это ерунда, детская игра! — Фарид смотрел на него так высокомерно, словно он, а не Якопо был герцогским сыном. — Я умею еще разные штуки, но ты, наверное, для них пока маловат.

Мегги заметила, что Брианна украдкой улыбнулась, вынимая заколку из своих рыжеватых волос и закалывая их заново. Это получалось у нее очень грациозно. Фарид засмотрелся на нее, и Мегги поймала себя на том, что ей хочется иметь такие же красивые волосы, хотя она не была уверена, что ей удастся так же изящно манипулировать заколкой. К счастью, Якопо отвлек внимание Фариды. Он откашлялся и скрестил руки на груди, явно подражая деду.

— Покажи, не то я велю тебя высечь!

Эти слова, произнесенные тоненьким детским голоском, звучали смешно и в то же время страшнее, чем из уст взрослого.

— Да неужели? — На лице Фариды не шевельнулся ни один мускул. Он явно научился кое-чему у Сажерука. — А что я с тобой за это сделаю, как ты думаешь?

Якопо от таких слов на мгновение онемел, а потом хотел броситься за помощью к матери, но тут Фарид протянул ему руку:

— Ладно, пошли.

Якопо заколебался, и на мгновение Мегги захотелось взять Фариду за руку и уйти во двор вместе с ним, вместо того чтобы слушать расспросы Фенолио о мертвеце. Но Якопо ее опередил. Его маленькие бледные пальчики крепко вцепились в смуглую руку Фариды. В дверях он обернулся с выражением обычного довольного мальчишки.

— Он мне все покажет, ты слышала? — гордо спросил он, но мать даже не взглянула на него.

— Да, это удивительный камень, — прошептала она. — Если бы он еще был не красный и у меня было их два — для обоих глаз...

— Я как раз работаю над таким приспособлением, но еще не нашел подходящего стекольщика.

Фенолио опустился на один из стульев, стоявших между пюпитрами. На их спинках красовался старый герб — лев, не плачущий горючими слезами. Истертая кожа сидений красноречиво свидетельствовала о том, сколько времени проводил здесь Жирный Герцог, пока горе не заставило его разлюбить даже книги.

— Стекольщик? Зачем? — Виоланта взглянула на Фенолио сквозь берилл. Казалось, один глаз у нее из огня.

— Стекло можно отшлифовать так, что оно поможет вашим глазам

намного лучше, чем камень. Но стекольщики в Омбре никак не могут понять, чего я от них хочу.

— Да, я знаю, здесь только каменотесы и скульпторы по-настоящему разумеют свое ремесло. Бальбулус утверждает, что к северу от Непроходимой Чащи даже приличного переплетчика не найдешь.

«Переплетчика я бы вам могла подыскать», — невольно подумала Мегги, и на мгновение ей до боли захотелось, чтобы Мо оказался здесь.

Уродина снова уставилась в свою книгу.

— Во владениях моего отца есть отличные стекольщики, — сказала она, не поднимая головы. — Он велел застеклить несколько окон в своем замке. Для этого ему пришлось продать в солдаты сотню крестьян.

Цена казалась ей, видимо, очень сходной.

«Не нравится она мне», — подумала Мегги, бродя от пюпитра к пюпитру. Переплеты лежавших на них книг были редкостной красоты, и ей страшно хотелось спрятать хоть одну себе под платье, чтобы спокойно рассмотреть потом в комнате Фенолио, но цепи были вделаны прочно.

— Не спеши, смотри что хочешь!

Уродина обратилась к ней так неожиданно, что Мегги вздрогнула.

Виоланта все еще держала у глаза красный камень, который невольно напомнил Мегги кроваво-красное украшение, сверкавшее в носу Змееглава. Дочь, наверное, и сама не знает, как много в ней от отца.

— Спасибо! — пробормотала Мегги, открывая одну из книг.

Ей вспомнился день, когда Мо впервые показал ей, как открываются старинные переплеты. «Попробуй, Мегги, открой!» — сказал он, указывая на книгу, чьи деревянные створки были заперты латунной застежкой. Она растерянно посмотрела на него, а он подмигнул ей и с силой ударил кулаком по краю между застежками. Они распахнулись, как маленькие рты, и книга открылась.

Книга, которую открыла Мегги в библиотеке Жирного Герцога, совсем не казалась старой. На пергаменте не было пятен плесени, ни жук, ни книжный червь не касались ее страниц, в отличие от книг, которые обычно реставрировал Мо. Время было немилосердно к пергаменту и бумаге, слишком много у них было врагов, и тело книги увядало с годами, как и человеческое. «Вот мы и видим, Мегги, — говорил ей Мо, — что книга — это живое существо». Если бы она могла показать ему то, что видела тут!

Она бережно переворачивала страницы и все же не могла до конца сосредоточиться, потому что ветер доносил со двора голос Фариды, словно клочок другого мира. Мегги защелкнула застежки переплета, прислушиваясь к тому, что происходило под окнами. Фенолио и Виоланта

все еще говорили о неискусных переплетчиках, не обращая на нее ни малейшего внимания. Мегги подошла к одному из занавешенных окон и выглянула из-за гардины. Она увидела обнесенный стеной сад, грядки, покрытые цветами, словно радужной пеной, и Фарида, стоявшего между ними и жонглировавшего огнем, совсем как Сажерук, когда она впервые увидела его огненное представление в саду у Элинора. Перед тем, как он ее предал...

Якопо весело смеялся и хлопал в ладоши. Он испуганно отпрянул, когда Фарид заставил факелы крутиться огненными колесами. Мегги невольно улыбнулась. Да, Сажерук действительно многому его научил, хотя пламя взлетало у Фариды еще не так высоко, как у его учителя.

— Книги? Да нет же, говорю вам, Козимо никогда сюда не заходил!

Голос Виоланты вдруг зазвучал резко, и Мегги обернулась.

— Он не видел ничего хорошего в книгах. Он любил собак, мягкие сапоги, быстрого коня... бывали даже дни, когда он любил своего сына. Но я не хочу о нем говорить.

С улицы снова донесся смех. Брианна тоже подошла к окну.

— Этот мальчишка — отличный огнеглотатель, — сказала она.

— Правда? — Ее госпожа подняла на девушку близорукие глаза. — Я думала, ты не любишь огнеглотателей. Ты вечно говоришь, что они ничего не умеют.

— Нет, этот правда хорош. Куда лучше Коптемаза. — Голос Брианны звучал хриловато. — Я его еще на празднике заметила.

— Виоланта! — сказал Фенолио с плохо скрытым нетерпением. — Время ли теперь говорить о мальчишке, жонглирующем огнем? Козимо не любил книг, это бывает, но вы все же могли бы рассказать мне о нем побольше!

— Зачем? — Уродина снова поднесла к глазу берилл. — Оставьте наконец Козимо в покое, он умер! Мертвые не могут оставаться среди живых. Почему никто здесь не хочет этого понять? А если вы надеетесь услышать о какой-то его тайне — у него не было тайн! Он мог часами рассуждать об оружии. Он любил огнеглотателей, метателей ножей и бешеный галоп в ночи. Он ходил смотреть, как кузнец кует мечи, он часами фехтовал со стражей на дворе, пока не овладевал всеми приемами не хуже их самих, но если ему приходилось слушать песни шпильманов, он начинал зевать после первой же строфы. Ему бы не понравились стихи, которые вы о нем написали. Возможно, песни о разбойниках пришлись бы ему по вкусу, но что слова могут быть, как музыка, что сердце от них начинает биться быстрее... этого он просто не понимал! Даже казни

интересовали его больше, чем стихи, хотя он никогда не был таким любителем этого зрелища, как мой отец.

— Неужели? — В голосе Фенолио звучало удивление, но отнюдь не разочарование. — Бешеный галоп в ночи... — пробормотал он. — Быстрые кони... Почему бы и нет?

Уродина отвернулась от него.

— Брианна! — позвала она. — Возьми вот эту книгу. Если я скажу Бальбулусу несколько лестных слов о его миниатюрах, он, наверное, позволит нам взять ее на время с собой.

Служанка с отсутствующим выражением взяла книгу и снова подошла к окну.

— Но народ его любил, правда? — Фенолио поднялся со стула. — Козимо был добр с простыми людьми — крестьянами, бедняками... комедиантами...

Виоланта провела ладонью по родинке на щеке.

— Да, его все любили. Он был очень красив — как было его не любить? Но что до крестьян... — Она устало потерла близорукие глаза. — Знаете, что он о них всегда говорил? «Ну почему они все такие уроды? Безобразные лица, безобразная одежда...» Когда они являлись к нему со своими тяжбами, Козимо честно старался быть справедливым, но ему было смертельно скучно. Он каждый раз не мог дождаться, когда все это кончится и можно будет снова идти к отцовским солдатам, к лошадям, к собакам...

Фенолио молчал. Лицо у него было такое растерянное, что Мегги стало его жалко. «Может быть, он теперь не захочет, чтобы я его вычитала?» — подумала она и на секунду почувствовала странное разочарование.

— Пойдем, Брианна! — приказала Уродина, но служанка не двинулась с места.

Она зачарованно смотрела вниз, на двор, как будто никогда в жизни не видывала огнеглотателя.

Виоланта, нахмурившись, подошла к ней.

— На что ты так уставилась? — спросила она, выглядывая в окно.

— Он... он делает из огня цветы, — пролепетала Брианна. — Сначала они у него как золотые почки, а потом расцветают, как настоящие цветы. Я такое уже видела однажды... когда была совсем маленькая...

— Замечательно. Но нам пора идти.

Уродина круто повернулась и направилась к двери. У нее была необычная осанка — потупленная голова и гордо выпрямленная спина.

Брианна бросила последний взгляд на двор и поспешила за своей госпожой.

Когда они вышли в мастерскую, Бальбулус растирал краски — голубую для неба, красно-коричневую и бурую для земли. Виоланта что-то зашептала ему на ухо. Вероятно, это были похвалы. Она показала на книгу, которую несла Брианна.

— Я прощаюсь с вами, ваша светлость! — сказал Фенолио.

— Да-да, идите! — ответила она. — И когда в следующий раз придете меня навестить, не задавайте мне вопросов о моем покойном муже, а лучше принесите одну из песен, которые вы пишете для комедиантов! Они мне очень нравятся, в особенности о том разбойнике, что не дает спокойно жить моему отцу. Как там его зовут? Ах да — о Перепеле.

Фенолио слегка побледнел под темным загаром.

— Почему... Почему вы думаете, что я автор этих песен?

Уродина рассмеялась:

— Вы, видимо, забыли, что я дочь Змееглава? У меня, разумеется, есть осведомители. Вы испугались, что я расскажу отцу, кто пишет эти песни? Не беспокойтесь, мы с ним не так много разговариваем. И потом, его гораздо больше интересует человек, о котором идет речь в этих песнях, чем тот, кто их написал. И все же, будь я на вашем месте, я бы пока оставалась по эту сторону Чащи.

Фенолио поклонился с вымученной улыбкой.

— Я запомню совет вашей светлости, — сказал он.

Окованная железом дверь тяжело захлопнулась за ними.

— Проклятие! — пробормотал Фенолио. — Проклятие, проклятие!

— А что такое? — Мегги с тревогой посмотрела на него. — Ты о том, что она сказала о Козимо?

— Ерунда! Не в этом дело! Если Виоланта знает, кто пишет песни о Перепеле, то уж Змееглаву это тем более известно. У него осведомителей куда больше, чем у нее. А если он не захочет оставаться по ту сторону Чащи? Ну ладно, может быть, мы еще успеем что-нибудь предпринять...

— Мегги, — прошептал он, ведя ее вниз по узкой винтовой лестнице, — я ведь как-то говорил тебе, что написал Перепела с одного человека. Угадай, с кого? — Он выжидательно посмотрел на нее. — Понимаешь, я люблю брать для своих персонажей образцы из жизни, — продолжал он заговорщическим тоном. — Не все писатели так делают, но у меня они получаются тогда гораздо живее. Я беру от настоящего человека выражение лица, повадки, походку, голос, иногда родинку или шрам, то да се — и персонаж обретает плоть и дыхание, так что всякий, кто о нем

читает или слышит, видит его перед собой, как живого. Для Перепела выбор был невелик. Он должен быть не стар, но и не слишком молод и, конечно, не толст и высокого роста — ведь герой не может быть низеньким толстяком или уродом, то есть в жизни, конечно, может, но не в книге... Нет, мой Перепел должен быть высок и строен и располагать к себе людей...

Фенолио смолк. Сверху слышались торопливые шаги, и над ними на грубо высеченных ступенях показалась Брианна.

— Простите, — сказала она, виновато оглядываясь. Похоже, она выскочила сюда без позволения хозяйки. — Но... этот мальчик... Вы не знаете, кто научил его так жонглировать огнем?

Она смотрела на Фенолио с таким выражением, словно больше всего на свете ей хочется получить ответ и в то же время она боится его услышать.

— Не знаете? — переспросила она. — Не знаете, как зовут этого человека?

— Сажерук, — ответила Мегги вместо Фенолио. — Его научил Сажерук.

И лишь произнеся это имя во второй раз, она поняла, кого напоминает ей лицо Брианны и рыжеватый отлив ее волос.

НЕ ТЕ СЛОВА

*Пусть рыжина тебе и смех мой шалый
Останутся. А прочее — не в счет:
В чем был негодник я иль добрый малый,
Как мертвый лист, течение унесет.*

*Пауль Цех. Баллада о маленьком Флорестане
(подражание Вийону)*

Когда Брианна галопом въехала на двор Роксаны, Сажерук как раз отгонял Пролазу от курятника. При виде дочери у него перехватило дыхание. Она была одета, как дочь богатого купца. С каких пор служанки ходят в таких нарядах? И конь под ней — в драгоценной сбруе, с седлом, расшитым золотом, и такой лоснящейся вороной шерстью, будто ее целый день чистят и гладят три конюха, не меньше — тоже не подходил к здешней обстановке. При ней был солдат, одетый в зеленую с серебром форму. Он равнодушно смотрел на бедный домишко и грядки вокруг. Зато Брианна смотрела только на Сажерука. Она выпятила подбородок, совсем как мать, поправила заколку в волосах и неотрывно смотрела на него.

Если бы он мог исчезнуть, сделаться невидимым! До чего враждебно она глядит на него — одновременно по-взрослому и как обиженный ребенок. Она была очень похожа на мать. Солдат помог ей слезть с коня, напоил животное у колодца и дальше делал вид, что слеп и глух.

Роксана вышла из дому. Приезд дочери был для нее, видимо, такой же неожиданностью, как для Сажерука.

— Почему ты не сказала мне, что он вернулся? — набросилась на нее Брианна.

Роксана открыла было рот и снова закрыла.

«Ну скажи же что-нибудь, Сажерук!»

Куница спрыгнула с его плеча и исчезла за курятником.

— Я попросил ее этого не делать. — Как хрипло звучит его голос. — Я подумал, что лучше скажу тебе об этом сам.

«Но отец у тебя трус, — добавил он про себя, — боится собственной дочери».

Как гневно она на него посмотрела. Совсем как раньше. Только теперь она слишком взрослая, чтобы ударить его кулачком.

— Я видела того юношу, — сказала она. — Он был на празднике, а сегодня жонглировал огнем для Якопо. Он это делает точно, как ты.

Сажерук обнаружил, что за спиной у Роксаны стоит Фарид. Он так и остался там, позади, зато Йехан протиснулся вперед и подбежал к сестре.

— Откуда у тебя такой конь? — спросил он.

— Мне его дала Виоланта за то, что я по ночам беру ее с собой к комедиантам.

— Ты водишь ее к комедиантам? — Голос Роксаны звучал озабоченно.

— А почему бы и нет? Ей там очень нравится. И Черный Принц нам разрешил. — Брианна не поднимала глаз на мать.

Фарид подошел к Сажеруку.

— Что ей здесь надо? — шепотом спросил он. — Это служанка Уродины.

— А еще это моя дочь, — ответил Сажерук.

Фарид ошарашенно уставился на Брианну, но она не обратила на него ни малейшего внимания. Она приехала сюда ради отца.

— Десять лет! — Это звучало как обвинение. — Тебя не было десять лет, а теперь ты просто взял и вернулся? Все говорили, что ты умер! Что Змеглав сгноил тебя в своих застенках! Что поджигатели отвели тебя к нему за то, что ты не хотел выдавать им все свои секреты.

— Я их выдал, — сказал Сажерук без всякого выражения. — Почти все.

«И они ими воспользовались, чтобы устраивать пожары в другом мире, — добавил он про себя. — В другом мире, где не было двери, через которую я мог бы вернуться домой».

— Я видела тебя во сне! — Брианна заговорила так громко, что ее конь испуганно запрядал ушами. — Мне снилось, что латники привязали тебя к столбу и подожгли. Мне это снилось почти каждую ночь! До сегодняшнего дня! Десять лет я боялась ложиться спать — и вот ты здесь, живой и здоровый, как будто ничего не случилось! Где ты был?

Сажерук взглянул на Роксану и увидел в ее глазах тот же вопрос.

— Я не мог вернуться, — сказал он. — Не мог. Я пытался. Поверь мне.

Не те слова. Будь они сто раз правдой, звучали они как ложь. Он всегда это знал. Слова ни к чему не годны. Да, порой они звучат замечательно, но в самый нужный момент бросают тебя в беде. Нужных слов никогда не подберешь, да и где их искать? Ведь сердце немо, как рыба, как бы ни трудился язык, пытаюсь наделить его речью.

Брианна повернулась к нему спиной и зарылась лицом в гриву своего коня, а солдат так и стоял у колодца, притворяясь пустым местом.

«Да, я бы сейчас тоже не прочь стать пустым местом», — подумал Сажерук.

— Это правда! Он не мог вернуться! — Фарид выступил вперед, словно желая его защитить. — Оттуда не было сюда пути! Сажерук говорит чистую правду! Он был совсем в другом мире — таком же настоящем, как этот. Миров очень много, они все разные, и все записаны в книгах!

Брианна повернулась к нему.

— Я что, похожа на маленькую девочку, которая верит в сказки? — с презрением спросила она. — Раньше, когда отец, бывало, исчезал так надолго, что мама вставала по утрам с красными заплаканными глазами, другие комедианты тоже рассказывали мне про него разные истории. Что он говорит с феями, что он сейчас у великанов, что он ищет на дне моря такой огонь, который не может затушить даже вода. Я и тогда не верила в эти рассказы, но они мне нравились. Теперь они мне не нравятся. Я уже не маленькая. Давно. Помоги мне подняться в седло! — приказала она солдату.

Тот молча повиновался. Йехан уставился на меч, висевший у солдата на поясе.

— Оставайся обедать! — сказала Роксана.

Но Брианна лишь молча покачала головой и вскочила в седло. Солдат подмигнул Йехану, не спускавшему глаз с меча. И они поскакали прочь на своих конях, казавшихся слишком большими для узкой каменистой тропы, ведущей ко двору Роксаны.

Роксана увела Йехана в дом, а Сажерук так и стоял у курятника, пока всадники не скрылись за холмами.

Когда Фарид наконец нарушил молчание, голос у него дрожал и срывался от возмущения:

— Ты ведь правда не мог вернуться!

Сажерук пожал плечами, по-прежнему глядя вслед дочери.

— Мне иногда самому кажется, что все это был сон, — пробормотал

он.

За их спинами раздалось тревожное кудахтанье.

— Черт, да где ж этот Пролаза? — Сажерук распахнул дверь курятника.

Белая курица метнулась мимо него на двор, а еще одна лежала в соломе с окровавленными перьями. Возле нее сидела куница.

— Пролаза! — зашипел Сажерук. — Проклятая тварь, говорил же я тебе: не смей трогать кур!

Куница подняла голову.

К окровавленной мордочке прилипли перья. Зверек распрямился, поднял пушистый хвост, подошел к Сажеруку и стал тереться о его ноги, как кошка.

— Нет, ты только погляди! — прошептал Сажерук. — Привет, Гвин. Его смерть вернулась.

НОВЫЕ ХОЗЯЕВА

*Угасает мирно царь,
Ибо знает: впредь, как встарь,
Самовластье на престоле
Будет чернь держать в неволе.*

Генрих Гейне. Царь Давид[\[10\]](#)

Жирный Герцог умер на следующий день после того, как Мегги приходила с Фенолио в замок. Он скончался на рассвете, а три дня спустя Омбру заняли латники. Мегги была с Минервой на рынке, когда они въехали в город. После смерти свекра Виоланта велела выставить двойную стражу у городских ворот, но латников было столько, что стражники пропустили их в город без малейшего сопротивления. Во главе их ехал Свистун со своим серебряным носом, похожим на клюв, блестящим так, словно он его специально отполировал для такого случая. Узкие улочки гудели от цоканья подков, а на рынке внезапно стало тихо. Выкрики торговцев, голоса женщин, теснившихся у лотков, — все смолкло в мгновение ока, когда Свистун придержал коня, неодобрительно глядя на толпу.

— Дорогу! — крикнул он.

У него был странный глухой голос, а впрочем, как еще может звучать голос, когда у человека нет носа?

— Дорогу посланцам Змееглава! Мы пришли сюда, чтобы отдать последний долг умершему герцогу и приветствовать на троне его внука и наследника!

Все молчали, но вдруг раздался одинокий голос:

— По четвергам в Омбре базарный день, так заведено испокон веку, но если их высокородия спешатся, они смогут пройти, куда им нужно!

Свистун попытался разглядеть говорившего, но тот исчез среди массы обращенных к пришельцам лиц. Толпа одобрительно загудела.

— Ах вот как! — крикнул Свистун в этот неясный гул. — Вы думаете, мы ехали через проклятую Чашу для того, чтобы здесь сойти с коней и протискиваться пешком сквозь толпу вонючих смердов? Без кота мышам раздолье. Но я привез вам новости. В вашем жалком городишке снова появился кот, и когти у него поострее, чем у прежнего!

И он без дальних слов повернулся в седле, поднял руку в черной перчатке, подавая знак своим всадникам, и погнал коня прямо на толпу.

Тяжелая тишина, повисшая было над рынком, разорвалась с треском, как полотняная простыня. Среди домов раздались крики. Из прилегающих улиц выезжало все больше закованных в броню всадников, похожих на железных ящеров, с опущенными забралами, из-под которых виднелись одни рты да поблескивающие в прорезях глаза. Бряцали шпоры, звенели поножи и латы, начищенные до такого блеска, что в них, как в зеркалах, отражались перепуганные лица. Минерва оттащила своих детей с дороги, Деспина споткнулась, Мегги хотела ей помочь, но поскользнулась на покотившемся под ноги капустном кочане и упала. Незнакомый человек успел поднять ее прежде, чем Свистун растоптал ее своим конем. Мегги услышала лошадиное фыркание над самым ухом, почувствовала, как шпоры вонзаются ей в плечо. Она метнулась за опрокинутый прилавок горшечника, где оказалась в безопасности, хотя и порезала руки осколками. Дрожа, сидела она среди побитой посуды, расколотых бочек, порванных мешков и беспомощно наблюдала, как топчут копытами тех, кому повезло меньше, чем ей. Многим всадники еще наподдавали коленом или древком копья. Лошади пугались, становились на дыбы и разбивали копытами горшки и головы.

А потом они вдруг исчезли так же внезапно, как появились. Лишь дробь копыт доносилась с поднимавшейся к замку улицы. Казалось, по площади пронесся ураган, жестокий ураган, разбивший горшки и черепа. Мегги выползла из-за бочек. В воздухе висел страх. Крестьяне собирали свои разбросанные и раздавленные овощи, матери утирали детям слезы с лица и кровь с коленок, женщины оторопело смотрели на осколки посуды, которую собирались продать, — а потом снова стало тихо. Тишина. Голоса, ругавшие латников, звучали тихо. Плач и стоны тоже были почти беззвучными. К Мегги подошла Минерва с Деспиной и Иво.

— Что ж, у нас, похоже, новый хозяин, — с горечью сказала она,

помогая Мегги подняться. — Пожалуйста, отведи детей домой. Я останусь тут, посмотрю, чем можно помочь. Костей, конечно, переломали много, но один-другой костоправ на рынке, слава богу, всегда найдется.

Мегги молча кивнула. Она сама не знала, что сейчас чувствует. Страх? Злость? Отчаяние? Похоже, в языке нет слова, которое описывало бы ее состояние. Она взяла Деспину и Иво за руки и побрела с ними к дому. Колени у нее болели, она прихрамывала, но шла так быстро, что дети с трудом поспевали за ней.

— Сейчас же! — Это были первые слова, которые она произнесла, доковыляв до каморки Фенолио. — Давай читать сейчас же. Сию минуту!

Голос у нее дрожал, и израненные колени тоже дрожали так, что она прислонилась к стене. Все в ней дрожало.

— Что случилось?

Фенолио сидел за конторкой перед густо исписанным листом пергамента. Рядом с ним стоял Розенкварц, держа в руке влажное от чернил перо, и ошалело глядел на Мегги.

— Мы должны читать немедленно! — крикнула она. — Скорее! Они ехали прямо по людям!

— А, латники уже здесь! Ну что ж, я ведь говорил тебе, что нам надо поторапливаться. А кто их привел? Огненный Лис?

— Нет, Свистун.

Мегги присела на кровать. Страх вдруг снова смыл все другие чувства, как будто она все еще стоит на коленях среди разбитых лотков, как будто гнев ее сдулся, как воздушный шарик.

— Их там так много! — прошептала она. — Слишком поздно! Что Козимо сможет с ними сделать?

— Ну, это уж моя забота! — Фенолио взял из рук стеклянного человечка перо и снова принялся писать. — У Жирного Герцога тоже немало солдат, и, если появится Козимо, они пойдут за ним. Конечно, лучше бы ты вычитала его, пока его отец был жив. Жирный Герцог поторопился умереть, но тут уже ничего не изменишь. Изменить можно другое.

Он наморщил лоб, перечитывая написанное, одно слово зачеркнул, другое добавил и кивнул стеклянному человечку:

— Песку, Розенкварц, и поживее!

Мегги приподняла платье и поглядела на свои разбитые коленки. Одна уже начала опухать.

— А ты уверен, что с Козимо действительно станет лучше? — тихо спросила она. — По рассказам Уродины на это не похоже.

— Ну конечно, с ним станет лучше! Что за вопрос! Козимо на стороне добра. Он всегда принадлежал к хорошим, что бы там ни рассказывала Виоланта. Кроме того, ты ведь вычитаешь его в новом варианте. В улучшенном, так сказать.

— Но... разве обязательно нужен новый герцог?

Мегги утерла рукавом заплаканные глаза.

В ушах у нее все еще звучал лязг доспехов, фыркание и ржание лошадей и крики людей, не закованных в латы.

— Что может быть лучше герцога, который будет исполнять нашу волю? — Фенолио взял новый лист пергамента. — Еще несколько строк, совсем чуть-чуть. О черт! Я ненавижу писать на пергаменте. Надеюсь, ты припас еще бумаги, Розенкварц?

— Конечно, — обиженно ответил стеклянный человечек. — Но новых поставок давно не было, бумагопрядильня-то у нас по ту сторону Чащи.

— Да, к сожалению. — Фенолио поморщился. — Вот уж действительно незадача.

— Фенолио, да послушай же ты меня! Почему бы нам не вычитать вместо Козимо этого разбойника? — Мегги снова прикрыла колени платьем. — Ну, разбойника из твоих песен! Перепела.

Фенолио рассмеялся:

— Перепела? Вот это мысль! Хотел бы я посмотреть на твое лицо в этот момент! Но шутки в сторону! Нет, нет и нет! Разбойник не может управлять государством, Мегги. Робин Гуд тоже не стал королем. И даже Черного Принца я не могу посадить на трон Жирного Герцога. Они годятся лишь на то, чтобы возмущать спокойствие. В этом мире правят князья и герцоги, а не разбойники, комедианты или крестьяне. Так уж он у меня устроен. Поверь мне — без герцога нам не обойтись.

Розенкварц заточил новое перо, обмакнул в чернила, и Фенолио снова с головой ушел в работу.

— Да! — слышала Мегги его шепот. — Да, так оно звучит просто отлично. Вот Змееглав удивится. Он вообразил себе, что может хозяйничать в моем мире, как ему вздумается, но он ошибается. Он сыграет ту роль, которую я ему отвел, и не более того.

Мегги поднялась с кровати и, хромя, подошла к окну. Снова пошел дождь, небо плакало так же беззвучно, как люди на рынке. А наверху над замком уже развевался флаг Змееглава.

КОЗИМО

— Я — чародей, — ответил Аборсен, — но не совсем обычный. Другие чародеи пробуждают мертвых, а я дарую им вечный покой.

Гарт Никс. Сабриэль

Когда Фенолио наконец отложил перо, уже стемнело. На улице было тихо. Тишина стояла весь день, похоже, люди попрятались у себя в домах, как мыши, завидевшие лисицу.

— Готово? — спросила Мегги, когда Фенолио откинулся на спинку стула, протирая усталые глаза.

Голос у нее был усталый и испуганный, не верилось, что он способен пробудить к жизни молодого герцога. Но ведь однажды она уже вычитала чудовище из слов Фенолио. Правда, это было давно, и последние слова за нее тогда прочитал Мо.

Мо. После событий на рынке Мегги с новой силой почувствовала, как ей его не хватает.

— Да, готово! — Фенолио был так же доволен собой, как в деревне Каприкорна, когда они с Мегги впервые объединились, чтобы изменить им же написанную историю.

Тогда все закончилось благополучно, но на этот раз... На этот раз они сами находятся внутри истории, которую собираются изменить. Усилит это силу слов Фенолио или ослабит? Мегги рассказала ему о правиле Орфея — о том, что лучше использовать только те слова, которые уже есть в книге, но Фенолио насмешливо помотал головой:

— Чушь! Вспомни оловянного солдатика, для которого мы написали счастливый конец. Я и думать не думал тогда проверять, встречаются ли

все мои слова в его истории. Нет. Может быть, это верно для таких, как Орфей, — наглецов, переделывающих чужие истории, но уж конечно не для автора, который решил изменить что-то в собственной книге!

— Будем надеяться.

В рукописи Фенолио было много исправлений, но почерк у него действительно стал разборчивей. Мегги пробежала глазами по строкам. Да, на этот раз он потрудился сам, не заимствуя слов у другого поэта...

— Хорошо получилось, правда?

Он макнул кусок хлеба в похлебку, которую Минерва принесла им уже несколько часов назад, и выжидательно посмотрел на Мегги. Похлебка, конечно, давно остыла — они оба не могли тогда и думать о еде. Только Розенкварц съел немного. От этого все его тело стало другого цвета, и Фенолио вырвал у него из рук крошечную ложку, поинтересовавшись, неужели он не придумал другого способа самоубийства.

— Прекрати, Розенкварц! — строго повторил он теперь, когда стеклянный человечек потянулся прозрачным пальчиком к его тарелке. — Я же сказал, хватит! Ты сам знаешь, что тебе делается плохо от человеческой еды. Мне что, опять придется нести тебя к цирюльнику, который в прошлый раз обломил тебе нос?

— Такая тоска всю жизнь питаться одним песком, — проворчал человечек, обиженно отдергивая палец. — А ты мне еще приносишь самый невкусный!

— Неблагодарная ты тварь! — откликнулся Фенолио. — Я специально хожу за ним вниз к реке. Последний раз русалки чуть не затащили меня в воду. Я из-за тебя едва не утонул!

На стеклянного человечка это, похоже, не произвело никакого впечатления. Он недовольно уселся возле кувшина с перьями, закрыл глаза и притворился спящим.

— Двое у меня от этого уже померли! — прошептал Фенолио на ухо Мегги. — Они не могут оторваться от нашей еды, бестолковые создания.

Но Мегги его не слушала. Она присела с пергаментом на кровать и внимательно прочла исписанные листки от первого до последнего слова. Капли дождя залетали в комнату, словно хотели напомнить ей о той ночи, когда она впервые услышала о книге Фенолио, а Сажерук стоял на улице под проливным дождем... На празднике в замке Сажерук выглядел счастливым. И Фенолио был счастлив здесь, и Минерва, и ее дети... Так должно быть и дальше. «Я буду читать ради них всех! — думала Мегги. — Ради комедиантов, чтобы Змееглав не вешал их за насмешливые песни, и ради крестьян на рынке, чьи овощи подавили конскими копытами».

А Виоланта? Обрадуется она возвращению мужа? Заметит ли она, что Козимо подменили? Жирному Герцогу ее голос уже не поможет. Он так и не узнает, что его сын вернулся.

— Ну скажи что-нибудь! — робко попросил Фенолио. — Тебе что, не нравится?

— Нравится. Ты очень хорошо написал.

Фенолио облегченно вздохнул:

— Тогда чего ты ждешь?

— Тут про это ее родимое пятно, прямо не знаю... звучит как колдовство.

— Да брось. По-моему, это просто романтика, а она никогда не повредит.

— Ну, если ты так считаешь... В конце концов, ты автор. — Мегги пожала плечами. — Но вот еще что: кто исчезнет отсюда за Козимо?

Фенолио побледнел:

— Господи помилуй! Об этом я совсем забыл. Розенкварц, прячась скорее в свое гнездышко! — повернулся он к стеклянному человечку. — Феи, к счастью, все разлетелись.

— Но это же не помогает, — тихо сказала Мегги, глядя, как Розенкварц забирается в брошенное феями гнездо, где он иногда спал и куда уходил, в очередной раз обиравшись на Фенолио. — Прятаться совершенно бесполезно.

С улицы раздалось цоканье копыт. Под окном проехал латник. Очевидно, Свистун хотел, чтобы жители Омбры и по ночам не забывали, кто тут теперь хозяин.

— Мегги, это знак! — прошептал Фенолио. — Если этот исчезнет, никто о нем горевать не будет. И потом, почему ты так уверена, что кто-нибудь непременно исчезнет? Ведь это получается, наверное, потому, что, когда вычитываешь кого-нибудь, в его собственной истории остается пробел, который нужно заполнить. А у нашего нового Козимо никакой собственной истории нет! Он будет впервые создан здесь и сейчас, из этих самых слов!

Что ж, Фенолио, наверное, прав.

Голос Мегги смешался с цоканьем копыт.

— «Этой ночью в Омбре было тихо, — читала она. — Раны, нанесенные латниками, еще не затянулись, а многие не затянутся никогда».

Она вдруг забыла страх, терзавший ее утром, и чувствовала лишь гнев — гнев на этих мужчин, закованных в латы, толкавших женщин и детей в спину острым носком железного башмака. Гнев вернул ее голосу силу,

звучность, способность пробуждать к жизни.

«Двери и ставни были заперты на засовы, и за ними плакали дети — так тихо, словно сам страх зажимал им рот. А родители в это время, неподвижным взглядом уставившись в ночь, со страхом спрашивали себя, какое мрачное будущее готовит им новый хозяин. Но вдруг на улице сапожников и седельщиков раздалось цоканье копыт...»

Как легко шли сейчас слова у нее с языка — словно только того и ждали, чтобы их прочли, пробудили к жизни именно этой ночью.

«Люди бросились к окнам. Они испуганно выглядывали наружу, ожидая увидеть одного из латников, а то и самого Свистуна с его серебряным носом. Но по дороге к замку скакал совсем другой всадник, хорошо им знакомый. И все же они бледнели при его виде. Неожиданный гость, появившийся в Омбре в ту бессонную ночь, был вылитый их правитель Козимо Прекрасный, уже целый год покоившийся в мраморном саркофаге. Он поднимался на белом коне к замку, прекрасный, как в песнях, что пелись о Козимо. Он въехал в ворота, над которыми развевалось знамя Змееглава, и придержал коня на пустом среди ночи дворе. И все, кто увидел тогда в лунном свете высокую стройную фигуру на белом коне, поверили, что Козимо не умирал. Слезы и страх покинули город. Народ Омбры ликовал, и из самых отдаленных деревень съезжались люди взглянуть на двойника покойного принца, перешептываясь: „Козимо вернулся. Козимо Прекрасный. Он вернулся, чтобы занять престол своего отца и защитить Омбру от Змееглава“. Так и случилось. Ночной всадник воссел на троне, и родимое пятно на лице Уродины побледнело. А Козимо Прекрасный призвал к себе придворного поэта, которого жаловал его отец, и стал спрашивать его совета во всех делах, потому что был наслышан о мудрости старика. Так началась великая эпоха».

Мегги опустила пергамент на колени. *Великая эпоха...*

Фенолио бросился к окну. Мегги тоже слышала цоканье копыт, но не тронулась с места.

— Это он! — прошептал Фенолио. — О, Мегги, он приближается, слышишь!

Но Мегги по-прежнему сидела неподвижно и смотрела на исписанный листок у себя на коленях. Ей мерещилось, что слова дышат. Плоть из бумаги, кровь из чернил... Она вдруг ощутила усталость, такую усталость, что путь до окна казался непосильно долгим. Так чувствует себя ребенок, который тайком от всех забрался в подпол и дрожит там от страха. Если бы Мо был рядом...

— Сейчас! Сейчас он поедет мимо нас! — Фенолио так высунулся из

окна, будто хотел выпрыгнуть на улицу.

Хорошо хоть *он* никуда не делся — не исчез, как в тот раз, когда она вызвала Призрака. «Впрочем, куда ему теперь исчезать? — подумала Мегги. — Похоже, история теперь только одна — эта история, история Фенолио, без начала и без конца».

— Мегги! Ну иди же сюда! — Фенолио возбужденно махал рукой, подзывая ее к окну. — Ты читала замечательно, просто замечательно! Ты, я думаю, и сама это знаешь. Некоторые фразы получились у меня не лучшим образом, кое-что хромало, и все вместе могло бы быть и красочнее, но какая разница! Оно подействовало. Точно подействовало!

Раздался стук.

Кто-то стучался в дверь. Розенкварц высунул встревоженное личико из своего гнезда, а Фенолио обернулся недовольно и испуганно.

— Мегги? — послышался шепот. — Мегги, ты здесь?

Голос Фарида.

— Что ему тут надо? — Фенолио не слишком прилично выругался. — Скажи ему, чтоб катился ко всем чертям! Только его тут не хватало. О, смотри! Вот он едет! Мегги, ты настоящая волшебница!

Цоканье копыт стало громче. Но Мегги не пошла к окну. Она бросилась к двери. Там стоял Фарид. Вид у него был подавленный. Похоже, он перед этим плакал.

— Гвин, Мегги... Гвин вернулся, — выдавил он из себя. — Не понимаю, как он меня нашел! Я в него даже камнем кинул.

— Мегги, да где же ты? — В голосе Фенолио звучало крайнее раздражение.

Она молча взяла Фарида за руку и потащила за собой к окну.

По улице ехал на белом коне черноволосый всадник с юным прекрасным лицом, как у статуй в замке. Только глаза были не мраморно-белые, как у статуй, а темные, как и волосы, и живые. Он озирался по сторонам, словно очнувшись от сна, не похожего на то, что он видел сейчас вокруг.

— Козимо! — ошарашенно прошептал Фарид. — Мертвый Козимо!

— Ну, не совсем, — откликнулся Фенолио. — Во-первых, он не мертвый, как нетрудно заметить, во-вторых, это не *тот* Козимо, а новый, новехонький с иголочки, которого мы с Мегги только что создали. Но об этом, конечно, кроме нас, никто не догадается.

— Даже его жена?

— Ну, она, может быть, что-то и заметит. Но кому до этого дело? Она почти не выходит из замка.

У самого дома Минервы Козимо придержал коня. Мегги невольно отпрянула от окна.

— А сам он? — шепотом спросила она. — Сам он кем себя считает?

— Что за вопрос? Конечно, он считает себя Козимо! — раздраженно ответил Фенолио. — Не сбивай меня с толку, пожалуйста. Наша задача только в том, чтобы моя история развивалась так, как я ее задумал, — не больше и не меньше.

Козимо повернулся в седле и посмотрел на улицу, по которой приехал, — как будто он что-то потерял и не может вспомнить что. Потом легонько щелкнул языком и погнал коня дальше, мимо мастерской мужа Минервы и домишка, где жил цирюльник, которого Фенолио вечно ругал за неумелое лечение зубов.

— Это нехорошо. — Фарид отпрянул от окна, точно мимо них проезжал сам дьявол. — Вызывать мертвых приносит несчастье.

— Да не умирал он никогда, сколько раз тебе говорить! — накинулся на него Фенолио. — Сколько можно объяснять? Он только сегодня родился из моих слов и голоса Мегги, так что не болтай ерунды. Чего ты вообще сюда явился? С каких пор к порядочным девушкам приходят в гости среди ночи?

Фарид залился краской. Потом молча повернулся и пошел к двери.

— Оставь его в покое! Он может приходить ко мне, когда захочет! — набросилась Мегги на Фенолио.

Лестница была скользкой от дождя, и она догнала Фариду лишь на последней ступеньке. Вид у него был очень грустный.

— Что ты сказал Сажеруку? Что Гвин пришел вместе с нами?

— Нет, у меня не хватило духу. — Фарид прислонился к стене и закрыл глаза. — Ты бы видела его лицо, когда он обнаружил куницу. Как ты думаешь, Мегги, Сажерук теперь правда погибнет?

Она провела рукой по щеке Фариды. Он и вправду плакал. Мегги почувствовала под пальцами высохшие слезы.

— Предупреждал же Сырная Голова, — Мегги с трудом разбирала его шепот, — что я принесу ему несчастье.

— Ну что ты говоришь! Сажерук должен радоваться, что у него есть ты!

Фарид поднял глаза на небо, с которого все еще накрапывал дождь.

— Мне пора возвращаться, — сказал он. — Я за этим и пришел — сказать тебе, что останусь пока у Сажерука. Я теперь должен его охранять, понимаешь? Я не отойду от него ни на шаг, и с ним тогда ничего не случится. Зато ты можешь меня навещать в усадьбе Роксаны. Мы почти все

время там. Сажерук в нее по уши влюблен и не расстанется с ней ни на минуту. Только и слышно Роксана да Роксана.

В голосе Фарида звучала нескрываемая ревность.

Мегги понимала, что он сейчас чувствует. Она хорошо помнила первые недели в доме Элинора, свое сердечное смятение, когда Мо на долгие часы уходил гулять с Резой, даже не спросив, не хочет ли она пойти с ними, то чувство, которое она испытывала, стоя перед закрытой дверью, из-за которой доносился смех отца, обращенный не к ней, а к ее матери. «Ну что ты так на них смотришь?» — спросила Элинора, увидев однажды, как она наблюдает за родителями, прогуливающимися по саду. — «Ведь половина его сердца по-прежнему принадлежит тебе. Неужели этого мало?» Ей было так стыдно. Фарид хотя бы ревнует к чужой женщине, а она — к собственной матери...

— Мегги, прошу тебя! Я должен быть рядом с ним. Иначе кто будет его оберегать? Роксана? Она ничего не знает о кунице, и все равно...

Мегги отвернулась, чтобы не показать своего разочарования. Проклятая куница! Она рисовала носком сапога круги по мокрой от дождя земле.

— Ты придешь, правда? — Фарид взял ее за руки. — У Роксаны на грядках растут разные удивительные травы, а еще у нее есть гусь, который воображает себя собакой, и старая лошадь. Йехан, ее сын, уверяет, что у них в доме живет линчетто — понятия не имею, что это такое, но Йехан уверяет, что на него надо пукнуть, тогда он убежит. Йехан, конечно, еще совсем малыш, но мне кажется, он тебе понравится.

— Это сын Сажерука? — Мегги заложила прядь волос за ухо и попыталась улыбнуться.

— Нет, но представляешь, Роксана думает, что я — его сын! Подумать только! Мегги, прошу тебя, приходи к Роксане, ладно?

Фарид положил ей руки на плечи и поцеловал прямо в губы. Кожа у него была влажная от дождя. Она не отстранилась, и он взял ее лицо в руки и поцеловал еще — в лоб, в нос и снова в губы.

— Ты придешь, правда? Ты обещала! — прошептал он.

А потом повернулся и побежал прочь, легконогий, как всегда, — таким Мегги помнила его с того дня, когда впервые увидела. Уже на бегу он крикнул ей:

— Приходи обязательно! И лучше бы тебе пока пожить у нас. Этот старик — сумасшедший. Нельзя шутить с мертвецами!

И с этими словами исчез в темном проходе, ведущем на улицу, а Мегги прислонилась к стене дома, к тому месту, где только что стоял Фарид, и

провела пальцами по губам, словно желая удостовериться, что они не изменились от его поцелуя.

— Мегги? — Наверху лестницы появился Фенолио с фонарем в руке. — Что ты там делаешь? Мальчишка ушел? Что ему тут понадобилось? Не хватало еще, чтобы он стоял с тобой под лестницей в темноте!

Мегги ничего не ответила. Ей не хотелось ни с кем разговаривать. Она жадно прислушивалась к тому, что говорило ее взбудораженное сердце.

ЭЛИНОР

*Но только стихи, дорогая,
Тебе выбирать и читать:
Лишь музыка голоса может
Гармонию строф передать.
Ночь будет певучей и нежной,
А думы, темнившие день,
Бесшумно шатры свои сложат
И в поле растают, как тень.*

Генри Лонгфелло. Дня нет уж... [\[11\]](#)

Элинор провела в подполе несколько скверных дней и ночей. Утром и вечером Верзила приносил им поесть — по крайней мере, они думали, что это утро и вечер, в случае, если наручные часы Дариуса все еще шли правильно. Когда этот грубо сколоченный мужлан первый раз появился на пороге с хлебом и бутылкой воды, она швырнула ему в голову пластиковую бутылку. Точнее, она метила ему в голову, но амбал вовремя увернулся, и бутылка шмякнулась о стену.

— Больше никогда, Дариус! — прошептала Элинор, когда Верзила с насмешливой улыбкой снова запер дверь. — Никогда больше я не позволю себя запереть. Я поклялась себе в этом, сидя в вонючей клетке, пока поджигатели со своими ружьями вереницей проходили мимо и швыряли мне в лицо горящие окурки. И что же? Теперь я сижу взаперти в собственном подполе.

В первую ночь она поднялась с надувного матраса, от которого у нее болели все кости, и стала швырять об стену жестяные консервные банки.

Дариус тихо сидел на садовой скамье, застеленной одеялом, и смотрел на нее во все глаза. К вечеру второго дня — или это был уже третий? — Элино́р взялась и за стекло — и разрыдалась, поранив пальцы об острые края. Когда Верзила пришел за ней, Дариус как раз сметал в угол осколки.

Дариус хотел пойти с ней, но Верзила так ткнул его в узкую грудь, что бедняга споткнулся и упал прямо на оливки, маринованные помидоры и прочее содержимое разбитых банок.

— Подонок! — рывкнула Элино́р на Верзилу, но тот лишь ухмыльнулся с довольным видом, как ребенок, опрокинувший башню из кубиков, и продолжал напевать, ведя ее в библиотеку.

«Ну и кто будет утверждать, что дурные люди не бывают счастливы?» — думала Элино́р, когда он открыл дверь и кивком велел ей проходить.

Ее библиотека была в ужасном виде. Грязные тарелки и чашки, стоявшие повсюду — на подоконнике, на ковре, даже на витринах с лучшими ее сокровищами, — это еще не самое страшное. Нет! Самое страшное — книги! Все они были вытащены со своих мест и громоздились стопками на полу среди грязных кофейных чашек и на подоконниках. Некоторые валялись раскрытыми, переплетом кверху! У Элино́р не было сил на это смотреть. Неужели эта скотина не знает, что у книг от такого положения ломается позвоночник?

Если Орфей об этом и знал, его это мало беспокоило. Он сидел в ее любимом кресле, перекинув жирные ноги через подлокотник, а рядом развалился мерзкий пес, держа в лапах что-то, подозрительно напоминавшее садовый башмак Элино́р. Его хозяин рассматривал чудесно иллюстрированную книгу о феях, которую Элино́р всего два месяца назад приобрела на аукционе за такую сумму, что Дариус, узнав об этом, закрыл лицо руками.

— Это, — сказала она дрожащим голосом, — чрезвычайно ценная книга.

Орфей повернул к ней голову и улыбнулся, как невоспитанный ребенок.

— Я знаю! — сказал он. — У вас, госпожа Лоредан, много чрезвычайно ценных книг.

— Это правда, — ледяным голосом ответила Элино́р. — И поэтому я не кладу их одну на другую, как коробки с яйцами или ломтики сыра. Каждая должна стоять на своем месте.

Улыбка Орфея стала еще шире. Он захлопнул книгу, предварительно загнув страницу конвертиком. У Элино́р перехватило дыхание.

— Книги — не хрустальные вазы, дорогая моя, — сказал Орфей,

сядаясь в кресле прямо. — Они не такие хрупкие и служат не только для украшения. Это книги! В них важно содержание, а оно никуда не денется, даже если сложить их стопкой.

Он провел ладонью по гладким волосам, словно беспокоясь, на месте ли пробор.

— Сахарок сказал, что вы хотели со мной поговорить?

Элино́р недоуменно взглянула на Верзилу:

— Сахарок?

Верзи́ла улыбнулся, продемонстрировав такой уникальный набор испорченных зубов, что Элино́р больше не задавала вопросов, почему его так прозвали.

— Что ж, это правда. Я уже несколько дней хочу с вами поговорить. Я требую, чтобы вы выпустили из подпола меня и моего библиотекаря. Мне надоело в собственном доме пользоваться ведром вместо туалета и не знать, день сейчас или ночь. Я требую, чтобы вы вычитали назад мою племянницу и ее мужа, которые сейчас по вашей вине подвергаются большой опасности, и еще я требую, чтобы вы не трогали своими жирными пальцами мои книги, черт побери!

Элино́р закрыла рот и принялась в уме обзывать себя всеми плохими словами, какие приходили на ум. Опять! Что ей все время говорит Дариус? Что она сама себе повторяла сотню раз, лежа на проклятом надувном матрасе? Владей собой, Элино́р, не будь дурой, попридержи язык... И все зря. Она снова взорвалась, как слишком туго надутый воздушный шарик.

Орфе́й все еще сидел нога на ногу в кресле и улыбался своей бесстыжей улыбкой.

— Предположим, что я могу вычитать их обратно. Предположим! — Он погладил свою псину по уродливой голове. — Но зачем мне это?

Он провел жирным указательным пальцем по суперобложке той самой книги, в которой только что так варварски загнул страницу.

— Красивая обложка, правда? Может быть, немного безвкусная, я представляю себе фей несколько по-иному, но тем не менее...

— Да, обложка красивая, я знаю, но сейчас меня интересует не это! — Элино́р старалась не срываться на крик, но у нее не очень получалось. — Если вы можете вычитать их обратно, так сделайте это, черт вас подери! Пока еще не поздно. Старуха хочет его убить, разве вы не слышали? Она хочет убить Мортимера!

Орфе́й с равнодушным видом поправил помятый галстук.

— Что ж, он уничтожил сына Мортолы, если я правильно понял. Око за око, зуб за зуб, как сказано в одной довольно известной книге.

— Ее сын был убийцей! — Элино́р сжала кулаки.

Ей хотелось броситься на эту рожу, похожую на луну, вырвать книгу у него из рук, таких мягких и белых на вид, будто они всю жизнь только и делали, что листали книжные страницы. Но Сахарок заступил ей дорогу.

— Да-да, знаю. — Орфей тяжело вздохнул. — Я все знаю о Каприкорне. Книгу, где о нем рассказывается, я прочел несчетное количество раз. Надо признать, что это один из лучших злодеев, каких мне случалось встретить в мире букв. И вот так запросто его убить... Если хотите знать мое мнение, это тоже отчасти преступно. Хотя я рад его смерти — из-за Сажерука.

Если бы она могла ударить хоть разок по этому широкому носу, по улыбающимся губам!

— Каприкорн выкрал Мо с помощью своих людей! Он запер его дочь у себя в доме и долгие годы держал пленницей его жену! — На глазах у Элино́р выступили слезы от беспомощной ярости. — Прошу вас, господин Орфей или как вас там зовут! — Она изо всех сил старалась владеть собой и говорить хоть сколько-то любезно. — Прошу вас! Верните их обоих, а заодно уж и Мегги, пока ее там не растоптал какой-нибудь великан или не проколол копьем стражник!

Орфей откинулся назад и рассматривал Элино́р, как картину на подрамнике. Как нахально он завладел ее креслом! Как будто она никогда и не сидела в нем, разговаривая с Мегги, или, много лет назад, с Резой на коленях, когда та была совсем малышкой. Элино́р подавила гнев. «Не распускайся! — отдала она себе мысленный приказ, не сводя глаз с бледного очкастого лица Орфея. — Держи себя в руках. Ради Мортимера, Резы и Мегги!»

Орфей откашлялся:

— Честно говоря, я вас не очень понимаю. — Он рассматривал свои ногти, обгрызенные, как у мальчишки. — Лично я завидую всей троице!

Элино́р не сразу поняла, о чем он. Лишь на следующей его фразе до нее наконец дошло.

— С чего вы взяли, что они хотят назад? — спросил он тихо. — Окажись я там, я бы ни за что не вернулся обратно! В этом мире нет места, куда меня влекло бы так сильно, как к холму, на котором стоит замок Жирного Герцога. Тысячи раз я бродил по рынку в Омбре и смотрел вверх на башни, на знамена с вышитым львом. Я воображал, будто пробираюсь сквозь Непроходимую Чащу и наблюдаю, как Сажерук ворует мед у огненных эльфов. Я представлял себе комедиантку, которую он любит, — Роксану. Я стоял в крепости Каприкорна и вдыхал запах снадобья, которое

варила Муртола из мухомора и наперстянки. Замок Змееглава мне и по сей день часто снится — то я будто бы сижу в одном из его застенков, то прокрадываюсь с Сажеруком в ворота и смотрю на головы комедиантов, которые Змееглав велел выставить на частоколе, потому что их обладатели исполняли не ту песню... Клянусь всеми буквами на свете! Когда Муртола назвала мне свое имя, я подумал, что передо мной сумасшедшая! Конечно, она и Баста были похожи на тех персонажей, именами которых себя называли, но возможно ли, что кто-то вычитал их из моей любимой книги в наш мир? Разве я не единственный, кто умеет так читать? И только когда в этой пыльной библиотеке с никудышным подбором книг ко мне подошел Сажерук, я поверил. Боже, как у меня забилося сердце, когда я увидел его лицо с тремя бледными шрамами — следами ножа Басты! Оно билось сильнее, чем в тот день, когда меня впервые поцеловала девушка. Это правда был он, печальный герой моей самой любимой книги. И я снова отправил его туда. Но себя самого? Безнадега.

Он рассмеялся — печально и горько.

— Я только надеюсь, что Сажерук все же не погибнет, как ему предназначил этот дурак автор. Нет! С ним все в порядке, ведь Каприкорна больше нет, а Баста просто трус. Вы знаете, что в двенадцать лет я написал этому Фенолио письмо с просьбой изменить сюжет или хотя бы написать продолжение, в котором Сажерук возвращается? Он мне не ответил, и никакого продолжения «Чернильного сердца» не появилось. Так вот.

Орфей тяжело вздохнул.

Сажерук, Сажерук... Элинор поджала губы. Какое ей дело до этого спичкоглота? Спокойно, Элинор, не взрывайся, ты должна сейчас играть умно, умно и взвешенно... Не самая простая задача...

— Послушайте. Если вам в самом деле так хочется попасть в эту книгу... — У нее и правда получилось говорить таким тоном, будто предмет разговора для нее не особенно важен. — Почему бы вам просто не вычитать оттуда Мегги? Мегги знает, как вчитать в книгу самого себя. Она это сделала! И конечно, она сумеет объяснить вам, как это делается, или просто вчитает туда и вас.

Круглое лицо Орфея так резко помрачнело, что Элинор сразу поняла свою ошибку. Как она могла забыть, до чего этот парень самолюбив и тщеславен?

— Никто, — тихо сказал Орфей, угрожающе медленно поднимаясь с кресла, — никто не смеет мне объяснять, как нужно читать, и уж тем более девчонка!

«Ну вот, теперь он запрет тебя обратно в подпол! — подумала

Элино́р. — И что дальше? Ну думай же, Элино́р, поищи в своей дурной голове подходящий ответ! Хоть что-нибудь тебе должно прийти в голову!»

— Конечно! — выдавила она из себя. — Никто, кроме вас, не мог вчитать назад Сажерука. Никто. Но...

— Никаких «но». Слушайте.

Орфей стал в такую позу, словно собирался петь арию на сцене, и взял с кресла книгу, которую прежде так небрежно отбросил. Он открыл ее там, где снежно-белую страницу уродовал заложенный конвертик, облизал губы кончиком языка, как будто им требовалась смазка для большей гибкости, чтобы слова не застревали, — и библиотеку Элино́р вновь заполнил завораживающий, так не подходящий к его внешности голос. Орфей читал, точно пробуя на языке свое любимое блюдо, с наслаждением, с любовью к каждому звуку, как к жемчужине, растворяющейся на языке, к словесным семенам, которые он пробуждал к жизни.

Да, он, наверное, действительно величайший мастер своего искусства. Потому что предается ему с такой страстью.

— «Есть легенда о пастухе, Тудуре из Лланголлена, который встретил однажды целый рой фей, танцевавших под мелодии крошечного скрипача».

За спиной Элино́р раздался тихий струнный звон, она оглянулась, но никого не увидела, кроме Сахарка, который с озадаченным видом слушал чтение Орфея.

— «Тудур попытался сперва сопротивляться волшебным струнам, но в конце концов подкинул вверх шапку, крикнул: „Плясать так плясать, играй громче, старый черт!“ — и присоединился к бешеной пляске».

Звук скрипки становился все громче, и, оглянувшись во второй раз, Элино́р увидела посреди библиотеки человека, окруженного крошечными, одетыми в листья созданиями. Человек переминался под музыку босыми ногами, как дрессированный медведь, а в шаге от него крошка с цветком колокольчика вместо шляпы играл на скрипочке размером не больше желудя.

— «На голове скрипача тут же выросли рожки, а из-под плаща у него показался хвост! — Орфей усилил голос почти до пения. — Танцующие духи превратились в козлов, собак, кошек и лис и завертелись с Тудуром в безумном хороводе».

Элино́р прижала руку ко рту. Вот они — выскакивают из-за кресла, скачут по стопкам книг, пляшут на раскрытых страницах грязными копытами. Собака подпрыгнула и залаяла на нее.

— Прекратите! — крикнула Элино́р Орфею. — Прекратите немедленно!

Он с торжествующей улыбкой захлопнул книгу и скомандовал окаменевшему Сахарку:

— Прогони всю эту нечисть в сад!

Верзила растерянно зашагал к двери, открыл ее — и весь рой протанцевал мимо него с криками, лаем, блеяньем и бренчанием скрипки вниз по лестнице, мимо спальни Элиноর, пока шум не затих в отдалении.

— Никто, — повторил Орфей, и теперь на его круглом лице не было и тени улыбки, — никто не смеет мне объяснять, как нужно читать. Вы заметили? Никто не исчез. Разве что пара книжных червей, если они водились в вашей образцовой библиотеке, или пара мух...

— Или, может быть, пара водителей из проезжавших мимо машин, — хрипло добавила Элиноর, но не могла скрыть, к своему сожалению, что Орфей произвел на нее впечатление.

— Может быть. — Орфей равнодушно пожал круглыми плечами. — С точки зрения моего мастерства, это ничего не меняет, не так ли? А теперь я надеюсь, что вы умеете хоть немного готовить, потому что стряпню Сахарка я больше выносить не могу. А есть хочется. Мне всегда хочется есть после чтения.

— Готовить? — Элиноর задохнулась от ярости. — Я должна изображать кухарку в собственном доме?

— Ну конечно. Займитесь чем-нибудь полезным, пока Сахарок не решил, что от вас и вашего заики приятеля никакого толку, поэтому проще пустить вас в расход. Он и без того страшно зол, что у вас в доме нечего стащить. Так что не стоит наводить его на глупые мысли, правда?

Элиноর набрала в грудь побольше воздуха и попыталась не обращать внимания на дрожь в коленях.

— Нет, этого, конечно, делать не стоит, — сказала она, повернулась и пошла на кухню.

НЕ ТОТ

И она вложила ему в рот целебную траву — он сразу уснул. Она бережно укрыла его. Он проспал целый день.

Дитер Кюн. Парцифаль Вольфрама фон Эшенбаха

В пещере никого не было, кроме Резы и Мо, когда они пришли. Две женщины и четверо мужчин. Двое из мужчин сидели тогда с Небесным Плясуном у костра: огнеглотатель Коптемаз и Двупалый. Его лицо при дневном свете выглядело ничуть не более приветливым, и все остальные тоже глядели так враждебно, что Реза невольно придвинулась ближе к Мо.

Только у Коптемаза был смущенный вид.

Мо спал беспокойным, лихорадочным сном, который тянулся уже не первый день, так что Крапива, глядя на это, озабоченно покачивала головой. Все шестеро остановились в нескольких шагах от Мо, загородив Резе свет.

Одна из женщин выступила вперед. Она была еще не старая, но пальцы у нее были скрючены, как птичьи когти.

— Он должен уйти, — сказала она. — Сегодня же. И ты тоже. Он не из наших, как и ты.

— Как ты себе это представляешь? — Голос Резы дрожал, как она ни старалась говорить спокойно. — Он не может уйти. Он еще слишком слаб.

Если бы Крапива была здесь! Но она ушла, пробормотав что-то о больных детях и о растении, корень которого, может быть, прогонит лихорадку. Эти шестеро побоялись бы Крапиву — она вызывала у них страх, уважение, робость, в то время как Реза была им чужой, просто чужой

женщиной со смертельно больным мужем, хотя они и не догадывались, насколько она здесь чужая.

— Дети... Ты должна нас понять! — Вторая женщина была совсем молода и к тому же беременна. Она положила ладонь на живот, словно защищая свое будущее дитя. — Наши дети в опасности из-за него, а ведь вы даже не из нашего народа. Марта права. Мы только здесь и можем жить спокойно. Отсюда нас никто не гонит, но если они узнают, что здесь Перепел, все будет кончено. Они скажут, что это мы его у себя спрятали.

— Да не Перепел он, клянусь вам! И кто такие они?

Мо прошептал что-то в бреду, хватаясь за руку Резы.

Она успокаивающе погладила его по лбу и влила в рот несколько капель отвара, приготовленного Крапивой. Посетители молча наблюдали за ней.

— А то ты не знаешь! — сказал высокий худой мужчина, которого бил сухой кашель. — Его разыскивает Змееглав. Он пришлет сюда латников и велит всех нас повесить за то, что мы его укрывали.

— Но я же вам говорю! — Реза крепко держала руку Мо. — Он не разбойник, не герой ваших песен! Мы здесь всего несколько дней! Мой муж переплетает книги, и это единственное его ремесло!

Как они на нее посмотрели!

— Давно я не слышал такой неумелой лжи! — Двупалый скривил рот. Голос у него был на редкость противный. Судя по пестрому лоскутному костюму, он был из тех, кто играет комедии на ярмарках, шумные и непристойные фарсы, над которыми зрители от души потешались, забывая на время о своих невзгодах. — Что делать переплетчику в дебрях Непроходимой Чащи, у бывшей крепости Каприкорна? Туда никто не ходит по доброй воле из-за Белых Женщин и прочих ужасов, гнездящихся между руин. И что за дела могут быть у Мортолы с переплетчиком? Почему бы она стала стрелять в него из какого-то невиданного дьявольского оружия?

Остальные согласно закивали и приблизились к Мо еще на шаг. Что ей делать? Что она может сказать? Какой смысл иметь голос, если никто тебя не слушает? «Не переживай, что не можешь говорить, — успокаивал ее Сажерук. — Ты ведь знаешь, люди все равно друг друга не слушают».

Позвать на помощь? Но кого? Небесный Плясун ушел вместе с Крапивой ранним утром, когда на листьях еще лежал красноватый отблеск рассвета, а те женщины, что приносили Резе поесть и иногда сменяли ее у постели Мо, чтобы дать ей поспать час-другой, отправились на реку стирать вместе с детьми. Перед пещерой сидели сейчас одни старики, пришедшие сюда, потому что устали от людей и ожидали смерти. Они ей

вряд ли помогут.

— Мы не выдадим его Змееглаву! Мы просто отнесем его обратно туда, где вас нашла Крапива. К проклятой крепости, — сказал тот, которого терзал кашель.

На плече у него сидел ворон. Реза знала таких воронов с тех времен, когда писала на ярмарках документы и письма, — их приучали воровать монетки у зазевавшихся зрителей, пока хозяева показывали свои фокусы.

— В песнях говорится, что Перепел — защитник Пестрого Народа, — продолжал владелец ворона. — И те, кого он, по рассказам, убил, угрожали нашим женщинам и детям. Мы это ценим и сами пели песни о нем, но чтобы нас за него повесили, мы не хотим.

Они давно все решили. Они унесут отсюда Мо. Реза хотела на них закричать, но у нее не было сил для крика.

— Он умрет, если вы сдвинете его с места! — Ее голос звучал тихо, почти как шепот.

До этого им дела не было, видно по глазам. Да и с чего бы? А что бы она сама сделала, если бы у пещеры играли ее дети? Она вспомнила, как Змееглав заявился однажды в крепость Каприкорна, чтобы присутствовать на казни общего врага. С тех пор она знала, как выглядит человек, для которого нет большей радости, чем причинять страдание.

Женщина со скрюченными пальцами опустила на колени рядом с Мо и, прежде чем Реза успела ей помешать, приподняла рукав его рубашки.

— Вот, видите? — торжествующе сказала она. — У него здесь шрам, в точности, как говорится в песнях — там, где его укусили псы Змея.

Реза оттолкнула ее с такой силой, что женщина упала к ногам остальных.

— Псы были не Змееглава, а Басты!

Все они вздрогнули при звуке этого имени. Однако не тронулись с места. Коптемаз помог женщине подняться, а Двупалый подошел вплотную к Мо.

— Пошли! — сказал он остальным. — Поднимаем его!

Все откликнулись на призыв. Только огнеглотатель колебался.

— Прошу вас! Ну поверьте же мне! — Реза отталкивала их руки. — Зачем мне вам лгать? Разве я не благодарна вам за помощь?

Никто не обращал на нее внимания. Двупалый стащил с Мо одеяло, принесенное Крапивой. Ночами в пещере было холодно.

— Смотри-ка! Вы навещаете наших гостей. Как мило с вашей стороны!

Как они вздрогнули! Как дети, которых застали на дурной проделке.

На пороге пещеры стоял человек. На мгновение Резе показалось, что это Сажерук, и она смутно удивилась, как мог Небесный Плясун привести его сюда так быстро. Но тут она увидела, что вошедший, на которого все шестеро так виновато смотрят, весь черный: длинные черные волосы, смуглая до черноты кожа, черные глаза и даже одежда. Рядом с ним стоял медведь, такой же черный, как хозяин, только на голову выше.

— Вы и есть гости, о которых рассказала мне Крапива, не так ли?

Медведь с рычанием втянул голову, входя вслед за хозяином под своды пещеры.

— Она говорит, что вы знаете моего старого доброго друга — Сажерука. Все здесь, конечно, о нем слышали? И все, несомненно, знают, что его друзья — мои друзья. То же относится и к его врагам.

Все шестеро поспешно отошли в сторону, словно не желая заслонять Резу от незнакомца. Огнеглотатель нервно хохотнул:

— Надо же, Принц! Что тебя сюда привело?

— Разные дела. Почему нет стражи перед входом? Вы думаете, кобольды совсем уж разлюбили наши припасы?

Он медленно подошел к ним, а его медведь опустился на четыре лапы и, посапывая, брел за хозяином, явно недовольный теснотой пещеры. Они называют незнакомца «Принц». Ну конечно! Черный Принц! Она слышала его имя на рынке в Омбре, от служанок в крепости Каприкорна и даже от самих молодчиков Каприкорна. Но видеть его в то время, когда книга Фенолио поглотила ее в первый раз, ей не пришлось. Метатель ножей, укротитель медведей... и друг Сажерука с тех пор, как оба они были вдвое младше, чем сейчас Мегги.

Все расступились, когда Принц со своим медведем подошел к постели больного и посмотрел сверху вниз на сидящую Резу. За пестро вышитый пояс Принца были заткнуты три блестящих острых ножа, хотя комедиантам было запрещено носить оружие, «чтобы удобнее было сажать их на кол!», — говаривал Сажерук.

— Добро пожаловать в тайный лагерь, — сказал Черный Принц, внимательно глядя на окровавленную повязку Мо. — Другьям Сажерука здесь всегда рады, хотя как раз сейчас у вас, может быть, другое впечатление.

Он насмешливо оглядел присутствующих. Лишь Двупалый в упор встретил его взгляд, но потом и он опустил голову.

Принц снова посмотрел на Резу:

— Откуда ты знаешь Сажерука?

Что она могла ответить? Из другого мира? Медведь обнюхивал

лежавший рядом с ней хлеб. «Говори правду, Реза, — подумала она. — Ты ведь не обязана рассказывать, в каком мире это было».

— Я несколько лет была служанкой у поджигателей, — сказала она. — Я сбежала, но меня укусила змея. Сажерук нашел меня и помог. Если бы не он, я бы погибла.

«Он меня спрятал, — добавила она про себя, — но они меня быстро нашли — Баста и прочие и избили Сажерука до полусмерти».

— А твой муж? Я слышал, он не из наших. — Черные глаза испытующе глядели ей в лицо. Они, похоже, умели высматривать ложь.

— Она говорит, что ее муж — переплетчик, но мы-то знаем... — Двупалый презрительно сплюнул.

— Что вы знаете? — Принц обвел всех взглядом, и они замолкли.

— Он переплетчик! Принесите бумагу, клей и кожу, и он это докажет, как только поправится.

«Не плачь, Реза, — уговаривала она себя. — Ты уже наплакалась за последние дни».

Худой опять залился кашлем.

— Что ж, вы слышали, что сказала гостя. — Черный Принц присел рядом с ней на землю. — Они останутся здесь до прихода Сажерука, и он скажет, правда это или нет. Он объяснит, кто перед нами — безобидный переплетчик или тот разбойник, о котором вы без конца болтаете. Сажерук ведь знаком с твоим мужем?

— Да! — тихо ответила Реза. — Он с ним знаком даже дольше, чем со мной.

Мо повернул голову и тихо прошептал:

— Мегги!

— Мегги? Это тебя так зовут? — Принц отпихнул морду медведя от хлеба, к которому зверь опять потянулся.

— Так зовут нашу дочь.

— У вас есть дочь? Сколько ей лет?

Медведь перекатился на спину и, как собака, подставил брюхо, чтобы его почесали.

— Тринадцать.

— Тринадцать? Почти столько же, сколько дочери Сажерука.

Дочь Сажерука? Он никогда ей не рассказывал, что у него есть дочь.

— Что вы тут столпились? — прикрикнул Принц на остальных. — Принесите лучше свежей воды. Вы что, не видите, как его лихорадит?

Женщины поспешили прочь, радуясь, как показалось Резе, что нашелся предлог уйти из пещеры. Но мужчины по-прежнему не

расходились.

— А если это все же он, Принц? — спросил Худой. — Что, если Змеглав узнает о нем раньше, чем Сажерук до нас доберется?

Он так раскашлялся, что схватился рукой за грудь.

— Кто он? Перепел? Чушь! Его, скорее всего, и вовсе нет. Но если бы даже это был он! С каких пор мы выдаем тех, кто на нашей стороне? А если в песнях поется правда, что он защищал ваших женщин и детей...

— Песни не бывают правдой. — Брови у Двупалого были такие черные, словно он накарсил их сажей. — Он, наверное, нисколько не лучше других разбойников с большой дороги, жадный до золота убийца, вот и все...

— Может быть, а может, и нет, — ответил Черный Принц. — Пока я вижу только раненого и женщину, просящую о помощи.

Мужчины молчали. Однако взгляды, которые они бросали на Мо, не стали менее враждебными.

— Убирайтесь отсюда. Поживее! — прикрикнул на них Принц. — Как он может поправиться, когда вы таращитесь на него такими глазами? Или вы думаете, его жене приятно ваше мерзкое общество? Займитесь чем-нибудь полезным, в лагере полно работы.

Они послушались — недовольно побрели к выходу медленными шагами, как люди, не сделавшие дела, за которым пришли.

— Он не Перепел! — прошептала Реза, когда они ушли.

— Наверное, нет! — Принц почесал медведя за круглым ухом. — Но я боюсь, что эти ребята убеждены в обратном. А Змей обещал большую награду за голову Перепела.

— Награду?

Реза посмотрела на выход из пещеры. Двое из тех мужчин все еще стояли у порога.

— Они вернутся, — прошептала она. — И постараются все же унести его.

Но Черный Принц покачал головой:

— Нет, пока я здесь. А я останусь здесь, пока не придет Сажерук. Крапива сказала, что ты отправила ему письмо. Стало быть, он скоро придет сюда и подтвердит, что ты не лжешь. Как ты считаешь?

Женщины вернулись с кувшином воды. Реза смочила полоску ткани и протерла пылающий лоб Мо. Беременная нагнулась и положила ей на колени букетик сухих цветов.

— Вот, — шепнула она, — положи ему на сердце. Это приносит счастье.

Реза погладила сухие цветочные головки.

— Они тебя слушаются, — сказала она, когда женщины ушли. — Почему?

— Потому что выбрали меня своим королем, — ответил Черный Принц. — И потому что я очень метко бросаю нож.

ФЕЕСМЕРТНИК

*И смотреть на все это издалика:
На мужчин и женщин, мужчин, мужчин,
женщин
И детей, других и пестрых.*

Райнер Мария Рильке. Детство

Сажерук сперва не хотел верить Фариду, когда тот стал рассказывать об увиденном и услышанном у Фенолио. Нет, даже этот старик не способен, наверное, на такое безумие — шутить со смертью. Но в тот же день женщины, покупавшие у Роксаны травы, принесли ту же новость: Козимо Прекрасный вернулся из царства мертвых.

— Женщины толкуют, что Белые Женщины так в него влюбились, что в конце концов отпустили назад, — рассказывала Роксана, — а мужчины говорят, что он просто прятался все это время от своей уродины-жены.

«Невероятные истории, — думал Сажерук, — но все же и вполнину не столь невероятные, как правда».

О Брианне женщины ничего не могли рассказать. Сажерук был недоволен, что она все еще в замке. Никто не знал, что может произойти там в ближайшее время. Говорили, что Свистун по-прежнему в Омбре с полдюжиной латников. Остальных Козимо выгнал за городские стены, и они дожидаются там своего господина. Потому что все говорили: Змееглав собирается лично прибыть в Омбру, чтобы взглянуть на восставшего из мертвых правителя. Так запросто он не примирится с тем, что Козимо снова отнял трон у его внука.

— Я сама сяду на лошадь и поеду взглянуть, как у нее дела, — сказала

Роксана. — Тебя, наверное, даже во внешние ворота не пропустят. Но ты можешь пока сделать для меня кое-что другое.

Женщины пришли не просто купить трав и посплетничать о Козимо — они принесли заказ от Крапивы. Старуха была сейчас в Омбре из-за двух больных детей с улицы красильщиков. Ей нужен корень феесмертника — опасное лекарство, которое убивает не реже, чем излечивает. Какому бедняге понадобилось это крайнее средство, старуха не сказала.

— Для какого-нибудь раненого в тайном лагере, потому что Крапива хочет вернуться туда сегодня же вечером. И вот еще что... С ней пришел Небесный Плясун, говорит, что у него для тебя письмо, — сказали они Сажеруку.

— Письмо? Мне?

— Да. От какой-то женщины.

Роксана внимательно взглянула на него и пошла в дом за корнем.

— Ты пойдешь в Омбру? — Фарид вырос за спиной у Сажерука так внезапно, что тот вздрогнул.

— Да, а Роксана поскачет в замок, — сказал он. — Поэтому тебе придется остаться здесь и присмотреть за Йеханом.

— А за тобой кто присмотрит?

— За мной?

— Да.

Как мальчишка на него посмотрел — на него и на куницу!

— Чтобы ничего не случилось. — Фарид говорил тихо, и Сажерук с трудом разбирал слова. — Не случилось того, что сказано в книге.

— Ах вот ты о чем.

С какой тревогой этот чужак на него смотрит — как будто он того гляди упадет мертвым. Сажерук с трудом подавил улыбку, хотя речь шла о его смерти.

— Тебе Мегги об этом рассказала?

Фарид кивнул.

— Ну что ж. Забудь об этом, слышишь? Что написано, то написано. Может быть, оно сбудется, а может быть, и нет.

Но Фарид так отчаянно замотал головой, что черные волосы упали ему на лоб.

— Нет! — сказал он. — Оно не сбудется. Клянусь! Клянусь джиннами, которые воют по ночам в пустыне, и духами, пожирающими мертвецов, всем, чего я боюсь.

Сажерук задумчиво посмотрел на него.

— Ты просто сумасшедший, — сказал он. — Но твоя клятва мне

нравится. Пожалуй, я оставлю Гвина здесь, а ты приглядишь, чтоб он не сбежал.

Гвину это не понравилось. Он укусил Сажерука за руку, когда тот сажал его на цепь, лязгал зубами, пытаюсь ухватить за пальцы, и затыкал еще яростнее, когда Пролаза полез в рюкзак хозяина.

— Ты берешь с собой новую куницу, а старую сажаешь на цепь? — спросила Роксана, возвращаясь с корнем для Крапивы.

— Да. Мне сказали, что Гвин принесет мне несчастье.

— С каких пор ты веришь в такие вещи?

Да, с каких пор?

«С тех пор, как повстречался со стариком, утверждающим, что это он создал тебя и меня», — подумал Сажерук. Гвин все еще злобно фыркал. Сажерук никогда не видел куницу в такой ярости. Он молча отстегнул цепь от ошейника, не обращая внимания на испуганный взгляд Фарида.

Всю дорогу в Омбру Гвин сидел на плече у Фарида, словно желая показать Сажеруку, что он его еще не простил. А стоило Пролазе высунуть нос из рюкзака, Гвин оскаливал зубы и рычал так грозно, что Фарид зажимал ему пасть.

Виселицы перед городскими воротами стояли пустые, лишь два-три ворона сидели на перекладинах. Суд в Омбре пока вершила Уродина, как это было уже и при жизни Жирного Герцога, а она не любила отправлять людей на виселицу. Может быть, потому, что ребенком слишком часто видела болтающихся на веревке людей с синими языками и раздутыми лицами.

— Слушай, — сказал Сажерук Фариду, когда они остановились между виселиц. — Пока я отнесу Крапиве корень и заберу письмо у Небесного Плясуна, ты сходишь за Мегги. Мне нужно с ней поговорить.

Фарид кивнул, заливаясь краской. Сажерук насмешливо подмигнул ему.

— Что с тобой? Уж не случилось ли в тот вечер, когда ты был у нее, еще чего-нибудь, кроме возвращения Козимо из царства мертвых?

— Это тебя не касается! — пробормотал Фарид, краснея еще больше.

Какой-то крестьянин, отчаянно ругаясь, гнал нагруженную бочками телегу к городским воротам. Волы встали поперек дороги, и стража сердито дергала за поводья.

Сажерук воспользовался моментом и протиснулся с Фаридом мимо них.

— Мегги ты все-таки приведи, — сказал он, расставаясь с мальчиком за воротами. — Только не сбейся с дороги от большой любви.

Сажерук смотрел ему вслед, пока тот не исчез за домами. Неудивительно, что Роксана считает Фарида его сыном. Иногда ему казалось, что и его сердце того же мнения.

ПИСЬМО НЕБЕСНОГО ПЛАСУНА

*Да, любимая моя,
Наш мир истекает кровью
Не от одной любовной боли.*

Фауз Ахмед Фауз. The love I gave you once...

Наверное, на свете нет худшей вони, чем та, что поднималась из чанов красильщиков. Едкий запах ударил Сажеруку в ноздри, когда он шел еще по улице кузнецов. Здесь жили котельщики, ковщики, а на другой стороне — оружейники, пользовавшиеся большим уважением, чем их собратья, и потому заносчивые. Грохот всех этих молотов, ударявших по раскаленному железу, выносить было не легче, чем вонь, тянущуюся от красильщиков. Их бедные домишки прятались в самом дальнем углу Омбры. Ни в одном городе вонючие чаны красильщиков не хотели терпеть поблизости от зажиточных кварталов. В ту минуту, как Сажерук подходил к воротам, отделявшим их улицу от остального города, его грубо толкнул человек, выходивший из мастерской кузнеца.

Свистун. Его не трудно было узнать по серебряному носу, хотя Сажерук еще помнил те дни, когда нос у него был из плоти и крови. «Везет же тебе, Сажерук, — подумал он, поспешно отворачиваясь и проходя побыстрее мимо придворного шпильмана Каприкорна. — Надо же натолкнуться сейчас из всех людей на свете именно на этого кровавого пса!» Он уже надеялся, что Свистун его не признал и встреча обошлась без последствий, как Среброносый схватил его за локоть и развернул к себе лицом.

— Сажерук! — сказал он хриплым голосом, так не похожим на

прежний.

Раньше звук его голоса напоминал Сажеруку слишком сладкий пирог. Каприкорн обожал его слушать и высоко ценил его стихи. Свистун сочинял великолепные песни о поджогах и убийствах, внушавшие своим великолепием мысль, что нет на свете более благородного занятия, чем перерезать людям глотки. Интересно, Змееглаву он поет те же песни или они все же грубоваты для серебряных залов Дворца Ночи?

— Нет, ты только посмотри! Нынче, похоже, только ленивый не возвращается из царства мертвых, — удивленно проговорил Свистун, пока двое сопровождавших его латников с вождением рассматривали оружие, выставленное перед мастерскими. — Я-то думал, Баста уже много лет назад закопал тебя в укромном уголке, разрезав предварительно на куски. Ты знаешь, что и он вернулся? Он и Мортولا — ты наверняка помнишь старуху. Змееглав с радостью принял их у себя. Ты знаешь, он всегда ценил ее смертельные снадобья.

Сажерук скрыл за улыбкой страх, сжавший его сердце.

— Смотри-ка, Свистун! — сказал он. — Новый нос тебе очень идет, даже лучше, чем прежний. Сразу видно, кто твой новый хозяин и что ты из тех шпильманов, что продаются за серебро.

Глаза у Свистуна остались прежние — светлосерые, как небо в дождливый день, с пристальным птичьим взглядом. Сажерук слышал от Роксаны, как он остался без носа. Ему отрезал нос человек, чью дочь он соблазнил своими мрачными песнями.

— У тебя всегда был слишком острый язык, Сажерук. Это опасно! — прохрипел Среброносый. — Пора бы тебе его отрезать. Кто-то, помнится, уже пытался, и ты легко отделался только потому, что тебя отбил Черный Принц со своим медведем. Эта парочка тебя по-прежнему охраняет? Что-то я их не вижу поблизости.

Он осмотрелся.

Сажерук бросил быстрый взгляд на латников. Оба на голову выше его. Что бы сказал Фарид, увидев его сейчас? Что лучше было не расставаться, чтобы он мог выполнить свою клятву. У Свистуна был меч, разумеется. Он уже взялся за рукоять. Очевидно, он, как и Черный Принц, не особенно считался с законом, запрещающим комедиантам носить оружие. Хорошо, что кузнецы так бьют своими молотами. А то было бы, пожалуй, слышно, как колотится у Сажерука сердце.

— Мне нужно идти, — сказал он равнодушным тоном. — Передавай привет Басте, когда увидишь. Закопать он меня, может быть, еще успеет.

Сажерук повернулся — попытаться все же стоило, но Свистун крепко

держал его локоть.

— Ну конечно, и куница с тобой! — прошипел он.

Сажерук почувствовал ухом влажный нос Пролазы. «Это не та куница, — успокаивающе сказал он своему заматавшемуся сердцу. — Не та. Но разве Фенолио упомянул имя Гвина в сцене моей смерти? Не вспомнить сейчас, как ни старайся. Придется попросить Басту одолжить мне книгу еще разок, чтобы освежить воспоминание, — с горечью подумал он, движением руки загоняя Пролазу обратно в рюкзак. — Лучше не думать об этом».

Свистун все еще не выпускал его руки. На нем были перчатки из светлой кожи, изящно простеганные, как у женщины.

— Змееглав скоро прибудет сюда, — тихо сказал он Сажеруку. — Известие, что его зять чудесно вернулся к жизни, ему решительно не понравилось. Он считает, что все это — грубый маскарад, подстроенный, чтобы отобрать трон у его внука.

По улице спускались четверо стражников с гербом Жирного Герцога на зеленых плащах. С гербом Козимо. Никогда еще Сажерук так не радовался при виде вооруженных людей.

Свистун выпустил его руку.

— Мы еще увидимся, — прошипел он.

— Наверное, — только и ответил Сажерук.

Он протиснулся между оборванными мальчишками, таращившимися на выставленный на продажу меч, обошел женщину, протягивавшую ковзику дырявый котел, и исчез за воротами на улицу красильщиков.

Никто за ним не гнался. Никто не схватил его сзади и не потащил обратно. «Многовато у тебя врагов, Сажерук!» — сказал он себе и замедлил шаг лишь у кадок с кипящим красильным раствором. От них подымался вонючий пар, как и от ручья, уносившего цветную жижу под городскую стену и дальше в реку. Неудивительно, что русалки встречались только выше того места, где ручей впадал в реку.

Во втором доме, куда постучался Сажерук, знали, где найти Крапиву. Там, куда его послали, дверь открыла женщина с заплаканными глазами и ребенком на руках. Она жестом пригласила его в дом, если это можно было назвать домом. Крапива склонялась над девочкой с красными щеками и нехорошим блеском в глазах. Заметив Сажерука, она недовольно выпрямилась.

— Роксана просила меня передать тебе вот это!

Крапива быстро взглянула на корень, поджала тонкие губы и кивнула.

— Что с девочкой? — спросил он.

Мать снова присела на кровать.

Крапива пожала плечами. Похоже, на ней было то же мшисто-зеленое платье, что и десять лет назад, и она, очевидно, по-прежнему терпеть не могла его, Сажерука.

— Скверная лихорадка, но девочка выживет, — откликнулась она. — Почти ерунда по сравнению с той, от которой умерла твоя дочь, пока ее отец гулял по свету!

Говоря это, Крапива смотрела ему прямо в лицо, словно желая убедиться, что ее слова причиняют боль. Но Сажерук умел скрывать боль. Он умел это не хуже, чем играть с огнем.

— Это опасный корень, — сказал он.

— Думаешь, мне нужно это объяснять? — Старуха посмотрела на него так обиженно, как будто он ее обругал. — Та рана, для которой он нужен, тоже опасна. У него много сил, а то бы он давно умер.

— Я его знаю?

— Ты знаешь его жену.

О чем толкует старуха? Сажерук взглянул на больного ребенка. Маленькое личико полыхало от жара.

— Я слышала, Роксана снова пустила тебя в свою постель, — сказала Крапива. — Скажи ей, что она глупее, чем я о ней думала. Ступай за дом. Там тебя дожидается Небесный Плясун, он расскажет тебе больше о той женщине. Она дала ему письмо для тебя.

Небесный Плясун стоял у кривого олеандра на задворках.

— Ты видел? Бедный ребенок! — сказал он, увидев Сажерука. — У меня сил нет смотреть, когда они болеют. А матери... кажется, у них глаза вытекут со слезами. Не могу забыть, как Роксана... — Он резко оборвал себя. — Прости, — пробормотал он и сунул руку под грязную куртку. — Я совсем забыл, что это был твой ребенок. Держи, это тебе.

Небесный Плясун вытащил из-под куртки листок бумаги — такой тонкой и белой, какой в этом мире Сажеруку видеть не приходилось.

— Это передала для тебя одна женщина. Крапива нашла ее и ее мужа в лесу, возле бывшей крепости Каприкорна, и отправила в тайный лагерь. Муж ее ранен, очень опасно.

Сажерук нерешительно развернул письмо и сразу узнал почерк.

— Она говорит, что знает тебя. Я сказал ей, что ты не умеешь читать, но...

— Я умею читать, — перебил его Сажерук. — Она меня научила.

Как она сюда попала? Он думал только об этом, пока написанные

Резой буквы плясали у него перед глазами. Письмо так измялось, что трудно было разобрать слова. Да чтение и никогда не давалось ему легко...

— Да, так она и сказала: «Я его этому научила». — Небесный Плясун с любопытством взглянул на Сажерука. — Откуда ты знаешь эту женщину?

— Это долгая история. — Он сунул записку в рюкзак. — Мне нужно идти.

— Мы с Крапивой сегодня вечером туда возвращаемся! — крикнул Небесный Плясун ему вслед. — Передать что-нибудь той женщине?

— Да. Скажи, что я приведу ее дочь.

На улице кузнецов все еще стояли стражники Козимо. Они обсуждали меч, недоступный по цене для простого солдата. Свистуна не было видно. На окнах висели пестрые лоскуты — Омбра праздновала возвращение умершего правителя. Но у Сажерука на душе было не празднично. Слова, лежавшие в рюкзаке, тяготили его, как камни, хотя он чувствовал какое-то горькое удовлетворение от того, что Волшебному Языку пришлось в этом мире еще хуже, чем ему, Сажеруку, в их мире. Теперь он, наверное, тоже знает, каково это — оказаться не в своей истории. Или он не успел ничего толком почувствовать до выстрела Мортолы?

На улице, поднимавшейся к замку, толпился народ, как в базарный день. Сажерук поглядел на башни, с которых все еще свисали траурные флаги. Что означает для его дочери возвращение мужа ее госпожи? «Даже если ты спросишь, Брианна тебе не скажет!» — подумал он, поворачивая к воротам. Пора уходить. Пока он снова не наткнулся на Свистуна или, хуже того, на его хозяина...

Мегги уже ждала вместе с Фаридом у пустых виселиц. Мальчишка нашептывал ей что-то, и она смеялась. «Огонь и зола! — подумал Сажерук. — Надо же, какой счастливый у них вид! А ты сейчас снова принесешь ей дурные вести. Ну почему всегда ты?» «Понятно, — ответил он сам себе. — Потому что они тебе больше к лицу, чем хорошие».

ЧЕРНИЛЬНОЕ ЛЕКАРСТВО

Память о моем отце завернута в белую бумагу, как хлеб, который берут с собой на работу. Как фокусник извлекает из шляпы платки и кроликов, он доставал из своего худого тела любовь.

Йегуда Амихай. Мой отец

Мегги сразу перестала смеяться, заведев Сажерука. Почему у него такое хмурое лицо? Фарид ведь рассказывал, что он счастлив. Это из-за нее он смотрит сейчас так мрачно? Может быть, сердится, что она пришла за ним в его историю живым напоминанием о годах, которые он наверняка хотел забыть? «О чем он хочет со мной поговорить?» — спрашивала она Фарида. «Наверное, о Фенолио, — отвечал он. — И о Козимо. Ему интересно, что старик задумал». Как будто она могла рассказать об этом Сажеруку...

Он остановился перед ней, и на лице его не было и следа обычной загадочной улыбки.

— Привет, Мегги! — сказал он.

Из его рюкзака выглядывала сонная мордочка куницы, но это был не Гвин. Гвин сидел на плече у Фарида и отчаянно зафыркал, как только его товарищ высунул нос из-за плеча Сажерука.

— Здравствуй, — смущенно ответила она. — Как дела?

Странное это было чувство — снова его увидеть. Она испытывала одновременно радость и недоверие.

За их спинами устремлялся к городским воротам неиссякаемый людской поток: крестьяне, ремесленники, комедианты, нищие — все, кто прослышал о возвращении Козимо. Новости в этом мире распространялись

быстро, хотя здесь не было ни телефона, ни газет, а письма писали только богачи.

— Отлично. Вправду отлично!

Наконец-то он улыбнулся, и вовсе не загадочно, как прежде. Да, Фарид не солгал. Сажерук был счастлив. Похоже, он даже стеснялся этого. Лицо его, несмотря на шрамы, выглядело намного моложе. Но вдруг он снова помрачнел, снял с плеча рюкзак — новая куница соскочила на землю — и достал оттуда листок бумаги.

— Вообще-то я хотел поговорить с тобой о Козимо, нашем внезапно восставшем из мертвых повелителе, — сказал он, разворачивая смятую записку. — Но вышло так, что прежде я должен показать тебе вот это.

Мегги, ничего не понимая, взяла листок. Увидев знакомый почерк, она ошарашенно взглянула на Сажерука. Как попало к нему письмо его матери? Здесь, в этом мире?

— Читай! — тихо сказал Сажерук.

И Мегги стала читать. Слова обвивались вокруг ее горла, как петля, с каждым слогом затягивавшаяся все туже, пока у нее не перехватило дыхание.

— Что случилось? — встревоженно спросил Фарид. — Что там написано?

Он посмотрел на Сажерука, но тот молчал.

Мегги не отрываясь смотрела на записку.

— Мртола стреляла... в Мо?

Позади толпами валили люди, спешившие увидеть Козимо, новехонького с иголочки Козимо, но какое ей было до этого дело? Ей ни до чего больше не было дела. Ее интересовало только одно.

— Но как? — Мегги с отчаянием посмотрела на Сажерука. — Как они сюда попали? И что с Мо? Это не опасно?

Сажерук отвел глаза.

— Я знаю только то, что здесь написано, — сказал он. — Что Мртола стреляла в твоего отца, что Реза сейчас с ним в тайном лагере и что я должен тебя найти. Один мой друг доставил это письмо. Сегодня вечером он возвращается в лагерь вместе с Крапивой. Она...

— С Крапивой? Реза рассказывала мне о ней! — перебила его Мегги. — Она целительница, очень хорошая... Она вылечит Мо, правда?

— Конечно, — ответил Сажерук, по-прежнему избегая встречаться с ней взглядом.

Фарид недоумевающе переводил глаза с одного на другую.

— Мртола стреляла в Волшебного Языка? — пробормотал он. — Так,

значит, этот корень для него? Но ты говорил, что это опасно...

Сажерук бросил на него предостерегающий взгляд, и Фарид замолчал.

— Опасно? — прошептала Мегги. — Что опасно?

— Ничего, ничего. Я отведу тебя к ним. Прямо сейчас. — Сажерук накинул рюкзак на плечо. — Беги к Фенолио и скажи ему, что тебя не будет несколько дней. Скажи, что мы с Фаридом за тобой присмотрим. Возможно, это его не очень успокоит, но что ж поделаешь. Не рассказывай, куда мы идем и зачем! На этих холмах слухи разносятся быстро, и лучше, — он понизил голос, — чтобы Мортولا пока не знала, что твой отец жив. Лагерь, в котором он находится, известен лишь комедиантам, все они приносят клятву никому не выдавать его местоположения. И все же...

— Клятвы нарушаются, — закончила за него Мегги.

— Именно. — Сажерук посмотрел на городские ворота. — Иди. Тебе нелегко будет пробраться через эту толпу, но все же поторопись. Скажи старику, там, на холме, живет одна комедиантка, он...

— Он знает, кто такая Роксана, — перебила его Мегги.

— Ну конечно! — На этот раз улыбка Сажерука была горькой. — Порой я забываю, что он все обо мне знает. Так вот, скажи ему, пусть передаст Роксане, что мне пришлось отлучиться на пару дней. И пусть приглядывает за моей дочерью. Ее он, надо думать, тоже знает?

Мегги молча кивнула.

— Отлично! — продолжал Сажерук. — Тогда передай старику еще вот что: если хоть одно из его треклятых слов принесет вред Брианне, он горько пожалеет, что придумал человека, умеющего вызывать огонь.

— Я ему передам! — шепнула Мегги и побежала. Она продиралась сквозь толпу, расталкивая людей, устремлявшихся в город. «Мо! — думала она. — Мортولا стреляла в Мо!» И перед ней снова поплыл ее сон, тот красный сон.

Фенолио стоял у окна, когда Мегги вбежала в комнату.

— Господи, на кого ты похожа! — воскликнул он. — Разве я тебе не говорил сидеть дома, пока на улицах такое столпотворение? Но этому мальчишке, похоже, стоит только свистнуть, и ты бежишь к нему, как дрессированная собачка!

— Прекрати! — сказала Мегги так резко, что Фенолио и вправду замолчал. — Ты должен мне кое-что написать. Скорее, пожалуйста!

— Написать? — Фенолио растерянно опустил на стул.

— Мой отец, — быстро заговорила Мегги, вытягивая дрожащими пальцами свежечиненное перо из кувшина, — он здесь, но в него стреляла

Мортола. Ему совсем плохо! Сажерук не хотел мне этого говорить, но я вижу по его глазам. Ради бога, напиши что-нибудь, что угодно, чтобы он выздоровел. Он в лесу, в тайном лагере комедиантов. Поскорее, прошу тебя!

Фенолио недоуменно посмотрел на нее:

— Стреляла в твоего отца? Он здесь? Как? Почему? Я ничего не понимаю.

— Ты и не должен понимать! — с отчаянием выкрикнула Мегги. — Ты должен ему помочь! Сажерук отведет меня к нему. И я вычитаю его здоровым, понимаешь? Он ведь теперь в твоей истории, здесь ты умеешь даже возвращать к жизни мертвых, так что тебе стоит излечить рану? Прошу тебя!

Она обмакнула перо в чернила и протянула Фенолио.

— Боже мой, Мегги! — пробормотал он. — Это, конечно, ужасно, но... я правда не знаю, что мне писать. Я даже не знаю, где Мо. Если бы я хоть представлял себе это место...

Мегги смотрела на него во все глаза. И вдруг слезы, которые она сдерживала все это время, хлынули потоком.

— Прошу тебя! — шептала она. — Ну хоть попробуй! Сажерук ждет! Он там, за городскими воротами.

Фенолио мягко вынул из ее пальцев перо.

— Я попробую, — хрипло сказал он. — Ты права, это моя история. В другом мире я не мог бы ему помочь, но здесь... вдруг и вправду получится... Отойди к окну, — приказал он, когда она подала ему два листа пергамента. — Посмотри на улицу, понаблюдай за людьми или за птичками на небе, займись чем-нибудь. Делай что хочешь, только не смотри на меня, а то я не могу писать.

Мегги послушалась. В толпе под окном она разглядела Минерву с детьми и соседку из дома напротив. Свиньи, с хрюканьем продиравшиеся среди людей, солдаты с гербом Жирного Герцога на груди — она смотрела на все это, но ничего по-настоящему не видела. Она слышала только, как Фенолио макает в чернильницу перо, как оно скрипит по пергаменту, останавливается и пишет дальше. «Пожалуйста! — молила она. — Пожалуйста, пусть он найдет правильные слова». Перо надолго замерло — тишина болью отдавалась в сердце Мегги, а внизу тем временем нищий с костылем отталкивал с дороги ребенка. Время постепенно растягивалось, как удлиняющаяся тень. По улицам сновали люди, собаки лаяли друг на друга, из замка доносился звук труб.

Мегги не знала, сколько прошло времени, когда Фенолио со вздохом

отложил перо. Розенкварц все еще похрапывал, вытянувшись, как линейка, за банкой с песком. Фенолио взял песочницу и посыпал влажные чернила.

— Ты что-то придумал? — спросила Мегги.

— Да, но не спрашивай меня, хорошо или плохо.

Он протянул ей пергамент, и ее глаза забегали по строкам. Их было немного, но если это те, что нужно, значит, достаточно.

— Его я не придумал, Мегги! — ласково сказал Фенолио. — Твой отец не персонаж моей книги, как Козимо, Сажерук или Каприкорн. Он не из этой истории. Поэтому не надейся уж слишком, слышишь?

Мегги кивнула, сворачивая пергамент.

— Сажерук просил передать, чтобы ты приглядел за его дочерью, пока его не будет.

— За его дочерью? У Сажерука есть дочь? Это я написал? Ах да, кажется, их даже две?

— Одну ты, во всяком случае, знаешь. Это Брианна, служанка Уродины.

— Брианна? — Фенолио ошарашенно посмотрел на нее.

— Да. — Мегги взяла кожаный мешок, прихваченный из другого мира, и направилась к двери. — Присмотри за ней. Он велел передать тебе, что иначе ты горько раскаешься, что придумал человека, умеющего вызывать огонь.

— Сажерук так сказал? — Фенолио откинулся на стуле и рассмеялся. — Знаешь, он нравится мне все больше и больше! Пожалуй, я и правда напишу о нем еще одну книгу, где он будет главным героем и не...

— Погибнет? — Мегги уже стояла в дверях. — Я ему это передам, но боюсь, у него раз и навсегда пропала охота попадать в твои книги.

— Но он туда уже попал. И даже добровольно вернулся! — крикнул Фенолио ей вслед, пока она торопливо сбегала по лестнице. — Мы все попали в мою книгу, Мегги, мы завязли в ней по уши! Когда ты вернешься? Я познакомлю тебя с Козимо!

Но Мегги не ответила. Откуда ей знать, когда она вернется?

— Это так ты торопишься? — спросил Сажерук, когда она, совершенно запыхавшись, остановилась перед ним, засовывая в свой мешок пергамент Фенолио. — Что это за пергамент? Старик что, дал тебе одну из своих песен в качестве дорожного провианта?

— Что-то вроде того, — ответила Мегги.

— Ладно, лишь бы мое имя там не упоминалось, — сказал Сажерук, направляясь к дороге.

— Далеко это? — спросила Мегги, с трудом поспевая за ним и

Фаридом.

— К вечеру доберемся, — бросил Сажерук через плечо.

КРИКИ

*Я хочу видеть жажду
в слогах,
прикасаться к огню
в звуке.
Ощутить темноту во вскрике.
Я хочу слов,
шершавых, как неотесанные камни.*

Пабло Неруда. Слово

Белые Женщины не уходили. Реза их, похоже, больше не видела, но Мо они были заметны, как тени при солнечном свете. Он не говорил ей об этом. У Резы был такой усталый вид. Единственное, что помогало ей держаться, была надежда на скорый приход Сажерука с Мегги.

— Вот увидишь, он ее найдет, — шептала ему Реза, когда его била лихорадка.

Почему она так уверена? Как будто Сажерук никогда не бросал их в беде, не украл книгу, не предал их... Мегги. Желание еще раз ее увидеть по-прежнему было сильнее, чем манящий шепот Белых Женщин, сильнее, чем боль в груди... И потом, как знать, может быть, эта проклятая история еще обернется к лучшему? Правда, Мо хорошо помнил, что Фенолио предпочитает печальные развязки.

— Расскажи мне, что там, снаружи, — шептал он иногда Резе. — Так глупо оказаться в другом мире и ничего не видеть, кроме этой пещеры.

И Реза описывала ему то, чего он не мог видеть: деревья, намного старше и выше тех, что ему приходилось видеть, фей, носящихся в ветвях,

как стаи мошек, стеклянных человечков в зарослях папоротника и безымянныe ночные страхи. Однажды она даже поймала фею — Сажерук рассказал ей, как это делается, — и принесла ему. Крошечное создание билось у нее в ладонях, и она поднесла сложенные руки к самому уху Мо, чтобы он слышал стрекочущий разгневанный голосок.

Все казалось таким настоящим, хотя он не уставал твердить себе, что все здесь состоит из чернил и бумаги. Твердая земля, на которой он лежал, сухая листва, шуршавшая под ним, когда он метался в лихорадке, горячее дыхание медведя и Черный Принц, которого Мо прежде встречал на страницах книги. А теперь он иногда присаживался рядом, охлаждал ему лоб, тихо говорил с Резой. Или все это лишь горячечные видения?

Смерть тоже ощущалась в Чернильном мире по-настоящему. Еще как. Странно было встретиться с ней в этом мире, возникшем из книги. Но даже если умирание было здесь лишь словом, игрой букв, тело Мо ощущало его как настоящее. Его сердце испытывало настоящий страх, тело — настоящую боль. Белые Женщины не уходили, хотя Реза и не видела их больше. Мо чувствовал их присутствие каждую минуту, каждый час, каждый день, каждую ночь. Ангелы смерти, придуманные Фенолио. Легче ли умирать с ними, чем в том мире, откуда он родом? Вряд ли. Этого не облегчишь. Человек теряет то, что любит. Это и есть смерть. Здесь, как и там.

Снаружи было светло, когда Мо услышал первые крики. Он сперва подумал, что начинается новый приступ лихорадки. Но по лицу Резы было видно, что она слышит то же самое: лязг оружия и крики, крики ужаса...

Предсмертные крики. Мо попытался подняться, но боль бросилась на него, словно зверь, впивающийся зубами в грудь. Он увидел Принца с обнаженным мечом на пороге пещеры, видел, как вскочила Реза. Ее лицо расплывалось перед его воспаленными от лихорадки глазами, зато он вдруг отчетливо увидел другую картину: Мегги на кухне у Фенолио, рассказывающего с гордостью, как удалась ему сцена смерти Сажерука. Да, Фенолио любил печальные сцены. Может быть, он только что написал еще одну.

— Реза! — Мо проклинал свой непослушный от лихорадки язык. — Реза, прячься! Спрячься где-нибудь в лесу!

Но она осталась с ним, как оставалась всегда, кроме того дня, когда его собственный голос отправил ее прочь.

КРОВАВАЯ СОЛОМА

Кобольды копались в земле, эльфы пели в кронах деревьев. Это были явные чудеса чтения, но за ними скрывалось настоящее чудо: что слова в книгах могут повелеть вещам быть.

Фрэнсис Снаффорд. Ребенок, который построил книги

С Фаридом Мегги часто бывало страшно в Непроходимой Чаще. С Сажеруком все было по-другому. Казалось, шепот деревьев становится громче, когда он проходит мимо, а кусты тянут ветви ему вслед. Феи садились на его рюкзак, как бабочки на цветок, дергали его за волосы, говорили с ним. Появлялись и исчезали и другие существа, о которых Мегги не слышала ни от Резы, ни где-нибудь еще, — иногда это была лишь пара глаз, сверкнувших между ветвей.

Сажерук вел их так уверенно, словно дорога вилась перед ним красной нитью. Он даже не делал привалов, они шли не останавливаясь, вверх и вниз по холмам, с каждым часом углубляясь в Чащу. Все дальше от людей. Когда он наконец остановился, у Мегги дрожали ноги от усталости. Дело, видимо, шло к вечеру. Сажерук погладил куст по обломанным веткам, нагнулся, посмотрел на влажную почву и поднял горсть растоптанных ягод.

— Что такое? — встревоженно спросил Фарид.

— Слишком много ног. А главное — слишком много сапог.

Сажерук тихо выругался и зашагал быстрее. Слишком много сапог... Что он имел в виду, Мегги поняла, когда между деревьев показался тайный лагерь. Она увидела опрокинутые шатры, затоптанный костер...

— Оставайтесь здесь! — приказал Сажерук, и на этот раз Мегги с

Фаридом повиновались.

Со страхом смотрели они, как огнеглотатель выходит из-за прикрытия деревьев, осматривается, приподнимает полотнища шатров, трогает остывший пепел... и переворачивает два тела, неподвижно лежавшие у костра. Мегги хотела броситься к нему, увидев мертвых, но Фарид удержал ее. Когда Сажерук исчез в пещере, а потом вышел оттуда с побледневшим лицом, Мегги вырвалась и бросилась к нему.

— Где мои родители? Они там? — Она отпрянула, споткнувшись об очередной труп.

— Нет, там сейчас никого нет. Но я нашел вот что. — Он протянул ей полоску ткани.

У Резы было платье из такой ткани. Лоскут был пропитан кровью.

— Узнаешь?

Мегги кивнула.

— Значит, твои родители действительно были здесь. Кровь на ткани, наверное, твоего отца. — Сажерук провел рукой по лицу. — Может быть, кто-нибудь спасся. Кто-нибудь, кто расскажет нам, что здесь произошло. Я погляжу вокруг. Фарид!

Фарид подбежал к нему. Мегги хотела отойти от них, но Сажерук удержал ее.

— Мегги, послушай! — сказал он, обнимая ее за плечи. — Хорошо, что твоих родителей здесь нет. Вероятно, это означает, что они живы. Там, в пещере, устроено ложе — видимо, на нем лежал твой отец, а мать его выхаживала. Кроме того, я видел медвежьи следы, а это значит, что здесь был и Черный Принц. Возможно, нападавшие пришли как раз за ним, хотя тогда неясно, зачем они прихватили и всех остальных... Этого я не понимаю.

Он велел Мегги оставаться в пещере, пока они с Фаридом поищут, не остался ли тут кто живой. Вход был такой высокий и широкий, что взрослый мужчина мог пройти сквозь него, не пригибаясь. Скрывавшаяся за ним пещера уходила далеко в глубь горы. Пол был усыпан сухой листвой, вокруг лежали рядами одеяла и охапки соломы, иногда совсем маленькие, на рост ребенка. Нетрудно было определить, где лежал Мо. Солома здесь была пропитана кровью, как и брошенное рядом одеяло. Миска с водой, деревянная кружка, букетик сухих цветов... Мегги подняла его и погладила цветочные головки, а потом опустила на колени и уставилась на окровавленную солому. Пергамент Фенолио лежал у нее на груди, но Мо здесь не было. Как же помогут ему теперь слова Фенолио?

«Попробуй! — сказал ей внутренний голос. — Ты не знаешь, какой

силой обладают его слова в этом мире. Ведь он состоит из слов!»

Она услышала шаги у себя за спиной. Фарид и Сажерук вернулись. Сажерук держал на руках ребенка, маленькую девочку. Она смотрела на Мегги широко раскрытыми глазами, как будто ей просто приснился страшный сон, от которого никак не получается проснуться.

— Со мной она не захотела разговаривать, но Фарид, к счастью, вызывает у нее больше доверия, — сказал Сажерук, осторожно ставя ребенка на ноги. — Малышка сказала, что ее зовут Лианна и ей пять лет. И что здесь было много людей, серебряных людей с мечами и змеями на груди. Это нас, я думаю, не очень удивляет. Они, видимо, убили дозорных и еще нескольких человек, оказавших сопротивление, а остальных увели с собой, даже женщин и детей. Раненых, — он бросил быстрый взгляд на Мегги, — они, наверное, погрузили на телегу. Лошадей у них не было. Девочка осталась здесь потому, что мать велела ей спрятаться за деревьями.

В пещеру вбежал Гвин, а за ним Пролаза. Девочка вздрогнула, когда кунисы запрыгнули Сажеруку на плечи. Она замороженно глядела, как Фарид снимает Гвина с плеча Сажерука и сажает себе на колени.

— Спроси ее, нет ли тут еще детей, — тихо сказал Сажерук.

Фарид растопырил пальцы на руке и показал девочке.

— Сколько детей, Лианна?

Малышка посмотрела на него и дотронулась сперва до одного, потом до второго и третьего пальца.

— Майзе, Фабио, Тинка, — прошептала она.

— Значит, трое, — сказал Сажерук. — Наверное, не старше ее.

Лианна нерешительно протянула ручонку к пушистому хвосту Гвина, но Сажерук удержал ее.

— Не надо! — сказал он. — Он кусается! Поиграй лучше со вторым.

— Мегги! — Фарид подошел к ней.

Но Мегги не ответила. Она крепко обхватила руками колени и зарылась лицом в платье. Она больше не хотела видеть эту пещеру, не хотела видеть ничего в мире Фенолио, даже Фариду и Сажерука, и девочку, которая так же не знала, где ее родители, как и сама Мегги. Ей хотелось оказаться в библиотеке Элинора, в большом кресле, где тетушка любила читать, и увидеть, как Мо просовывает голову в дверь и спрашивает, что это за книга у нее на коленях. Но Мо рядом не было, возможно, его никогда уже не будет, а книга Фенолио крепко держала их всех черными чернильными руками, нашептывая ужасы — о вооруженных мужчинах, уводивших детей, стариков и больных, матерей и отцов.

— Крапива и Небесный Плясун скоро будут здесь, — донесся до нее

голос Сажерука. — Они присмотрят за ребенком.

— А мы? — спросил Фарид.

— Я пойду по их следам, — сказал Сажерук, — чтобы узнать, кто остался в живых и куда их отвели. Хотя я и так догадываюсь.

— Во Дворец Ночи! — подняла голову Мегги.

— Угадала!

Девчушка потянулась к Пролазе. Она была еще такая маленькая, что могла забыть о горе, поглаживая зверька по шерстке. Мегги позавидовала ей.

— Что значит, *ты* пойдешь по их следам? — Фарид согнал Гвина с колен и поднялся.

— То и значит. — Лицо Сажерука стало неприступным, как закрытая дверь. — Я пойду за ними, а вы останетесь здесь дожидаться Крапиву и Небесного Плясуна. Скажите им, что я попытаюсь найти пленников, а Небесный Плясун пусть доставит вас в Омбру. Ему все равно не угнаться за мной с его негнущейся ногой. А потом расскажите Роксане, что случилось, чтобы она не подумала, будто я опять сбежал. Мегги пусть пока поживет у Фенолио.

Когда он взглянул на них, лицо у него было сдержанное, как всегда, и все же Мегги прочла в его глазах то же, что испытывала сама: страх, тревогу, ярость... бессильную ярость.

— Но мы должны им помочь! — Голос Фариды дрожал.

— Как? Принц, может быть, сумел бы их спасти, но его, очевидно, схватили, а больше я не знаю никого, кто стал бы рисковать головой ради нескольких комедиантов.

— А тот разбойник, о котором все говорят, этот Перепел?

— Его не существует. — Мегги говорила чуть слышно. — Его выдумал Фенолио.

— Правда? — Сажерук испытующе посмотрел на нее. — Мне приходилось слышать другое, но все может быть... Как только вы доберетесь до Омбры, Небесный Плясун должен пойти к комедиантам и рассказать, что произошло. Я знаю, что у Черного Принца есть свои люди, по-настоящему ему преданные и, наверное, даже хорошо вооруженные, но я понятия не имею, где их искать. Может быть, это знает кто-нибудь из комедиантов. Или сам Небесный Плясун. Он должен как-нибудь передать им весть. На другой стороне леса есть мельница, ее называют Мышиной мельницей, никто не знает почему, но это одно из немногих мест к югу от Чащи, где можно встретиться и обменяться новостями без того, чтобы это в ту же минуту стало известно Змееглаву. Мельник так богат, что не боится

даже латников. Так что если кому-то нужно встретиться со мной или сообщить что-то, что может помочь пленникам, пусть шлет весть туда. Я буду время от времени заходить и справляться. Ясно?

Мегги кивнула.

— Мышиная мельница! — повторила она тихо, не отрывая глаз от окровавленной соломы.

— Хорошо, Мегги займется всем этим, а я пойду с тобой. — В голосе Фарида звучал такой вызов, что девочка, все еще молча сидевшая на коленях рядом с Мегги, испуганно схватила ее за руку.

— Предупреждаю: прекрати эти разговоры, что ты должен меня охранять! — грозно сказал Сажерук, и Фарид опустил глаза. — Я иду один, и точка. Ты присмотришь за Мегги и ребенком до прихода Крапивы. А потом пусть Небесный Плясун отведет вас в Омбру.

— Нет!

Мегги увидела слезы в глазах Фарида, но Сажерук уже повернулся и без дальних слов пошел к выходу из пещеры. Гвин метнулся за ним.

— Если они не придут до темноты, — бросил Сажерук через плечо, — разведите огонь. Не из-за солдат. Волки и ночные духи вечно голодны — одних манит ваша кровь, других ваш страх.

И он ушел, а Фарид глядел ему вслед со слезами на глазах.

— Чертов ублюдок! — шептал он. — Тресклятая скотина, но я ему покажу! Я прокрадусь за ним. Я буду его охранять! Я в этом поклялся.

Он опустился на колени перед Мегги и взял ее за руку.

— Ты ведь пойдешь в Омбру, правда? Прошу тебя! Я должен следовать за ним, ты ведь понимаешь!

Мегги промолчала. Да и что она могла сказать? Что и она ни за что не пойдет обратно? Чтобы он начал ее уговаривать? Пролаза потерял ногу Фарида и скользнул прочь. Девчушка побежала было за куницей, но остановилась у выхода из пещеры, маленькая потерянная фигурка, ужасно одинокая. «Совсем как я», — подумала Мегги.

Не глядя на Фарида, она вытащила из-за пояса пергамент Фенолио. Разбирать буквы в полумраке пещеры было трудно.

— Что это? — Фарид поднялся.

— Слова. Всего лишь слова, но и то лучше, чем ничего.

— Подожди. Я тебе посвечу!

Фарид потер друг об друга кончики пальцев, что-то зашептал, и вскоре на ногте у него появилось пламя. Он тихонько подул на огонек, пока тот не вытянулся, как пламя свечи, и поднес палец к пергаменту. Буквы заблестели в трепещущем свете, как будто Розенкварц обвел их свежими

чернилами.

«Бесполезно! — говорил какой-то голос в душе Мегги. — Прокую от них не будет! Мо далеко, очень далеко, а может быть, его уже нет в живых». «Замолчи! — приказала Мегги этому голосу. — Больше я все равно ничего не могу сделать, совсем ничего!» Она подтянула к себе испачканное кровью одеяло, положила на него пергамент и провела пальцами по губам. Малышка все еще стояла на пороге пещеры, поджидая маму.

— Читай, Мегги! — Фарид ободряюще кивнул ей.

И она стала читать, вцепившись ногтями в одеяло, пропитанное кровью Мо.

— «Мортимер почувствовал боль... — Ей казалось, что она сама чувствует эту боль в каждой букве, которую произносил ее язык, в каждом слове, выходявшем изо рта. — Рана пылала. Она пылала, как ненависть в глазах Мортолы, когда старуха выстрелила в него. Может быть, эта ненависть и высасывала из него жизнь, делала его все слабее и слабее. Он чувствовал горячую влагу собственной крови на коже, чувствовал, как смерть тянется к нему. Но вдруг рядом оказалось еще что-то: слова. Слова, смягчавшие боль, охлаждавшие лоб и говорившие о любви, только о любви. От них становилось легче дышать и закрывалась рана, через которую проникала смерть. Он ощущал их звук кожей и глубиной сердца. Все громче и отчетливее доносились слова сквозь тьму, грозившую поглотить его. И вдруг он узнал произносивший их голос. Это был голос его дочери, и Белые Женщины отдернули руки, словно ее любовь обожгла их».

Мегги закрыла лицо руками. Пергамент свернулся в трубочку у нее на коленях, как будто сам понимал, что его дело сделано. Солома колола ее сквозь платье, как тогда, в застенке, где Каприкорн запер их с Мо. Она почувствовала, что ее гладят по голове, и на одно безумное мгновение подумала, что слова Фенолио вернули Мо сюда, в пещеру, целым и невредимым, и все снова хорошо. Но, подняв голову, увидела, что это всего лишь Фарид.

— Это было чудесно! — сказал он. — Я уверен, что подействовало. Вот увидишь.

Но Мегги покачала головой.

— Нет! — прошептала она. — Это всего лишь красивые слова, а мой отец сделан не из слов Фенолио, а из плоти и крови.

— Ну и что? Что из этого? — Фарид отвел ее руки от заплаканного лица. — Может быть, на самом деле все состоит из слов. Вот посмотри на

меня. Можешь даже ущипнуть. Разве я из бумаги?

Нет, не похоже. И Мегги невольно улыбнулась сквозь слезы, когда он поцеловал ее.

Вскоре после ухода Сажерука они услышали шаги в лесу. Фарид развел костер, как советовал ему Сажерук, и Мегги присела у огня бок о бок с ним. Малышка пристроилась рядом, положив голову ей на колени. Крапива ни слова не сказала, увидев в сгущавшихся сумерках разоренный лагерь. Она молча ходила от одного мертвеца к другому, пытаясь услышать где-нибудь биение живого сердца, а Небесный Плясун слушал с застывшим лицом то, что велел передать ему Сажерук. Фарид, видимо, только теперь понял, что Мегги, как и он, не собирается возвращаться в Омбру, когда услышал, что она просит Небесного Плясуна передать весточку не только Роксане и комедиантам, но и Фенолио. По его неподвижному лицу невозможно было догадаться, сердит его это решение или радует.

— Я передам письмо для Фенолио! — Мегги с тяжелым сердцем вырвала листок из блокнота, подаренного Мо. Но разве могла она использовать этот подарок лучше, чем для его же спасения? Если только она еще может его спасти... — Ты найдешь его на улице сапожников, в доме Минервы. Очень важно, чтобы никто, кроме него, не видел этого письма.

— Я знаю Чернильного Шелкопряда! — Небесный Плясун смотрел, как Крапива накрывает лицо очередному мертвецу изорванным плащом. Потом, нахмутив лоб, он перевел глаза на исписанный листок бумаги. — Случалось, что гонцов вешали за буквы, которые они несли за поясом. Надеюсь, тут ничего такого не написано? Не говори, не надо! — отмахнулся он, когда Мегги хотела ответить. — Вообще-то я всегда прошу прочитать мне слова, которые беру с собой, но сейчас у меня такое чувство, что лучше мне их не знать.

— Что она могла написать? — горько сказала Крапива. — Наверное, благодарит старика за то, что его песни привели ее отца на виселицу. Или просит написать для него предсмертную песню, последнюю песню Перепела. Я сразу почуяла беду, как только увидела шрам у него на руке. Я всегда считала, что Перепел — выдумка, как все эти благородные принцы и принцессы, о которых поется в песнях. «Ну, стало быть, ты ошибалась, Крапива! — сказала я себе. — И уж конечно ты не первая, кто заметил шрам». А Чернильному Шелкопряду, как на грех, понадобилось точнехонько его описать. Провалиться бы старому простофиле вместе с его дурацкими песнями! И так уже несколько человек повесили, принимая за Перепела, а теперь Змеглав, похоже, поймал настоящего, и на этом игра в

героя закончилась. Защищать слабых, грабить сильных... да, звучит все это прекрасно, но герои бессмертны только в песнях, и твой отец тоже скоро, слишком скоро поймет, что маска не спасает от смерти.

Мегги сидела молча и во все глаза смотрела на старуху. О чем она говорит?

— Что ты глядишь на меня так ошалело? — прикрикнула на нее Крапива. — Ты что, думаешь, Змееглав послал сюда своих людей ради двух-трех стариков и беременных женщин? Или ради Черного Принца? Ерунда! Принц от Змея никогда не прятался. Нет. Кто-то прокрался во Дворец Ночи и нашептал в ухо Змею, что в тайном лагере комедиантов лежит раненый Перепел, так что остается только прийти и забрать его заодно с несчастными фиглярами, приютившими его. Тот, кто это сделал, знает наш лагерь и уж конечно получил немало серебра за предательство. Змееглав устроит из казни целое представление, Чернильный Шелкопряд напишет об этом трогательную поэму, и, может быть, вскоре еще один смельчак наденет птичью маску, потому что песни будут петь и дальше, когда труп твоего отца давно уже закопают за Дворцом Ночи.

Кровь стучала в ушах у Мегги, заглушая другие звуки.

— О каком шраме ты толкуешь? — Ее слабый голосок был сейчас еле слышен.

— О шраме на его левой руке, ты наверняка его знаешь! В песнях говорится, что собаки Змееглава укусили Перепела за руку, когда он охотился в его лесу на белых оленей...

Фенолио. Что он натворил?

Мегги прижала руку ко рту. В голове у нее раздались слова Фенолио, там на винтовой лестнице к мастерской Бальбулуса: «Понимаешь, я люблю брать для своих персонажей образцы из жизни. Не все писатели так делают, но у меня они получаются тогда гораздо живее. Я беру от настоящего человека выражение лица, повадки, походку, голос, иногда родинку или шрам, то да се — и персонаж обретает плоть и дыхание, так что всякий, кто о нем читает или слышит, видит его перед собой, как живого. Для Перепела выбор был невелик...»

Мо. Фенолио взял за образец ее отца! Мегги посмотрела на спящую девочку. Сама она тоже часто спала так, уткнувшись головой в колени Мо.

— Отец Мегги — Перепел? — Фарид недоверчиво улыбнулся. — Чушь какая! Волшебный Язык даже кролика убить не способен! Не сомневайся, Мегги, Змееглав тоже скоро это заметит и отпустит его. А сейчас пошли! — Он протянул ей руку. — Нам нужно торопиться, а то мы не догоним Сажерука.

— Вы хотите идти за ним? — Крапива покачала головой на такое неразумие, а Мегги тем временем осторожно переложила голову ребенка со своих колен на траву.

— Держите на юг, если потеряете его след в темноте, — сказал Небесный Плясун. — Все время на юг, так вы в конце концов выйдете на дорогу. Только берегитесь волков, их здесь много.

Фарид кивнул:

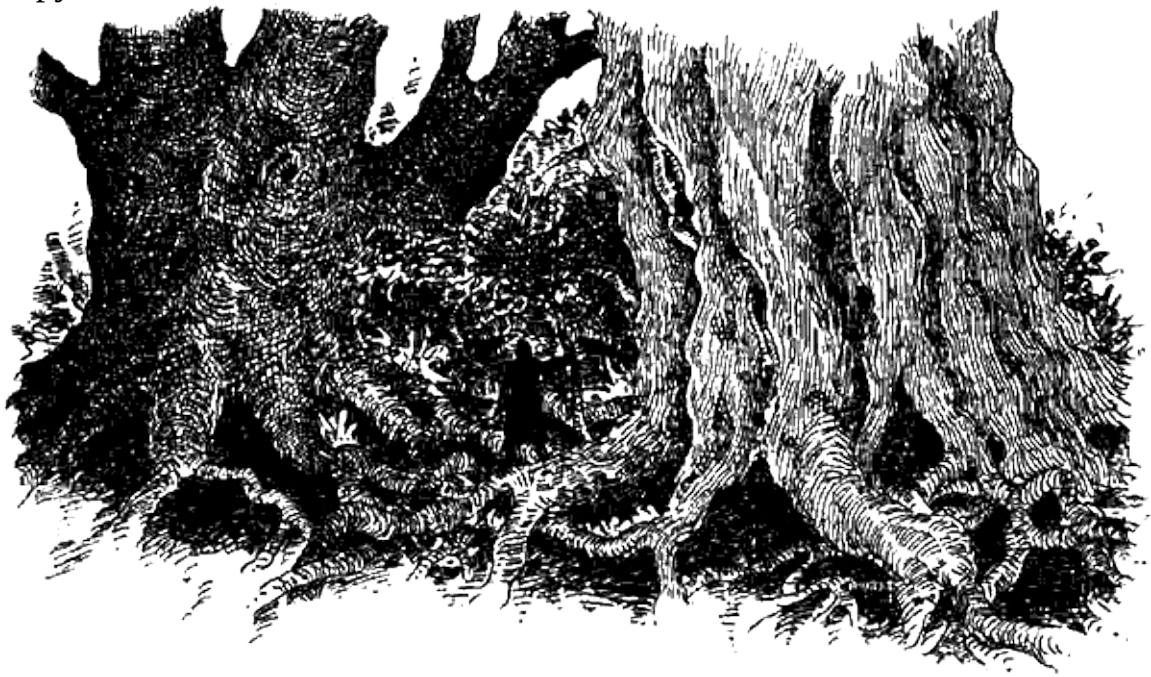
— У меня есть огонь! — Он пустил по ладони прыгающую искру.

Небесный Плясун усмехнулся:

— Здорово! Может быть, ты и впрямь сын Сажерука, как подозревает Роксана?

— Кто знает? — загадочно ответил Фарид и потащил Мегги к выходу из пещеры.

Как оглушенная, шла она за ним к темным деревьям. Разбойник! Она ни о чем больше не могла думать. Фенолио сделал из Мо разбойника, героя своей книги! В эту минуту она ненавидела писателя не меньше, чем Сажерук.

АУДИЕНЦИЯ ДЛЯ ФЕНОЛИО

— Леди Кора, — сказал он, — иногда просто приходится делать не слишком приятные вещи. Серьезные ситуации не разрешаются в шелковых перчатках. Нет. Мы делаем историю.

Мервин Пик. Горменгаст. Первая книга: Титус Гроан

Фенолио ходил взад-вперед по комнате. Семь шагов от двери до окна и семь от окна до двери. Мегги не было, и никто не мог ему рассказать, застала ли она отца в живых. Что за чудовищная путаница! Всякий раз, когда он надеялся навести наконец порядок в своем сочинении, случалось что-нибудь, что совершенно не входило в его планы. Может быть, он и правда существует — тот дьявольский рассказчик, что взялся дописывать его книгу за него, придумывая все новые повороты, коварные, непредсказуемые повороты, и рокируя его персонажей, как шахматные фигуры, а то и ставя на доску новые, которые не имели к замыслу автора решительно никакого отношения.

И Козимо до сих пор не прислал за ним гонца! «Ничего, терпение! — сказал себе Фенолио. — Он ведь только что поднялся на трон, и дел у него, конечно, невпроворот. Все эти подданные, стремящиеся к нему со всех концов, челобитчики, вдовы, сироты, его управляющие, егеря и еще собственные сын и жена...»

— Ерунда все это! Меня он должен был позвать первым делом! — Фенолио произнес эти слова с таким раздражением, что сам испугался звука своего голоса. — Меня! Человека, вернувшего его к жизни, и попросту своего создателя!

Он подошел к окну и посмотрел на замок. На левой башне развевалось знамя Змея. Да, Змееглав был в Омбре, он, видно, мчался во весь опор, чтобы лично взглянуть на своего воскресшего из мертвых зятя. Огненного Лиса он на этот раз с собой не взял, наверное, тот сейчас жжет и грабит во славу своего хозяина где-нибудь еще. Зато Свистун расхаживал по улицам Омбры, всегда в сопровождении нескольких латников. Что им здесь надо? Неужели Змееглав всерьез надеется все же посадить своего внука на трон?

Нет, этого Козимо не допустит.

На мгновение Фенолио забыл свою досаду и невольно улыбнулся. Вот если бы он мог рассказать Змееглаву, *кто* расстроил его прекрасные планы! Какой-то поэт! Как бы это его уязвило! Отличный сюрприз приготовили старому злодею они с Мегги — с помощью его слов и ее голоса!

Бедная Мегги. Бедный Мортимер.

Как умоляюще она на него смотрела! И какой балаган он перед ней разыграл! Как бедняжка могла подумать, что он может какой-то парой фраз помочь ее отцу — при том, что не он и вычитал его сюда. Не говоря уж о том, что Мо — не его создание. Но как Мегги на него смотрела! У него просто не хватило духу отпустить ее без всякой надежды.

Розенкварц сидел на конторке, скрестив прозрачные ножки, и кидался в фей хлебными крошками.

— Прекрати! — прикрикнул на него Фенолио. — Хочешь, чтобы они снова схватили тебя за ноги и потащили к окну? На этот раз я не стану тебя спасать! Я даже не пойду вниз сметать в кучку осколки, которые останутся от тебя там, в свином навозе. Пусть уж мусорщик грузит тебя на свою тележку.

— Ну конечно, срывай свою злость на мне! — Стекланный человечек повернулся к нему спиной. — Козимо тебя от этого быстрее не позовет!

Тут он был, к сожалению, прав. Фенолио подошел к окну. Оживление на улицах, вызванное появлением Козимо, уже улеглось, возможно, его приглушило присутствие Змееглава. Люди снова занялись своими делами, свиньи копались в отбросах, дети гонялись друг за дружкой между тесно стоящими домами, и порой сквозь толпу проезжал верхом солдат. Солдат сегодня попадалось явно больше, чем обычно. Козимо, видимо, приказал патрулировать город. Вероятно, он не хотел, чтобы латники давили конями его подданных только за то, что те оказались у них на дороге. Да, Козимо наведет тут порядок! Он будет хорошим правителем, насколько правитель может быть хорошим. Кто знает, может быть, он даже в ближайшее время разрешит комедиантам приходить в город по обычным базарным дням.

— Вот именно. Это будет мой первый совет. Он должен снова

допустить комедиантов в город, — пробормотал Фенолио. — И если сегодня до вечера он за мной не придет, я отправлюсь к нему без приглашения. Что он себе думает, негодник неблагодарный? Что вернуться из царства мертвых — самое обычное дело?

— Мне казалось, он никогда и не умирал. — Розенкварц забрался наверх в свое гнездышко. Там Фенолио было его не достать, и он это отлично знал. — А что с отцом Мегги? Как ты думаешь, он еще жив?

— Откуда мне знать? — сердито ответил Фенолио. Напоминание о Мортимере было ему неприятно. — Ну уж за эту передрыгу на меня никто не может возложить ответственность! — пробурчал он. — Что я могу сделать, если каждый вписывает в мою историю, что хочет, как будто это яблоня, которую нужно подстричь, чтобы лучше плодоносила.

— Подстричь? — переспросил Розенкварц. — По-моему, они все к ней что-нибудь прибавляют. Твоя история разрастается, как сорная трава! И вид у этой травы не самый привлекательный, если хочешь знать мое мнение.

Фенолио раздумывал, не швырнуть ли в него чернильницей, но тут в дверь просунула голову Минерва.

— Гонец, Фенолио! — Лицо у нее покраснело, как от быстрого бега. — Гонец из замка! Он хочет тебя видеть! Козимо хочет тебя видеть!

Фенолио бросился к двери, на ходу оправляя хламиду, сшитую ему Минервой. Он не вылезал из этой обновки уже несколько дней, она вся измялась, но тут уж сейчас ничего не поделаешь. Когда он хотел заплатить Минерве, та покачала головой и сказала, что он уже заплатил — теми историями, что каждый вечер рассказывает детям. И все же хламида была великолепная, хоть и куплена всего лишь за детские сказки.

Гонец ждал на улице перед домом. Лицо у него было серьезное, лоб нетерпеливо нахмурен. Плащ на нем был черный, с вышитыми слезами, как будто на троне все еще восседает Герцог Вздохов.

«Ничего. Все будет теперь по-другому! — думал Фенолио. — Без всякого сомнения! Отныне я буду рассказывать эту историю дальше, а не мои персонажи». Его вожатый ни разу не поднял на него взгляда, пока они шли по улицам Омбры. «Чурбан неприветливый!» — отругал его Фенолио про себя. Но, возможно, и этот гонец вышел из-под его пера: одна из многих безымянных фигур, которыми он населил этот мир, чтобы главным его героям не оставаться здесь в одиночестве.

На внешнем дворе слонялась между конюшнями толпа латников. Фенолио раздраженно спросил себя, что они здесь делают. На стене между зубцами ходили дозором люди Козимо, как свора собак, которой поручили охранять волчью стаю. Латники угрюмо поглядывали на них, задирая

головы. «Глядите-смотрите! — думал Фенолио. — Главной роли ваш мрачный хозяин в моей истории не сыграет. Он эффектно уйдет, как подобает приличному злодею. Может быть, потом придется сочинить нового негодяя — книги быстро становятся скучными, если в них нет приличного злодея. Но Мегги вряд ли станет помогать мне оживить такого».

Стража у ворот внутреннего двора опустила копья.

— В чем дело?

Громовой голос Змееглава раздался навстречу Фенолио, едва тот ступил на внутренний двор.

— Ты хочешь сказать, вшивая мохнатая морда, что он снова заставляет меня ждать?

Ему что-то тихо отвечал робкий испуганный голосок. Фенолио увидел, что перед Змееглавом стоит Туллио, маленький паж Жирного Герцога. Он доходил правителю как раз до расшитого серебром пояса. За ним застыли двое стражников Жирного Герцога, но за спиной Змееглава выстроились не менее двадцати тяжеловооруженных воинов — пугающее зрелище, хотя с ними не было Огненного Лиса и даже Свистун куда-то запропастился.

— Вас примет ваша дочь. — Голосок Туллио дрожал как осиновый лист.

— Моя дочь? Если мне захочется поговорить с Виолантой, я вызову ее к себе во дворец. Я хочу увидеть наконец этого мертвеца, вернувшегося к живым! Так что води меня немедленно к Козимо, вонючий кобольдский ублюдок!

Бедняга Туллио затрясся всем телом.

— Правитель Омбры, — произнес он тоненьким голоском, — вас не примет!

Эти слова заставили Фенолио отшатнуться, как удар в грудь, и он ступил прямо в розовый куст, вцепившийся шипами в его свежесшитую хламиду. Это еще что значит? Не примет? Входит ли это в его планы?

Змееглав выпятил губы, как будто ему в рот попала какая-то гадость. На висках у него вздулись жилы — темные полосы на пошедшей красными пятнами коже. Он окинул Туллио взглядом саламандры, взял из рук ближайшего к нему солдата арбалет и, когда Туллио съежился, как напуганный кролик, направил его на птицу в небе. Выстрел был меткий. Птица с окровавленными желтыми перьями упала прямо к ногам Змееглава. Золотой пересмешник. Фенолио придумал этих птиц специально для замка Жирного Герцога. Змееглав нагнулся и вырвал стрелу

из крошечной грудки.

— На, держи! — Он сунул мертвую птицу в руку Туллио. — И передай своему хозяину, что разум он, видимо, оставил в царстве мертвых. На первый раз пусть это послужит ему извинением, но если он и в следующий мой приезд пошлет тебя ко мне с такой наглой вестью, то обратно получит со стрелой в груди уже не птичку, а тебя самого. Передашь?

Туллио посмотрел на окровавленную птицу у себя в руке и кивнул.

А Змееглав круто повернулся и махнул своей свите следовать за ним. Вожатый Фенолио боязливо опустил голову, пока они шагали мимо. «Смотри на него внимательней! — думал Фенолио, когда Змееглав проходил так близко от него, что ему в ноздри ударил запах пота. — Ведь это твое создание!» Но вместо этого он втянул голову в плечи, как черепаха, почуявшая опасность, и не шевелился, пока не затворилась дверь за последним латником.

Перед высокой дверью, оставшейся закрытой для Змееглава, стоял Туллио, глядя на мертвую птицу.

— Показать ее Козимо? — спросил он с искаженным лицом, когда Фенолио и гонец приблизились.

— Пошли ее на кухню, чтобы тебе приготовили жаркое, и отойди с дороги, — резко сказал ему вожатый Фенолио.

Тронный зал не изменился с тех пор, как Фенолио был здесь в последний раз. Окна по-прежнему были завешены черными гардинами, свет давали лишь огоньки свечей, и на каждого, кто приближался к трону, смотрели пустыми глазами статуи. Но на высоком престоле сидел теперь их живой образец, так похожий на свои мраморные изображения, что темный зал показался Фенолио зеркальным кабинетом.

Козимо был один. Ни Уродины, ни его сына не было видно. Только шесть стражников стояли в глубине, почти не различимые в полумраке.

Фенолио остановился на почтительном расстоянии от ступеней трона и поклонился. Хотя он считал, что ни в том, ни в этом мире нет никого, перед кем он, Фенолио, должен был бы склонять голову, и уж тем более это относится к персонажам, которых он создал своим пером, ему все же приходилось следовать правилам им же придуманного мира, а поклон перед теми, кто одевался в шелк и бархат, был здесь такой же естественной, необсуждаемой вещью, как рукопожатие в прежнем его мире.

«Давай, гнись, старик, хоть поясница и ноет! — думал он, смиренно опуская голову. — Ты сам все так устроил».

Козимо смотрел на него, похоже, мучительно пытаясь вспомнить его

лицо. Он был весь в белом, словно желая подчеркнуть свое сходство со статуями.

— Ты ведь Фенолио, поэт, которого называют Чернильным Шелкопрядом?

Фенолио представлял себе его голос более густым. Козимо рассматривал статуи, переводя взгляд с одной на другую.

— Мне кто-то посоветовал позвать вас. Кажется, моя жена. Она говорит, что вы самый умный человек на всем пространстве между этим замком и дворцом Змееглава и что умные люди мне пригодятся. Но я позвал вас не за этим...

Виоланта? Виоланта советовала его позвать? Фенолио попытался скрыть свое изумление.

— Не за этим? За чем же тогда, ваша милость?

Козимо посмотрел на него таким отсутствующим взглядом, словно старик был прозрачным. Потом перевел взгляд на свои ноги, пригладил великолепную тунику и поправил пояс.

— Моя одежда мне теперь не подходит, — заметил он. — Все немного длинно или широко, как будто сшито для этих статуй, а не для меня.

Он растерянно улыбнулся Фенолио. Это была улыбка ангела.

— Вы... м-м... пережили трудные времена, ваша милость, — сказал Фенолио.

— Да-да, мне все это говорят. Знаете, я не помню. Я очень мало что помню. У меня такое странное чувство пустоты в голове. — Он провел рукой по лбу и снова посмотрел на статуи. — Поэтому я вас и позвал, — продолжил он. — Вы, говорят, мастер слова, и я хочу, чтобы вы помогли мне вспомнить. Тем самым я возлагаю на вас поручение написать полную повесть о Козимо. Собирайте рассказы моих солдат, моих слуг, моей няньки, моей... жены. — Он мгновение поколебался, прежде чем произнести последнее слово. — Бальбулус перепишет вашу повесть на пергамент и украсит миниатюрами, и мне нужно будет лишь позвать чтеца, чтобы голова моя вновь наполнилась словами и картинами. Справитесь вы с таким поручением?

Фенолио поспешно кивнул:

— О, конечно, конечно, ваша милость. Я все запишу. Истории из вашего детства, когда еще был жив ваш высокочтимый отец, истории о первых ваших выездах в Непроходимую Чашу, все о том дне, когда ваша жена впервые приехала в этот замок, и о том, когда родился ваш сын.

Козимо кивнул.

— Да, да! — сказал он с облегчением в голосе. — Я вижу, вы поняли

свою задачу. И не забудьте мою победу над поджигателями и время, которое я провел у Белых Женщин.

— Разумеется.

Фенолио незаметно вглядывался в прекрасное лицо. Как могло такое случиться? Конечно, по его замыслу он должен был не только считать себя настоящим Козимо, но и разделять с мертвецом все воспоминания...

Козимо поднялся с трона, на котором еще так недавно сидел его отец, и зашагал взад-вперед по возвышению.

— Некоторые истории я уже слышал. От моей жены.

Уродина. Опять она. Фенолио оглянулся.

— А где ваша жена?

— Ищет моего сына. Он убежал, потому что я не пожелал принять его деда.

— Ваша милость, позвольте мне задать вопрос. Почему вы не пожелали его принять?

Тяжелая дверь за спиной Фенолио отворилась, и в нее проскользнул Туллио. Мертвой птицы у него в руках уже не было, но на лице его, когда он присел на ступенях у ног Козимо, явственно читался страх.

— Я не собираюсь его больше принимать. — Козимо остановился перед троном и провел рукой по гербу своего дома. — Я приказал страже у ворот никогда больше не пропускать в замок моего тестя и всех, кто ему служит.

Туллио поднял на него такие изумленные и испуганные глаза, словно уже чувствовал стрелу Змееглава в своей мохнатой груди.

Но Козимо невозмутимо продолжал:

— Мне рассказали, что происходило в моем герцогстве, пока я... — он заколебался на мгновение, — отсутствовал. Да, назовем это так: в мое отсутствие. Я выслушал моих управляющих, егерей, купцов, крестьян, моих солдат и мою жену. Так я узнал много интересного... и внушающего тревогу. И представьте себе, поэт, почти все, что мне рассказывали дурного, было так или иначе связано с моим тестем! Скажите — вы, говорят, свой человек среди Пестрого Народа, — что рассказывают о Змееглаве комедианты?

— Комедианты? — Фенолио откашлялся. — Да то же, что и все остальные. Что он очень могуществен, пожалуй, даже чересчур.

Козимо невесело усмехнулся:

— Да уж, в этом сомневаться не приходится. И что же дальше?

«Чего он хочет? Ты должен это знать, Фенолио, — с тревогой подумал он. — Если уж ты не знаешь, что творится в голове у этого юноши, то кто

же тогда?»

— Они говорят, что Змееглав правит железной рукой, — нерешительно ответил Фенолио. — В его владениях нет другого закона, кроме его слова и печати. Он мстителен и самолюбив, он сдирает со своих крестьян столько, что они голодают, посылает строптивых подданных и даже детей в серебряные рудники, где они работают, пока у них кровь не пойдет горлом. Охотившимся на дичь в его лесу выкалывают глаза, вора́м отрубают правую руку — наказание, которое ваш отец, к счастью, давно уже отменил. Единственный комедиант, который может без опасности для жизни показаться у Дворца Ночи, это Свистун — когда он не грабит по деревням вместе с Огненным Лисом.

«Господи, неужели я все это написал? — удивился Фенолио. — Видимо, да».

— Все это я уже слышал. Что еще?

Козимо скрестил руки на груди и снова зашагал взад-вперед. Он был и правда красив, как ангел. «Надо было сделать его немного менее красивым, — подумал Фенолио. — А то у него прямо какой-то ненастоящий вид».

— Что еще? — Он наморщил лоб. — Змееглав всегда боялся смерти, но с возрастом это перешло у него в настоящую одержимость. Говорят, будто ночи он проводит на коленях, плача, бранясь и трясясь от страха, что за ним придут Белые Женщины. Он моется по несколько раз в день, опасаясь заразы и болезни, и рассылает в дальние страны гонцов с полными ларцами серебра, чтобы они отыскиали ему средство от старости. Кроме того, он женится на все более молодых женщинах в надежде, что у него наконец родится сын.

Козимо остановился.

— Да-да! — тихо сказал он. — Все это мне рассказывали. Но ведь есть истории и похуже. Когда вы дойдете до них? Или мне вам рассказать?

Не успел Фенолио вымолвить слова, как принц продолжил за него:

— Говорят, Змееглав посылает ночами Огненного Лиса в мои владения, чтобы тот запугивал моих крестьян. Говорят, он считает своей всю Непроходимую Чащу, грабит моих купцов, когда они бросают якорь в его гавани, вымогает у них плату за свои мосты и дороги и платит разбойникам, делающим мои дороги небезопасными. Говорят, деревья для своих кораблей он рубит в моей части леса, а его шпионы шныряют в моем замке и по улицам Омбры. Говорят, он даже моему сыну платил за то, чтобы тот докладывал ему обо всем, что мой отец обсуждал в этом зале со своими советниками. И наконец... — Козимо сделал эффектную паузу. —

Меня заверили, что гонец, предупредивший поджигателей о моем наступлении, был послан моим тестем. Говорят, чтобы отпраздновать мою смерть, он приказал подать на обед перепелов с посеребренными перьями и послал моему отцу в утешение письмо на пергаменте, так искусно пропитанном ядом, что каждая буква была смертельна, как укусы змеи. Вы все еще спрашиваете, почему я не желаю его принимать?

«Пергамент, пропитанный ядом? Господи, кто же додумался до такого? Во всяком случае, не я», — решил Фенолио.

— Дар речи покинул вас, поэт? — спросил Козимо. — Поверьте, и со мной случилось то же, когда я слушал обо всех этих ужасах. Как же говорить с таким соседом? А что вы скажете о слухе, будто Змееглав велел отравить мать моей жены за то, что ей слишком нравилось пение одного шпильмана? Что вы скажете о том, что он послал на подмогу Огненному Лису своих латников, чтобы я ни при каких обстоятельствах не вернулся из похода на крепость поджигателей? Мой тесть пытался устранить меня, поэт! Я забыл целый год моей жизни, а все, что случилось до того, помню так расплывчато, словно это было не со мной. Они говорят, что я был мертв. Они говорят, что меня забрали к себе Белые Женщины. Они спрашивают: «Где ты был, Козимо?» А я не знаю ответа! Зато я знаю теперь, кто желал моей смерти и виноват в том, что я чувствую себя пустым, как выпотрошенная рыба, и младше, чем мой собственный сын. Скажите, какого наказания заслуживает мой тесть за столь неслыханные преступления против меня и других?

Фенолио молча смотрел на него, не в силах вымолвить ни слова. «Кто он? — стучал вопрос у него в голове. — Ради всего святого, Фенолио, ты знаешь, на кого он похож, но кто он?»

— Скажите вы сами, — хрипло выговорил он наконец.

И Козимо снова улыбнулся ему своей ангельской улыбкой.

— Есть лишь одно достойное наказание, поэт! — сказал он. — Я пойду войной на моего тестя и буду воевать, пока Дворец Ночи не будет стерт с лица земли и имя его забыто.

Фенолио стоял в полутемном зале и слышал шум собственной крови, бьющей в виски. «Война? Я, наверное, ослышался! — думал он. — О войне я ничего не писал». Но внутренний голос тихо напомнил ему: «Великая эпоха! Ты ведь написал там что-то о великой эпохе?»

— Он имеет наглость приезжать в мой замок со свитой из головорезов, которые участвовали еще в поджогах Каприкорна! Он сделал своим герольдом Огненного Лиса, против которого я ходил в поход, и прислал Свистуна охранять моего сына! Подумайте, какое бесстыдство! Может

быть, мой отец допускал подобное издевательство, но со мной это не пройдет! Я покажу ему, что теперь на трон сел правитель, который умеет не только рыдать или обжираться.

Лицо Козимо покрылось легким румянцем. В гневе он был еще прекраснее.

«Война! Думай, Фенолио. Соображай. Война! Разве ты этого хотел?» — Он чувствовал, как дрожат его старые колени.

А Козимо почти любовно погладил рукоять меча и медленно вытащил его из ножен.

— Только затем смерть и отпустила меня, поэт, — сказал он, рассекая воздух длинным узким клинком, — чтобы я установил в этом мире справедливость и столкнул с престола этого дьявола. За это стоит бороться, правда? За это стоит даже умереть.

Как он прекрасен сейчас, с обнаженным мечом в руках! И разве он не прав? Может быть, война и в самом деле единственный способ усмирить Змееглава.

— Вы должны помочь мне в этом, Чернильный Шелкопряд. Вас ведь так называют, я слышал. Мне нравится это имя!

Козимо грациозным движением вставил меч обратно в ножны. Туллио, который все еще сидел у его ног на ведущих к трону ступенях, вздрогнул от скрежета остро заточенного металла.

— Вы напишете для меня призывы к моим подданным! Вы объясните им, что наше дело правое, вселите в их сердца энтузиазм и ненависть к врагу. Комедианты нам тоже пригодятся, а вы их друг. Напишите для них пламенные песни, поэт! Песни, зовущие к борьбе! Вы будете ковать слова, а я прикажу ковать мечи, много мечей!

Он был похож на гневного ангела, которому не хватало лишь крыльев, и Фенолио впервые в жизни испытал что-то вроде нежности к своему чернильному созданию. «Я дам ему крылья, — решил он. — Да. С помощью слов».

— Ваше величество! — На этот раз Фенолио согнул шею в поклоне без всякого внутреннего сопротивления, и на какое-то чудное мгновение ему показалось, что он написал себе сына, которого у него никогда не было. «Ну вот, ты становишься сентиментальным на старости лет! — укорил он себя, но от этих слов необычная размягченность в сердце не исчезла. — Мне нужно ехать с ним! Да, я отправлюсь вместе с Козимо в поход против Змееглава, хоть я и старик». Фенолио, герой в им же созданном мире, поэт и воин. Такая роль ему, пожалуй, подойдет. Как будто он написал ее специально для себя.

Козимо снова улыбнулся. Фенолио готов был ручаться головой, что более прекрасной улыбки нет ни у кого ни в том, ни в этом мире.

Туллио, видимо, тоже поддался чарам Козимо, несмотря на страх, который поселил в его сердце Змеглав. Он с восхищением смотрел на своего вновь обретенного хозяина. Но маленькие ручки были сложены на коленях, как будто все еще держали птицу с пробитой грудкой.

— Я уже слышу эти слова! — сказал Козимо, возвращаясь к трону. — Знаете, моя жена любит записанные слова. Слова, налипшие на бумагу или пергамент, какдохлые мухи. И мой отец тоже их любил. Но я хочу слышать слова, а не читать их! Помните об этом, когда будете отбирать самые подходящие, спрашивайте себя, как они будут звучать. Липкими от страсти, темными от печали, сладкими от любви должны они быть! Напишите слова, в которых будет трепетать наш праведный гнев перед злодействами Змеглава, и вскоре этот гнев передастся всем сердцам. Вы напишете обвинение, пламенное обвинение, и глашатаи будут читать его на каждой рыночной площади, а комедианты разнесут повсюду: «Берегись, Змеглав!» Этот клич должен быть слышен и на его стороне Чащи. «Твои преступные дни сочтены!» И вскоре каждый крестьянин добровольно пойдет сражаться под моими знаменами, стар и млад стекутся сюда, в мой замок, на написанный вами призыв! Я слышал, что Змеглав любит порой сжигать в печах своего дворца книги, содержание которых ему не угодно. Но как он сожжет слова, которые у всех на устах?

«Он может сжечь человека, который эти слова произносит, — подумал Фенолио. — Или того, кто их написал». Тревожная мысль несколько остудила жаркое биение его сердца. Козимо словно услышал его мысли.

— Разумеется, вы будете с этого дня находиться под моей личной защитой, — произнес он. — Жить вы отныне будете в замке, в покоях, приличествующих положению придворного поэта.

— В замке? — Фенолио прочистил горло — так смутило его это предложение. — Это... очень великодушно с вашей стороны, ваше величество... действительно великодушно...

Да, началась новая эпоха. Новая, великолепная эпоха. Великая эпоха...

— Вы будете хорошим правителем, ваша милость, — взволнованно сказал он. — Добрым и великим правителем. И мои песни о вас будут петь еще много веков, когда имя Змеглава давно уже будет забыто. Это я вам обещаю.

За его спиной раздались шаги. Фенолио вздрогнул, сердясь, что его прервали в столь волнующий момент. Виоланта поспешно прошла через зал, держа за руку сына. За ней шла ее служанка.

— Козимо! — воскликнула Виоланта. — Выслушай его. Наш сын хочет просить у тебя прощения.

Фенолио подумал, что по виду Якопо этого не скажешь. Виоланта тащила его за собой почти насильно, и лицо у мальчика было мрачное. Похоже, возвращение отца не особенно его обрадовало. Мать его, напротив, сияла. Фенолио никогда не видел ее такой. Родинка на ее лице казалась сейчас лишь легкой солнечной тенью.

И родимое пятно на лице Уродины побледнело. «О Мегги, благодарю тебя! — подумал он. — Как жаль, что тебя нет здесь сейчас...»

— Я не хочу просить прощения! — заявил Якопо, когда мать решительно подтолкнула его к ступенькам трона. — Это он должен попросить прощения у моего деда!

Фенолио незаметно отступил назад. Пора уходить.

— Ты меня помнишь? — услышал он вопрос Козимо. — Я был строгим отцом?

Якопо молча пожал плечами.

— Да, ты был строг, — ответила за него Уродина. — Когда он вел себя так, как сейчас, ты забирал у него его собак. И коня.

О, она умна, умнее, чем думал Фенолио. Он тихо пошел к двери. Хорошо, что он теперь будет жить в замке. Ему нужно присматривать за Виолантой, а то она вскоре наполнит память Козимо воспоминаниями по своему вкусу — как начиняют яблоками потрошеную индюшку. Проходя мимо слуг, отворивших перед ним дверь, он видел, как Козимо рассеянно улыбается своей жене. «Он благодарен ей, — подумал Фенолио. — Он благодарен ей за то, что она наполняет его пустую память словами. Но он ее не любит. Да, об этом ты тоже не подумал, Фенолио! — упрекнул он себя, шагая по внутреннему двору. — Почему ты ничего не написал о том, что Козимо любит свою жену? Не сам ли ты рассказывал в свое время Мегги историю Цветочной девушки, отдавшей свое сердце не тому, кому следовало? Зачем вообще нужны истории, если ничему из них не учиться? Но по крайней мере Виоланта любит Козимо. Достаточно было взглянуть на нее... Это уже что-то... С другой стороны... Служанка Виоланты с прекрасными волосами, Брианна, о которой Мегги говорила, что она дочь Сажерука, — не глядела ли и она на Козимо такими же восхищенными глазами? А Козимо? Разве он не поглядывал на служанку чаще, чем на свою жену? Не важно! — подумал Фенолио. — Тут скоро начнутся вещи поважнее, чем любовь. Намного важнее...»

ЕЩЕ ОДИН ГОНЕЦ

Самые бледные чернила лучше, чем самая лучшая память.

Китайская поговорка

Когда Фенолио вышел из ворот внутреннего двора, Змееглава и его латников уже и след простыл. «Отлично, — думал Фенолио. — Он будет кипеть от гнева всю долгую дорогу домой». Эта мысль вызвала у него улыбку. На внешнем дворе дожидалась кучка людей. Черные от сажи руки красноречиво свидетельствовали об их профессии, хотя они, наверное, долго отмывали их, прежде чем отправиться к своему герцогу. Похоже, здесь собралась вся улица кузнецов. Вы будете ковать слова, а я прикажу ковать мечи, много мечей! «Значит ли это, что Козимо уже начал приготовления к войне? Ну, тогда и мне пора браться за слова», — подумал Фенолио.

Когда он свернул на улицу сапожников, ему показалось, что кто-то идет за ним следом. Обернувшись, он увидел лишь нищего на одной ноге, с трудом проковылявшего мимо. Костыль у него на каждом шагу скользил в грязи, покрывавшей проход между домами, — смеси из свиного навоза, овощных очистков и луж вонючей жижи, которую люди выливали из окон. «Да, калек скоро прибавится, — думал Фенолио, подходя к дому Минервы. — Война — настоящая фабрика калек...» Откуда эта мысль? Он что, сомневается в благородных планах Козимо? Да нет же...

«Клянусь всеми буквами алфавита! По этой лестнице я точно не буду скучать, переселившись в замок! — думал он, с пыхтением поднимаясь по крутым ступенькам в свою мансарду. — Надо только попросить Козимо, чтобы не селил меня в башне. А то в мастерскую Бальбулуса подниматься

тоже ничуть не легче». «Ага, пара лишних ступенек для тебя трудноваты, зато на войну ты собрался на старости лет!» — насмешливо сказал тихий голос у него внутри, вечно высказывавшийся в самый неподходящий момент. Но Фенолио умел его не слушать.

Розенкварца на месте не оказалось. Наверное, он снова вылез через окно, чтобы поболтать со стеклянным человечком, жившим у писца напротив, в доме булочника. Феи, похоже, тоже все разлетелись. В комнате Фенолио было тихо, необычно тихо. Он вздохнул и присел на кровать. Сам не зная почему, он вспомнил своих внуков и тот шум и смех, которыми они наполняли его дом. «Ну и что теперь? — сердито спросил он себя. — Дети Минервы поднимают не меньше шума, и сколько раз уже ты прогонял их во двор, мечтая о тишине!»

На лестнице послышались шаги. Ну вот! Легки на помине! Он сейчас вовсе не расположен рассказывать истории. Ему нужно укладывать вещи, а потом осторожно сообщить Минерве, что ей придется подыскать другого жильца.

— Брысь! — крикнул он через дверь. — Идите погоняйте свиней во дворе или кур, а у Чернильного Шелкопряда нет для вас времени, потому что он переезжает в замок!

Дверь все же распахнулась, но за ней показались не две детские мордашки. На пороге стоял мужчина с пятнистым лицом и глазами слегка навывкате. Фенолио никогда его не видел, и все же посетитель показался ему странно знакомым. На нем были грязные кожаные штаны в заплатках и плащ, при взгляде на который сердце у Фенолио замерло. Он был серебристо-серым — цвет воинов Змееглава.

— Что такое? — резко спросил он, поднимаясь, но незнакомец был уже в комнате.

Он стоял, широко расставив ноги, с ухмылкой, портившей и без того некрасивое лицо. Однако по-настоящему Фенолио испугался, лишь увидев его спутника. Баста улыбался ему, как старому другу после долгой разлуки. Он тоже был одет в серые цвета Змееглава.

— Не повезло, опять не повезло! — сокрушался Баста, оглядывая комнату. — Девчонки здесь нет. А мы-то крались за тобой из замка, как две кошки, в надежде, что поймаем сразу двух птичек! И вот у нас в ловушке один уродливый старый ворон. Ну что ж, один лучше, чем никого. Нельзя требовать от удачи слишком многого, в конце концов, ты же оказался в замке в самый подходящий момент, чего еще желать? Я сразу узнал твою черепашую физиономию, а ты меня даже и не заметил, правда?

Действительно, не заметил. Не разглядывать же ему было каждого из

солдат, сопровождавших Змееглава? «Будь ты поумнее, Фенолио, — сказал он себе, — ты бы именно это и сделал! Как ты мог забыть, что Баста вернулся? Разве то, что случилось с Мортимером, не должно было послужить тебе предупреждением?»

— Вот так сюрприз! Баста! Как это ты ускользнул от Призрака? — спросил он вслух и незаметно отступил на шаг назад, к кровати. После того как одному соседу перерезали во сне глотку, Фенолио положил себе под подушку нож, но не был уверен, что он все еще там лежит.

— Уж извини! Наверное, он меня просто не заметил в этой клетке, — промурлыкал Баста на свой кошачий манер. — Каприкорну повезло меньше, зато Мртола тоже пока жива, и она рассказала нашему другу Змееглаву о трех птичках, которых мы хотим изловить, об опасных колдунах, умеющих убивать при помощи букв. — Баста медленно подошел к Фенолио. — Как ты думаешь, кто эти три птички?

Его спутник пинком закрыл дверь.

— Мртола? — Фенолио пытался говорить насмешливым и высокомерным тоном, но голос его звучал, как карканье издыхающей вороны. — Разве не Мртола засадила тебя в клетку, чтобы скормить Призраку?

Баста пожал плечами и откинул серебристый плащ. Ну конечно, вот он, его нож. Новехонький, судя по виду, роскошнее, чем все, что были у него в другом мире, и, несомненно, такой же острый.

— Да, это было не очень хорошо с ее стороны, — сказал Баста, ласково проводя пальцем по рукоятке. — Но она искренне сожалеет об этом. Ну так что, знаешь ты, каких трех птичек мы ищем? Давай подскажу. Одной мы уже свернули шею, той, что громче всех пела.

Фенолио опустил на кровать — с неподвижным лицом, как ему хотелось думать.

— Ты, наверное, говоришь о Мортимере, — сказал он, медленно засовывая руку под подушку.

— Верно! — улыбнулся Баста. — Жаль, что ты не видел, как она его застрелила. Одним выстрелом в грудь, как ворон, которые клевали всходы на ее грядках.

От этого воспоминания его улыбка стала еще более злобной. О, Фенолио отлично знал, что творится в этом черном сердце! Ведь это он создал Басту, как и Козимо с его ангельской улыбкой. Баста всегда любил подробно описывать как свои, так и чужие злодеяния.

Его спутник был, похоже, не столь разговорчив. Он со скучающим видом оглядывал комнату. Хорошо, что стеклянного человечка нет. Его так

легко уничтожить.

— В тебя мы, пожалуй, стрелять не будем. — Баста подошел к Фенолио еще ближе. Лицо у него было настороженное, как у кошки на охоте. — Тебя мы, наверное, повесим, чтобы твой старый язык вывалился изо рта.

— Как остроумно! — сказал Фенолио, просовывая руку еще глубже под подушку. — Но ты ведь знаешь, чем это кончится. Ты тоже умрешь.

Улыбка мгновенно исчезла с лица Басты, как мышь, юркнувшая в нору.

— Ах да! — злобно прошипел он, невольно хватаясь за амулет на шее. — Я и забыл! Ты ведь воображаешь, что придумал меня. Ну а он? — Баста показал на своего спутника. — Его зовут Мясник. Его ты тоже придумал? Он ведь тоже когда-то работал на Каприкорна. Многие поджигатели носят теперь серебряные цвета Змея, хотя некоторые из нас считают, что с Каприкорном было веселее. Вся эта знать во Дворце Ночи... — Он презрительно сплюнул на пол. — Не случайно, конечно, у Змееглава на щите гадюка. Перед ним нужно ползать на брюхе, это ему любо, высокородному господину! Но нам-то что? Платит он хорошо. Правда, Мясник? — обратился Баста к своему спутнику, который так и не произнес ни слова. — Как ты думаешь, похоже по этому старику, что это он тебя выдумал?

Мясник скривил безобразную физиономию:

— Ну, если и так, то у него, черт побери, неплохо получилось!

— И правда! — рассмеялся Баста. — Вообще-то за одну рожу, которой он тебя наградил, его стоит пощекотать ножичком, а?

Мясник. Да, правда, его он тоже выдумал. Фенолио почувствовал поднимающуюся тошноту при мысли о том, за что он его так окрестил.

— Ну, говори, старик! — Баста нагнулся над ним так низко, что в лицо Фенолио ударил запах мяты. — Где девчонка? Если ты нам расскажешь, где она, мы тебя, может быть, и оставим еще ненадолго в живых и пошлем сперва малышку вслед за отцом. Она наверняка по нему скучает. Они ведь так любили друг друга. Ну, живее, где она? Выкладывай!

Он медленно вытянул из-за пояса нож. Лезвие у него было длинное, чуть изогнутое. Фенолио сглотнул, словно пытаясь загнать назад поднимающийся страх. Он продвинул руку еще дальше под подушку, но пальцы наткнулись лишь на кусок хлеба, который, наверное, засунул туда Розенкварц. «Тем лучше, — подумал он. — Что толку мне было бы от ножа? Баста проткнул бы меня раньше, чем я как следует ухвачусь за рукоятку, не говоря уж о Мяснике». Фенолио почувствовал, что на лбу у

него выступает пот.

— Эй, Баста! Я знаю, ты любишь поговорить, но давай уже его забирать! — Голос у Мясника был хриплый, как у жаб, квакавших ночами на холмах. Ну конечно, так Фенолио его и описал — Мясник с жабым голосом. — Допросить его мы еще успеем, а сейчас надо догонять остальных! — торопил он. — Кто знает, что этот мертвый принц еще затеет! А вдруг он решит не выпускать нас из своих треклятых ворот? Или пошлет нам вслед своих солдат? Остальные наверняка уже за много миль отсюда!

Баста вздохнул и с видом глубокого сожаления заткнул нож обратно за пояс.

— Ладно, ладно, ты прав, — буркнул он. — Такие дела надо делать не спеша. Допрос — это искусство, настоящее искусство.

Он грубо схватил Фенолио за локоть, поднял с кровати и толкнул к двери.

— Как в старые времена, правда? — прошипел он ему в ухо. — Я ведь однажды тащил тебя из твоего дома — помнишь? Веди себя так же хорошо, как тогда, и проживешь еще некоторое время. А когда мы пойдем мимо женщины, которая кормит свиней во дворе, скажи ей, что нас прислала за тобой твоя старая подруга, ясно?

Фенолио молча кивнул.

Минерва не поверит ни единому его слову, но, может быть, она сумеет позвать на помощь?

Баста уже взялся за ручку двери, когда на лестнице вновь раздались шаги. Старые деревянные ступеньки стонали и трещали. Дети. Господи ты боже мой. Но за дверью раздался не детский голосок:

— Чернильный Шелкопряд?

Баста бросил на Мясника встревоженный взгляд. Фенолио узнал голос: это был Небесный Плясун, бывший канатоходец, который нередко приносил ему вести от Черного Принца. Конечно, помочь он не сможет со своей негнущейся ногой! Но что за весть он принес? Может быть, Черный Принц узнал что-то о Мегги?

Баста кивком велел Мяснику встать слева от двери, а сам занял правую сторону. Потом дал знак Фенолио и снова вытащил из-за пояса нож.

Фенолио открыл дверь. Она была такая низкая, что ему приходилось всякий раз пригибаться, проходя в нее. Перед ним стоял Небесный Плясун, потирая колено.

— Проклятая лестница! — проворчал он. — Крутая и скользкая. Хорошо хоть ты дома и мне не придется карабкаться на нее снова.

Он осмотрелся, как будто у старого дома были уши, и полез в кожаную сумку, в которой проделало свой путь столько писем.

— Девушка, которая у тебя жила, шлет тебе это.

Он протянул Фенолио сложенный в несколько раз листок бумаги, похоже, вырванный из блокнота Мегги. Мегги терпеть не могла вырывать страницы из блокнотов, а уж тем более из этого, собственноручно переплетенного ее отцом. Значит, письмо очень важное — и сейчас Баста его отнимет.

— Ну, бери же! — Небесный Плясун нетерпеливо сунул листок ему под нос. — Знаешь, как я торопился его тебе доставить?

Фенолио неохотно взял листок, думая только об одном: письмо Мегги не должно попасть в руки Басты. Ни за что. Он так крепко зажал его в кулак, что ни краешка не было видно.

— Слушай, — тихо продолжал Небесный Плясун, — Змееглав послал своих людей захватить тайный лагерь. Сажерук...

Фенолио чуть заметно покачал головой.

— Отлично. Спасибо тебе большое, только у меня сейчас гости, — сказал он, пытаясь глазами объяснить Небесному Плясуну то, чего не мог сказать вслух. Он вращал ими направо и налево, указывая, как пальцами, туда, где за дверью ждали Баста и Мясник.

Небесный Плясун отступил на шаг.

— Беги! — проговорил Фенолио и одним прыжком выскочил за дверь.

Небесный Плясун чуть не слетел с лестницы, когда Фенолио протиснулся мимо него, но потом поковылял следом. Фенолио кубарем скатился по ступенькам. Он не оборачивался и, еще не добежав донизу, услышал у себя за спиной ругань Басты и жабий голос Мясника. Он слышал, как испуганно закричали дети во дворе, как откуда-то раздался голос Минервы, но в это время он уже несея между закутами и веревками, на которых сушилось у нее на дворе белье. Под ноги ему попала свинья, он споткнулся, упал в грязь и, поднимаясь, увидел, что Небесный Плясун не успел за ним. Да и куда ему, с хромой-то ногой. Баста схватил его за воротник, а Мясник отталкивал Минерву, которая выскочила с граблями ему наперерез. Фенолио укрылся сперва за пустой бочкой, потом за свиным корытом и пополз на четвереньках к одному из закутов.

Деспина.

Девочка смотрела на него расширенными, ничего не понимающими глазами. Фенолио прижал палец к губам, пополз дальше и протиснулся между досками туда, где любили прятаться дети Минервы. Он с трудом там помещался, это было местечко не для стариков, толстеющих в бедрах. Дети

забирались сюда, когда не хотели ложиться спать или делать какую-нибудь домашнюю работу. Свое тайное убежище они показали лишь Фенолио в знак дружбы, за особенно понравившуюся им историю о призраках.

Он услышал вскрик Небесного Плясуна, грубый ор Басты, плач Минервы. Фенолио уже хотел выползти из своего укрытия, но страх парализовал его. Да и что он мог сделать против ножа Басты и меча, висевшего на боку у Мясника? Он прислонился к доскам, слушая, как свинья, похрюкивая, копает рылом землю. Письмо Мегги расплывалось у него перед глазами, листок был весь запачкан грязью, по которой он полз, но буквы можно было кое-как разобрать.

— Я не знаю! — донесся до него крик Небесного Плясуна. — Не знаю, что она написала! Я не умею читать!

Храбрец Небесный Плясун. Скорее всего, он знал. Обычно он просил, чтобы содержание письма ему сообщали и на словах.

— Но где она, ты можешь мне сказать, правда? — Это был голос Басты. — Выкладывай. Она что, с Сажеруком? Я слышал, ты называл старику его имя!

— Не знаю!

Снова раздался крик, Минерва заплакала еще громче и стала звать на помощь, так что ее вопли эхом прокатились по тесной улочке.

«Люди Змееглава увели всех, моих родителей и комедиантов, — читал Фенолио. — Сажерук идет за ними... Мышиная мельница...»

Буквы поплыли у него перед глазами. Снова раздался крик. Он впился зубами в костяшки пальцев с такой силой, что пошла кровь.

«Напиши что-нибудь, Фенолио. Спаси их! Напиши...»

Ему казалось, что он слышит голос Мегги. Снова крик. Нет, не может он здесь отсиживаться. Он выполз наружу и выпрямился.

Баста все еще не выпускал Небесного Плясуна, прижав его к стене дома. Куртка старого канатоходца была вся разодрана и в крови, а перед ним стоял Мясник с ножом в руке. Где же Минерва? Ее нигде не было видно, а Деспина и Иво притаились за закутами и смотрели, что может сделать один человек другому. С улыбкой на губах.

— Баста! — Фенолио сделал шаг вперед. Всю свою ярость и страх он вложил в этот возглас и высоко поднял исписанный листок бумаги.

Баста обернулся с наигранным изумлением.

— Ах вот ты где! — воскликнул он. — Со свиньями! Так я и думал. Ну-ка неси сюда письмо, пока Мясник не покрошил твоего приятеля на куски.

— Нет уж, подходите за ним сами!

— Зачем? — Мясник рассмеялся. — Ты ведь можешь нам его прочитать!

Да, это он мог. Фенолио стоял и не знал, что делать. Почему ему не приходит в голову какая-нибудь отговорка, на которые он всегда был такой мастер? Лицо Небесного Плясуна, обращенное к нему, было искажено болью и страхом. И вдруг, словно не в силах больше ни секунды выдерживать страх, он вырвался и побежал к Фенолио. Бежал он быстро, несмотря на негнущуюся ногу, но нож Басты был быстрее, куда быстрее. Он пронзил спину Небесного Плясуна, как стрела Змееглава — грудку золотого пересмешника. Комедиант упал в грязь, а Фенолио стоял неподвижно и дрожал всем телом. Дрожь била его так сильно, что письмо Мегги выскользнуло из его пальцев и упало на землю. А Небесный Плясун лежал лицом в грязь и больше не шевелился. Деспина вышла из своего укрытия, как ни старался Иво ее там удержать, и уставилась огромными глазами на неподвижную фигуру у ног Фенолио. На дворе стало тихо, совсем тихо.

— Ну, читай же, писака!

Фенолио поднял голову. Перед ним стоял Баста с ножом в руке, тем самым ножом, что минуту назад торчал из спины Небесного Плясуна. Фенолио взглянул на кровь на блестящем лезвии и на письмо Мегги. В руке у Басты. Забыв обо всем, он сжал кулаки и ударил Басту в грудь, как будто не было ни ножа, ни Мясника рядом. Баста отступил на шаг с удивленным и рассерженным видом и упал, споткнувшись о ведро с сорняками, которые выполола со своих грядок Минерва. Отчаянно ругаясь, он поднялся на ноги.

— Бросай эти штуки, старик! — прошипел он. — Предупреждаю в последний раз. Читай!

Но Фенолио успел выхватить из грязной соломы перед свиным закутом навозные вилы Минервы.

— Убийцы! — прошептал он, направляя на Басту грубо выкованные зубцы. Куда пропал его голос? — Убийцы, убийцы! — повторял он все громче и ударил вилами прямо в грудь Басты, туда, где билось его черное сердце.

Баста отскочил с лицом, искаженным гневом.

— Мясник! — позвал он. — Мясник, иди сюда и отбери у него эту чертову вилку!

Но Мясник вышел на улицу перед домом и прислушивался, не выпуская из рук меча. Послышалось цоканье копыт.

— Нам нужно уходить, Баста! — крикнул он. — Сюда едут стражники

Козимо!

Баста смерил Фенолио исполненным ненависти взглядом маленьких глаз.

— Мы еще увидимся, старик! — прошипел он. — Но в следующий раз ты будешь лежать передо мной в грязи, как он. — Баста небрежно переступил через неподвижное тело Небесного Плясуна. — А это, — сказал он, засовывая письмо Мегги за пояс, — прочтет мне Мортولا. Кто бы мог подумать, что третья птичка собственноручно нам напишет, где ее найти? А Огнеглота мы получим в придачу бесплатно!

— Баста, да пойдем же! — Мясник нетерпеливо махал ему рукой.

— Иду, иду, что ты так волнуешься? Думаешь, они нас вздернут за то, что на свете стало одним комедиантом меньше? — спокойно ответил Баста, но все же пошел прочь от Фенолио, помахав ему напоследок.

Фенолио слышал голоса и лязг оружия, но, может быть, ему только казалось. Он опустился на колени рядом с Небесным Плясуном, осторожно перевернул его на спину и приложил ухо к его груди, как будто не видел ясно смерть на его лице. Он слышал, как дети подошли к нему. Деспина положила ему на плечо руку, узкую и легкую, как древесный листок.

— Он умер? — прошептала она.

— Ты же видишь, — сказал ее брат.

— Его теперь заберут Белые Женщины?

Фенолио покачал головой.

— Нет, он пойдет к ним сам, — тихо ответил он. — Ты же видишь, его здесь уже нет. Но они встретят его в своем Белом Дворце. Он выстроен из костей, но тем не менее очень красив. Там есть такой двор, засаженный пахучими цветами, и над ним протянут канат из лунного света, специально для небесных плясунов...

Слова приходили сами собой, красивые, утешительные слова, но были ли они правдой? Этого Фенолио не знал. Он никогда не интересовался тем, что ждет нас после смерти, ни в том, ни в этом мире. Может быть, только тишина, тишина без единого слова утешения.

На улицу, пошатываясь, вышла Минерва с кровавой царапиной на лбу. С ней был цирюльник из дома на углу и еще две женщины с бледными от страха лицами. Деспина бросилась к матери, а Иво остался стоять рядом с Фенолио.

— Ни один не захотел прийти на помощь! — рыдала Минерва, опускаясь на колени рядом с мертвецом. — Все испугались! Все!

— Небесный Плясун! — пробормотал цирюльник. Люди называли его костоправом, извлекателем камней, гадалем по моче, а если пациент у

него умирал — ангелом-душителем. — Неделю назад он спрашивал меня, не знаю ли я средства от боли в колене.

Фенолио вспомнил, что видел этого цирюльника у Черного Принца. Рассказать ему, что за весть принес Небесный Плясун о тайном лагере? Можно ли ему доверять? Нет, лучше никому не доверять. Ничего и никому. У Змееглава много шпионов.

Фенолио поднялся. Никогда еще он не чувствовал себя таким старым, до того старым, что, казалось, еще один день ему уже не пережить. Мельница, о которой писала Мегги, где она, черт побери, находится? Название звучало знакомо... Ну конечно, ведь он сам описал ее в последней главе «Чернильного сердца». Мельник не любил Змееглава, хотя его мельница находилась совсем рядом с Дворцом Ночи, в темной долине к югу от Непроходимой Чащи.

— Минерва, — спросил он, — сколько ехать всаднику отсюда до Дворца Ночи?

— Не меньше двух дней, если он не хочет загнать коня, — тихо ответила Минерва.

Значит, через два дня или чуть меньше Баста узнает, что написано в письме Мегги. Если он действительно поскакал с этим письмом во Дворец Ночи. А куда еще? Читать Баста не умеет, значит, он повезет письмо Мортале. А Сорока наверняка обосновалась в Замке Ночи. Стало быть, через два дня Мортала прочтет письмо Мегги и pošлет Басту на Мышиную мельницу. Где, может быть, дожидается Мегги... Фенолио тяжело вздохнул. Два дня. Может быть, за это время он успеет ее предупредить, но уж точно не успеет написать слова, на которые она надеется. Слова, которые спасут ее родителей.

Напиши что-нибудь, Фенолио. Напиши...

Как будто это так легко! Мегги, Козимо — все они требуют от него слов, но им легко говорить. Чтобы подыскать нужные слова, требуется время, а его-то у Фенолио и не было.

— Минерва, скажи Розенкварцу, что я ушел в замок. — Он вдруг почувствовал страшную усталость. — Скажи, что я приду за ним потом.

Минерва кивнула, глядя по голове Деспину, которая рыдала, уткнувшись лицом в ее юбку.

— Да, иди в замок! — сказала она хрипло. — Иди и скажи Козимо, чтобы он послал солдат вслед убийцам. Клянусь всем святым, я встану в первом ряду, когда их будут вешать!

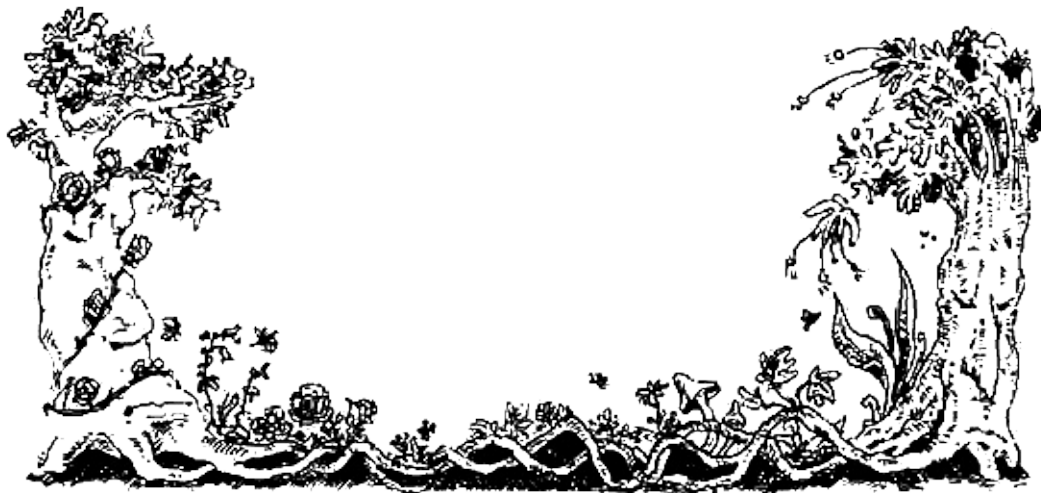
— Вешать? О чем ты говоришь? — Цирюльник провел рукой по редющим волосам и мрачно взглянул на мертвого. — Небесный Плясун

был комедиантом. За убийство комедианта никого вешать не будут. За дичь, пристреленную в Чаще, и то наказывают строже.

Иво посмотрел на Фенолио, не веря своим ушам.

— Их не накажут?

Что он мог ответить? Нет. Басту и Мясника никто не накажет. Может быть, этим займется когда-нибудь Черный Принц или тот, кто надел маску Перепела, но Козимо не пошлет вдогонку убийцам ни одного солдата. Пестрый Народ был свободен, как птица, как по эту, так и по ту сторону Чащи. Никому не подвластен и никем не защищаем. «Но всадника Козимо мне даст, если я попрошу, — подумал Фенолио, — быстрого всадника, который помчится как ветер и предупредит Мегги о приходе Басты. А еще он передаст, что я ищу нужные слова». *Напиши что-нибудь, Фенолио. Спаси их! Напиши что-нибудь, что освободит их и убьет Змееглава...* Да, видит Бог, он это сделает. Он напишет пламенные песни для Козимо и нужные слова для Мегги. И тогда ее голос наконец приведет эту историю к хорошему концу.

БЕЗНАДЕЖНО

Соусник поднялся и пошел на тонких серебряных ножках к своему блюду, переваливаясь с боку на бок, как сова.

— Соусник просто очарователен! — сказал Варт. — Откуда он у вас?

Т. Х. Уайт. Король Артур. Часть 1

К счастью, Дариус умел готовить, иначе Орфей, наверное, запер бы Элинора обратно в подпол после первой же трапезы и стал вычитывать себе еду из ее книг. Но благодаря кулинарному искусству Дариуса они все чаще и дольше бывали наверху — правда, всегда под присмотром Сахарка, — потому что Орфей любил поесть, а стряпня Дариуса ему нравилась.

Опасаясь, как бы Орфей не стал отпускать наверх одного Дариуса, они делали вид, будто это Элинора знает рецепты всех ароматных вкусов, подававшихся на стол, а Дариус лишь помогает ей резать, взбивать и помешивать. Но как только Сахарок, соскучившись на них смотреть, выходил в коридор, тупо пялясь на книжные полки, Дариус брался за поварешку, а Элинора резала и взбивала по его указаниям, хотя к этому у нее было не больше способностей, чем к стряпне.

Иногда на кухню забредало какое-нибудь растерянно озирающееся создание, то в человеческом облике, то мохнатое или пернатое, а один раз даже говорящая горчица. Элинора в таких случаях обычно догадывалась, какую из ее бедных книг держит сейчас в своих руках Орфей. Крошечные человечки со старинными прическами — вероятно, «Путешествия Гулливера». Горчица? Надо думать, из хижины Мерлина, а прелестный, совершенно растерянный фавн, ввалившийся к ним однажды после

полудня, был, несомненно, из «Нарнии».

Элино́р, конечно, тревожило, что могут натворить все эти создания в ее библиотеке, — ведь не все же время они стоят с остекленелым взглядом в кухне. Наконец она не выдержала и попросила Дариуса сходить посмотреть. Предлог нашелся: он вроде бы интересуется, что Орфей желает на обед. Дариус вернулся с успокаивающим известием, что, хотя святилище Элино́р находится по-прежнему в ужасном беспорядке, там никого нет, кроме Орфея, его мерзкого пса и какого-то бледного человека, в котором Дариус заподозрил Кентервильское привидение, и, следовательно, никто не топчет, не рвет и не пачкает ее книг.

— Слава богу! — с облегчением вздохнула Элино́р. — Видимо, он их как-то отправляет обратно. Этот мерзкий тип действительно мастер своего дела. И, судя по всему, он умеет вычитывать так, чтобы никто не исчезал в книгах вместо появившихся!

— Несомненно, — ответил Дариус.

Элино́р почудился в его мягком голосе легкий призыв зависти.

— Зато он — чудовище, — сказала она, наивно желая его утешить. — Жаль только, что у нас в доме оказалась такая куча припасов, иначе ему давно пришлось бы послать Верзилу за покупками и мы бы остались с ним наедине.

Но дни шли за днями, а они по-прежнему ничего не могли предпринять — ни чтобы освободиться из плена, ни чтобы избавить Мортимера и Резу от смертельной опасности, вероятно, грозившей им в Чернильном мире. О Мегги Элино́р старалась даже не думать. А Орфей, единственный, кто легко мог бы все исправить, сидел в ее библиотеке, как жирный белый паук, и забавлялся с ее книгами и их обитателями, как с игрушками, которые то достают, то убирают обратно в коробку.

— Интересно, сколько еще времени он будет так развлекаться? — ворчала она в сотый раз, пока Дариус накладывал в миску рис — конечно, отлично сваренный, мягкий и в то же время рассыпчатый. — Он что, собирается всю жизнь держать нас тут как бесплатную прислугу для готовки и уборки, а сам почитать мои книжки? В моем доме?

На это Дариус ничего не сказал. Он молча наполнил четыре тарелки стряпней, которая, несомненно, не заставит Орфея торопиться прочь из этого дома.

— Дариус! — прошептала Элино́р, кладя руку на его худое плечо. — Ты бы все же попробовал, а? Он, конечно, все время держит книгу у себя, но, может быть, мы могли бы как-нибудь ее заполучить. Ты мог бы подмешать ему что-нибудь в еду...

— Он всегда дает Сахарку пробовать первым.

— Я знаю. Ну, значит, как-нибудь по-другому, но тогда ты мог бы вчитать нас туда, вслед за всеми! Раз этот паршивец не хочет достать Мегги с Резой и Мо оттуда, значит, нам надо идти за ними.

Но Дариус покачал головой, как всегда, когда Элино́р в новом порыве красноречия пыталась подбить его на эту затею.

— Не могу, Элино́р! — прошептал он, и очки его затуманились — то ли от кухонного пара, то ли от набежавших слез, в этом Элино́р предпочла не разбираться. — Я никогда не вчитывал никого в книгу, я только вычитывал — и то ты знаешь, с каким результатом.

— Ну так вычитай кого-нибудь, какого-нибудь силача и героя, который прогонит эту парочку из моего дома! И неважно, если у него при этом ввалится нос или пропадет голос, как у Резы. Главное, чтобы мускулов было побольше!

На этих словах Сахарок просунул голову в дверь, словно его позвали.

— Обед готов! — Дариус сунул ему в руки дымящуюся тарелку.

— Опять рис? — проворчал Сахарок.

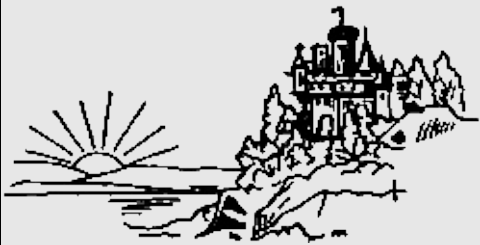
— Да, к сожалению, — ответил Дариус, проходя мимо него с тарелкой для Орфея.

— А ты займись десертом! — приказал Сахарок Элино́р, которая только поднесла вилку ко рту.

Нет, так больше продолжаться не может. Она стала прислугой в собственном доме, а в ее библиотеке сидит мерзкий тип, кидает на пол ее книги и обращается с ними, как с шоколадными коробками, из которых достают то одну, то другую конфетку.

«Должен же быть какой-то выход! — думала Элино́р, с мрачным лицом накладывая в две вазочки ореховый крем. — Должен. Должен. Ну почему в мою глупую голову ничего не приходит?»

КАРАВАН ПЛЕННИКОВ

— Значит, по-вашему, он не умер, нет?

Доктор Рейнолдс надел шляпу.

— Ну, понятно, я могу и ошибаться, но, по-моему, он даже очень живой. Все симптомы налицо. Поди взгляни на него, а когда я вернусь, мы с тобой решим окончательно.

Харпер Ли. Убить пересмешника [\[12\]](#)

Когда Мегги и Фарид отправились следом за Сажеруком, было уже темно. «На юг, все время на юг», — сказал Небесный Плясун. Но как узнать, где юг, когда солнце давно зашло, а звезд не видно сквозь темную листву? Казалось, темнота пожрала все, не только деревья, но и почву у них под ногами. В лицо им метались ночные бабочки, вспугнутые огнем, который Фарид нес в ладонях, как пушистую зверушку. Казалось, у леса есть глаза и руки, а ветер доносил до них голоса, тихие голоса, нашептывавшие Мегги в уши непонятные речи. В любую другую ночь она бы, скорее всего, просто остановилась или побежала назад, туда, где, наверное, еще сидят у костра Небесный Плясун и Крапива, но сейчас она знала лишь одно: ей нужно найти Сажерука и родителей. Ни ночь, ни лес не могли таить в себе страха сильнее, чем тот, что жил у нее в сердце с тех пор, как она увидела кровь Мо на соломе.

Поначалу Фарид все время находил с помощью огня то след сапога Сажерука, то обломанную ветку, то отпечаток куньих лап, но настал момент, когда он растерянно остановился, не зная, куда двигаться дальше. Куда ни посмотри, в бледном лунном свете теснились друг к другу деревья, между которыми нигде не было заметно тропы. Над собой, рядом и позади

Мегги видела только глаза — бесчисленные голодные и злобные глаза, и ей хотелось, чтобы лунный свет не так ярко заливал листву.

— Фарид, — прошептала она, — давай залезем на дерево и подождем восхода. Если мы сейчас просто пойдем наугад, нам потом никогда не вернуться на след Сажерука.

— Мне тоже так кажется! — Сажерук появился из-за деревьев так бесшумно, словно давно уже там стоял. — Я целый час слышу, как вы ломитесь за мной через лес, подобно стаду кабанов.

Между его ног показалась мордочка Гвина.

— Это, между прочим, Непроходимая Чаща и к тому же не самый приветливый ее уголок. Скажите спасибо, что я убедил древесных эльфов на ясенях, что вы не нарочно пообломали им все ветки. А ночные страхи? Вы что, думаете, они вас не чувят? Если бы я их не спугнул, лежать бы вам сейчас в Чаще, как бревна, окутанные страшными снами, точно мухи паутиной.

— Ночные страхи? — прошептал Фарид.

На кончиках его пальцев догорали искры. Мегги подошла к нему ближе. Она вспомнила одну историю, которую ей рассказывала Реза. Хорошо, что она пришла ей в голову только сейчас...

— Ну да. Разве я тебе о них не рассказывал?

Пролаза прыгнул к Сажеруку и приветствовал Гвина радостным тявканьем.

— Они, может быть, и не едят людей живьем, как те духи пустыни, о которых ты вечно твердишь, но назвать их дружелюбными было бы преувеличением.

— Я не пойду обратно! — заявила Мегги, пристально глядя на Сажерука. — Не пойду, что бы ты там ни говорил.

Сажерук посмотрел ей в глаза:

— Знаю. Ты — вылитая мать.

И больше он ничего не сказал.

Всю ночь они шли по широкому следу, проложенному латниками в Непроходимой Чаще, всю ночь и весь следующий день. Лишь изредка, видя, что Мегги едва держится на ногах от усталости, Сажерук устраивал короткие передышки. Когда солнце снова опустилось так низко, что задевало за верхушки деревьев, они поднялись на гребень очередного холма и Мегги увидела у его подножия темную ленту дороги в зелени Чащи. У дороги стояло несколько зданий: вытянутый в длину дом, хлев и конюшни вокруг двора.

— Это единственный постоянный двор поблизости от границы, —

шепнул им Сажерук. — Там они, вероятно, оставили своих коней. По лесу куда быстрее передвигаться пешком. На этом постоялом дворе останавливаются все, кому нужно на юг и вниз к морю: гонцы, торговцы, а иногда и комедианты, хотя все знают, что хозяин — шпион Змееглава. Если нам повезет, мы придем туда раньше тех, за кем гонимся, потому что с телегой и пленниками они вряд ли бы пошли через холмы. Им наверняка пришлось идти в обход, а мы спустимся прямо здесь и будем дожидаться их на постоялом дворе.

— А потом? — спросила Мегги.

На мгновение она уловила в глазах Сажерука ту же тревогу, что гнала и ее ночью через Непроходимую Чащу. Но о ком он тревожится? О Черном Принце, о других комедиантах... о ее матери? Она хорошо помнила тот день в склепе Каприкорна, когда он уговаривал Резу бежать с ним, оставив дочь...

Может быть, и Сажерук об этом вспомнил.

— Что ты на меня так смотришь? — спросил он.

— Нет, ничего, — пробормотала она, отводя глаза. — Просто тревожусь за пленников.

— Что ж, для этого у тебя есть все основания. — И он быстро отвернулся.

— Но что мы будем делать, когда их догоним? — спросил Фарид.

— Не знаю, — коротко ответил Сажерук, нащупывая путь вниз по склону, под прикрытием деревьев. — Я думал, у кого-нибудь из вас есть план, раз уж вам так приспичило идти за мной.

Выбранная им тропа так круто спускалась вниз, что Мегги трудно было не отставать, но немного погодя перед ней вдруг открылась дорога — каменистая и вся размытая потоками, стекавшими там и сям с холмов. На другой ее стороне стоял тот самый дом и конюшни, что были видны с вершины холма. Сажерук знаком показал ей место у обочины, где подлесок защищал от посторонних глаз.

— Похоже, их действительно еще нет, но они скоро придут! — тихо сказал он. — Может быть, они даже заночуют здесь, чтобы набить брюхо и напиться допьяна после всех ужасов Чащи. Мне нельзя там показываться, пока не стемнеет. С моим везением я обязательно наткнусь на кого-нибудь из поджигателей, прибившихся теперь к Змееглаву. Но ты, — он положил руку на плечо Фариду, — ты можешь туда пробраться. Если тебя кто спросит, откуда ты взялся, отвечай просто, что твой хозяин сидит и пьет на постоялом дворе. А когда они придут, сосчитай солдат, сосчитай пленников и сколько среди них детей. Понял? А я пока осмотрю дорогу, есть у меня

тут одна мысль.

Фарид кивнул и поманил к себе Гвина.

— Я пойду с ним! — Мегги ждала, что Сажерук рассердится и станет запрещать ей идти с Фаридом, но он пожал плечами:

— Как хочешь. Я не могу тебя удерживать. Надеюсь только, что твоя мать сумеет не подать виду, узнав тебя. И вот еще что! — Сажерук удержал Мегги, уже повернувшуюся идти вслед за Фаридом. — Не воображай, что мы сможем спасти твоих родителей. Может быть, удастся освободить детей, может быть, еще кого-нибудь, кто сумеет бежать достаточно быстро. Но твой отец бежать не сможет, а мать останется с ним. Она его не бросит, как не бросила в свое время тебя, — я думаю, мы оба хорошо это помним.

Мегги кивнула и отвернулась, чтобы он не видел ее слез. Но Сажерук мягко повернул ее к себе и отер мокрые щеки.

— Ты и правда очень похожа на мать, — тихо сказал он. — Она тоже никогда не хотела показывать слез, даже когда для них были самые веские причины.

Сажерук еще раз пристально взглянул на них обоих, лицо у него было напряженное.

— Ну что ж, идите. Вы достаточно грязные, чтобы вас приняли за конюха и судомойку. Встретимся за конюшнями, когда стемнеет. А теперь — вперед.

Им не пришлось долго ждать.

Мегги с Фаридом еще и часа не слонялись вокруг конюшен, когда на дороге показался караван пленников: женщины, дети, старики, руки связаны за спиной, по бокам — солдаты. Это были не латники. Шлемы не скрывали угрюмых лиц, но у каждого на груди красовался герб хозяина — змея, и у каждого был серебристый плащ и на поясе — меч. Их предводителя Мегги сразу узнала. Огненный Лис. Судя по выражению его лица, ему не особенно нравилось идти пешком.

— Не смотри на них так! — прошептал Фарид, когда Мегги застыла как вкопанная, и потащил ее за стоявшую на дворе телегу. — Твоя мать жива-здоровая. Ты ее видела?

Мегги кивнула. Да. Реза шла между двух других женщин, одна из которых была беременна. Но где же Мо?

— Эй! — крикнул Огненный Лис, пока его люди загоняли пленников во двор. — Чьи это тут телеги? Нам нужно место.

Солдаты оттолкнули телеги в сторону так грубо, что с одной покатились наваленные на нее мешки. С постоянного двора выбежал

человек, вероятно, владелец этого добра, готовый разразиться ругательствами, но, увидев солдат, прикусил язык и только подозвал батраков, которые спешно погрузили мешки обратно. Торговцы, крестьяне, батраки — все больше народу высыпало из конюшен и главного дома посмотреть, что это за шум на дворе. Толстый человек, весь в поту, пробился сквозь толпу к Огненному Лису и начал возмущенно кричать что-то ему в лицо.

— Ладно, ладно! — донесся до Мегги брюзгливый голос Лиса. — Но нам нужно место. Ты что, не видишь, что у нас тут пленные? Или загнать их лучше в конюшню?

— Да, да, лучше займите одну из конюшен! — с облегчением воскликнул толстяк и подозвал своих батраков, глазевших на караван.

Лица пленных были бледны от изнеможения и страха. Некоторые уже не держались на ногах и опускались на колени.

— Пошли! — прошептал Фарид Мегги, и они стали протискиваться между бранящихся торговцев и крестьян, между батраков, все еще подбиравших полопавшиеся мешки, и солдат, с вожделием смотревших в сторону трактира.

Казалось, на пленных никто не обращает внимания, но в этом и не было необходимости. Ни один из них не был сейчас способен к бегству — это сразу бросалось в глаза. Даже дети, у которых, может быть, и хватило бы силы в ногах, цеплялись за юбки матерей, глядя в пустоту расширенными глазами, или с ужасом таращились на вооруженных людей, пригнавших их сюда. Реза поддерживала беременную женщину. Да, мать ее невредима, это Мегги видела, хотя старалась не подходить к ней близко из страха, что Сажерук окажется прав и Реза может выдать себя при виде дочери. С каким отчаянием она оглядывалась по сторонам. А потом схватила за руку безбородого солдата, выглядевшего совсем мальчиком, и...

— Фарид! — Мегги не верила своим глазам.

Реза говорила. Не руками, а губами и языком.

Ее голос было трудно разобрать в стоявшем вокруг шуме, и все же это был ее голос. Как это возможно? Солдат, не слушая, грубо оттолкнул ее, и Реза обернулась. Черный Принц и его медведь втаскивали на двор телегу. Они были запряжены в нее, как волаы. Черная морда медведя была стянута цепью, другая цепь висла вокруг его груди и шеи. Но Реза не смотрела ни на медведя, ни на Принца — она не сводила глаз с телеги, и Мегги сразу поняла, что это значит.

Не сказав ни слова, она бросилась бежать.

— Мегги! — крикнул ей вслед Фарид, но она не слушала.

Никто ее не удерживал. Телега была старая и гнилая. Сперва она заметила только крестьянина с раненой ногой и ребенком на коленях. Потом увидела Мо.

Сердце у нее замерло. Он лежал с закрытыми глазами, прикрытый грязным одеялом, и все же Мегги видела кровь. Вся рубашка у него была в крови, его любимая рубашка, с которой он не желал расставаться, хотя рукава уже обтрепались. Мегги забыла все: Фарида, солдат, предостережение Сажерука, где она находится и как сюда попала... Она видела только своего отца, его неподвижное лицо. Мир вдруг опустел, совсем опустел, а ее сердце превратилось в безжизненную ледышку.

— Мегги! — Фарид схватил ее за руку и потащил за собой, как она ни сопротивлялась. Когда она расплакалась, он прижал ее к себе.

— Он умер, Фарид! Ты видел? Мо... умер!

Мегги снова и снова выговаривала страшное слово. Мертв. Ушел. Навсегда.

Она сбросила руки Фарида.

— Я пойду к нему!

«Эта книга приносит несчастье, Мегги, одно несчастье. Даже если ты не хочешь в это верить», — он говорил ей это в библиотеке Элинора. Какой болью отзывалось теперь в ее сердце каждое слово! В этой книге скрывалась смерть, его смерть.

— Мегги! — Фарид крепко держал ее за плечи. Он потряс ее, словно желая разбудить. — Мегги, послушай! Мо не умер! Ты думаешь, они стали бы таскать за собой мертвеца?

Стали бы они? Она уже совсем ничего понимала.

— Пойдем! Да пойдем же!

Фарид потащил ее за собой. Он продирался через толпу с таким равнодушным видом, как будто вся эта кутерьма его нисколько не интересовала, а потом остановился со скучающим лицом перед конюшней, куда солдаты загоняли пленных. Мегги утерла с глаз слезы и постаралась придать лицу такое же равнодушное выражение. Но как это можно сделать, когда сердцу так больно, словно его разрезали пополам?

— У тебя там хватит припасов? — донесся до нее голос Огненного Лиса. — Мы страшно проголодались в этой чертовой Чаше.

Мегги видела, как Резу втокнули вместе с другими женщинами в темную конюшню, а двое солдат отвязали от телеги Принца и его медведя.

— Конечно, что за вопрос! — возмущенно ответил толстяк-хозяин. — А коней ваших вы не узнаете, так они лоснятся.

— Надеюсь! — буркнул Огненный Лис. — А не то Змееглав

позаботится о том, чтобы эти развалюхи сменили хозяина. Завтра на рассвете мы тронемся дальше. Мои люди и пленники останутся в конюшне, а мне нужна кровать — для меня одного; я не хочу делить постель с кучей храпящих и пердящих мужиков.

— Конечно, конечно, — поспешно закивал хозяин. — А с этой тварью что нам делать? — Он бросил боязливый взгляд на медведя. — Лошади его испугаются. Почему вы его не убили и не бросили в лесу?

— Потому, что Змееглав хочет повесить его вместе с его хозяином, — ответил Огненный Лис. — И потому, что мои люди верят всяким глупым байкам о нем — будто это ночной страх, разгуливающий в облике медведя, и якобы опасно прострелить ему шкуру из арбалета.

— Ночной страх? — Хозяин нервно захихикал. — Байки явно не казались ему такими уж вздорными. — Ну, кто бы он ни был, в конюшню я его не пущу. Привяжите его за пекарней, если хотите. Там кони его, надеюсь, не учуют.

Медведь глухо заворчал, когда солдат потянул за цепь, таща его за собой, но Черный Принц успокоил его тихими ласковыми словами, словно утешая ребенка, и их обоих увели за главный дом.

Телега с Мо и стариком все еще стояла посреди двора. Вокруг слонялись батраки, временами тихо переговариваясь между собой, — наверное, старались угадать, кого это везут к Змееглаву. Или уже прошел слух, что человек, замертво лежавший на телеге, — Перепел? Безбородый молодой солдат разогнал батраков, стащил с телеги ребенка и затолкал его в конюшню.

— А что делать с ранеными? — крикнул он Огненному Лису. — Оставить на телеге?

— Чтобы они к утру или померли, или сбежали? Что ты болтаешь, балбес? Ведь за одним из них мы и тащились в эту чертову Чашу! — Огненный Лис снова повернулся к хозяину: — Нет ли среди твоих постояльцев цирюльника? — спросил он. — У меня тут пленный, который непременно должен выжить, потому что Змееглав наметил для него показательную казнь. А с мертвецом это выйдет совсем не так весело — ты понимаешь, о чем я.

Должен выжить... Фарид сжал руку Мегги и торжествующе улыбнулся ей.

— Конечно, конечно! — Хозяин с любопытством взглянул на телегу. — Разумеется, очень досадно, если приговоренный умирает еще до казни. В этом году такое случалось уже дважды, как мне рассказывали. Только вот цирюльника у меня под рукой нет. Но на кухне у нас помогает

кикимора. Она уже многих тут поставила на ноги.

— Хорошо. Пошли за ней.

Хозяин живо махнул мальчишке, стоявшему у двери конюшни. А Огненный Лис подозвал двоих солдат.

— Живо, раненых тоже в конюшню! — услышала Мегги. — Двойную стражу к дверям и четверых приставить караулить Перепела, ясно? И чтоб не прикасались ни к вину, ни к медовухе. Если хоть один заснет на посту — пусть пеняет на себя.

— Перепел? — Глаза у хозяина чуть не выскочили из орбит. — У вас там на телеге Перепел?

Огненный Лис предостерегающе зыркнул на него, и хозяин поспешно прижал к губам толстый палец.

— Ни слова! — проговорил он. — Я никому ни слова не скажу.

— Я бы тебе и не советовал, — проворчал Огненный Лис и оглянулся, словно желая убедиться, что никто больше не слышал его слов.

Когда солдаты стали поднимать Мо с телеги, Мегги невольно сделала шаг вперед, но Фарид удержал ее.

— Мегги, что с тобой? — прошептал он. — Если так будет продолжаться, тебя запрут вместе с ними. Думаешь, это им поможет?

Мегги покачала головой.

— Мо правда жив, Фарид, как ты думаешь? — прошептала она, как будто боялась в это поверить.

— Ну конечно. Я же тебе говорил. Да не смотри ты так печально. Все будет хорошо, вот увидишь. — Фарид погладил ее по голове и снял губами слезы с ресниц.

— Эй вы, голубки, отойдите от лошадей!

Перед ними стоял Свистун. Мегги опустила голову, хотя была уверена, что он не узнает ее — девочку в замызганном платье, которую он чуть не задавил конем на рынке в Омбре. Он и сегодня был одет с такой роскошью, какой Мегги ни у одного комедианта не видела. Его шелковый наряд переливался, как павлиний хвост, а кольца на обеих руках были из чистого серебра, как и искусственный нос. Видно, Змееглав хорошо платит за песни, которые ему по вкусу.

Свистун подмигнул им и зашагал к Огненному Лису.

— Гляди-ка, ты, стало быть, вернулся из Чащи! — закричал ему Свистун. — И с богатой добычей! Значит, наконец хоть один из твоих шпионов не соврал. То-то Змееглав обрадуется!

Огненный Лис что-то ответил, но Мегги уже не слушала. Мальчишка вернулся с кикиморой, едва доходившей ему до плеча. Кожа у нее была

серая, как древесная кора, а лицо морщинистое, как печеное яблоко. Кикиморы, целительницы... Прежде чем Фарид успел понять, что задумала Мегги, она выскользнула из его объятий. Кикимора наверняка поймет, как обстоит дело с Мо... И Мегги стала протискиваться поближе к крошечной старухе, пока между ними не оказался только тот мальчишка. Платье старухи было все заляпано мясным соком, ноги у нее были босые, но на стоявших вокруг мужчин она глядела без малейшей робости.

— И впрямь настоящая кикимора, — проворчал Огненный Лис. Его солдаты отшатывались от карлицы, словно она была не менее опасна, чем медведь Черного Принца. — Я думал, они никогда не выходят из лесу. Ну что ж, говорят, они знают толк в целительстве. У этой старой ведьмы, Крапивы, мать ведь тоже была кикимора?

— Да, только отец у нее был никудышный. — Карлица посмотрела на Огненного Лиса так пристально, словно хотела определить, чья кровь течет в его собственных жилах. — Ты слишком много пьешь! — заметила она. — Ты только взгляни на свое лицо. Если будешь продолжать в том же духе, у тебя печень скоро лопнет, как перезрелая тыква.

Вокруг раздались смешки, но Огненный Лис одним взглядом заставил весельчаков присмиреть.

— Слушай, карлица, я позвал тебя не затем, чтоб ты давала мне советы! — сердито рявкнул он. — Мне нужно, чтобы ты посмотрела одного пленного, мы во что бы то ни стало должны довести его живым до дворца Змееглава.

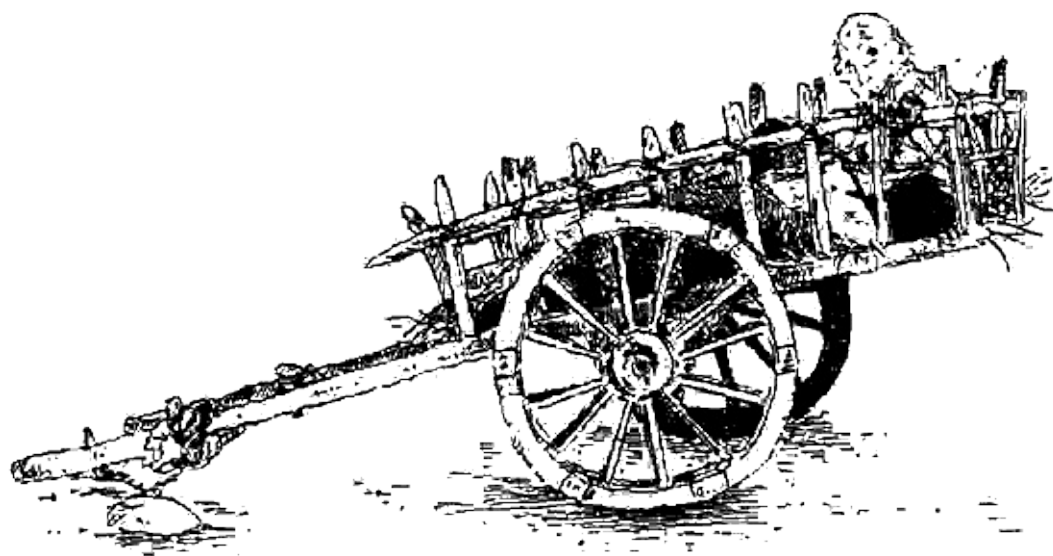
— Да я уж знаю, — проворчала старуха, не отрывая от Лиса угрюмого взгляда. — Чтобы твой хозяин мог убить его по всем правилам. Принесите мне теплую воду и чистые полотенца. А еще мне нужен помощник.

Огненный Лис сделал знак мальчишке, и тот побежал за требуемым.

— Помощника присмотри себе сама, — буркнул он, потихоньку ощупывая себе живот, где, по его мнению, находилась печень.

— Из твоих солдат? Ну уж нет, спасибо! — Кикимора презрительно сморщила крошечный нос и оглянулась. Взгляд ее упал на Мегги. — Вот эту, — сказала она. — Девочка на вид не полная дура.

И не успела Мегги понять, что происходит, один из солдат грубо схватил ее за плечо. Последнее, что она видела, прежде чем ее втолкнули в конюшню вслед за кикиморой, было испуганное лицо Фариды.

ЗНАКОМОЕ ЛИЦО

Поверь мне. Порой, когда жизнь кажется совершенно беспросветной, вдруг открывается свет, скрытый в глубине вещей.

Клайв Баркер. Абарат

Когда кикимора наклонилась над Мо, он был в сознании. Прислонившись спиной к влажной стене, он искал глазами среди пленных Резу. Мегги он заметил лишь тогда, когда кикимора нетерпеливо подозвала ее. Конечно, он сразу понял, что даже тень улыбки выдаст ее, но как же трудно было не притянуть ее к себе, как тяжело скрыть радость и страх, разом наполнившие сердце.

— Что ты там встала? — прикрикнула на Мегги старуха. — Ну-ка иди сюда, балбеска.

Мо хотелось ударить ее, но Мегги послушно опустилась на колени рядом с кикиморой, собирая кровавые лоскуты, которые старуха быстрыми движениями срезала с его груди. «Не глядеть на нее! — сказал себе Мо, заставляя глаза смотреть куда угодно, — на руки старухи, на других пленных, — только не на дочь. — С ней все в порядке, — подумал Мо. — Да, точно. Не похудела, не побледнела, никаких повреждений незаметно. Интересно, Реза ее видела? Если бы можно было обменяться с Мегги хоть словом!»

— Тьфу, пропасть, да что с тобой? — огрызнулась кикимора, когда Мегги чуть не расплескала протянутую миску с водой. — Эдак я могла и солдата взять в помощники.

Она начала шершавыми пальцами ощупывать рану Мо. Это было больно, но он крепко сжал зубы, чтобы Мегги ничего не заметила.

— Ты всегда так строга с девочкой? — спросил он старуху.

Та мямлила что-то неразборчивое, не глядя на него, зато Мегги бросила ему быстрый взгляд, и он улыбнулся ей, надеясь, что дочь не заметит в его глазах тревоги и страха. Надо же было встретить ее именно здесь, среди всех этих солдат! «Осторожней, Мегги!» — пытался он сказать ей глазами. Как дрожали у нее губы — наверное, от всех тех слов, которые она не могла произнести, как и он. Как же хорошо было видеть ее! Даже здесь! Как часто в эти горячечные дни и ночи он думал о том, что никогда уже не увидит ее лица.

— Эй, поживее там!

За спиной у Мегги вырос Огненный Лис, и она поспешно опустила голову, протягивая старухе миску с водой.

— Скверная рана! — заметила кикимора. — Странно, что ты еще жив.

— И вправду странно. — Мо чувствовал взгляд Мегги, словно она прикасалась к нему. — Может быть, это феи нашептали мне в ухо несколько спасительных слов.

— Спасительных слов? — Кикимора сморщила нос. — Это каких же? Болтовня фей так же ни к чему не годна, как они сами.

— Значит, кто-то другой мне их нашептал.

Мо видел, как побледнела Мегги, помогая кикиморе заново перевязать его рану, рану, от которой он чуть не умер. «Это все ерунда, Мегги, — хотелось ему сказать. — Со мной все в порядке». Но единственное, что он мог сделать, — это взглянуть на нее еще раз, мельком, как будто ее лицо значило для него ничуть не больше, чем все другие лица.

— Хочешь верь, хочешь нет, — сказал он старухе, — но я слышал слова, чудесные слова. Сперва мне казалось, что их произносит голос моей жены, но потом я понял, что говорит моя дочь. Я слышал ее голос так ясно, словно она сидит рядом со мной.

— Ну, в лихорадке чего не услышишь! — брюзгливо отвечала кикимора. — Я слыхала, как люди клянутся, что с ними говорили мертвые. Мертвые, ангелы, черти... Лихорадка пригоняет их к постели больного толпами. — Она повернулась к Огненному Лису: — У меня есть мазь на этот случай, и еще я приготовлю отвар, который ему нужно выпить. Больше я ничего не могу сделать.

Когда она повернулась к ним спиной, Мегги быстро накрыла ладонью пальцы Мо. Никто этого не заметил, как и его легкого ответного пожатия. Он снова улыбнулся ей и отвел глаза, лишь когда кикимора обернулась.

— Ты бы посмотрела заодно и его ногу! — Мо кивнул на шпильмана, в полном изнеможении спавшего на соломе рядом с ним.

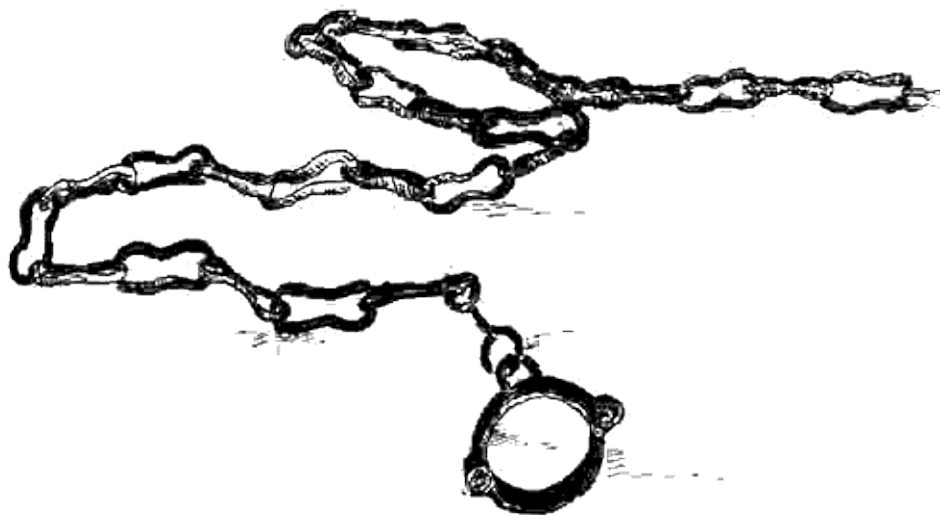
— Нет, не нужно! — вмешался Огненный Лис. — Помрет он или нет, меня не интересует. С тобой дело другое.

— Ах вот оно что! Вы все-таки принимаете меня за того разбойника. — Мо прислонился головой к стене и на мгновение прикрыл глаза. — Видимо, бесполезно вам твердить, что я — не он?

Огненный Лис смерил его презрительным взглядом.

— Скажи это Змееглаву, может быть, он тебе поверит, — фыркнул он и грубым рывком приподнял Мегги. — Эй, пошли вон! Хватит уже возни! — прикрикнул он на нее и кикимору.

Его солдаты подтолкнули их к дверям конюшни. Мегги попыталась еще раз оглянуться, найти глазами мать, сидевшую где-то среди пленных, но Огненный Лис схватил ее за плечо и вытолкнул наружу. О, как хотелось Мо иметь сейчас слова, слова вроде тех, что убили Каприкорна! Он бы растворил их на языке и послал вслед Огненному Лису, чтобы тот обратился в прах у него на глазах, как его прежний хозяин. Но сейчас некому было эти слова написать. Их окружала со всех сторон лишь книга Фенолио с ее ужасами и тьмой — и, возможно, его смерть уже прописана в следующей главе.

БУМАГА И ОГОНЬ

— Хорошо, это, стало быть, решено, — нетерпеливо сказал голос в другом конце застенка. Это говорил все еще закованный кобольд. Твиг совсем о нем забыл. — Может быть, тогда и с меня кто-нибудь снимет оковы?

Пол Стюарт. Громобой

Окна постоянного двора, точно грязно-желтые глаза, горели навстречу Сажеруку, кравшемуся по дороге. Впереди него бежал Пролаза — еле заметная тень в полумраке. Ночь стояла безлунная. На дворе и между конюшен было так темно, что даже его испещренное шрамами лицо будет казаться лишь бледным пятном.

Перед конюшней, куда заперли пленных, стояло целых четверо стражников, но они его не заметили. Стражники со скучающим видом всматривались в темноту, положив руки на рукояти мечей, и завистливо косились на освещенные окна главного дома. Оттуда доносились голоса, громкие, пьяные голоса, а потом приятные звуки лютни и пение странного хриплого голоса. Ага, значит, Свистун тоже вернулся из Омбры и распевает тут, упоенный кровью и убийствами. Да, раз Сереброносый здесь, ему тем более нужно оставаться невидимым. Мегги и Фарид ждали за конюшнями, как было условлено. При этом они ссорились так громко, что Сажерук подкрался к мальчику сзади и зажал ему рот рукой.

— Вы что? — спросил он сердито. — Хотите, чтобы и вас посадили к остальным?

Мегги опустила голову. В глазах у нее снова стояли слезы.

— Мегги хочет пробраться в конюшню! — шепотом сказал Фарид. —

Она думает, что солдаты спят! Как будто...

Сажерук снова зажал ему рот. На дворе раздались голоса. Видимо, кто-то принес стражникам перед конюшной еду.

— Где Черный Принц? — едва слышно спросил Сажерук, когда все снова стихло.

— Его привязали вместе с медведем между пекарней и главным домом. Скажи Мегги, чтобы не смела ходить в конюшню! Там не меньше полутора десятков солдат.

— А возле Принца сколько?

— Трое.

Трое. Сажерук взглянул на небо. Луны нет. Она скрывалась за облаками, и ночь была непроглядно-черной.

— Ты хочешь его освободить? Трое — это немного! — Фарид говорил возбужденно, без малейшего страха. Когда-нибудь оно его погубит, это бесстрашие. — Они и пикнуть не успеют, как мы перережем им глотки. Это совсем не трудно.

Он часто такое говорил. И Сажерук всякий раз спрашивал себя — это только разговоры или ему и вправду случалось делать что-то подобное?

— Какой ты у нас, однако, стреляный воробей! — тихо сказал он. — Но я не мастак перерезать глотки, и ты это знаешь. Сколько там пленных?

— Одиннадцать женщин, трое детей, девять мужчин, не считая Волшебного Языка.

— Как он? — Сажерук взглянул на Мегги. — Ты его видела? Он может ходить?

Она отрицательно покачала головой.

— А твоя мать?

Мегги быстро взглянула на него. Она не любила, когда Сажерук говорил о Резе.

— Да говори же! С ней все в порядке?

— По-моему, да! — Мегги прижала руку к стене конюшни, как будто чувствуя через нее своих родителей. — Но поговорить с ней я не могла. Пожалуйста! (С какой мольбой она на него смотрит!) Солдаты наверняка все спят. Я буду очень осторожна.

Фарид обратил отчаянный взгляд к небу, словно ожидая, что оно откликнется на такое неразумие.

— Стражники не спят, — сказал Сажерук. — Так что подумай хорошенько, что ты им скажешь. У тебя есть чем писать?

Мегги изумленно посмотрела на него глазами своей матери. Потом полезла в мешок, висевший у нее на плече.

— У меня есть бумага! — шепотом сказала она, поспешно вырывая страницу из маленького блокнота. — И карандаш!

Что мать, что дочь. У обеих всегда найдется, чем и на чем писать.

— Ты еепустишь? — Фарид недоуменно взглянул на Сажерука.

— Да!

Мегги в ожидании молчала.

— Пиши: завтра поперек дороги, по которой они пойдут, будет лежать упавшее дерево. Когда оно загорится, все, у кого есть силы, пусть бегут налево в лес. Налево, это важно! Пиши: мы будем их ждать и отведем в укрытие. Написала?

Мегги кивнула. Карандаш в ее пальцах летел по бумаге. Остается надеяться, что Реза сумеет прочесть крошечные буквы в темноте конюшни — ведь его нет рядом, чтобы посветить ей.

— Ты придумала, что сказать страже? — спросил Сажерук.

Мегги кивнула. В эту минуту она снова казалась маленькой девочкой, какой была чуть больше года назад, и Сажерук спросил себя, не ошибка ли это — отпускать ее. Но не успел он сказать и слова, как она уже исчезла. Мегги быстро перебежала через двор и скрылась в главном доме. Потом появилась снова, с кувшином в руке.

— Пожалуйста, пропустите! Меня послала кикимора, — звонким голосом сказала она страже, — отнести молока детям.

— Ты только посмотри на Мегги. Она хитрая, как шакал! — прошептал Фарид, когда стража расступилась. — И храбрая, как львица!

В его голосе звучало такое восхищение, что Сажерук невольно улыбнулся. Мальчик по-настоящему влюблен.

— Да, она, может быть, умнее нас обоих, — шепнул он Фариду. — А уж храбрее точно, по крайней мере, чем я.

Фарид молча кивнул. Он не сводил глаз с открытой двери конюшни и с облегчением улыбнулся, когда Мегги вышла обратно.

— Ну что, видел? — шепнула она ему, снова оказавшись рядом. — Это было совсем не трудно.

— Отлично! — сказал Сажерук, знаком подзывая Фариду. — А теперь держи кулаки за то, чтобы и у нас все прошло так же легко. Ну что, Фарид? Не хочешь поиграть немного с огнем?

Мальчик справился со своей задачей не менее отважно, чем Мегги. Он принялся с самозабвенным видом жонглировать огнем на глазах у стражников, охранявших Принца. Огонь плясал в его руках так весело и непринужденно, словно Фарид показывал свое искусство на мирной ярмарке, а не перед трактиром, где сидят Огненный Лис и Свистун.

Стражники толкали друг друга локтями и смеялись, радуясь развлечению в бессонную ночь. «Похоже, только у меня тут сердце заходится от страха», — думал Сажерук, пробираясь между вонючей требухой и гниющими овощами. Видимо, повара толстяка-хозяина вываливали все, чего не могли скормить посетителям, прямо за дом. Несколько крыс метнулось у него из-под ног, а за кустом горели голодные глаза кобольда.

Принца привязали у горы костей, а его медведя — на таком расстоянии, чтобы он не мог до костей дотянуться. Зверь сидел, привязанный на цепь, грустно сопел закованной пастью и время от времени издавал глухой тоскливый вой.

Стражники вкопали в землю рядом с ними факел, но огонь сразу погас, заслышав тихий голос Сажерука. От него осталось лишь легкое мерцание — и Черный Принц поднял голову. Он сразу понял, кто крадется к нему в темноте, раз огонь так внезапно решил вздремнуть. Еще два-три быстрых, беззвучных шага — и Сажерук притаился за мохнатой спиной медведя.

— Молодец мальчишка! — прошептал Черный Принц, не оборачиваясь.

Чтобы разрезать его путы, хватило острого ножа.

— Да, Фарид правда молодец. И ничего не боится, в отличие от меня.

Сажерук осмотрел замки на цепях медведя. Ржавые, но открыть можно.

— Не хочешь прогуляться в лес? Но твой медведь должен двигаться тихо, как сова. Как он, сумеет?

Сажерук пригнулся, заметив, что один из стражников оборачивается, но тот, видимо, просто слышал служанку, вынесшую из кухни ведро помоев. Она с любопытством посмотрела на связанного Принца и снова скрылась в доме, унося с собой веселый шум, прорвавшийся в открытую дверь.

— А что с остальными? — спросил Черный Принц.

— Четверо стражников перед конюшней, еще четверо, которых Огненный Лис приставил отдельно к Волшебному Языку, и не меньше десятка охраны на всех остальных пленных. Нам вряд ли удастся отвлечь их всех, тем более на такое время, чтобы доставить в безопасное место раненых и калек.

— Волшебный Язык?

— Да. Человек, за которым они к вам пришли. А ты как его называешь?

Замок открылся. Медведь заворчал. Возможно, ему не нравился Пролоза. Пусть вторая цепь остается пока у него на морде, а то он,

пожалуй, сожрет куницу. Сажерук начал перерезать веревки, которыми был связан Черный Принц. Нужно торопиться, они должны исчезнуть раньше, чем у Фарида устанут руки. Вот и второй замок щелкнул. Еще раз быстро взглянуть на мальчика... «Клянусь эльфийским огнем! — подумал Сажерук. — Он уже подкидывает факелы почти так же высоко, как я!»

Но как раз в ту минуту, когда Принц стряхнул с себя путы, к Фариду подскочил толстый человек. За ним шагали служанка и один из солдат. Толстяк заорал на мальчика, возмущенно указывая на пламя. Фарид молча улыбался и, танцуя, отступал назад, не переставая жонглировать горящими факелами. Гвин вился вокруг его ног. О да, мальчик был так же хитер, как Мегги. Сажерук кивком позвал Принца за собой. Медведь на четвереньках потопал за ними, повинаясь тихому зову хозяина. К сожалению, это был настоящий медведь, а не ночной страх. Тому не пришлось бы объяснять, что ступать надо бесшумно. Зато он был, к счастью, черным, как его хозяин, и ночь поглотила обоих, словно они были ее частью.

— Встречаемся ниже по дороге, у поваленного дерева! — предупредил Сажерук.

Принц кивнул и растворился в ночи. А Сажерук отправился искать мальчика и дочь Резы. На дворе солдаты подняли крик, заметив побег Принца и медведя. Сам Свистун вышел из трактира. Но ни Фарида, ни Мегги нигде видно не было.

Солдаты начали обыскивать с факелами опушку леса и склон за постоянным двором. Сажерук шептал в темноту, убаюкивая огонь, пока факелы не стали гаснуть один за другим, словно их задувал слабый ветерок. Солдаты беспокойно останавливались на дороге, озираясь глазами, полными страха — страха перед темнотой, перед медведем и всей нечистью, что бродит ночью по лесу.

До того места, где дорогу перегораживало поваленное дерево, никто из них дойти не решился. В лесу и на холмах стояла такая тишина, словно сюда не ступала нога человека. Гвин сидел на стволе, а Фарид и Мегги ждали на другой стороне под деревьями. У юноши была рассечена губа, а девочка устало склонила голову ему на плечо. Она смущенно выпрямилась, когда подошел Сажерук.

— Ты освободил Принца? — спросил Фарид.

Сажерук взял его рукой за подбородок и осмотрел окровавленную губу.

— Да. И что бы ни случилось завтра, Принц и его медведь нам помогут. А это у тебя что?

Обе куницы шмыгнули мимо него и бок о бок исчезли в лесу.

— Так, ерунда. Один из солдат пытался меня задержать, но я вырвался. Ну, говори: я хорошо жонглировал?

Как будто он сам не знает.

— Так хорошо, что я уже начинаю беспокоиться. Если ты будешь продолжать в том же духе, придется мне скоро уступить тебе место.

Фарид улыбнулся.

Какой понурый вид у Мегги. Она казалась такой же потерянной, как та девочка, которую они нашли в разоренном лагере. Не трудно было понять, что с ней творится, даже тому, кто, как Сажерук, никогда не знал своих родителей. Жонглеры, комедиантки, бродячий цирюльник... у Сажерука было много родителей... все те, кто у Пестрого Народа заботился в данный момент об оставшихся без присмотра детях. «Ну, Сажерук, скажи ей что-нибудь! — думал он. — Тебе все же не раз удавалось развеселить ее мать в трудную минуту. Ненадолго, конечно, на краткий миг... украденный миг...»

— Послушай, — он опустился на колени перед Мегги и посмотрел на нее снизу вверх, — если нам завтра и впрямь удастся отбить кого-нибудь из пленных, Черный Принц отведет их в безопасное место, но мы трое пойдем вслед за остальными.

Мегги смотрела на Сажерука с такой опаской, словно он был истертым канатом, по которому ей предстояло пройти высоко в воздухе.

— Почему? — спросила она чуть слышно.

Когда она говорила тихо, невозможно было и представить силу, которую может обретать ее голос.

— Почему ты хочешь им помочь?

Она не высказала свою мысль до конца: «Ведь в прошлый раз ты не стал этого делать. Тогда, в деревне Каприкорна».

Что он мог на это ответить? Что в чужом мире легче оставаться безучастным, чем в своем собственном?

— Ну, может быть, я хочу кое-что загладить? — ответил Сажерук наконец.

Он знал, что Мегги не нуждается в объяснениях. Они оба помнили ту ночь, когда он предал их Каприкорну. «И потом, — хотелось ему добавить, — мне кажется, твоя мать довольно уже пробыла пленницей». Но он не сказал этого вслух. Он знал, что Мегги было бы неприятно это слышать.

Около часа спустя к ним присоединился Принц со своим медведем — оба целые и невредимые.

ГОРЯЩЕЕ ДЕРЕВО

*Видишь, как играет пламя,
Пробиваясь языками,
Как огонь ползет, дрожит,
По сухим дровам бежит?*

Джеймс Крюс. Огонь

Ноги у Резы кровоточили. Каменистая дорога была влажна от утренней росы. Солдаты снова связали руки всем, кроме детей. Как малыши боялись, что их не пустят идти среди взрослых, а посадят на телегу!

— Если вас будут загонять на телегу, плачьте! — шепнула она детям. — Плачьте и кричите, пока вам не разрешат идти рядом с нами.

Но этого, к счастью, не понадобилось. Какие испуганные у них мордашки — у двух девочек и мальчика, не считая ребенка в животе у Мины.

Самой старшей девочке было шесть лет, она шла между Резой и Миной. Каждый раз, как она взглядывала на Резу, та спрашивала себя, как, интересно, выглядела в этом возрасте Мегги. Мо показывал ей фотографии, множество фотографий из пропущенных ею лет, но это были не ее воспоминания, а его. И Мегги.

Храбрая Мегги. У Резы до сих пор сжималось сердце, когда она вспоминала ту минуту, когда дочь сунула ей в конюшне листок бумаги. Где она сейчас? Может быть, наблюдает за ними из леса?

Она смогла разобрать эти буквы в неверном свете горевших в конюшне факелов, когда снаружи началась кутерьма из-за Черного Принца.

Читать, кроме нее, никто не умел, поэтому Реза шепотом передала весть Сажерука сидевшим рядом с ней женщинам. Возможности посвятить в его план и мужчин так и не представилось, однако те, что способны бежать, и так побегут. Реза беспокоилась за детей, но они теперь знали, что надо делать.

Вторая девочка и мальчик шли между своей матерью и той женщиной со скрюченными пальцами, что советовала отнести Мо обратно в крепость Каприкорна. Ей Реза тоже ничего не сказала о письме Сажерука. Та все бросала на Резу укоризненные взгляды, говорившие: «Я была права!» Зато Мина улыбалась ей, Мина с выступающим животом, у которой были все причины ненавидеть ее за то, что случилось. Может быть, цветы, что она дала ей в пещере, и впрямь принесли счастье. Мо чувствовал себя лучше, намного лучше — после тех бесконечных часов, когда ей казалось, что следующий его вздох будет последним. С тех пор как Принц сбежал, телегу, на которой лежал Мо, тащила лошадь. Принца освободил медведь, шептали друг другу люди, значит, он и вправду никакой не медведь, а ночной страх. Он уничтожил цепи своим взглядом василиска, а потом превратился в человека и освободил от пут своего хозяина. Реза спрашивала себя, не было ли на лице у этого человека шрамов. Когда этой ночью поднялся страшный шум, она очень боялась за Сажерука, Мегги и юношу, однако утром по злобному выражению на лицах солдат поняла, что они никого не поймали.

Где же то поваленное дерево, о котором писала Мегги?

Девочка, шедшая рядом, вцепилась ручонкой в ее юбку. Реза улыбнулась ей и почувствовала на себе взгляд Свистуна, ехавшего верхом. Она поскорее отвернулась. К счастью, ни он, ни Огненный Лис не узнали ее. В крепости Каприкорна ей не раз приходилось слушать кровожадные песни Свистуна — тогда еще нос у него был, как у всех людей, — а Огненному Лису она чистила сапоги, но, на ее счастье, он был не из тех, кто пристаёт к служанкам.

Солдаты громко переговаривались через головы пленных о том, что сделает их хозяин с Черным Принцем, когда поймает его и этого медведя-оборотня. Усевшись на коней, они явно повеселели. Свистун время от времени поворачивался в седле и подкидывал какую-нибудь особенно изощренную идею. Реза с удовольствием заткнула бы уши шагавшему рядом с ней ребенку. Мать девочки бродила где-то по стране с несколькими другими комедиантами в спокойной уверенности, что дочка ее в безопасности в тайном лагере.

Эта девочка побежит. Как и двое других детей, и их мать. Та, со

скрюченными пальцами, тоже наверняка попробует, и Коптемаз, и большинство мужчин... Шпильман с искалеченной ногой, сидевший на телеге вместе с Мо, останется, как и двупалый, до смерти боявшийся арбалетов, и старый ходульщик, уже нетвердо державшийся на ногах. Почти слепая Бенедикта тоже никуда не побежит, и Мина, которая на сносях... и Мо.

Дорога все круче спускалась вниз. Деревья сплетали ветви у них над головами. Утро было безветренное, пасмурное и дождливое, но тому огню, что зажигал Сажерук, дождь не помеха. Реза смотрела вперед между лошадиными головами. Деревья стоят так тесно, что между ними всегда темно, даже средь бела дня. Им надо бежать налево. Интересно, Мегги думает, что и она побежит? Реза без конца задавала себе этот вопрос... и всегда приходила к одному ответу: нет, Мегги знает, что она ни за что не оставит ее отца, ведь и Мегги любит Мо не меньше.

Реза замедлила шаг. Да, вот оно, поваленное дерево прямо поперек дороги, с замшелым стволом. Девочка подняла на нее расширенные глаза. Реза боялась, как бы кто-нибудь из детей не проговорился, но они все утро были немые как рыбы.

Увидав дерево, Огненный Лис чертыхнулся. Он придержал коня и велел четверем передним всадникам спешиться и убрать с дороги препятствие. Они угрюмо повиновались, сунули поводья своих лошадей в руки товарищам и зашагали к стволу. Реза не решалась взглянуть на обочину, опасаясь выдать взглядом Сажерука или Мегги. Ей показалось, что она слышит щелчок, а потом чуть слышный шепот. Не на человеческом языке. На огненном. Сажерук однажды произносил для нее огненные слова в том, другом мире, где они не действовали, где огонь был глухонемым.

— В нашем мире они звучат гораздо лучше, — сказал он и рассказал ей об огненном меде, который приходится добывать у эльфов.

Но звук этих слов она хорошо помнила — как будто пламя разгрызает черный уголь и жадно поглощает белую бумагу. Никто, кроме нее, не расслышал шепота в шелесте листьев, шуме дождя, птичьим щебетом и стрекоте цикад.

Древесную кору обвили языки пламени, словно клубок змей. Солдаты этого не заметили. Лишь когда пламя вырвалось высоко вверх, едва не поджигая кроны стоявших вокруг деревьев, они отшатнулись в испуге и недоумении. Оставшиеся без всадников кони встали на дыбы, пытаясь вырваться, а огонь шипел и плясал все веселее.

— Беги! — шепнула Реза, и девочка побежала, легконогая, как олененок.

Дети, женщины и мужчины бросились к обочине, мимо испуганных лошадей, в спасительную темноту леса. Двое солдат стали стрелять им вслед, но их лошади тоже вставали на дыбы при виде огня, и стрелы вонзались в стволы деревьев вместо человеческих тел. Реза видела, как пленные один за другим исчезают в Чаще, пока солдаты бестолково орут друг на друга. И как же больно было не трогаться с места, как больно!

Дерево все горело, его кора обуглилась и почернела. «Бегите! — твердила про себя Реза. — Бегите!» А сама застыла на месте, хотя ноги так и рвались бежать — к дочери, которая ждала где-то за деревьями. Но она осталась. Она стояла и старалась не думать только об одном: что теперь ее снова запрут. Потому что от этой мысли ее тянуло бежать без оглядки, несмотря даже на Мо. Слишком долго она пробыла в плену, слишком долго жила лишь воспоминаниями — о Мо, о Мегги... Они поддерживали ее все годы, что она была служанкой сперва у Мортолы, потом у Каприкорна.

— Не вздумай делать глупостей, Перепел! — донесся до нее голос одного из солдат. — Не то я проткну тебя копьем!

— Какие еще глупости? — ответил Мо. — Я что, похож на дурака, способного кинуться в бегство прямо перед твоим арбалетом?

Реза чуть не рассмеялась. Мо всегда удавалось ее рассмешить.

— Чего вы ждете? Ловите их! — кричал Свистун.

Его серебряный нос съехал в сторону, а конь все еще артачился, как он ни натягивал поводья. Некоторые солдаты повиновались и неохотно побрели было в лес, но выскочили как ошпаренные, когда среди подлеска зашевелилась рычащая тень.

— Ночной страх! — закричал кто-то, и вот уже все они снова стоят на дороге с бледными лицами и трясущимися руками, как будто их мечи бессильны перед ужасами, затаившимися среди деревьев.

— Ночной страх? Да ведь сейчас белый день, идиоты! — закричал на них Огненный Лис. — Это медведь, самый обыкновенный медведь!

Солдаты нерешительно двинулись обратно в лес, держась близко друг к другу, как вереница птенчиков, прячущихся за мать. Реза слышала, как они, чертыхаясь, мечами прорубали себе путь через заросли дрока и ежевики. Их кони тем временем стояли на дороге, фыркая и дрожа. Огненный Лис и Свистун тихо переговаривались между собой, а солдаты, оставшиеся на дороге, чтобы охранять не сумевшую убежать горстку пленных, широко раскрытыми глазами смотрели в лес, как будто оттуда того гляди выскочит ночной страх в обличье медведя и проглотит их всех целиком, с кожей, волосами и амуницией, как положено злему духу.

Реза видела, как Мо нашел ее глазами, видела облегчение на его лице,

когда он ее увидел, — и разочарование, что она по-прежнему тут. Он был все еще бледен, но уже не той смертельной бледностью, что раньше. Она шагнула к телеге, хотела дотронуться до его руки, узнать, так же ли она горяча от лихорадки, но стоявший рядом солдат грубо оттолкнул ее.

Дерево продолжало гореть. Пламя потрескивало, словно напевая насмешливую песенку о Змееглаве. Солдаты вернулись, так и не поймав в лесу ни одного из пленных.

БЕДНАЯ МЕГГИ

— Привет! — раздался над его головой тихий мелодичный голос, и Теренс увидел перед собой самую прекрасную девушку на свете. Он испугался бы, если бы не ее глаза, такие синие и полные тоски, а тоска была хорошо ему знакома.

Ева Ибботсон. Мисс ведьма^[13]

Мегги молчала. Как ни старался Фарид ее развеселить, она сидела под деревом, обхватив руками колени, и молчала. Да, они освободили немало людей, но только не ее родителей.

Ни один из бежавших не был даже ранен. Только кто-то из детей подвернул ногу, но ребенок был такой маленький, что взрослые могли его нести. Чаща поглотила беглецов так быстро, что люди Змееглава уже через несколько шагов не видели, за кем гонятся. Детей Сажерук спрятал в дупле огромного дерева, женщины заползли в заросли дрока и крапивы, а медведь Черного Принца отпугивал солдат от их убежищ. Мужчины забрались на деревья и скрылись в густых кронах. Последними спрятались Сажерук и Черный Принц, сперва поведив солдат за собой по лесу, чтобы окончательно сбить со следа.

Принц посоветовал освобожденным пленникам возвращаться в Омбру и присоединиться пока к комедиантам, разбившим там лагерь. У него самого были другие планы. Прежде чем уйти, он поговорил с Мегги, и после этого лицо у нее стало не такое безнадежное.

— Принц сказал, что не допустит, чтобы моего отца повесили, — рассказывала она Фариду. — Он знает, что Мо не Перепел, и обещает, что он и его люди сумеют доказать Змееглаву, что он не того поймал.

Мегги рассказывала это с такой надеждой в голосе, что Фарид лишь кивнул и пробормотал: «Ну видишь, как хорошо!» — хотя сам был уверен, что Змееглав все же повесит Волшебного Языка.

— А как насчет того шпиона, о котором говорил Свистун? — спросил он Сажерука, когда они снова тронулись в путь. — Будет Принц его искать?

— Долго ему искать не придется, — сухо ответил Сажерук. — Надо лишь посмотреть, у кого из комедиантов карманы вдруг окажутся полны серебра.

Серебро. Признаться, Фариду хотелось взглянуть на серебряные башни Дворца Ночи. Говорят, даже зубцы стен там покрыты серебром. Но они пойдут туда другим путем, чем Огненный Лис.

— Мы знаем, куда они идут, — заявил Сажерук. — А к Дворцу Ночи есть пути и безопаснее, чем эта дорога.

— А как же Мышиная мельница? — спросила Мегги. — Мельница, о которой ты говорил в лесу? Разве мы не пойдем сначала туда?

— Наверное, нет. А зачем?

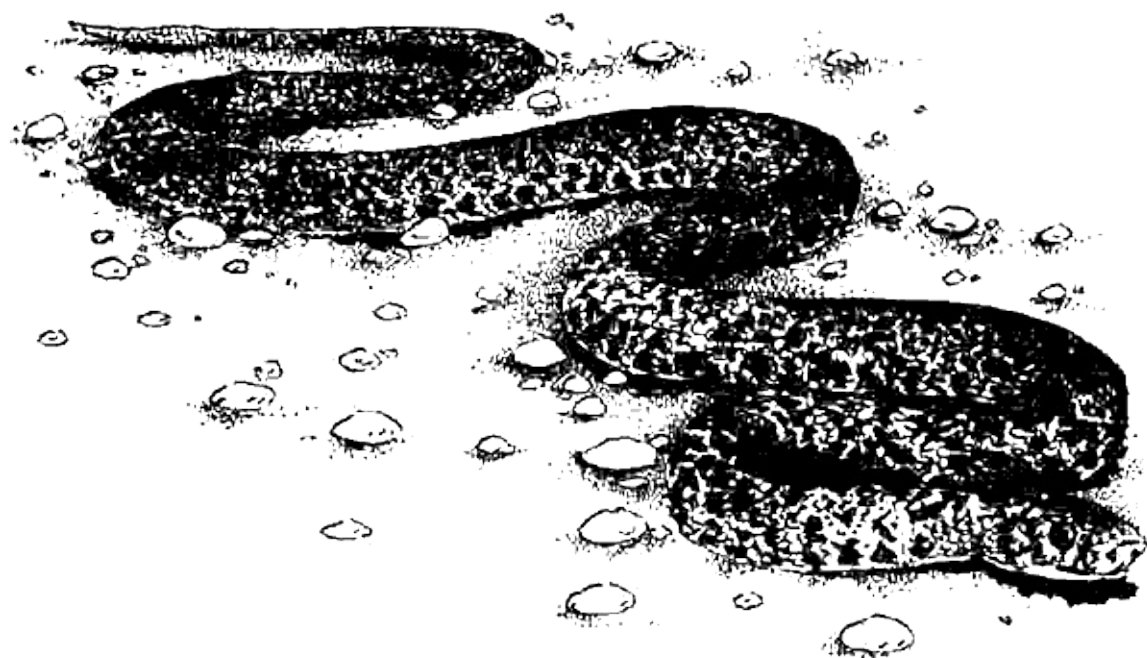
Мегги помолчала. Очевидно, она понимала, что ответ очень не понравится Сажеруку.

— Я передала Небесному Плясуну письмо для Фенолио, — сказала она наконец. — Я просила Фенолио написать что-нибудь, что спасет моих родителей, и послать на Мышиную мельницу.

— Письмо? — Сажерук говорил так резко, что Фарид невольно обнял Мегги за плечи. — Ну, молодец! А если оно попадет не в те руки?

Фарид опустил голову. Но не Мегги. Нет. Она посмотрела Сажеруку прямо в глаза.

— Никто, кроме Фенолио, не может им сейчас помочь, — сказала она. — И ты это прекрасно знаешь.

СТУК В ДВЕРЬ

Ланцелот смотрел в свой кубок.

— Он действительно бесчеловечен, — сказал он наконец. — Но с чего ему быть человеческим? Разве ожидаете вы от ангелов человечности?

Т. Х. Уайт. Король Артур. Часть 2

Всадник, которого Фенолио послал к Мегги, отсутствовал уже несколько дней.

— Мчись как ветер, — сказал ему старик и добавил, что речь идет о жизни и смерти молодой и прекрасной девушки (ведь он хотел, чтобы юноша действительно постарался!). — К сожалению, тебе не удастся уговорить ее вернуться с тобой, она очень упрямая, — добавил Фенолио. — Но договорись с ней о другом, безопасном месте встречи и скажи, что очень скоро привезешь от меня новое письмо. Запомнил?

Солдат, совсем еще молоденький, без труда повторил поручение и галопом помчался прочь, заверив Фенолио, что вернется самое позднее через три дня. Три дня. Если парень сдержит свое обещание, он должен скоро быть здесь, а у Фенолио еще нет письма, с которым он мог бы послать его обратно к Мегги. Потому что слова, которые должны были наконец направить всю эту историю в правильное русло, спасти добрых и наказать злых, не шли к нему, и все тут!

День и ночь сидел Фенолио в комнате, отведенной ему Козимо, уставившись на пергамент, который принесла Минерва; заодно она доставила ему перепуганного Розенкварца. Но ничего не выходило. Мысли расплывались, как чернила на мокрой бумаге. Куда только подевались треклятые слова? Почему выходил лишь мертвый шелест, как от пожухлой

лишты? Он ссорился с Розенкварцем, посылал его за вином, за жарким, за сладостями, за другими чернилами, за новым пером, а снаружи на дворах замка стучали топорами и кузнечными молотами, укрепляли ворота, наполняли бочки смолой, острили копья. Подготовка к войне — дело шумное. Особенно если торопиться. А Козимо очень торопился.

Для него слова нашлись сами собой: строки, полные праведного гнева. Глашатаи Козимо уже читали их на рыночных площадях и деревенских сходках. И добровольцы толпами стекались в Омбру, готовясь вступить в бой со Змееглавом. Но где найти слова, которые разом обеспечили бы победу в войне для Козимо и спасение от виселицы для отца Мегги?

Как он терзал свои старые мозги! Однако в голову решительно ничего не приходило. Время шло, и сердце Фенолио наполнялось отчаянием. Что, если Змееглав тем временем уже давно повесил Мортимера? Захочет ли тогда Мегги вообще читать что бы то ни было? Не безразлична ли ей станет судьба Козимо и всего Чернильного мира, если погибнет ее отец?

— Ерунда, Фенолио! — уговаривал он себя, снова вычеркивая после многочасовой работы фразу за фразой. — Знаешь что? Раз слова у тебя не идут, значит, на этот раз дело обойдется без них. Значит, придется Козимо спасти Мортимера!

«Вот как? А если дворец Змееглава будет взят штурмом и все, кто сидит в застенках, погибнут в пожаре крепости? — шепнул ему внутренний голос. — А если войска Козимо не прорвутся за высокие крепостные стены вокруг Дворца Ночи?»

Фенолио отложил перо и закрыл лицо руками. На улице снова стемнело, а в голове у него было так же пусто, как на лежавшем перед ним листе. Козимо прислал Туллио просить его отужинать с ним, но у него решительно не было аппетита, хотя обычно он очень любил смотреть, как Козимо с горящими глазами слушает его песни о собственной персоне. Сколько бы Уродина ни рассказывала, что песни вызывали у ее мужа смертную скуку, — этот Козимо любил сочинения Фенолио: чудесные сказки о своих прежних подвигах, о пребывании у Белых Женщин, о походе на крепость Каприкорна.

Да, он был в фаворе у прекрасного герцога, в точном соответствии с написанными им словами, зато Уродина все чаще напрасно просила допустить ее к мужу. И потому проводила теперь в библиотеке еще больше времени, чем до возвращения Козимо. С тех пор как умер ее свекор, Виоланте уже не приходилось прокрадываться туда тайком или подкупать Бальбулуса своими драгоценностями, потому что Козимо нисколько не волновало ее чтение. Его волновало только, не пишет ли она писем отцу

или не сносится ли со Змееглавом как-нибудь по-другому. Как будто это на нее похоже! Фенолио жалко было смотреть на одиночество Виоланты, но он утешал себя тем, что она всегда была одинока. Рождение сына ничего в этом не изменило. И все же, вероятно, ни к одному человеку ее так не тянуло, как к Козимо. Родимое пятно на ее лице побледнело, зато теперь на нем ярко выступало нечто другое — любовь, от которой было не больше радости, чем от родинки, потому что Козимо не отвечал на нее любовью. Напротив, он приставил к жене соглядатая. С некоторого времени за Виолантой ходил по пятам неотесанный человек с голым черепом, присматривавший прежде за охотничьими собаками Жирного Герцога. Казалось, он сам превратился теперь в ищейку и приняхивается, стараясь выследить каждую ее мысль. Говорили, что Виоланта диктовала Бальбулусу умоляющие письма к Козимо, заверяя мужа в своей верности и преданности, но Козимо оставлял их нераспечатанными. Один из его управляющих даже утверждал, будто Козимо научился читать.

Фенолио оторвал руки от лица и с завистью посмотрел на Розенкварца, мирно похрапывавшего рядом с чернильницей. Потом снова взялся было за перо, но тут в дверь постучали.

Кто это мог быть в такой поздний час? Козимо обычно выезжал в это время на прогулку.

В дверях появилась жена герцога. Виоланта была одета в одно из тех черных платьев, от которых отказалась после возвращения Козимо. Глаза у нее были красные, как будто она много плакала, но, может быть, она просто слишком часто пользовалась бериллом.

Фенолио поднялся со стула.

— Проходите! — сказал он. — А где же ваша тень?

— Я купила несколько охотничьих щенков и велела ему дрессировать их, чтобы сделать сюрприз Козимо. С тех пор он иногда оставляет меня в покое.

Да, она неглупа, совсем неглупа. Знал ли он это раньше? Нет, Фенолио почти не помнил, какой он ее придумал.

— Садитесь же!

Он подвинул ей свой стул — другого в комнате не было, — а сам уселся на сундук у окна, в котором хранил одежду — не старые, изъеденные молью тряпки, а новые роскошные одеяния, заказанные Козимо для своего придворного поэта.

— Козимо снова взял с собой Брианну! — сказала Виоланта ломким голосом. — Ей позволено выезжать с ним, делить с ним трапезу, проводить с ним даже ночи. Теперь она рассказывает истории ему, а не мне, ему

читает, для него поет, для него танцует — все, что раньше делала для меня. А я одна. Вы не могли бы поговорить с ней? — Она нервно оправила черное платье. — Брианна любит ваши песни, может быть, она вас послушает! Она мне нужна! Кроме нее, у меня никого нет в этом замке, кроме нее да Бальбулуса, но ему от меня нужно только золото на новые краски.

— А ваш сын?

— Он меня не любит.

Фенолио промолчал, потому что это была правда. Якопо никого не любил, кроме своего мрачного деда, и никто не любил Якопо. Его трудно было любить.

Через окно в комнату врывалась темнота и стук кузнечных молотов.

— Козимо собирается укрепить городские стены, — продолжала Виоланта. — И для этого вырубить деревья до самой реки. Говорят, Крапива прокляла его за это. Она будто бы сказала, что попросит Белых Женщин забрать его обратно.

— Не волнуйтесь. Белым Женщинам Крапива не указ.

— Вы уверены? — Она потеряла воспаленные глаза. — Брианна — моя чтица! Он не имеет права отнимать ее у меня. Я хочу, чтобы вы написали ее матери. Все мои письма вскрываются по приказу Козимо, но вы могли бы пригласить ее сюда. Вам он доверяет. Напишите матери Брианны, что Якопо хочет поиграть с ее сыном и мы просим их прийти в замок завтра около полудня. Я слышала, она прежде была комедианткой, а теперь выращивает травы. Все цирюльники города покупают у нее. У меня в саду есть несколько редких растений. Напишите ей, что она может взять оттуда, что пожелает: семена, отростки, саженцы, — пусть только придет.

Роксана. Она хочет, чтобы пришла Роксана.

— Почему вы хотите поговорить с матерью, а не с самой Брианной? Она ведь уже не маленькая.

— Я пыталась! Она меня не слушает. Она молча смотрит на меня, бормочет извинения — и снова идет к нему. Нет, я должна поговорить с ее матерью.

Фенолио молчал. Он не был уверен, что Роксана согласится прийти. Не сам ли он вписал в ее сердце эту гордость и нелюбовь к знати? С другой стороны — разве не обещал он Мегги присматривать за дочерью Сажерука? Раз уж у него не получается сдержать все остальные обещания, раз слова покинули его в самый неподходящий момент, может быть, попробовать хоть тут что-то сделать... «Боже мой! — вздохнул про себя Фенолио. — Не хотел бы я оказаться рядом с Сажеруком, когда он узнает,

что его дочь проводит ночи в обществе Козимо!»

— Хорошо, я отправлю гонца к Роксане, — сказал он вслух. — Но не возлагайте на это больших надежд. Я слышал, она и так недовольна, что ее дочь живет при дворе.

— Я знаю! — Виоланта поднялась и бросила взгляд на листы, лежавшие на конторке. — Вы работаете над новой историей? Не о Перепеле? Вы должны показать ее прежде всего мне!

В этот момент она была настоящей дочерью Змееглава.

— Я непременно так и сделаю, — поспешно заверил Фенолио. — Вы получите ее раньше, чем комедианты. И она будет такой, как вы любите: мрачной, безнадежной, пугающей...

«И жестокой», — добавил он про себя. Да, Уродина любила мрачные истории. Она не хотела слышать о красоте и счастье, ей нравились рассказы о смерти, несчастье, уродстве и печальных тайнах. Она хотела видеть в книгах свой собственный мир, а в нем не встречалось ни красоты, ни радости.

Виоланта все еще смотрела на него тем же высокомерным взглядом, которым взирал на мир ее отец. Фенолио помнил слова, которые написал об этой семье: «Благородная кровь — веками родичи Змееглава свято верили, что кровь, текущая в их жилах, делает их смелее, умнее и сильнее любого из их подданных». Сотни, много сотен лет повторялся этот взгляд во все новых глазах, даже у Виоланты, которая с радостью утопила бы свою родню в канаве, как неудавшегося щенка.

— Слуги рассказывают, что мать Брианны поет даже лучше, чем она сама. Они говорят, что от ее пения плачут камни и распускаются цветы.

Уродина провела рукой по лицу, там, где еще недавно так ярко полыхало родимое пятно.

— Да, мне тоже рассказывали что-то в этом роде. — Фенолио проводил ее до двери.

— Говорят, раньше она пела даже в замке моего отца, но я в это не верю. Мой отец никогда не впускал комедиантов в ворота, он разве что вешал их перед ними.

«Да, потому что ходили слухи, будто ваша матушка изменяла ему с комедиантом», — подумал Фенолио, открывая перед ней дверь.

— Брианна уверяет, что ее мать не поет больше, потому что боится принести своим пением несчастье тем, кого любит. Так будто бы случилось с отцом Брианны.

— Да, я тоже об этом слышал.

Виоланта вышла в коридор. Даже вблизи ее родимого пятна почти не

было видно.

— Вы пошлете к ней гонца завтра утром?

— Когда пожелаете, — сказал Фенолио.

Она посмотрела в глубь темного коридора:

— Брианна никогда не говорит о своем отце. Одна повариха сказала, что он огнеглотатель. Она говорит, что мать Брианны очень его любила, но один из поджигателей, который тоже в нее влюбился, исполосовал огнеглотателю лицо ножом.

— Эту историю мне тоже приходилось слышать. — Фенолио задумчиво посмотрел на нее. История Сажерука с ее сладостью и горечью была, конечно, по вкусу Виоланте.

— Говорят, мать Брианны отвела его к цирюльнику и оставалась с ним, пока лицо у него не зажило.

Какой отсутствующий у нее голос, будто она затерялась среди слов, его, Фенолио, слов.

— Но все же он ее бросил. — Виоланта отвернула лицо. — Напишите ей! — отрывисто сказала она. — Напишите сегодня же вечером.

И она пошла прочь в своем черном платье, так поспешно, словно ей вдруг стало стыдно за свой приход.

— Розенкварц, — сказал Фенолио, прикрыв за ней дверь, — неужели у меня получают только несчастливцы и злодеи, как ты думаешь?

Но стеклянный человечек все еще спал, а рядом с ним чернила капали с пера на пустой пергамент.

РОКСАНА

*Ее глаза на звезды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И черной проволокой вьется прядь.*

Уильям Шекспир. Сонет 130^{[\[14\]](#)}

Фенолио ожидал Роксану в той комнате замка, где обычно принимали просителей, людей из народа, рассказывавших управляющим Козимо о своих горестях в присутствии писца, заносившего их жалобы на бумагу (пергамент был для такого употребления слишком дорог). Затем их отсылали, пообещав, что герцог когда-нибудь займется их делом. При Жирном Герцоге это случалось редко, разве что по особому ходатайству Виоланты, так что подданные привыкли разрешать свои споры сами, иногда насилием и кровью, иногда миром, в зависимости от темперамента и обстоятельств. Козимо, надо надеяться, скоро это изменит...

— Что я тут делаю? — пробормотал Фенолио, оглядывая высокую и узкую комнату.

Он был еще в постели (куда более удобной, чем в камерке Минервы), когда к нему явился посланец Уродины. Виоланта сожалеет о причиненном беспокойстве, но вынуждена просить его, поскольку никто другой не сумеет подобрать верных слов, побеседовать с Роксаной вместо нее. Замечательно. Так поступают власть имущие — перекладывают неприятные задачи на других. Но с другой стороны... Ему давно хотелось поглядеть на жену Сажерука. Действительно ли она так красива, как он ее описал?

Фенолио со вздохом опустился в кресло, где обычно сидел управляющий Козимо. С тех пор как герцог вернулся, просителей в замок стало приходить столько, что в будущем их решено было принимать только два дня в неделю. У их повелителя были сейчас другие заботы, кроме жалобы крестьянина, у которого сосед украл свинью, иска сапожника, которому торговец продал негодную кожу, и горестей швеи, которую муж каждый вечер избивал, вернувшись домой пьяным. Конечно, в каждом городе был судья, в чьи обязанности входило разбирать тяжбы, но репутация у этих чиновников была, как правило, плохая. Закон, говорили по обе стороны Непроходимой Чащи, всегда на стороне того, кто наполнит золотом карман судьи. И потому те, у кого золота не было, шли в замок, к герцогу с лицом ангела, не понимая, что ему сверх головы хватает забот с военными приготовлениями.

Роксана вошла в комнату с двумя детьми: девочкой лет пяти и мальчиком постарше — очевидно, братом Брианны Йеханом, тем самым, которому выпадала иногда сомнительная честь играть с Якопо. Нахмурившись, смотрела она на гобелены, украшавшие стены. На них были изображены подвиги Жирного Герцога в его молодые годы. Единороги, драконы, белые олени... Герцогское копье, похоже, не знало промаха.

— М-м... почему бы нам не спуститься в сад? — предложил Фенолио, заметив ее осуждающий взгляд, и поскорее поднялся с герцогского кресла.

Она была, пожалуй, даже красивее, чем он представлял себе, когда писал. Но ведь не зря же он так долго искал отборные, наилучшие слова для той сцены в «Чернильном сердце», где Сажерук впервые встречает Роксану. И все же, увидев ее вдруг перед собой наяву, Фенолио почувствовал себя влюбленным, как глупый мальчишка. «Черт возьми, Фенолио! — обругал он самого себя. — Ты сам же ее придумал, а теперь таращишься на нее так, словно никогда в жизни не видел женщины!» Хуже того — от Роксаны это, кажется, не укрылось.

— Да, пойдете в сад! Я много о нем слышала, но видеть никогда не приходилось, — ответила она с улыбкой, от которой голова у Фенолио окончательно пошла кругом. — Или вы сперва расскажете, о чем хотели со мной поговорить? Из вашего письма я поняла только, что речь пойдет о Брианне.

О чем он хотел с ней поговорить — ха! Он проклинал в душе ревность Виоланты, неверное сердце Козимо и самого себя заодно.

— Пойдемте сперва в сад, — сказал он.

Может быть, на свежем воздухе ему легче будет передать ей поручение

Уродины.

Конечно, это оказалось не так.

Как только они вышли из замка, мальчик побежал искать Якопо, но девочка осталась с Роксаной. Она цеплялась за ее руку, пока та переходила от растения к растению, а Фенолио безуспешно пытался вымолвить хоть слово.

— Я знаю, зачем меня сюда позвали, — сказала Роксана, когда он в десятый раз собирался начать свою речь. — Сама Брианна мне ничего не рассказывала и не расскажет. Но служанка, подающая завтрак Козимо, часто приходит ко мне за советом и лекарством для своей больной матери, и она рассказывала мне, что Брианна почти не покидает его покоев. Даже ночью.

— Да. Да, так и есть... Это беспокоит Виоланту. И она надеется, что вы...

Черт побери, как же он запинается. Он просто не знал, что сказать дальше. Проклятая путаница. В этой истории явно слишком много персонажей. Как он мог предвидеть все, что им взбредет в голову? Это просто невозможно, а уж особенно когда речь идет о чувствах молодых девушек. Разве старик может в этом разбираться?

Роксана смотрела ему прямо в лицо, как бы ожидая, что он закончит наконец свою фразу. «Старый идиот, ты еще покрасней!» — думал Фенолио и чувствовал, как кровь заливает его морщинистое лицо, словно желая согнать с него старость.

— Юноша рассказывал о вас, — сказала Роксана. — Фарид. Он влюблен в девочку, которая у вас жила, в Мегги. Правда ведь? Когда он произносит ее имя, выражение у него такое, словно он держит на языке жемчужину.

— Боюсь, что и Мегги он нравится.

«Интересно, что именно мальчишка ей обо мне рассказывал? — обеспокоенно подумал Фенолио. — Что я придумал и ее, и человека, которого она любит, только затем, чтобы потом его убить?»

Девочка не выпускала руку Роксаны. Та улыбнулась и вставила цветок в ее длинные черные волосы. «Знаешь что, Фенолио? — решил он. — Чушь это все! Как ты мог ее выдумать? Конечно, она была всегда, задолго до твоих слов. Разве такую, как она, можно создать одними словами? Ты был в заблуждении все это время. Конечно, они существовали и без тебя — Сажерук и Каприкорн, Баста и Роксана, Минерва, Виоланта, Змееглав... Ты просто записал их историю, но она им не понравилась, и теперь они сочиняют свою собственную...»

Девочка ощупала пальцами цветок и улыбнулась.

— Это дочка Сажерука? — спросил Фенолио.

Роксана удивленно взглянула на него.

— Нет, — сказала она. — Наша младшая дочь умерла, уже давно. А откуда вы знаете Сажерука? Он мне никогда о вас не рассказывал.

«Дурак ты, Фенолио, безмозглый дурак».

— Я, конечно, знаю Сажерука, — пробормотал он. — Даже очень хорошо. Понимаете, я часто бываю у комедиантов, когда они разбивают шатры у городской стены. Там... м-м... мне приходилось с ним встречаться.

— Вот как? — Роксана погладила куст по перистым листьям. — А я и не знала, что он там появлялся.

Она задумчиво посмотрела на следующую грядку.

— Дикие мальвы... У меня они тоже растут. До чего красивые, правда? И очень полезные...

И, не глядя на Фенолио, продолжила:

— Сажерук исчез. Снова. Я получила только известие, что он идет за солдатами Змееглава, захватившими нескольких комедиантов. Ее мать, — она обняла девочку за плечи, — в том числе. И его старого друга — Черного Принца.

Так они захватили и Принца? Фенолио постарался не выдать испуга. Все, видимо, обстояло куда хуже, чем он думал, а от всей его писанины не было никакого толку...

Роксана провела рукой по кисточкам лаванды. В воздухе повис сладковатый аромат.

— Говорят, вы видели, как убили Небесного Плясуна. Вы знаете его убийцу? Я слышала, что это Баста, один из лесных поджигателей.

— К сожалению, вы слышали чистую правду.

Фенолио каждую ночь видел во сне летящий нож Басты, ничто не могло избавить его от этого кошмара.

— Фарид рассказывал Сажеруку, что Баста вернулся. Но я надеялась, что это ложь. Мне страшно. — Она говорила так тихо, что Фенолио с трудом разбирал слова. — Очень страшно. Я постоянно ловлю себя на том, что останавливаюсь ни с того ни с сего и смотрю на лес, как будто жду, что Сажерук вот-вот появится между деревьями, как в то утро, когда он вернулся.

Она сорвала стручок и высыпала на ладонь несколько крошечных семян.

— Можно мне это взять?

— Все, что хотите, — ответил Фенолио, — семена, отростки, саженцы — просила передать вам Виоланта, — все, что угодно, если вы уговорите вашу дочь проводить время с ней, а не с ее мужем.

Роксана взглянула на семена у себя на ладони и высыпала их на грядку.

— Ничего не получится. Моя дочь давно уже меня не слушается. Ей нравится жить здесь, хотя она знает, что я этого не одобряю, а Козимо она любит с тех пор, как увидела в первый раз. Он выезжал из ворот замка на белом коне, в день своей свадьбы. Ей тогда еще семи лет не было, но с тех пор у нее было только одно желание — попасть в замок, хоть прислужой. Если бы Виоланта не услышала однажды ее пение из кухни, она бы и до сих пор выносила горшки, кормила свиней отбросами и порой тайком проскальзывала наверх, чтобы поглядеть на статуи Козимо. Вместо этого она стала сестричкой Виоланты... носила ее платья, присматривала за ее сыном, пела и танцевала для нее и стала комедианткой, как ее мать. Но не той, что ходит босиком, носит пестрые платья, спит на обочине дороги и держит при себе нож против бродяг, пытающихся ночью залезть к ней под одеяло, а комедианткой в шелковых платьях, спящей в мягкой постели. Но волосы Брианна все же носит распущенными, как я когда-то, и любит слишком сильно, как и я. Нет! — Роксана вложила стручок в руку Фенолио. — Передайте Виоланте, что я не могу ей помочь, хотя и очень бы хотела.

Девочка подняла глаза на Фенолио. Интересно, где сейчас ее мать?

— Послушайте, — сказал он Роксане. От ее красоты у него темнело в глазах. — Возьмите семена. У вас на грядках им будет куда лучше, чем между этих серых стен. Сажерук ушел с Мегги. Я послал ей вслед гонца. Как только гонец вернется, я сообщу вам все, что узнаю: где они, сколько еще там пробудут, все!

Роксана взяла у него стручок, сорвала еще пригоршню и аккуратно сложила в висевший на поясе мешочек.

— Благодарю вас, — сказала она. — Но если от Сажерука не будет вестей в ближайшее время, я сама отправлюсь на его поиски. Слишком часто я просто ждала, чтобы он вернулся целым и невредимым, а сейчас я ни о чем не могу думать, кроме того, что Баста снова здесь!

— Но где вы будете его искать? Последнее, что я слышал от Мегги, — это что они собираются зайти на Мышиную мельницу. Это на той стороне леса, в области Змееглава. Там опасно!

Роксана посмотрела на него с улыбкой женщины, объясняющей ребенку, как устроен мир вокруг.

— Здесь скоро тоже будет опасно, — сказала она. — Или вы думаете, Змееглав не знает, что Козимо велел ковать мечи днем и ночью? Может быть, вам стоило бы подыскать другое место для работы. Не дожидаясь, пока к вам на конторку упадет зажигательная стрела.

Конь Роксаны дожидался на внешнем дворе. Это был худой воронок с поседевшей мордой.

— Я знаю Мышиную мельницу, — сказала Роксана, сажая девочку на лошадь. — Я туда заеду, а если их там нет, попробую зайти к Хитромыслу. Это лучший цирюльник по обе стороны леса, и он лечил Сажерука, когда тот был еще мальчишкой. Может быть, он что-то знает.

Ну конечно, Хитромысл! Как мог Фенолио о нем забыть? Если кто-то заменял Сажеруку отца, то, конечно, он. Это был цирюльник, кочевавший с комедиантами с места на место, с ярмарки на ярмарку. Больше Фенолио о нем, к сожалению, ничего не мог вспомнить. «Проклятье! — подумал он. — Как можно забывать то, что сам написал? И нечего отговариваться старостью!»

— Если увидите Йехана, скажите ему, чтобы шел домой, — попросила Роксана, садясь на коня позади девочки. — Он знает дорогу.

— Вы собираетесь ехать на этой старой кляче через Непроходимую Чащу?

— Эта старая кляча пока довозит меня, куда нужно. — Роксана взялась за поводья. Девочка склонила головку ей на грудь. — Прощайте!

Но Фенолио схватил лошадь под уздцы. Ему пришла мысль, отчаянная мысль, но что он мог сделать? Ждать возвращения своего посланца, пока не станет слишком поздно?

— Роксана! — тихо сказал он. — Мне нужно отправить Мегги письмо. Я послал ей вслед гонца, который должен сообщить, где она и что с ней, но его все еще нет, и когда я смогу отправить письмо с ним... «Не рассказывай ей про Басту и Мясника, Фенолио, не пугай ее зря!» Так вот что я хотел сказать... «Да не пялься ты на нее такими глазами и прекрати запинаться, как старый маразматик!» Не возьмете ли вы письмо для Мегги, если и впрямь отправитесь на поиски Сажерука? Вы ее, наверное, увидите раньше, чем любой гонец, которого пошлю я!

«И что это будет за письмо? — спросил его насмешливый внутренний голос. — Ты хочешь сообщить Мегги, что тебе ничего не приходит в голову?» Но Фенолио, как обычно, не обратил на этот голос ни малейшего внимания.

— Это очень важное письмо! — Говорить еще тише у него бы просто не получилось.

Роксана нахмурилась. Даже это выходило у нее красиво.

— Последнее письмо, которое вам послали, стоило Небесному Плясуну жизни. Ну что ж, приносите, если хотите. Повторяю, очень долго я дожидаться не буду.

Она уехала, и двор показался Фенолио странно опустевшим. В комнате его встретил укоризненным взглядом Розенкварц, сидевший у по-прежнему чистого листа пергамента.

— Знаешь что, Розенкварц? — обратился Фенолио к стеклянному человечку, со вздохом садясь на стул. — Боюсь, что Сажерук свернул бы мне шею, если бы видел, как я смотрю на его жену. Ну и что? Он и так с удовольствием свернул бы мне шею, так что одной причиной больше, одной меньше... Он не заслуживает такой жены, как Роксана, раз все время оставляет ее одну!

— Да, настроение у нас сегодня поистине княжеское! — заметил Розенкварц.

— Заткнись! — буркнул Фенолио. — Сейчас этот пергамент покроется словами. Надеюсь, ты хорошо взболтал чернила?

— Если этот пергамент все еще пуст, то уж конечно не из-за чернил! — едко ответил стеклянный человечек.

Фенолио не швырнул в него перо, хотя руки и чесались. Ведь бледными губами Розенкварца говорила на этот раз сама истина. В конце концов, стеклянный человечек не виноват, что она так неприятно звучит.

ЗАМОК У МОРЯ

*А иногда в старой книге
Что-то подчеркнуто темным.
Тут ты была однажды. Куда же ты
скрылась?*

*Райнер Мария Рильке. Импровизации зимой на
Капри (III)*

Именно так Мо и представлял себе Дворец Ночи: мощные приземистые башни, бойницы под серебряными крышами, словно пробелы в ряду зубов. Когда измученные пленники проходили в ворота крепости, ему казалось, что он видит воочию слова Фенолио, черные буквы на молочно-белой бумаге: Дворец Ночи, мрачный нарост на скале у моря, где каждый камень отполирован предсмертными воплями, а стены сочатся слезами и кровью... Да, Фенолио был хорошим писателем. Серебро окаймляло зубцы стен и ворота и вилось вдоль стен, как блестящий улитковый след. Змееглав любил этот металл, который его подданные называли слюной луны. Может быть, это пристрастие объяснялось тем, что один алхимик рассказал ему когда-то, будто серебро отгоняет Белых Женщин, потому что им не нравится отражение в нем их собственных бледных лиц.

Из всех городов Чернильного мира этот был последним, где Мо поселился бы по доброй воле. Но было очевидно, что не ему выбирать свой путь в этой истории. Она дала ему даже новое имя. И порой ему казалось, что оно и вправду его. Как будто он носил в себе имя Перепел, как семя, и теперь, в этом мире слов, оно возшло.

Чувствовал он себя уже лучше. Лихорадка еще не прошла, по-прежнему обволакивая зрение матовым стеклом, но боль была смирным котенком по сравнению с тем хищным зверем, что терзал его плоть в пещере комедиантов. Он теперь мог сесть, хотя и прикусывал при этом губу от боли, мог оглядеться в поисках Резы. Он старался не спускать с нее глаз, как будто мог этим защитить жену от взглядов солдат, от пинков и ударов. От ее вида было больнее, чем от раны. Когда за Резой и другими пленниками закрылись крепостные ворота, она едва держалась на ногах от усталости. Остановившись, она посмотрела вверх на крепостные стены, как мышь, оглядывающая захлопнувшуюся мышеловку. Один из солдат подтолкнул ее древком копья, чтобы шла дальше. Мо хотелось удушить его своими руками. Ненависть дрожала у него на губах и в сердце, и он проклинал свою слабость.

Реза посмотрела на него и попыталась улыбнуться, но от усталости это получалось у нее плохо, и он видел, что ей страшно. Солдаты придержали коней и окружили пленников, как будто тем было куда бежать из кольца высоких стен. Змеиные головы, украшавшие крыши и карнизы, не оставляли сомнений, кто здесь господин. Они отовсюду смотрели на кучку изнеможенных людей глазами из сверкающего красного камня, выставив раздвоенные узкие языки, сверкая в лунном свете серебряной чешуей.

— Перепела — в башню! — гулко прокатился голос Огненного Лиса по широкому двору. — Остальных — в подземелье.

Их собираются разлучить. Мо видел, как Реза, покачиваясь на стертых ногах, подходит к Огненному Лису. Один из солдат отпихнул ее сапогом с такой силой, что она упала. И Мо почувствовал, как что-то закипает у него в груди, как будто из ненависти рождается нечто новое. Новое сердце, холодное и жестокое, способное убить.

Оружие. Если бы у него было оружие, хотя бы один из этих нелепых мечей, висевших на поясе у каждого солдата, или нож. Сейчас не было для него на свете ничего желаннее, чем такой вот кусок заточенного металла, — куда желаннее, чем все слова, на какие способен Фенолио.

Солдаты стащили его с телеги. Стоять он почти не мог и все же как-то умудрился выпрямиться. Сразу четверо солдат обступили его и подхватили, и он представил себе, как убивает их всех, одного за другим. И новое холодное сердце билось при этом ровно.

— Эй, поосторожней там с ним! — прикрикнул на солдат Огненный Лис. — Я не для того дотащил его сюда из этой треклятой дали, чтобы вы, олухи, мне его сейчас уколошили.

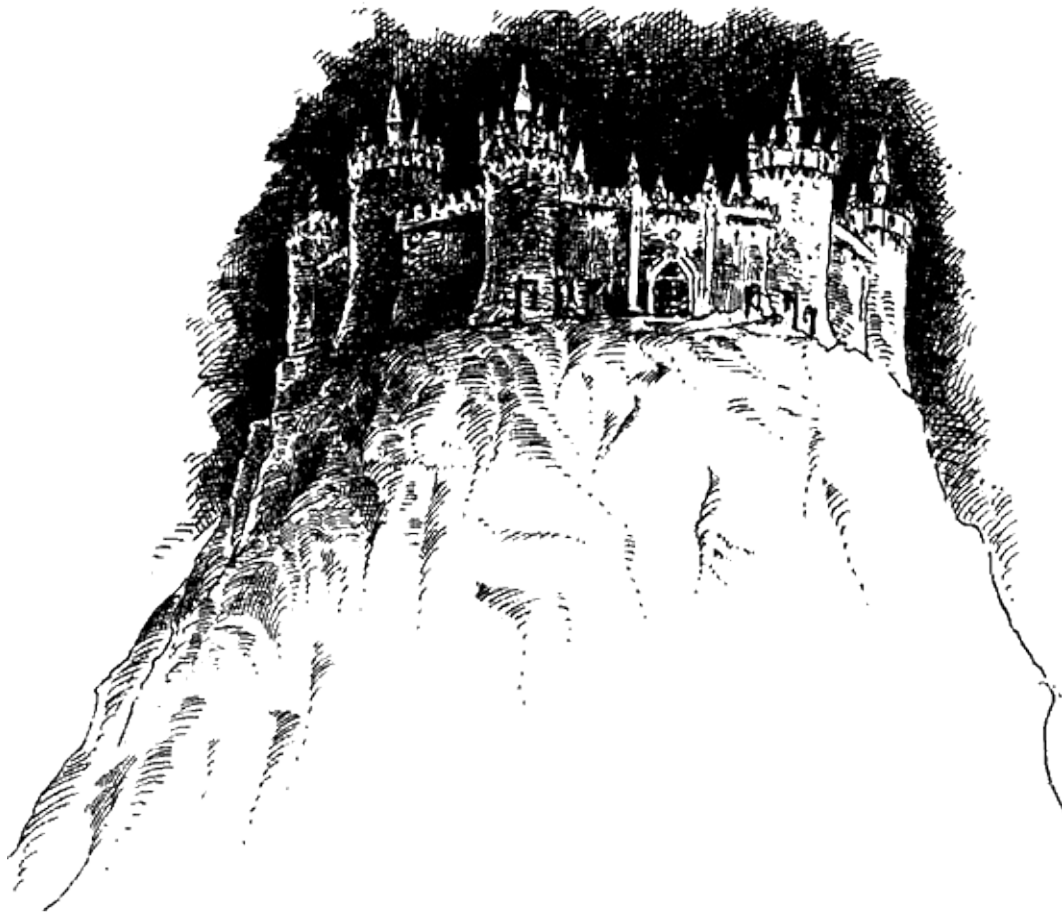
Реза заплакала. Мо услышал, как она окликает его, снова и снова. Он

обернулся, но не увидел ее, а только слышал голос. Он выкрикнул ее имя, рванулся, стал распахивать солдат, тащивших его к башне.

— Эй, прекрати подобиру-поздорову! — рявкнул на него один из них. — Что ты так разволновался? Скоро вы снова встретитесь. Змееглав обожает, когда жены присутствуют при казни.

— Да, ему ничего нет слаще их слез и причитаний, — насмешливо сказал другой. — Вот увидишь, ради этого он даст ей еще пожить. А казнь тебе устроят роскошную, Перепел, в этом можешь не сомневаться.

Перепел. Новое имя. Новое сердце. Комок льда в груди, с краями, острыми, как лезвие ножа.

МЕЛЬНИЦА

Мы скакали и скакали верхом, и ничего не случилось. Все было так мирно, и спокойно, и красиво повсюду, где бы мы ни проезжали. «Эту картину нужно было бы назвать „Тихий вечер в горах“», — подумал я. Если бы это не было так обманчиво.

Астрид Линдгрен. Братья Львиное Сердце^[15]

Больше трех дней добирались Сажерук, Мегги и Фарид до Мышиной мельницы. Три долгих, серых дня, за которые Мегги не сказала почти ни слова, как ни старался Фарид ее развеселить. Непрерывно моросил дождь, и вскоре никто из них не помнил, каково это — спать в сухой одежде. И лишь когда к вечеру последнего дня перед ними открылась наконец темная долина, где стояла мельница, сквозь облака вдруг пробилось солнце. Оно висело низко над холмами и заливало золотом крытые дранкой крыши. Кроме дома мельника, нескольких сараев и самой мельницы с большим деревянным колесом, глубоко погруженным в воду, нигде, сколько хватало взгляда, не видно было других построек. Берег реки порос ивами, тополями и кустами эвкалипта, ольхой и дикой грушей. У лестницы, поднимавшейся к мельнице, стояла повозка. Широкоплечий человек, весь в муке, грузил на нее мешки. Больше вокруг не было ни души, кроме мальчика, побежавшего при виде их к дому. Все было мирно и тихо, слышался лишь рокот воды, заглушавший стрекот цикад.

— Вот увидишь, — шепнул Фарид Мегги, — Фенолио что-нибудь написал. Точно. А если нет, то мы подождем, пока...

— Вот уж нет! — резко перебил его Сажерук, подозрительно озираясь. — Мы спросим, нет ли письма, и пойдем дальше. Сюда заходит

немало людей, и после того, что произошло на дороге, скоро здесь появятся солдаты. По мне, нам вообще не следовало бы здесь показываться, пока все не уляжется, ну да ладно...

— А если письма еще нет? — озабоченно спросила Мегги. — Я ведь написала Фенолио, что буду ждать!

— Да, хотя я, помнится, не позволял тебе писать ему что бы то ни было. Правда ведь?

Мегги промолчала, а Сажерук снова посмотрел на мельницу.

— Остается надеяться, что Небесный Плясун доставил письмо по назначению, а старик не стал показывать его кому попало. Тебе, наверное, не нужно объяснять, каких бед могут наделать буквы.

Он в последний раз осмотрелся, выходя из надежной тени деревьев. Потом махнул Фариду и Мегги, чтобы шли за ним, и направился к мельнице. Мальчик, бегавший в дом, уже снова сидел на ступеньках перед дверью мельницы. Несколько кур бросились врассыпную, когда Гвин прыгнул на них.

— Фарид, поймай эту чертову курицу! — приказал Сажерук, свистком подзывая Пролазу.

Но Гвин зашипел на Фариду. Он не укусил его (Фарида он не кусал никогда), но и поймать себя не дал. Проскользнув между ног мальчика, он снова прыгнул за курицей. Та с кудахтаньем бросилась вверх по ступеням, но Гвина это не остановило. Он проскочил мимо мальчика, сидевшего на ступеньках с таким видом, будто ничто на свете его не интересует, и скользнул вслед за курицей в открытую дверь. Через мгновение кудахтанье смолкло, и Мегги встревоженно посмотрела на Сажерука.

— Отлично! — пробормотал он, запихивая Пролазу в рюкзак. — Куница, залезшая в муку, идохлая курица — нам будут за это благодарны! Помяни только черта, и он...

Человек, грузивший телегу, обтер испачканные мукой руки о штаны и пошел к ним.

— Простите! — крикнул Сажерук ему навстречу. — А где мельник? Я, конечно, заплачу за курицу. А вообще-то мы пришли, чтобы забрать письмо.

— Я теперь мельник, — откликнулся тот, подходя. Он был на целую голову выше Сажерука. — Мой отец умер. Письмо, говорите?

Он переводил глаза с одного на другого. Особенно долго задержался его взгляд на лице Сажерука.

— Да. Письмо из Омбры! — ответил Сажерук, взглядывая вверх, на мельницу. — А почему она не работает? Крестьяне не привозят больше

зерно или работники все разбежались?

Мельник пожал плечами:

— Вчера один принес сырую полбу. Отруби залепили мне жернова. Работник уже несколько часов их чистит. А что за письмо? Кому? На чье имя?

Сажерук внимательно посмотрел на него.

— Значит, какое-то письмо здесь оставляли?

— Это письмо мне, — сказала Мегги, становясь рядом с ним. — Мегги Фолхарт. Так меня зовут.

Мельник несколько секунд пристально рассматривал ее — в изорванном платье, со спутанными волосами, — но потом все же кивнул.

— Оно в доме, — сказал он. — Но я должен был расспросить вас, потому что письмо, попавшее не в те руки, — вещь опасная, правда? Вы заходите, я пока загружу последний мешок.

— Наполни фляги водой, — прошептал Сажерук Фариду, вешая на плечо свой рюкзак. — Я поймаю чертову куницу, заплачу за курицу, и, как только Мегги получит свое письмо, мы идем дальше.

И не успел Фарид возразить, Сажерук уже скрылся за дверью мельницы. Вместе с Мегги. Юноша провел рукой по грязному лицу и посмотрел им вслед.

— Наполни фляги! — бормотал Фарид, спускаясь к реке. — Поймай куницу! Что он себе думает? Что я у него теперь слуга?

Пока Фарид, стоя в холодной воде, подставлял под речную струю фляги из тыквы, мальчик по-прежнему сидел на ступеньках. Что-то в выражении его лица не нравилось Фариду. Страх. Да, так и есть. Он боится. Чего? «Вряд ли меня», — подумал Фарид и оглянулся. Что-то тут не так, он это чувствовал. Чутье у него всегда было, еще в той жизни, где он должен был стоять на часах, шпионить, красться по следу, выведывать... Да, запах опасности ему знаком. Он запихал фляги в рюкзак, где сидел Пролаза, и почесал сонную куницу за ухом.

Мертвеца он заметил только тогда, когда собирался уже выходить на берег. Совсем молодой. Фариду казалось, что он где-то уже видел его лицо. Не он ли бросил ему в миску медную монету на празднике в замке Омбры? Труп запутался в нависших над водой ветвях, но рану в груди было хорошо видно. Нож. У Фариды бешено забилось сердце. Дыхание перехватило. Он взглянул в сторону мельницы. Мальчик сидел на ступенях, обхватив себя за плечи, словно боялся развалиться на куски от страха. А мельник исчез.

Из мельницы не доносилось ни звука, но это ни о чем не говорило. Шум воды мог заглушить что угодно — крики, лязг оружия... «Скорее,

Фарид! — сказал он себе. — Прокрадись внутрь, разузнай, что там творится. Ты делал такие штуки сто раз, да что там, больше».

Пригнувшись, он прошел по воде, выбрался на берег за мельничным колесом и прислонился к стене мельницы. Сердце колотилось прямо в горле, но это тоже было ему не в новинку. Тысячи раз он подкрадывался с сильно бьющимся сердцем к какому-нибудь дому, к окну, к запертой двери. Он прислонил рюкзак Сажерука со спящей куницей к стене.

Гвин. Гвин тоже туда забежал. А Сажерук пошел за ним. Это плохо. Очень плохо. И Мегги тоже с ним. Фарид поглядел вверх, на мельницу. До ближайшего окна было высоко, но стена, к счастью, неровная. «Бесшумно, как змея!» — шепнул он себе, карабкаясь по ней. Оконный карниз был белым от муки. Затаив дыхание, Фарид заглянул внутрь. Первый, кого он увидел, был толстый парень с глуповатым лицом, наверное, работник мельника. Стоявший рядом с ним человек был Фариду не знаком, зато рядом с ним...

Баста! Опять это узкое лицо, эта злобная улыбка. Только одежда на нем теперь другая. Баста ходил теперь не в черном костюме с белой рубашкой и цветком в петлице. Он был одет в серебряные цвета Змееглава, а на поясе у него висел меч. Нож, конечно, тоже был заткнут за пояс. В левой руке он держал дохлую курицу.

От Сажерука его отделял только мельничный жернов и Гвин, сидевший на круглом камне и с вожделением смотревший на курицу, тревожно поводя черной мордочкой. Мегги стояла рядом с Сажеруком. Думала ли она о том же, о чем Фарид? О грозящих смертью словах Фенолио? Наверное, да, потому что она пыталась подозвать куницу, но Гвин не обращал на нее внимания.

«Что делать? — думал Фарид. — Что же мне делать? Забраться внутрь? Чепуха! Какой от этого толк?» Своим дурацким ножичком он ничего не сможет поделать против двух мечей, а ведь там еще работник и сам мельник. Он стоял у самой двери.

— Ну что? Этих вы ждали? — спросил он Басту.

Какой самодовольный у него вид, как он гордится своей хитростью! Фарид с удовольствием срезал бы ножиком с его губ плутоватую улыбку.

— Да, этих! — промурлыкал Баста. — Маленькую ведьму и Огнеглота в придачу. На этот раз подождать действительно стоило. Хотя я теперь, наверное, всю жизнь буду кашлять этой проклятой мукой.

«Соображай, Фарид! Скорее!» Он оглядывал помещение, водил глазами из стороны в сторону, словно они могли отыскать проход в прочных стенах. Там было еще одно окно, но перед ним стоял работник, и

лестница, ведущая на чердак, где, наверное, хранилось зерно. Через деревянную воронку, вделанную в потолок, его насыпали на жернов. Воронка! Да! Она зияла в потолке прямо над жерновом, как деревянная пасть. Что, если он...

Фарид поднял глаза на наружную стену над собой. Есть там еще окно? Да, есть, маленькое, как дыра в стене, но ему случалось пролезать в дыры и поменьше. Он полез вверх по стене, по-прежнему слыша бешеный стук собственного сердца. Слева от него бурлила река. Ворона, сидевшая на иве, посмотрела на него так недоверчиво, словно собиралась в следующую минуту выдать его мельнику. Задыхаясь, Фарид стал протискивать плечи в узкое отверстие. Когда он поставил ноги на белые от муки перекрытия, дерево предательски закрипело, но шум воды заглушал звуки. Фарид на брюхе подполз к воронке и заглянул через нее внутрь. Вот он, у жернова, прямо под ним — Баста... а напротив, по другую сторону жернова, должны быть Сажерук с Мегги. Фариду было его не видно, но он догадывался, о чем сейчас думает Сажерук: о словах Фенолио, описывающих его смерть.

— Хватай куницу, Мясник! — велел Баста стоявшему рядом с ним. — Живее!

— Сам хватай. Мне неохота подхватить бешенство.

— Гвин, ко мне! — Голос Сажерука.

Что он делает? Хочет посмеяться в лицо своему страху, как он делал иногда, когда огонь обжигал ему кожу?

Гвин соскочил с камня. Наверное, запрыгнул на плечо Сажеруку и смотрит оттуда на Басту. Глупый Гвин ничего не знает о роковых словах...

— Побереги свой новый наряд, Баста! — усмехнулся Сажерук. — Да, когда слуга меняет хозяина, ему выдают новое платье, так уж положено, правда?

— Слуга? Это кто тут слуга? Вы только послушайте, что он болтает! Да так нагло, словно никогда не пробовал моего ножа. Забыл уже, как ты орал, когда я резал тебе лицо? — Баста ступил сапогом на жернов. — Посмей только хоть пальцем пошевелить! Руки вверх! Давай, давай, вытяни их получше! Я знаю, какие штучки ты можешь выделять в этом мире с огнем. Только пошевели губами, только шепни что-нибудь, и я воткну нож прямо в сердце маленькой ведьме.

«Шепни что-нибудь. Да, за дело, Фарид!» Он оглянулся в поисках чего-нибудь подходящего, быстро скрутил из соломы факел и зашептал.

— Иди ко мне! — звал он, шипя и прищелкивая языком, как показывал ему Сажерук, когда в первый раз дал положить под язык немного огненного меда.

Каждый вечер он учил его за домом Роксаны языку огня, потрескивающим словам. Фарид произнес их все, и из соломы пробился наконец крошечный язычок пламени.

— Уф! Видишь, Мясник, как таращится на меня маленькая ведьма? — воскликнул Баста с наигранным ужасом. — Жалеет, что не может колдовать без букв. Но книг тут не найдешь. Правда, мило было с ее стороны самой написать нам, где ее найти? — Баста заговорил тоненьким девичьим голоском. — «Люди Змееглава увели всех, моих родителей и комедиантов. Напиши что-нибудь, Фенолио!» Что-то в этом роде... Знаешь, больше всего меня огорчило, что твой отец оказался жив. Не смотри на меня так удивленно, маленькая ведьма, читать я пока не научился, но здесь достаточно дураков, которые это умеют. Прямо у ворот Омбры нам попался в руки писака. Он, правда, довольно долго разбирал твои каракули, но все же у нас хватило времени прибыть сюда раньше вас. Мы успели даже прикончить гонца от старикашки, который должен был вас предупредить.

— Ты становишься все болтливей, Баста! — скучливо сказал Сажерук.

Как хорошо он умеет скрывать страх! Фарид все больше восхищался им за это — даже больше, чем за искусство игры с огнем.

Медленно-медленно Баста вытянул из-за пояса нож. Сажерук не любил ножей. Свой он обычно носил в рюкзаке, а рюкзак стоял сейчас снаружи, прислоненный к стене мельницы. Сколько раз Фарид уговаривал его носить нож за поясом, но Сажерук и слышать об этом не хотел.

— Ах вот как, болтливей! — Баста посмотрел на свое отражение в блестящем лезвии. — Да, про тебя этого точно не скажешь. Знаешь что? Поскольку мы с тобой такие старые знакомые, весть о твоей смерти я сообщу твоей жене лично! Как ты на это смотришь, Огнеглот? Как ты думаешь, Роксана рада будет меня видеть? — Он ласково погладил двумя пальцами острие ножа. — А что до тебя, маленькая ведьма... Очень мило было с твоей стороны отдать письмо старому канатоходцу, который со своей негнущейся ногой и думать не мог убежать от моего ножа.

— Небесный Плясун? Ты убил Небесного Плясуна? — Сейчас в голосе Сажерука не было скуки.

— Стой, не трогайся с места! — шептал Фарид. — Пожалуйста, стой!

Он поспешно подбросил в пламя несколько соломинок.

— А, этого ты не знал! — Голос Басты даже смягчился от удовольствия. — Да, твой старый друг свое отпрыгал. Спроси Мясника, он тоже там был.

— Врешь! — Голос у Мегги дрожал.

Фарид осторожно нагнулся. Он видел, как Сажерук оттолкнул Мегги назад и стал искать глазами путь к бегству, но его не было. За спиной у них громоздились мешки с мукой, справа путь загораживал Мясник, слева стоял работник с глупой ухмылкой на губах, а у того окна, через которое прежде заглядывал Фарид, — сам мельник. Но у их ног лежала солома, много соломы, а она горит не хуже бумаги.

Баста рассмеялся. Он вскочил на жернов и сверху вниз посмотрел на Сажерука. Сейчас Баста стоял прямо под воронкой. «Ну, скорее, — поторопил себя Фарид, поджег вторую связку соломы от первой и поднес обе к отверстию воронки. — Будем надеяться, что дерево так сразу не загорится. Будем надеяться, что солома проскользнет вниз. Будем надеяться». Он обжег пальцы, пропихивая вниз горящие связки, но не обратил на это внимания. Сажерук был в ловушке, и Мегги вместе с ним. До обожженных ли тут пальцев?

— Да, Небесный Плясун двигался слишком медленно, бедняга, — мурлыкал Баста, перекидывая нож из руки в руку. — Ты-то умеешь бегать быстро, Огнеглот, я знаю, и все равно ты от меня не уйдешь. На этот раз я исполосую тебе не только лицо. Я всего тебя разрежу на полосы с головы до ног.

Наконец! Фарид протолкнул горящую связку. Воронка проглотила ее, как мешок с зерном, и выплюнула Басте на сапоги.

— Огонь! Откуда огонь? — Это был голос мельника.

Работник закричал, как бык, увидевший топор мясника.

Пальцы у Фариды болели, на коже лопались пузыри, зато огонь плясал — он поднимался вверх по ногам Басты, хватал его за руки. Баста испуганно отшатнулся, упал с жернова спиной назад и до крови расшиб голову о край. Да, Баста боялся огня, боялся даже больше, чем сглаза, от которого оберегался амулетами.

А Фарид скатился по ступеням вниз, оттолкнул работника, смотревшего на него, как на призрака, подскочил к Мегги и потянул ее за собой к окну.

— Прыгай! — крикнул он. — Прыгай вниз! Скорее!

Мегги дрожала. Волосы у нее были все в муке. Она зажмурилась — и прыгнула.

Фарид искал глазами Сажерука. Тот говорил с огнем, пока мельник и его работник отчаянно колотили по горячей соломе пустыми мешками. Огонь плясал все выше, несмотря на их усилия. Он плясал для Сажерука.

Фарид присел на корточки в открытом окне.

— Иди сюда! — крикнул он Сажеруку. — Иди сюда! Ну иди же!

А где же Баста?

Сажерук оттолкнул мельника и побежал сквозь огонь и дым к Фариду. Фарид перебросил ноги через подоконник и уже снаружи уцепился за карниз, увидев, как Баста с трудом поднимается с жернова. Руки у него были в крови, натекающей с затылка.

— Держи его! — крикнул он Мяснику. — Держи Огнеглота!

— Скорее! — крикнул Фарид, ища ступнями опору на стене под собой.

Но Сажерук, бежавший к окну, споткнулся о мешок с мукой. Гвин спрыгнул с его плеча и бросился к Фариду. Когда Сажерук поднялся на ноги, между ним и Фаридом стоял, кашляя от дыма, Мясник с обнаженным мечом.

— Прыгай скорее! — донесся до Фариды голос Мегги.

Она стояла прямо под окном и расширенными от страха глазами смотрела вверх, на него. Но Фарид соскочил обратно в горящую мельницу.

— Ты куда? Пошел обратно! — крикнул ему Сажерук.

Фарид ударил Мясника сзади горящим мешком. Одежда на нем запылала. Мясник зашатался, то колотя мечом по языкам пламени, то делая выпады в сторону Сажерука. В ту минуту, когда Фарид снова спрыгнул в горящую солому, он поранил Сажеруку острым лезвием ногу. Сажерук пошатнулся, прижал руку к бедру, а Мясник снова занес меч, обезумев от ярости и боли.

— Нет!

Собственный крик оглушил Фариду, когда он бросился на Мясника. Он кусал его за плечи, пинал, колотил, пока злодей не выронил меч, уже почти приставленный к груди Сажерука. Фарид толкнул Мясника в огонь, хотя тот был на целую голову выше. Отчаяние придает силы. Юноша хотел броситься и на Басту, который, кашляя, возник в дыму, но Сажерук оттащил его в сторону и принялся шепотом науськивать пламя, пока его языки не набросились на Басту, как разъяренные змеи. Фарид услышал его крик, но не стал оборачиваться. Он пробивался к окну вместе с Сажеруком, который, чертыхаясь, зажимал пальцами кровоточащее бедро. Но он был жив.

А Басту пожирал огонь.

ЛУЧШАЯ ИЗ ВСЕХ НОЧЕЙ

— Ешь, — сказала Мерло.

— Никак не могу, — сказал Десперо, отстраняясь от книги.

— Почему?

— Это разрушит всю историю, — ответил Десперо.

Кейт Ди Камилло. Десперо, или О том, кто выехал в поход, чтобы разучиться бояться

Никто из них позже не мог вспомнить, как они ушли от мельницы. Перед Фаридом вставляли лишь отдельные картины: лицо Мегги, когда они спускались по берегу, кровь на воде, когда Сажерук прыгнул в реку, дым, который все еще поднимался столбом на горизонте, когда они уже больше часа брели по холодной воде. За ними никто не гнался — ни Мясник, ни мельник со своим работником, ни Баста. Только Гвин вдруг оказался рядом с ними на берегу. Глупый Гвин.

Была глубокая ночь, когда Сажерук с бледным от усталости лицом вышел наконец на берег. Он без сил опустился на траву, а Фарид тем временем напряженно вслушивался в темноту, но там слышался лишь непрерывный громкий рокот, словно шумное дыхание огромного зверя.

— Что это? — прошептал он.

— Море. Ты уже забыл его звук? — сказал Сажерук.

Море. Гвин запрыгнул Фариду на спину, когда тот осматривал ногу Сажерука, но юноша прогнал его.

— Брысь! — прикрикнул он на куницу. — Беги на охоту! Ты сегодня уже достаточно натворил.

Он выпустил Пролазу из рюкзака и стал рыться там, ища, чем перевязать рану. Мегги выжала свое мокрое платье и присела рядом с ними.

— Это серьезно?

— Ерунда! — сказал Сажерук и все же вздрогнул, когда Фарид стал очищать глубокий разрез. — Бедняга Небесный Плясун! — пробормотал он. — Однажды он улизнул от смерти, и все же старуха с косой его догнала. Кто знает, может быть, Белые Женщины не любят, когда у них вот так уходят из-под носа.

— Это я виновата. — Мегги говорила так тихо, что Фарид с трудом разбирает слова. — Я страшно виновата. И погиб он зря. Ведь теперь Фенолио все равно нас не найдет, что бы он ни написал.

— Фенолио. — Сажерук произнес это имя, как название болезни.

— Ты их тоже чувствовал? — Мегги подняла глаза на Фариду. — Мне все время казалось, что я кожей чувствую его слова. Я думала, что они сейчас убьют Сажерука и мы ничего не сможем сделать.

— Но мы смогли! — с вызовом сказал Фарид.

Сажерук откинулся назад и посмотрел на звезды.

— И впрямь? Посмотрим! Может быть, старик тем временем придумал для меня что-нибудь иное и смерть просто затаилась на другом углу.

— Ей придется подождать! — Фарид вытащил из рюкзака Сажерука мешочек. — Пыльца фей никогда не повредит, — бормотал он, посыпая рану блестящим порошком.

Потом снял через голову рубашку, отрезал от нее ножом полосу и осторожно перебинтовал Сажеруку ногу. Обожженными пальцами это не так-то легко было сделать, но Фарид старался как мог. Хотя лицо его порой кривилось от боли.

Сажерук взял его руку и, нахмурившись, посмотрел на нее.

— Силы небесные! У тебя на пальцах столько пузырей, словно на них плясали огненные эльфы, — заметил он. — Кажется, нам обоим нужен цирюльник. Жаль, Роксаны здесь нет.

Он со вздохом лег на спину и посмотрел в темное небо.

— Знаешь что, Фарид? — Казалось, Сажерук говорит со звездами. — Вот что действительно странно. Не вычитай меня отец Мегги из моей истории, у меня никогда бы не появилось такого замечательного сторожевого пса, как ты. — Он подмигнул Мегги. — Ты видела, как он впился в дружка Басты зубами? Мясник небось подумал, что ему в плечо вгрызается медведь Принца.

— Перестань! — Фарид не знал, куда девать глаза, и смущенно теребил травинку босыми пальцами ног.

— Да, только Фарид умнее медведя! — сказала Мегги. — Намного умнее.

— Это уж точно. Он и меня намного умнее! — откликнулся Сажерук. — А с огнем он управляется теперь так, что я уже всерьез начинаю волноваться.

Фарид не выдержал и улыбнулся. От гордости он покраснел до ушей, но, к счастью, в темноте этого никто не видел.

Сажерук ощупал свою ногу и осторожно поднялся. При первом шаге лицо у него скривилось, но потом он проковылял несколько раз к реке и обратно.

— Ну что ж, — сказал Сажерук. — Немного медленнее, чем обычно, но идти я смогу. Должен смочь. — Он остановился перед Фаридом. — Мне кажется, я у тебя в долгу. Как мне расплатиться? Может, научить тебя кое-чему новому? Игре с огнем, которой владею я один? Хочешь?

Фарид затаил дыхание.

— А что это за игра? — спросил он.

— Ее можно показать только на море, — ответил Сажерук. — Но нам все равно туда, потому что обоим нужен цирюльник. А лучший цирюльник живет у самого моря. Под сенью Дворца Ночи.

Они решили стоять на часах по очереди. Фарид караулил первым, и, пока Сажерук и Мегги спали у него за спиной под низко нависшими ветвями каменного дуба, он сидел в траве и смотрел на небо, где звезд было больше, чем светлячков над рекой. Фарид пытался припомнить еще хоть одну ночь, когда он чувствовал бы себя так, как сегодня, — полностью довольным собой, — но на ум ему ничего не приходило. Эта ночь была лучшей в его жизни, несмотря на все пережитые ужасы и на обожженные пальцы, которые по-прежнему болели, хотя Сажерук посыпал их пылью фей и помазал охлаждающей мазью Роксаниного изготовления.

Он чувствовал себя полным жизни. Живым, как огонь.

Он спас Сажерука. Он оказался сильнее роковых слов. Теперь все хорошо.

За его спиной передрались куницы, наверное, из-за добычи.

— Разбуди меня, когда луна будет стоять над холмом вон там! — сказал ему Сажерук.

Но когда Фарид подошел к нему, он спал так глубоко и крепко, с таким умиротворенным лицом, что Фарид решил его не будить и вернулся на свое

место под звездами.

Вскоре за его спиной раздались шаги, но это был не Сажерук, а Мегги.

— Я все просыпаюсь, — сказала она. — Никак не могу отделаться от мыслей.

— О том, как Фенолио тебя найдет?

Она кивнула.

До чего же она по-прежнему верит в слова! Фарид верил в другое — в свой нож, в хитрость и силу. И в дружбу.

Мегги положила голову ему на плечо, и некоторое время они молча сидели под звездами. Потом вдруг налетел холодный резкий ветер, соленый, как морская вода, и Мегги выпрямилась, зябко обняв руками колени.

— Этот мир, — сказала она, — он тебе нравится?

Что за вопрос? Фарид никогда не задавался такими вопросами. Ему нравилось быть вместе с Сажеруком. А где — ему было все равно.

— Это очень жестокий мир, правда? — продолжала Мегги. — Мо часто мне говорил: ты слишком легко забываешь, как он жесток.

Фарид провел обожженными пальцами по ее светлым волосам. Они блестели даже в темноте.

— Все миры жестокие, — сказал он. — Тот, из которого я родом, и тот, из которого ты, и этот. В твоём мире жестокость просто не так заметна, она скрыта, но она там тоже есть.

Он обнял ее за плечи, почувствовал ее страх, тревогу, гнев... Казалось, он разбирает шепот ее сердца, как научился разбирать язык огня.

— Знаешь, что странно? — сказала Мегги. — Даже если бы я могла сию минуту отправиться обратно, я бы этого не сделала. Нелепость, правда? Как будто я всегда именно здесь и хотела оказаться, именно здесь. Почему? Ведь здесь ужасно!

— Ужасно, но и прекрасно, — сказал Фарид и поцеловал ее. Как же хорош был вкус ее губ! Куда лучше, чем огненный мед Сажерука. Лучше всего, что он когда-либо пробовал. — Все равно ты не можешь вернуться, — шепнул он ей. — Как только мы освободим твоего отца, я ему скажу.

— Что ты ему скажешь?

— Что ему, к сожалению, придется оставить тебя здесь. Потому что ты теперь со мной, а я остаюсь с Сажеруком.

Мегги рассмеялась и смущенно прижалась лицом к его плечу.

— Мо этого и слушать не станет.

— Ну и что? Скажи ему, что здесь девушки в твоём возрасте выходят

замуж.

Она снова рассмеялась, но потом лицо ее стало серьезным.

— Может быть, Мо тоже захочет остаться, — тихо сказала она. — Может быть, мы все здесь останемся... и Реза, и Фенолио. И Элинор с Дариусом мы тоже заберем к себе, и будем жить счастливо до конца наших дней. — В ее голосе снова зазвучала печаль. — Не могут они повесить Мо, Фарид! — прошептала она. — Мы его спасем, правда? И мою маму, и всех остальных. Ведь в книгах всегда так: сперва случается что-нибудь плохое, но потом все кончается хорошо. А мы сейчас в книге.

— Конечно! — сказал Фарид, хотя при всем желании не мог представить себе сейчас этого хорошего конца. И все же он был счастлив.

Время шло, и Мегги заснула рядом с ним. А он сидел и охранял ее — ее и Сажерука, всю ночь напролет. Лучшую из всех ночей.

ПРАВИЛЬНЫЕ СЛОВА

*В таком прекрасном храме
Злой дух не может обитать. Иначе
Где ж обитало бы добро?*

Уильям Шекспир. Буря^[16]

Конюх попался бестолковый, он целую вечность седлал коня. «Нет, этого дурака не я придумал! — говорил себе Фенолио. — Хорошо, что я в таком отличном настроении». Да, настроение у него было прекрасное. Он уже не первый час тихонько насвистывал, потому что задача была решена. У него получилось! Слова потекли на бумагу, словно только и ждали, чтобы он выловил их наконец из океана букв. Правильные слова. Единственно правильные. Теперь история может идти дальше, и все в конце концов будет хорошо. Он все же маг, владеющий словесной магией по высшему разряду. Тут с ним никто не может равняться, разве что очень немногие, и не в этом мире, а в другом, родном его мире. Ну неужели этот бестолковый конюх не может оседлать лошадь побыстрее? Ведь ему нужно попасть к Роксане как можно скорее, а то как бы она не уехала без письма — и как тогда Мегги его получит? Ведь от юного торопыги, которого он послал ей вслед, до сих пор ни слуху ни духу. Наверное, этот молокосос заблудился в Непроходимой Чаще...

Фенолио ощупал письмо под плащом. Как хорошо, что слова легки, как перышко, — даже самые веские. Роксане не придется надрываться, чтобы довести Мегги смертный приговор Змееглава. И еще кое-что отвезет она в приморское княжество — верную победу Козимо. Если только он не выступит в поход раньше, чем Мегги получит, что читать!

Козимо пылал нетерпением, он не мог дожидаться дня, когда поведет своих солдат на ту сторону Чащи. «Потому что ему не терпится узнать, кто он! — шептал тихий голос в голове Фенолио (или он шел из сердца?). — Потому что он пуст, как ненаполненная шкатулка, твой прекрасный ангел мести. Несколько взятых взаймы воспоминаний и дюжина мраморных статуй — вот и все, что есть у бедного юноши, да еще твои истории о его прежних подвигах, на которые он судорожно ищет отклика в своем пустом сердце. Надо было тебе все же попытаться вернуть настоящего Козимо из царства мертвых, но на это ты не решился!»

«Замолчи!» — Фенолио недовольно покачал головой. Почему он не может отделаться от этих назойливых мыслей? Все будет хорошо, стоит только Козимо занять престол Змееглава. Тогда у него появятся собственные воспоминания, и с каждым днем их будет становиться все больше. И скоро он забудет о пустоте.

Ну наконец-то. Лошадь готова. Конюх с насмешливой ухмылкой помог ему взобраться в седло. Вот олух! Фенолио прекрасно знал, что наездник он не блестящий. Ну и что? Он побаивался лошадей, на его вкус это были слишком крупные и сильные звери, но не мог же поэт, живущий при герцогском дворе, ходить пешком, как простой крестьянин. Кроме того, это было все же быстрее — если, конечно, эта тварь захочет ехать в том направлении, которое ему нужно. Как трудно заставить ее хотя бы стронуться с места...

Подковы зацокали по мощеному двору, мимо бочек смолы и железных копий, сложенных на стенах по приказу Козимо. Замок по ночам по-прежнему оглашался грохотом кузнечных молотов, а в деревянных бараках, тянувшихся вдоль стены, спали солдаты Козимо, тесно прижатые друг к другу, как личинки в муравейнике. Да, воинственный получился ангел, но разве ангелы не были всегда небесным воинством? «Что ж поделать, мирные персонажи — это просто не по моей части, — думал Фенолио, рысью проезжая по двору. — Моих положительных героев преследуют несчастья, как Сажерука, или они делаются разбойниками, как Черный Принц. Сумел бы он придумать такого героя, как Мортимер? Пожалуй, нет».

Когда Фенолио подъехал к внешним воротам, они широко распахнулись, и на мгновение он подумал, что стража наконец научилась уважать придворного поэта. Однако стражники склонили головы так низко, что он сразу понял — к нему это относиться не может.

Навстречу ему через распахнутые ворота въезжал Козимо на белом,

неправдоподобно белом коне. В сумерках он казался еще прекраснее, чем при дневном свете, и это, кажется, свойственно всем ангелам. За ним ехало всего семь солдат, он никогда не брал больше охраны на свои ночные прогулки. Но рядом с ним ехал еще кое-кто — Брианна, дочь Сажерука, одетая уже не в платье своей хозяйки, несчастной Виоланты, как это обычно бывало прежде, а в роскошный наряд, подаренный ей Козимо. Он засыпал ее подарками, а своей жене не позволял даже выезжать из замка, как и их общему сыну. Но, несмотря на все эти знаки любви, вид у Брианны был не слишком счастливый. И неудивительно. О каком счастье может идти речь, когда любимый собирается на войну?

Самому Козимо эта перспектива, кажется, нисколько не портила настроение. Напротив. Вид у него был такой беззаботный, словно будущее обещает одни радости. Каждую ночь он выезжал на верховые прогулки, в сне, похоже, вообще почти не нуждался и скакал на коне таким бешеным галопом, что охрана не поспевала за ним — в общем, вел себя как человек, которому рассказали, что смерть не смогла его удержать. И разве так уж важно при этом, что он не помнил ни смерти своей, ни жизни?

Бальбулус день и ночь украшал истории об этой потерянной жизни чудеснейшими иллюстрациями. Целая дюжина писцов готовила для него рукописи.

— Мой муж по-прежнему не заходит в библиотеку, — не без горечи сказала Виоланта Фенолио при последней встрече, — зато заполняет целые полки книгами о самом себе.

Да, сомневаться, к сожалению, не приходилось: тех слов, из которых Фенолио и Мегги создали Козимо, оказалось ему недостаточно. И все, что герцог слышал о самом себе, словно принадлежало другому. Может быть, потому он и влюбился так сильно в дочь Сажерука: она, по крайней мере, не принадлежала мужчине, которым он якобы был до своей смерти. Фенолио приходилось без конца сочинять ему страстные любовные стихи для Брианны. Обычно он заимствовал их у других поэтов. Память на стихи у него всегда была отличная, а Мегги, которая ловила бы его на этих мелких кражах, рядом не было. У Брианны каждый раз выступали слезы, когда какой-нибудь комедиант — их теперь принимали в замке с распростертыми объятиями — исполнял в ее присутствии одну из этих песен.

— Фенолио! — Козимо придержал коня, и Фенолио склонил голову без всякого внутреннего сопротивления, на что был способен только для юного герцога. — Куда ты собрался, поэт? Все готово к выступлению в поход!

Он был горяч, как конь, гарцевавший под ним, и Фенолио боялся, как бы эта горячность не передалась и его лошади.

— Или ты все же предпочитаешь остаться дома и точить перья для песен, которые тебе предстоит сочинить в честь моей победы?

Выступление в поход? Все готово?

Фенолио растерянно оглянулся по сторонам, а Козимо рассмеялся:

— Ты думаешь, я собираю войска прямо в замке? Нет, они тут не поместятся! Для них разбит лагерь внизу, у реки. Я жду еще только кучку наемников, которых завербовал на севере. Возможно, они будут здесь уже завтра.

Уже завтра? Фенолио бросил быстрый взгляд на Брианну. Так вот почему у нее такой грустный вид.

— Прошу вас, ваша милость! — В голосе Фенолио явственно слышалась тревога. — Вы слишком торопитесь! Подождите еще немного!

Но эти слова вызвали у Козимо лишь улыбку.

— Взгляни, какая красная нынче луна, поэт! Предсказатели говорят, что это добрый знак. Такие знаки нельзя упускать, а не то везение обратится в несчастье.

Что за чушь! Фенолио опустил голову, чтобы Козимо не заметил раздражения на его лице. Герцог и без того знал, что его любовь к предсказателям и гадалкам сердит поэта, что он считает их всех бандой бесстыжих вымогателей.

— Позвольте снова сказать вам, ваша милость! — Фенолио столько раз повторял это предостережение, что оно уже, видимо, приелось. — Единственное, что может навлечь на вас несчастье, — это преждевременное выступление в поход.

Козимо снисходительно покачал головой.

— Вы уже старик, Фенолио, — сказал он. — Кровь в ваших жилах течет медленно. Но я-то молод! Чего мне ждать? Чтобы Змееглав тоже набрал побольше наемников и получше укрепил Дворец Ночи?

«Он это, надо думать, давно сделал, — усмехнулся про себя Фенолио. — И поэтому лучше бы тебе подождать моих слов и того дня, когда Мегги прочтет их, как вычитала тебя. Дождись ее голоса!»

— Еще неделю-другую, ваша милость! — проникновенно сказал он вслух. — Вашим крестьянам нужно убрать урожай. Иначе чем они будут кормиться зимой?

Но такие вещи Козимо не убеждали.

— Вот уж правда старикинская болтовня! — сердито воскликнул он. — Куда ж подевались все ваши пламенные призывы? Этой зимой мои

люди будут кормиться припасами Змееглава, упоением победы и серебром Дворца Ночи, которое я раздам по деревням!

«Серебром сыт не будешь, ваша милость, — подумал Фенолио, но говорить этого не стал, а только молча взглянул на небо. — Господи, как высоко уже луна!»

Но у Козимо было на уме еще кое-что.

— Я давно хочу вас спросить, — сказал он, когда Фенолио уже собирался пробормотать извинения и проститься. — Вы ведь в хороших отношениях с комедиантами. Все только и говорят, что об этом огнеглотателе, который якобы умеет говорить с огнем...

Краем глаза Фенолио увидел, как Брианна потупила голову.

— Вы имеете в виду Сажерука?

— Да, так его зовут. Я знаю, это отец Брианны. — Козимо нежно взглянул на нее. — Но она не хочет о нем говорить. К тому же, по ее словам, она не знает, где он. Но, может быть, вы это знаете? — Козимо потрепал своего коня по холке. Лицо его лучилось такой красотой, что больно было глазам.

— А зачем он вам? Чего вы от него хотите?

— Разве непонятно? Он умеет говорить с огнем! Утверждают даже, что он может вызвать языки пламени в метр высотой и сам при этом не обжечься.

Фенолио наконец понял.

— Вам нужен Сажерук для войны! — Он не выдержал и рассмеялся.

— А что в этом смешного? — Козимо нахмурился.

Сажерук, Огненный танцор — как оружие! Фенолио покачал головой.

— Видите ли, — сказал он, — я хорошо знаю Сажерука. — Он почувствовал на себе удивленный взгляд Брианны. — Он может быть чем угодно, но только не солдатом. Он вас просто на смех поднимет.

— Ну, этого бы я ему не советовал! — Козимо явно сердился.

Зато Брианна смотрела на Фенолио, как будто у нее на кончике языка вертелась сотня вопросов. Как будто сейчас время для этого!

— Ваша милость! — сказал он поспешно. — Я покорнейше прошу меня извинить! У Минервы заболел ребенок, и я обещал ей сходить к матери Брианны за лечебными травами.

— Вот как. Ну конечно, скажите, мы позже поговорим. — Козимо взялся за поводья. — Если травы не помогут, скажите мне, я пошлю к ним цирюльника.

— Благодарю вас, — ответил Фенолио и все же сам не удержался от еще одного вопроса, прежде чем отъехать: — Я слышал, ваша жена тоже

нездоровая?

Это рассказал ему Бальбулус. Кроме него, к Виоланте теперь никого не пускали.

— Да нет, она просто в ярости. — Козимо взял Брианну за руку, словно утешая ее за то, что речь идет о его жене. — Виоланта легко приходит в ярость. Это у нее от отца. Она никак не может понять, почему я не выпускаю ее из замка. Но ведь очевидно, что повсюду кишат шпионы ее отца, и у кого они прежде всего попытаются все вызнать? У Виоланты и Якопо.

Трудно было не верить каждому слову, слетавшему с этих прекрасных губ, тем более когда они произносились с такой искренней убежденностью.

— Может быть, вы и правы, ваша милость! Но не забывайте, что ваша жена ненавидит своего отца.

— Можно ненавидеть человека и все же повиноваться ему. Разве не так? — Козимо посмотрел на Фенолио прозрачными, как у ребенка, глазами.

— Да, наверное, — смущенно ответил тот.

Всякий раз, когда Козимо смотрел на него так, Фенолио казалось, что перед ним в книге вдруг оказалась пустая страница, проеденная молью дыра в словесной ткани.

— Ваша милость! — Он снова склонил голову на прощание и не слишком изящно послал наконец свою лошадь к воротам.

Брианна хорошо описала ему дорогу к усадьбе своей матери. Он попросил ее об этом сразу после встречи с Роксаной, под тем предлогом, что его мучает боль в суставе. Странная девушка эта дочь Сажерука. Об отце и слышать не желает и о матери, кажется, тоже. К счастью, она предупредила Фенолио о повадках гуся, так что он крепко держал поводья, когда птица, шипя, выскочила ему навстречу.

Роксана сидела перед домом, когда он приехал. Дом был убогий. Ее красота выглядела в этой обстановке странно, словно драгоценность на шляпе нищего. Ее сын спал рядом с ней на пороге, свернувшись клубком, как щенок, и положив голову ей на колени.

— Он хочет ехать со мной, — сказала Роксана, пока Фенолио неловко слезал с коня. — Малышка тоже заплакала, когда я ей сказала, что уезжаю. Но я не могу взять их с собой к Змееглаву. Он и детей отправляет на виселицу. Подруга обещала присмотреть за ними — за мальчиком, за девочкой, за растениями и за животными...

Она погладила сына по темным волосам, и на мгновение Фенолио

захотелось, чтобы она никуда не ехала. Но что же тогда будет с написанными им словами? Кто отправится на поиски Мегги? Или ему снова просить у Козимо гонца, когда первый так и не вернулся? «Кто знает, а вдруг и Роксана не вернется? — прошептал ехидный голос внутри. — Вот и пропадут твои драгоценные слова».

— Ерунда, — сердито ответил он. — Я, конечно, снял копию.

— Что вы говорите? — удивленно спросила Роксана.

— Нет-нет, ничего! — Господи, он уже сам с собой разговаривает. — Мне нужно кое-что рассказать вам. Не ездите к мельнице. Комедиант, исполняющий песни для Козимо, привез мне весть от Черного Принца.

Роксана прижала руку ко рту.

— Нет-нет. Все не так страшно! — поспешил Фенолио ее успокоить. — Отец Мегги, очевидно, в плену у Змееглава, но этого я, честно говоря, ожидал. А Сажерук и Мегги... Короче говоря: мельница, где Мегги должна была забрать письмо, видимо, сгорела. Мельник будто бы рассказывает по всей округе, что куница сыпала на них огонь с потолка, а колдун с покрытым шрамами лицом разговаривал с огнем. С ним был злой дух в обличье темнокожего юноши, который спас колдуна, когда его ранили, и еще девушка.

Роксана смотрела на него с таким отсутствующим видом, словно смысл его слов не сразу доходил до нее.

— Его ранили?

— Да, но они спаслись! Это главное! Роксана, вы и впрямь думаете, что сможете его найти?

Роксана провела рукой по лицу.

— Я попробую.

— Не волнуйтесь! — сказал Фенолио. — Вы же слышали — у Сажерука есть теперь дух-хранитель. И потом, разве он и один не умел всегда выкрутиться из беды?

— Да, это он умел.

Фенолио проклинал каждую морщину на своем лице — так была хороша эта женщина. Почему он не такой красавец, как Козимо? Хотя — понравилось ли бы ей это? Она любит Сажерука, Сажерука, который давно был бы мертв, если бы история развивалась так, как он ее написал. «Фенолио! — подумал он. — Это уже слишком. Ты ведешь себя как ревнивый влюбленный!»

Но Роксана все равно не обращала на него внимания. Она посмотрела на мальчика, спавшего у нее на коленях.

— Брианна пришла в ярость, когда узнала, что я собираюсь скакать

вслед за ее отцом, — сказала она. — Надеюсь, Козимо за ней присмотрит и не выступит в поход до моего возвращения.

Фенолио промолчал. Зачем рассказывать ей о планах Козимо? Чтобы она тревожилась еще сильнее? Нет. Он вынул из-под плаща письмо для Мегги. Буквы, способные обратиться в звук, могучий звук... Никогда еще он не следил так внимательно за Розенкварцем, когда тот запечатывал письмо.

— Это письмо может спасти родителей Мегги, — сказал он внушительно. — Может спасти ее отца. И может спасти всех нас, так что берегите его!

Роксана повертела в руках запечатанный пергамент, словно он казался ей слишком маленьким для таких важных слов.

— Я еще не слыхивала о письмах, открывающих застенки Дворца Ночи, — тихо проговорила она. — Хорошо ли с вашей стороны внушать девочке ложную надежду?

— Это не ложная надежда. — Фенолио задело, как мало она ему верит.

— Хорошо. Если я найду Сажерука и девочка все еще с ним, я передам ей ваше письмо. — Роксана снова погладила сына по голове, мягко, словно снимая листок с его волос. — Она любит своего отца?

— Очень любит.

— Моя дочь тоже. Брианна так любит Сажерука, что не желает с ним разговаривать. Когда он раньше, бывало, уходил в лес или к морю, куда его манили огонь или ветер, она пыталась бежать за ним своими маленькими ножками. Мне кажется, он этого просто не замечал, потому что исчезал слишком быстро — как лис, укравший курицу. И все же она его любила. Почему? Этот юноша тоже его любит. Он даже воображает, что нужен ему, но Сажеруку никто не нужен, кроме огня.

Фенолио пристально посмотрел на нее.

— Тут вы ошибаетесь! — сказал он. — Он был страшно несчастен вдали от вас. Видели бы вы его там!

Как недоверчиво она на него смотрит.

— Вы знаете, где он был?

Ну вот. Что он опять наговорил, старый дурак.

— Да, — пробормотал он смущенно. — Да. Я и сам там был.

«Ну, придумывай что-нибудь. Какое-нибудь вранье. Правдой тут не обойдешься. Какую-нибудь красивую ложь, которая все объясняет». Почему бы ему для разнообразия не придумать для Сажерука что-нибудь хорошее, хоть он и завидует ему из-за жены.

— Сажерук говорит, что не мог вернуться. — Роксана в это не верила,

но по ее голосу было слышно, как бы ей хотелось поверить.

— Чистая правда! Ему пришлось очень туго. Каприкорн натравил на него Басту, и они увезли его очень далеко... пытались выведать у него, как заговаривать огонь.

Ну вот, наконец удалось что-то соврать. А впрочем, такая ли уж это ложь? Разве она далека от правды?

— Поверьте, Баста основательно отомстил Сажеруку за то, что вы его предпочли. Они годы держали его взаперти, потом он бежал, но они его снова нашли и избили до полусмерти.

Об этом ему рассказывала Мегги. Примесь правды никогда не помешает, а что это случилось из-за Резы, Роксане знать не обязательно.

— Это было ужасно, действительно ужасно! — Фенолио почувствовал, как в нем наконец пробуждается инстинкт рассказчика, как приятно ему видеть расширившиеся глаза Роксаны, напряженное внимание, с которым она ждала каждого следующего слова. Может быть, все же сказать о Сажеруке что-нибудь плохое? Нет уж, однажды он уже сочинил его смерть, сегодня он окажет ему услугу. Сегодня он уговорит его жену раз и навсегда простить ему десять лет отсутствия. «Иногда я все же бываю вполне милым человеком!» — подумал Фенолио.

— Он думал, что погибнет. Что никогда больше не увидит вас — и это было для него самое страшное.

Фенолио откашлялся. Он был тронут собственными словами. И Роксана тоже. Он видел, как недоверие уходит из ее глаз, как взгляд становится мягким — мягким от любви.

— А потом он бродил по чужим землям, как выгнанная из дому собака, ища путь, в конце которого его ждали бы не Баста и Каприкорн, а вы.

Слова рождались теперь сами собой, как будто он и вправду знал, что чувствовал Сажерук все эти десять лет.

— Он чувствовал себя потерянным, никому не нужным. Сердце стало у него от одиночества холодным, как камень, ничего не чувствующим, кроме тоски по вас и по дочери.

— У него было две дочери. — Роксана говорила почти беззвучно.

Проклятье, об этом он забыл. Ну конечно, две! Но Роксана уже так погрузилась в его слова, что эта ошибка не разрушила чары.

— Откуда вы все это знаете? — спросила она. — Он мне никогда не говорил, что вы так хорошо знакомы.

«Да уж, лучше, чем я, с ним никто не знаком, — подумал Фенолио. — Могу вас уверить, красавица моя».

Роксана отбросила со лба черные волосы. Фенолио увидел в них седые ниточки, словно она причесывалась пыльным гребнем.

— Я выезжаю завтра на рассвете, — сказала она.

— Отлично.

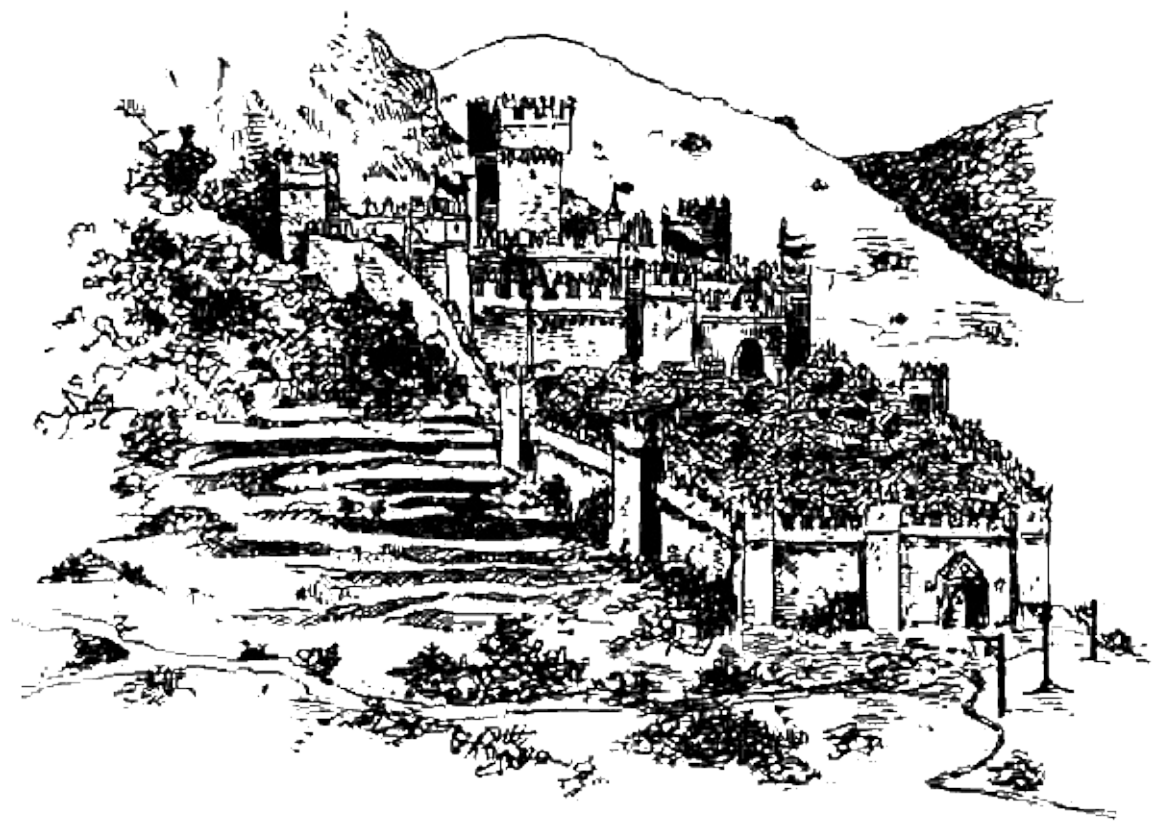
Фенолио подтянул коня к себе. Почему так трудно забраться на эту тварь хоть сколько-нибудь ловко? Роксана подумает, что он совсем уж старая развалина.

— Берегите себя, — сказал он, вскарабкавшись наконец в седло. — Себя и письмо. И передавайте Мегги от меня привет. Скажите ей, что все будет хорошо. Я обещаю.

Он поскакал прочь, а Роксана задумчиво стояла и смотрела ему вслед. Фенолио и правда хотелось, чтобы она нашла Сажерука, а не только передала Мегги письмо. Немного счастья в этой истории не помешает, а Роксана может быть счастлива только с Сажеруком. Он сам так устроил.

«И все же он ее не заслуживает! — снова подумал Фенолио, глядя на приближающиеся огни Омбры — не такие яркие, как в его прежнем мире, но все равно манящие. — Скоро в домах за городскими стенами не останется мужчин. Да, все они идут с Козимо, и муж Минервы, хотя она умоляла его остаться, и сосед-сапожник. Даже старьевщик, каждый вторник проходивший по городу, хотел идти в поход на Змееглава. Интересно, пошли бы они за Козимо с такой же охотой, если бы я сделал его некрасивым? — спросил себя Фенолио. — Некрасивым, как Змееглав с его лицом мясника...» Нет, глядя на красивое лицо, куда легче верится в благородные намерения, и поэтому он умно поступил, посадив на трон ангела. Да, очень умно, чрезвычайно умно. Проезжая мимо стражи, Фенолио поймал себя на том, что тихонько напевает. Стража пропустила его без звука — его, придворного поэта, человека, создающего слова для этого мира, создавшего этот мир из слов. Да, склоняйте головы перед Фенолио.

Стражники тоже уйдут с Козимо, и солдаты из замка, и слуги — не старше мальчика, что ходит по пятам за Сажеруком. Даже Иво, сын Минервы, ушел бы на войну, если бы она его отпустила. «Они все вернутся, — думал Фенолио, подъезжая к конюшням. — Или почти все. Все будет хорошо, непременно. И не просто хорошо. Замечательно!»

ОРФЕЙ В БЕШЕНСТВЕ

*Все слова написаны одними и теми же чернилами.
Fleur (цветок) и peur (страх) почти не
отличаются друг от друга.*

*И я могу написать sang (кровь) по всей странице,
Снизу доверху — на ней не появится пятен,
А у меня — ран.*

Филипп Жаккотте. Parlet

Элинора лежала на надувном матрасе и смотрела в потолок. Она снова поссорилась с Орфеем. Хотя знала, что в наказание ее запрут в подвале. «Как в детстве, правда, Элинора? — горько спрашивала она себя. — Отец так же наказывал тебя, застав с книгой, которая, по его мнению, была тебе не по возрасту. Да, за это тебя рано укладывали спать, иногда даже в пять часов вечера». Особенно тяжело это было летом, когда в саду пели птицы, а под окном носилась сестренка — сестренка, совершенно не интересовавшаяся книгами, зато обожавшая наябедничать на Элинора за то, что та с ней не играет, а опять уткнулась в запрещенную отцом книгу.

— Элинора, не ссорься с Орфеем! — Дариус без конца твердил ей это, но напрасно!

Она просто не может сдержаться. Да и как тут сдержишься, когда мерзкий пес обслюнявил некоторые из ценнейших ее книг, потому что его хозяину лень было поставить их обратно на полку!

Впрочем, с недавнего времени он не брал больше с полок ни одной книги, что немного утешало Элинора.

— Он читает сейчас только «Чернильное сердце!» — шепнул ей Дариус, когда они мыли посуду на кухне.

Посудомоечная машина сломалась. Как будто мало того, что она должна изображать кухарку в собственном доме, теперь еще руки у нее опухали от мытья посуды!

— Похоже, он выискивает там слова, чтобы составить из них что-то новое. Он их выписывает, и пишет, и пишет, корзинка для бумаги уже полна черновиками. Он пробует и так и сяк, потом читает вслух, и когда ничего не происходит...

— Тогда что?

— Ничего! — уклончиво ответил Дариус, старательно отскребая сковородку, но Элино́р знала, что «ничего» его бы так не смутило.

— Что тогда? — повторила она.

У Дариуса покраснели уши от волнения, но все же он рассказал. Тогда Орфей кидал об стену ее книги, ее чудесные книги! В ярости он швырял их на пол, а одну даже выбросил в окно, и все это лишь потому, что ему не удавалось то, что удалось Мегги: «Чернильное сердце» не впускало его в себя, как он ни молил, ни ворковал своим бархатным голосом, снова и снова читая фразы, сквозь которые хотел проскользнуть.

И конечно, Элино́р бросилась на его крик. Чтобы спасти своих печатных детей!

— Нет! — кричал Орфей так громко, что слышно было в кухне. — Нет, нет, нет! Дапусти же меня, проклятая книжка! Это я отправил назад Сажерука! Пойми это наконец! Что бы ты была без него? Я вернул тебе Мртолу и Басту. Разве не заслужил я за это вознаграждения?

Верзилы не было перед дверью библиотеки, так что удержать Элино́р было некому. Он, наверное, опять бродил по дому в поисках, чего бы украсть (что самое ценное в этом доме — книги, он бы и за сто лет не додумался). Позже Элино́р не могла вспомнить, какими словами обозвала она тогда Орфея. Она помнила только, какую книгу он держал в руке — прекрасное издание стихов Уильяма Блейка. И, несмотря на ее отчаянную брань, Блейк полетел в окно, а саму ее подхватил Верзила и оттащил в подпол.

«Ах, Мегги! — думала Элино́р, лежа на надувном матрасе и рассматривая облупившуюся штукатурку на потолке. — Ну почему ты не взяла меня с собой? Или хотя бы не спросила?»

ХИТРОМЫСЛ

Да будет известно каждому врачу, что Бог вложил в травы великую тайную силу, например, против духов и безумных фантазий, доводящих человека до отчаяния, и помогают травы не силою дьявола, а благодаря своим природным свойствам.

Парацельс. Медицинские трактаты

Море. Мегги не видела его с того дня, как они уехали из деревни Каприкорна к Элинон, прихватив с собой фей и кобольдов, которые потом рассыпались в прах.

— Здесь живет цирюльник, о котором я говорил, — сказал Сажерук при виде бухты, показавшейся между деревьями.

Она была необыкновенно красива. Вода поблескивала на солнце, как зеленое стекло, пенящееся стекло, которое ветер укладывал все новыми складками. Ветер был сильный, он гнал по голубому небу кучевые облака и пах солью и далекими островами. От него становилось бы легко на сердце, если бы вдалеке, на голом утесе, возвышавшемся над покрытыми лесом холмами, не стояла крепость, мощная и грубая, как лицо ее хозяина, несмотря на посеребренные крыши и зубцы.

— Да, это он, — сказал Сажерук, перехватив испуганный взгляд Мегги. — Дворец Ночи. А утес, на котором он стоит, называют Змеиной скалой — а как же иначе? Он лыс, как голова старика, чтобы никто не мог незаметно подобраться к крепости под прикрытием деревьев. Но ты не бойся, до него отсюда не так близко, как кажется.

— А башни, — спросил Фарид. — Они правда из настоящего серебра?

— Да, — ответил Сажерук. — Его добывают из этой горы... и из

других. Жаркое из дичи, молодые женщины, плодородная земля, серебро — Змееглаву многое нужно.

Бухту окаймлял широкий песчаный пляж. Там, где за полосой песка начинались деревья, виднелись вытянутая в длину стена и башня. На пляже не видно было ни души, ни одной лодки не лежало на песке, только это здание — низкая башня и длинная полоса черепичных крыш, едва видных за стеной. Туда вилась тропа, как змеиный след, но Сажерук повел их под прикрытием деревьев к задней стороне здания и исчез в тени стены, нетерпеливо поманив их за собой. Деревянные ворота, возле которых он их дожидался, были изрядно потрепаны непогодой, а колокольчик, висевший на них, проржавел от соленого ветра. Рядом с воротами росли полевые цветы. Соцветия уже увяли, а коричневыми коробочками семян лакомила маленькая фея. Кожа у нее была светлее, чем у ее лесных сестер.

Все выглядело так мирно. Мегги услышала жужжание осы, сливавшееся с рокотом моря, но она хорошо помнила, какой мирной показалась ей и мельница. Сажерук этого тоже не забыл. Он долго стоял и прислушивался, прежде чем протянуть руку и дернуть за ржавую цепь колокольчика. Нога у него опять кровоточила. Мегги видела, как он прижал руку к бедру, но по дороге сюда он все время их торопил.

— Лучшего цирюльника нигде нет, — ответил он на вопрос Фарида, куда они идут. — И такого, которому можно больше доверять, тоже. И потом, оттуда уже совсем недалеко до Дворца Ночи, а Мегги ведь непременно хочет туда попасть, правда?

Сажерук заставил их съесть несколько мохнатых и горьких листьев.

— Глотайте, — сказал он, когда они сморщились от отвращения. — Там, куда мы идем, вы не выдержите, если не съедите хотя бы пяток таких.

Деревянные ворота приотворились, и из них выглянула женщина.

— Боже ты мой! — услышала Мегги ее шепот.

Створки распахнулись, и тонкая морщинистая рука поманила их за собой.

Женщина, поспешно затворившая за ними ворота, была худая и морщинистая, как и ее рука. На Сажерука она смотрела так, словно он свалился прямо с неба.

— Вчера! Он еще вчера это сказал! — выпалила она. — «Вот увидишь, Белла, он вернулся, кто еще мог поджечь мельницу? Кто еще умеет говорить с огнем?» Он всю ночь глаз не сомкнул от беспокойства, но с тобой ведь все в порядке? Что у тебя с ногой?

Сажерук приложил палец к губам, но Мегги видела, что он улыбается.

— С ногой могло бы быть и лучше, — сказал он тихо. — А ты, Белла,

говоришь все так же быстро. Скажи, ты можешь провести нас сейчас к Хитромыслу?

— Конечно. — В голосе Беллы слышалась легкая обида. — У тебя там небось твоя противная куница? — Она бросила подозрительный взгляд на рюкзак Сажерука. — Не вздумай ее оттуда выпустить.

— Нет-нет, конечно, — заверил ее Сажерук и бросил на Фариду предостерегающий взгляд, явно советовавший не признаваться, что в его рюкзаке спит вторая куница.

Старуха без дальних слов повела их за собой вниз по темной крытой галерее. У нее была семенящая торопливая походка — казалось, белочку нарядили в длинное платье из грубой ткани.

— Хорошо, что ты зашел с заднего входа, — тихо проговорила она, ведя гостей мимо ряда запертых дверей. — Боюсь, что у Змееглава даже здесь теперь есть уши, но, к счастью, он платит своим шпионам не столько, чтобы они решались сунуться в тот флигель, где лежат у нас заразные больные. Ты, надеюсь, дал им обоим достаточно листьев?

— Конечно, — кивнул Сажерук, но Мегги заметила, как он тревожно оглянулся и незаметно сунул в рот еще один лист из тех, что давал и им.

И только когда они галереей шли мимо дряхлых фигур, гревшихся на солнце во дворе, Мегги поняла, куда привел их Сажерук. Это была богадельня. Им навстречу вышел старик, до того бледный, будто смерть давно уже прибрала его к рукам. Фарид испуганно прижал руку к губам и ответил на его беззубую улыбку лишь робким кивком.

— Да не делай ты такого лица, будто сейчас умрешь на месте! — прошептал Сажерук, хотя ему самому тоже явно было не по себе в этом доме. — Пальцы тебе полечат, и к тому же здесь мы в относительной безопасности, а таких мест по эту сторону леса немного.

— Да, если Змееглав чего-нибудь боится, — вмешалась Белла, — так это смерти и болезней, которые к ней ведут. И все же лучше вам поменьше попадаться на глаза и больным, и тем, кто за ними ухаживает. Я за свою жизнь поняла только одно — доверять нельзя никому. Кроме Хитромысла, конечно!

— А мне, Белла? — спросил Сажерук.

— Тебе меньше всех! — ответила она, останавливаясь перед простой деревянной дверью. — Жаль, что твое лицо ни с чем не спутаешь. А то бы ты мог устроить для больных представление. Нет лучшего лекарства, чем радость.

Она постучала в дверь и, кивнув, отошла в сторону.

В комнате, куда они вошли, было темно, потому что единственное

окно загораживали высокие стопки книг. Эта комната понравилась бы Мо. Он любил, чтобы книги выглядели так, будто их только что выпустили из рук. В отличие от Элинора, он не видел ничего плохого в том, чтобы они лежали раскрытыми, дожидаясь своего читателя. Хитромысл, похоже, был того же мнения. Его было почти не видно за этими стопками — маленького близорукого человечка с большими руками. Он показался Мегги похожим на крота, только волосы у него были седые.

— Ну, что я говорил? — Две книги слетели на пол, когда он быстрыми шагами пошел навстречу Сажеруку. — Он вернулся. А Белла не хотела верить. Видно, Белые Женщины нынче то и дело отпускают кого-нибудь обратно на землю!

Мужчины обнялись, а потом Хитромысл отступил на шаг и стал пристально разглядывать Сажерука. Цирюльник был стар, старше, чем Фенолио, но глаза у него были молодые, как у Фарида.

— Похоже, с тобой все в порядке, — удовлетворенно заметил он. — Кроме ноги. Что у тебя с ней? Повредил на мельнице? Вчера одну из моих лекарок вызывали в крепость, к двоим мужчинам, которых покусал огонь. Ей рассказали там странную историю о засаде и о рогатой кунице, изрыгающей пламя...

В крепость? Мегги невольно шагнула к цирюльнику.

— А пленных лекарка не видела? — перебила она. — Их, наверное, только что туда привезли, комедиантов, мужчин и женщин... Там мои отец и мать.

Хитромысл с сочувствием посмотрел на нее:

— Ты та девушка, о которой рассказывали люди Принца? Твой отец...

— Тот человек, которого принимают за Перепела, — закончил за него Сажерук. — Ты не слыхал, что там с ним и с другими пленными?

Хитромысл не успел еще ответить, как в комнату заглянула молоденькая девушка. Она испуганно посмотрела на чужих людей, а Мегги разглядывала так долго, что Хитромысл откашлялся и спросил:

— Чего тебе, Карла?

Девушка нервно облизывала бледные губы.

— Меня послали спросить, есть ли у нас трава очанка, — робко проговорила она.

— Есть, конечно. Ступай к Белле, она тебе выдаст, а нас оставь в покое.

Девушка поспешно кивнула и убежала, но дверь оставила открытой. Хитромысл вздохнул, закрыл ее и задвинул засов.

— О чем бишь мы? Ах да, пленные. Ими занимается тюремный

цирюльник. Он, конечно, ничего не умеет, но кто бы еще выдержал там наверху? Он не лечит, а только оценивает последствия порок и палочного битья. К твоему отцу его, к счастью, не подпускают, а цирюльник, который пользуется Змееглава, тоже, конечно, не станет марать руки о какого-то пленного. Поэтому лучшую мою лекарку каждый день вызывают в крепость его осматривать.

— Как отец себя чувствует? — Мегги старалась говорить не как маленькая девочка, которая вот-вот расплачется, но это у нее не очень получалось.

— Он опасно ранен, но это ты, наверное, и так знаешь?

Мегги кивнула. Ну вот, опять слезы, бегут и бегут, словно хотят вымыть из ее сердца все: тревогу, тоску, страх... Фарид обнял ее за плечи, но это только сильнее напомнило ей о Мо — обо всех тех годах, когда он защищал и поддерживал ее. А теперь ему плохо, а ее нет рядом.

— Он потерял много крови и очень слаб, но чувствует себя неплохо, гораздо лучше, чем мы докладываем Змееглаву. — Видно было, что Хитромыслу часто приходится говорить с людьми, тревожащимися за своих близких. — Моя лекарка посоветовала ему не подавать виду, что он поправляется, чтобы выиграть время. Так что сейчас тебе не о чем тревожиться.

У Мегги стало вдруг легко на сердце, совсем легко. «Все будет хорошо! — шепнуло что-то внутри нее, впервые с того дня, как Сажерук показал ей записку Резы. — Все будет хорошо». Она смущенно утерла слезы.

— Оружие, которым ранен твой отец... Моя лекарка говорит, что это должна быть страшная вещь, — продолжал Хитромысл. — Надеюсь, это не какое-нибудь дьявольское изобретение, над которым тайно работают кузнецы Змееглава!

— Нет, это оружие сделано совсем в другом месте, — сказал Сажерук.

«Оттуда ничего хорошего не приходит», — было написано у него на лице, но Мегги не хотелось сейчас думать о том, каких бед могло наделать ружье в этом мире. Все ее мысли были сосредоточены на Мо.

— Моему отцу, — сказала она Хитромыслу, — очень понравилась бы эта комната. Он любит книги, а у вас они замечательные. Правда, он, наверное, сказал бы вам, что некоторые из них нужно заново переплести и что вон тот томик не проживет долго, если вы не сделаете что-нибудь с жучками, которые его едят.

Хитромысл взял в руки книгу, на которую показывала Мегги, и погладил страницы точно так же, как это всегда делал Мо.

— Перепел любит книги? — спросил он. — Необычное пристрастие для разбойника.

— Он не разбойник, — сказала Мегги. — Он врач, как и вы, только лечит не людей, а книги.

— Правда? Значит, Змееглав действительно схватил не того человека? Тогда, выходит, неправда и то, что рассказывают о твоём отце — будто он убил Каприкорна.

— Нет, это как раз правда. — Сажерук посмотрел в окно, словно видел за ним площадь в деревне Каприкорна. — И единственное оружие, которое ему понадобилось для этого, был его голос. Надо тебе как-нибудь послушать, как он или его дочь читают вслух. Поверь, ты после этого согласишься на свои книги другими глазами. Может быть, ты навесишь на них замки.

— Правда? — Хитромысл посмотрел на Мегги с таким интересом, словно хотел узнать побольше о смерти Каприкорна, но тут в дверь постучали.

На этот раз за ней раздался мужской голос:

— Вы идёте, учитель? Мы все приготовили, но лучше, если резать будете вы.

Мегги заметила, как побледнел Фарид.

— Сейчас приду! — откликнулся Хитромысл. — Иди вперед, я тебя догоню. Надеюсь, я смогу однажды приветствовать в этой комнате твоего отца. — Ты права: моим книгам нужен врач. Есть у Черного Принца план, как спасти пленных? — Он вопросительно посмотрел на Сажерука.

— Нет. Не думаю. А о других пленных ты что-нибудь слышал? Там среди них мать Мегги.

Мегги кольнуло, что не она, а Сажерук спрашивает о Резе.

— Нет, о других я ничего не знаю, — ответил Хитромысл. — А сейчас прошу меня извинить. Белла вам, конечно, уже сказала, что лучше вам оставаться в этой части дома: Змееглав тратит все больше серебра на шпионов. От них теперь нигде не укрыться, даже здесь.

— Знаю.

Сажерук взял в руки одну из книг, лежавших у цирюльника на столе. Это был травник. Мегги представила себе, с каким вождением воззрилась бы на него Элинора. А Мо провел бы пальцем по нарисованным листьям, как будто пытаясь почувствовать кисть, так тонко изобразившую их на бумаге. А Сажерук, о чем думал он? О травах на грядках Роксаны?

— Поверь, я не явился бы сюда, если бы не то, что произошло на мельнице, — сказал он. — На этот дом мне совсем не хочется навлекать

опасность, и мы сегодня же уйдем отсюда.

Но Хитромысл об этом и слышать не хотел.

— Ну вот еще! Вы останетесь здесь, пока не заживет твоя нога и пальцы юноши, — сказал он. — Ты прекрасно знаешь, как я рад твоему приходу. А еще я очень рад видеть этого юношу рядом с тобой. У Сажерука никогда еще не было ученика, понимаешь? — сказал он Фариду. — Я ему всегда говорил, что свое искусство нужно передавать молодым, но он и слышать об этом не хотел. А я свое передаю многим и поэтому вынужден сейчас вас оставить. Я должен показать ученику, как отрезают ногу, не убив человека, которому она принадлежит.

Фарид ошеломленно посмотрел на него.

— Отрезают? — прошептал он. — Как это отрезают?

Но Хитромысл уже прикрыл за собой дверь.

— Разве я тебе не рассказывал? — Сажерук провел рукой по больной ноге. — Хитромысл — мастер пилить кости. Но мы, пожалуй, лучше оставим свои пальцы и ноги при себе.

Обработав ожоги Фариды и ногу Сажерука, Белла отвела всю троицу в отдельную комнату у самых ворот, через которые они вошли. Мегги радовалась перспектива провести наконец ночь под крышей, зато Фариду эта мысль совсем не понравилась. Он сидел с несчастным видом на посыпанном лавандой полу и яростно жевал горький лист.

— А может, нам переночевать сегодня на пляже? Песок там, кажется, очень мягкий, — спросил он Сажерука, вытянувшегося на мешке с соломой. — Или в лесу?

— Я не против, — сказал Сажерук. — Но сейчас дай мне поспать. И перестань делать такое лицо, словно я завел тебя к людоедам, а то я тебе завтра ночью не покажу того, что обещал.

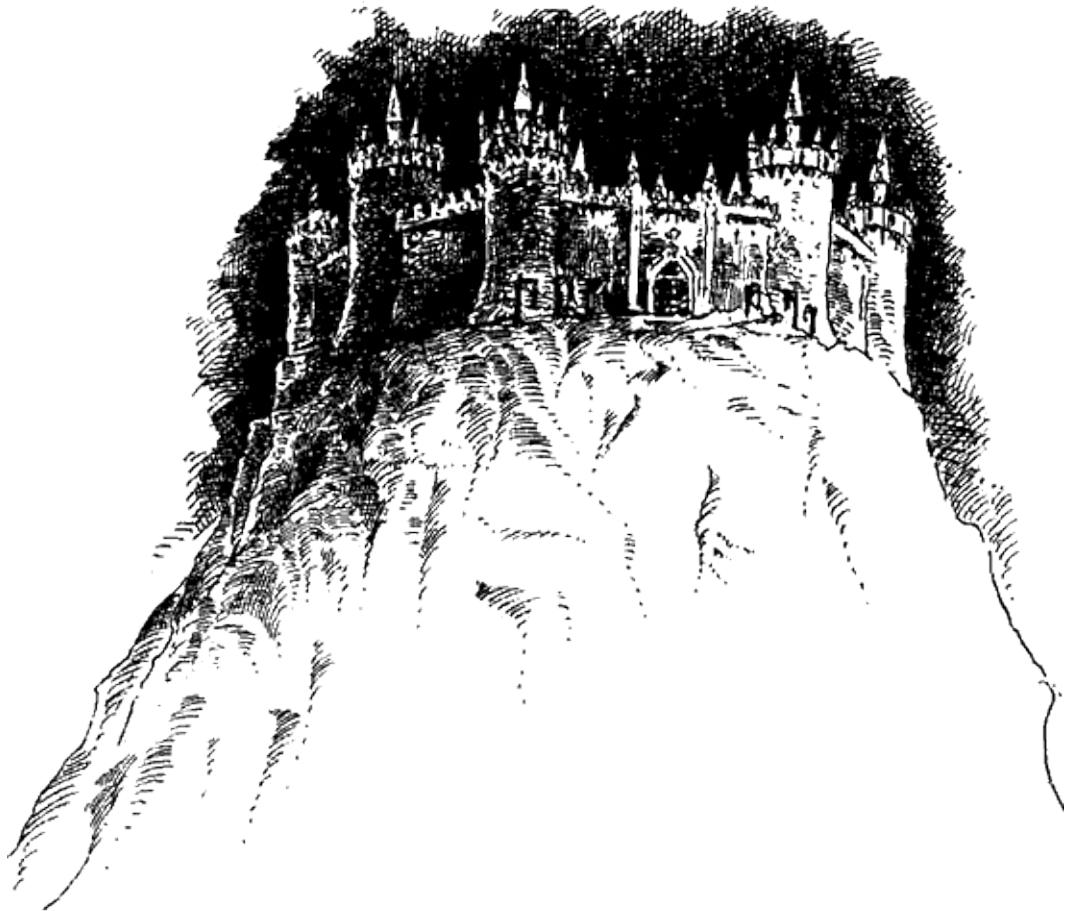
— Завтра? — Фарид сплюнул лист на ладонь. — А почему только завтра?

— Потому что сегодня слишком ветрено. — Сажерук повернулся к нему спиной. — И потому что чертова нога болит... Тебе нужны еще причины?

Фарид подавленно покачал головой, сунул лист обратно в рот и уставился на дверь, словно ожидая, что в нее сейчас войдет смерть собственной персоной.

А Мегги сидела в этой пустой комнате и твердила про себя то, что сказал Хитромысл о Мо: «Он чувствует себя неплохо, гораздо лучше, чем мы докладываем Змееглаву... Так что сейчас тебе не о чем тревожиться».

Когда стало смеркаться, Сажерук, хромая, вышел из дома. Он прислонился к столбу, поддерживавшему галерею, и посмотрел на Дворец Ночи, видневшийся на скале. Он неподвижно глядел на серебряные башни, и Мегги, наверное, в сотый раз задалась вопросом: может быть, он помогает ей только ради ее матери? Возможно, Сажерук и сам не знал ответа.

В ЗАСТЕНКЕ ДВОРЦА НОЧИ

*На моем челе проступает холодный металл,
Сердце сосут пауки.
А это: свет — он гаснет на моих губах.*

Георг Тракль. De profundis

Мина снова плакала. Реза обняла ее, как будто беременная сама была ребенком, и стала укачивать, напевая песенку, как делала иногда и с Мегги, хотя дочь была уже ростом почти такая же, как сама Реза.

Два раза в день приходила худенькая торопливая девочка, младше Мегги, и приносила им хлеб и воду. Иногда еще кашу, холодную и липкую, но сытную — эта каша напоминала Резе те времена, когда Муртола запирала ее в карцер за какой-нибудь проступок. Там кормили точно такой же кашей.

Она спросила девочку о Перепеле, но та вместо ответа испуганно втянула голову в плечи и оставила Резу с ее тревогой, с ее страхом, что Мо уже, может быть, нет в живых, что его повесили там, наверху, на одной из огромных виселиц, и последним, что он видел на этом свете, было не ее лицо, а серебряные змеиные головы, свисавшие с крепостных стен. Иногда она представляла себе все это так ясно, что прикрывала глаза рукой. Но картины не исчезали.

Темнота, окружавшая ее, нашептывала, что все остальное ей только приснилось: тот миг на площади у Каприкорна, когда она вдруг увидела Мо рядом с Мегги, год в доме Элинора, все их счастье... только сон.

Хорошо, что она была не одна. Хотя остальные косились на нее враждебно, их голоса хотя бы отвлекали ее порой от черных мыслей.

Иногда кто-нибудь рассказывал историю, чтобы не слышать плача из соседних камер, крысиного шебуршания, криков и неразборчивого лепета. Обычно рассказывали женщины. В историях говорилось о любви и смерти, о предательстве и дружбе, но заканчивалось все непременно хорошо. Это были светлые огоньки во мраке, как свечи в кармане у Резы, фитили которых отсырели.

Реза рассказывала сказки, которые читал ей когда-то Мо, в те давние времена, когда пальчики у Мегги были крошечные и мягкие, а книжные страницы никому из них не внушали страха.

А комедианты рассказывали об окружавшем их мире: о Козимо Прекрасном и его борьбе с поджигателями, о Черном Принце и о том, как он обрел своего медведя, и о его друге, Огненном Танцоре, который мог в самой темной ночи зажечь огненные цветы и озарить мрак потоками искр.

Бенедикта тихо запела песню об Огненном Танцоре, которую подхватил даже Двупалый, пока надзиратель не ударил палкой о прутья решетки и не велел им замолчать.

— Я видела его однажды, — прошептала Бенедикта, когда надзиратель отошел. — Много лет назад, когда я была еще маленькая. Это было чудесно. Огонь был такой яркий, что даже моим глазам было видно. Говорят, он погиб.

— Он жив, — тихо сказала Реза. — Кто, как вы думаете, зажег дерево на дороге?

Как недоверчиво все они на нее уставились! Но у нее от усталости не было сил рассказывать дальше. Не было сил объяснять. «Пустите меня к мужу, — вот единственное, что ей хотелось сказать. — Пустите меня к дочери. Не рассказывайте мне историй, расскажите мне, что с ними. Пожалуйста».

И ей в конце концов рассказали о Мегги и Мо, но она предпочла бы услышать о них из других уст. Все остальные спали, когда в камеру вошла Мртола. С ней были двое солдат. Реза не спала, потому что снова видела всё те же картины: как Мо выводят во двор, накидывают на шею веревку... «Он мертв, и она пришла сообщить мне об этом!» — была первая мысль Резы, когда Сорока встала перед ней с торжествующей улыбкой на губах.

— Вот она, служанка-предательница! — сказала Мртола с трудом поднимавшейся на ноги Резе. — Ты, похоже, такая же ведьма, как твоя дочка. Как тебе удалось сохранить ему жизнь? Предположим, я слишком торопилась, когда целилась. Да какая разница? Еще неделя-другая, и он достаточно поправится для показательной казни!

Жив!

Реза отвернулась, чтобы Мортала не заметила ее счастливой улыбки, но Сорока не глядела на ее лицо. Она с наслаждением рассматривала изорванное платье, стертые в кровь босые ноги.

— Перепел! — Мортала понизила голос. — Я, конечно, не стала объяснять Змееглаву, что он не того собирается казнить. К чему? Все идет так, как я хотела. И до твоей дочки я тоже еще доберусь.

Мегги. Счастье, на мгновение согревшее сердце Резы, исчезло так же внезапно, как появилось. Мина приподнялась рядом с ней, разбуженная хриплым голосом Морталы.

— Да, в этом мире у меня могущественные друзья, — продолжала Сорока, самодовольно улыбаясь. — Змееглав изловил для меня твоего мужа, так почему бы ему не сделать того же и с твоей ведьмой-дочкой? Я показала Змееглаву ее фотографию. Да, Реза, я велела Басте прихватить фотографии твоей малышки, все эти карточки в красивых рамках, которые стояли повсюду у Книгожорки. Змееглав, конечно, считает их колдовством, отражением в зеркале, проступающим на бумаге под действием чар. Его солдаты боятся до них дотронуться, но им дан приказ повсюду показывать их. Жаль только, что мы не можем их размножить, как это делается в вашем мире! Но твоя дочь, к счастью, бродит вместе с Сажеруком, а для него колдовских отражений не нужно. Каждый крестьянин наслышан о нем и о его шрамах.

— Он не даст Мегги в обиду! — сказала Реза. Надо же ей было сказать что-нибудь.

— Конечно! Как *тебя*, когда змея тебя укусила?

Реза вцепилась ногтями в свое грязное платье.

Ни в том, ни в этом мире не было человека, которого она ненавидела бы так, как Сороку. Даже Басту меньше. Только Мортала и научила ее настоящей ненависти.

— Здесь все по-другому! — проговорила она. — Здесь огонь его слушается, и здесь он не один, как в нашем мире. У него есть здесь друзья.

— Друзья! Ты хочешь сказать, все эти шуты, этот Черный Принц, как он себя называет, и прочие голодранцы?

Сорока окинула презрительным взглядом остальных пленных. Почти все они проснулись.

— Посмотри на них, Реза! — язвительно сказала Мортала. — Чем они могут тебе помочь? Пестрыми мячиками или слезливыми песенками? Один из них предал вас. Ты об этом знаешь? А Сажерук — что он может сделать? Пустить сюда огонь, чтобы тебя спасти? Но тогда ты тоже сгоришь. На такой риск он не пойдет — слишком он в тебя влюблен. — Она с улыбкой

нагнулась к Резе. — А ты рассказывала мужу, какими вы были близкими друзьями?

Реза не ответила. Она знала штучки Мртолы. Отлично знала.

— Так что? Может, мне ему рассказать? — Мртола вглядывалась в ее лицо, как кошка перед мышьиной норой.

— Конечно, — прошептала Реза. — Расскажи ему. Все, что ты можешь ему сказать, он и так знает. Я вернула ему все годы, что вы у нас украли, слово за словом, день за днем. Мо знает и то, что ты у родного сына жила в подполе и он перед всем светом выдавал тебя за экономку.

Мртола хотела залепить ей пощечину, как она это часто делала со служанками, но Реза удержала ее руку.

— Он жив, Мртола! — бросила она ей в лицо приглушенным голосом. — Эта история еще не закончилась, и его смерть в ней не записана. Зато о твоей нашепчет тебе моя дочь за то, что ты сделала с ее отцом. Вот увидишь. И тогда я посмотрю, как ты умираешь.

На этот раз ей не удалось перехватить руку Мртолы, и щека у нее горела еще долго после ухода Сороки. Сидя на холодном полу, она чувствовала взгляды сокамерников, как пальцы, прикасающиеся к лицу. Мина первой нарушила молчание:

— Откуда ты знаешь старуху? Она варила яды у Каприкорна.

— Знаю, — тихо ответила Реза. — Я была ее рабыней. Много лет.

ПИСЬМО ОТ ФЕНОЛИО

*Значит, есть мир,
Чью судьбу определяю я?
Время, которое я связываю цепями букв?
Жизнь, которой я могу распоряжаться?*

*Вислава Шимборска. Страсть к
писательству*

Сажерук спал, когда вошла Роксана. За окном было уже темно. Фарид и Мегги ушли на берег, а он прилег, потому что нога болела. Увидев в дверях Роксану, в первое мгновение он подумал, что грезит наяву, как случилось с ним по ночам. Ведь когда-то давно он был здесь с ней. И комната выглядела тогда точно так же, и он лежал на таком же мешке соломы с изрезанным, липким от собственной крови лицом.

Волосы Роксаны были распущены. Может быть, поэтому он так живо вспомнил ту давнюю ночь. У него до сих пор замирало сердце при этом воспоминании. Он тогда чуть не сошел с ума от боли и страха, он полз на четвереньках, как раненый зверь, пока Роксана не нашла его и не привезла сюда. Хитромысл его сперва не узнал. А потом влил ему в рот что-то, от чего он заснул, а когда проснулся, в дверях стояла Роксана — точно так, как сейчас. А когда раны не затянулись, несмотря на все искусство цирюльника, она пошла с ним в Чашу, в самую глубь, к феям — и оставалась с ним до тех пор, пока лицо его не зажило настолько, что можно было снова показаться людям. Наверное, не много на свете людей, у которых любовь к женщине написана на лице ножом.

Но что он сказал ей, вдруг увидев ее здесь?

— Что ты здесь делаешь?

Сажеруку хотелось откусить себе язык. Почему не сказать ей, что он тосковал по ней так, что десять раз готов был повернуть обратно?

— И правда, что я здесь делаю? — откликнулась Роксана.

Прежде она повернулась бы и ушла, услышав такой вопрос, а теперь только улыбается так насмешливо, что он смутился, как мальчишка.

— Где ты оставила Йехана?

— У подруги. — Она поцеловала Сажерука. — Что у тебя с ногой? Фенолио сказал мне, что ты ранен.

— Уже лучше. Зачем тебе этот Фенолио?

— Ты его не любишь. Почему? — Роксана погладила его по лицу.

До чего же она хороша.

— Скажем так: у него были на меня виды, которые мне не нравились. Старик случайно не передал с тобой чего-нибудь для Мегги? Письма, например?

Она молча достала его из-под плаща. Вот они — слова, которые должны стать правдой. Роксана протянула ему запечатанный пергамент, но Сажерук покачал головой.

— Отдай его лучше Мегги. Она на берегу.

Роксана с удивлением взглянула на него:

— Похоже, ты боишься клочка пергамента.

— Да, — сказал Сажерук, беря ее за руку, — боюсь. Особенно когда на нем писал Фенолио. Пойдем поищем Мегги.

Мегги смущенно улыбнулась Роксанае, когда та протянула ей письмо, и мгновение с любопытством переводила глаза с нее на Сажерука, но тут же забыла обо всем, взяв в руки послание Фенолио. Она поспешно сломала печать, чуть не порвав пергамент. Там оказалось три густо исписанных листка. На первом было письмо, которое Мегги, пробежав глазами, небрежно сунула за пояс. Слова, которых она так ждала, покрывали два других листа. Глаза Мегги так быстро бегали по строкам, что Сажеруку трудно было поверить, что она и вправду читает. Наконец она подняла глаза, взглянула в сторону крепости и улыбнулась.

— Ну, что пишет этот старый черт? — спросил Сажерук.

Мегги протянула ему исписанные листки.

— Не то, чего я ожидала. Совсем другое, но очень хорошо. На, взгляни сам.

Он нерешительно взял пергамент кончиками пальцев, словно опасаясь обжечься.

— С каких пор ты умеешь читать? — Роксана так изумилась, что он невольно улыбнулся.

— Мать Мегги меня научила.

«Дурак! Зачем ты ей это говоришь?» Роксана посмотрела на Мегги долгим взглядом, пока он с трудом разбирал почерк Фенолио. Реза обычно писала для него печатными буквами.

— Может получится, правда? — Мегги смотрела ему через плечо.

Море рокотало, как будто соглашаясь с ней. Да, может, что-то и получится... Сажерук шел за буквами, словно по опасной тропе. И все же это была тропа, и вела она прямо в сердце Змееглава. Но роль, которую старик отвел в этой затее Мегги, Сажеруку совсем не понравилась. Ведь Реза просила его присмотреть за дочерью.

Фарид с несчастным видом смотрел на буквы. Он так и не научился читать. Сажеруку иногда казалось, что юноша считает крошечные черные значки колдовством. Да и что еще мог он о них думать после всего, что ему пришлось пережить?

— Да расскажите же наконец! — Фарид нетерпеливо переминался с ноги на ногу. — Что он там пишет?

— Мегги придется отправиться в крепость, прямо во дворец Змееглава.

— Что? — Юноша оторопело посмотрел сначала на Сажерука, потом на Мегги. — Нет, так нельзя! — Он схватил Мегги за плечи и повернул к себе. — Не можешь ты туда идти. Это слишком опасно!

Бедняга. Конечно, она туда пойдет.

— Так написал Фенолио, — сказала она, стряхивая с плеч руки Фарида.

— Не мешай ей, — сказал Сажерук, возвращая Мегги листы. — Когда ты собираешься читать?

— Прямо сейчас.

Конечно. Она не хочет терять времени. Да и зачем? Чем раньше наступит в истории новый поворот, тем лучше. Хуже все равно уже быть не может. Или может?

— Что все это значит? — Роксана недоумевающе переводила глаза с одного на другого.

На Фарида она смотрела особенно неприязненно — жена Сажерука его по-прежнему не любила. Возможно, это изменится, если что-нибудь докажет ей наконец, что Фарид не его сын.

— Объясните мне! — сказала она. — Фенолио уверял, что это письмо может спасти родителей Мегги. Как может письмо помочь тому, кто попал

в застенки Дворца Ночи?

Сажерук откинул назад ее волосы. Ему нравилось, что она снова носит их распущенными.

— Послушай! — сказал он. — Я знаю, в это трудно поверить, но если что-нибудь может отпереть застенки Дворца Ночи, то только слова в этом письме и голос Мегги. Она умеет оживлять чернила, Роксана, как ты умеешь оживить песню. И отец ее владеет тем же даром. Если бы Змееглав это знал, он бы его, наверное, давно повесил. Слова, которыми отец Мегги убил Каприкорна, выглядели так же безобидно, как эти.

Как она на него смотрит! Так же недоверчиво, как в прежние времена, когда он пытался объяснить ей, где пропадал неделями.

— Ты говоришь о колдовстве! — прошептала Роксана.

— Нет. Я говорю о чтении вслух.

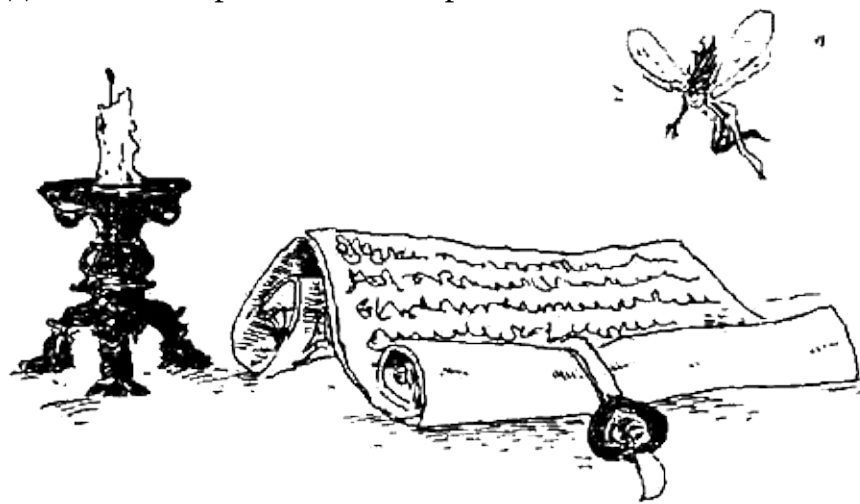
Разумеется, она ничего не поняла. Откуда ей?

Может быть, она поняла бы, если б услышала, как Мегги читает, увидела, как слова трепещут в воздухе, приобретают аромат, прикасаются к коже...

— Я хочу, чтобы никого не было рядом, когда я буду читать, — сказала Мегги, взглянув на Фарида. Потом повернулась и пошла к богадельне, держа в руке письмо Фенолио.

Фарид хотел бежать за ней, но Сажерук удержал его.

— Не мешай ей! — сказал он. — Ты думаешь, Мегги исчезнет среди слов? Ерунда. Мы все равно по горло завязли в истории, которую она будет читать. Она только постарается, чтобы для нас задул попутный ветер — и так оно и будет, если старик написал правильные слова!

НЕ ТЕ УШИ

*Вещи спят и ждут лишь слова,
В каждой — песня взаперти.*

Йозеф фон Эйхендорф. Волшебная палочка^[17]

Роксана принесла Мегги масляную лампу и оставила ее одну в комнате, где они спали ночью.

— Буквам нужен свет, вот что неудобно, — сказала она. — Но если эти действительно так важны, как вы все уверяете, я понимаю, что ты хочешь читать их одна. Мне тоже всегда казалось, что голос у меня звучит всего лучше, когда я одна.

И уже в дверях добавила:

— А твоя мать... Они с Сажеруком хорошо знакомы?

«Не знаю! — чуть не выпалила Мегги. — Я никогда не спрашивала маму».

— Они были друзьями, — сказала она.

Ни слова о глухой злобе, которую она испытывала до сих пор при мысли, что Сажерук все эти годы знал, где Реза, но не сообщил об этом Мо... Но Роксана не задавала больше вопросов.

— Если тебе понадобится помощь, — сказала она, выходя, — я у Хитромысла.

Мегги подождала, пока ее шаги смолкнут в темном коридоре, а потом села на мешок с соломой и положила пергамент на колени. «Как было бы здорово, — невольно подумала она, — хоть разок почитать просто так, в свое удовольствие. Почувствовать на языке чары слов без того, чтобы от этого зависели жизнь и смерть, счастье и беда...»

Дома у Элинон она однажды чуть не поддалась искушению — глядя на книжку, которую очень любила в детстве, где были мышки в платьях с воланами и крошечных костюмчиках, варившие варенье и устраивавшие пикники. Она уже почувствовала на губах первое слово и резко захлопнула книгу, потому что ей вдруг представились отвратительные картины: нарядная мышка в саду у Элинон в окружении своих диких родичей, которые и представить себе не могут, что такое варить варенье, и платье с воланами, из-под которого торчит серый хвостик, в зубах у кошки, забредшей в рододендроны Элинон... Нет, Мегги никогда никого не выманивала из-за букв для собственного удовольствия, и сегодня вечером все тоже будет не так.

«Дыхание, Мегги, — сказал ей когда-то Мо. — Весь секрет — в дыхании. Оно дает голосу силу и наполняет его жизнью. И не только твоей жизнью. Мне иногда кажется, что с каждым вдохом мы втягиваем в себя все, что нас окружает, что составляет и движет мир, и это тоже попадает в слова».

Мегги попробовала. Попробовала дышать глубоко и спокойно, как море, рокот которого доносился снаружи. Вдох-выдох, вдох-выдох, словно пытаюсь придать голосу силу моря. Масляная лампа, принесенная Роксаной, наполняла комнату мягким светом. По коридору прошла тихими шагами одна из лекарок.

— Я только расскажу продолжение! — прошептала Мегги. — Я расскажу продолжение этой истории, потому что она ждет продолжения. Ну, начали!

Она представила себе мощную фигуру Змееглава, как он ходит взад-вперед по своему дворцу, терзаемый бессонницей, и даже не подозревает, что где-то совсем рядом есть девочка, которая сегодня же ночью нашепчет смерти в ухо его имя. Мегги вытащила из-за пояса письмо, которое написал ей Фенолио. Хорошо, что Сажерук его не читал.

Дорогая Мегги!

Надеюсь, то, что я посылаю, тебя не разочарует. Как ни странно, оказалось, что писать я могу только то, что не противоречит уже сказанному мною о Чернильном мире. Я вынужден подчиняться правилам, которые сам же и установил, даже если сделал это бессознательно.

Надеюсь, твой отец чувствует себя лучше. До меня дошли слухи, что он тоже оказался в плену во Дворце Ночи, и в этом есть доля моей вины. Да, признаюсь. Ведь, как ты, наверное, уже догадалась, я взял его за образец для Перепела. Прости меня — я-то думал, что это очень удачная

идея. В моей фантазии твой отец превратился в очень благородного разбойника, и, конечно, я и представить себе не мог, что он однажды и вправду окажется в моей истории. Как бы то ни было, он сюда попал, и Змееглав не выпустит его только потому, что я напишу несколько строк. Не таким я его создал, Мегги. История должна сохранять верность себе, другого пути нет, и поэтому я могу послать тебе лишь эти слова, которые пока что хотя бы отсрочат казнь твоего отца. Но я очень надеюсь, что в конце концов они помогут ему освободиться. Поверь мне: я убежден, что слова, которые я посылаю тебе вместе с этим письмом — единственные, с помощью которых можно привести мою историю к действительно хорошему концу. А ты ведь любишь истории с хорошим концом, правда?

Прочти продолжение моей истории, Мегги! Пока она сама себя не продолжила!

Я был бы рад привезти тебе эти слова сам, но мне нужно присматривать за Козимо. Боюсь, что в его случае мы слишком облегчили себе задачу. Береги себя, передавай от меня привет отцу, когда его увидишь (надеюсь, что это будет скоро), и юноше, благословляющему землю, по которой ты ступаешь. И кстати, скажи Сажсеруку, хотя ему это и не понравится, что его жена слишком, красива для него.

Обнимаю тебя!

Фенолио

Р. С. Поскольку твой отец выжил, напрашивается мысль: может быть, слова, которые я дал тебе для него, когда ты уходила в Чашу, все же подействовали. Если это так, Мегги, то, наверное, только потому, что я сделал его в какой-то степени одним из моих персонажей. А значит, от всей этой истории с Перепелом все же есть хоть какой-то прок, правда?

Ах уж этот Фенолио! Как он умел во всем находить себе оправдание. Порыв ветра ворвался в комнату, и листки пергамента затрепетали, словно истории не терпелось обрести продолжение.

— Да-да, хорошо. Начинаю! — прошептала Мегги.

Ей редко приходилось слышать, как читает ее отец, но она хорошо помнила, как Мо придает каждому слову единственно правильное звучание. Каждому... В комнате было совсем тихо. Казалось, весь Чернильный мир, каждая фея, каждое дерево и даже море ждут ее голоса.

Вот уже много ночей, — начала Мегги, — Змееглав не знал покоя. Его жена спала глубоко и крепко. Это была уже пятая жена, моложе трех его старших дочерей. Ее живот округло выступал под одеялом — она ждала от Змееглава ребенка. Если и этот ребенок окажется девочкой, он прогонит ее, как прогнал трех предыдущих жен. Он отошлет ее к отцу или в какой-нибудь уединенный замок в горах.

Почему она может спать, хотя и боится его, а он ходит взад-вперед по своим роскошным покоям, как старый медведь по клетке?

Потому что самый страшный страх приходит только к нему. Страх смерти.

Этот страх притаился за его окнами, за большими стеклами, ради которых он продал самых работающих своих крестьян. Безобразная гримаса появлялась за стеклом, как только мрак поглощал его крепость, как змея — мышь. Каждую ночь он велел зажигать все больше свеч и факелов, и все же страх приходил и заставлял Змееглава стучать зубами, опускаться на дрожащие и подгибающиеся колени и наяву видеть будущее: как его плоть отваливается от костей, как ее пожирают черви, как Белые Женщины утаскивают его к себе.

Змееглав зажал рот рукой, чтобы стражник за дверью не услышал его всхлипа. Страх. Страх перед последним днем, перед пустотой, страх, страх, страх! Страх, что смерть уже тайком свила гнездо в его теле и растет, ширится, пожирает его! Это был единственный враг, которого он не мог убить, сжечь, заколоть, повесить, от которого не было спасения.

В одну из ночей, темнее и нескончаемей прежних, страх особенно сильно терзал Змееглава, и он велел разбудить всех, как уже делал это не раз, всех, кто мирно спал в своей постели, а не трясся и обливался потом, как он: свою жену, бесполезных цирюльников, просителей, управителей, своего герольда и шпильмана с серебряным носом. Он велел вызвать поваров на кухню и приготовить пир. Но когда он сидел за пиршественным столом, утирая с пальцев жир от ароматного жаркого, во Дворец Ночи вошла девушка. Она бесстрашно прошла мимо стражи и предложила ему сделку — сделку со смертью...

Да, так все и будет. В точности, как она прочла. Слова так и лились из уст Мегги. Словно она пряла будущее. Каждый звук, каждая буква свивались в нить... Мегги забыла обо всем вокруг: о богадельне, о соломенном мешке, на котором сидела, даже о Фариде и его несчастном

лице, когда он смотрел ей вслед... Она прjala продолжение книги Фенолио, полностью отдавшись своему занятию, сплетая дыханием и голосом звучащие нити, чтобы спасти отца и мать. И весь этот странный, заморозивший ее мир.

Заслышав возбужденные голоса, Мегги подумала сперва, что они раздаются из-за букв, и медленно подняла голову. Она еще не дочитала. Еще несколько фраз ждали ее дыхания, чтобы ожить. «Смотри на буквы, Мегги! — приказала она себе. — Сосредоточься!» И вздрогнула, услышав глухой стук, разнесшийся по всей богадельне. Голоса стали громче, послышались торопливые шаги, и в дверях появилась Роксана.

— Это из Дворца Ночи! — прошептала она. — У них твой портрет, странный портрет. Идем со мной, скорее!

Мегги попыталась засунуть недочитанный пергамент в рукав, но потом передумала и спрятала его за вырез платья. Под плотной тканью его наверняка не будет видно. Она еще чувствовала вкус слов на языке, еще видела себя стоящей перед Змееглавом, как написал Фенолио, но Роксана взяла ее за руку и повела за собой. В галерее раздался женский голос — Белла, а потом мужской, громкий и повелительный. Роксана, не выпуская руки Мегги, тянула ее за собой вдоль дверей, за которыми мирно спали или хрипло дышали в мучительной бессоннице больные. В комнате Хитромысла никого не было. Роксана втощила туда Мегги, задвинула засов и осмотрелась. Окно было забрано решеткой. Шаги приближались. Мегги показалось, что она слышит голос Хитромысла и еще чей-то, грубый и угрожающий. Потом вдруг стало тихо. Они остановились у двери. Роксана обняла Мегги за плечи.

— Они тебя уведут! — прошептала она, пока Хитромысл в коридоре уговаривал незваных гостей. — Мы сообщим Черному Принцу, у него есть шпионы в крепости. Мы попытаемся тебя спасти, слышишь?

Мегги молча кивнула.

Кто-то колотил в дверь.

— Открывай, маленькая ведьма, не то мы сами тебя достанем!

Книги, одни книги кругом. Мегги отступила за высокую стопку. Из этих книг она бы при всем желании не вычитала себе помощи. Знание, скрывавшееся в них, не могло ей помочь. Она вопросительно взглянула на Роксану и прочла на ее лице ту же растерянность.

Что будет, если они уведут ее с собой? Сколько предложений она не дочитала? Мегги отчаянно пыталась вспомнить, на какой фразе ее прервали...

В дверь снова молотили. Дерево стонало, скоро посыплются щепки, и

оно разлетится на куски. Мегги подошла к двери, отодвинула засов и отворила. Она не могла сосчитать, сколько солдат сгрудилось в узком коридоре. Много, очень много. Во главе их стоял Огненный Лис. Мегги узнала его, несмотря на платок, которым он повязал нос и рот. У всех солдат были завязаны лица, а глаза над повязками полны страха. «Надеюсь, вы все подхватите тут заразу, — подумала Мегги, — и будете помирать, как мухи». Солдат, стоявший рядом с Огненным Лисом, отшатнулся, словно услышал ее мысли. На самом деле его испугало ее лицо.

— Ведьма! — выпалил он, с ужасом глядя на то, что держал в руке Огненный Лис.

Мегги сразу узнала серебряную рамку. Это была ее фотография из библиотеки Элинора.

Ропот прошел по толпе вооруженных мужчин. Но Огненный Лис грубо схватил ее за подбородок и повернул лицом к себе.

— Так я и знал. Ты — та девчонка из конюшни, — сказал он. — Признаюсь, тогда я не догадался, что ты ведьма.

Мегги попыталась отвернуться, но Огненный Лис не выпускал ее.

— Молодец! — обратился он к девочке, потерянно стоявшей среди солдат, босоногой, в простом халатике, какой носили все, кто работал в богадельне.

Карла. Так ее, кажется, звали? Девочка стояла, опустив голову, и рассматривала серебряную монету, которую вложил ей в ладонь один из солдат, как будто никогда прежде не видела такой красивой, блестящей штуки.

— Он сказал, что мне дадут работу, — чуть слышно пролепетала она. — Работу на дворцовой кухне. Среброносый так сказал.

Огненный Лис презрительно пожал плечами.

— Это не ко мне, — небрежно бросил он и повернулся к Хитромыслу: — На этот раз мне придется прихватить и тебя, извлекатель камней. Уж очень часто ты принимаешь у себя не тех гостей. Я говорил Змееглаву, что пора бы устроить здесь пожар, хороший пожар, я еще не разучился это делать, но он и слышать об этом не пожелал. Кто-то нашептал ему, что из огня придет его смерть. С тех пор нам разрешают зажигать только свечи.

В голосе Огненного Лиса сквозило презрение к мягкотелости своего повелителя.

Хитромысл поднял глаза на Мегги. «Сожалею, — говорил его взгляд. А еще в нем читался вопрос: — Где Сажерук?»

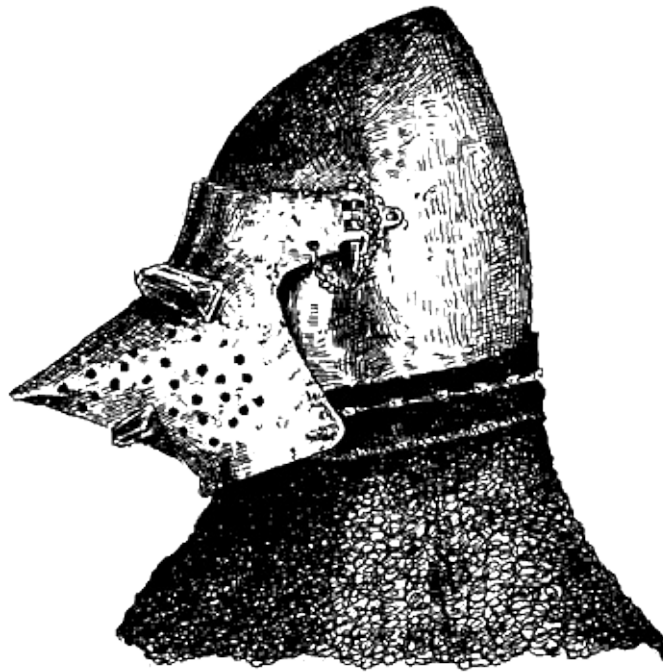
И правда, где он?

— Позволь мне пойти с ней. — Роксана встала рядом с Мегги и хотела

обнять ее за плечи, но Огненный Лис грубо оттолкнул ее.

— Только девчонку с ведьмовского портрета! — рявкнул он. — И цирюльника.

Роксана, Белла и еще несколько женщин проводили их до ворот, выходящих на море. Пена прибоя поблескивала в лунном свете, берег был пуст, но по песку вились полосы следов, на которые, к счастью, никто не обратил внимания. Солдаты привели с собой лошадей для пленников. Конь Мегги прижал уши, когда один из солдат посадил девочку на его худую спину. И только уже уносясь рысью по направлению к горам, Мегги решилась незаметно оглянуться. Сажерука и Фарида нигде не было видно. Только следы на песке.

ОГОНЬ И ВОДА

*Разве знание, выраженное в словах, — не тень
бессловесного знания?*

Холил Гибран. Пророк

Когда Сажерук жестом подозвал к себе Фарида, в богадельне все уже стихло. Ни слез, ни проклятий незванным гостям из Дворца Ночи. Женщины вернулись к больным и умирающим. Только Роксана по-прежнему стояла на берегу и смотрела в ту сторону, куда ушли солдаты.

Сажерук усталой походкой подошел к ней.

— Я побегу за ними! — бормотал рядом с ним Фарид, сжимая смуглые кулаки. — В конце концов, эта чертова крепость совсем близко.

— Что ты болтаешь, разрази тебя гром? — прикрикнул на него Сажерук. — Думаешь, тебя так и впустят в ворота? Это Дворец Ночи. Там зубцы крепостных стен украшают отрубленными головами.

Фарид втянул голову в плечи и посмотрел на серебряные башни, впивавшиеся в небо, словно стремясь наколоть звезды на свои верхушки.

— Но... Мегги... — проговорил он.

— Ясное дело, мы пойдем за ней, — с раздражением откликнулся Сажерук. — Хотя моя нога уже заранее радуется крутому подъему. Однако пойдем мы туда не просто так. Сначала я тебя кое-чему научу.

С каким облегчением юноша на него посмотрел — будто радовался, что скоро сможет забраться в гнездо Змея. Сажерук только головой покачал на такое неразумие.

— Научишь? Чему? — спросил Фарид.

— Тому, что я тебе и так хотел показать.

Сажерук двинулся к воде. Если бы эта проклятая нога наконец

зажила...

Роксана следовала за ним.

— Что ты задумал? — Она протиснулась между Сажеруком и Фаридом. Ее красивое лицо исказилось от страха и гнева. — Ты не пойдешь в крепость! Все пропало. Ничего хорошего ваше чудесное письмо не принесло. Ничегошеньки!

— Увидим! — только и сказал Сажерук. — Все зависит от того, успела ли Мегги что-то прочесть, и сколько.

Он попытался мягко отодвинуть ее, но Роксана сбросила его руки.

— Давай сообщим Принцу! — В ее голосе звучало настоящее отчаяние. — Ты что, забыл, сколько там, в крепости, поджигателей? Тебя убьют раньше, чем взойдет солнце! А Баста? А Огненный Лис и Свистун? Да там чуть ли не каждый знает тебя в лицо!

— С чего ты взяла, что я собираюсь показывать им лицо? — возразил Сажерук.

Роксана отстранилась от него и бросила на Фариду такой враждебный взгляд, что юноша отвернулся.

— Это наша тайна, ты показывал это только мне! И ты сам говорил, что, кроме тебя, никто этого сделать не сумеет.

— Фарид сумеет!

Он пошел по скрипучему песку к волнам и не останавливался, пока прибой не лизнул ему сапоги.

— О чем это она говорит? — спросил Фарид. — Что ты мне покажешь? Что-нибудь очень трудное?

Сажерук оглянулся. Роксана медленно брела обратно к богадельне и, не оборачиваясь, скрылась за деревянными воротами.

— Что это такое? — Фарид нетерпеливо потянул Сажерука за рукав. — Ну скажи!

Сажерук повернулся к нему.

— Вода и огонь, — сказал он, — не очень-то дружат. Они, можно сказать, не подходят друг другу. Но если уж между ними вспыхивает любовь, то это настоящая бурная страсть.

И он зашептал слова, которых давно уже не произносил. Но огонь понял. Язычок пламени пробился из влажной гальки, выброшенной морем на песок. Сажерук нагнулся и поймал его в раскрытую ладонь, как птенца, нашептал ему, чего от него хочет, пообещал ночную игру, какой пламя никогда еще не видело, и, когда язычок, потрескивая, ответил и вспыхнул так ярко, что обжег ему кожу, Сажерук бросил его в пенящийся прилив, вытянув пальцы, словно все еще держал пламя на невидимых нитях. Вода

попыталась заглотить огонь, как рыба — муху, но пламя разгоралось все сильнее, а Сажерук на берегу раскинул руки в стороны.

Шипя и потрескивая, огонь повторил его жест, разбежался направо и налево, пока морская пена, окаймленная язычками пламени, не подкатилась к берегу, выплеснув Сажеруку под ноги огненную ленту, как залог любви. Он обеими руками зачерпнул пылающую пену. Когда он выпрямился, между пальцами у него порхала фея. Она была такая же синекожая, как ее лесные сестры, только вся отливала огненным блеском, и глаза у нее были красные, как породившее ее пламя. Сажерук замкнул фею в ладонях, точно редкую бабочку, и подождал, пока кожу зашипало и вверх по рукам побежал жар, словно в жилах вместо крови потек вдруг огонь. Лишь когда жжение дошло до подмышек, он выпустил крошечное создание, отчаянно ругавшееся и ворчавшее, как всегда, когда он приманивал их игрой моря с огнем.

— Что это? — испуганно спросил Фарид, увидев почерневшие ладони и плечи Сажерука.

Сажерук вытащил из-за пояса платок и тщательно растер сажу по коже.

— Это, — ответил он, — поможет нам пробраться в крепость. Однако сажка действует только на того, кто сам добыл ее у фей. Так что приступай к делу.

Фарид не сводил с Сажерука изумленного взгляда.

— Я так не могу! — пролепетал он. — Я не знаю, как ты это сделал!

— Ерунда! — Сажерук отошел от воды и присел на влажный песок. — Все ты можешь! Просто думай о Мегги!

Фарид нерешительно взглянул вверх, на крепость. Волны лизали его босые ноги, словно приглашая поиграть.

— А оттуда, сверху, огонь не увидят?

— Крепость отсюда дальше, чем кажется. Поверь, ты еще почувствуешь это ногами, когда мы станем подниматься. А если стражники и заметят что-нибудь, они подумают, что это молния или что огненные эльфы танцуют над водой. И вообще, с каких это пор ты так долго раздумываешь, прежде чем взяться за игру? Я знаю только одно: если ты еще помедлишь, мне снова придет в голову, что идти в крепость — совершенно безумная затея.

Это возымело свое действие.

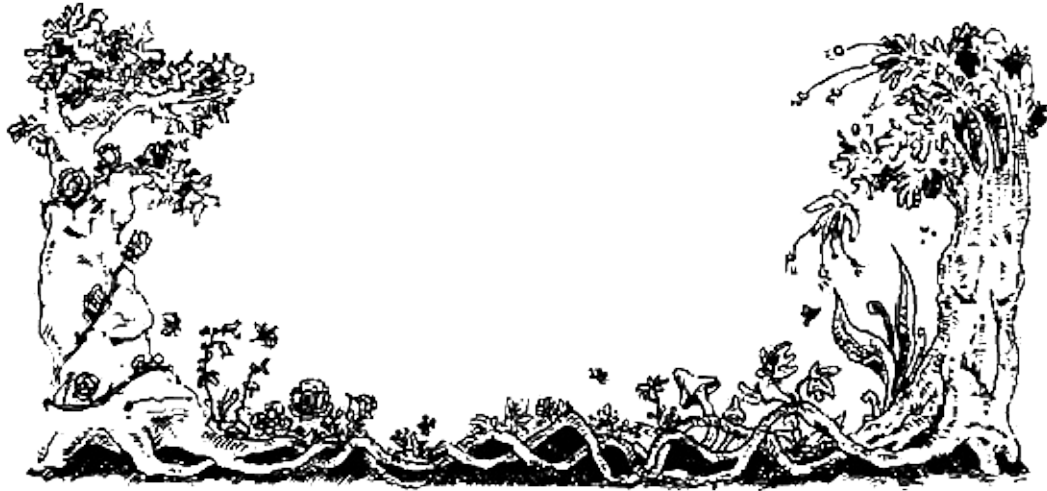
Пламя три раза гасло, когда Фарид бросал его в прилив. Но на четвертый раз оно оторочило волны огненной каймой, как он просил, — может быть, не такой яркой, как для Сажерука, но все же и Фариду удалось

зажечь море. И во второй раз в эту ночь море играло с огнем.

— Молодец! — сказал Сажерук, когда юноша гордо показал ему почерневшие от сажи руки. — Разотри ее хорошенько — на груди, на ногах, на лице.

— Зачем? — Фарид уставился на него большими глазами.

— Потому что она сделает нас невидимками. — Сажерук потер себе лицо сажей. — До восхода солнца.

НЕВИДИМЫЕ, КАК ВЕТЕР

— Извините, ваша кровавость, господин Барон, — подобострастно заюлил он. — Я ошибся, о, я ошибся... я вас не узнал... конечно, я не мог вас увидеть, ведь вы невидимы... Простите старому Пивзу его глупую шутку, прошу вас, сэр.

Дж. К. Ролинг. Гарри Поттер и философский камень [\[18\]](#)

Странное это чувство — быть невидимым. Фарид чувствовал себя одновременно всемогущим и потерянным. Как будто он разом везде и нигде. Хуже всего было то, что он не мог видеть Сажерука. Ему оставалось полагаться только на слух.

— Сажерук? — без конца шептал он, следуя за ним во мраке.

И каждый раз до него доносился тихий ответ:

— Я здесь, прямо перед тобой.

Солдатам, забравшим Мегги и Хитромысла, наверняка придется скакать по дороге, плохой, кое-где совсем заросшей дороге, поднимавшейся по холмам широкими витками. А Сажерук шел напрямик по склонам, слишком крутым для лошади, особенно с латником на спине. Фарид старался не думать о том, как должна болеть раненая нога от такого подъема. Иногда юноша слышал тихое чертыхание, время от времени Сажерук останавливался — невидимо, только его дыхание слышалось во мраке.

Крепость и в самом деле была дальше, чем представлялось с берега, но настал момент, когда ее устремленные в небо башни выросли прямо перед ними. По сравнению с этой крепостью замок Омбры показался Фариду

игрушкой, построенной герцогом, который любил попить и поесть, но вовсе не думал о сражениях. В крепости, окружавшей Дворец Ночи, каждый камень был вытесан с мыслью о войне. Следуя за тяжелым дыханием Сажерука, Фарид с ужасом представлял себе, каково идти по этому крутому подъему на штурм, когда со стен льется кипящая смола, а из бойниц летят тебе навстречу дротики.

До утра было еще далеко, когда они подошли к воротам. Еще несколько драгоценных часов они будут невидимы. Однако ворота оказались заперты, и Фарид почувствовал, что глаза у него наполняются слезами от разочарования.

— Заперто! — выдавил он из себя. — Солдаты уже завели их внутрь. Что же теперь делать?

Каждый вдох причинял ему боль, так быстро они поднимались по склону. Но что теперь толку, даже если они прозрачны, как стекло, и невидимы, как ветер?

Фарид почувствовал вплотную к себе тело Сажерука, такое теплое в этой ветреной ночи.

— Ну конечно, заперто! — прошептал его голос. — А ты чего ждал? Что мы догоним всадников? Это у нас бы не получилось, даже если бы я и не хромал, как старуха! Но вот увидишь — для кого-нибудь ворота этой ночью еще откроются. Хотя бы для одного из шпионов Змееглава.

— А может быть, перелезем через стену?

Фарид с надеждой посмотрел на серую громаду.

Между зубцов ходили часовые с копьями.

— Перелезем? Я вижу, ты действительно влюблен. Посмотри, какие они высокие и гладкие, эти стены! Не думай даже. Мы подождем.

Прямо перед ними стояли шесть виселиц. На четырех из них висело по мертвецу. Фарид был очень рад, что в темноте они казались просто связками старых платьев.

— Проклятье! — услышал он бормотание Сажерука. — Почему от этого зелья фей страх не исчезает с глаз заодно с телом?

Да, Фариду бы это тоже пригодилось. Однако боялся он не стражи, не Басты и не Огненного Лиса. Он боялся за Мегги, страшно боялся. От того, что он сейчас невидим, ему было только хуже. Как будто от него ничего не осталось, кроме боли в сердце.

Дул прохладный ветер, и Фарид согревал дыханием невидимые пальцы, когда в ночи раздался стук копыт.

— Ну вот! — прошептал Сажерук. — Кажется, нам для разнообразия повезло! Что бы ни случилось, помни одно: мы должны до рассвета

выбраться отсюда. Солнце сделает нас видимыми быстрее, чем ты подзываешь огонь.

Стук копыт стал громче, и из темноты появился всадник, одетый не в бледное серебро Змееглава, а в красный с черным наряд.

— Смотри-ка! — прошептал Сажерук. — Да это же Коптемаз!

Часовой что-то крикнул со стены, и Коптемаз отозвался.

— Пошли! — шепнул Сажерук Фариду.

Ворота со скрежетом распахнулись.

Они шли за Коптемазом так близко, что Фарид мог потрогать хвост его коня. «Предатель! — думал юноша. — Гнусный предатель!» Как ему хотелось стащить негодяя с седла, приставить ему к горлу нож и спросить, что за вести он привез во Дворец Ночи! Но Сажерук тянул его вперед, через огромные ворота, на двор. Коптемаз поскакал к конюшням. Там было полно латников. Судя по всему, Дворец Ночи был таким же бессонным, как, по слухам, его хозяин.

— Слушай! — тихо сказал Сажерук, потянув Фариду под одну из арок. — Эта крепость огромная, как город, и запутанная, как лабиринт. Отмечай свой путь сажей, чтобы мне потом не искать тебя, если ты заблудишься тут, как ребенок в лесу, понял?

— А как мы поступим с Коптемазом? Ведь это он выдал тайный лагерь, правда?

— Похоже на то. Забудь пока о нем. Думай о Мегги.

— Но ведь он был среди пленных!

Мимо них прошла группа солдат. Фарид испуганно отпрянул. Он все еще не мог поверить, что солдаты действительно его не видят.

— Ну и что? — Казалось, с Фаридом говорит ветер. — Это самый древний способ замаскировать предателей. Где спрятать шпиона? Конечно, между жертв. Свистун, наверное, сказал ему пару раз, что он отлично жонглирует огнем, — и вот они уже лучшие друзья. У Коптемаза всегда был странный вкус, что касается друзей. А теперь пойдем, не то мы простоим тут, пока солнце не слизнет с нас всю нашу невидимость.

Фарид невольно взглянул на небо. Ночь выдалась темная. Даже месяц, казалось, затерялся в этой черноте. Юноша не мог отвести взгляда от серебряных башен.

— Гнездо Змея! — прошептал он.

Но тут невидимый Сажерук резко потянул его за собой.

ЗМЕЕГЛАВ

*Мысли о смерти
Собираются над моим счастьем
Как темные облака
Над серебряным лунным серпом.*

Стерлинг А. Браун. Мысли о смерти

Змееглав сидел за пиршественным столом, когда Огненный Лис привел к нему Мегги. В точности, как она читала. Столовая во Дворце Ночи была отделана с такой роскошью, что тронный зал Жирного Герцога казался по сравнению с ней бедным, как крестьянская изба. Мраморный пол, по которому Огненный Лис тащил Мегги к своему хозяину, был усыпан лепестками роз. В канделябрах, похожих на когтистые лапы, горело несчетное количество свеч, а колонны, между которыми они стояли, были облицованы серебряной чешуей, мерцавшей в отблесках пламени, подобно змеиной коже. Между колонн скользили бесчисленные слуги, неслышно, с опущенными головами. Служанки, выстроившись рядами вдоль стен, ждали мановения хозяина. Все они выглядели заспанными, только что поднятыми с постели, как и описывал Фенолио. Некоторые незаметно прислонялись к завешенным коврами стенам.

Рядом со Змееглавом за столом, накрытым, казалось, на сто персон, не меньше, сидела его жена, бледная, как фарфоровая кукла, с таким детским личиком, что Мегги, если бы не знала правды, приняла бы ее за дочь хозяина замка. Сам Змееглав ел жадно, словно мог проглотить свой страх вместе с роскошной снедью из бесчисленных блюд, расставленных по черной скатерти. Жена его ни к чему не прикасалась. Похоже было, что ее

подташнивает от вида жадно жующего мужа. Она то и дело проводила руками в кольцах по выступавшему животу. Как ни странно, из-за беременности она выглядела еще младше, совсем девочкой с горьким маленьким ртом и холодными глазами.

За спиной Змееглава, поставив ногу на табурет и опирая о нее лютню, пристроился среброносый Свистун, негромко напевая и со скучающим видом перебирая струны. Но Мегги недолго смотрела на него. На дальнем конце стола она заметила до боли знакомое лицо. Сердце у нее пошло запинаться, как ноги у старухи. Мортала встретила ее взгляд такой торжествующей улыбкой, что у Мегги задрожали колени. Рядом с Морталой сидел человек, ранивший Сажерука на мельнице. Руки у него были перевязаны, а в волосах надо лбом зияла проплешина. Басте пришлось еще хуже. Он сидел с другой стороны от Морталы с таким раздутым красным лицом, что Мегги его насилу узнала. И все же он снова избежал смерти. Наверное, его вечные амулеты чего-то да стоили...

Огненный Лис крепко держал Мегги за локоть, торжественно подходя к Змееглаву в своей тяжелой лисьей шубе и как бы желая показать, что лично изловил эту птичку. Он грубо толкнул Мегги к накрытому столу и бросил на скатерть фотографию в рамке.

Змееглав вскинул голову и посмотрел на девушку налитыми кровью глазами, по которым было видно, какую дурную ночь устроили ему слова Фенолио. Он поднял жирную руку, и Свистун у него за спиной смолк, прислонив лютню к стене.

— Вот она! — провозгласил Огненный Лис.

Его хозяин тем временем утирал вышитым платком жир с пальцев и губ.

— Хотелось бы мне иметь такие ведьмовские портреты для всех, кого мы ищем, — тогда шпионы не приводили бы нам без конца не тех людей.

Змееглав взял в руки фотографию и презрительно перевел глаза с нее на Мегги. Она опустила было голову, но Огненный Лис приподнял ее за подбородок.

— Удивительно! — заметил Змееглав. — Лучшие мои художники не смогли бы так точно изобразить эту девушку.

Он с равнодушным видом взял серебряную палочку и поковырял в зубах.

— Мортала говорит, что ты ведьма. Это правда?

— Да! — ответила Мегги, глядя ему прямо в глаза.

Сейчас слова Фенолио должны стать правдой. Если бы только она успела дочитать до конца! Когда ее прервали, ей оставалось совсем

немного, и все же она чувствовала под платьем слова, не дождавшиеся своей очереди. «Забудь об этом, Мегги! — приказала она себе. — Сейчас нужно прежде всего сделать правдой слова, которые ты уже прочитала. Будем надеяться, что Змееглав так же сыграет свою роль, как ты — свою».

— Да? — переспросил Змееглав. — Значит, ты сознаешься? Знаешь, как я обычно поступаю с ведьмами и колдунами? Я их сжигаю.

Эти слова. Он произносит слова Фенолио. В точности те, что старик вложил в его уста. В точности те, что она прочла вслух в богадельне всего несколько часов назад.

Мегги знала, что нужно ответить. Слова пришли ей на ум совершенно естественно, как будто принадлежали ей самой, а не Фенолио. Мегги взглянула на Басту и на второго молодчика. Фенолио ничего не написал о них, и тем не менее ответ подходил к обстановке как нельзя лучше:

— Последними, кто тут горел, — спокойным голосом сказала она, — были твои люди. Огнем повелевает в этом мире лишь один человек — и это не ты.

Змееглав уставился на нее, как жирный кот, который еще не решил, как ему лучше позабавиться с пойманной мышью.

— А-а! — сказал он своим тягучим низким голосом. — Ты, верно, говоришь об Огненном Танцоре. Он вечно якшается с браконьерами и разбойниками. Как ты думаешь, придет он сюда, чтобы попытаться тебя спасти? Вот когда я смог бы наконец скормить его огню, которым он якобы повелевает.

— Меня не нужно спасать, — ответила Мегги. — Потому что я все равно пришла бы к тебе. Даже если бы ты не велел привести меня силой.

Между серебряных колонн поднялся смех. Но Змееглав перегнулся через стол и уставился на нее с неподдельным любопытством.

— Вот как! — протянул он. — В самом деле? А зачем? Чтобы умолять меня отпустить твоего отца? Ведь этот разбойник — твой отец, не так ли? По крайней мере, так утверждает Мортولا. Она говорит, что и твоя мать у нас в плену.

Мортولا! О ней Фенолио не подумал. Он и словом о ней не упомянул, а она здесь, со своим сорочьим взглядом.

«Не думай об этом, Мегги! Не горячись. Стань холодной до самого сердца, как в ту ночь, когда ты вызывала Призрака, — уговаривала она себя. — Но откуда взять теперь подходящий ответ? Импровизируй, Мегги, сочини что-нибудь, как актриса, забывшая текст! — приказала она себе. — Ну, давай! Найди собственные слова и примешай их к тем, что написал Фенолио, как редкую пряность».

— Сорока говорит правду, — ответила она Змееглаву.

Смотри-ка, ее голос и в самом деле звучит спокойно и твердо, будто сердце у нее не бьется о ребра, как загнанный зверек.

— Ты взял в плен моего отца, которого Сорока пыталась убить, а мою мать ты посадил в тюрьму. И все же я пришла не за тем, чтобы просить у тебя милости. Я хочу предложить тебе сделку.

— Нет, вы только послушайте эту маленькую ведьму! — Голос Басты дрожал от ненависти. — Почему бы мне попросту не покрошить ее в куски, чтобы вы скормили их своим псам?

Но Змееглав не обратил на него внимания. Он не отрывал глаз от лица Мегги, словно пытаясь прочесть на нем то, что стоит за словами.

«Вспомни Сажерука! — сказала она себе. — По его лицу никогда не поймешь, что он думает и чувствует. Ты тоже так можешь. Не так уж это и трудно!»

— Сделку? — Змееглав взял руку своей жены таким небрежным жестом, словно случайно обнаружил ее возле своей тарелки. — Что ты хочешь продать мне такого, чего я не могу просто взять?

Его люди засмеялись. Мегги старалась не замечать, что пальцы у нее от страха занемели. И снова ей пришли на язык слова Фенолио. Слова, которые она прочитала.

— Мой отец, — проговорила она, с трудом владея голосом, — не разбойник. Он переплетчик и чародей. Он — единственный человек, который не боится смерти. Ты видел его рану? Цирюльники, наверное, говорили тебе, что она смертельна, что такая рана должна убить. Но его *ничто* не может убить. Мртола пыталась, и что, умер он? Нет. Он воскресил из мертвых Козимо Прекрасного, хотя Белые Женщины уже отдали его в руки смерти. И если ты отпустишь моих родителей, *ты* сможешь не бояться больше смерти, потому что мой отец... — Мегги сделала паузу, — может сделать тебя бессмертным.

В большом зале стало совсем тихо.

Но вот тишину разорвал пронзительный голос Мртолы:

— Она лжет! Она лжет, эта маленькая ведьма. Не верьте ни единому ее слову. Это все ее язык, ее ведьмовской язык! Он — единственное ее оружие. Ее отца можно убить, еще как! Приведите его сюда, и я вам докажу. Я сама убью его здесь, у вас на глазах, и на этот раз доведу дело до конца!

Нет! Сердце у Мегги колотилось так, словно вот-вот выскочит из груди. Что она наделала? Змееглав неподвижно смотрел на нее. Однако заговорил он так, словно вовсе не слышал слов Сороки.

— Как? — спросил он. — Как твой отец сделает то, что ты обещаешь?

Он уже думал о следующей ночи. Мегги видела это по его глазам. Змеглав думал об ожидающем его страхе: еще сильнее, чем в прошлую ночь, еще беспощаднее...

Мегги склонилась над накрытым столом. Она говорила так, будто снова читала вслух.

— Мой отец переплетет для тебя книгу! — сказала она совсем тихо, кроме самого Змеглава, ее могла слышать разве что его кукла-жена. — Он переплетет ее с моей помощью, эту книгу из пятисот пустых страниц. Он оденет ее в кожу и дерево, приделает медные застёжки, и ты своей рукой напишешь на первой странице свое имя. Но в благодарность ты отпустишь его, как только он передаст тебе книгу, и вместе с ним — всех, чью жизнь он у тебя попросит. А книгу ты должен хранить в тайнике, известном лишь тебе одному, ибо знай: ты будешь бессмертен, пока существует эта книга. Ничто не сможет убить тебя — ни оружие, ни болезнь, — покуда цела книга.

— В самом деле? — Змеглав вперился в Мегги налитыми кровью глазами. Из рта у него сладковато пахло крепким вином. — А если кто-нибудь сожжет или порвет ее? Бумага ведь совсем не так прочна, как серебро.

— Об этом уж ты сам должен позаботиться, — тихо ответила Мегги.

«И все же книга тебя убьет», — добавила она про себя.

Мегги казалось, что она слышит собственный голос, читающий слова Фенолио (как сладко было почувствовать их на языке!): «Но одного девушка не сказала Змеглаву: что книга не только сделает его бессмертным, но может и убить, стоит кому-нибудь написать на ее чистых страницах: Сердце, Кровь, Смерть».

— Что она там шепчет? — Мртола вскочила, опираясь костлявыми кулаками на стол. — Не слушайте ее! — крикнула она Змеглаву. — Это ведьма и лгунья! Сколько можно вам повторять. Убейте ее и ее отца, пока они не убили вас! Может быть, все, что девочка говорит, написал ей старик, тот старик, о котором я вам рассказывала.

Змеглав в первый раз обернулся к ней, и на мгновение Мегги испугалась, что он все же поверит Мртоле. Но на его лице изобразился гнев.

— Замолчи! — прикрикнул он на Сороку. — Может быть, Каприкорн тебя слушался, но его больше нет, как и Призрака, на котором держалась его мощь, а тебя терпят при этом дворе за некоторые оказанные мне услуги. Однако твою болтовню о волшебных языках и стариках, пробуждающих

слова к жизни, я не желаю больше слушать. Молчать, или я отправлю тебя туда, откуда ты вышла, — на кухню к прислуге.

Мортола побледнела, словно кровь застыла у нее в жилах.

— Я вас предупредила! — хрипло сказала она. — Помните об этом!

И снова села на место с окаменевшим лицом. Баста с тревогой посмотрел на нее, но Мортола не обратила на него внимания. Она только смотрела на Мегги с такой ненавистью, что казалось, у той останется на лице ожог от этого взгляда.

А Змееглав подцепил ножом с серебряного блюда крошечную зажаренную птичку и с удовольствием отправил в рот. Видимо, перепалка с Мортолой разбудила в нем аппетит.

— Правильно ли я понял? Ты будешь помогать своему отцу в этой работе? — спросил он, выплевывая косточки в ладонь подскочившему слуге. — Значит ли это, что он обучил своему искусству дочь, как поступают обычно мастера с сыновьями? Ты, конечно, знаешь, что в моих землях это запрещено?

Мегги смотрела на него без страха. Даже эти слова вышли из-под пера Фенолио, от первого до последнего, и ей было известно, что Змееглав скажет дальше, потому что это она тоже читала...

— Ремесленникам, нарушившим этот закон, красавица моя, — продолжал Змееглав, — я обычно велю отрубить левую руку. Но так и быть — в данном случае я сделаю исключение. Потому что мне это на пользу.

«Он все исполнит! — обрадовалась Мегги. — Он пустит меня к Мо, как задумал Фенолио». От счастья она совсем осмелела.

— Моя мать, — сказала Мегги, хотя у Фенолио этого написано не было, — тоже могла бы помочь. Тогда мы справимся еще быстрее.

— Нет уж! — Змееглав улыбнулся с таким довольным видом, будто разочарование в глазах Мегги было ему слаще, чем вся снедь на серебряных блюдах. — Твоя мать останется в тюрьме, и это будет подгонять вас с отцом в работе.

Он нетерпеливо махнул Огненному Лису:

— Ну, что стоишь? Отведи ее к отцу! И скажи библиотекарю, чтобы сейчас же приготовил все, что нужно переплетчику для работы.

— К отцу? — Огненный Лис схватил Мегги за локоть, однако не двинулся с места. — Неужели вы поверили ведьминской болтовне?

Мегги затаила дыхание. Что теперь будет? Дальше она не успела прочесть. В зале никто не шевелился, даже слуги замерли, где стояли, тишину, казалось, можно было потрогать руками.

Огненный Лис продолжал:

— Книга, чтобы запереть в нее смерть! В такую сказку разве что ребенок поверит, и ребенок ее и придумал, чтобы спасти своего отца. Мртола права. Повесьте его наконец, пока мы не стали посмешищем для собственных крестьян. Каприкорн давно бы это сделал.

— Каприкорн? — Змееглав выплюнул это имя, как птичьи косточки в ладонь слуге. Он говорил, не глядя на Огненного Лиса, но его жирные пальцы на столе сжались в кулак. — С тех пор как вернулась Мртола, я очень часто слышу это имя. Но, насколько мне известно, Каприкорн мертв, и его личная ведьма-отравительница не смогла этого предотвратить. А ты, Огненный Лис, очевидно, забыл, кто твой новый хозяин. Я — Змееглав! Мой род уже более семи поколений правит этой страной, а старый твой хозяин был незаконным сыном прокопченного неряхи-кузнеца! Ты был всего лишь поджигателем и убийцей, а я назначил тебя своим герольдом. Я ожидал бы за это большей благодарности. Или ты хочешь поискать себе нового хозяина?

Лицо Огненного Лиса вспыхнуло ярче его волос.

— Нет, ваша милость, — еле слышно проговорил он. — Не хочу.

— Отлично! — Змееглав поддел ножом еще одну птичку: они были сложены в глубоком серебряном блюде горкой, как каштаны. — Тогда делай, что я говорю. Отведи девушку к ее отцу и позаботься, чтобы он поживее взялся за дело. А цирюльника, которого я велел, вы привели? Этого Хитромысла?

Огненный Лис кивнул, не подымая глаз на своего господина.

— Отлично. Пусть он дважды в день осматривает ее отца. Мы хотим, чтобы наши узники находились в добром здравии, ясно?

— Ясно, — хрипло ответил Огненный Лис.

И потащил Мегги прочь из зала, глядя прямо перед собой. Все смотрели на нее — и каждый отводил взгляд, встретившись с ней глазами. Ведьма. Мегги уже называли однажды ведьмой — в деревне Каприкорна. Может быть, так оно и есть. В эту минуту она чувствовала себя могущественной, такой могущественной, словно весь Чернильный мир подчиняется ее языку. «Они отведут меня к Мо, — думала она. — Они отведут меня к нему. И для Змееглава это будет началом конца». Но когда слуга затворил за ними двери зала, путь Огнному Лису заступил солдат.

— Мртола просила передать вам кое-что! — сказал он. — Общайте девчонку — нет ли при ней листа бумаги или еще чего-нибудь, покрытого буквами. Мртола советует посмотреть прежде всего в рукавах, там она однажды уже такое прятала.

Не успела Мегги опомниться, Огненный Лис уже схватил ее и грубо

задрал оба рукава. Ничего не найдя, он потянулся к ее платью, но она оттолкнула его руки и сама вытащила пергамент. Огненный Лис вырвал листки из ее рук, с минуту смотрел на них растерянным взглядом не умеющего читать человека, а потом молча отдал пергамент солдату.

Когда он тащил ее дальше, у Мегги в глазах было темно от страха. Что, если Мртола покажет листки Змееглаву? Что, если...

— Эй, шевели ногами! — рявкнул Огненный Лис, толкая ее вверх по лестнице. Спотыкаясь, как оглушенная, Мегги пошла вверх по крутым ступеням. «Фенолио! — молила она про себя. — Фенолио, помоги! Мртола знает о нашем плане».

— Стоять! — Огненный Лис грубо схватил ее за волосы.

Четверо солдат, закованных в латы, охраняли запертую тремя засовами дверь. Огненный Лис знаком приказал им открыть.

«Мо, — думала Мегги, — они и вправду ведут меня к нему!» И эта мысль вытеснила все остальные. Даже мысль о Мртоле.

ОГОНЬ НА СТЕНЕ

*В глуби чертога на стене
Рука явилась, вся в огне...
И пишет, пишет. Под перстом
Слова текут живым огнем.*

Генрих Гейне. Валтасар [\[19\]](#)

Когда Сажерук с Фаридом прокрались во Дворец Ночи, в широких темных коридорах было тихо. Только воск капал с тысяч свечей на мраморные плиты пола, каждая из которых была украшена гербом Змееглава. Слуги и служанки бесшумно проносились мимо, потупив головы. Стража стояла в бесконечных переходах и у дверей, таких высоких, словно они предназначены для великанов, а не для людей. На каждой двери сверкал серебряной чешуей геральдический змей, убивающий добычу, а возле дверей висели огромные зеркала. Фарид останавливался перед каждым, чтобы убедиться, что он действительно невидим.

Сажерук зажег на ладони огонек размером с желудь, чтобы юноша не отстал от него. Одна из дверей отворилась прямо перед ними, и слуги стали выносить оттуда роскошные яства, от запаха которых у Сажерука болезненно сжался невидимый желудок. Бесшумно, как змея, проскальзывая мимо слуг, он слышал, как они приглушенными голосами переговариваются о молодой ведьме и о сделке, которая спасет Перепела от виселицы. Сажерук слушал и сам не знал, какое из чувств в его душе сильнее: облегчение от того, что слова Фенолио снова сбываются, или страх перед этим словами, перед невидимыми нитями, которые прядет старик, нитями, опутавшими даже Змееглава, возмечтавшего о бессмертии,

когда Фенолио давно уже написал его смерть. Но успела ли Мегги прочесть его смертный приговор до того, как ее увели из богадельни?

— Что будем делать? — шепотом спросил его Фарид. — Ты слышал? Они заперли Мегги вместе с Волшебным Языком в одной из башен! Как мне туда пробраться?

Как дрожит у него голос. Силы небесные, любовь — это сплошная мука. Кто с этим не согласен, просто никогда не испытывал этого проклятого трепета в сердце.

— Даже не мечтай об этом! — ответил Сажерук юноше. — У застенков в башнях крепкие запоры, туда тебе и невидимым не проскользнуть. Кроме того, там, наверху, полно стражи. Они ведь по-прежнему думают, будто поймали Перепела. Лучше проберись-ка на кухню и послушай, что болтает прислуга. Обычно так и узнаешь самое интересное. Только осторожно! Запомни: невидимый — не значит бессмертный.

— А ты?

— Я попробую проникнуть в нижнюю тюрьму, к узникам попроще, к Хитромыслу и матери Мегги. Видишь вон того мраморного толстяка? Наверное, какой-нибудь предок Змея. Встречаемся возле него. И не вздумай красться за мной следом! Фарид!

Но того уже и след простыл. Сажерук чертыхнулся про себя. Лишь бы никто не услышал, как стучит влюбленное сердце мальчика!

К тюрьме вел длинный, темный коридор. Лекарка Хитромысла описала ему дорогу. Ни один из стражников даже головы не повернул при бесшумном приближении Сажерука. Сразу двое сидели при свете единственного факела в сыром проходе, за которым открывалась дверь вниз, в смертельную утробу Дворца Ночи, переваривавшую людей, словно каменный желудок, и время от времени извергавшую труп-другой. И на этой двери, в которую никто не входил добровольно, красовалась змея, но на этот раз ее серебряное тело обвивалось вокруг черепа.

Стражники спорили, речь шла об Огненном Лисе, но у Сажерука не было времени подслушивать. Он только порадовался, прокрадываясь мимо них, что они так увлечены спором. Дверь легонько скрипнула, когда он приоткрыл ее, чтобы проскользнуть внутрь, — у него замерло сердце, — но стражники даже не оглянулись. Как бы хотелось ему сейчас иметь такое бесстрашное сердце, как у Фариды, пусть это и делает человека легкомысленным.

За дверью было так темно, что Сажерук позвал на помощь огонь, — как раз вовремя, чтобы не свалиться с крутой лестницы со стершимися

ступенями, оказавшейся под его невидимыми ногами. Из глубины на него пахнуло отчаянием и страхом. Говорили, что эта лестница уходит так же далеко в глубь холма, как башни крепости — в небо, но Сажерук не встречал никого, кто мог бы подтвердить эти рассказы. Из тех, кого он знал и кто попал сюда, ни один не вернулся обратно.

«Сажерук, Сажерук, — сказал он себе, осторожно шагая по ступеням, — не слишком ли в опасный путь ты пустился только затем, чтобы поприветствовать двух старых друзей, да еще в таком месте, где им от твоего прихода будет мало толку?» Но что ж поделаешь — за Хитромыслом он многие годы ходил по пятам, как теперь Фарид за ним, а что до Резы — ее имя он даже не стал произносить в мыслях, как бы желая убедить себя, что вовсе не ради нее спускается по этой треклятой лестнице.

К несчастью, даже невидимые ноги не могут двигаться бесшумно, однако Сажеруку повезло — за весь путь ему лишь один раз попались навстречу люди. Это были трое надзирателей, они прошли так близко от него, что он почувствовал на лице их чесночное дыхание и едва успел вжаться в стену, чтобы самый толстый не задел его локтем. На грубо обтесанных стенах, так не похожих на сияющую облицовку дворца, через каждые два-три метра горели факелы. Дважды Сажерук проходил мимо каморок, в которых сидели часовые, но ни один из них не поднял головы, когда он проскальзывал мимо, легкий, как дуновение ветра, и такой же невидимый.

Когда ступени наконец кончились, он чуть не натолкнулся на надзирателя, который со скучающим видом расхаживал взад-вперед по освещенному свечами коридору. Сажерук беззвучно прошмыгнул мимо него, заглядывая в камеры, из которых одни были такие тесные и низкие, что в них нельзя было распрямиться, а другие — такие просторные, что туда запросто поместилось бы человек пятьдесят. Конечно, в этом подземелье нетрудно было просто забыть какого-нибудь узника, и у Сажерука сжалось сердце при мысли о том, каково Резе в такой темноте. Столько лет она провела в плену, и на этот раз ее свободная жизнь продолжалась меньше года!

Он услышал голоса и пошел на звук, все глубже и глубже. Навстречу ему попался низенький лысый человечек. Он прошел совсем близко, и Сажеруку пришлось задержать дыхание, но, к счастью, лысый его не заметил и скрылся за углом, бормоча что-то о бестолковых бабах. Сажерук прислушивался, прижавшись спиной к сырой стене. Кто-то плакал — женщина, а другая успокаивала ее. В конце коридора виднелась лишь одна камера, темная зарешеченная дыра, перед которой горел факел. Как же ему

пролезть сквозь эту чертову решетку? Он подошел вплотную. В камере Реза гладила по голове какую-то женщину, утешая ее, а рядом сидел Двупалый и играл на маленькой флейте грустную мелодию. Никто не смог бы всеми десятью пальцами играть и вполтину так хорошо, как он своими семью. Других Сажерук не знал — ни женщин, сидевших рядом с Резой, ни остальных мужчин. Хитромысла не было видно. Куда они его дели? Может быть, посадили в одну камеру с Волшебным Языком?

Он оглянулся и прислушался. Где-то раздавался мужской смех — наверное, это был надзиратель. Сажерук поднес палец к горящему факелу и зашептал на огненном языке. Пламя прыгнуло ему на ноготь, как воробей, подбирающий крошки. Когда он впервые показал Фариду, как огнем написать на стене свое имя, у того черные глаза чуть не вылезли из орбит. А ведь это совсем легко. Сажерук просунул руку сквозь прутья решетки и провел рукой по грубому камню. «Реза», — написал он и увидел, как Двупалый опустил флейту и вытаращился на огненные буквы. Реза обернулась. Боже, какой у нее понурый вид! Надо было прийти сюда раньше. Хорошо, что дочь не видит ее такой.

Реза встала, сделала шаг к своему пылающему имени и замерла. Сажерук провел пальцем огненную линию, словно стрелку, указывающую, где он. Она подошла к решетке и уставилась в пустоту, растерянная, недоумевающая.

— Извини, — прошептал он. — Моего лица ты сегодня не увидишь. Но шрамов на нем меньше не стало.

— Сажерук? — Реза протянула руку в пустоту, и он пожал ее невидимыми пальцами.

Она и вправду говорит! Черный Принц рассказывал ему, что говорил с ней, но Сажерук ему не поверил.

— Какой красивый голос! — прошептал он. — Таким я его всегда и представлял. Когда он к тебе вернулся?

— Когда Мртола выстрелила в Мо.

Двупалый во все глаза смотрел на нее. Женщина, которую Реза утешала, тоже повернулась в их сторону. Лишь бы она не заговорила...

— Как у тебя дела? — спросила Реза. — И у Мегги?

— Хорошо. Во всяком случае, лучше, чем у тебя. Она вместе с тем стариком-поэтом старается привести эту историю к хорошему концу.

Реза вцепилась одной рукой в прутья решетки, другой — в его руку.

— Где она сейчас?

— Вероятно, у своего отца. — Сажерук увидел испуг на ее лице. — Да, я знаю, он сидит в башне, но она сама к нему захотела. Это все входит в

замысел Фенолио.

— Как он? А мой муж?

Сажерук все еще чувствовал уколы ревности. До чего же глупая штука — сердце.

— Волшебному Языку, говорят, лучше, и благодаря Мегги его в ближайшее время не повесят, так что гляди веселей. Твоя дочь и Фенолио придумали очень хитрый план, чтобы его спасти. Его, и тебя, и всех остальных...

В коридоре послышались шаги. Сажерук выпустил руку Резы и отступил, но шаги смолкли вдалеке.

— Ты еще здесь? — Ее глаза обшаривали темноту.

— Да. — Он снова сжал ее пальцы в ладонях. — Мы теперь, видно, встречаемся только в застенках! Сколько времени нужно, чтобы переплести книгу?

— Книгу?

Сажерук снова слышал шаги, однако на этот раз они смолкли быстрее.

— Да. Это совершенно безумная история, но, поскольку Фенолио ее написал, а твоя дочь прочла, она, наверное, осуществится.

Реза протянула руку сквозь решетку и коснулась пальцами его лица.

— Ты и вправду невидим! Как ты это сделал?

Она спрашивала с таким детским любопытством. Ей было любопытно все новое. Он всегда любил в ней эту черту.

— Старый фокус фей! — шепнул Сажерук.

Ее пальцы погладили его по покрытой шрамами щеке.

«Ну почему ты не можешь помочь ей, Сажерук? — досадовал огненный жонглер. — Ведь она сойдет с ума в этом подземелье! Может быть, прикончить часового? Но ведь потом еще лестница, бесконечная лестница, а потом крепость, широкий двор, голый утес, и нигде не спрячешься, нет даже дерева, за которым можно укрыться, всюду только камни и солдаты».

— А твоя жена? — Голос у нее и вправду очень красивый. — Ты нашел ее?

— Да.

— Что ты ей рассказал?

— О чем?

— О том времени, когда ты отсутствовал.

— Ничего.

— Я Мо все рассказала.

Да, наверное, она так и сделала.

— Что ж, Волшебный Язык знает, о чем ты говоришь, а Роксана бы мне все равно не поверила. Так ведь?

— Да, наверное, не поверила бы.

Реза на мгновение опустила голову, словно вспоминая то время, о котором он не хотел рассказывать.

— Принц сказал мне, что у тебя тоже есть дочь, — прошептала она. — Почему ты мне о ней никогда не говорил?

Двупалый и заплаканная женщина все так же смотрели в их сторону. Авань они теперь думают, что огненные буквы им померещились. На стене осталась лишь тоненькая полоска сажи. А что люди начинают разговаривать с пустотой — такое в тюрьмах, в конце концов, довольно часто случается.

— У меня было две дочери. — Сажерук вздрогнул, услышав отдаленный крик. — Старшая — ровесница Мегги, но она не желает со мной разговаривать. Она хочет знать, где я пропадал десять лет. Может быть, у тебя есть в запасе красивая сказка, которую я мог бы ей рассказать?

— А вторая?

— Она умерла.

Реза сжала его руку:

— Прости.

— Ничего.

Сажерук обернулся. Один из надзирателей встал перед входом в коридор, крикнул что-то другому и с недовольным видом пошел дальше.

— Три-четыре недели! — прошептала Реза. — Столько времени понадобится Мо — в зависимости от толщины книги.

— Ну что ж, это неплохо. — Он просунул руку сквозь решетку и погладил ее по голове. — Несколько недель — это ерунда по сравнению с годами в доме Каприкорна, Реза! Думай об этом каждый раз, когда тебе захочется биться головой об эту решетку Обещаешь?

Она кивнула.

— Передай Мегги, что со мной все в порядке! — прошептала она. — И Мо тоже. Ты ведь и его увидишь, правда?

— Конечно! — солгал Сажерук.

Что плохого в том, чтобы обещать ей это? Чем еще он мог ей сейчас помочь? Вторая женщина снова начала всхлипывать. Ее плач эхом прокатывался по гулким коридорам, все громче и громче.

— А ну тихо там, черт подери!

Сажерук вжался в стену, увидев спешащего к двери камеры

надзирателя — здоровенного толстяка, и затаил дыхание, когда эта туша остановилась прямо рядом с ним. Одно страшное мгновение Двупалый смотрел прямо на него, словно видел, но потом взгляд его скользнул дальше, ища чего-то в темноте — может быть, огненных букв на стене.

— Кончай выть!

Надзиратель ударил палкой в прутья решетки. Реза попыталась успокоить рыдающую женщину. Сажерук едва успел забиться в угол. Женщина уткнулась лицом в юбку Резы, а надзиратель с ворчанием повернулся и пошел прочь. Сажерук дождался, пока стихнут его шаги, и снова приблизился к решетке. Реза опустилась на колени перед женщиной, все так же прятаясь лицо в ее юбке, и тихо уговаривала ее.

— Реза! — прошептал он. — Мне пора идти. Сюда к вам приводили сегодня ночью старика? Цирюльника по имени Хитромысл?

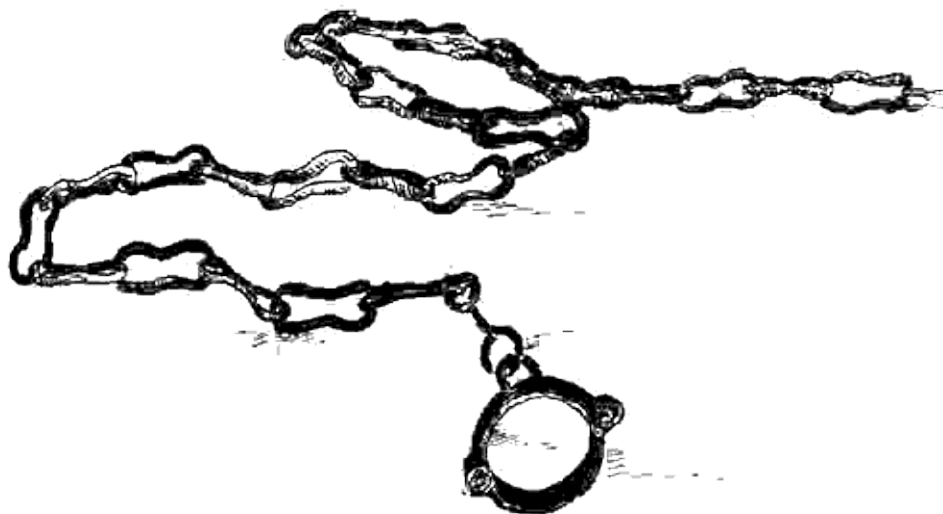
Она подошла к решетке.

— Нет! — ответила она. — Но надзиратели говорили об арестованном цирюльнике, которому придется осмотреть всех больных в крепости, прежде чем его посадят к нам в камеру.

— Да, это, наверное, он. Передавай ему от меня привет.

Сажеруку тяжело было оставлять ее здесь, в этой тьме. Он с удовольствием выпустил бы ее из клетки, как фею на ярмарке, но Реза не сможет улететь.

У подножия лестницы двое надзирателей с насмешкой говорили о палаче, у которого Огненный Лис часто отбивал работу. Сажерук юркнул мимо них быстро, как ящерица, и все же один удивленно оглянулся. Может быть, почуял запах огня, окутывавший Сажерука, словно второй плащ.

В БАШНЕ ДВОРЦА НОЧИ

*Ты никогда не выходил обратно таким же, как
вошел.*

*Фрэнсис Снаффорд. Ребенок, который
построил книги*

Мо спал, когда к нему привели Мегги. Только лихорадка и усыпляла его, заглушала мысли, не дававшие уснуть, пока он лежал час за часом, день за днем в продуваемой сквозняком камере высоко над землей, в одной из серебряных башен, и прислушивался к биению собственного сердца. Его разбудил звук шагов. В забраные решетками окна еще светила луна.

— Просыпайся, Перепел!

Камера озарилась светом факела, и Огненный Лис втолкнул в дверь тоненькую фигурку.

Реза? Уж не приснился ли ему для разнообразия хороший сон?

Нет, к нему привели не жену. Это была его дочь. Мо с трудом поднялся и почувствовал на лице слезы Мегги. Она обняла его так крепко, что у него перехватило дыхание от боли. Мегги. Значит, они и ее поймали.

— Мо! Да скажи же ты что-нибудь! — Она взяла его за руку, с тревогой заглядывая в лицо. — Как ты себя чувствуешь?

— Смотри-ка! — насмешливо сказал у нее за спиной Огненный Лис. — У Перепела и впрямь есть дочь. Она тебе, конечно, сейчас расскажет, будто пришла сюда по своей воле, — она успела уже внушить это Змееглаву. Она заключила с ним сделку, чтобы спасти твою шею от петли. Слышал бы ты, какие сказки она ему загибала! Ты можешь продать ее комедиантам, с таким-то языком.

Мо даже не спросил, что все это значит. Как только стражник запер за

Огненным Лисом дверь, он прижал Мегги к себе и поцеловал в волосы, в лоб, взял в ладони ее лицо, которое не надеялся уже увидеть после встречи в конюшне на краю Чащи.

— Мегги, ради бога... — Он прислонился спиной к холодной стене, потому что ноги его не держали. Он был так рад, что она здесь. Так рад и в таком отчаянии. — Как они тебя поймали?

— Ничего страшного. Все будет хорошо, вот увидишь! — Мегги провела рукой по его рубашке в том месте, где ткань была темной и жесткой от запекшейся крови. — В конюшне ты выглядел совсем больным... Я думала, что никогда тебя больше не увижу.

— Я тоже так думал, когда нашел письмо у тебя на подушке.

Он отер слезы с ее ресниц, как часто делал столько долгих лет. Как она выросла, уже почти взрослая, хотя он все еще ясно видел в ней ребенка.

— Господи, как же хорошо, что ты рядом, Мегги! Знаю, я не должен этого говорить. Хороший отец сказал бы: «Дорогая дочка, если меня посадили в тюрьму, это не значит, что и тебе надо туда же!»

Мегги рассмеялась. Но он видел тревогу в ее глазах. Она провела рукой по его лицу, словно заметив на нем тень, которой раньше не было. Что ж, может быть, Белые Женщины оставили отпечатки своих пальцев, хотя и не увели его с собой.

— Не смотри на меня так испуганно! Мне уже лучше, намного лучше, и ты знаешь почему. — Мо откинул со лба ее волосы, так похожие на волосы ее матери. Мысль о Резе уколола его, как шип. — Это были могущественные слова. Их написал для тебя Фенолио?

Мегги кивнула.

— Он мне еще и другие написал, — шепнула она ему в ухо. — Слова, которые тебя спасут. Тебя, и Резу, и всех остальных.

Слова. Похоже, вся его жизнь соткана из них — и жизнь, и смерть.

— Они заперли твою мать и остальных пленных в тюрьму под дворцом.

Мо хорошо помнил описание этой тюрьмы в книге Фенолио: «Застенки Дворца Ночи, где страх покрывал стены, словно плесень, и луч солнца никогда не согревал черные камни...» Какие слова могут освободить оттуда Резу? И его самого из этой серебряной башни?

— Мо, — Мегги положила руку ему на плечо, — как ты думаешь, ты сможешь работать?

— Работать? Зачем? — Он невольно улыбнулся — впервые за долгое время. — Ты полагаешь, Змееглав забудет, что собирался меня повесить, если я приведу в порядок его книги?

Он ни разу не перебил ее, пока Мегги чуть слышным голосом рассказывала, что придумал Фенолио для его спасения. Он опустился на мешок с соломой, на котором провел последние дни и ночи, считая зарубки, оставленные на стенах прежними бедолагами, попадавшими сюда, и слушал Мегги. Чем дальше она рассказывала, тем более безумным казался замысел Фенолио, но, когда она закончила, Мо покачал головой и улыбнулся.

— Недурно! — заметил он тихо. — Да, старый лис действительно не глуп и свою историю знает.

«Жаль только, что Мортале теперь тоже известен новый вариант, — добавил он про себя. — И что тебе не дали дочитать до конца». Мегги, как обычно, прочла все его мысли по лицу. Мо увидел их отражение в ее глазах и погладил ее указательным пальцем по носу, как делал, когда дочь была еще маленькая, такая маленькая, что едва могла обхватить ручонкой его палец. Маленькая Мегги, взрослая Мегги, отважная Мегги...

— Боже мой, насколько же ты храбрее меня! — сказал он вслух. — Торгуешься с Змееглавом. Вот на что я хотел бы посмотреть!

Мегги обняла его за шею и погладила усталое лицо.

— Ты на это еще посмотришь, Мо! — прошептала она. — Слова Фенолио всегда сбываются, в этом мире еще вернее, чем в нашем. Ведь они и тебя поставили на ноги, правда?

Он молча кивнул. Скажи он что-нибудь, она поняла бы по его голосу, что ему с трудом верится в хороший конец. Даже когда Мегги была помладше, она всегда замечала, если он бывал чем-то подавлен, но тогда ее легче было отвлечь шуткой, каламбуром, интересной историей. Теперь это стало не так-то просто. Никто не умел так легко читать в его сердце, как Мегги. Кроме ее матери. Реза взглядывала на него точно так же.

— Ты, конечно, слышала, почему они меня сюда притащили? — спросил Мо. — Меня принимают за знаменитого разбойника. Помнишь, как мы с тобой играли в Робина Гуда?

Мегги кивнула:

— Ты всегда хотел быть Робинот.

— А ты ноттингемским шерифот. «Потому что злые сильнее, Мо», — говорила ты. Умный ребенок. Знаешь, как они меня называют? Тебе понравится это имя.

— Перепел, — тихо выдохнула Мегги.

— Да. Как ты думаешь, есть надежда, что настоящий Перепел потребует свое имя обратно раньше, чем меня казнят?

Как серьезно она на него посмотрела. Как будто знает что-то, чего он

не знает.

— Другого Перепела нет, Мо, — прошептала она. — Ты и есть Перепел.

Мегги взяла его руку, закатала рукав и провела пальцем по шраму, оставленному псами Басты.

— Эта рана у тебя еще не зажила, когда мы приехали к Фенолио. Он еще дал тебе мазь, чтобы она лучше зарубцевалась, помнишь?

Он ничего не понимал. Ни слова.

— Да. И что?

— Ты и есть Перепел, — повторила Мегги. — Другого нет. Фенолио написал о нем песни. Он сочинил их, подумав, что в его мире не хватает разбойника. А тебя взял за образец! «В моем воображении из него получился очень благородный разбойник», — написал он мне.

Некоторое время смысл ее слов не доходил до Мо. И вдруг он расхохотался. Так громко, что стражник открыл зарешеченное окошко в двери и подозрительно заглянул внутрь. Мо перестал смеяться и уставился на стражника. Тот выругался и исчез в коридоре. А Мо прислонился к стене и закрыл глаза.

— Мо, мне жаль, что так получилось! — прошептала Мегги. — Ужасно жаль. Фенолио иногда просто невыносимый старик.

— Да ладно тебе.

Может быть, потому Орфею и удалось с такой легкостью вчитать его сюда. Потому что он и без того уже попал в эту историю.

— Как ты считаешь, — спросил он, — должен я чувствовать себя польщенным или свернуть Фенолио шею?

Мегги приложила руку к его лбу:

— Ты весь горишь. Приляг. Тебе нужно отдохнуть.

Как часто он говорил ей это, сколько ночей просидел у ее постели — корь, ветрянка, скарлатина... «О господи, Мегги, — простонал он, когда она подхватила еще и коклюш, — ты не могла бы пропустить хоть одну из детских болезней?»

Лихорадка наполняла его жилы расплавленным свинцом, и, когда Мегги склонилась над ним, он на мгновение подумал, что это Реза. Но у Мегги волосы были светлее.

— А где Сажерук и Фарид? Вы ведь были все вместе? Их тоже поймали? — От жара ему тяжело было ворочать языком.

— Нет. Не думаю. Ты знал, что у Сажерука есть жена?

— Да. Из-за нее Баста располосовал ему лицо. Ты ее видела?

Мегги кивнула:

— Она очень красивая. Фарид к ней ревнует.

— Правда? Я думал, он влюблен в тебя.

Мегги покраснела до ушей.

— Мегги? — Мо приподнялся.

Да когда же кончится наконец эта проклятая лихорадка! Из-за нее он чувствует себя беспомощным, как дряхлый старик.

— Нет! — тихо проговорил он. — Я что-то упустил. Моя дочь влюбилась, а я и не заметил! Еще одна причина возненавидеть эту проклятую книгу. Надо было тебе оставаться с Фаридом. Я бы уж как-нибудь обошелся.

— Никак бы ты не обошелся. Тебя бы повесили.

— Это и теперь не исключено. Мальчик, конечно, теперь страшно волнуется за тебя. Бедняга. Ты с ним целовалась?

— Мо! — Мегги смущенно отвернулась, однако не могла сдержать улыбки.

— Я должен знать! По-моему, ты даже должна спросить у меня разрешения.

— Мо, прекрати! — Она пихнула его локтем в бок, как всегда, когда отец ее дразнил, и пришла в ужас, когда его лицо внезапно исказилось от боли.

— Прости! — прошептала она.

— Ничего, раз мне больно — значит, я жив.

Ветер донес до них цокот подков. В ночи раздался лязг оружия и голоса.

— Знаешь что? — тихо сказал Мо. — Давай поиграем в нашу старую игру. Вообразим, будто мы совсем в другой истории — у хоббитов, в их уютной стране, или с Вартом у диких гусей. А?

Мегги долго молчала, а потом взяла его за руку и прошептала:

— Мне хочется вообразить, будто мы вместе идем по Непроходимой Чаще. Я, ты и Реза. Чтобы я могла показать вам огненных эльфов, шепчущие деревья и... Нет, погоди! Мастерская Бальбулуса. Да. Вот где я бы хотела с тобой оказаться. Он иллюстрирует книги, Мо! В замке Омбры! Он там самый лучший миниатюрист! Ты бы мог посмотреть его кисточки и краски...

Как возбужденно она вдруг заговорила. Мегги еще способна забыть все, как ребенок: и накрепко запертую дверь, и виселицы на дворе. Стоило ей вспомнить о паре тонких кисточек.

— Ну что ж, — сказал Мо, поглаживая ее светлые волосы, — как хочешь. Вообразим, что мы находимся в замке Омбры. На эти кисточки я

бы тоже с удовольствием посмотрел.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

*Мне приснилась бесконечная книга,
Книга без переплета,
Ее листы рассыпались в немыслимом
изобилии,
В каждой строчке открывался новый
горизонт,
Обрисовывались новые небеса,
Новые страны, новые души.*

Клайв Баркер. Абарат

Фарид уже дожидался у статуи, как было условлено. Он прятался за ней, очевидно, не в силах до конца поверить в свою невидимость, Мегги он не нашел. Сажерук понял это по его голосу, хриплому от разочарования.

— Я поднимался в башню. Я даже видел эту камеру, но она слишком хорошо охраняется. А на кухне говорили только о том, что она ведьма и что ее казнят вместе с ее отцом!

— Ну и что? А ты чего ожидал? Что еще там говорили?

— Что-то об Огненном Лисе. Что он отправит Козимо обратно в царство мертвых.

— Ага. А о Черном Принце ничего?

— Только то, что его ищут, но найти не могут. Слуги Змееглава уверены, что Принц и его медведь могут менять обличье, так что иногда Принц становится медведем, а медведь — Принцем. И что он умеет летать и делаться невидимым и в конце концов спасет Перепела!

— В самом деле? — Сажерук тихо рассмеялся. — Принцу бы это

понравилось. Ладно, пойдем, пора смываться отсюда.

— Смываться?

Сажерук почувствовал, как пальцы Фарида впились ему в локоть.

— Как смываться? Мы можем спрятаться, крепость большая, нас тут никто не найдет!

— Вот как? И что ты собираешься тут делать? Мегги с тобой не пойдет, даже если бы ты сумел волшебством протащить ее сквозь запертые двери. Ты что, забыл, какую сделку она собирается заключить со Змееглавом? Я спросил у Резы — чтобы переплести книгу, потребуется несколько недель. И пока Змееглав не получит книгу, он не даст волосу упасть с их головы. Так что пойдем! Пора поискать Принца. Мы должны рассказать ему про Коптемаза.

На дворе все еще было так темно, как будто утро никогда не настанет. На этот раз они выскользнули из ворот вместе с толпой латников. Сажеруку очень хотелось узнать, куда это они собрались в такой поздний час. «Будем надеяться, что не на охоту за Принцем», — думал он, проклиная предателя Коптемаза.

Латники пустили лошадей галопом по дороге, ведущей в Чашу. Сажерук стоял и глядел им вслед, как вдруг на него прыгнуло что-то мохнатое. От испуга он отпрянул и наткнулся на виселицу. Над ним покачивались две ноги, а на плече у него скребся Гвин — так уверенно, словно его хозяин всегда был невидим.

— Вот черт! — Сердце колотилось у него в горле, когда он схватил куницу. — Ты все же хочешь моей смерти, поганая тварь, да? — чуть слышно сказал он. — Откуда ты взялся?

Словно отвечая ему, Роксана отделилась от тени крепостной стены.

— Сажерук? — шепотом позвала она, ища глазами его невидимое лицо.

Вокруг ее ног вился Пролаза, то и дело вытягивая мордочку и принюхиваясь.

— А кто же еще!

Он потащил Роксану за собой к самой стене, чтобы стражники сверху ее не увидели. На этот раз он не спрашивал, зачем она пошла за ними. Он был так рад ее видеть! Хотя облегчение на ее лице напомнило ему на мгновение о Резе и о ее печали.

— Пока мы ничего больше не можем здесь сделать, — прошептал он ей. — Скажи, ты знала, что Коптемаз — желанный гость во Дворце Ночи?

— Коптемаз?!

— Да. Дурная новость. Поезжай назад в Омбру и позаботься о Йехане

и Брианне. А я отыщу Черного Принца и расскажу ему об этом кукушкином отродье.

— И где ты собираешься его искать? — Роксана улыбнулась, как будто видела его растерянное лицо. — Хочешь, я отведу тебя к нему?

— Ты?

— Да.

Наверху перекликались стражники. Роксана притянула Сажерука ближе к стене.

— Принц отлично заботится о Пестром Народе, — сказала она. — И ты догадываешься, наверное, что золото, которое он тратит на калек и стариков, на вдов и сирот, он добывает не одними фокусами на ярмарках. Его люди — ловкие браконьеры и гроза сборщиков налогов, у них есть укрытия по всей Чаще, где нередко прячут раненых и больных... Но Крапива не желает иметь дела с разбойниками, кикимора тоже, а большинству цирюльников разбойники не доверяют. Поэтому они приходят ко мне. Я не боюсь Чащи, я бывала в самых темных ее закоулках. Раны, нанесенные стрелой, переломанные кости, злой кашель — все это я умею лечить, и Принц мне доверяет. Для него я всегда оставалась женой Сажерука, даже когда была замужем за другим. Может быть, он был прав.

— В самом деле? — переспросил Сажерук и вздрогнул.

В темноте послышалось покашливание.

— Не ты ли говорил, что мы должны уйти отсюда до восхода солнца? — В голосе Фарида звучал упрек.

Феи и огонь! Он совсем забыл о мальчике. А ведь Фарид прав. До рассвета уже недалеко, а тень крепостных стен Змееглава, безусловно, не лучшее место для разговоров об умерших мужьях.

— Ладно. Поймай куницу! — прошептал Сажерук во тьму. — Но не смей больше пугать меня до полусмерти, ясно? А то я больше не разрешу тебе становиться невидимым!

БАРСУЧЬЯ НОРА

— Ах, Сара! Это совсем как в сказке!
— Это и есть сказка, — сказала Сара. — Все — сказка! Ты — сказка... я — сказка. Мисс Минчин — тоже сказка.

Фрэнсис Бернетт. *Маленькая принцесса*^[20]

Фарид шел в темноте за Сажеруком и Роксаной, и лицо у него было мрачнее, чем небо над ними. Ему больно было оставлять Мегги в крепости, как бы разумно это ни было. А теперь еще Роксана увязалась за ними. Хотя приходилось признать, что она знает, куда идет. Очень скоро они добрались до первого пристанища, надежно скрытого в колючих кустах. Но там никого не оказалось. Во втором они обнаружили двоих мужчин, которые тут же вытащили ножи и заткнули их обратно за пояс лишь после довольно долгой беседы с Роксаной. Они, похоже, чувствовали присутствие Сажерука и Фариды, хотя и не могли их видеть. К счастью, Роксана когда-то вылечила одного из них от опасной язвы, и он в конце концов поведал ей, где найти Черного Принца.

«Барсучья нора». Дважды до Фариды донеслись эти слова.

— Это их главное укрытие, — коротко пояснила Роксана. — Мы будем там к рассвету. Но они предупредили меня, что на дороге полным-полно солдат.

С этого момента Фариду время от времени казалось, что он слышит вдали бряцание оружия, лошадиное фыркание, голоса, топот марширующих ног, — но, может быть, все это ему мерещилось. Вскоре первые лучи солнца пробились сквозь сплетение листьев, и тела Сажерука и Фариды постепенно стали проступать в воздухе, как отражения на темной

воде. Хорошо было наконец видеть собственные руки и ноги и снова посмотреть на Сажерука. Хотя он шел рядом с Роксаной.

Время от времени Фарид ловил на себе ее внимательный взгляд, словно она все ищет в его смуглом лице сходства с Сажеруком. У себя в усадьбе она раз-другой спросила его о матери. Фариду очень хотелось рассказать ей, что мать у него была принцесса, намного красивее, чем Роксана, и Сажерук так ее любил, что десять лет не отходил от нее, пока она не умерла, оставив ему лишь темнокожего, черноглазого сына, который следует за отцом по пятам, как тень. Но, во-первых, эта история не сходилась с его возрастом, а во-вторых, он слишком хорошо представлял себе бешенство Сажерука, если бы Роксана начала допрашивать его об этой истории. Поэтому Фарид в конце концов ответил просто, что его мать умерла. Вероятно, так оно и есть. Если Роксана такая дура, что думает, будто Сажерук вернулся к ней только потому, что потерял другую женщину... пусть думает. Каждый взгляд, который бросал на нее Сажерук, переполнял ревностью сердце Фариды. Что, если Сажерук останется с ней насовсем, в ее усадьбе с душистыми грядками? Что, если Сажерук не захочет больше бродить по ярмаркам, а будет все только сидеть рядом с ней, целовать ее и смеяться? Он и сейчас уже проводил за этим занятием слишком много времени, забывая и об огне, и о Фариде.

Лес становился все гуще, и Дворец Ночи уже начинал казаться страшным сном, как вдруг их окружила добрая дюжина мужчин — вооруженных мужчин, одетых в лохмотья. Они возникли между деревьев так бесшумно, что даже Сажерук ничего не услышал. Выхватив ножи и мечи, мужчины мрачно уставились на две еще почти прозрачные фигуры.

— Эй, Хват, ты что, не узнал меня? — спросила Роксана, подходя к одному из них. — Как твои пальцы?

Лицо Хвата просветлело. Это был здоровенный парень со шрамом на шее.

— А, это ты, Травяная Колдунья! — хмыкнул он. — Ну конечно! Что это ты бродишь по лесу в такую рань? И что это с тобой за призраки?

— Мы не призраки. Мы ищем Черного Принца.

Когда Сажерук стал рядом с Роксаной, все ножи нацелились на него.

— Это еще что? — прикрикнула Роксана на мужчин. — Посмотрите на его лицо. Вы что, не слыхали про Огненного Танцора? Принц напустит на вас своего медведя, когда узнает, что вы ему угрожали.

Разбойники сдвинули головы, беспокойно вглядываясь в покрытое шрамами лицо Сажерука.

— Три шрама, бледных, как паутина, — пробормотал Хват. — Да, мы

все о нем слышали, но только в песнях...

— А кто сказал, что в песнях поют неправду?

Сажерукдохнул в утреннюю прохладу и зашептал огненные слова, пока пламя не поглотило пар его дыхания. Разбойники отпрянули и уставились на него, словно убедившись окончательно, что перед ними призрак. А Сажерук захватил воздух в обе горсти и выжал из них огонь с таким видом, как будто ничего легче и быть не может. А потом, нагнувшись, остудил ладони о мокрую от росы траву.

— Видали? — Хват посмотрел на своих товарищей. — Так Принц всегда и рассказывал: он ловит огонь, как кролика, и разговаривает с ним, как с любимой девушкой.

Разбойники окружили их плотным кольцом. Фарид, идя между ними, с тревогой вглядывался в их лица. Они напоминали ему картины из прежней его жизни, из мира, о котором он не любил вспоминать, и юноша старался держаться как можно ближе к Сажеруку.

— Ты уверена, что это люди Принца? — тихо спросил Сажерук Роксану.

— Да, конечно! — шепотом ответила она. — Он не всегда может выбирать себе товарищей.

Фарида этот ответ не слишком обнадежил.

Разбойники, с которыми Фарид имел дело прежде, жили в набитых сокровищами пещерах, разукрашенных богаче, чем залы Дворца Ночи. Убежище, куда привел их Хват, не могло тягаться с теми пещерами. Расселина между двух высоких буков была такой узкой, что в нее приходилось протискиваться боком, а проход за ней таким низким, что даже Фарид вынужден был пригнуться. Пещера, скрывавшаяся за ним, оказалась ненамного лучше. От нее отходили коридоры, ведущие, судя по всему, еще глубже под землю.

— Добро пожаловать в Барсучью нору! — сказал Хват.

Мужчины, сидевшие на полу в пещере, подозрительно оглядывали их.

— Кто сказал, что только Змееглав умеет зарываться глубоко в землю? Некоторые из нас отработали годы в его шахтах. С тех пор мы отлично знаем, как проникать в недра земли, не давая ей обрушиться тебе на голову.

Черный Принц сидел в боковом отсеке пещеры один, не считая развалившегося рядом медведя, и вид у него был усталый. Однако при виде Сажерука лицо его оживилось. Новости, которые они принесли, оказались ему не так уж новы.

— Ах да, Коптемаз! — хмуро пробормотал он, а Хват, услышав это

имя, выразительно провел пальцем по горлу. — Мне бы давно спросить себя, откуда у него деньги на порошок алхимиков, без которого он не умеет играть с огнем. На несколько монет, что ему бросают на ярмарках, такого не купишь. Но, к сожалению, я отдал приказ следить за ним только после нападения на тайный лагерь. Коптемаз быстро отделился от остальных спасенных и встретился на границе со шпионами Змееглава. А те, кого он предал, сидят тем временем в застенках Дворца Ночи. И я ничего не могу для них сделать! Я заперт в лесу, кишашем солдатами. Змееглав собирает их выше по дороге, у развилки, отходящей к Омбре.

— Козимо? — выдохнула Роксана, и Принц кивнул.

— Да. Я послал к нему трех гонцов, три предостережения. Один из гонцов рассказал, вернувшись, что Козимо высмеял его. Прежде он не был так глуп. Похоже, за год отсутствия он растерял весь свой разум. Он собрался в поход на Змееглава с ополчением, собранным из крестьян. Это все равно что мы пошли бы на него войной.

— У нас было бы больше шансов, — усмехнулся Хват.

— Очень может быть.

В голосе Принца была такая безнадежность, что у Фариды сжалось сердце. Он втайне очень надеялся на него, больше, чем на слова Фенолио. Но что может поделаться эта толпа оборванцев, прячущихся, как кролики, в лесных норах, против мощной крепости Змееглава?

Им принесли поесть, и Роксана осмотрела рану Сажерука. Она смазала ему ногу мазью, от которой в пещере на мгновение запахло весной. Фарид невольно подумал о Мегги. Ему вспомнилась история, которую он слышал однажды ночью у костра в пустыне. Там говорилось о воре, полюбившем принцессу. Они так любили друг друга, что могли разговаривать между собой, даже находясь друг от друга за много миль. Они могли слышать мысли друг друга, даже если их разделяли стены, и всегда, где бы каждый из них ни был, знали, весел другой или печален... Но как ни прислушивался к себе Фарид, он ничего не чувствовал. Да, он не мог даже сказать, жива ли еще Мегги. Ее просто не было, как будто она исчезла из его сердца и вообще из мира. Смахивая с глаз слезы, он почувствовал на себе взгляд Сажерука.

— Я должен дать отдых этой распроклятой ноге, иначе она никогда не заживет, — тихо сказал тот. — Но мы вернемся. Когда наступит время...

Роксана нахмурилась, но ничего не сказала. Принц и Сажерук заговорили между собой так тихо, что Фариду пришлось притиснуться к ним совсем близко, чтобы разобрать слова. Роксана положила голову на колени Сажеруку и тут же уснула. А Фарид свернулся рядом с ним

калачиком, как пес, закрыл глаза и стал прислушиваться к беседе.

Черный Принц расспрашивал о Волшебном Языке — назначен ли уже день казни, где его держат, как обстоит дело с его раной...

Сажерук рассказывал ему, что знал. Он рассказал и о книге, которую Мегги пообещала Змееглаву как выкуп за отца.

— Книга, удерживающая смерть? — Принц изумленно хохотнул. — С каких это пор Змееглав верит в сказки?

На это Сажерук ничего не ответил. Он ничего не сказал о Фенолио, о том, что все они — лишь персонажи истории, сочиненной стариком. Фарид на его месте тоже не стал бы этого делать. Черный Принц все равно ни за что не поверит, что существуют слова, определяющие и его судьбу, слова, похожие на невидимые тропы, с которых не сойдешь.

Медведь храпел во сне, и Роксана беспокойно вздрагивала. Она держала Сажерука за руку, словно и в снах хотела быть с ним вместе.

— Ты сказал юноше, что вы вернетесь в крепость, — напомнил Принц. — Можете пойти с нами вместе.

— Вы собираетесь во Дворец Ночи? Зачем? Ты намерен брать крепость приступом с горсткой людей? Или хочешь рассказать Змееглаву, что он не того поймал, нацепив на нос вот это? — Сажерук достал из лежавших на полу одеял маску — птичьи перья, наклеенные на потрескавшуюся кожу, — и надел на покрытое шрамами лицо.

— Эту маску уже примеряли многие из нас, — сказал Принц. — А Змееглав опять собирается повесить невинного за дела, совершенные нами. Я не могу этого допустить. На этот раз переплетчика. В прошлый раз, после того как мы отбили у них груз серебра, они повесили угольца только за то, что у него оказался шрам на локте. Его жена, наверное, до сих пор плачет.

— Большинство дел, за которые Змееглав хочет повесить Перепела, Фенолио просто придумал! — сердито сказал Сажерук. — Черт побери, Принц, Волшебного Языка ты не спасешь, а сам погибнешь. Ты же не думаешь всерьез, что Змееглав отпустит его, если ты ему сдашься?

— Нет, я все же не настолько глуп. Но что-то я должен сделать!

Принц засунул руку в пасть своему медведю. Он часто это делал, и всякий раз его смуглая рука, словно чудом, возвращалась невредимой из медвежьих зубов.

— Да-да, знаю, — вздохнул Сажерук. — Всё твои неписанные правила. Ты ведь даже не знаешь Волшебного Языка. Как можно пойти на смерть за кого-то, кого не знаешь?

— А ты за кого бы пошел на смерть? — откликнулся Принц.

Фарид видел, как Сажерук посмотрел на спящую Роксану и обернулся к нему. Юноша поскорее закрыл глаза.

— Ты бы согласился умереть за Роксану? — донесся до него голос Черного Принца.

— Может быть.

Фарид видел сквозь сомкнутые ресницы, как Сажерук проводит пальцем по ее темным бровям.

— А может быть, и нет. У тебя много шпионов во Дворце Ночи?

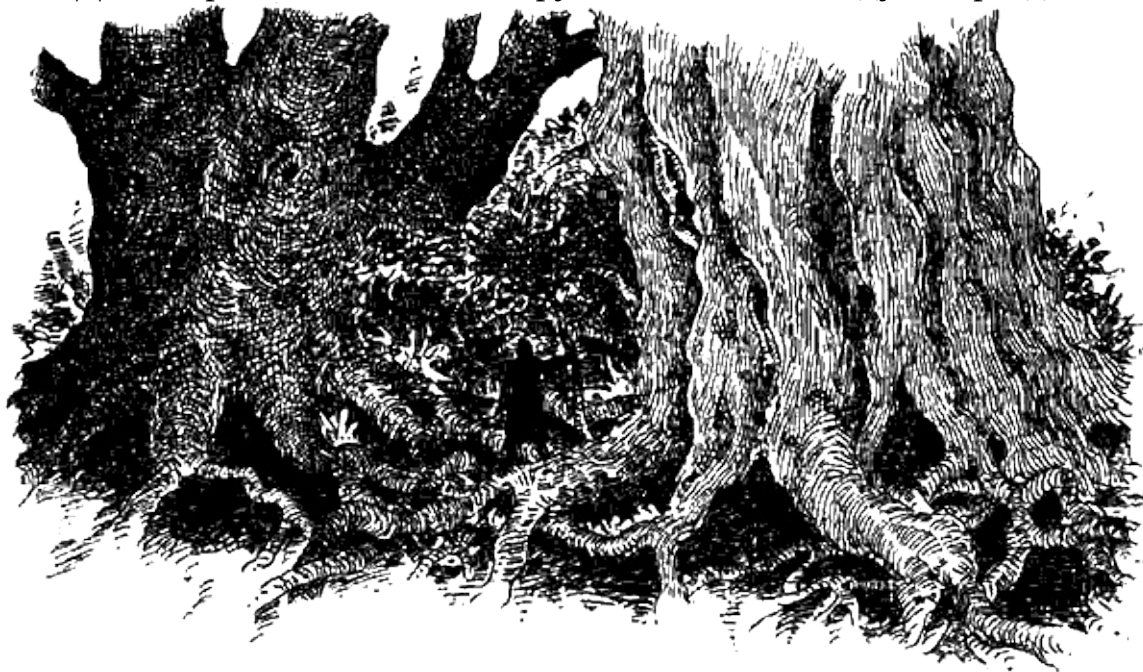
— Хватает. Судомойки, конюхи, пара стражников, хотя они обходятся очень дорого, а самое главное — сокольничий, который иногда посылает мне весточку с одной из своих умных птиц. Когда Змееглав назначит день казни, я узнаю об этом немедленно. Ты ведь знаешь, с тех пор, как ты ему основательно подпортил мою казнь, Змей не устраивает больше таких спектаклей просто на рыночной площади или во дворе замка. Он, впрочем, и раньше делал это неохотно. Казнь для него — дело серьезное. Бедного комедианта можно вздернуть и перед воротами, о чем тут говорить, но уж Перепела непременно казнят по ту сторону ворот.

— Да. Если только его дочь не откроет перед ним эти ворота, — возразил Сажерук. — Своим голосом и книгой, дарующей бессмертие.

До Фариды донесся смех Черного Принца:

— Это звучит, как новая песня Чернильного Шелкопряда!

— Да, — хрипло ответил Сажерук. — Очень в его духе, правда?

ВСЕ ПОГИБЛО

*Война! Опять война! Избави, Боже!
Каких ни трать речей,
Увы, война грядет, но все же
Нельзя быть мне повинным в ней!*

Маттиас Клаудиус. Песнь о войне

После нескольких дней отдыха нога Сажерука почти зажила. Фарид уже рассказывал обеим куницам, как они скоро проберутся во Дворец Ночи и спасут Мегги и ее родителей, но тут до Барсучьей норы добрались дурные вести. Их принес один из тех, кого Черный Принц поставил наблюдать за дорогой на Омбру. Лицо вестника было залито кровью, и он с трудом держался на ногах.

— Их убивают, — дрожа, повторял он. — Их всех перережут.

— Где? — спросил Принц. — В каком точно месте?

— Без малого в двух часах пути отсюда. Прямо на север.

Принц оставил в Барсучьей норе десять своих людей. Роксана пыталась уговорить Сажерука остаться с ними.

— Нога у тебя никогда не заживет, если ты ее не побережешь, — говорила она.

Но он не стал ее слушать, и Роксана присоединилась к торопливому, безмолвному броску через лес.

Шум битвы они услышали задолго до того, как могли что-нибудь увидеть. До ушей Фариды доносились крики, вопли раненых и пронзительное от страха конское ржание. Принц подал им знак идти медленнее. Несколько крадущихся шагов под прикрытием подлеска — и

перед ними открылся крутой спуск к дороге, заканчивающейся через много миль у городских ворот Омбры. Сажерук потянул Фарида и Роксану на землю, хотя никто не смотрел в их сторону. Сотни людей дрались между собой среди деревьев, но разбойников среди них не было. Разбойники не носят кольчуг, панцирей и шлемов, украшенных павлиньими перьями, у них обычно не бывает коней и никогда — гербов, вышитых на шелковых плащах.

Сажерук крепко прижал к себе разрыдавшуюся Роксану. Солнце опускалось за холмы, а солдаты Змееглава добивали воинов Козимо одного за другим. Битва, видимо, шла давно. Дорога была густо усеяна мертвыми телами. Лишь небольшая кучка всадников еще держалась среди всеобщей гибели. Среди них был и сам Козимо. Его прекрасное лицо было искажено яростью и страхом. Какое-то мгновение казалось, что малочисленные всадники сумеют пробиться сквозь окружение, но Огненный Лис двинулся прямо на них с толпой латников, сверкавших серебряной чешуей, как смертоносные жуки. Латники, как траву, скосили Козимо и его свиту в последних лучах заката, кроваво-красного в этот вечер, как будто пролитая кровь отражалась в небе. Огненный Лис собственноручно пронзил мечом Козимо, и Сажерук зарылся лицом в волосы Роксаны, словно устав смотреть на смерть. Зато Фарид не отвернул головы. С застывшим лицом смотрел он на резню и вспоминал Мегги — Мегги, которая, наверное, до сих пор думает, что чернила могут все исправить в этом мире. Сохранилась бы у нее эта вера, если бы ей пришлось увидеть то, что сейчас видел он? Лишь немногие из людей Козимо пережили своего принца. Не более десятка их убежало в лес. Их никто не стал преследовать. Солдаты Змееглава разразились победными криками и принялись грабить мертвых, как стая коршунов в человеческом обличье. Лишь до трупа Козимо им не удалось добраться. Огненный Лис отогнал от него своих солдат, приказав погрузить мертвого красавца на коня и увезти.

— Зачем они это делают? — шепотом спросил Фарид.

— Зачем? Чтобы его труп служил доказательством, что на этот раз он действительно мертв! — с горечью ответил Сажерук.

— Да, на этот раз он действительно мертв, — тихо сказал Черный Принц. — Наверное, раз вернувшись из царства мертвых, человек начинает считать себя бессмертным. Но он был так же смертен, как и его воины, и теперь Омбра состоит почти целиком из вдов и сирот.

Прошло много часов, пока солдаты Змееглава покинули поле битвы, нагруженные награбленным у мертвецов добром. Уже стемнело, когда под деревьями наконец стало тихо, так тихо, как бывает лишь перед лицом

смерти.

Роксана первой начала спускаться с обрыва. Она уже не плакала. Лицо ее окаменело, Фарид не мог бы сказать, от гнева или от боли. Разбойники последовали за ней не без колебания, потому что между мертвых уже появлялись там и сям Белые Женщины.

ПОВЕЛИТЕЛЬ ИСТОРИИ

*Гей, несчастные, поверьте:
Не спасет броня от смерти;
Пал герой, глаза смежив,
Лучший — мертв, а худший — жив.*

Генрих Гейне. Валькирии^[21]

Фенолио бродил среди мертвых, когда на него наткнулись разбойники. Настала ночь, но он не знал, которая по счету. Он не знал, сколько прошло дней с тех пор, как он выехал вместе с Козимо из ворот Омбры. Ему было известно лишь одно — что теперь все они мертвы: муж Минервы, их сосед и отец того мальчика, который так часто просил его рассказать сказку... Все мертвы. И он сам был бы мертв, если бы конь, испугавшись, не сбросил его. Тогда он уполз за деревья, забился в кусты, как зверь, и смотрел, как вокруг убивают.

С тех пор как ушли солдаты Змееглава, он бродил от одного трупа к другому и проклинал себя, проклинал свою книгу и мир, который создал. Почувствовав чью-то руку у себя на плече, он на мгновение вообразил, что Козимо снова восстал из мертвых. Но за его спиной стоял Черный Принц.

— Что ты здесь делаешь? — крикнул ему старик, ему и людям, стоявшим вокруг. — Ты что, тоже хочешь погибнуть? Уходите, прячьтесь и оставьте меня в покое!

Фенолио ударил себя по лбу. Проклятая голова, выдумавшая их всех и вместе с ними беду, в которой они бредут по горло, как в черной вонючей воде! Он опустился на колени рядом с трупом, смотревшим в небо открытыми глазами. Фенолио бессильно проклинал себя, Змееглава,

Козимо и его торопливость и внезапно замолчал, увидев рядом с Черным Принцем Сажерука.

— Ты?! — пробормотал он и, покачиваясь, поднялся на ноги. — Ты жив?! Ты не умер, хотя я написал твою смерть!

Он вцепился в локоть Сажерука.

— Какое разочарование, правда? — отозвался Сажерук, резко вырываясь. — Может быть, тебя утешит, что я, наверное, давно был бы таким же трупом, если бы не Фарид? Ведь он в твоей истории не был предусмотрен.

Фарид. Ах да, тот мальчик, которого Мортимер вычитал из книги про пустыню. Он стоял рядом с Сажеруком и смотрел на Фенолио, словно хотел испепелить его взглядом. И правда, мальчишка совсем не отсюда. Кто бы ни послал его Сажеруку как ангела-хранителя, это был не он, Фенолио! Но в том-то и ужас! В его историю вмешивался кто попало. Разве это может хорошо кончиться?

— Я не могу найти Козимо! — пробормотал он. — Я ищу его уже много часов. Никто из вас его не видел?

— Огненный Лис велел увезти его, — ответил Принц. — Они, наверное, хотят выставить труп для всеобщего обозрения, чтобы потом никто не мог утверждать, что Козимо жив.

Фенолио так долго в упор смотрел на Принца, что медведь зарычал. Тогда старик затряс головой.

— Как это могло случиться? Значит, Мегги не прочла того, что я написал? Что, Роксана ее не нашла?

Фенолио в отчаянии глядел на Сажерука. Как хорошо он помнит день, когда написал его смерть. Отличная сцена, одна из лучших, вышедших из-под его пера.

— Нет, Роксана отдала Мегги письмо. Спроси ее, если мне не веришь. Хотя ей сейчас, похоже, не до разговоров.

Сажерук указал на женщину, бродившую среди трупов. Роксана. Красавица Роксана. Она наклонялась над мертвыми, смотрела в застывшие лица, а потом опустилась на колени перед одним из лежавших, к которому приближалась Белая Женщина. Она скорее прикрыла ему уши руками, склонилась к его лицу и подозвала двух разбойников, шедших за ней с факелами в руках. Да, ей действительно было не до разговоров.

Сажерук не сводил глаз со старика. «Что ты смотришь на меня с таким упреком? — хотелось крикнуть Фенолио. — Ведь и твою жену тоже создал я!» Но он проглотил слова, просившиеся на язык.

— Хорошо. Значит, Роксана передала Мегги письмо, — сказал он

вместо этого. — А Мегги прочла его вслух?

Сажерук смерил его полным отвращения взглядом:

— Она пыталась, но в ту же ночь Змееглав послал за ней своих людей.

— О боже! — Фенолио оглянулся. Со всех сторон на него смотрели мертвые лица воинов Козимо. — Так вот в чем дело! — воскликнул он. — Я думал, все случилось только из-за того, что Козимо поторопился с выездом, но нет! Мои слова, чудесные слова... конечно, Мегги не успела их прочесть, иначе все было бы хорошо!

— Ничего не было бы хорошо! — Сажерук говорил так резко, что Фенолио невольно отпрянул. — Ни один из тех, кто здесь лежит, не погиб бы, не воскресил ты Козимо!

Черный Принц и его люди изумленно уставились на Сажерука. Они, конечно, не понимали, о чем говорит Фенолио. Зато Сажерук, судя по всему, понимал его отлично. Кто рассказал ему о Козимо — Мегги или мальчишка?

— Что вы на него так уставились? — гневно бросил Фарид разбойникам, становясь рядом с Сажеруком. — Все так и есть, как он говорит. Фенолио воскресил Козимо из мертвых. Я видел это своими глазами!

Как они отпрянули, глупцы! Только Черный Принц задумчиво посмотрел на Фариду.

— Что за чушь! — проговорил наконец Фенолио. — В этом мире никто не воскресает из мертвых. Я создал нового, совсем нового Козимо, и все было бы хорошо, если бы Мегги не помешали дочитать! Мой Козимо был бы замечательным правителем, он бы...

Фенолио не успел договорить. Черный Принц заткнул ему смуглой рукой рот.

— Хватит! — сказал он. — Кончай эту болтовню, когда вокруг лежат мертвецы. Твой Козимо мертв, откуда бы он ни взялся, и тот человек, которого из-за твоих песен принимают за Перепела, скоро, может быть, последует за ним. Ты, похоже, любишь играть со смертью, Чернильный Шелкопряд.

Фенолио хотел возразить, но Черный Принц уже повернулся к своим людям.

— Пойдите еще поищите живых! — приказал он. — Быстрее! Нам пора уходить с дороги.

Выживших они нашли около двадцати человек. Двадцать человек среди сотен трупов. Когда разбойники с ранеными тронулись в путь, Фенолио молча побрел за ними, не спрашивая, куда они идут.

— Старик идет за нами! — сказал Сажерук Принцу.

— А куда ж ему деваться? — только и ответил Принц, и Сажерук замолчал.

Но всю дорогу он держался подальше от Фенолио. Словно это была сама смерть.

ЧИСТЫЕ ЛИСТЫ

*Мы делаем вещи, которые не умирают,
Из тряпок — книги, живущие вечно.
Мы посылаем их печатать к здешним
печатникам,
И они дают жизнь мертвой бумаге.*

Михаэль Конгель. Поэма о белом искусстве

Когда в дверях камеры появилась Мортола, Мегги рассказывала Мо о празднике в замке Жирного Герцога, о Черном Принце и о том, как ловко Фарид жонглировал факелами. Снаружи загремели засовы, и вошла Мортола. По бокам ее стояли Баста и Свистун. Лицо Басты, на которое падал солнечный луч, казалось красным, как вареный омар.

— Надо же, какая идиллия! Дочь и отец снова вместе! — насмешливо сказала Мортола. — Поистине трогательно!

— Поскорее! — тихо предупредил ее через дверь стражник. — Если Змееглав узнает, что я пустил вас к ней, я три дня буду стоять у позорного столба!

— Ничего, постоишь, ты получил за это хорошие деньги, — откликнулась Мортола.

Баста со злобной улыбкой подошел к Мо.

— Ну что, Волшебный Язык? — промурлыкал он. — Не говорил я тебе разве, что вы еще нам попадетесь?

— По тебе похоже, что это ты попался недавно Сажеруку, — сказал Мо и быстро заслонил собой Мегги, когда Баста вместо ответа раскрыл свой нож.

— Баста, прекрати! — рывкнула Мортала. — У нас нет сейчас времени на твои игры.

Мегги вышла из-за спины Мо навстречу Мортале. Она хотела показать старухе, что нисколько ее не боится (хотя это была, конечно, отважная ложь).

— Интересные листки ты прятала у себя под платьем, — тихо сказала Мортала. — Змееглава особенно заинтересовала та часть, где речь идет о трех особых словах. Ах, как мы побледили! Да, голубка, Змееглав знает о твоих планах. И о том, что Мортала умнее, чем он думал. Но, к сожалению, он все равно хочет иметь книгу, которую ты ему обещала. Этот дурак и вправду поверил, будто вы можете запереть его смерть в книжный переплет. — Поморщившись от княжеской глупости, Сорока придвинулась к Мегги. — Да, он легковверный дурак, как все князья! — прошептала она. — Мы-то с тобой это знаем, верно? Ведь на твоих листках говорилось еще, что Козимо Прекрасный завоюет эту крепость и убьет Змееглава — с помощью книги, которую переплетет твой отец. Но теперь это уже не получится. Козимо мертв, на этот раз окончательно. Ага, испугалась, маленькая ведьма? — Костлявые пальцы больно ущипнули Мегги за щеку.

Мо хотел оттолкнуть руку Морталы, но Баста выставил свой нож.

— Твой язычок потерял свою волшебную силу, детка, — сказала Сорока. — Слова остались словами. Книга, которую твой отец переплетет для Змееглава, останется лишь книгой с пустыми страницами. И когда наш серебряный князь это наконец поймет, ничто уже не спасет вас обоих от виселицы. И Мортала будет наконец отомщена.

— Оставь ее в покое, Мортала! — Мо взял Мегги за руку, не обращая внимания на нож Басты.

Мегги крепко держалась за руку отца, а в голове у нее вихрем проносились мысли: «Козимо погиб? Во второй раз? Что это значит? Ничего, — подумала она. — Это ничего не значит, Мегги. Потому что слова, которые должны были сохранить его от смерти, ты прочитать не успела!»

Мортала, похоже, заметила облегчение на ее лице, сорочьи глаза стали такими же узкими, как поджатые губы.

— Ах вот как, это тебя не пугает? Ты, может быть, думаешь, что я тебе лгу? Или ты сама веришь в книгу бессмертия? Знаешь что? — Сорока ткнула Мегги худым пальцем в плечо. — Это ведь книга, а ты, наверное, помнишь, и твой отец должен помнить, как поступал с книгами мой сын! Каприкорн никогда бы не сделал такой глупости — доверить свою жизнь книге, даже если бы ты пообещала ему за это бессмертие! И потом... три

слова, которые туда якобы нельзя вписывать... я ведь теперь тоже их знаю...

— Что ты хочешь этим сказать, Мортولا? — тихо спросил Мо. — Уж не мечтаешь ли ты посадить на трон Змееглава Басту? Или усесться на нем сама?

Сорока бросила быстрый взгляд на стражника у дверей, но он стоял к ним спиной, и она с застывшим лицом снова повернулась к Мо.

— Что бы я ни задумала, Волшебный Язык, — прошипела она, — ты до этого все равно не доживешь. Для тебя эта история закончилась. Почему он не в кандалах? — рявкнула она на Свистуна. — Он у нас вроде бы узник или как? Свяжи ему хоть руки на время пути.

Мегги хотела запротестовать, но Мо бросил на нее предостерегающий взгляд.

— Поверь, Волшебный Язык, — шепотом сказала Мортولا, пока Свистун связывал ему руки за спиной. — Даже если Змееглав тебя отпустит, когда ты переплетишь книгу, далеко ты не уйдешь. Слово Мортолы надежнее слов поэта. Отведите их в старую спальню, — приказала она, подходя к двери. — И охраняйте хорошенько, пока они будут работать над книгой.

Старая спальня находилась в самой отдаленной части Дворца Ночи, далеко от парадных покоев Змееглава. Путь к ней вел по пыльным, заброшенным коридорам. Здесь не видно было серебра на дверях и колоннах, а в оконные проемы не были вставлены стекла.

Комната, дверь которой Свистун отворил перед Мо с насмешливым поклоном, похоже, давно пустовала. Розовый полог кровати был изъеден молью. На подоконниках стояли в кувшинах давно засохшие цветы. Толстый слой грязно-белой пыли покрывал эти букеты и стоявшие под окнами сундуки. Посреди комнаты был раскинут стол, длинная деревянная доска на козлах. За ним стоял человек, бледный, как бумага, с седыми волосами и пятнами чернил на пальцах. Мегги он едва удостоил взглядом, зато Мо рассматривал так долго, словно его просили составить отзыв об этом человеке.

— Это он и есть? — удивленно спросил незнакомец Свистуна. — По его виду не скажешь, что он хоть раз в жизни держал в руках книгу. Неужели этот узник может иметь хоть отдаленное представление о переплетном деле?

Мегги заметила, что Мо украдкой улыбнулся. Он молча подошел к столу и стал рассматривать разложенные на нем инструменты.

— Меня зовут Таддео. Я здешний библиотекарь, — раздраженно продолжал незнакомец. — Думаю, что ты не умеешь обращаться ни с одним из лежащих здесь предметов, но могу тебя заверить, что одна только бумага на этом столе стоит дороже, чем твоя жалкая разбойничья душонка. Тончайшая работа лучшей бумагопрядильни на тысячу верст в округе! Бумаги здесь хватит и на две с лишком книги по пятьсот листов. Хотя, конечно, настоящий переплетчик предпочел бы пергамент даже и такой бумаге.

Мо протянул Свистуну связанные руки.

— Об этом можно спорить, — сказал он, пока Среброносый с угрюмым видом перерезал его путы. — Ты должен радоваться, что я потребовал бумагу. Пергамент для такой книги стоил бы целое состояние, не говоря уж о том, что сотням козочек пришлось бы расстаться с жизнью. Что до твоей бумаги, она не так хороша, как ты утверждаешь. Зерно довольно грубое. Но если ничего лучше нет, можно обойтись и этой. Надеюсь, она хотя бы хорошо проклеена? Что до всего остального, — пальцы Мо привычным жестом скользнули по разложенным инструментам, — оно, похоже, действительно вполне пригодно для работы.

Ножи и фальцовочные косточки, пенька, нитки и иглы для сшивания тетрадей, камедь и горшок, в котором ее разогревают, буковое дерево для крышек переплета, кожа для обтяжки... Мо подержал каждый предмет в руках, как делал и у себя в мастерской, прежде чем приняться за работу. Потом оглянувшись, ища чего-то.

— А где же тиски и уставка? И на чем я должен разогревать клей?

— Ты... все получишь еще до вечера, — растерянно ответил Таддео.

— Застежки хорошие, но мне все равно нужен напильник, а также кожа и пергамент для переплета.

— Конечно. Все, чего пожелаешь. — Библиотекарь угодливо кивал, а на его бледном лице появилась изумленная улыбка.

— Хорошо. — Мо оперся на стол обеими руками. — Извини, но я еще нетвердо держусь на ногах. Будем надеяться, что кожа попадется более гладкая, чем бумага, а что до камеди, — он взял тигель в руки и понюхал содержимое, — что ж, там будет видно, достаточно ли она хороша. Принеси мне еще клейстер. Камедь я возьму только для переплета. Уж больно ее любят книжные черви.

Мегги наслаждалась изумленными лицами присутствовавших. Даже Свистун ошарашенно смотрел на Мо. Только Баста оставался спокоен. Он-то знал, что привел к библиотекарю переплетчика, а не разбойника.

— Моему отцу нужен стул. — Мегги требовательно взглянула на

библиотекаря. — Разве вы не видите, что он ранен? Что же ему, работать стоя?

— Стоя? Нет... нет, конечно! Ни в коем случае. Я сейчас же прикажу принести стул со спинкой, — растерянно пробормотал библиотекарь, по-прежнему не сводя глаз с Мо. — Вы... м-м... Для разбойника вы удивительно много знаете о переплетном мастерстве.

Мо улыбнулся ему.

— Да, вы не находите? — сказал он. — Может быть, разбойник раньше был переплетчиком? Говорят, среди этих беззаконников встречаются самые различные профессии: крестьяне, сапожники, цирюльники, комедианты...

— Не важно, кем он был раньше, — вмешался Свистун. — Важно, что он убийца, так что не поддавайся на его сладкие речи, ты, книжный червь. Он убивает людей, не моргнув глазом. Спроси Басту, если мне не веришь.

— Да, это правда! — Баста потер обожженное лицо. — Он опаснее, чем целое змеиное гнездо. И дочка его не лучше. Надеюсь, эти ножи не наведут тебя на глупые мысли, — повернулся он к Мо. — Стражники будут постоянно пересчитывать их и за каждый пропавший отрезать твоей дочери по пальцу. И то же самое они сделают за любую глупость, которую ты предпримешь. Понял?

Мо ничего ему не ответил, но посмотрел на ножи, словно собираясь пересчитать их на всякий случай.

— Да принесите же наконец стул! — нетерпеливо сказала Мегги библиотекарю, видя, что Мо снова оперся о стол.

— Да-да, сию же минуту! — Таддео с готовностью бросился к двери.

Свистун злобно хмыкнул:

— Вы только послушайте эту маленькую ведьму! Командует тут, словно княжеская дочка! Впрочем, ничего удивительного, ведь она выдает себя за дочь человека, способного запереть смерть между досками переплета! Ты как, Баста? Веришь в то, что она рассказывает?

Баста схватился за висевший у него на шее амулет. Это была уже не кроличья лапка, какую он носил на службе у Каприкорна, а кость, подозрительно напоминавшая человеческий палец.

— Кто знает? — пробормотал он.

— Да, кто знает? — повторил Мо, не оборачиваясь к ним. — Во всяком случае, я умею призывать смерть, правда, Баста? И Мегги это тоже умеет.

Свистун быстро взглянул на Басту.

У того обожженная кожа пошла белыми пятнами.

— Я знаю только одно, — буркнул он, не отнимая руки от амулета, —

что тебе, Волшебный Язык, давно бы уже пора лежать в могиле. И что Змееглаву лучше бы слушать Мортолу, чем твою ведьму-дочку. Он ест у нее из рук, наш серебряный князь. Поддался на рассказы какой-то девчонки.

Свистун напрягся, готовый к броску, как змея на гербе его хозяина.

— Поддался? — спросил он своим странным сдавленным голосом. Он был на голову выше Басты. — Змееглав никому не поддается. Это великий князь, величайший из живущих. Огненный Лис иногда забывает об этом, как и Мортала. Не советую тебе делать ту же ошибку, Баста. А теперь уходи! Змееглав приказал, чтобы никто из бывших людей Каприкорна не оставался охранять эту комнату. Может быть, это означает, что он вам не совсем доверяет?

Голос Басты перешел в шипение.

— А сам ты разве не из бывших людей Каприкорна, а, Свистун? — произнес он сквозь зубы. — Без него ты был бы ничем.

— Вот как? А этот нос ты видел? — Свистун провел пальцем по своему серебряному носу. — У меня раньше была тут такая же обыкновенная блямба, как у тебя. Лишиться ее было больно, но Змееглав велел изготовить мне кое-что получше, и с тех пор я пою не для пьяных поджигателей, а только для него одного — настоящего князя, чей род древнее башен этого города. Если ты не хочешь служить ему, возвращайся в крепость Каприкорна. Может быть, его дух еще бродит там по пепелищу, только ты ведь боишься духов, а, Баста?

Они стояли так близко друг к другу, что и лезвие ножа Басты не протиснулось бы между ними.

— Да, я их боюсь, — прошипел он. — Но я хоть не стою по ночам на коленях, скуля от страха, что меня заберут Белые Женщины, как твой новый благородный хозяин.

Свистун ударил его по щеке с такой силой, что Баста ударился головой о притолоку. Красная струйка потекла по его пылающей щеке. Он утер ее тыльной стороной ладони.

— Берегись темных коридоров, Свистун! — прошептал он. — Носа у тебя уже нет, но что-нибудь отрезать найдется.

Когда библиотекарь вернулся со стулом, Басты уже не было. Свистун тоже отправился восвояси, предварительно поставив у дверей двух стражников.

— Никого не впускать и никого не выпускать, кроме библиотекаря! — донесся до Мегги его грубый голос. — И постоянно проверять, чем занят Перепел.

Таддео смущенно улыбнулся Мо, словно извиняясь за солдат у двери.

— Простите, — сказал он тихо, пододвигая ему стул, — но у меня есть несколько книг, на которых появились странные повреждения. Не могли бы вы взглянуть на них?

Мегги подавила улыбку, однако Мо держался так, будто ему задали самый естественный вопрос на свете.

— Конечно, — ответил он.

Таддео кивнул и взглянул на дверь, перед которой с угрюмым видом ходил взад-вперед один из часовых.

— Мртола не должна ничего об этом знать, так что я вернусь с ними, когда стемнеет, — шепнул он Мо. — К счастью, она рано ложится спать. В этом дворце хранятся великолепные книги, но, к сожалению, нет никого, кто мог бы их оценить. Раньше было иначе, но о том, что было раньше, пора забыть. Я слышал, что и в замке Жирного Герцога дела обстоят в последнее время не лучше, но там хоть есть Бальбулус. Мы все очень огорчились, когда Змеглав отдал дочери в приданое лучшего нашего миниатюриста. С тех пор мне позволено держать только двух переписчиков и одного более чем посредственного художника. Списки мне разрешено заказывать только с тех рукописей, в которых говорится о предках Змеглава, о добыче и обработке серебра или о военном искусстве. Прошлой зимой, когда не хватало топлива, Огненный Лис даже топил малый зал не худшими экземплярами моего собрания. — На печальные глаза Таддео навернулись слезы.

— Приносите книги, когда пожелаете, — сказал Мо.

Старый библиотекарь утер глаза полой темно-синего халата.

— Да! — пробормотал он. — Непременно! Спасибо вам!

И он ушел, а Мо со вздохом опустился на принесенный стул.

— Ну что ж, — сказал он, — приступим к работе. Книга, защищающая от смерти, — какая мысль! Жаль только, что она предназначена для этого мясника. Тебе придется мне помогать, Мегги, фальцевать, брошюровать и зажимать тисками...

Она молча кивнула. Конечно, она будет помогать. Это всегда было одним из ее любимых занятий.

Какое знакомое чувство — смотреть на Мо за работой: как он складывает бумагу, фальцует, разрезает и сшивает в тетради. Он работал медленнее, чем обычно, и то и дело прикладывал руку к груди, к тому месту, куда его ранила Мртола. И все же Мегги чувствовала, что ему приятно выполнять привычные движения, хотя некоторые инструменты, конечно, отличались от тех, которыми он привык работать. Но приемы

были все те же, неизменные на протяжении веков как в этом, так и в другом мире...

Спустя всего несколько часов старая спальня стала им странно родной, как будто это было убежище, а не новая тюрьма. Когда за окном начало смеркаться, пришли библиотекарь со слугой и принесли масляные лампы. В их теплом свете пыльная комната стала вдруг казаться обжитой и почти уютной.

— Давно в этой комнате не зажигали ламп! — сказал Таддео, ставя две из них на стол Мо.

— А кто последним жил в этой комнате?

— Наша первая госпожа, — ответил Таддео. — Ее дочь вышла потом замуж за сына Жирного Герцога. Интересно, знает Виоланта, что Козимо снова погиб?

Он печальным взглядом уставился за окно. Оттуда задувал влажный ветер, и Мо прижал бумагу куском дерева.

— Виоланта появилась на свет с родимым пятном, уродовавшим ее лицо, — продолжал библиотекарь таким отсутствующим тоном, словно рассказывал эту историю не им, а какому-то далекому слушателю. — Все говорили, что это наказание, проклятие фей за то, что ее мать влюбилась в комедианта. Змееглав сослал ее сразу после родов в эту часть дворца, и она жила здесь, пока не умерла... внезапно.

— Печальная история, — сказал Мо.

— Поверьте, если бы записать в книги все печальные истории, которые видели эти стены, — с горечью произнес Таддео, — ими можно было бы заполнить доверху каждую комнату этого дворца.

Мегги оглянулась, словно представив себе все эти печальные книги.

— Сколько лет было Виоланте, когда ее обручили с Козимо и отправили в Омбру? — спросила она.

— Семь. Дочерям нынешней нашей госпожи было всего шесть, когда их просватали и отослали к женихам. Мы все надеемся, что на этот раз у нее родится сын!

Таддео скользнул взглядом по бумаге, нарезанной Мо, по инструментам...

— Приятно снова видеть жизнь в этой комнате! — тихо сказал он. — Я вернусь с книгами, как только удостоверюсь, что Мртола спит.

— Шесть лет, семь лет... Подумать только, Мегги, — улыбнулся Мо, — тебе уже исполнилось тринадцать, а я все еще не отослал тебя прочь, не говоря уж о том, чтобы просватать.

Как хорошо было посмеяться вместе! Хотя смех отдавался в этой

высокой комнате непривычным эхом.

Таддео вернулся лишь спустя несколько часов. Мо еще продолжал работать, хотя все чаще хватался за грудь, и Мегги уже не раз уговаривала его лечь наконец спать.

— Спать? — отозвался он. — Я еще ни одной ночи не спал как следует в этом замке. И потом, я хочу снова увидеть твою мать, а это мне не удастся, пока работа не будет сделана.

Библиотекарь принес ему две книги.

— Вот, взгляните! — прошептал он, кладя перед ним первую. — Эти обгрызенные места на переплете! И такое впечатление, будто чернила ржавеют. В пергаменте появляются дыры. Многих слов уже не разобрать. Что это может быть? Черви? Жуки? Я этим прежде никогда не интересовался. У меня был помощник, который разбирался во всех этих книжных болезнях, но в один прекрасный день он исчез — говорят, ушел в лес, к разбойникам.

Мо взял книгу в руки, открыл и погладил страницы.

— Боже! — сказал он. — Кто ее иллюстрировал? Я никогда не видел таких прекрасных миниатюр.

— Бальбулус, — ответил Таддео. — Миниатюрист, которого отослали в Омбру с Виолантой. Он был совсем молод, когда украшал эту книгу. Видите, вот здесь почерк у него еще не совсем уверенный. Но с тех пор он достиг безупречного мастерства.

— Откуда вы знаете? — спросила Мегги.

Библиотекарь понизил голос:

— Виоланта иногда посылает мне книги. Она знает, что я восхищаюсь искусством Бальбулуса и что, кроме меня, во Дворце Ночи нет никого, кто любил бы книги. Никого с тех пор, как умерла ее мать. Видите эти сундуки? — Таддео показал на покрытые пылью тяжелые деревянные ящики у двери и окон. — Мать Виоланты держала в них свои книги. Она прятала их между платьями и доставала только по вечерам, чтобы показать своей маленькой дочке, которая, наверное, еще ни слова не понимала из того, что читала ей мать. Но потом, вскоре после исчезновения Каприкорна, во Дворец Ночи явилась Мортولا, потому что Змееглав попросил ее обучить кухарок — чему, об этом все молчали. И тогда мать Виоланты попросила меня спрятать ее книги у себя, потому что ее комнату ежедневно обыскивали по приказу Мортолы, — зачем, она так никогда и не узнала. Это, — он показал на книгу, которую листал Мо, — была одна из ее любимых книг. Малышка указывала на картинку, а мать рассказывала о ней

историю. Я хотел дать ее Виоланте с собой, когда она уезжала, но она оставила ее в этой комнате. Может быть, ей не хотелось брать с собой в новую жизнь никаких воспоминаний об этом печальном месте. И все же мне хотелось бы ее сохранить как память о матери Виоланты. Знаете, я верю, что на страницах книги всегда остается что-то от ее владельца.

— Да! — сказал Мо. — Конечно, я тоже в это верю. Я даже уверен, что так оно и есть.

— И что же? — Старик с надеждой посмотрел на него. — Знаете вы способ уберечь ее от дальнейших повреждений?

Мо бережно закрыл книгу.

— Да, но это нелегко. Жуки-древоточцы, ржавчина, бог знает что еще... Вторая в таком же состоянии?

— Нет, вторая... — Библиотекарь снова тревожно оглянулся на дверь. — Со второй дело обстоит пока не так плохо. Но я подумал, что вам, может быть, интересно будет взглянуть на нее. Бальбулус изготовил эту рукопись совсем недавно, по поручению Виоланты. В ней, — он робко взглянул на Мо, — собраны все песни, которые поют комедианты о Перепеле. Насколько мне известно, она существует только в двух экземплярах: один принадлежит Виоланте, а другой лежит перед вами — это копия, которую она заказала специально для меня. Говорят, что создатель этих песен не хотел, чтобы их записывали, однако за пару монет их можно услышать от любого комедианта. И Виоланта записала их таким образом, а потом заказала Бальбулусу иллюминированный список. Комедианты... это ходячие книги в нашем небогатом рукописями мире! Знаете, — шепнул он Мо, раскрывая книгу, — иногда мне кажется, что этот мир давно бы впал в беспамятство, если бы не комедианты. К сожалению, Змееглав вешает их без числа! Я давно предлагал посылать к ним перед казнью писца, чтобы он сохранял на бумаге прекрасные песни, которые иначе умрут вместе с ними, но кто же в этом дворце слушает старого библиотекаря!

— Да, конечно, — пробормотал Мо, но Мегги поняла по его голосу, что он не слышал ни слова из того, что говорил Таддео.

Мо полностью ушел в буквы, чудесные буквы, струившиеся перед ним по пергаменту, как чернильный ручей.

— Простите мое любопытство. — Таддео смущенно откашлялся. — Я слышал, что вы не признаете себя Перепелом, но, с вашего позволения... — Он взял книгу из рук Мо и открыл ее на странице, которую Бальбулус украсил сразу несколькими миниатюрами. На одной из них между деревьями, написанными так искусно, что Мегги словно

слышала шелест листьев, стоял человек в птичьей маске. — Вот как изобразил Бальбулус Перепела, — прошептал Таддео, — и так его описывают песни: высокий, черноволосый... Правда, похож на вас?

— Не знаю, — ответил Мо. — Он ведь в маске.

— Да, конечно. — Таддео по-прежнему пристально смотрел на него. — Но знаете, о Перепеле рассказывают еще вот что: у него очень красивый голос, в отличие от птицы, чье имя он носит. Говорят, звук его слов умиряет волков и медведей. Простите мою дерзость, но у вас, — он заговорил тише, заговорщически взглядывая на Мо, — очень красивый голос. Мртола рассказывает о нем удивительные вещи. А если у вас еще и шрам есть... — Библиотекарь покосился на руку Мо.

— А, вы об этом? — Мо указал пальцем на строку, рядом с которой Бальбулус нарисовал свору белых собак: «На руке повыше локтя несводимый шрам...» Да, у меня есть такой шрам, вот только собаки были не те, о которых поется в песне.

Он провел пальцами по локтю, словно вспоминая тот день, когда Баста нашел их в заброшенной хижине, полной черепков и щепок.

Но старый библиотекарь отпрянул от него.

— Значит, это все-таки вы, — чуть слышно выдохнул он. — Надежда бедных, страх палачей, мститель и разбойник, которому Чаща — родной дом, как волкам и медведям!

Мо захлопнул книгу и застегнул металлические застёжки на кожаном переплете.

— Нет, — сказал он. — Это не я. Но все равно спасибо вам за книгу. Мне давно уже не приходилось держать в руках книгу, и это такое счастье — снова иметь что-нибудь почитать. Правда, Мегги?

— Да, — коротко ответила она, беря ее у него из рук.

Песни о Перепеле. Что бы сказал Фенолио, если бы узнал, что Виоланта тайком записала их? И какую помощь может оказать им здесь эта книга! Сердце у Мегги радостно подпрыгнуло при мысли об открывающихся возможностях, но Таддео мгновенно уничтожил ее надежды.

— Мне очень жаль, — он мягко, но решительно вытянул книгу у нее из рук, — но я не могу оставить вам здесь ни одну из книг. Ко мне заходила Мртола — она побывала у всех, кто связан с библиотекой. И каждому из нас она пригрозила, что прикажет ослепить любого, кто принесет в вашу комнату хоть одну книгу. Ослепить, представляете? Какова угроза — ведь только глаза открывают нам доступ в мир букв. Я и так пошел на непомерный риск, принеся их сюда, но эти книги мне очень дороги, и я

непременно хотел спросить у вас совета. Прошу вас, скажите мне, как их спасти!

Мегги была так раздосадована, что непременно ответила бы на его просьбу отказом. Однако Мо это, конечно, и в голову не пришло. Он думал только о больных книгах.

— Разумеется, — сказал он Таддео, — я напишу для вас все, что необходимо сделать. Это дело не быстрое, может занять недели и месяцы. И потом, я не знаю, сумеете ли вы достать здесь все необходимые вещества, но попытаться стоит. Мне неприятно давать такой совет, но боюсь, что одну из книг вам придется разобрать на листы, чтобы отбелить страницы на солнце. Если вы не знаете, как с этим справиться, я с удовольствием сделаю это для вас.

Мортола может присутствовать, если пожелает убедиться, что ничего опасного я не делаю.

— О, благодарю вас! — Старик низко поклонился, крепко зажимая под мышкой обе книги. — Покорнейше благодарю. И очень надеюсь, что Змеглав оставит вас в живых, а если нет, то, по крайней мере, казнит скорой смертью.

Мегги хотела дать на эти слова достойный ответ, но Таддео уже убежал на своих худых, как у кузнечика, ногах.

— Мо! Не делай для него ничего! — сказала она, когда стража заперла за библиотекарем дверь. — Зачем? Он мерзкий трус!

— Тут я его хорошо понимаю. Мне бы тоже не хотелось лишиться глаз, хотя в нашем мире есть такая полезная вещь, как азбука для слепых.

— И все равно я бы не стала для него ничего делать! — Мегги любила отца за доброе сердце, но не могла понять его сочувствия к Таддео. Она передразнила голос библиотекаря: — «Я надеюсь, что он казнит вас скорой смертью!» — ну как можно говорить такие вещи!

Но Мо ее не слушал.

— Видела ты когда-нибудь такие чудесные книги, Мегги? — спросил он, вытягиваясь на кровати.

— Ну конечно! — с вызовом ответила она. — Любая книга, которую мне разрешают читать, намного лучше. Или ты не согласен?

Но Мо не ответил. Он повернулся к ней спиной и дышал глубоко и спокойно. Видимо, сон наконец снизошел к нему.

ДОБРОТА И МИЛОСЕРДИЕ

*Гляди — мы выставлены напоказ.
Нас было пятеро. Мы жить хотели.
И нас повесили. Мы почернели.
Мы жили, как и ты. Нас больше нет.*

*Франсуа Вийон. Эпитафия, написанная
Вийоном для него и его товарищей в
ожидании виселицы [\[22\]](#)*

«Когда же мы вернемся в крепость?» — спрашивал Фарид Сажерука по нескольку раз на дню и неизменно получал один и тот же ответ: «Еще не сейчас». «Но ведь мы давно уже здесь». Прошло уже почти две недели с той страшной резни в лесу, и Фарид не мог больше выносить сидения в Барсучьей норе.

— А как же Мегги? Ты обещал, что мы вернемся!

— Если ты от меня не отвяжешься, я забуду, что я обещал, — сухо сказал Сажерук и пошел к Роксане.

День и ночь она ухаживала за ранеными, которых они подобрали среди трупов, в надежде, что хоть эти люди вернуться в Омбру, но и из них ей не всех удалось спасти. «Он останется с ней, — думал Фарид каждый раз, как Сажерук присаживался рядом с женой. — Тогда придется мне возвращаться во Дворец Ночи одному». От этой мысли становилось больно, как от ожога.

На пятнадцатый день, когда Фариду уже казалось, что он на всю жизнь провонял мышиным пометом и поганками, сразу два шпиона принесли Черному Принцу известие: у Змееглава родился сын. И в честь этого

события, объявил на рыночной площади его глашатай, правитель, в доказательство своей доброты и милосердия, ровно через две недели отпустит всех узников, сидящих в застенках Дворца Ночи. Включая и Перепела.

— Ерунда! — буркнул Сажерук, когда Фарид принес ему эту новость. — У Змееглава жареный бекас вместо сердца. Из милосердия он никогда никого не отпустит, родись у него хоть сто сыновей. Если он действительно собирается кого-то отпустить, то только потому, что Фенолио так написал, и ни по какой другой причине.

Фенолио был, похоже, того же мнения. Со дня битвы он все больше угрюмо сидел в каком-нибудь темном углу Барсучьей норы и упорно молчал, но тут стал с вызовом объяснять каждому, кто проходил мимо, что добрыми вестями они обязаны исключительно ему.

Никто его не слушал, никто не понимал, о чем он говорит, кроме Сажерука, который по-прежнему сторонился Фенолио, как прокаженного.

— Ты только послушай старика, как он хвастается и доволен собой! — сказал Сажерук Фариду. — Козимо и его люди едва успели остыть, а он уже их забыл. Разрази его гром!

Черный Принц, конечно, верил в милосердие Змееглава не больше, чем Сажерук, несмотря на заверения Фенолио, что все будет точно так, как донесли шпионы. Разбойники сидели до глубокой ночи, совещаясь, что им делать. Фариду они не позволили при этом присутствовать, зато Сажерука пригласили.

— Что они задумали? Ну, говори же! — спросил Фарид, когда Сажерук наконец вышел из пещеры, где много часов шел совет.

— Через неделю они выступают.

— Выступают? К Дворцу Ночи?

— Да. — Сажерука это, кажется, вовсе не так радовало, как Фариду. — Господи, ты распрыгался, как огонь под ветерком, — сказал он ему с раздражением. — Посмотрим, как ты будешь радоваться, когда мы окажемся там. Нам придется ползать под землей, точно червям, и куда глубже, чем здесь...

— Еще глубже?

Конечно. Фарид представил себе крепость Змееглава. Спрятаться там негде: ни дерева, ни куста.

— У подножия северного склона есть заброшенная шахта. — Сажерука передернуло, как будто одна мысль об этом месте вызывала у него тошноту. — Какой-то предок Змееглава, видимо, приказал копать слишком глубоко, и опоры обрушились. Это было так давно, что даже сам

Змееглав не помнит о существовании древней шахты. Не то чтобы это было приятное место, зато какое-никакое укрытие, притом единственное на Змеиной горе. Вход туда обнаружил медведь.

Шахта. Фарид сглотнул. От одной мысли об этом ему начинало не хватать воздуха.

— А потом? — спросил он. — Когда мы туда проберемся, что мы будем делать?

— Ждать. Ждать, выполнит ли Змееглав свое обещание.

— Ждать? И все?

— Все остальное ты узнаешь в свое время.

— Значит, мы идем с ними?

— А у тебя что, другие планы?

Фарид обнял Сажерука так крепко, как давно уже не делал. Хотя знал, что Сажерук не большой любитель объятий.

— Нет! — сказала Роксана, когда Черный Принц предложил перед выступлением в поход отправить ее в Омбру с одним из своих людей. — Я пойду с вами. Если тебе есть кого послать в Омбру, пусть этот человек зайдет к моим детям и скажет им, что я скоро вернусь.

Скоро! Фарид спросил себя, когда же это будет, но вслух ничего не сказал. Хотя дата выступления была теперь назначена, дни все равно тянулись мучительно долго, и почти каждую ночь ему снилась Мегги. Это были дурные сны, полные тьмы и страха. Когда настал наконец назначенный день, полдюжины разбойников остались в Барсучьей норе ухаживать за ранеными. Остальные отправились к Дворцу Ночи: тридцать оборванных, но хорошо вооруженных мужчин. И Роксана. И Фенолио.

— Вы берете старика с собой? — изумленно спросил Сажерук Принца, заметив Фенолио среди его людей. — С ума вы сошли, что ли? Отошлите его в Омбру или куда угодно, лучше всего сразу к Белым Женщинам, но только чтобы он не тащился за нами!

Но Принц и слышать об этом не хотел.

— Чем тебе так не угодил Чернильный Шелкопряд? — спросил он. — Только не рассказывай мне, что он воскрешает мертвых! Это безобидный старик. Даже мой медведь его любит. Он написал для нас несколько отличных песен и умеет рассказывать чудесные истории, даже если сейчас у него, похоже, пропала к этому охота. И кроме того, он не хочет возвращаться в Омбру.

— Неудивительно, учитывая, сколько там сейчас по его вине вдов и сирот, — горько ответил Сажерук и смерил старика таким ледяным

взглядом, что Фенолио, взглянувший было в его сторону, поскорее отвернулся.

Они шли молча. Над головами у них перешептывались деревья, словно предостерегая от дальнейшего движения на юг, и пару раз Сажеруку пришлось звать на помощь огонь, чтобы прогнать существа, которых никто из них не видел, но все чувствовали. Когда над вершинами деревьев показались наконец серебряные башни, Фарид чувствовал себя смертельно усталым. Руки и лицо у него были сплошь исцарапаны шипами.

— Словно корона на лысой голове, — прошептал один из разбойников, глядя на крепость, и на мгновение Фарид телом почувствовал, какой страх испытывают эти оборванцы при виде мощных укреплений.

Похоже, все они испытали облегчение, когда Принц повел их к северному склону и вершины башен исчезли из виду. На этой стороне земля лежала складками, как измятая одежда, а редкие деревья стояли пригнувшись, как будто им слишком часто случалось слышать стук топора. Фарид никогда не видел таких деревьев. Их листва казалась черной, как ночь, а кора была колючей, как шкура ежа. С ветвей свисали красные ягоды.

— Ягоды Мортолы! — шепнул ему Сажерук, когда юноша на ходу сорвал с дерева кисть. — Она, говорят, посадила их везде у подножия холма, так что земля здесь нашпигована ими. Эти деревья растут быстро, как грибы, и вытесняют всю другую растительность. Их называют кусачие деревья. У них все ядовито — и ягоды, и листья, а кора обжигает кожу хуже, чем огонь.

Фарид бросил ягоды на землю и вытер руку о штаны.

Спустя немного времени, когда совсем стемнело, они чуть не наткнулись на патруль, совершавший обход по приказу Змееглава. Но медведь предупредил их. Всадники мчались среди деревьев, похожие на серебряных жуков, и Фарид почти не смел дышать, укрывшись вместе с Роксаной и Сажеруком в небольшой расселине. Наконец стук подков смолк вдали, и они тихо побрели дальше, как мыши, прячущиеся от кошки, пока не добрались до цели.

Дрок и валуны скрывали вход. Черный Принц первым протиснулся в недра земли. Фарид помедлил мгновение, увидев, как круто обрывается спуск во тьму.

— Ну, идем! — нетерпеливо прошептал ему Сажерук. — Скоро взойдет солнце, и я не думаю, что солдаты Змееглава примут тебя за белочку.

— Там пахнет, как в могиле! — сказал Фарид, с тоской глядя на небо.

— У мальчишки хороший нюх! — откликнулся Хват. — Да, там, внизу, полно мертвецов. Гора сожрала их за то, что они слишком глубоко копали. Их не видно, но запах чувствуется. Наверное, засыпанная штольня забита ими, как дохлой рыбой.

Фарид с ужасом взглянул на него, но Сажерук подтолкнул юношу в спину.

— Сколько можно тебе повторять: бояться надо не мертвых, а живых. Давай-ка лучше зажги на пальцах огонек-другой и посвети нам.

Разбойники освоили уцелевшие части подземных галерей. Они подперли дополнительными опорами крыши и стены, но Фарид не доверял торчащим из земли и камня балкам. Как они могут вынести вес целой горы? Ему казалось, что перекрытия вздыхают и стонут, и, кое-как устраиваясь на ночь на грязных одеялах, постеленных разбойниками, он вдруг вспомнил о Коптемазе. Однако Принц на его тревожный вопрос только рассмеялся:

— Нет, Коптемаз этого места не знает. Он вообще не знает наших укрытий. Он нас часто уговаривал взять его с собой, но кто же станет доверять человеку, который так плохо владеет своим ремеслом? О тайном лагере ему известно было лишь потому, что о нем знали все комедианты.

И все же Фарид не чувствовал себя в безопасности. До назначенного Змееглавом дня еще почти целая неделя! Сколько же она будет тянуться! Ему уже хотелось вернуться в пропахшую мышами Барсучью нору. Всю ночь напролет он смотрел на валуны, загораживавшие галерею, где они спали, и как будто слышал, как скребутся по камням бледные пальцы.

— Ну так заткни уши! — посоветовал Сажерук, когда он растолкал его из-за этого, и снова обнял Роксану.

Сажеруку снова снились дурные сны, как бывало в другом мире, но теперь его успокаивала и убаюкивала Роксана. Ее тихий, полный нежности голос напоминал Фариду голос Мегги, и юноша тосковал по ней так, что сам стыдился этого. В кромешном мраке, среди мертвецов трудно было поверить, что и Мегги по нему скучает. Что, если и она его забыла, как нередко забывал его теперь Сажерук, с тех пор как появилась Роксана?.. Только рядом с Мегги Фарид не мучала ревность к жене Сажерука, но Мегги здесь не было.

На вторую ночь в шахту пришел мальчик, служивший на конюшне при Дворце Ночи и шпионивший для Черного Принца с тех пор, как Свистун отправил на виселицу его брата. Он рассказал, что Змееглав хочет отпустить узников по дороге, ведущей к гавани, с условием, что они сядут там на корабль и никогда не вернутся в его владения.

— Дорога к гавани, вот как! — только и сказал Принц после ухода шпиона и в ту же ночь отправился с Сажеруком в путь.

Фарид даже не спрашивал, возьмут ли они его с собой. Он просто пошел следом.

Дорога была всего лишь пешей тропой между деревьями. Она отвесно спускалась со Змеиной горы, словно торопясь скорее оказаться под прикрытием листвы.

— Змееглав однажды точно так же помиловал горстку узников и отпустил по этой дороге, — сказал Принц, когда они остановились передохнуть. — Узники и вправду без приключений дошли до моря, как было обещано, но корабль, ждавший их в гавани, оказался невольничьим судном, и Змееглав, говорят, получил за дюжину невольников серебряную конскую сбрую необыкновенно тонкой работы.

Невольников? Фарид вспомнил рынки, где торговали людьми, осматривая и ощупывая их, точно скот. Светловолосые девушки раскупались особенно хорошо.

— Да не гляди ты так, будто Мегги уже продали в рабство! — сказал Сажерук. — Принц что-нибудь придумает. Правда?

Черный Принц попытался улыбнуться, но во взгляде, которым он окинул дорогу, ясно читалась озабоченность.

— Нельзя допустить, чтобы они попали на этот корабль, — сказал он. — Будем надеяться, что Змееглав пошлет с ними не слишком много солдат. Нам нужно будет их быстро спрятать, пока все не успокоится, скорее всего, в этой самой шахте. Очень вероятно, — добавил он как бы между делом, — что нам понадобится огонь.

Сажерук подул себе на пальцы, и по ним заплясало пламя, нежное, как крылья бабочки.

— А что я тут делаю, как ты думаешь? — спросил он. — Огонь будет. Но меч я в руки не возьму, если ты на это рассчитывал. Ты ведь знаешь, с этими штуками я никогда не умел обращаться.

ПОСЕЩЕНИЕ

«Если мне не удастся ускользнуть из этого дома, — подумал он, — я конченный человек!»

Роберт Л. Стивенсон. Черная стрела^[23]

Внезапно проснувшись, Мегги в первую минуту не могла понять, где она. «Элинора? — подумала она. — Фенолио?» Но потом увидела Мо, склонившегося над большим столом, за работой над книгой. Над ТОЙ книгой. Пятьсот пустых страниц. Они во Дворце Ночи, и завтра Мо должен закончить переплет... Молния озарила черный от сажи потолок, и сразу вслед за ней раздался устрашающий громовой раскат, но Мегги разбудила не гроза. Она услышала голоса. Стражники. Кто-то стоит за дверью. Мо тоже их слышал.

— Мегги, ему нельзя так подолгу работать. А то лихорадка вернется! — сказал ей Хитромысл утром, перед тем как его отвели обратно в камеру.

Но что она могла поделать? Как только она начинала зевать слишком часто, Мо отсылал ее спать.

(«Ты зевнула в двадцать третий раз, Мегги. Немедленно в кровать, или ты помрешь у меня на глазах раньше, чем я закончу эту чертову книгу».) А сам после этого долго еще не ложился. Он резал, фальцевал и сшивал, пока не забрезжит рассвет. И в эту ночь тоже.

Когда стражник распахнул дверь, Мегги на какое-то страшное мгновение подумала, что к ним явилась Мортила, чтобы все же убить Мо, пока Змееглав не отпустил его. Однако это была не Сорока. В дверях, тяжело дыша, стоял сам Змееглав, а за ним двое бледных от усталости слуг с серебряными подсвечниками в руках. Воск капал на половицы. Владыка

крепости тяжелой походкой приблизился к столу, за которым работал Мо, и неподвижно уставился на почти готовую книгу.

— Что вам здесь нужно? — В руке у Мо был нож для резки бумаги.

Змееглав покосился на него. Глаза его были налиты кровью еще сильнее, чем в ту ночь, когда Мегги заключила с ним сделку.

— Сколько еще ждать? — сурово проговорил он. — Мой сын плачет, он плачет всю ночь напролет. Он чувствует Белых Женщин, как и я. Теперь они хотят забрать и его, его, а заодно и меня. В грозные ночи они особенно голодны.

Мо отложил нож.

— Я закончу работу завтра, как договаривались. Она была бы готова и раньше, но кожа для обтяжки оказалась в дырах и царапинах, да и бумага не лучшего качества.

— Да-да, знаю, библиотекарь передал мне твои жалобы. — Голос Змееглава звучал так, словно он перед этим накричался до хрипоты. — Если бы дать Таддео волю, ты просидел бы в этой комнате до конца своих дней, переплетая заново все книги в моей библиотеке. Но я сдержу свое слово! Я отпущу вас — тебя, твою дочь, твою жену и весь этот комедиантский сброд... Можете все убираться, мне нужна только книга! Мртола рассказала мне о трех словах, о которых так коварно умолчала твоя дочь, но это мне все равно, уж я позабочусь, чтобы никто туда ничего не вписал! Я хочу наконец посмеяться в лицо старухе с косой и ее белым прислужницам! Еще одна ночь — и я разобью себе голову об стену, я убью свою жену и своего сына, я убью вас всех. Понял, Перепел, или как там тебя зовут? Ты должен закончить работу завтра до наступления темноты!

Мо провел рукой по деревянным крышкам переплета, которые только что обтянул кожей.

— Я закончу с восходом солнца. Но вы поклянитесь жизнью вашего сына, что немедленно отпустите нас после этого.

Змееглав оглянулся, словно Белые Женщины уже стояли у него за спиной.

— Да, да, я клянусь, чем только пожелаешь! С восходом солнца — это мне нравится! — Он шагнул к Мо и уставился на его грудь. — Покажи мне! — прошептал он. — Покажи, куда ранила тебя Мртола! Тем ведьмовским оружием, которое мой оружейник так тщательно разобрал на части, что теперь никто не может собрать его обратно! Я велел повесить этого олуха.

Мо, поколебавшись, расстегнул рубашку.

— У самого сердца! — Змееглав прижал ладонь к груди Мо, словно

хотел убедиться, что сердце в ней и вправду бьется. — Да! — сказал он. — Да, ты, видно, действительно знаешь средство, прогоняющее смерть, иначе тебя уже не было бы в живых.

Он резко повернулся и подал слугам знак уходить.

— Значит, сразу после восхода солнца я пришлю за тобой — за тобой и за книгой, — сказал он через плечо. — Приготовьте мне поесть в большом зале! — доносился до Мегги его рев, пока стражники запирали дверь. — Разбудите поваров, служанок и Свистуна. Всех поднять! Я хочу пировать и слушать мрачные песни. Свистун пусть поет погромче, чтобы я не слышал крика младенца.

Потом шаги Змееглава удалились, и в комнате слышались лишь раскаты грома. Страницы почти готовой книги вспыхнули в свете молнии, словно живые. Мо подошел к окну. Он стоял неподвижно, глядя в темноту.

— С восходом солнца? А ты успеешь? — с тревогой спросила Мегги.

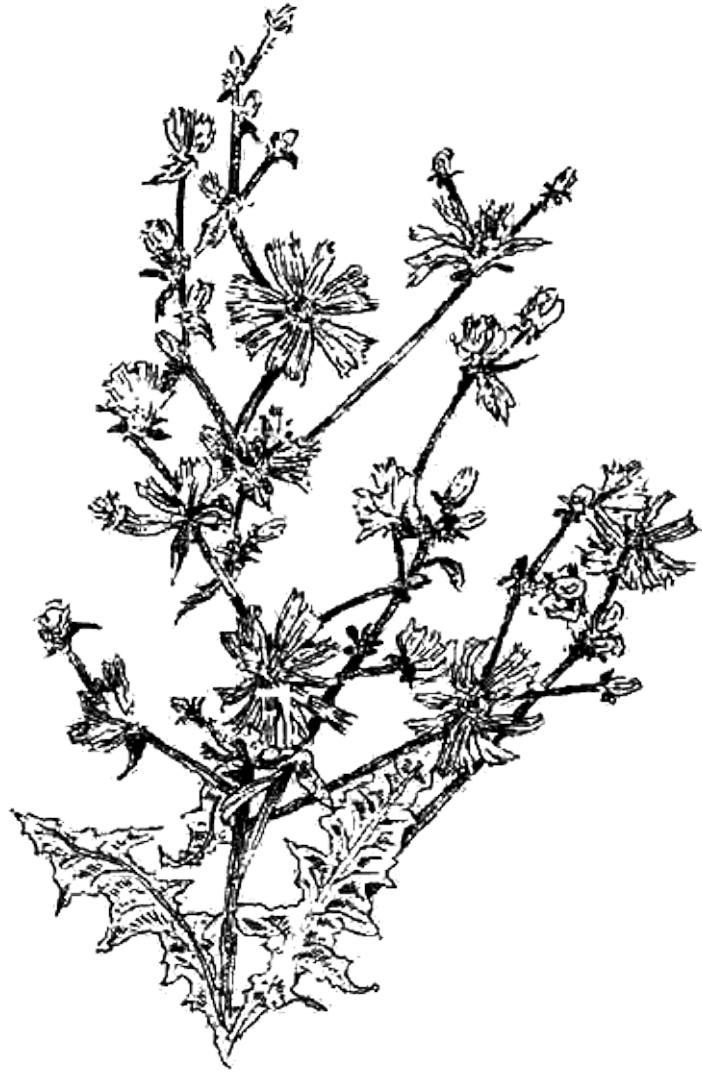
— Конечно, — ответил он, не оборачиваясь.

Над морем вспыхивали молнии, как будто вдали кто-то включает и выключает свет, — только в этом мире такого света не было. Мегги подошла к Мо, и он обнял ее за плечи. Он знал, что дочь боится грозы. Когда она была маленькой и заползала к нему на кровать, он всякий раз рассказывал ей одну и ту же историю: что небо испокон века тоскует по земле и в грозовые ночи вытягивает огненные пальцы, чтобы прикоснуться к ней.

Но сегодня Мо не стал рассказывать эту историю.

— Ты видел страх на лице Змееглава? — шепнула ему Мегги. — В точности, как написано у Фенолио.

— Да, даже Змееглаву приходится играть роль, которую придумал для него Фенолио, — откликнулся Мо. — Но и нам тоже, Мегги. Как тебе нравится эта мысль?

НОЧЬ НАКАНУНЕ

*Речь о сновиденьях.
Они плоды бездельницы-мечты
И спящего досужего сознания.
Их вещество — как воздух...*

Уильям Шекспир. Ромео и Джульетта [\[24\]](#)

Настала последняя ночь перед днем, назначенным для милосердия Змееглава. Через несколько часов, еще до рассвета, все они лягут вдоль дороги. Когда именно пойдут по ней узники, не мог сказать ни один из шпионов — известен был лишь день. Разбойники собрались в кружок и громко вспоминали старые приключения. Наверное, это помогало им отогнать страх, но Сажеруку не хотелось ни слушать, ни самому говорить. Он без конца просыпался, но не от долетавших до его ложа громких голосов. Его будили кошмары, дурные сны, терзавшие его уже не первую ночь.

На этот раз сны были особенно страшными, так похожими на реальность, что он подскочил, как будто Гвин прыгнул ему на грудь. С бешено колотящимся сердцем он сидел неподвижно и смотрел во тьму. Сны — они еще в другом мире лишали его ночного покоя, но так худо, как в этот раз, не было, кажется, еще никогда.

— Это все мертвецы. Они навевают дурные сны, — твердил Фарид. — Они нашептывают тебе всякие ужасы, а потом ложатся к тебе на грудь и слушают, как колотится твое сердце. Им кажется тогда, что они снова живы!

Сажеруку понравилось это объяснение. Он боялся смерти, но не

мертвецов. Но что, если дело совсем не в этом, если сны показывают ему историю, которая поджидает его где-то? Реальность — вещь хрупкая, благодаря голосу Волшебного Языка он усвоил это раз и навсегда.

Рядом с ним беспокойно спала Роксана. Она повернула голову, шепча имена своих детей — живых и умершей дочери. Вестей из Омбры не было. Даже Черный Принц ничего не слышал о том, что происходило в городе и в замке с той поры, как Змееглав велел отослать своей дочери труп Козимо и передать, что из ушедшего с ним войска тоже вряд ли кто вернется домой.

Роксана снова шептала во сне имя Брианны. Сажерук знал, что каждый день, проведенный здесь, с ним, разрывает ей сердце. Так почему же просто не вернуться вместе с ней? Почему не уйти от этого проклятого холма туда, где не нужно прятаться под землей, как зверь?.. «Или как покойник», — добавил он мысленно.

«Ты знаешь почему! — сказал он себе. — Это всего лишь сны. Проклятые сны». Он зашептал огненные слова. Прочь, темнота, в которой сны распускаются страшными цветами. Язычок пламени сонно поднялся из земли рядом с ним. Он протянул руку и поманил его выше, к локтю, к плечу, ко лбу, в надежде, что ожог прогонит кошмары. Но даже боль не могла их отогнать. На горячей коже осталась копоть, словно черное дыхание пламени, но сон не ушел, он по-прежнему отдавался в его сердце ужасом, слишком черным и сильным даже для огня.

Как он мог уйти отсюда, когда его снова и снова терзали по ночам кошмары — мертвецы, кровь, гибель? Лица менялись. То ему виделось лицо Резы, то Мегги, то Хитромысла. Даже Черного Принца с окровавленной грудью видел он в этих снах. А сегодня... сегодня ему приснился Фарид. Как и прошлой ночью. Сажерук закрыл глаза и снова увидел перед собой ту же картину, так ясно, так отчетливо... Конечно, он пытался уговорить юношу остаться с Роксаной в шахте. Бесполезно.

Сажерук прислонился спиной к сырому камню, в котором давно исчезнувшие руки соорудили узкую штольню, и посмотрел на спящего Фариду. Юноша свернулся клубочком, как маленький ребенок, колени подтянуты к груди, рядом — обе куницы. Они часто укладывались под бок к Фариду, вернувшись с охоты, может быть, потому, что знали, что Роксана их не любит.

Как мирно он лежит, совсем не так, как только что виделось Сажеруку во сне. По смуглому лицу юноши скользила улыбка. Может быть, ему снилась Мегги, дочь Резы, похожая на мать, как похожи два язычка пламени, и в то же время совсем другая. «Ты ведь тоже думаешь, что с ней ничего не случилось?» — Он задавал этот вопрос по много раз на дню.

Сажерук еще помнил, каково это — быть влюбленным в первый раз. Он был тогда не старше Фарида. Каким беззащитным вдруг стало тогда его сердце — замирающее, трепещущее, счастливое и в то же время страшно несчастное.

Холодный сквозняк пронесся по штольне, и Сажерук увидел, как юноша вздрогнул во сне. Поднявшись, он сбросил с плеч плащ и укрыл им Фарида. Гвин поднял голову.

— Что ты на меня так смотришь? — прошептал Сажерук кунице. — В твое сердце он ведь тоже пробрался. И как только это могло с нами случиться, а, Гвин?

Куница облизнула лапу и продолжала смотреть на него своими темными глазами. Если Гвину что и снится, то уж наверняка только охота, а не мертвые мальчики.

Что, если эти сны насылает старик? Сажерук вздрогнул от этой мысли, снова устраиваясь на жестком полу рядом с Роксаной. Да, может быть, Фенолио, молчаливо забившийся в угол, как всегда в последние дни, сидит там и сочиняет для него дурные сны. Разве не так получилось со страхом Змееглава? «Ерунда! — подумал Сажерук, обнимая Роксану. — Мегги здесь нет, а без нее слова старика — лишь мертвые чернила. А теперь засыпай, наконец, не то задремлешь завтра, лежа в засаде под деревом».

Но сон не приходил. Сажерук лежал и прислушивался к дыханию Фарида.

ПЕРО И МЕЧ

— Разумеется, нет, — удивилась Гермиона. — В свитке есть все, что нам надо.

Дж. К. Ролинг. Гарри Поттер и философский камень [\[25\]](#)

Мо работал всю ночь, а снаружи без устали бушевала гроза, словно мир, созданный Фенолио, не желал допустить в себя бессмертие. Мегги очень старалась не уснуть, но в конце концов все же задремала, уронив голову на стол, и Мо отнес ее в кровать, как делал бесчисленное количество раз. И снова удивился, как она выросла. Уже почти взрослая. Почти.

Мегги проснулась, когда он защелкнул застёжки.

— Доброе утро! — сказал Мо, когда она подняла голову с подушки, и понадеялся, что утро и вправду будет добрым.

Снаружи небо покрывалось розовой краской, как лицо, к которому снова приливает кровь. Застёжки закрывались отлично. Мо долго шлифовал их, чтобы не осталось никаких неровностей или выступов. Они зажимали пустые страницы так, словно смерть уже поймана между ними. Кожа, выданная ему на переплет, отливала красноватым цветом, обтягивая деревянные крышки без единой морщинки и складки. Корешок мягко закруглен, листы сшиты крепко, края ровно обрезаны. Но все это не имеет в данном случае никакого значения. Никто не будет читать эту книгу. Никто не положит ее возле своей постели, снова и снова перелистывая страницы. При всей красоте переплета было в этой книге что-то пугающее, и даже Мо воспринимал ее так, хоть это было создание его собственных рук. Казалось, у книги есть голос, который еле слышно нашептывает слова, не записанные на ее пустых страницах. И все же эти слова были. Их написал Фенолио в

том далеком городе, где сейчас рыдали женщины и дети о погибших мужьях и отцах. Да, застежки — важная вещь.

За дверью раздались тяжелые шаги. Солдатские шаги. Они приближались. Тьма за окном постепенно бледнела. Змееглав поймал его на слове. *Как только взойдет солнце...*

Мегги поспешно вскочила с кровати, пригладила волосы и оправила смятое платье.

— Готово? — шепотом спросила она.

Мо кивнул, приподнимая со стола книгу:

— Как ты думаешь, Змееглаву понравится?

Свистун распахнул дверь. С ним было четверо солдат. Серебряный нос сидел на его лице немного криво.

— Ну что, Перепел? Готово?

Мо оглядел книгу со всех сторон.

— По-моему, да! — сказал он, но, когда Свистун протянул за ней руку, спрятал книгу за спину: — Нет! Я ее не отдам, пока твой хозяин не выполнит свою часть уговора.

— Вот как? — Свистун презрительно рассмеялся. — Ты думаешь, я не сумею отобрать у тебя книгу? Впрочем, можешь пока поддержать ее при себе. У тебя еще успеют подкоситься колени от страха.

Путь из той части дворца, где обитали призраки давно забытых женщин, к покоям, где жил и властвовал Змееглав, был долог. Всю дорогу Свистун шел позади Мо своей странной высокомерной походкой, не сгибая ног, словно аист, и так близко, что Мо чувствовал у себя на затылке его дыхание. Никогда прежде Мо не бывал в коридорах, по которым их вели, и все же они казались ему знакомыми, как будто он не раз уже бродил здесь в те времена, когда без конца перечитывал книгу Фенолио в надежде вернуть Резу. Странное это было чувство — наяву идти вдоль этих коридоров по другую сторону букв и снова надеяться на встречу с женой.

О зале, наконец распахнувшем перед ними огромные двери, Мо тоже читал и, поймав испуганный взгляд Мегги, сразу понял, какое страшное место ей вспомнилось. Красная церковь Каприкорна была и вполтину не так роскошна, как тронный зал Змееглава, и все же, припомнив описание Фенолио, Мо сразу догадался, чему подражал поджигатель. Стены, окрашенные в красный цвет, и колонны с обеих сторон. Только здесь, в отличие от церкви Каприкорна, колонны были облицованы серебряной чешуей. Даже статую Каприкорн подсмотрел у Змееглава, правда, скульптор, увековечивший Серебряного владыку, был куда искусней в своем ремесле.

Трону Змееглава Каприкорн и не пытался подражать. Это был клубок серебряных змей, две из которых с разинутыми пастьми вытягивались вперед, чтобы служить подлокотниками правителю.

Несмотря на ранний час, хозяин Дворца Ночи был одет в парадные одежды, словно желая оказать достойный прием своему бессмертию. На нем была мантия из серебристых перьев цапли, накинутая на черные шелковые одежды. Позади Змееглава, подобно стае пестрых птиц, сгруппировались придворные: управители, камеристки, лакеи и среди них, в пепельно-серых одеждах своего цеха, цирюльники.

Конечно, Мортола тоже была тут. Она стояла за толпой придворных, почти незаметная в своем черном платье. Мо не увидел бы ее, если бы нарочно не высматривал. Басты нигде не было видно, зато Огненный Лис застыл у самого трона, скрестив руки под накидкой из лисьего меха. Он встретил входящих злобным взглядом, относившимся, к удивлению Мо, не к нему, а к Свистуну.

«Все это игра, пьеса, придуманная Фенолио, — твердил себе Мо, проходя вдоль серебряных колонн. — Если бы только она не казалась такой настоящей! Какая стоит тишина, несмотря на множество народу». Мегги взглянула на отца. Лицо у нее было совсем бледное под светлыми волосами. Мо улыбнулся дочери самой ободряющей улыбкой, на какую был способен, и радовался, что она не слышит, как колотится у него сердце.

Рядом со Змееглавом сидела его жена. Мегги хорошо ее описала: кукла из матово-белого фарфора. За ней стояла кормилица с долгожданным наследником. Плач младенца как-то странно терялся в этом огромном зале.

«Игра, — снова подумал Мо, останавливаясь перед ступенями трона, — просто игра. Если бы еще знать правила!» А вот и еще знакомое лицо: за змеиным тронном стоял, смиренно потупив голову, Таддео, библиотекарь, и озабоченно улыбался ему.

Змееглав выглядел еще более измученным, чем при последней их встрече. Лицо у него было все в тенях и пятнах, губы бледные, и лишь рубин в уголке носа отливал красным. Кто знает, сколько ночей он провел без сна.

— Что ж, ты, стало быть, и вправду закончил, — сказал он. — Ну конечно, тебе не терпелось увидеть жену. Мне докладывали, что она каждый день спрашивает о тебе. Это, надо полагать, любовь?

Игра, всего лишь игра... Но ощущалось все происходящее совсем иначе. Ничто не могло быть реальнее ненависти, которую испытывал Мо, глядя в высокомерное грубое лицо. И снова он почувствовал в груди биение своего нового холодного сердца.

Змееглав подал знак Свистуну, и Среброносый требовательно подступил к Мо. Тяжело было отдавать книгу в эти обтянутые перчатками руки. Ведь в ней заключалось единственное их спасение. Свистун почувствовал его нежелание, насмешливо усмехнулся и передал книгу своему хозяину. А сам, бросив быстрый взгляд на Огненного Лиса, встал прямо у трона с такой чванливой миной, словно был самой важной персоной в этом зале.

— Отличная работа! В самом деле! — Змееглав провел рукой по кожаному переплету. — Разбойник он или нет, но в переплетном деле явно кое-что смыслит. Как ты находишь, Огненный Лис?

— Среди разбойников много разных мастеров, — пробубнил Огненный Лис. — Почему бы не отыскаться среди них и вонючему переплетчику?

— Очень верно замечено. Вы слышали? — Змееглав обернулся к своей пестро одетой свите. — Похоже, мой герольд по-прежнему убежден, что я позволил девчонке обмануть себя. Да, он, кажется, считает меня легкомысленным глупцом, в отличие от прежнего своего хозяина, Каприкорна.

Огненный Лис хотел было возразить, но Змееглав движением руки велел ему молчать.

— Ладно уж! — сказал он так громко, что слышали все. — Представь себе, несмотря на всю мою глупость, я нашел способ проверить, кто из нас прав.

Кивком головы он подозвал к себе Таддео. Библиотекарь поспешно приблизился к нему и достал из складок широкой одежды перо и чернила.

— Все очень просто, Огненный Лис! — Слышно было, что Змееглав наслаждается звуком собственного голоса. — Не я, а ты первым запишешь свое имя в эту книгу! Таддео заверил меня, будто с помощью особого скребка, изобретенного Бальбулусом, буквы можно удалить совершенно бесследно, на страницах не останется даже и тени твоего имени. Итак, ты вписываешь свое имя — я знаю, ты умеешь писать, — а потом мы даем Перепелу в руки меч, и пусть он вонзит его в тебя. Великолепная идея, правда? Тем самым будет окончательно проверено, делает ли эта книга бессмертным того, чье имя в ней стоит.

Игра. Мо видел, как на лице Огненного Лиса, словно сыпь, проступает страх.

— Ну, подходи же! — насмешливо сказал Змееглав, задумчиво проводя указательным пальцем по застежкам книги. — Что это ты вдруг побледнел? По-моему, эта игра как раз в твоём вкусе. Иди сюда и впиши свое имя. Но

не то, которое ты сам себе выбрал, а то, которое дали тебе при рождении.

Огненный Лис огляделся, словно надеясь увидеть лицо, обещающее поддержку, но никто не заступился за него, даже Мртола. Она стояла, сжав губы так крепко, что они побелели, и если бы взглядом можно было убить, как ядом, книга не успела бы спасти Змееглава. Но Змееглав лишь улыбнулся Мртоле и вложил перо в руку своего герольда. Огненный Лис взглянул на заостренный конец, словно не зная, как с ним обращаться. Потом медленно обмакнул его в чернила и стал писать.

«И что теперь, Мортимер? — подумал Мо, когда стоявший рядом солдат вложил ему в руку меч. — Что будем делать? Что?» Он почувствовал на себе полный ужаса взгляд Мегги. Ее страх окатывал его волнами холода.

— Отлично! — Свистун забрал у Огненного Лиса книгу, едва тот дописал последнюю букву.

А Змееглав подозвал одного из слуг, стоявших у серебряных колонн с подносами, полными фруктов и сладкого печенья. Он сунул в рот кусок пирога, и мед потек по жирным пальцам.

— Чего ты ждешь, Огненный Лис? — спросил он с набитым ртом. — Попытай счастья. Давай!

Огненный Лис стоял неподвижно и смотрел на Свистуна, обхватившего книгу, как ребенка, своими длинными руками. Среброносый ответил на его взгляд злобной улыбкой. Огненный Лис резко отвернулся от него и стал спускаться по ступеням трона к ожидавшему внизу Мо.

Мо скинул со своего локтя руку Мегги и оттолкнул дочь в сторону, хотя она сопротивлялась. Латники, стоявшие вокруг, расступились, словно уходя со сцены, — кроме одного, который по знаку Змееглава преградил дорогу Огненному Лису, вытащил меч у него из ножен и протянул Мо серебряную рукоятку.

Все это тоже игра, придуманная Фенолио?

Ему было все равно. Еще входя в этот зал, Мо готов был отдать полжизни за меч, но этого меча он не хотел. Как и роли, которую уготовил ему кто бы то ни было, — все равно, Фенолио или Змееглав.

— Ну, бери же, Перепел!

Солдат, протягивавший ему меч, начинал сердиться, и Мо невольно вспомнил ту ночь, когда он выхватил у Басты меч и прогнал из своего дома и его самого, и Каприкорна. Он отчетливо помнил тяжесть оружия в руке, отблески света на сияющем лезвии...

— Нет, спасибо, — сказал он, отступая на шаг. — Меч — не мой инструмент. Я ведь доказал это, переплетя книгу, не так ли?

Змееглав обтер мед с пальцев и смерил его взглядом с головы до ног.

— Послушай, Перепел! — воскликнул он с легким удивлением в голосе. — Ты ведь слышал! От тебя не требуется особенного искусства. Ты просто должен проткнуть Огненному Лису грудь. Это совсем не трудно!

Огненный Лис уставился на Мо. Глаза у него помутнели от ненависти. «Ты только посмотри на него, болван! — сказал себе Мо. — Он бы воткнул тебе меч в грудь не задумываясь, так почему же ты не хочешь этого сделать?» Мегги понимала почему. Мо видел это по ее глазам. Перепел, может быть, и принял бы меч, но ее отец не Перепел.

— Даже не думай, Змей! — сказал Мо. — Если у тебя есть счета с этим кровавым псом, своди их сам! Мы так не договаривались.

Змееглав таращился на него с таким любопытством, словно в его дворец забрело экзотическое животное, и вдруг рассмеялся.

— Мне нравится твой ответ! — воскликнул он. — Правда нравится! И знаешь почему? Он окончательно доказывает, что я все же поймал того, кого надо. Ты — Перепел, это несомненно, он, говорят, очень хитер. И тем не менее я выполню наш уговор.

С этим словами Змееглав дал знак латнику, все еще протягивавшему Мо меч. Солдат повернулся и без колебаний проткнул им герольда своего господина. Все произошло так стремительно, что Огненный Лис даже не успел отпрянуть.

Мегги вскрикнула. Мо притянул ее к себе, и она спрятала лицо у него на груди. А Огненный Лис стоял неподвижно, глядя на меч, торчащий у него из тела, как будто новая его часть.

Змееглав с довольной улыбкой обвел глазами присутствующих, наслаждаясь немым ужасом, написанным на всех лицах. А Огненный Лис с искаженным лицом схватился за меч и медленно вытащил его из своей груди, даже не пошатнувшись.

В большом зале наступила такая тишина, словно все разом затаили дыхание.

А Змееглав захлопал в ладоши.

— Смотрите! — воскликнул он. — Будет ли кто-нибудь из вас утверждать, что человек мог остаться жив после такого удара? А он всего лишь немного побледнел. Правда, Огненный Лис?

Герольд ничего не ответил. Он молча смотрел на окровавленный меч у себя в руках.

А Змееглав продолжал повеселевшим голосом:

— Да, я думаю, что этого доказательства достаточно. Девушка не солгала, и Змееглав — не лежебока, поддающийся на детские

сказки, не так ли?

Он ставил слова осторожно, как хищный зверь — лапы. Ответом ему было всеобщее молчание. И Огненный Лис с искаженным болью лицом молчал, стирая полой плаща собственную кровь с блестящего лезвия.

— Отлично! — заявил Змеглав. — Значит, с этим покончено, и у меня теперь бессмертный герольд! Пора мне позаботиться и о собственном бессмертии! Свистун! — Он повернулся к Среброносому. — Очисти зал. Пусть все выйдут. Слуги, женщины, цирюльники, управляющие — все. Остаются только десять латников, ты, Огненный Лис, библиотекарь и двое пленных. Ты тоже уходи! — прикрикнул он на Мортолу, хотевшую было возразить. — Иди с моей женой и позаботься, чтобы младенец перестал наконец плакать.

— Мо, что он задумал? — прошептала Мегги, пока латники выпроваживали людей из зала.

Но ее отец лишь недоуменно покачал головой. Откуда ему знать? Он только чувствовал, что игра еще далеко не окончена.

— А с нами что? — крикнул он Змеглаву. — Мы с дочерью исполнили нашу часть договора, так что вели привести из застенка пленных и отпусти нас.

Но Змеглав успокаивающе поднял руки.

— Да-да, не сомневайся, Перепел! — откликнулся он почти ласково. — Ты сдержал свое обещание, и я сдержу свое, честное слово Змея. Я уже послал людей в подземелье за пленниками, но оттуда до ворот путь неблизкий, так что побудь с нами еще немного. Поверь, скучно тебе не будет.

Игра. Мо оглянулся и увидел, как закрываются огромные двери за последними выходящими. Опустевший зал казался еще больше.

— Как ты себя чувствуешь, Огненный Лис? — Змеглав холодно взглянул на своего герольда. — Каково оно, быть бессмертным? Хорошо? Спокойно?

Огненный Лис молчал. Он все еще держал в руках меч, пронзивший его тело.

— Я бы хотел получить обратно свой собственный меч, — сказал он хрипло. — Этот никуда не годится.

— Вот еще! Ерунда. Я велю выковать тебе новый меч, еще лучше, за ту услугу, которую ты оказал мне сегодня! — возразил Змеглав. — Но сначала нужно уладить одно пустячное дело, чтобы мы могли без вреда удалить твоё имя из моей книги.

— Удалить? — Огненный Лис перевел глаза на Свистуна, все еще

державшего книгу.

— Да, удалить. Ты, может быть, забыл — по замыслу эта книга должна была сделать бессмертным меня, а не тебя. Но для этого писец должен вписать туда еще три слова.

— Зачем? — Огненный Лис утер рукавом пот со лба.

Три слова. Бедняга. Услышал ли он, как захлопнулась ловушка? Мегги схватила Мо за руку.

— Чтобы освободить место, так сказать. Место для меня, — ответил Змеглав. — Знаешь что? — продолжал он в ответ на недоумевающий взгляд Огненного Лиса. — В награду за то, что ты самоотверженно доказал мне, как надежно эта книга защищает от смерти, я позволю тебе, как только писец напишет эти три слова, убить Перепела. Если ты сможешь его убить. Ну как, нравится тебе мое предложение?

— Что? Что ты говоришь? — Голос Мегги от страха звучал пронзительно.

Мо поскорее заткнул ей рот рукой.

— Мегги, пожалуйста! — прошептал он ей в ухо. — Ты забыла, что сама же говорила о словах Фенолио? Со мной ничего не случится.

Но Мегги его не слушала. Она рыдала и цеплялась за отца, пока два латника не оттащили ее в сторону.

— Три слова! — Огненный Лис с ухмылкой подступил к нему.

«А ведь только что тебе было его жаль. Ну не дурак ли ты, Мортимер?» — думал Мо.

— Три слова. Считаю хорошенько, Перепел! — Огненный Лис поднял меч. — На четвертом я ударю, и это будет больно, даже если тебя нельзя убить. Я знаю, что говорю.

Лезвие меча блестело, как лед, в отблесках свеч, и было таким длинным, что могло проткнуть и трех человек за раз. Кое-где на светлом металле, точно ржавчина, налипла кровь Огненного Лиса.

— Приступай, Таддео! — приказал Змеглав. — Ты ведь не забыл слова, которые я тебе называл? Напиши их одно за другим, но не называй вслух. Называй только цифры.

Свистун открыл книгу и протянул старику. Таддео дрожащими пальцами обмакнул перо в чернильницу.

— Один, — сказал он, и перо зашкрипело по бумаге. — Два.

Огненный Лис с улыбкой приставил острие меча к груди Мо.

Таддео поднял голову, снова обмакнул перо в чернильницу и неуверенно поглядел на Змеглава.

— Ты что, разучился считать, старик? — спросил тот.

Таддео молча покачал головой, и перо снова зашуршало.

— Три! — выдохнул он.

Мо уставился на острие меча. До него донесся голос Мегги, выкрикивавший его имя. Слова, одни лишь слова защищали его от блестящего острого лезвия...

Но в мире Фенолио этого было достаточно.

Глаза Огненного Лиса расширились, наполнившись изумлением и ужасом. Мо видел, как он, испуская последний вздох, все же пытается нанести удар — но меч выпал у него из рук. Потом Огненный Лис осел и упал к ногам Мо.

Свистун молча смотрел на мертвого, а Таддео выронил перо и отпрянул от книги, словно она могла в следующий момент убить и его единым словом.

— Уберите его! — приказал Змеглав. — Пока Белые Женщины не заявились за ним в мой дворец. Поживее!

Трое латников вынесли Огненного Лиса. Лисьи хвосты его богатой накидки волочились по плитам пола, а Мо стоял и смотрел на меч у своих ног. Он почувствовал, как Мегги обвивает его руками. Сердце у нее колотилось, как у испуганной птицы.

— Кому нужен бессмертный герольд? — крикнул Змеглав вслед уносимому трупу. — Был бы ты поумнее, догадался бы об этом.

Рубин, украшавший крыло его носа, был сейчас больше, чем когда-либо, похож на каплю крови.

— Стереть его имя, ваша милость? — Робкий голос Таддео был еле слышен.

— Конечно. Его имя и три слова, разумеется. Только сделай это получше. Я хочу, чтобы страницы снова стали белыми, как свежеснеженный снег.

Библиотекарь послушно взялся за дело. Звук скребка гулко отдавался в пустом зале. Закончив, Таддео провел ладонью по белой бумаге. Свистун взял книгу у него из рук и протянул Змеглаву.

Мо видел, как дрожали жирные пальцы, обмакивая перо в чернила. Прежде чем начать писать, Змеглав еще раз поднял голову.

— Ты ведь не был так глуп, Перепел, чтобы вплести в эту книгу еще какое-нибудь колдовство? — спросил он подозрительно. — Знаешь, есть способы убить человека — и его жену, и его дочь, — которые делают смерть очень долгой и мучительной. Это может длиться не один день, да, много дней и ночей.

— Колдовство? Нет, — ответил Мо, — я не умею колдовать. Повторяю

тебе — я переплетчик, и только. И в эту книгу я вложил все свое мастерство — не больше и не меньше.

— Ладно. — Змееглав снова обмакнул перо в чернила и снова остановился. — Белые! — пробормотал он, глядя на пустые страницы. — Посмотрите только, какие они белые. Белые, как женщины, приносящие смерть, как кости, которые оставляет старуха с косой, сожрав кровь и плоть.

И начал писать. Вписал свое имя в пустую книгу. И захлопнул ее.

— Все! — торжествующе воскликнул он. — Все, Таддео! Запри ее, пожирательницу душ, непобедимого врага. Теперь она до меня не доберется. Теперь мы равны, я и старуха с косой. Мы будем править миром вместе. До конца времен!

Библиотекарь исполнил приказание, но, вставляя застёжки в пазы, неотрывно глядел на Мо. «Кто ты? — спрашивали его глаза. — Что за роль у тебя в этой игре?» Но Мо при всем желании не смог бы ему ответить.

Зато Змееглав был, очевидно, убежден, что ответ ему известен.

— Знаешь, Перепел, ты мне нравишься! — Он не спускал с Мо саламандрового взгляда. — Да, из тебя вышел бы отличный герольд, но роли распределены иначе, правда?

— Да, иначе, — ответил Мо. «Только ты даже не догадываешься, кто их распределил», — добавил он про себя.

Змееглав кивнул латникам.

— Пропустите его! — приказал он. — Его, девушку и всех, кого он пожелает взять с собой.

Солдаты расступились, хотя вид у них был недовольный.

— Пойдем, Мо! — Мегги сжала его руку.

Как она бледна! Совсем белая от страха и такая беззащитная! Мо посмотрел на латников, вспомнил обнесенный стенами двор, ждавший их снаружи, серебряных змей, свисающих со стен, бочки смолы над воротами. Вспомнил арбалеты дозорных на верху стены, копья стражников в воротах и того солдата, что толкнул Резу в грязь. Он молча нагнулся... и поднял меч, выпавший из рук Огненного Лиса.

— Мо! — Мегги выпустила его руку и уставилась на него глазами, полными ужаса. — Что ты делаешь?

Но он лишь молча притянул ее к себе, в то время как латники все как один обнажили оружие. Меч Огненного Лиса был тяжел, намного тяжелее того, которым Мо прогнал Каприкорна из своего дома.

— Гляди-ка! — сказал Змееглав. — Ты, Перепел, похоже, не веришь моему слову.

— Я ему верю! — ответил Мо, не выпуская меча. — Но здесь у каждого, кроме меня, есть оружие, поэтому я хочу оставить себе этот бесхозный меч. А тебе останется книга, и, если нам обоим повезет, больше мы никогда уже не увидимся.

Даже смех Змееглава был, казалось, сделан из серебра, из потускневшего серебра.

— Почему же? — воскликнул он. — Мне нравится с тобой играть, Перепел. Ты достойный противник. И поэтому я не нарушу своего слова. Пропустите его! — снова крикнул он латникам. — И передайте этот приказ страже у ворот. Змееглав отпускает Перепела, потому что ему больше нечего бояться, ибо он бессмертен.

Эти слова отдавались в ушах Мо, когда он взял Мегги за руку. Таддео все еще держал книгу, держал так опасно, словно она его вот-вот укусит. Мо как будто до сих пор чувствовал у себя в пальцах бумагу, дерево переплетных крышек, нити, сшивающие листы. И тут он заметил взгляд Мегги. Она смотрела на меч у него в руке, как будто не узнавала Мо с этим оружием.

— Пойдем, — сказал он, увлекая ее за собой. — Твоя мать ждет нас!

— Да, иди, Перепел, и забирай свою дочь, свою жену и всех остальных! — крикнул им вслед Змееглав. — Иди, пока Мортولا не напомнила мне, как глупо тебя отпускать!

Лишь два латника сопровождали их на долгом пути через крепость. Двор был почти пуст в этот ранний утренний час. С серого неба над Дворцом Ночи моросил мелкий дождик, скрывая начинающийся день, как вуаль. Немногие батраки, уже принявшиеся за работу, испуганно вздрагивали, увидев меч в руках Мо, и латники бесцеремонно прогоняли их с дороги.

Остальные узники уже ждали у ворот — жалкая кучка измученных людей под охраной дюжины солдат. Мо сперва не увидел среди них Резу, но вот одна фигурка отделилась от прочих и бросилась им навстречу. Никто ее не удерживал. Возможно, солдаты уже прослышали, что случилось с Огненным Лисом. Мо чувствовал на себе их взгляды, полные отвращения и страха. Еще бы — они видели перед собой человека, запершего смерть между белых страниц, и к тому же разбойника! Разве меч в его руках не доказывал это окончательно? Ему было все равно, что о нем думают. Пусть себе боятся! Сам он натерпелся страху на всю жизнь — за все те дни и ночи, когда думал, что лишился всего: жены, дочери, и что его ждет лишь одинокая смерть в этом созданном из слов мире.

Реза обнимала по очереди то его, то Мегги, едва не задушив их в

объятиях. Когда она наконец выпустила Мо, его лицо было мокрым от ее слез.

— Пойдем, Реза, нужно поскорее выйти за ворота! — тихо сказал он ей. — Пока хозяин крепости не передумал! Всем нам есть что рассказать, но сейчас надо торопиться!

Остальные узники молча последовали за ними.

Не веря своим глазам, смотрели они, как открываются перед ними ворота, как распахиваются обитые железом створки, выпуская их на свободу. Многие спотыкались и падали, спеша скорее оказаться снаружи. Однако никто их не преследовал.

Стражники стояли неподвижно с мечами и копьями в руках и смотрели вслед узникам, неуверенно шагавшим прочь на негнущихся от долгого сидения в камере ногах. Лишь один латник вышел из ворот вместе с ними и молча указал на дорогу, по которой им нужно идти.

«Что, если в нас будут стрелять со стен?» — подумал Мо, увидев, что на круто спускавшейся вниз дороге нигде нет ни куста, ни дерева, за которыми можно было бы укрыться. Он казался себе мухой на стене — прихлопнуть ничего не стоит.

Но ничего не случилось. Они шли сквозь серое утро под проливным дождем, оставив за спиной крепость, опасную, как злое чудище... и ничего не случилось.

— Он сдержал свое слово, — все чаще доносился до Мо шепот его товарищей. — Змееглав сдержал слово!

Реза с тревогой спрашивала о его ране, и Мо тихим голосом отвечал ей, что все хорошо, а сам все ждал, что вот сейчас позади раздастся топот, топот солдатских сапог... Но все было тихо. Казалось, они уже целую вечность спускаются по голому склону, когда впереди наконец показались деревья. Тень, которую ветви отбрасывали на дорогу, была такой густой, словно сама ночь нашла здесь убежище.

ВСЕГО ЛИШЬ СОН

Как-то раз один юноша сказал: — Мне не нравится, что все мы должны умереть. Я хочу отправиться на поиски страны, где никогда не умирают.

*Страна, где никогда не умирают.
Итальянская народная сказка*

Сажерук лежал среди деревьев, весь мокрый от дождя. Рядом с ним дрожал от холода Фарид. Его черные кудри прилипли ко лбу. Другим приходилось не лучше. Все они залегли у края дороги, укрывшись в густом кустарнике. Они ждали уже несколько часов, заняв свой пост еще до рассвета, и все это время лил дождь. Под деревьями было так темно, словно день и не начинался. И тихо. Так тихо, как будто не только лежащие в засаде затаили дыхание, но и вся природа вокруг них. Лишь дождь все струился по сучьям и листьям и падал, и падал вниз. Фарид утер рукавом мокрый нос. Кто-то неподалеку чихнул. «Идиот, зажми нос!» — подумал Сажерук и вздрогнул, заслышав шорох через дорогу. Но это всего лишь кролик выскочил из густых зарослей. Зверек присел на дороге, принюхиваясь, подрагивая ушами и вытаращив глаза. «Он, наверное, и вполтину так не боится, как я», — подумал Сажерук, и ему захотелось назад, к Роксане, в темную подземную галерею, где, конечно, пахло, как в могиле, но зато хоть было сухо.

Он в сотый раз отбрасывал со лба промокшие волосы, когда Фарид резко поднял голову. Кролик одним прыжком исчез в кустах, а сквозь шум дождя слышались шаги. Вот они идут наконец, жалкая кучка людей, промокших не меньше, чем ожидавшие их разбойники. Фарид хотел уже

вскочить на ноги, но Сажерук резко потянул его за рукав.

— Ни с места, понял? — прошипел он. — Я не для того оставил куницу с Роксаной, чтобы бегать тут за тобой!

Впереди шел Волшебный Язык с Мегги и Резой. В руках у него был меч, как в тот день, когда он прогнал из своего дома Каприкорна и Басту. Рядом с Резой тяжело брела беременная женщина, которую Сажерук видел в тюрьме. Она все время оборачивалась и смотрела вверх, на крепость, которая все еще угрожающей громадой высилась позади, хотя они отошли уже довольно далеко. Здесь было больше народу, чем они спрятали в лесу у поваленного дерева. Очевидно, Змееглав действительно распахнул свои застенки. Некоторые узники покачивались, словно с трудом держались на ногах, другие щурились — видимо, даже тусклый свет этого пасмурного дня был слишком ярок для их глаз. Волшебный Язык, похоже, чувствовал себя неплохо, несмотря на окровавленную рубашку, и Реза тоже была не так бледна, как тогда в камере. А может быть, ему только так казалось.

Не успел Сажерук высмотреть в толпе Хитромысла — боже, каким старым и хрупким он выглядел! — как Фарид испуганно схватил его за руку, указывая на людей, внезапно показавшихся ниже по дороге. Казалось, они вырастали из дождевых струй, все больше и больше, так беззвучно они появлялись. В первую минуту Сажерук подумал, что к Черному Принцу все же пришло подкрепление. Но тут он увидел Басту.

В одной руке у него был меч, в другой — нож, а обожженное лицо дышало жаждой крови. Никто из его отряда не был одет в цвета Змееглава, но какая разница? Может быть, их прислала Мртола, может быть, Змееглав собирается умыть руки с невинным видом, когда отпущенных им узников найдут мертвыми на дороге. Главное, что пришедших с Бастой людей было много, вот что важно. Намного больше, чем пряталось в засаде с Черным Принцем. Баста с улыбкой поднял руку, и его люди пошли вверх по дороге с обнаженными мечами, не спеша, словно желая насладиться страхом на лицах отпущенных, прежде чем их прикончить.

Черный Принц первым выскочил из-за деревьев, и с ним — его медведь. Они встали поперек дороги, словно надеялись вдвоем предотвратить резню. Но остальные подоспели быстро. Разбойники молча окружили узников стеной из тел. Сажерук, тихо чертыхаясь, тоже вскочил. Да, это будет кровавое утро. Никакого дождя не хватит, чтобы смыть всю эту кровь, а пламя ему придется хорошенько раздражить, потому что огонь не любит дождя. От сырости он становится сонным, а должен быть кусачим, очень кусачим.

— Фарид!

Он едва успел ухватить юношу за рукав. Тот бежал к Мегги, конечно, но ведь нужно прихватить с собой огонь. Им нужно окружить кольцом из пламени тех, кто идет сейчас с голыми руками навстречу обнаженным мечам. Сажерук поднял мощный сук, выманил из его отсыревшей коры огонь, трескучий и дымный, и бросил пылающую головню Фариду. Плотина из человеческих тел простоит недолго, их должен спасти огонь, да, огонь. Сквозь наступающие сумерки прорвался насмешливый, кровожадный голос Басты. Фарид стряхивал на землю искры. Он сыпал их на мокрую землю, как крестьянин сыплет семена, а за ним бежал Сажерук, заставляя их мгновенно расти. Пламя взметнулось вверх в то самое мгновение, когда люди Басты бросились в атаку. Раздался лязг мечей, воздух наполнили крики, тела сцеплялись друг с другом, а Сажерук и Фарид все приманивали и разжигали огонь, пока он не окружил кучку узников почти сплошным кольцом.

Лишь узкий проход оставил Сажерук, тропу для бегства в лес на тот случай, если пламя и ему перестанет подчиняться и в своем гневном обратится без разбору на врагов и друзей.

Он увидел лицо Резы, искаженное страхом, увидел, как Фарид прыгнул к узникам через кольцо огня, согласно их уговору. Хорошо, что есть Мегги, а то юноша бы так, наверное, и не отошел от него ни на шаг. Сам Сажерук остался стоять снаружи огненной преграды. Он вытащил нож (когда рядом Баста, нож лучше иметь наготове) и перешептывался с огнем, упорно и нежно, чтобы тот слушался его и не превращался из друга во врага. Разбойников теснили все сильнее, все ближе к кучке отпущенных, из которых лишь Волшебный Язык имел при себе меч. На Черного Принца бросились сразу трое из людей Басты, но медведь зубами и когтями защищал своего хозяина. Сажерука затошнило при виде ран, наносимых черными когтями.

Огонь весело потрескивал вокруг него, играя, танцуя, не зная, что такое страх, не чуя, не замечая его. Сажерук слышал крики и среди них звонкий мальчишеский голос. Он растолкал дерущихся и схватил валявшийся в грязи меч.

Где Фарид?

Вот он — машет ножом во все стороны, проворный, как змейка. Сажерук схватил его за плечо, зашипел на пламя, чтобы оно пропустило их, и потащил юношу за собой.

— Черт побери! Надо было оставить тебя с Роксаной! — ворчал он, проталкивая Фариду сквозь огненное кольцо. — Я же сказал тебе: оставайся с Мегги!

Он готов был свернуть мальчишке тонкую шею — таким облегчением было видеть его невредимым.

Мегги бросилась к Фариду, схватила его за руку. Они стояли рядом и смотрели на кровавую резню, но Сажерук старался ничего не слышать и не видеть... Его дело — огонь. Остальным пусть занимается Принц.

Волшебный Язык отлично орудовал мечом, гораздо лучше, чем получилось бы у него, Сажерука, но видно было, что он очень устал. Реза стояла рядом с Мегги, тоже еще невредимая. Еще. Проклятый дождь затекал ему за воротник, заглушал своим шелестом его голос. Вода напевала пламени древнюю колыбельную, и Сажеруку пришлось напрячь голос, звать все громче и громче, чтобы огонь не засыпал, чтобы он ярился и кусался. Он подошел к самой огненной стене и видел, как надвигаются на нее сражающиеся. Некоторые уже едва не падали в пламя.

Фарид тоже заметил, что наделал дождь. Он проворно метнулся туда, где огонь начал засыпать. Мегги побежала за ним. Мертвец упал в огненное кольцо рядом с юношей, задушив своим телом пламя. На него полетел второй. Сажерук, чертыхаясь, устремился к смертельной пробоине, зовя на помощь Волшебного Языка, и увидел сквозь пламя Басту — обожженное лицо и глаза, пылающие ненавистью и страхом перед огнем. Что окажется сильнее? Баста всматривался в пламя, морщась от дыма, словно искал кого-то. Сажерук догадывался кого. Он невольно отступил на шаг. Еще один мертвец упал в огонь. Двое с обнаженными мечами перепрыгнули по нему внутрь кольца и напали на узников. Сажерук слышал пронзительные крики, видел, как Волшебный Язык заслонил собой Резу и как Баста поставил ногу на труп, точно на мост через огненное кольцо. Скорее к пламени! Сажерук хотел подскочить ближе, чтобы огонь лучше слышал его приказы, как вдруг кто-то схватил его за локоть и потащил за собой. Двупалый.

— Они нас убивают! — кричал он, вытаращив глаза. — Они с самого начала задумали нас убить! А если они нас не достанут, мы сгорим в огне!

— Пусти! — рявкнул на него Сажерук.

Дым ел ему глаза, душил кашлем. Баста. Вот он смотрит на него сквозь дым, словно их связывает невидимая нить. Пламя не могло до него дотянуться, и он поднял нож. В кого он целится? Что означает его улыбка?

Юноша.

Сажерук оттолкнул Двупалого и крикнул: «Фарид!», но его голос потонул в окружающем шуме. Фарид все еще держал Мегги за руку, а в другой у него был зажат нож, который подарил ему Сажерук, в другой жизни, в другой истории.

— Фарид!

Юноша его не слышит. Баста метнул нож.

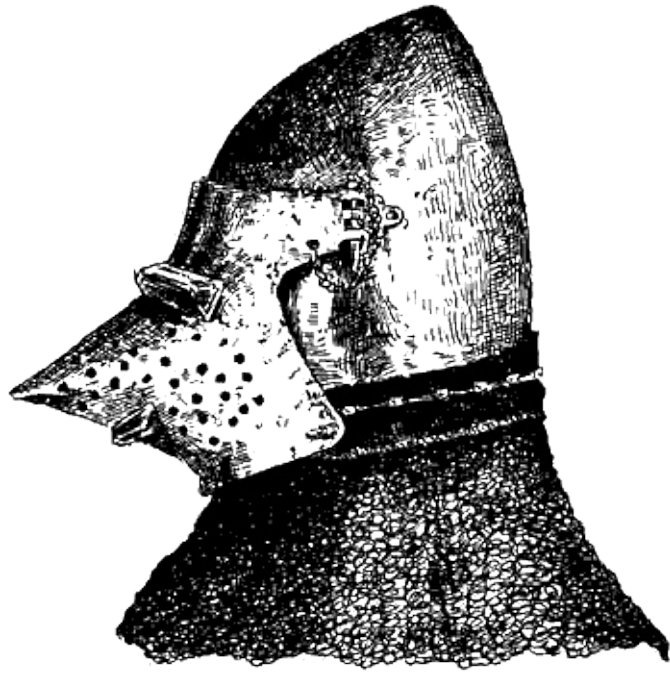
Сажерук видел, как лезвие вонзилось в худую спину, и успел подхватить Фарида раньше, чем тот упал. Но он был уже мертв. А Баста стоял, поставив ногу на другой труп, и улыбался. И неудивительно. Он ведь попал в цель, которую давно себе наметил: сердце Сажерука, его глупое сердце. Оно разбилось, когда на его руках повисло безжизненное тело Фарида, просто разбилось, как ни оберегал его Сажерук столько лет. Он увидел лицо Мегги, услышал, как она зовет Фарида, и оставил мертвеца у нее на руках. Ноги у него дрожали так сильно, что ему трудно было выпрямиться. Все в нем дрожало, даже рука, державшая нож, который он вытащил из спины Фарида. Он бросился к Басте сквозь огонь и сцепившиеся тела, но Волшебный Язык опередил его, Волшебный Язык, чья дочь рыдала сейчас так, словно ей пронзили сердце, как и юноше...

Не обращая внимания на бьющее в лицо пламя, Сажерук кинулся на Басту и вонзил в него меч, как будто только тем всю жизнь и занимался, как будто это и было его ремеслом — убивать. Баста умер мгновенно, удивление не успело угаснуть на его лице. Он упал в огонь, и Сажерук шагнул обратно к Фариду, которого Мегги все еще держала в объятиях.

На что он надеялся? Что юноша оживет оттого, что его убийца мертв? Нет, черные глаза были по-прежнему пусты, пусты, как покинутый дом. В них не было больше и следа радости, которая прежде почти никогда их не покидала. И Сажерук опустился на колени на истоптанную землю, пока Реза утешала свою рыдающую дочь, а вокруг сражались и убивали. Сажерук забыл обо всем на свете: что он здесь делает, что происходит вокруг, как он оказался под этими деревьями, теми самыми, которые он видел во сне.

В самом страшном своем сне.

А теперь сон сбылся.

ОБМЕН

*Синева моих глаз угасла в ту ночь,
И красное золото моего сердца...*

Георг Тракль. Ночью

Почти все уцелели. Узников спас огонь, ярость медведя, люди Черного Принца и Мо, так усердно упражнявшийся этим серым утром в искусстве убивать, словно собрался достичь в нем высшего мастерства. Баста остался лежать мертвым под деревьями, как и Мясник и множество других приспешников Басты. Земля была покрыта их телами, как опавшей листвой. Из комедиантов погибли двое. И Фарид.

Фарид.

Сажерук был сам бледен как смерть, когда нес его обратно к шахте. Мегги не отставала от него ни на шаг весь долгий путь в темноте. Она держала руку Фариды, как будто надеялась этим помочь, и чувствовала внутри такую боль, словно ничего хорошего ее уже никогда не ждет.

Лишь ее Сажерук не прогнал, когда положил Фариду на свой плащ в самой отдаленной штольне. Никто не посмел заговорить с ним, когда он нагнулся над мертвым юношей и стер сажу с его лица. Роксана попыталась что-то сказать, но, заглянув ему в лицо, тихо отошла. Только Мегги он позволил сидеть рядом с Фаридом, словно увидев в ее глазах отражение собственной боли. Так они и сидели вдвоем в недрах Змеиной горы, как будто все истории кончились раз и навсегда. И сказать больше было нечего.

Наверное, снаружи была уже ночь, когда Мегги услышала голос Сажерука. Он донесся до нее словно издали, сквозь пелену боли, окутавшую ее туманом, из которого не было выхода.

— Ты тоже хотела бы, чтобы он вернулся, правда?

Ей трудно было оторвать взгляд от лица Фарида.

— Он уже никогда не вернется, — прошептала она, поднимая глаза на Сажерука. Говорить громче у нее не было сил. Силы покинули ее, словно Фарид унес их с собой. Он всё унес с собой.

— Я слышал одну историю... — Сажерук глядел на свои руки, словно история, о которой он говорил, написана на них. — Историю о Белых Женщинах.

— Какую историю?

На самом деле никакие истории Мегги уже не интересовали. Эта последняя навсегда разбила ей сердце. Но в голосе Сажерука было что-то такое...

Он нагнулся над Фаридом и стер пятнышко сажи с холодного лба.

— Роксана знает, — сказал он. — Она тебе расскажет. Ты просто пойди к ней... и скажи, что я должен уйти. Скажи ей, что я решил проверить, насколько правдива та история. — Он странно запинался, как будто с невероятным трудом находил нужные слова. — И напомни ей мое обещание: где бы я ни был, дорогу к ней я всегда найду. Передашь ей?

О чем он говорит?

— Проверить? — В голосе Мегги звенели слезы. — Что ты хочешь проверить?

— Знаешь, о Белых Женщинах много чего рассказывают. Большинство из этого — пустое суеверие, однако кое-что, несомненно, правда. С историями ведь всегда так. Фенолио, наверное, мог бы многое об этом рассказать, но, честно говоря, мне не хочется его спрашивать. Нет уж, лучше я спрошу у самих Белых Женщин.

Сажерук поднялся. Он стоял и оглядывался вокруг, словно забыл, где находится.

Белые Женщины.

— Они ведь скоро придут? — встревоженно спросила Мегги. — Придут, чтобы забрать Фарида?

Но Сажерук покачал головой и в первый раз улыбнулся — странной печальной улыбкой, какую Мегги видела только у него и никогда не могла до конца понять.

— Нет, зачем? С ним ведь все ясно. Они приходят, когда ты еще привязан к жизни, когда им нужно заманить тебя к себе — взглядом или шепотом. Остальное все суеверия. Белые Женщины приходят, когда ты еще дышишь, но уже близок к смерти. Когда сердце у тебя бьется все слабее, когда они чувствуют твой страх или кровь, как было с твоим отцом. А кто

умирает мгновенно, как Фарид, сам отправляется к ним.

Мегги погладила пальцы Фариды. Они были холоднее камня, на котором она сидела.

— Но тогда... я не понимаю... — прошептала она. — Раз они не придут, как же ты у них спросишь?

— Я их позову. Но тебе лучше при этом не присутствовать, поэтому пойди к Роксане и передай ей то, что я тебе сказал, ладно?

Она хотела еще что-то спросить, но Сажерук приложил палец к губам.

— Прошу тебя, Мегги! — Он не часто называл ее по имени. — Передай Роксане мои слова и что мне жаль, что так вышло. Ну, иди же!

Мегги чувствовала, что ему страшно, но не спросила отчего, потому что ее переполняли другие вопросы: как случилось, что Фарид мертв, и каково будет всю жизнь носить его мертвым в сердце?

Она в последний раз провела рукой по застывшему лицу и встала. У выхода из штольни Мегги оглянулась. Сажерук не отрываясь смотрел на Фариду. И впервые за то время, что Мегги знала огненного жонглера, на его лице отражалось все, чего он никогда не показывал: нежность, любовь и боль.

Мегги знала, где искать Роксану, и все же дважды сбивалась с дороги в темных подземных переходах, пока нашла ее. Роксана перевязывала раненых женщин, а Хитромысл занимался мужчинами. Многие были ранены, да и спасительный огонь многим причинил серьезные ожоги. Мо было не видно, как и Принца, они, наверное, охраняли вход в шахту, зато Реза помогала Роксане. Она перебинтовывала обожженную руку, а Роксана тем временем смазывала какой-то старухе рану на лбу той самой мазью, которой лечила ногу Сажерука. Весенний цветочный запах мази плохо подходил к этому месту.

Роксана подняла голову, когда Мегги появилась в темном проходе. Может быть, она надеялась, что это шаги Сажерука. Мегги оперлась спиной на холодную стену штольни. «Все это сон, — подумала она, — просто дурной сон». Голова у нее кружилась от слез.

— Что это за история? — спросила она Роксану. — История о Белых Женщинах... Сажерук сказал, что ты мне ее расскажешь. И что он должен уйти, чтобы проверить, правда ли это...

— Уйти? — Роксана отложила мазь. — Что ты говоришь?

Мегги утерла глаза, но слез больше не было. Наверное, они все кончились. Откуда они только берутся, слезы?

— Он сказал, что позовет их, — пробормотала она. — И что ты должна помнить его обещание. Что он вернется, что он всегда найдет

дорогу к тебе, где бы он ни был...

Слова, которые она повторяла, казались ей бессмысленными. Но Роксана, очевидно, поняла.

Она поднялась, а за ней и Реза.

— Что ты говоришь, Мегги? — сказала ее мать с тревогой в голосе. — Где Сажерук?

— Рядом с Фаридом. По-прежнему рядом с Фаридом.

Как больно было произносить его имя. Реза обняла ее. А Роксана стояла неподвижно, вглядываясь в темный проход, откуда пришла Мегги, и вдруг оттолкнула ее с дороги, рванулась вперед и исчезла во мраке. Реза бросилась за ней, не выпуская руки Мегги. Роксана опережала их всего на несколько шагов. Вот она споткнулась о подол своего платья, упала, вскочила и понеслась дальше, все быстрее и быстрее. И все же она опоздала.

Реза чуть не сбила Роксану с ног, так внезапно та остановилась у входа в штольню, где лежал Фарид. На стене огненными буквами горело ее имя, и Белые Женщины еще были здесь. Они вытягивали бледные пальцы из груди Сажерука, словно вырывая его сердце. Может быть, Роксана была последним, что видел Сажерук. А может быть, он успел еще увидеть, как зашевелился Фарид. В следующее мгновение Сажерук беззвучно упал на землю, а Белые Женщины тотчас исчезли.

Да, Фарид зашевелился, как после слишком долгого и глубокого сна. Он сел и огляделся вокруг мутными глазами, еще не зная, кто лежит неподвижно за его спиной. И даже когда Роксана протиснулась мимо него, он не обернулся. Фарид смотрел в пустоту, словно вглядываясь во что-то, невидимое остальным.

Мегги шагнула к нему нерешительно, как к чужому. Чувства ее были в смятении, мысли тоже. А Роксана стояла рядом с Сажеруком, крепко прижав руку ко рту, словно пытаясь удержать свою боль. На стене штольни по-прежнему полыхало ее имя, но она не глядела на огненные буквы. Она молча опустила на землю, положила голову Сажерука себе на колени и нагнулась над ним, так что ее черные волосы, как вуалью, закрыли его лицо.

А Фарид все еще сидел, не двигаясь, как оглушенный. И лишь когда Мегги подошла к нему вплотную, он ее заметил.

— Мегги? — с трудом выговорил он заплетающимся языком.

Этого не может быть. Он и вправду вернулся. Фарид. Его имя вдруг перестало отдаваться болью. Он протянул к ней руку, и она схватила ее так торопливо, точно боялась, что он сейчас снова уйдет в бесконечную даль,

если его не удержать. А Сажерук сейчас там? Какое теплое у Фариды лицо. Мегги опустилась на колени и обвила руками его шею, крепко прижимаясь к нему, чувствуя биение его сердца.

— Мегги!

Фарид глядел на нее с таким видом, как будто очнулся от страшного сна. По его губам даже скользнула улыбка. Но тут позади них раздались всхлипывания Роксаны, тихие, едва слышные сквозь распущенные волосы, и Фарид обернулся.

Мгновение он смотрел, не понимая.

Потом вырвался из объятий Мегги, вскочил и тут же запнулся о плащ — ноги еще плохо слушались его. На коленях подполз он к Сажеруку и с ужасом провел рукой по неподвижному лицу.

— Что случилось? — Он кричал на Роксану, как будто она была виновата в несчастье. — Что ты сделала? Что ты с ним сделала?

Мегги пыталась успокоить Фариду, но он оттолкнул ее руки. Он нагнулся над Сажеруком, приложил ухо к его груди, прислушался и, рыдая, прижался лицом к тому месту, где уже не слышно было биения сердца.

В штольню вошел Черный Принц и с ним Мо. За их спинами появились и другие лица, все больше и больше.

— Уходите! — крикнул им Фарид. — Убирайтесь все прочь! Что вы с ним сделали? Почему он не дышит? Крови нигде нет, ни капли крови.

— Ему никто ничего не сделал, Фарид! — прошептала Мегги. («Ты тоже хотела бы, чтобы он вернулся, правда?» — прозвучал у нее в ушах голос Сажерука.) — Это Белые Женщины. Мы их видели. Он сам их позвал.

— Ты лжешь! — закричал на нее Фарид. — Зачем бы он стал это делать?

Роксана задумчиво провела пальцем по шрамам Сажерука, таким тонким, словно их оставил не нож, а перо стеклянного человечка.

— Есть история, которую комедианты любят рассказывать своим детям, — начала она, не глядя ни на кого из собравшихся. — В ней говорится об огнеглотателе, у которого Белые Женщины забрали сына. В отчаянии он вспомнил о том, что рассказывают о Белых Женщинах: они будто бы боятся огня и в то же время томятся по его теплу. И огнеглотатель решил приманить их своим искусством и упросить вернуть ему сына. Его план удался. Он приманил Белых Женщин огнем, заставил пламя петь и танцевать для них, и за это они не передали его сына в руки смерти, а вернули ему жизнь. Взамен они увели с собой огнеглотателя, и больше никто его никогда не видел. Говорят, он принужден оставаться у Белых

Женщин до конца времен, заставляя пламя танцевать им на потеху.

Роксана приподняла безжизненную кисть Сажерука и поцеловала испачканные копотью пальцы.

— Это всего лишь сказка, — сказала она. — Но он любил ее слушать. Он всегда говорил, что эта история так хороша, что в ней должна быть искра правды. И вот теперь он сам сделал ее правдой — и уже никогда не вернется. Даже если он и обещал это. На сей раз не вернется.

Это была долгая ночь.

Роксана и Черный Принц сидели у тела Сажерука, а Фарид выбрался наверх, туда, где луна проглядывала сквозь черные облака, и туман поднимался с влажной от дождя земли. Он оттолкнул дозорных, пытавшихся его удержать, и бросился лицом в мох. Там он и лежал, под ядовитыми деревьями Мртолы, и горько плакал, а две куницы дрались в темноте, как будто у них по-прежнему есть хозяин, которого они оспаривают друг у друга.

Конечно, Мегги пришла к нему, но Фарид отослал ее прочь, и она отправилась искать Мо. Реза рядом с ним уснула, но Мо не спал. Он сидел и всматривался в темноту, словно читая в ее глубинах непонятную историю. В его лице было что-то чужое, замкнутое, жесткое, как корка на ране, но, когда он увидел Мегги и улыбнулся ей, вся чуждость исчезла.

— Иди сюда! — тихо позвал он, и она села рядом, уткнувшись лицом в его плечо.

— Я хочу домой, Мо! — прошептала она.

— Нет, не хочешь, — ответил он также шепотом, и она заплакала ему в рубашку, как часто делала, когда была маленькая.

Любое горе могла она оставить у него на плече, как бы тяжело оно ни было. Мо прогонял его, всего лишь погладив дочь по голове, положив ей ладонь на лоб, прошептав ее имя. Все это он сделал и сейчас, в этом печальном месте, этой печальной ночью. Он не мог забрать всю ее боль, слишком уж много ее было, но мог смягчить, просто держа Мегги в своих объятиях. Никто был не в силах помочь ей так, как Мо. Реза не могла. И даже Фарид.

Да, это была долгая ночь, долгая, как тысяча ночей, и самая темная из всех, какие случалось видеть Мегги. Она не знала, сколько времени проспала на плече у Мо, когда Фарид вдруг разбудил ее. Он повел Мегги за собой, прочь от ее спящих родителей, в темный угол, пропахший медведем Принца.

— Мегги! — прошептал он и сжал ее руку так крепко, что ей стало

больно. — Я понял, как все исправить. Пойди к Фенолио! Скажи ему, пусть напишет что-нибудь, чтобы оживить Сажерука! Тебя он послушается.

Конечно, следовало ожидать, что эта мысль придет ему в голову. Он так умоляюще смотрел ей в глаза, что у нее выступили слезы, и все же она покачала головой:

— Нет, Фарид. Сажерук умер. Фенолио ничего не сможет сделать. Но если бы и мог — разве ты не слышал, что он постоянно бормочет? Что он никогда больше не напишет ни слова после того, что случилось с Козимо.

Да, Фенолио изменился. Мегги с трудом узнала его, когда увидела. Раньше глаза у него всегда были, как у мальчишки. Теперь это были глаза старика. Взгляд его стал подозрительным, неуверенным, словно Фенолио не доверяет почве у себя под ногами, и к тому же со дня смерти Козимо он, похоже, вообще перестал бриться, причесываться и умываться. Он спросил ее только о книге, о той книге, которую изготовил Мо. Но когда Мегги рассказала ему, что пустые страницы и впрямь предохраняют от смерти, выражение его лица не стало менее горьким.

— Замечательно! — пробормотал он. — Значит, Змееглав у нас теперь бессмертен, а Козимо бесповоротно мертв. Да, в этой истории все идет не так, сколько ни бейся!

Нет, Фенолио никому больше не станет помогать, даже себе самому. И все же Мегги пошла с Фаридом, когда тот отправился искать старика.

Фенолио большую часть времени проводил в одной из нижних штолен, в почти засыпанной части шахты, куда, кроме него, никто не спускался. Когда Фарид и Мегги пробрались туда по крутой лестнице, он спал, натянув до самого подбородка шубу, которую дали ему разбойники, и нахмутив морщинистый лоб, как будто и во сне его не оставляли напряженные раздумья.

— Фенолио! — Фарид потряс его за плечо.

Старик перекатился на спину с фырканьем, достойным медведя Черного Принца, открыл глаза и уставился на Фариду, словно никогда прежде не видел его смуглого лица.

— А, это ты! — пробормотал он, еще не совсем проснувшись. — Юноша, восставший из мертвых. Опять что-то такое, чего я не писал. Что тебе надо? Мне первый раз за все эти дни снился хороший сон!

— Ты должен кое-что написать.

— Написать? Я больше ничего не пишу. Вы же только что видели, что из этого получается. Я придумал чудесную книгу бессмертия, которая освободит добрых и принесет гибель Змееглаву. И что же? Змей теперь бессмертен, а в лесу опять полно трупов! Разбойники, комедианты,

Двупалый... Мертвы! Зачем я их только выдумываю, если эта история все равно всех убивает?

— Ты должен вернуть его! — Губы у Фарида дрожали. — Раз ты сделал бессмертным Змееглава, значит, можешь и его!

— Ах, ты о Сажеруке? — Фенолио сел и с глубоким вздохом провел рукой по лицу. — Да, он ведь тоже мертв, мертвехонек, но для него смерть у меня давно была запланирована, если вы помните. Как бы то ни было, Сажерук мертв, ты тоже был мертв... Муж Минервы, Козимо, вся молодежь, пошедшая с ним... мертвы! У этой истории, видно, никаких других идей просто нет. Одно могу тебе сказать, мой мальчик. Я ей уже не автор. Нет. Эту историю пишет смерть, старуха с косой, царица мрака — назови ее как хочешь. Это ее пляска, и что бы я ни написал, она берет мои слова и использует их себе в подмогу.

— Чепуха! — Фарид даже не утирал слез, бежавших по его лицу. — Ты должен его вернуть. Это ведь была не его смерть, а моя! Пусть он оживет! Ведь это всего лишь несколько слов, и ты уже делал это и для Козимо, и для Волшебного Языка.

— Нет, постой, отец Мегги пока что не умирал, — рассудительно заметил Фенолио. — А что до Козимо, то сколько можно тебе объяснять — он только выглядел, как Козимо. Мы с Мегги создали его заново, с иголочки, и получилось у нас очень плохо. Нет! — Он сунул руку за пояс, вытащил оттуда какое-то подобие носового платка и шумно высморкался. — В этой истории мертвые не воскресают! Да, признаю, я ввел в игру бессмертие, но это не то же самое, что воскрешать мертвых! Нет! Я стою на этом. Если кто-то здесь умер, значит, умер! Это верно для этого мира, как и для того, откуда я родом. Сажерук ради тебя очень ловко обошел это правило... Наверное, я сам и сочинил сентиментальную сказку, которая навела его на эту мысль... Правда, я этого уже не помню, ну да ладно. Пробелы всегда есть, и он заплатил за твою жизнь своей. Это всегда была единственная сделка, на которую соглашается смерть. Да, кто бы мог подумать? Сажерук так полюбил неизвестно откуда взявшегося мальчишку, что в конце концов отдал за него жизнь! Надо признать, это куда лучшая идея, чем с куницей, но только она не моя! Совсем не моя! Если ты ищешь, на кого бы возложить вину, то лучше всего схвати себя за нос, потому что одно несомненно, мой мальчик, — с этими словами Фенолио с силой ткнул Фарида пальцем в узкую грудь, — ты не из этой истории! И если бы ты не вбил себе в голову, что тебе непременно надо сюда пробраться, Сажерук, наверное, был бы сейчас жив...

Фарид ударил его смуглым кулаком в лицо.

— Как ты можешь такое говорить? — набросилась Мегги на Фенолио, когда Фарид, рыдая, обнял ее. — Он спас Сажерука тогда на мельнице! Он все время его охранял...

— Да, да, не спорю, — проворчал Фенолио, ощупывая ушибленный нос. — Я бессердечный старик, знаю. Но хочешь верь мне, хочешь нет — мне было очень худо, когда я увидел, что Сажерук лежит там.

А потом еще плач Роксаны... Ужасно, просто ужасно. Все эти раненые и умершие... Нет, Мегги, слова перестали мне подчиняться. Они слушаются, только когда им это удобно. Они обратились против меня, как змеи.

— Так оно и есть. Ты неумеха, жалкий, никчемный неумеха! — Фарид высвободился из рук Мегги. — Ты не владеешь своим ремеслом! Но есть другой, кто умеет. Тот, кто отправил сюда Сажерука. Орфей. Он сумеет вернуть его обратно, вот увидишь! Впиши Орфея сюда! Хотя это-то ты должен суметь! Да, приведи сюда Орфея, немедленно, или... или... я расскажу Змееглаву, что ты хотел его убить... я расскажу всем женщинам в Омбре, что это по твоей вине они лишились мужей... я, я...

Он стоял, сжав кулаки, весь дрожа от ярости и отчаяния. Старик молча взглянул на него и медленно поднялся.

— Знаешь что, мой мальчик? — сказал он, пригнувшись совсем близко к лицу Фариды. — Если бы ты попросил меня как следует, я бы, может быть, попытался, но так — нет. Нет уж. Фенолио просят, а не угрожают ему. Хотя столько гордости у меня осталось.

Фарид чуть не ударил его снова, но Мегги удержала его.

— Фенолио, прекрати! — крикнула она старику. — Он в отчаянии, ты что, не видишь?

— В отчаянии? Ну и что? Я тоже в отчаянии! — откликнулся Фенолио. — Моя история тонет в несчастье, а они, — он вытянул вперед руки, — не желают больше писать! Я стал бояться слов, Мегги! Раньше они были, как мед, а теперь это яд, чистый яд! А как может быть писателем тот, кто разлюбил слова? Что от меня осталось? Эта история пожирает меня, растирает в порошок меня, своего творца!

— Приведи сюда Орфея! — Мегги слышала, как старается Фарид владеть голосом, изгнать из него гневные нотки. — Приведи Орфея, и пусть он пишет за тебя! Научи его всему, что сам умеешь, как научил меня Сажерук! Пусть он подберет правильные слова. Он любит твою книгу, он сам рассказывал Сажеруку! Он даже написал тебе письмо, когда был ребенком.

— Правда? — На мгновение в голосе Фенолио зазвучало прежнее его

неугомонное любопытство.

— Да, он тобой восхищается. Эта книга кажется ему лучшей из книг, он сам так сказал!

— Вот как? — Фенолио был явно польщен. — Книга-то действительно неплохая. То есть она была неплохая. — Он задумчиво поглядел на Фарида. — Ученик. Ученик Фенолио. Подмастерье поэта. Гм... Орфей... — Он произнес это имя, словно пробуя его на вкус. — Единственный поэт, мерившийся силами со смертью... подходит...

Фарид смотрел на него с такой надеждой, что сердце у Мегги разрывалось.

Но Фенолио улыбнулся, хотя улыбка эта была грустной.

— Ты только посмотри на него, Мегги! — сказал он. — Этот мальчик тоже умеет смотреть тем умоляющим взглядом, которым внуки добивались от меня чего угодно. На тебя он тоже так смотрит?

Мегги почувствовала, что заливается краской. Фенолио избавил ее от необходимости отвечать.

— Ты ведь знаешь, что нам понадобится помощь Мегги? — обратился он к Фариду.

— Если ты напишешь, то я прочту, — сказала она. «И приведу сюда человека, который помогал Мортоле убить моего отца», — добавила она про себя, стараясь не думать о том, что скажет Мо об этом уговоре.

Фенолио, судя по всему, уже погрузился в поиск слов, нужных слов — тех, что не предадут и не обманут его.

— Ладно, — пробормотал он с отсутствующим видом, — возьмемся в последний раз за работу. Но где я достану бумагу и чернила? Не говоря уж о пере и стеклянном помощнике? Бедняга Розенкварц так и остался в Омбре.

— У меня есть бумага, — сказала Мегги. — И карандаш.

— Какой красивый! — заметил Фенолио, когда она положила ему на колени блокнот. — Это отец тебе сделал?

Мегги кивнула.

— Тут страницы вырваны!

— Да, для письма, которое я посылала матери, и еще для того, которое принес тебе Небесный Плясун.

— О да! То письмо. — На мгновение вид у Фенолио стал страшно усталый. — Переплеты с пустыми страницами, — пробормотал он. — Похоже, они играют в этой истории все большую роль.

Потом он попросил Мегги оставить его наедине с Фаридом, чтобы тот рассказал ему об Орфее.

— Честно говоря, — шепнул старик Мегги, — я думаю, что юноша сильно переоценивает его способности! Что такого сделал этот Орфей? Расположил мои слова в новом порядке, и все. И тем не менее, признаюсь, мне любопытно. Человек должен страдать манией величия, чтобы называть себя Орфеем, а мания величия создает интересные характеры.

Мегги была другого мнения, однако брать назад данное обещание было уже поздно. Она снова будет читать. На этот раз для Фарида. Мегги тихонько вернулась к родителям, положила голову на грудь к Мо и уснула, прислушиваясь к биению его сердца. Слова спасли ее отца, почему бы им не сделать того же и для Сажерука? Хотя он и ушел далеко-далеко... Но разве в этом мире слова не властны даже над страной молчания?

ПЕРЕПЕЛ

*Мир существовал для того, чтобы его читали.
И я его читала.*

Линн Шарон Шварц. Загубленная чтением

Реза и Мегги еще спали, когда Мо проснулся и почувствовал, что не может больше дышать между всех этих камней и мертвецов. Дозорные, охранявшие вход в шахту, приветствовали его кивками. Сквозь расселину, ведущую наружу, просачивалось бледное утро, пахшее розмарином, тимьяном и ягодами с ядовитых деревьев Мртолы. Мо все время сбивало с толку это переплетение знакомого и чужого в мире Фенолио, причем чужое нередко казалось ему более настоящим.

Кроме дозорных, у входа в шахту стояли еще пятеро, в том числе Хват и сам Черный Принц.

— Гляди-ка, а вот и разбойник, которого больше всех разыскивают от Омбры до моря! — проговорил Хват, глядя на подходящего Мо.

Все они рассматривали его, как редкостного зверя, о котором успели наслушаться самых невероятных историй, и Мо чувствовал себя как актер, вышедший на сцену с неприятным ощущением, что не знает ни пьесы, ни своей роли.

— Не знаю, как вы, — сказал Хват, обводя глазами товарищей, — но я всегда был уверен, что Перепела выдумал какой-то поэт. И что единственный, кому могла бы прийти в пору птичья маска, — это наш Черный Принц, хотя он и не похож на описания в песнях. Когда мы слышали, что Перепел попал в застенки Дворца Ночи, я решил, что они опять собираются повесить какого-то бедолагу только за то, что у него есть шрам выше локтя. Но потом, — он внимательно всматривался в Мо, словно

примеряя к нему все те строки, которые пелись о Перепеле, — я увидел, как ты сражался в лесу... *«Меч его крушит врагов, словно рубит лес на щепки...»* Так, кажется, пелось в одной песне? Точно сказано, так оно и есть.

«Правда, Хват? — усмехнулся про себя Мо. — А если я скажу тебе, что Перепела все же выдумал поэт, да и тебя тоже?»

Как лукаво они все на него смотрят.

— Нам пора уходить, — сказал Черный Принц среди наступившего молчания. — Люди Змееглава прочесывают лес до самого моря. Два наших убежища они уже разорили, а до шахты не добрались, наверное, только потому, что не додумались искать нас прямо у своих ворот.

Медведь фыркнул, словно посмеиваясь над глупыми латниками. Серый нос на черном мохнатом лице, умные янтарные глазки — медведь очень нравился Мо еще в книжке, только он представлял его себе гораздо крупнее.

— Сегодня ночью половина нашего отряда доставит раненых в Барсучью нору, — продолжал Черный Принц, — а остальные пойдут со мной и Роксаной в Омбру.

— А он куда пойдет? — Хват взглянул на Мо.

Все разбойники смотрели на него. Мо чувствовал их взгляды, словно прикосновение рук к коже. Глаза, полные надежды, но на что? Что они о нем слышали? Неужели уже ходят истории о том, что произошло во Дворце Ночи?

— Как можно дальше отсюда, ясное дело! — Черный Принц снял опавший лист со шкуры медведя. — Змееглав будет его искать, хоть и объявил повсюду, что за нападение в лесу отвечает Мртола.

Он кивнул худенькому мальчишке, на голову ниже Мегги, стоявшему среди мужчин:

— Повтори, что объявили глашатаи у тебя в деревне.

— *Вот, — начал мальчик, запинаясь, — обещание Змееглава: если Перепел еще раз покажется по эту сторону леса, он умрет самой медленной смертью, какая известна палачам Дворца Ночи. А поймавшему его будет выплачено столько серебра, сколько Перепел весит.*

— Начинай-ка лучше сразу поститься, Перепел, — пошутил Хват, но никто не засмеялся.

— Ты вправду сделал его бессмертным?

Это спросил мальчик.

Хват громко рассмеялся:

— Вы только послушайте этого малыша. Ты еще, наверное, веришь,

что Принц умеет летать?

Но мальчик не обратил на него внимания. Он не сводил глаз с Мо.

— Говорят, ты и сам не можешь умереть, — тихо сказал он. — Говорят, ты и себе сделал такую книгу — книгу с пустыми листами, в которой сидит твоя смерть.

Мо невольно улыбнулся. Мегги тоже, бывало, вот так смотрела на него большими глазами: «Это правда, Мо? Нет, ты скажи!»

Все ждали, что он ответит, даже Черный Принц. Это видно было по их глазам.

— Нет, что ты, — сказал Мо. — Я могу умереть. Поверь мне, я это очень хорошо почувствовал. А что до Змееглава — да, его я и вправду сделал бессмертным. Но не надолго.

— Как это? — Улыбка застыла на грубом лице Хвата.

Но Мо, отвечая, смотрел не на него, а на Черного Принца.

— А так, что сейчас ничто не может убить Змееглава. Ни меч, ни нож, ни болезнь. Его защищает сделанная мной книга. Но эта же книга его и погубит. Потому что радоваться ей он будет лишь неделю-другую.

— Почему? — спросил мальчонка.

Мо понизил голос, отвечая ему, — так они всегда делали с Мегги, делаясь секретом.

— Ну, совсем не трудно сделать так, чтобы книга не прожила долго. Особенно переплетчику. А я ведь переплетчик, хотя здесь многие думают иначе. Обычно в мою задачу не входит убить книгу, наоборот, меня зовут, чтобы продлить ей жизнь, но в этом случае у меня не было другого выхода. Ведь я же не хотел быть повинен в том, чтобы Змееглав на веки вечные остался на троне, развлекаясь казнями комедиантов.

— Значит, ты все-таки колдун! — заявил Хват хрипло.

— Нет. Правда нет, — откликнулся Мо. — Я переплетчик.

Снова все разбойники уставились на него, но на этот раз, как показалось Мо, к уважению примешивалась и толика страха.

— А теперь идите! — нарушил тишину голос Черного Принца. — Идите готовить носилки для раненых.

Они послушались, но, уходя, каждый еще раз взглянул на Мо. И только мальчик при этом смущенно улыбнулся ему.

Черный Принц знаком позвал Мо за собой.

— Неделя-другая, — повторил он, когда они добрались до штольни, где Принц спал отдельно от других со своим медведем. — Сколько дней точно?

Сколько точно? Этого даже Мо не мог сказать. Если во дворце еще не

заметили, что он сделал, то все пойдет быстро.

— Не очень много, — ответил Мо.

— А им не удастся спасти книгу?

— Нет.

Принц улыбнулся. Мо впервые видел улыбку на его темном лице.

— Утешительные новости, Перепел. Никакого мужества не хватит сражаться с бессмертным врагом. Но ты, наверное, догадываешься, как беспощадно он станет тебя преследовать, когда увидит, что его обманули?

Еще бы. Поэтому Мо и не рассказал ничего Мегги, делая все необходимое, пока она спала. Чтобы Змееглав не прочитал страха на ее лице.

— Я не собираюсь возвращаться на эту сторону Чащи, — сказал он Принцу. — Не найдется ли для нас надежного убежища вблизи Омбры?

Принц снова улыбнулся.

— Найдется, — ответил он, глядя на него так пристально, словно хотел заглянуть прямо в сердце.

«Попробуй! — думал Мо. — Загляни мне в сердце и скажи, что ты там увидел, потому что сам я этого уже не знаю». Он вспомнил, как в первый раз читал о Черном Принце. «Какой замечательный персонаж!» — подумал он тогда. Но человек, стоявший перед ним, был куда внушительнее, чем образ, который навяли ему слова. Хотя и немного меньше ростом. И печальнее.

— Твоя жена говорит, что ты не тот, за кого мы тебя принимаем, — сказал Принц. — Сажерук тоже это утверждал. Он рассказывал, что ты родом из той страны, где он был все годы, пока мы считали его мертвым. Она очень непохожа на здешние края?

Мо невольно улыбнулся:

— Да. Совсем не похожа.

— А почему? Там люди счастливее?

— Может быть.

— Может быть? Ну что ж... — Принц нагнулся и поднял что-то, лежавшее у него на одеяле. — Я не помню, как зовет тебя твоя жена. У Сажерука было для тебя странное прозвище: Волшебный Язык. Но Сажерук умер, и для всех остальных ты отныне Перепел. Трудно называть тебя иначе после того, как ты сражался в лесу. Так что это отныне твое.

Мо никогда еще не видел маски, которую протягивал ему Принц. Кожа была темная и потертая, но перья так и сияли: белые, черные, коричневые и голубые.

— Об этой маске сложено много песен, — сказал Черный Принц. —

Многие из нас ее надевали, но принадлежит она тебе.

Мо молча вертел в руках маску. На какое-то странное мгновение ему неудержимо захотелось ее надеть, будто он делал это уже много раз. Да, слова Фенолио могущественны, и все же это слова, только слова, даже если они написаны для него. Разве актер не может выбирать себе роль, которую будет играть?

— Нет, — сказал он, возвращая Принцу маску. — Хват прав, Перепел — лишь вымысел, выдумка старика-поэта. Сражаться — не мое ремесло, поверь.

Черный Принц задумчиво посмотрел на него, но маску не принял.

— И все же оставь ее у себя, — сказал он. — Носить ее сейчас слишком опасно. А что до ремесла — никто из нас не родился разбойником.

На это Мо ничего не ответил. Он смотрел на свои пальцы. После битвы ему долго пришлось отмывать с них налипшую кровь.

Он все еще стоял в одиночестве в темной штольне, с маской в руке, когда за спиной у него раздался голос Мегги.

— Мо? — Она с тревогой взглянула ему в лицо. — Где ты был? Роксана собирается в путь, и Реза спрашивает, пойдём ли мы с ней. Что ты скажешь?

Да, что он скажет? Куда он хочет попасть? «Обратно в свою мастерскую, — подумал он. — Обратно в дом Элинора. Или нет? А Мегги чего хочет?» Ответ он легко прочел по ее лицу. Конечно, она хочет остаться здесь, из-за юноши, но и не только из-за него. Реза тоже хотела остаться, несмотря на застенки, куда ее заперли, несмотря на всю боль и мрак. Что такого было в мире Фенолио, что сердце наполнялось тоской по нему? Разве сам он этого не чувствовал? Подобно быстродействующему сладкому яду...

— Что ты скажешь, Мо? — Мегги пристально смотрела на него.

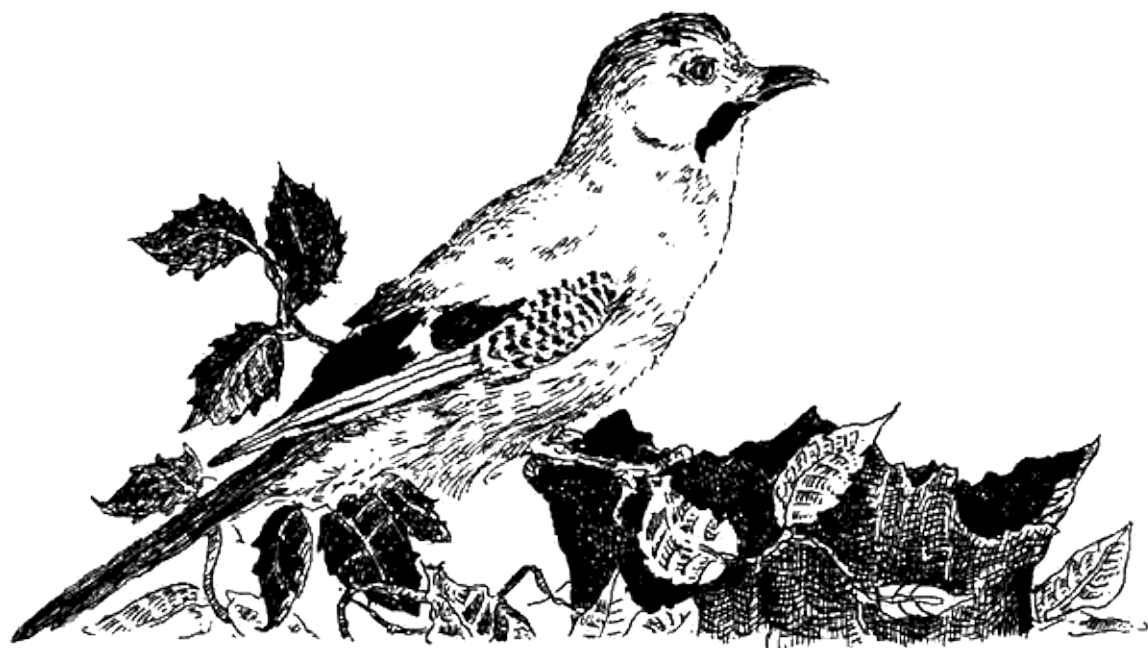
Какая она стала большая!

— Что я скажу?

Он прислушался, словно пытаясь уловить шепот букв в стенах штольни или в ткани одеяла, под которым спал Черный Принц. Но все, что он услышал, был его собственный голос:

— Что, если я скажу тебе... Покажи мне фей, Мегги. И русалок. И художника, украшающего книги в замке Омбры. Посмотрим, действительно ли кисточки у него такие тонкие.

Опасные слова. Но Мегги обняла его так крепко, как не обнимала с детства.

НАДЕЖДА ФАРИДА

А теперь он умер, его душа улетела в Страну без солнца, а холодное тело лежало на мокрой глине, в колее, оставленной мегаполисом.

Филип Рив. Смертные машины [\[26\]](#)

Когда дозорные незадолго до заката уже во второй раз подняли тревогу, Черный Принц приказал всем спуститься в глубь подземных галерей, туда, где в узких проходах стояла вода и, казалось, слышалось дыхание земли. Но один человек не пошел с ними. Фенолио. Когда Принц объявил отбой тревоги и Мегги, испуганная и с мокрыми ногами, поднялась наверх вместе со всеми, Фенолио подошел к ней и потянул за собой. Мо, к счастью, разговаривал с Резой и ничего не заметил.

— Вот. Но обещать я ничего не могу, — прошептал Фенолио, вкладывая ей в руки блокнот. — Может быть, это очередная ошибка, черным по белому, как и все прежние, но я слишком устал, чтобы думать об этом. Накорми эту проклятую историю новыми словами, я не стану слушать. Я лягу спать. Это уж точно было последнее, что я написал в своей жизни.

Накорми ее.

Фарид предложил Мегги читать там, где раньше спали они с Сажеруком. Рюкзак Сажерука еще лежал на одеяле, по бокам свернулись клубочками обе куниты. Фарид присел между ними, прижимая к груди рюкзак, словно в нем билось сердце Сажерука. Юноша выжидательно смотрел на Мегги, но она молчала. Смотрела на исписанные страницы и молчала. Почерк Фенолио расплывался у нее перед глазами, как будто на этот раз не хотел быть прочитанным.

— Мегги?

Фарид все смотрел на нее. В его глазах была такая печаль, такое отчаяние. «Ради него, — подумала она. — Только ради него». И опустилась на одеяло, под которым раньше спал Сажерук.

С первых слов Мегги почувствовала, что Фенолио снова хорошо справился с задачей. Буквы жили. Она ощущала словно их дыхание на лице. История жила. Она хотела расти дальше, с помощью этих слов. Хотела! Чувствовал ли это Фенолио, когда писал?

Однажды, когда смерть снова насытилась богатой добычей, — начала Мегги, словно продолжая читать хорошо знакомую книгу, которую лишь недавно отложила в сторону, — Фенолио, великий поэт, решил навсегда отказаться от, сочинительства. Он устал от слов и их соблазняющей силы. Ему надоело, что они обманывали его, и смеялись над ним, и молчали тогда, когда должны были говорить. И он позвал другого, помоложе, по имени Орфей — искусного в обращении с буквами, хотя и не достигшего еще такого мастерства, как сам Фенолио, — и решил научить его всему, что умел сам, как это делает в один прекрасный день каждый мастер. Какое-то время Орфей будет вместо него играть со словами, соблазнять и лгать, создавать и разрушать, прогонять и призывать обратно с их помощью. А Фенолио тем временем дождетя, когда пройдет усталость, когда любовь к писательству снова пробудится в нем, и тогда отошлет Орфея обратно в тот мир, откуда он его вызвал, чтобы Орфей свежими, нетронутыми словами поддержал жизнь в его истории.

Голос Мегги смолк. Его эхо отдавалось под землей, словно тень произнесенных слов. А когда наконец снова настала тишина, слышались шаги.

Шаги по сырому камню.

СНОВА ОДНА

Надежда — крылатое существо...

Эмили Диккинсон. Надежда

Орфей исчез прямо на глазах у Элинон. Она стояла в двух шагах от него с бутылкой вина, которую он затребовал, и вдруг он растаял в воздухе, то есть даже не растаял, а просто мгновенно исчез, пропал, словно его никогда и не было, словно он ей только приснился. Бутылка выскользнула у нее из рук, упала на паркет и разлетелась вдребезги между открытых книг, разбросанных Орфеем на полу библиотеки.

Собака завывала так страшно, что Дариус вихрем принеся с кухни. Верзила не загородил ему дорогу. Он тупо смотрел на место, где только что стоял Орфей, дрожащим голосом читая вслух листок, лежавший перед ним на одной из стеклянных витрин Элинон и прижимая к груди «Чернильное сердце», как будто это могло убедить книгу принять его наконец в свои недра. Элинон просто окаменела, поняв, чего он пытается добиться в сотый, да что там — в тысячный раз. «Зато, может быть, вместо Орфея появятся они, — подумала Элинон, — хоть кто-нибудь из них!» Мегги, Реза, Мортимер — эти три имени имели теперь горький вкус, горький, как всякая потеря...

Но вот Орфей исчез, а ни один из троих не появился. Только проклятая собака выла не переставая.

— У него получилось! — прошептала Элинон. — Дариус, у него получилось! Он там... Они все там. Кроме нас!

На мгновение ей стало ужасно жалко себя. Вот она стоит, Элинон Лоредан, посреди всех своих книг, и они не пускают ее в себя, ни одна. Запертые двери, которые манят ее, наполняют томлением ее сердце и все

же не пускают дальше порога. Проклятые, бессердечные твари! Сплошь пустые обещания, лживые приманки, вечно пробуждающие голод и никогда не насыщающие, никогда!

«Элино́р, но ты ведь раньше относилась к этому совсем иначе! — думала она, утирая слезы с глаз. — Но если и так? Разве ты недостаточно взрослая, чтобы забыть об этом, похоронить старую любовь, которая так жестоко тебя обманула? Книжки не пускают тебя! Все остальные оказались по ту сторону страниц. Все, кроме тебя! Бедная Элино́р, бедная одинокая Элино́р!» Она вдруг всхлипнула и поскорее зажала себе рот рукой.

Дариус сочувственно посмотрел на нее и робко подошел поближе. Хорошо, что хоть он пока с ней. Но помочь ей он все равно не мог. «Я хочу к ним! — с отчаянием в сердце твердила про себя Элино́р. — Это моя семья: Реза, Мегги и Мортимер. Я хочу увидеть Непроходимую Чашу и снова держать на ладони фею, я хочу познакомиться с Черным Принцем, как бы ни вонял его медведь, я хочу услышать, как Сажерук говорит с огнем, хотя я все равно терпеть не могу этого Огнеглота! Я хочу, хочу, хочу...»

— Дариус, — заплакала она, — почему этот чертов тип не взял меня с собой?

Но Дариус лишь молча смотрел на нее своими мудрыми совиными глазами.

— Эй, куда он смылся? Этот подонок мне еще не все заплатил! — Верзила встал на то место, откуда исчез Орфей, и озирался по сторонам, словно тот мог прятаться где-нибудь среди книжных полок. — Что он, черт побери, затеял — так вот взять и смыться!

Верзила нагнулся и поднял с пола листок бумаги.

Листок, по которому читал Орфей! Значит, книгу он взял с собой, но те слова, что открыли ему дверь в ее недра, оставил им. Тогда еще не все потеряно...

Элино́р решительно выхватила листок из рук Верзилы.

— Дайте сюда! — рявкнула она и прижала листок к груди, как Орфей — книгу.

Лицо Верзилы помрачнело. В нем явно боролись два противоположных чувства: злоба из-за наглости Элино́р и страх перед буквами, которые она так страстно прижимала к груди. Мгновение Элино́р была не уверена, какое из этих чувств победит. Дариус встал рядом с ней, словно всерьез собирался защищать ее в случае необходимости, но, к счастью, лицо Сахарка просветлело, и он рассмеялся.

— Нет, ты только погляди на нее! — сказал он насмешливо. — Зачем

тебе этот клочок, Книгожорка? Ты что, тоже хочешь растаять в воздухе, как Орфей, Сорока и эти твои друзья? Пожалуйста, никто тебе не мешает, только сперва я хочу получить сполна все, чего мне не доплатили Орфей и старуха!

И он стал оглядывать библиотеку Элинон в надежде все-таки найти хоть что-нибудь, пригодное для поживы.

— Не доплатили! Да, конечно, я понимаю, — поспешно сказала Элинон и повела его к дверям. — У меня в комнате припрятаны кое-какие деньги. Дариус, ты знаешь где. Отдай ему все, что там осталось, и пусть он немедленно убирается.

Дариус явно был не в восторге от этого предложения, зато Сахарок широко улыбнулся, выставив напоказ все свои плохие зубы.

— Ну вот! Наконец разумный разговор! — буркнул он.

Дариус с обреченным видом повел его в комнату Элинон.

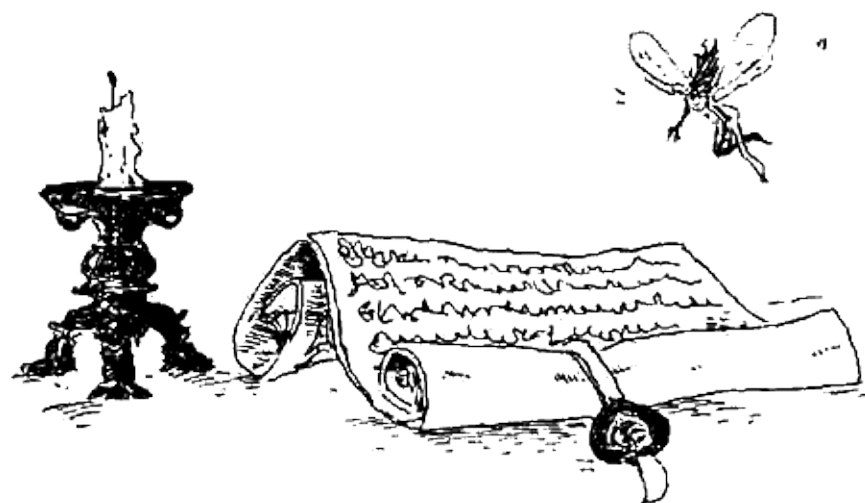
А Элинон осталась одна в библиотеке.

Какая здесь вдруг наступила тишина! Орфей и впрямь отослал назад всех тварей, которых вычитал из ее книг. Только собака его все еще была здесь и, опустив хвост, обнюхивала место, где только что стоял хозяин.

— Как пусто! — пробормотала Элинон. И почувствовала себя страшно одинокой. Даже хуже, чем в тот день, когда Сорока забрала с собой Мортимера и Резу. У нее больше не было книги, в которой все они исчезли. Книга пропала. Что происходит с книгой, которая пропадает в собственной истории?

«Ах, забудь о книге, Элинон, — думала она, утирая слезу. — Как ты теперь найдешь их всех?»

Слова Орфея. Они поплыли у нее перед глазами, когда она уставилась на листок. Да, это, конечно, они отправили его туда, больше нечему. Она осторожно открыла стеклянную витрину, на которой лежал листок до исчезновения Орфея, вынула лежавшую там книгу — замечательно иллюстрированное издание сказок Андерсена с собственноручной надписью автора! — и положила листок на ее место.

НОВЫЙ ПОЭТ

*Страсть к писательству,
Возможность уцелеть,
Месть смертной руки.*

*Вислава Шимборска. Страсть к
писательству*

Орфей был почти неразличим в полумраке штольни. Он неуверенно шагнул в луч масляной лампы, при свете которой читала Мегги. Ей показалось, будто он сунул что-то под куртку, но что, она разобрать не могла. Скорее всего, какую-то книгу.

— Орфей! — Фарида бросился к нему, не выпуская из рук рюкзак Сажерука.

Значит, это действительно он. Орфей. Мегги представляла его себе иначе, намного... внушительнее. Перед ней стоял всего лишь коренастый, совсем еще молодой человек в плохо сидящем костюме. Он смущенно молчал, словно язык проглотил, и смотрел на Мегги, на штольню, по которой пришел, и на Фарида, приветствовавшего его такой сияющей улыбкой, словно совсем забыл, что этот человек при последней их встрече обокрал его и предал Басте. Орфей, видимо, не сразу узнал Фарида, зато когда до него наконец дошло, кто перед ним, это даже вернуло ему дар речи.

— Мальчик Сажерука? Как ты тут оказался? — удивился он.

Да, Мегги не могла не признать: голос у него был намного более впечатляющий, чем лицо.

— Впрочем, не важно. Все равно я в Чернильном мире! Я знал, что

сумею это! Я знал!

По его лицу расплылась самовлюбленная улыбка. Он чуть не наступил на хвост Гвину, и куница с фырканием вскочила, но Орфей ее даже не заметил.

— Потрясающе! — Он провел ладонью по стене штольни. — Это, вероятно, один из коридоров, ведущих под замком Омбры к герцогским склепам.

— Нет, вы ошибаетесь, — холодно сказала Мегги.

Орфей — помощник Мортолы, сладкоязыкий предатель. Каким пустым казалось его круглое лицо. «Неудивительно, — с отвращением подумала она, поднимаясь с одеяла Сажерука. — У него нет совести, нет жалости, нет сердца». Зачем только она привела его сюда? Как будто тут без него мало таких! «Ради Фарида, — ответило ее сердце, — ради Фарида...»

— Как там Элинон и Дариус? Если ты сделал им что-нибудь плохое... — Она не закончила фразу. Да, что тогда?

Орфей обернулся с таким изумленным видом, словно только сейчас ее заметил.

— Элинон и Дариус? А, так ты та девочка, которая якобы сама вчитала себя в книгу?

Взгляд у него стал настороженным. Он, очевидно, вспомнил, как поступил с ее родителями.

— Мой отец едва не погиб из-за тебя! — Голос Мегги дрожал от ярости.

Орфей покраснел, как девушка, — от стыда или от злобы, Мегги не знала, но как бы то ни было, он быстро взял себя в руки.

— Разве я виноват в том, что у Мортолы были с ним счеты? — возразил он. — И потом, судя по твоим словам, он все-таки не погиб. Так что я не вижу причин волноваться.

Он пожал плечами и повернулся к Мегги спиной.

— Странно! — проговорил он, глядя на осыпь в конце штольни, на узкие лестницы, на перекрытия. — Объясните мне, пожалуйста, куда я попал. Похоже на шахту, но о шахте я не читал...

— Не важно, что ты читал. Это я вызвала тебя сюда.

Мегги говорила так резко, что Фарид с тревогой посмотрел на нее.

— Ты? — Орфей обернулся и смерил ее таким презрительным взглядом, что кровь бросилась Мегги в лицо. — Ты, видно, не понимаешь, с кем имеешь дело. Но что с вами вообще разговаривать? Мне надоело смотреть на эту унылую штольню. Где феи? Где латники? Комедианты...

Он грубо оттолкнул Мегги и шагнул к лестнице, ведущей наверх, но Фарид одним прыжком загородил ему дорогу.

— А ну не рыпаться, Сырная Голова! — крикнул он. — Хочешь знать, почему ты здесь оказался? Из-за Сажерука.

— Ах так? — Орфей насмешливо фыркнул. — Ты что, так его и не нашел? Ну, он, может быть, нарочно прячется — особенно от такого назойливого мальчишки, как ты.

— Он умер, — резко перебил его Фарид. — Сажерук умер, и Мегги вычитала тебя сюда, чтобы ты написал слова, которые вернут его!

— Она меня не вычитывала! — с расстановкой произнес Орфей. — Сколько раз тебе повторять?

Он снова устремился было к лестнице, но Фарид молча схватил его за руку и потащил за собой. Туда, где лежал Сажерук.

Роксана завесила его плащом вход в штольню, где он лежал. Они с Резой поставили вокруг горящие свечи, танцующие язычки пламени вместо цветов, которые обычно кладут рядом с покойником.

— Боже мой! — ахнул Орфей. — Умер! Он действительно умер! Но это же ужасно!

Мегги с изумлением увидела слезы у него на глазах. Дрожащими пальцами он стянул с носа запотевшие очки и протер их краем куртки. А потом робко подошел к Сажеруку, нагнулся и коснулся его руки.

— Холодная! — Орфей отпрянул и поднял на Фариду полные слез глаза. — Это Баста? Да говори же! Нет, подожди, как там было? *«Банда молодчиков Каприкорна...»* Да, вспомнил, они хотели убить куницу, и Сажерук попытался ее спасти! Я плакал в три ручья, когда читал эту главу, а потом швырнул книгу об стену! А теперь я наконец попал сюда, наконец-то попал и... — Он судорожно глотал воздух. — Ведь я отправил его сюда, потому что был уверен — теперь с ним тут ничего не случится! О господи! Господи, господи! Умер! — Орфей всхлипнул и вдруг замолчал. И снова склонился над телом Сажерука. — Минуту! *«Заколот ножом»*. Так там было сказано. *«Заколот из-за куницы»*. Да, так написано в книге.

Орфей резко повернулся и уставился на Гвина, шипевшего на него с плеча Фариды.

— Он ведь не взял с собой куницу. Ни куницу, ни тебя. Как же вышло...

Фарид молчал. Мегги было его так жалко, что она попыталась коснуться его руки, но юноша отдернул ее.

— Как здесь оказалась эта куница? Да говори же! Ты что, язык проглотил? — В красивом голосе Орфея слышались металлические

нотки.

— Он погиб не из-за Гвина, — прошептал Фарид.

— Не из-за Гвина? А из-за кого же?

На этот раз Фарид не отнял руки у Мегги. Но не успел он ответить Орфею, как за их спинами раздался другой голос.

— Кто это? Что здесь делает посторонний?

Орфей вздрогнул, словно его застали на месте преступления. У входа стояла Роксана, а рядом с ней Реза.

— Роксана! — прошептал Орфей. — Красавица-комедиантка...

Он смущенно поправил очки и поклонился:

— Разрешите представиться? Меня зовут Орфей. Я был... другом Сажерука. Да, мне кажется, я имею право называть себя так.

— Мегги! — запинаясь, спросила Реза. — Как он сюда попал?

Мегги невольно спрятала за спину блокнот со словами Фенолио.

— Где Элинор? — набросилась Реза на Орфея. — И Дариус? Что ты с ними сделал?

— Ничего! — ответил Орфей, от изумления даже не заметив, что женщина, объяснявшаяся жестами, обрела голос. — Я, наоборот, старался привить им более нормальное отношение к книгам. Они их держат, как жуков на булавках, как заключенных в камере — не дай бог стронуться с места! А ведь книгам нужно чувствовать на своих страницах воздух и пальцы читателя, который нежно проводит...

Роксана сняла с балки над входом плащ Сажерука.

— Не похож ты на друга Сажерука, — перебила она Орфея. — Но если хочешь с ним проститься, делай это сейчас, потому что я уношу его с собой.

— Уносишь с собой? О чем ты говоришь? — Фарид загородил ей дорогу. — Орфей пришел, чтобы вернуть его!

— Убирайся с моих глаз! — огрызнулась Роксана. — Еще когда ты впервые появился на моем дворе, я поняла, что ты принесешь нам несчастье. Ты должен был погибнуть, а не он. Это правда и останется правдой.

Фарид отпрянул, словно Роксана ударила его. Он покорно уступил ей дорогу и встал в стороне, понутив голову. Роксана склонилась над Сажеруком.

Мегги не знала, чем его утешить, зато ее мать опустилась на колени рядом с Роксаной.

— Послушай! — тихо сказала она. — Сажерук вернул Фариду из страны мертвых, сделав правдой слова сказки. Слова, Роксана! Они

способны в этом мире на удивительные вещи, а Орфей — мастер с ними обращаться!

— Да, это так! — Орфей поспешно шагнул к Роксане. — Это я сделал для него дверь из слов, чтобы он мог вернуться к тебе. Он тебе не рассказывал?

Роксана взглянула на него недоверчиво, но уже поддаваясь чарам его голоса.

— Да, поверь, это был я! — продолжал Орфей. — И я напишу для него еще слова, которые вернут его из царства мертвых. Я найду слова, пьяняще-сладкие, как аромат лилии, слова, которые одурманят смерть и заставят ее разжать холодные пальцы, которыми она держит горячее сердце Сажерука!

Его лицо озарила улыбка восторга перед собственным грядущим величием.

Но Роксана покачала головой, словно желая стряхнуть чары его голоса, и задула свечи, окружавшие смертное ложе Сажерука.

— Теперь я понимаю, — сказала она, укрывая Сажерука плащом. — Ты чародей. Я только однажды пошла к чародею, когда умерла наша младшая дочь. К чародеям ходят те, кто совсем отчаялся, и они пользуются этим. Они кормятся несбыточными надеждами, как вороны — плотью мертвецов. Его обещания звучали так же чудесно, как твои. Он обещал мне то, чего мне так отчаянно хотелось. Все чародеи так делают. Они обещают вернуть то, что мы навсегда потеряли: ребенка, друга или мужа. — Она закрыла плащом неподвижное лицо Сажерука. — Я никогда больше не стану верить этим обещаниям. От них боль становится только хуже. Я возьму его с собой в Омбру и найду место, где никто его не побеспокоит — ни Змееглав, ни волки, ни даже феи. И он будет выглядеть, словно только что заснул, когда мои волосы давно уже поседеют, потому что Крапива научила меня сохранять тело нетронутым, даже когда душа давно уже отлетела.

— Но мне ты скажешь? — голос Фарида дрожал, словно он заранее знал ответ Роксаны. — Ты скажешь мне, где ты его спрятала?

— Нет, — ответила Роксана. — Только не тебе.

КУДА?

Великан откинулся в кресле.

— Парочка сказок у тебя еще есть в запасе, — сказал он. — Ты пахнешь ими, я чую.

Брайан Пэттен. Великан-сказочник

Фарид смотрел, как под покровом ночи укладывают на носилки раненых. Раненых и умерших. Шестеро разбойников стояли на страже между деревьями, прислушиваясь ко всякому подозрительному звуку. Отсюда видны были лишь вершины серебряных башен, мерцающие при свете звезд, и все же каждому казалось, что Змееглав наблюдает за их сборами. Чует оттуда, сверху, как они тихо крадутся под его скалой. Как знать, на что он теперь способен — Змееглав, обретший бессмертие и непобедимый, как сама смерть?

Но ночь оставалась недвижимой — недвижимой, как Сажерук, которого медведь Черного Принца повезет домой, в Омбру. Мегги тоже собиралась вернуться туда, на ту сторону Чащи, вместе с Волшебным Языком и своей матерью. Черный Принц рассказал им об одной деревне, слишком бедной и удаленной от проезжей дороги, чтобы интересовать какого-нибудь правителя. Там, на одном из крестьянских дворов, собирался Принц их поселить.

Пойти с ними?

Фарид видел, что Мегги смотрит на него. Она держалась рядом с матерью и другими женщинами. Волшебный Язык стоял среди разбойников, у пояса — меч, которым он убил Басту и не только его. Почти дюжина врагов пала тогда от его руки, так единодушно рассказывали Фариду разбойники. Невероятно. Когда они прятались вместе на холмах у

деревни Каприкорна, Волшебный Язык не в состоянии был убить даже птичку, не то что человека. С другой стороны, что его самого научило убивать? Ответить нетрудно — страх и ярость. Того и другого в этой истории хватало.

Роксана тоже стояла среди разбойников. Заметив взгляд Фарида, она тут же повернулась к нему спиной. Она отказывалась его замечать, словно он и не возвращался к живым, словно он был привидением, злым духом, сожравшим сердце ее мужа.

— Фарид, каково это — быть мертвым? — спросила его Мегги, но он не помнил.

А может быть, просто не хотел помнить.

Орфей стоял в двух шагах от него, зябко поеживаясь в своей тонкой рубашке. Принц приказал ему сменить светлый костюм на темную накидку и шерстяные штаны. Но даже в этой одежде он выглядел здесь, как кукушонок среди воробьев.

Фенолио глядел на него недоверчиво, как старый кот на молодого бродягу, прокравшегося в его владения.

— Он выглядит полным идиотом! — Фенолио сказал это Мегги таким громким шепотом, что слышали все. — Ты только посмотри на него. Молокосос, ничего не знающий о жизни, — что он может написать? Лучше всего было бы сразу отправить его обратно, но что толку? Этой треклятой истории все равно уже ничем не поможешь.

Возможно, он прав. Но почему же он не попытался сам вернуть Сажерука? Неужели ему не было дела до собственных созданий? Или он только двигает их, как фигуры на шахматной доске, и забавляется их страданиями?

Фарид в бессильном гневе сжал кулаки. «Я бы попытался! — думал он. — Я пытался бы сто, тысячу раз, всю оставшуюся жизнь». Но он не умел даже читать эти странные маленькие значки. Нескольким Сажерук его выучил, но их, конечно, не хватит, чтобы вернуть мертвого из страны молчания. Даже если Фарид напишет его имя огненными буквами на стене Дворца Ночи, лицо Сажерука останется таким же пугающе неподвижным.

Нет, только Орфей может попытаться. Но с тех пор, как Мегги вычитала его, он еще не написал ни слова. Он просто стоял, как дурак, или ходил взад-вперед под недоверчивыми взглядами разбойников. Волшебный Язык тоже смотрел на него недружелюбно. Он побледнел, увидев тут Орфея. На мгновение Фарид испугался, что он сейчас схватит Сырную Голову и изобьет до полусмерти, но Мегги поспешно взяла отца за руку и повела за собой. О чем они говорили, она Фариду не сказала. Конечно, ее

отец не мог одобрить, что она вычитала Орфея. И все же она это сделала. Ради него, Фарида. А что думал об этом Орфей? О, он ничего не желал знать, он по-прежнему делал вид, что оказался здесь благодаря собственному голосу, а не из-за Мегги. Самовлюбленный сукин сын!

— Фарид? Что ты решил?

Он очнулся от мрачных раздумий. Перед ним стояла Мегги.

— Ты ведь идешь с нами, правда? Реза сказала, что ты можешь жить у нас сколько захочешь, и Мо тоже не возражает.

Волшебный Язык все еще стоял среди разбойников, беседуя с Черным Принцем. Фарид видел, как Орфей наблюдает за ними. Потом Сырная Голова снова заходил взад-вперед, потирая лоб и бормоча что-то, словно разговаривая сам с собой. «Как ненормальный! — подумал Фарид. — Я возложил все надежды на сумасшедшего!»

— Подожди! — Он оставил Мегги и подбежал к Орфею. — Я решил. Я пойду с Мегги, — сказал он ему резко. — А ты оставайся где хочешь.

Сырная Голова поправил очки.

— О чем ты? Я, разумеется, пойду с вами. Я хочу увидеть Омбру, Непроходимую Чащу, замок Жирного Герцога. — Он взглянул на вершину холма. — Дворец Ночи я, конечно, тоже хотел посмотреть, но после всего, что здесь случилось, это, пожалуй, лучше отложить. В конце концов, я тут всего первый день... А ты уже видел Змеглава? Он правда такой страшный? Мне бы хотелось взглянуть на эти колонны в серебряной чешуе...

— Ты здесь не для того, чтобы смотреть! — Фарид задыхался от ярости.

О чем он думает своей сырной головой? Как он может стоять тут и пялиться по сторонам, словно на увеселительной прогулке, когда Сажерука вот-вот отнесут в какой-то мрачный склеп или что там еще задумала Роксана!

— Вот как? — Круглое лицо Орфея помрачнело. — Как ты смеешь говорить со мной таким тоном? Я делаю, что хочу. Ты думаешь, я пришел наконец туда, куда стремился всю жизнь, чтобы мной тут командовал какой-то сопляк? По-твоему, слова берутся просто так, из воздуха? Речь здесь идет о смерти, молокосос! Могут пройти месяцы, пока мне придет в голову то, что нужно. Идею не вызовешь, когда хочется, это тебе не огонь. А нам нужна гениальная, божественная идея. Это означает, — Орфей посмотрел на свои толстые пальцы, ногти на них были обгрызены до мяса, — что мне нужен слуга! Или ты хочешь, чтобы я тратил свое драгоценное время на стирку и стряпню?

Сукин сын. Пес.

— Ладно. Я буду твоим слугой. — Фариду трудно дались эти слова. — Если ты вернешь Сажерука.

— Отлично! — Орфей улыбнулся. — Тогда раздобудь мне для начала что-нибудь поесть. Нам, похоже, предстоит утомительно долгий путь.

Поесть. Фарид стиснул зубы, но послушался, конечно. Что ему оставалось? Он бы ногтями соскреб серебро с башен Дворца Ночи, если бы это могло вернуть Сажерука к жизни.

— Фарид, ну что, ты идешь с нами? — Мегги шагнула ему навстречу, когда он мчался мимо с хлебом и вяленным мясом для Орфея в карманах.

— Да! Да, мы идем с вами! — Он обвил руками ее шею, убедившись сначала, что Волшебный Язык стоит к ним спиной. С отцами никогда не знаешь. — Я спасу его, Мегги! — прошептал он ей на ухо. — Я верну Сажерука. У этой истории будет хороший конец. Клянусь!

notes

Примечания

Перевод К. Чуковского.

Перевод Р. Померанцевой.

Перевод В. Бабкова.

Перевод В. Голышева.

Перевод И. Токмаковой.

Перевод О. Варшавер и др.

Перевод В. Голышева.

Перевод Е. Чистяковой-Вер и А. Репиной.

Перевод Л. Бочаровой.

Перевод Ю. Тынянова.

Перевод И. Анненского.

Перевод Н. Галь и Р. Облонской.

Перевод И. Изотовой.

Перевод С. Маршака.

Перевод Л. Брауде.

Перевод М. Донского.

Перевод П. Карпа.

Перевод И. Оранского.

Перевод М. Михайлова.

Перевод Н. Демуровой.

Перевод Л. Гинзбурга.

Перевод И. Эренбурга.

Перевод М. и Н. Чуковских.

Перевод Б. Пастернака.

Перевод И. Оранского.

Перевод В. Вебера.